

ШУКУР АСКАРОВ

АРХИТЕКТУРА УЗБЕКИСТАНА И СТРАН СНГ

ШУКУР АСКАРОВ

АРХИТЕКТУРА УЗБЕКИСТАНА И СТРАН СНГ

Аxborot resurs markazi,

8/11

Издательство журнала «San'at»
ТАШКЕНТ-2012

УДК: 72 (575.1)
ББК 85.11(5Ў)
А 90

Аскарлов Шукур Джуравич. Архитектура Узбекистана и стран СНГ. – Ташкент, 2012, 220 стр. +228 таблиц иллюстраций.

Рекомендовано к изданию Советом кафедры «История и теория архитектуры» архитектурного факультета Ташкентского архитектурно-строительного института.

Архитектура Узбекистана исследована в развитии новой истории, то есть с XV века Возрождения по сей день. Новой истории соответствовала новая архитектура, которая, вслед за промышленной революцией в развитых странах XVIII-XIX веков, с конца XIX века проникала в Среднюю Азию. Монография вскрывает прогресс новой архитектуры Узбекистана в связях со странами ближнего и дальнего зарубежья.

УДК: 72 (575.1)
ББК 85.11(5Ў)

Рецензенты: Э.В.РТВЕЛАДЗЕ – академик АН Республики Узбекистан, доктор исторических наук, профессор.
М.К. АХМЕДОВ – доктор архитектуры, профессор.

<http://jicaalumni.uz/>

Данная монография подготовлена и опубликована при финансовой поддержке Ассоциации Выпускников JICA.

ISBN 978-9943-388-43-7

© Шукур Аскарлов
© Издательство журнала «San'at»

ОТ АВТОРА	3
XV-XIX: РОСТ ГОРОДОВ УЗБЕКИСТАНА	4
XIX- XX: ИЗМЕНЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ	10
1917-1933: ТРИ ЭТАПА К КОММУНЕ	22
УРБАНИЗМ И ДЕЗУРБАНИЗМ	36
НАЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА	53
АГИТПРОП И КОНСТРУКТИВИЗМ	62
1934-1954: ПО ГЕНПЛАНУ МОСКВЫ	75
ВОСТОК ПЛЮС КЛАССИКА	87
1955-1990: СОВРЕМЕННОЕ	97
РЕГИОНАЛЬНОЕ	107
МЕСТНОЕ	119
1991-2011: РОСТ ГОРОДОВ	126
СОХРАНЕНИЕ ГОРОДОВ	141
ТИПОЛОГИИ, АНСАМБЛИ, СТИЛИ	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ	186
ПРИМЕЧАНИЯ	195
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	214
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	215

На полях страниц текста даны ссылки на **288 ТАБЛИЦ ИЛЛЮСТРАЦИЙ**.

ARCHITECTURE OF UZBEKISTAN AND THE CIS COUNTRIES

CONTENTS

FOREWORD	3
XV-XIX: GROWTH OF UZBEKISTAN'S CITIES	4
XIX- XX: CHANGES IN RUSSIA'S CITIES	10
1917-1933: THREE STAGES TOWARDS THE COMMUNE	22
URBANISM AND DESURBANISM	36
NATIONAL ARCHITECTURE	53
AGITPROP AND CONSTRUCTIVISM	62
1934-1954: FOLLOWING MOSCOW'S MASTER PLAN	75
EAST PLUS CLASSICS	87
1955-1990: CONTEMPORARY	97
REGIONAL	107
LOCAL	119
1991-2011: GROWING CITIES	126
CITIES' CONSERVATION	141
TYOLOGIES, ENSEMBLES, STYLES	157
CONCLUSION: REGULARITIES OF MODERN ARCHITECTURE	186
NOTES	195
LIST OF ABBREVIATIONS	214
SOURCES OF ILLUSTRATIONS	215

The text's margins provide the references to the 288 TABLES OF ILLUSTRATIONS.

ОТ АВТОРА

Прогресс в архитектуре, как и в любой другой деятельности общества, обусловлен новейшими достижениями и синхронностью развития с миром. Поэтому историю архитектуры важно видеть в контексте мировой новой истории. Новая история (*modern history*) – это период с XV века Возрождения по сей день. Современная же история (*contemporary history*) – это часть новой истории, её нынешний фрагмент, её сегодняшнее состояние. В ходе новой истории благодаря промышленной революции рубежа XVIII-XIX веков развивалась новая архитектура, и её с конца XIX века Россия распространяла в Среднюю Азию. С 1960-х годов, однако, Россия стала переводить термин «новая архитектура» не так, как в развитом мире. А именно: не *modern* или *post-modern* (Ю.Йодике, К.Фрэмpton, Ч.Дженкс), а как современная, то есть сегодняшняя архитектура. Из-за этой ошибки архитектура освещалась у нас ограниченно как нынешнее явление, без необходимых связей с историей и с миром. Вот почему в новых условиях развития Узбекистану необходимо видение архитектуры в контексте новой истории: от XV века Возрождения вплоть до наших дней и в связях с миром. В этом историческом периоде новой архитектуры и в мировом контексте представлен материал данного исследования.

Новая архитектура Узбекистана является наследницей грандиозных градостроительных свершений эпохи Темура, сменившихся в XV-XIX веках умеренным поэтапным ростом городов. Россия принесла планы городов промышленной революции XVIII-XIX веков, изменив их, естественно, с учётом собственных геополитических устремлений. Начавшееся капиталистическое развитие было сметено социалистическим переворотом, и в Узбекистане 1917-1933 годов своеобразно проявился авангард градостроительства и архитектуры не только России, но и Западной Европы. Он был отвергнут в сталинские 1933-1954 годы, когда города планировались по образцу Москвы, а архитектура примеряла каноны античной классики. В 1955-1990 годы новая архитектура вернулась в освобождёвшийся от тоталитаризма мир, но встретила сильное сопротивление своему унифицирующему воздействию из-за стремления народов к региональной и местной самобытности. Обретение в 1991 году Узбекистаном независимости поставило на самостоятельные основы эволюцию здесь архитектуры и градостроительства. Интегрируясь с СНГ и миром, архитектура Узбекистана начала влиять, как и в исторические периоды своего подъёма, на архитектуру и градостроительство стран ближнего и дальнего зарубежья.

Работа базируется на текстах и иллюстрациях публикаций, на материалах столичных и областных архивов Узбекистана, республик Средней Азии, центральных архивов России и других зарубежных стран, с привлечением материалов проектных организаций, музеев, личных архивов архитекторов, натуральных обмеров построек. Положения ряда разделов являются результатами проектных разработок и научных исследований автора в Узбекистане, Индии, Италии, США, Японии и других странах. Названия стран, городов, организаций даны в соответствии с их наименованиями в каждый из освещаемых этапов.

XV-XIX: РОСТ ГОРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

После Средневековья и Возрождения новая - с 1450 года – история мира стала таковой и для Средней Азии: в ней империя Темура сменило узбекское государство Шейбанидов. До установления российской и советской империй оставалось четыре века. В этот межимперский период XV-XIX веков вместе с новой историей зачиналась и новая архитектура Средней Азии и Узбекистана. Европа открыла торговые пути через Атлантику, и мировые связи покинули Среднюю Азию на Великом шелковом пути. Процветавшие на торговле её города впали в застой и искали экономических и культурных связей с Россией и Индией.

Начало межимперского периода города Средней Азии встретили с уже воздействовавшими на них чертами градостроительства итальянского Возрождения.

1,2

Города Балх и Самарканд зримо выделались из типологии среднеазиатского градостроительства, поскольку были спланированы Темуроидами согласно идеальному городу древнеримского зодчего Витрувия и колыбели Возрождения Флоренции. Восьмигранный город Витрувия (вторая половина 1 в. до н.э.), возрождённый в Италии, заимствовали для Балха, вероятно, через монгольскую столицу Султанью - этот «магнит» для двора Темура и место контактов с итальянцами. Самарканд 1370 года, укрепленный *хисаром* («стеной» по-древнетюркски), Темур рассматривал как центр мира и именовал окрестные кишлаки Багдадом, Дамаском, Египтом, Мадридом, Султанией и Ширазом. А в 1404 году он рассёк Самарканд радиальными как в Балхе, улицами, - эти улицы функционируют и поныне. В ту эпоху вырастал новый тип города: за его средневековыми стенами появлялись центры с резервировавшимися для их развития землями. В Европе для защиты интересов нарождавшегося капитализма эти окраинные центры и их земли обносились третьей стеной, как было сделано во Флоренции 1284-1333 годов. Это было заимствовано столицей империи Темура, шедшей в ногу с градостроительством своего времени: двустенный город-*рабат* вырос до третьей стены, которая и олицетворяла тюркский город-крепость - *хисар*. Чтобы убедиться в этом, сравним стену Флоренции 1284-1333 года со стеной *хисар* Самарканда 1370-1372 годов. Флоренция и Самарканд имели равные территории внутри своих третьих стен. Во Флоренции третью стену возвели для защиты окраинных центров производства и загородных садов с огородами. Стена охватила почти 5 кв.км для грядущего роста Флоренции. *Хисар* Самарканда за счёт свободных территорий расширил город до 4 кв.км. Радиальные улицы рассекли средневековые лабиринты Флоренции и Самарканда. Во Флоренции сквозь ворота её второй стены, строившейся с 1173-1175 годов по середину XIII века, прошли улицы прямее, шире и длиннее, чем в её древнем центре. Так же поступил и Темур, пробив радиальные улицы сквозь лабиринты *рабата*. Центры двух столиц стали фокусами их роста. Третья стена Флоренции прошла в радиусе 1,3 км от Баптистерия. Стена *хисар* Самарканда расположена в таком же радиусе от Регистана. Обе столицы были поделены на равное число радиальных частей. Темур разделил *хисар* не на восемь,

как в Балхе, а на шесть частей – как во Флоренции. До 1343 года Флоренция была поделена на шесть районов (*сетьеру*), каждый с городскими воротами. В *хисаре* тоже шесть его частей выходили к шести воротам: Шайхзода, Аханин, Феруза, Сузангаран, Каризгох, Чорсу. Размеры Флоренции и Самарканда оставались, сквозь бедствия веков, постоянными до XIX века. Стена *хисар* стала моделью для стены Бухары XVI века, существовала в XIX веке и исчезла в начале XX века.

С расширением Амиром Темуром *рабата* Самарканда, на севере, востоке и юге территории *хисара*, в радиусе 700 метров от Регистана, концентрировались квартальные центры. Вслед за Самаркандом вырос и Герат Хусайна Байкары и Алишера Навои. Во второй половине XV века Герат уплотнился, и над его центральным перекрёстком возвели торговое купольное строение Чор Су. Жизнь выплеснулась за квадрат его стен на север, где вдоль канала Инджиль формировался пригород с девятью садами, дворцами, мечетями, медресе, *хонакох*, банями, больницами.

3

Росту Самарканда и Герата предшествовал рост с X века раннеисламских городов типа *рабат*. Стена *рабата* Бухары середины IX века стала первым укреплением с севера, на юге же *рабат* обнесли стеной во второй половине X века, и тогда же объединили северную и южную стены (1,2,3). От центрального перекрёстка *шахристана* Бухары в радиусе 700 метров к югу, то есть за стеной *рабата* X века, формировалась длинная улица оживлённых кварталов. В Ташкенте тоже в 700 метрах к северу от центрального базара и тоже за стеной *рабата* X века формировался культовый центр Хазрати Имом. То были времена экспансии тюркских городов и государств. И города, поэтому, вырастали. Тюрки мигрировали на запад, формируя там мощные пригороды, как на северо-востоке города Халеб (Алеппо), который обогнал Дамаск и стал в XIII веке первым городом Сирии (4). Халебский пригород процветал своими базарами тоже в радиусе 700 метров от центра города. Так, выставшие из раннеисламского *рабата* города XV-XIX веков формировались в пределах стандартного пешеходного параметра 700 м. Это хорошо видно и в городе Худжанд. Его цитадель возвели над берегом Сырдарьи в 1500 метрах от изгиба её русла на западе. А рос город на юг (вдоль караванных путей) и на восток (вверх по течению Сырдарьи), превысив 1500 метров. Махаллинские и гузарные центры Худжанда на западе расположены в 700 метрах от цитадели, а на юге и востоке всё более превышали это расстояние по причине роста города. Все эти центры, как и в других городах, объединены здесь концентрическими улицами (нынешними Нариманова на западе, Озоди на юге и Джуры Зокирова на востоке).

4

5

В XVI веке столица Шейбанидов Бухара возвела над своим геометрическим центром, по примеру Герата, торговый купол Токи Заргарон. Противоположные стороны улиц, площадей и скверов соединяли ансамблями *кош* (пара, парный) общественных зданий. Таковы мечеть Калон и медресе Мири Араб 1514-1536 годов, медресе Абдуллахана и Модарихан 1556-1590 годов, два медресе и *хонакох* по

сторонам Лаби Ховуза 1568-1622 годов, ансамбль площади Гаукушон с 1570 года. В Самарканде же - это ансамбль площади Регистан 1417-1660 годов. О Самарканде начала XVI века Захириддин Мухаммад Бабур писал: «У каждого промысла свой отдельный базар и они не смешиваются друг с другом». В базарах Бухары тоже «у каждого ремесла своё место и свой рынок», писал в 1558 году английский коммерсант и дипломат Энтони Дженкинсон. Бухара – как прежде Балх и Самарканд - имела внутренний-*дарун* и внешний-*бѳрун*: бухарский Чор Су, то есть Токи Заргарон, находился в *даруни шахр*, а улица Саррофон в *бируни шахр*, - отмечал Бадриддин Кашмири (6). Э.Дженкинсон нашёл Бухару «окружённой высокой земляной стеной с различными воротами и разделённой на три части: две из них принадлежат королю, а третья отведена купцам и рынкам». Очевидно, что первые две части - это Арк с *шахристаном*, расширенным до западной стены 1540-1598 годов. Третья же часть – это кварталы южнее *шахристана*. Этим Э.Дженкинсон подметил усложнение города в связи с его классовым делением. *Шахристан* остался ядром Бухары, что и было заявлено возведением Токи Заргарон, и от него город значительно вырос на запад до 2000 метров и на юг.

6

А концентрическая улица в радиусе 700 метров к югу от Токи Заргарон стала планировочной осью кварталов в третьей, по Э.Дженкинсону, части города, «отведённой купцам и рынкам». Её западный квартал Гозиён слился как центр мусульманского образования. Средний квартал Турки Джанди с древними святынями кладбища принадлежал ремесленникам и торговцам. В восточном же квартале Эшони Пир обращённых в мусульманство евреев-*чала* жили и трудились красильщики и кожевники. Эту протяжённую улицу, из-за её внутриквартального характера, зачастую не показывают на планах города. Между тем вдоль неё размещались 10 мечетей, 7 медресе, *хонакох*, синагога, баня-*хаммом*, *сардоба*, 2 кладбища, и цех с печами по обжигу ганча. И сегодня на ней функционируют 5 общегородских учреждений, 4 торговых и 2 культурных, а также гостиница. Жилые дома средней части улицы, как показали обследования 2010 года, не представляют интереса, тогда как на западе сохранились заслуживающие сохранения жилые дома, а наиболее ценные сосредоточены на её востоке: близ Лаби Ховуза и направления роста города на восток.

7

Последовав темуридскому Герату, за внешним *рабатом* Ташкента XVI века распланировали «Сад Кейкавус» с планировочной осью, как и в Бухаре, по концентрическим улицам. И на безлюдных пустырях культового центра Хазрати Имом, вдоль берегов арыка Калковуз, возникло «место трона великих султанов» и летних резиденций правителей Ташкента, где зашумели, как и в пригородных садах Герата, учёные межлисы с литературными диспутами, пирами и увеселениями. Для этого из Герата ко двору правившего Ташкентским уделом дяди шейбани Хана Сулейман-дэ Ханя, - прибыл поэт Зайниддин Васифи. Мавзолее умершего в 1525 году хана возвели в 1528-9 годах и изразцовую надпись от поэта установили на нём в 1531-2 годах (7, 8).

Пригородные центры духовности обновлялись, заимствуя модель архитектуры итальянского Возрождения. В XV веке Антонио Аверлино ди Пьетро (Филарете) создал план, на котором впоследствии Леонардо да Винчи нарисовал центричный храм. Он и стал моделью, символизировавшей важную для эпохи идею единства государства и религии. В Ташкенте по этому плану в 1480-90 годах построили мавзолей правителя города Юнус Хана, в XVI веке - мавзолей Суюнидж Хана (вошедший в медресе Барак Хана, кульминацию комплекса Хазрати Имом), и также - мавзолеи Зайниддина Бобо и Каффалья Шоши. В 1547 году в Москве по плану Филарете итальянские архитекторы построили церковь Иоанна Предтечи. В донесении плана Филарете и в Среднюю Азию и в Россию посредничала Турция: через Стамбул план достиг Москвы (8), а до этого - и строителей мавзолея Юнус Хана: ведь и его внуку, Захириддину Мухаммаду Бабуру, артиллерия из Турции обеспечила победу в решающей битве в Индии. А в 1558-9 годах искавшему сближения с Россией бухарскому Абдуллахану II возвели, опять по итальянскому плану, мавзолей-хонакх его духовного наставника Косим Шайха.

8

Таким образом, итальянские связи проявились в XIV-XV веках в восьмигранной планировке Балха Амиром Темуром (с 1370 года) и его сыном Шахрухом (в 1447 году), в планировке Самарканда по плану Флоренции Амиром Темуром (в 1370-1404 годы) (10), а в XVI веке эти связи продолжились видными личностями истории Узбекистана для совершенствования архитектуры центров духовности.

По темуридским садам Герата родившийся в этом городе в 1571 году правитель Сефевидов Шах Аббас создал садовую эспланаду Шахар Баг своей столицы Исфахана XVI-XVII веков. Исфахан на протяжении веков формировался дистанцией 1500 метров. Начало городу положило в V-VI века еврейское поселение Яхудия, в 1500 метрах южнее которого возникло укрепленное поселение-кёшк местных дехкан Кале Табарак. В центре Яхудия образовалась площадь Мейдани Кадим, и от неё на 1500 метров разросся город. В 1612-1638 годы на его юго-западе Шах Аббас возвёл площадь Мейдани Шах, и западнее – Шахар Баг. Одновременно, на северо-запад, в радиусе 1500 метров, разрослась иррегулярная застройка. С востока и с запада от Шахар Баг – тоже на 1500 метров – пролегла дорога в Шираз, и образовался регулярно спланированный район.

9

Так, в XV-XVII веках вырастал из *шахристана*, двустенного *рабата*, и с учётом идеалов итальянского Возрождения, новый тип города. За его стенами возникли новые центры с резервированными для их развития землями. В результате влияния темуридских традиций Герата и проникновения дипломатии и культуры Италии и России застройку городов соединяли торговые купольные сооружения над перекрёстками и ансамбли *кош*; центры политики, религии и культуры перемещались в крупные пригороды с новаторскими типами зданий; и наконец, назрела следующая модель вырастания пригородов. В пределах пешеходного радиуса 1500 метров внутриквартальные улицы трассировались параллельно городским радиальным

направлениям, как это имело место на северо-востоке, востоке и юге плана Самарканда Амира Темура: на радиальной Пенджикентской улице мечети Ёмини XV века и Мирзо Пулуд XIX века обращены в тихие внутриквартальные улицы.

10

Концентрические же улицы с центрами кварталов трассировались в радиусе 700 метров от городских центров. В радиусе 700 метров располагались: половина общественных зданий Исфахана XV века, большинство базаров Халеба и квартальных центров Самарканда, а также концентрические квартальные улочки Ташкента такие, как нынешние: тупик 9 Заркайнар, Олча, Харакат. В этих 700 метрах сохранился истинно местный внутригородской быт. Бухарская улица в радиусе 700 метров к югу от торгового купола Токи Заргарон - тоже внутриквартальная и трассирована параллельно главной городской улице, став фактически её дублем. Так кварталы обособлялись от разраставшегося и становящегося шумным города. Кварталы же пригородов становились центрами духовно обновлявшейся жизни.

Рост городов XV-XVII веков наиболее чётко завершился в Хиве XVIII-XIX веков. Умиравшая торговля, междоусобные войны и расшатанная власть побудили столицу Хорезма обратиться в первой половине XVIII века к России за поддержкой. План 1740 года российского топографа Назимова зафиксировал прямоугольник *шахристана* Ичан Калы с её центральной дорогой от ворот на востоке к цитадели на западе. После вторжения в этом же году иранского Нодир Шаха Самарканд обезлюдел, два квартала выжили в Бухаре и 40 семейств - в Хиве. С образованием с 1763 года Бухарского, Кокандского и Хивинского ханств торговля с Россией укрепила Хорезм, развив и градостроительство Хивы. На плане Базинера 1842 года мы видим

11

шахристан Ичан Калы уже выросшим на север и юг, а разросшиеся на восток, север и особенно запад пригороды и сады *рабата* Дишан Кала - обнесёнными стеной с десятью воротами. То есть русские фиксировали попеременные широтные и меридиональные направления роста Хивы. Вот почему в этом процессе Ичан Кала не копировала прямоугольные «индо-иранские» города, как полагают зарубежные исследователи (11), Ичан Кала сформировалась в результате процесса постепенного, как мы видели, роста, характерного для городов Узбекистана XV-XIX веков. Дишан Кала выросла от центра на запад по примеру Бухары на 2500 метров.

Расширившись двумя этапами на запад, Бухара потом, вплоть до XIX века колонизации Россией, росла на восток, отсюда предприимчивые бухарцы отправлялись в Россию и Индию. Бухарцы сформировали влиятельную религиозную и политическую фракцию во дворах Темуридов Индии и с превращением индийского Хайдарабада в оплот бухарских суннитов архитектура этого города отозвалась в Бухаре. На оживлённом востоке Бухары, по подобию величественного Чор Минора Хайдарабада (1592 г.), был построен миниатюрный Чор Минор (1807 г.) в качестве ворот в медресе купца Халифа Ниязула, курсировавшего, вместе со многими, между Бухарой и Индией, принося товары, знания и новые модели архитектуры. Оживлённый рост Бухары – всё туда же на восток усилился с прокладкой русскими

железной дороги. Вдоль канала Шахруд, от мечети Кукалахурд (XVI в.) в восточном направлении, возник целый ряд чарующих своей миниатюрностью строений: медресе Домулло Хасан (XIX в.), мечеть Ойбинок (XVIII-XIX в.), медресе Иброхим Охунд (XIX в.), медресе Истега (XIX в.), медресе Саид Камол Бий (XIX в.), медресе Аттор (XIX в.). Вплоть до XIX века в Бухаре градостроительного плана не было, но пешеходность разраставшегося города контролировалась отцами города: широтным диаметром между городскими стенами (12).

В Ташкенте конца XVI века стену внешнего *рабата* перенесли на север за арык Калковуз. Ташкент вырос также и на восток: за канал Анхор была перенесена к 1800 году городская стена. Здесь в 1810 году кокандские правители города построили крепость Урду, и в 1850-е годы они реконструировали комплекс Хазрати Имом (13).

В росте городов в эти межимперские XV-XIX века проявились закономерности сохранения пешеходных параметров. С древнейших времён города Евразийского коридора формировались в пределах пешеходных параметров, в которых проявилась саморегуляция – неписаные правила 10-15-минутной временной нормы движения пешком и, как подтвердится в XX веке, на транспорте тоже (14). Пешком – это 1200-1500 метров. В 10-15-минутной норме ходьбы и езды исследователь транспортных систем Дж.Мани (США) видел свойственное биологии человека самоограничение, существовавшее всегда по мере перехода людей от пеших к обновлявшимся видам передвижений (15).

Временная норма пешеходного движения особо важна для наших городов в условиях сухого жаркого климата. Пространства мусульманских городов Азии формировались как защита от природы, в противопоставлении экстремальному климату, в соприкосновении зданий, и изолированное здесь значило ущербное. Пространства же христианских городов Европы формировались как раскрытие к природе, она просматривалась между зданиями (понятие *прозор* на Руси произошло от законодательства Византии о виде, открывающемся из здания), и изолированное здесь значило также пожаробезопасное. Плотность и разъединённость застройки в этих двух климатах и культурах определила и разницу в радиусах их исторических городов, расположенных вдоль Великого шёлкового пути. Этот фактор был превыше остальных в формировании городов. Так, тюркский этнос, перемещаясь с XI века из Средней Азии в Малую Азию, приспособлялся к тамошнему влажному климату и перешёл от непрерывной морфологии среднеазиатского города к прерывной из изолированных зданий. Поэтому здания Стамбула на оттоманской миниатюре XVIII века и на фотографии Х.Проста 1940 года демонстрируют этот второй тип морфологии, который турки приняли в тех краях с новым для них климатом.

Обращение к планировочным закономерностям пешеходных параметров стало в XX-XXI веках характерным для нового градостроительства – автомобилизированного и теряющего масштабы человеческих пространств. Поэтому и поныне таким сильным остаётся стремление понять и применять эту первопричину своеобразия исторических городов.

ХІХ-ХХ: ИЗМЕНЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

14 Новые, как их принято называть, города Туркестанского края рубежа ХІХ-ХХ веков стали существенным изменением в эволюции российских городов. Российские зодчие приспособляли европейские градостроительные модели и архитектурные образцы применительно к условиям края. Первые города имели шахматный, а затем и распро-

странившийся в мировом градостроительстве с ХІХ века радиально-кольцевой план. Первый тип плана являлся со времён античности военным, но в Туркестанском крае таким стал и второй тип плана. Русский город планировался поначалу внутри крепостных стен, затем раскрепостился и стал расти. В Ташкенте он вырос, согласно градостроительной закономерности, до выясненного нами по предыдущему разделу пешеходного радиуса 1500 м. Застраивались же они в тогдашних архитектурных стилях, архаичных и новаторских. Русские искали решения зданий, могущих облегчить жизнь в местном климате, и их находки были затем использованы при становлении здесь социалистической архитектуры.

Многогранные города-крепости, с шахматными улицами или радиальными, были приспособлены французским инженером Себастьяном Вобаном для грозного оружия ХVI века – артиллерии. Трактат С.Вобана «Истинный способ укрепления городов» Петр I издал в России, а в 1717 году соотечественника

15 С.Вобана пригласили проектировать Петербург, и Ж.-Б.Леблон спланировал новую столицу в овале стен и по древнерусской градостроительной традиции: на мысу между реками Большая и Малая Нева (1). Крепостной овал происходил от плана древнего Рима радиусом 2588 метров, где от ворот в город вели улицы-лучи, согласно Плинию Старшему (73 год нашей эры) (2). Эти улицы-лучи Рима во второй половине ХVII века «Король-Солнце» Людовик ХІV направил от своего Версальского дворца в прилегающий парк и к Парижу. Эту-то свободу лучевой планировки, а не ограничивающий овал плана Ж.-Б.Леблона и предпочли русские, душе которых простор роднее пространства. И в 1737 году архитектор П.Еропкин спланировал Петербург как Версаль: с расходящимися от Петропавловской крепости тремя лучами-проспектами. Их направили к Москве в качестве каркаса для роста «московской стороны» Петербурга. Пример Петербурга повторили в Воронеже, Твери, Ярославле и других городах 1763-1778 годов: их трёхлучие расходится от гражданского центра в сторону крепости. Однако Россия, «прираставшая Сибирью», стала строить на её просторах города уже под защитой крепости, и потому именно от неё разошлись улицы Омска, Тюмени, и других городов: для контроля и, при необходимости, обстрела. Крепости с улицами-лучами и были привнесены затем в Туркестанский край.

Сонную тишину колониального Ташкента нарушали редкие повозки, но в Европе и Америке транспорт уже распирал города, побуждая искать новые для них планировки. В целях предотвращения планировочного взрыва Лондона, в 1898 году

английский экономист Эбенецер Говард изложил «Мирный путь к реальной реформе» в своей так и названной книге. Переполненным столицам Говард предложил строить города-сады на окраинных железнодорожных и автомобильных направлениях. Города-сады он рисовал круглыми или 6-8-гранными. Впоследствии из 8-гранников спланировали столицу Австралии Канберру (1908 г., Э.Гриффин), а из 6-гранников – центр столицы Индии Новый Дели (1913 г., Э.Лаченс) и автомобильную столицу США город Детройт. 6-8-гранники имели тот же пешеходный радиус до 1500 метров с остановками транспорта в центрах или на периферии. Похожими на эти многогранники улицами-лучами с 1853 года был реконструирован Париж его градоначальником Ж.Османом. Водители транспорта, однако, запутались на многолучевых перекрестках как в мышеловке (3). Поэтому от экспериментов с многогранниками вернулись к античной шахматной планировке. Её преимущество в США объяснили так: «Осмыслить пересечение более двух путей трудно, только простая система улиц даёт понятный образ города» (4). Лучи концентрируют пешехода относительно определённого места, тогда как решётка высвобождает транспорт города.

Со взятием Россией Ташкента в 1865 году возвышенность на берегу канала Анхор стала крепостью, и её вал с тремя воротами и казармами внутри завершили уже к концу года. На генеральном плане, исполненном штабс-капитаном Писаревским, надписано: «Подвести улицы русского города под выстрелы цитадели». Для этого от южного бастиона крепости были распланированы радиальные улицы кварталов русского города, тоже обнесённого стенами с шестью бастионами (5). Контроль и нового русского города, и соседнего с ним местного города был политическим приоритетом, и градостроительство служило этому. Вместо нового русского города южнее крепости, к её северо-востоку, стало расти, по плану М.Н.Колесникова, поселение шахматной планировки, как на казахско-киргизском севере Средней Азии. Пять лет понадобилось российским властям для осознания первостепенности Ташкента, и в 1870 году гражданский инженер А.В.Макаров торжественно спланировал город как центр Туркестанского края Российской империи в виде обращённой на восток половины радиально-секторного 12-гранника. Так, в XVIII-XIX веках, когда Хива попеременно вырастала внутри своих городских стен, в Петербурге Ж.-Б.Леблон 1717 года и в Ташкенте штабс-капитана Писаревского 1865 года замкнутый в крепостных стенах город был отвергнут, и он стал вырастать, воспроизводя модель города-сада.

16

Сравнение русского города Акмолинска (спроектирован в 1862-1866 гг., ныне казахстанская столица Астана) с Ташкентом показывает общее и особенное в планах новых городов Туркестанского края. Как и в Акмолинске, в Ташкенте русская крепость тыльной стороной обращена к реке, а бастионами – в сторону защищаемого русского города. В Ташкенте не приняли замкнутый в крепостных стенах город, и сначала повторили шахматную планировку казахстанского города. Осознав затем

17

необходимость контроля русского города, его спланировали опять радиально-кольцевым, но уже без крепостных стен и намного большим. Выводы из планировки русского города Ташкента были учтены в Самарканде, где цитадель Темура стала крепостью посреди двух городов - темуровского и нового русского.

Замышлявшиеся для обстрела, крепости и улицы новых городов быстро утратили военную цель, уступая место гражданским приоритетам. Улицы в старый город становилась хозяйственной артерией: по ней поставлялось сырьё к строившейся железной дороге в метрополию. К скверу в центре радиально-кольцевого плана добавились три площади: военная, торговая, церковная. Церковью в 1897 году отметили и границу города. Церковь Сергия Радонежского (1897 г., Н.Латышев, Шапошников, Л.Киселёв) на самой высокой отметке ташкентского Лагерного проспекта (позже улица Пушкинская, ныне Мустакиллик) построили в 1500 метрах от центрального Кауфманского сквера. Она стала ориентиром в лучевых улицах нового города. Строительством церкви (снесена в 1934 г.) завершилась эволюция заимствованного из Европы радиально-кольцевого плана города в пределах пешеходного радиуса 1500 м.

18

Европа и Россия той эпохи воспринимали Восток через культуры арабской Испании и Византии, что и выразилось в причудливом так называемом мавританском стиле архитектуры. Он вдохновлял зодчих колониального периода, поскольку при очевидном упадке российской архитектуры рубежа XIX XX веков позволял оживить её экзотикой Востока. В Туркестане колониальная администрация и местная знать обогащали этот стиль местными мотивами. В кинотеатр Хива (1910 г., Г.М.Сваричевский) входили с перекрестка Соборного и Романовского проспектов нового Ташкента, П-образное, вокруг зрительного зала, фойе украшали картины диковинных тропических пейзажей. Зрительный же зал украшали картины В.В.Верещагина о хивинском походе русских войск; занавес изображал парад победителей на главной хивинской площади, а карниз - штыки и казацкие шашки. Вход в кинотеатр напоминал хивинские ворота Пахлаван Дарваза, а зубчатые завершения стен – тамошний ханский дворец Таш Хаули.

19

Вместе с мишурой мавританского стиля Европа и Россия учились у современной им Испании новаторской трактовке конструкций готического стиля. Так, в 1888-1890 годы выдающийся архитектор Барселоны Антонио Гауди построил Колледж сестёр Святой Терезы с параболическими арками, новаторскими для готического стиля здания. Точный профиль арки А.Гауди определял, подвесив между точками опоры цепь, параболическую линию которой он затем поднимал симметрично вверх. Два десятилетия спустя, в 1912 году, в новом городе Ташкента Г.М.Сваричевский построил схожее по стилю здание Второй женской гимназии. Прямоугольник здания с выступающим из фасада вертикальным корпусом главного входа и балконом над ним, параболические арки проёмов, - всё исполнено по

20

А.Гауди. То есть, новый Ташкент застраивался зданиями, типологически, конструктивно и стилистически не уступавшими тогдашней Европе. В 2003 году здание гимназии реставрировано для Ташкентского международного Вестминстерского университета.

Новый город в градостроительном и архитектурном отношении занимал всё более активную позицию по отношению к старому. Вслед за организуемыми в нём ярмарками местные торговцы, в силу необходимости связей с русскими купцами и промышленниками, принимали их у себя, и для этого заказывали отделку своих строений русским столярам и малярам. Узбекские же строители, работая в русских частях городов под руководством тамошних инженеров и архитекторов, осваивали новые строительно-технические приёмы. Мастера резьбы по ганчу, керамике или орнаментальной живописи, оформляя здания русских зодчих, приобретали новые художественные приёмы, которые затем применяли в своих постройках. При этом народные мастера теряли свою прежнюю роль строителя-универсала, превращаясь в отделочников, поскольку их сменяли получившие современное образование гражданские и военные инженеры, работавшие при колониальных учреждениях и строительных управлениях. Градостроительство и архитектура отныне определялись новыми специалистами европейского образования.

Гражданское и военное строительство в Туркестанском крае поначалу велось Военно-инженерным управлением при штабе войск, а с 1871 года - Строительно-дорожной комиссией с военным инженером и архитектором И.А.Лехановым. С 1877 года строительство вели отделения областных управлений под контролем Строительного комитета при Канцелярии генерал-губернатора края. Комитет затем заменили чиновником по особым поручениям, и с 1887 года им стал гражданский инженер В.С.Гейнцельман, которого в 1908 году сменил гражданский инженер Г.М.Сваричевский. Множившиеся кирпичные заводы обеспечили возведение конструктивно строгих и сейсмостойких, со сдержанным декором, зданий в так называемом кирпичном стиле. С 1905 года применялся железобетон, и В.С.Гейнцельман отметил его надёжность в случае землетрясений (6).

По последствиям разрушительного землетрясения 1902 года в Андижане Комиссия Туркестанского отделения Технического общества выработала правила постройки «массивных казённых зданий в Андижане и проект постройки зданий в землетрясительных районах». Главное внимание правила уделили доброкачественности, прочности и соблюдению определённых пропорций и размеров частей зданий. Они рекомендовали придавать плану компактную и, по возможности, квадратную форму, усиливая перекрытия металлическими и железобетонными конструкциями. Такие поиски рационального строительства были близки проникавшему в край стилю модерн с его стремлением к органичности функции, конструкции и формы. В проекте Торгово-промышленного музея в Ташкенте (1915 г.) Г.М.Сваричевский пошёл дальше этих рекомендаций и применил не квадратный, а наиболее оптимальный для сейсмических районов круглый план. Семь этажей куполообразного музея раскрыты большими оконными проёмами благодаря мощным

железобетонным ребрам и металлическим переплётам. Торгово-промышленный музей явил новую концепцию архитектуры, вызванной возможностями наступившей эпохи и могущей быть реализованной уже в ближайшем будущем. Поэтому к проекту 1915 года Г.М. Сваричевский возвратился в условиях становления социалистической архитектуры в проекте Музея искусств (1920 г.) и далее в жилых домах для рабочих «Скорострой» (1925 г.) и «Полушарие» (начало 1930-х гг.).

В новых городах выработались и принципы установки памятников царизму, православию, процессу завоевания и памяти павших. Сначала возникли небольшие часовни и памятные сооружения, ставшие затем частью композиционного порядка улиц, перекрёстков, площадей или парков городов, и уже потом были созданы крупные монументы, идейно наполнившие городские центры.

Ташкент привлекал царские власти и русское купечество со времён Ивана Грозного, а с первой половины XVIII века сюда устремлялись политические, торговые и научные миссии. В свою очередь дипломатические посланники ташкентских правителей посещали Россию. С 1865 года 100-тысячный Ташкент стал главным городом Туркестанского края. В 1908 году старый город насчитывал 141047, новый - 50413, всего 191460 человек. В 1912 году в городе проживало 253281 человек. Городскими архитекторами Ташкента были А.В.Макаров, Н.Ф.Ульянов, Е.П.Дубровин, Г.М.Сваричевский, Г.П.Эппель, К.М.Тильтин, И.А.Маркевич. Озеленением, поныне поражающим приезжих, новый Ташкент обязан ирригатору Н.Ф.Ульянову, Самарканд – А.Н.Чернявскому, Новый Маргилан – И.Р.Саковичу и Синклеру (7).

Часовня у ворот Камолон старого Ташкента возведена по проекту инженера Н.Ф.Ульянова в память павшим при штурме города в 1865 году. Об этом сообщали надписи на каменных плитах при входе и на металлической плите внутри часовни. Кубообразное помещение часовни обрамлено по сторонам мощными арками на приземистых колоннах и увенчано двумя, один над другим, шатрами с разделяющим их поясом арок на колоннах, - композиция напоминает Сенатскую башню Московского Кремля.

Территория нового Ташкента с крепостью, широкими эспланадами и большими участками военных казарм и складов первоначально не превышала 242 га. На углу Самаркандской и Махрамской улиц (ныне это место Выставочного зала Союза художников Узбекистана) располагался принадлежавший генералу М.Г.Черняеву домик, и здесь на небольшом прямоугольном пьедестале был установлен бюст генерала. После заселения этой части города в 1870 году военный инженер А.В.Макаров разработал его план между арыками Чаули и Салар, и эта часть города застраивалась с 1875 года. В 1909 году город перерос план 1870 года кривыми и узкими переулками бедноты из соседних стран и России.

Воскресенский рынок (ныне Театральная площадь) был центральным, и затенённые галереи торговых сооружений по его периметру повторяли гостиные дворы российских городов. Поныне между театром имени А.Навои и Центральным универсальным магазином сохранился пассаж братьев Яшевых, компактное двухэтажное здание торговых и служебных помещений вокруг внутреннего двора. На

западе города при Белом доме (1866 г.) были Соборная площадь и резиденция генерал-губернатора Туркестанского края. Дом в 1877 и 1883-1884 годах перестраивался, предположительно архитектором А.Л.Бенуа. На Соборной площади высились романо-византийского стиля Спасо-Преображенский собор и колокольня (1888 г., А.И.Резанов, И.М.Погосский, В.С.Гейнцельман). К востоку от Соборной площади, через квартал, на небольшой площади была построенная в 1868 году из сырцового кирпича самая старая в Ташкенте церковь Св. Иосифа и Георгия. В 1877 году к ней пристроили боковые террасы, а к отдельно стоявшей колокольне - крытый переход. Вторым, после Спасо-Преображенского собора, крупным зданием города стал особняк опального князя Николая Константиновича (1889-1890 г., проект А.Л.Бенуа, строительство В.С.Гейнцельмана) построенное в саду подобие европейского охотничьего дома. Соборный (ныне Сайилгох) и Московский (ныне Амира Темура) проспекты были главными в городе и пересекались на центральной Константиновской площади (ныне сквер Амира Темура). На площади по обеим сторонам Соборного проспекта построены здания мужской и женской гимназий (1878-1883 гг., инженер Янчевский, ныне Юридический институт). В центре площади-сквера (проект Н.Ф.Ульянова 1883 года) в 1913 году установлен самый крупный в Туркестанском крае памятник генералу К.П. фон Кауфману и его войскам (проект военного инженера Н.Г.Шлейфера, строительство Г.М.Сваричевского). На высоком бетонном пьедестале, стилизованном под полуразрушенную башню старых оборонительных сооружений, стояли три бронзовые фигуры - самого генерала с саблей в руке и в позе победителя, воздвигавшего знамя солдата и игравшего отбой трубача. Скульптура внизу изображала терзавшего змею орла. Памятник демонстрировал милитаристскую сущность царской завоевательной политики. Через дорогу, на пересечении аллеи Городского сада (ныне сад Хохимията), стоял памятник Русскому солдату (скульптор М.Ф.Микешин). Над кубом его стилобата высилась руина некоей башни, и скульптура на ней изображала устанавливавшего знамя солдата, по сторонам же стилобата были названия туркестанских городов и даты их взятия русскими войсками.

Московский проспект граничил со старым городом и, через Константиновскую площадь, на его юге возвели крупное двухэтажное с Н-образным планом здание Реального училища (1898 г., проект Максимова, строительство В.С.Гейнцельмана, ныне Министерство внешнеэкономических связей). Неподалеку была территория ярмарки со зданием Биржи (1873 г., архитектор А.И.Леханов), приспособленным в 1877 году под театр, а в 1915 году перестроенным в Народный дом (И.А.Маркевич). На углу радиального Лагерного проспекта (ныне Мустакиллик) и кольцевого Хивинского (ныне Шахрисабзский) поднялся двухэтажный аптекарский магазин фирмы «Филипп Каплан и сыновья» (1906 г., Г.М.Сваричевский). На самом же севере Лагерного проспекта в 1873-1901 годы при участии В.С.Гейнцельмана построили Обсерваторию. А на противоположном конце города, к началу сообщений по Среднеазиатской дороге, построили железнодорожный вокзал (1899 г., Г.М.Сваричевский).

Жилые дома нового Ташкента были сырцовые и одноэтажные, редко - двухэтажные. Даже состоятельные горожане довольствовались простыми конструкциями и фасадами небольших размеров. Одноэтажные дома в 4-5 комнат имели обращённые на улицу гостиные и столовые, парадный вход которых вёл далее в спальни, обращённые через террасы во двор. Сады во дворах были впоследствии застроены хозяйственными постройками. Беднота обитала в комнатках доходных домов галерейного типа. Распространились и дома на две-три квартиры по сторонам арочного проезда во двор. Городские правила обязывали благоустроить тротуары арыками и деревьями, обнести участки забором и завершить строительство в 2-3 года. Водопровода не было, пользовались арыками и колодцами, привозная же вода из артезианских ключей была дорогой.

К концу XIX века диаметр нового Ташкента вырос с 4 до 10 км. В 1901 году проложили бельгийскую конно-железную дорогу, в 1906 году - железную дорогу до Оренбурга, затем появились первые автомобили, и в 1913 году бельгийцы на базе конки проложили узкоколейный трамвай (8).

В 1912 году настоятель римско-католической общины Туркестана Юстинас Пранайтис нашёл зодчего для возведения 2300 католикам Ташкента храма на его окраине. С первой мировой войны в городе были десятки тысяч военнопленных католиков немцев, австрийцев, поляков, построивших новыми тогда шлакобетонными блоками базилику в стиле европейской готики. К 1917 году храм со статуями апостолов у входа завершили, и оставалась отделка интерьеров. После же, здание стало общежитием и складом расположенного поблизости медицинского института. С 1980 года его передали консерватории, зал приспособили для органной музыки, а через год кафедра истории и теории архитектуры Ташкентского политехнического института выполнила проект реконструкции. В конце XX века под руководством архитектора С.Адамова кладку стен завершили в романском стиле, скатную кровлю увенчали двумя башнями со шпилями, решив установить над карнизом четырёхметровую статую Христа. С настоятелем Кшиштофом Кукулкой, службы возобновились на польском, русском, английском языках. В марте 1995 года установили отлитый в Каменск-Уральском колокол - дар римско-католическому приходу Ташкента от Жана-Поля Вазиана - посла Франции в Республике Узбекистан. На пожертвования римско-католических общин Польши, США и прихожан установили орган (9).

Самарканд - после бухарских правителей в XVI веке, возрождения с середины XVII века, смут и запустения второй половины XVIII века - пополнился к середине XIX века 25-тысячным населением. В 1868 году на Чупанатинских подступах русские войска перешли вброд Зеравшан, встретились с ополчением *амира* Музаффера и без боя взяли город. В честь этого на склоне холма установили видную издалика пирамиду памятника. Мраморные плиты по сторонам пирамиды сообщали о принимавших участие в походе воинских частях и военачальниках. Другой памятник установили у полуразрушенных ворот в самаркандскую цитадель: здесь двинувшиеся в сторону Бухары русские войска оставили небольшой гарнизон, который встретил

восставших жителей города и воинов шахрисабзского бѣка. Памятник павшим в этом столкновении русским солдатам представлял собой белый и вытянутый вверх храмик с угловыми колонками и с фронтонами в четыре стороны. Квадратную площадку, в центре которой его поставили, огородили чугунной цепью между каменными базами от старых деревянных колонн, возможно, из построек цитадели. Позже на площади перед самаркандским вокзалом воздвигли памятник генералу Анненкову, руководившему работами по строительству железной дороги из Красноводска в Самарканд. С 1895 года дорогу довели до Андижана с веткой на Ташкент, и движение до Ташкента состоялось в 1899 году, а в 1906 году – и до Оренбурга. Строительство дороги в трудных природно-климатических условиях Средней Азии было достижением тогдашней науки и техники, и потому организатор этих работ был увековечен. Памятник по проекту А.Обера воздвигли из скалы светло-охристого цвета со стрельчатой нишей внизу. Завершена скала бронзовым бюстом генерала и скульптурой орла.

21

В 1870 году Туркестанский генерал-губернатор Кауфман утвердил план нового Самарканда, территорию которого застроили уже к 1875 году. Город озеленили ширококронными деревьями вдоль арыков улиц. На юго-востоке новый город отграничился от города Темура зелёным массивом Абрамовского бульвара, а смежный с ним сад в 6,5 га при Доме самаркандского губернатора стал центром русского поселения. В 1880 году внутри цитадели построили новую крепость площадью 8 га с более прочными стенами и двумя бастionsами в сторону нового города для прострела его улиц. В 1883 году для нового строительства в крепости разобрали построенный по велению Темура мавзолеем суфийского шайха Нураддина Башира, известный как Кутби Чахар Духум. К северо-востоку от сада Дома самаркандского губернатора распланировали площадь для парадов с Георгиевской церковью (1882 г.) в псевдорусском стиле, зданием Военного собрания (1882 г.) в стиле классицизма и зданием Общественного собрания (1895-1896 гг.). В 1896 году на Абрамовском бульваре возвели двухэтажное здание Русско-китайского банка в стиле классицизма. В 1897 году в городе проживало 55128, а в 1914 году - 97550 человек. Жилая застройка из сырцового кирпича имела, соответственно климату, стены толщиной до 70 см, высокие и проветриваемые помещения и террасы. С начала XX века её облицовывали жѣным кирпичом. Дом купца Калантарова (1911-1916 гг., инженер Г.О.Нелле) вокруг двора, с *шахнишином* в *мехмонхонѣ*, глазурованными печами и высоким качеством строительства объединил местные традиции и российские нововведения.

22

Коканд с четырьмя даха в стене с 12 воротами был к середине XIX века столицей крупнейшего в Средней Азии ханства. Урда Худоярхана в городе строилась в 1863-1870 годы под руководством усто Мир Убайдуллы и декорировалась до 1873 года керамистами *усто* Абдуллою и Джамилем из Риштана, *усто* Закиром из Пскента, и мастерами-*усто* по росписи и резьбе по ганчу Фозилходжой, Мамасадыком и

Юлдашем Наджарбаши. Урда состояла, с востока на запад, из парадного двора с малым и большим приёмными залами, среднего двора с мечетью, казной и канцелярией, и трёх дворов двухэтажного гарема. С 1875 года Урда стала крепостью русских войск, и большой тронный зал был переоборудован под церковь. Ханские сады вокруг Урды застроили жилыми домами и казёнными учреждениями, зданием Военного собрания и церковью. Южнее Урды в западном направлении проложили Розенбаховский проспект, и к нему в 1891 года от железной дороги проложили Скобелевский проспект: перекрёсток проспектов стал центром города. Здесь поднялись, в стилях классицизма и модерна, банки (к примеру, Русско-азиатский банк, 1910 г., И.А.Маркевич), конторы, магазины, гостиницы и особняки предпринимателей. Деловая активность формировала капиталистический Коканд - самый крупный город Ферганской долины на рубеже XIX-XX веков.

Особняк братьев Вадьяевых (1907 г., Г.М.Сваричевский) на перекрёстке Скобелевского и Розенбаховского проспектов арендовали Московский и Сибирский банки. Галерея особняка с трёх сторон охватывает двор, а фасады обращены к проспектам круглыми окнами-дверьми, возвышающимися над ними металлическими куполами с окнами-люкарнами, и витиеватыми коваными решётками ограждений, – всё от стиля модерн. Особняк других братьев Мандалака (1904 г.) белеет стилем классицизма среди домов мелкой буржуазии на тенистой Банковской улице. Его два симметричных корпуса тоже с трёх сторон обращены во двор. Причём в каждом корпусе с одной стороны от входа расположены гостиная с альковом, столовая и широкая веранда. А с другой стороны от входа расположены кабинет и спальни, от которых коридор ведёт в кухню, ванную с туалетом, кладовую и комнату прислуги. При входе расположена лестница наверх, к высящейся над кровлей дома беседке. Ордер первого этажа дорический, беседки – ионический. Стиль особняка дополнен скульптурными рельефами из греческих храмов. Беседку особняка повторили под девизом «Восток», в виде перголы над жилым домом рабочих, в конкурсном проекте 1925 года.

Новый Маргилан (ныне город Фергана) возник как военно-административный центр после падения в 1876 году Кокандского ханства и образования Ферганской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Радиально-секторный план города контролировался двумя бастионами крепости, а три других её бастиона были обращены на противоположные подступы к городу. Просторно спланированный вдоль Маргилан-*сая*, город имел по его берегам общественный сад. В центре, перед собором имени Александра Невского, зданием Областного правления и Домом военного губернатора, стоял возведённый по эскизу А.Обера памятник М.Ф.Скобелеву. Бронзовый бюст известного в истории генерала возвышался на прямоугольном пьедестале с классической мраморной колонной.

Наманган стал небольшим уездным городком, в котором крепость расположилась между старой частью и новой русской, росшей на север к железной

дороге. Эсланада при крепости была вскоре преобразована в сад с искусственным озером, - центр городской жизни по сей день.

Андижан имел на юге крепость и русский город, спланированный радиально-секторным в направлении к железной дороге. Крайняя в плане нового города улица, как и Абрамовский бульвар Самарканда, направлена в центр старого города. Облик нового города Андижана коренным образом изменило землетрясение 1902 года: здесь стали строить в традициях деревянной архитектуры, и городок стал походить на русскую провинцию.

Каган образовался с проведением в 1887 году железной дороги в нескольких километрах от Бухары. При вокзале для прибытия высоких российских чинов был выстроен в эклектичном стиле дворец *эмира*. Отсюда и далее, через промышленную зону при Каганских (Каршинских) воротах Бухары, российские фирмы, банки, магазины, аптеки, больницы проникали в её исторический центр. Новые кирпичные здания имели внутри тенистые улицы-пассажи и дворы, которые, как и дворы в древнем городе, защищали от шума, пыли, зноя. Достроенная *эмиром* (в 1912-1914 гг.) мечеть Боло Ховуз (XVIII в.) с торжественным айваном перед ней и медресе Амира Алимхана (начало XX в.) с двумя дворами для занятий и проживания свидетельствуют об эволюции этих типов зданий. В северном пригороде Бухары, дворец *эмира* Ситораи Мохи Хоса (рубеж XIX-XX вв.) имеет старую и новую части. Эклектичные постройки в саду с *ховузом* вдохновлены впечатлениями от поездок бухарских мастеров-строителей в Петербург и Ялту. Их шедевром считается Белый зал с резьбой по *ганчу усто* Ширина Мурадова.

25,26

Дворец *эмира* в Кагане, крупнейший в Туркестане этого периода, тоже имитирует архитектуру Санкт-Петербурга множеством вертикальных доминант, навязчиво повторяя повсюду подковообразные арки популярного тогда мавританского стиля. Вовне и внутри архитектура пышет живописным и особенно рельефным декором, картинками ландшафтов России и Востока на фоне местного орнамента, русской деревянной резьбы и витиеватых строк Корана. Центральный зал дворца освещён верхним светом от плоской кровли, - по бухарской традиции она обширна и используется после захода солнца, для чего на неё ведёт лестница при парадном входе во дворец. Высокие залы, вместилища прохлады в летний зной возведены и в Ситораи Мохи Хоса, где для этого покрытие из пересекающихся арок поддерживает световой и вентиляционный фонарь. Перед воротами дворца, справа, гостям построен одноэтажный европейский коттедж с колонными верандами и гранёными помещениями по фасаду. В нём тоже, для защиты от зноя, гостиные освещены и вентилируются фонарём, плоская же кровля имеет прослойку для вентиляции. Важность фонарей осознана, конечно же, из исторической архитектуры Бухары. В саду дворца фонарь венчает и эмирскую беседку над бассейном: к фонарю ведёт мостик от стоящего рядом минарета. Фонарная традиция

27,28

перешла и в архитектуру Советов: зал Народного дома Бухары 1923 года вентилировался фонарём на кровле.

Хива стала столицей Хивинского ханства в середине XVII века при ханах Асфендияре (1623-1643 гг.) и Абдулгази (1643-1663 гг.). С конца XVIII века, благодаря походам ханов в сопредельные края, монументальная архитектура Хивы превзошла Коканд и Бухару. С начала XIX века и до 1920 года трон Хивы заняла династия узбекского племени *кунграт*. К 1873 году российского завоевания архитектура Хивы процветала. Дишан Кала, сложившаяся вокруг Ичан Калы в XVII-XVIII веках, была обнесена в 1842 году правления Аллакулихана 7-метровой стеной с 10 воротами. Зажиточные горожане застроили обе Калы общественными зданиями, но меньших размеров, чем в первой половине XIX века. Перемены наметились с началом XX века. В 1893-1913 годы Мухаммад Рахимхан и Исфандиёрхан превратили мавзолей Пахлаван Махмуда в святыню Хивы, реконструировав соответственно двор и прилегающие улицы. Древняя цитадель Куния Арк снова стала зимней резиденцией ханов, и в 1910 году был перестроен гарем. Начало реформ при дворе Исфандиёрхана связано с именем его *вазира* Ислама Ходжи, построившего в Ичан Кале медресе (1908 г.), минарет высотой 45 м (1910 г.) и новометодную школу (1912 г.). Новое более заметно в Дишан-кале: если Мухаммад Рахимхан II построил дешёвый летний дворец (1906 г.) своего сына Исфандиёрхана под влиянием дворца Аллакулихана в Ичан Кале, то здание официальных приёмов (1910-1912 гг.) Исфандиёрхана построили в некогда саду купца Нуруллабая по-европейски, но с айванами по фасадам. Приёмную из семи комнат создавали местные мастера кирпичной кладки, резьбы по *ганчу*, резьбы и росписи по дереву, а также архитекторы и строители из числа немецких колонистов. Здесь же, на севере Дишан Калы, по поручению Ислама Ходжи, построены больница и почта-телеграф (1910-1913 гг., московский архитектор Поп) - по европейским нормам, но с введением традиционных хивинских форм и декора. От больницы и почты-телеграфа торжественная дорога проходила под построенными в их же стиле Кош Дарваза (Двойными воротами) к Ичан Кале. Так архитектура нового времени встретилась с древностью.

Санкт-Петербург переживал в начале XX века воздействие покорённого Российской империей Туркестанского края. К империи были присоединены обширные земли с мусульманским населением, и власть имущие обеих сторон задумали строительство в столице метрополии крупной мечети. Санкт-Петербург имел православный собор, хоровую синагогу и буддийский *дацан*. А имперской столице надлежало иметь главные святыни всех своих религий.

29

Поначалу *эмир* Бухары Саид Абдул Ахадхан убедил царя Николая в необходимости выбора участка для мечети близ могил Романовых в Петропавловском соборе, дабы продемонстрировать «верность мусульман Российской империи», и затем *эмир* выкупил желанную землю. Мечеть проектировали с 1906 года, и из 45 работ выбрали проект русского архитектора Николая Васильева. 14 декабря 1908 года чертежи передали в Комиссию по планировке города, затем в Министерство иностранных дел, и в

Академию художеств. Академия выступила против: мечеть слишком велика и слишком открыта для возведения близ Петропавловской крепости и, посему, разрушит эту часть города. Последовали ходатайство министра внутренних дел П.А.Столыпина и ещё один визит *эмира* Бухары к царю. 27 июня 1909 года министр получил одобрение царя. 3 февраля 1910 года в присутствии государственных деятелей России, послов Турции и Ирана, и *эмира* Бухары закладка мечети состоялась. Официально Соборную мечеть открыли уже при государственном атеизме: в апреле 1920 года.

Соборная мечеть вместимостью 1500-2000 человек стала крупнейшей в Европе; сегодня она четвёртая, с первыми тремя тоже в России. Её 49-метровой высоты минареты вознеслись над *пештаком* и *михрабом*, декорированными мастерами из Средней Азии. Вся мечеть исполнена в стиле так называемого северного модерна, пришедшего в эту часть России из соседних ей Швеции и Финляндии с конца 1890-х по начало XX века. В люстрах мечети мусульманский стиль Средней Азии тоже выражен средствами модерна.

Советы закрыли мечеть надолго, и открыли лишь к октябрьскому в 1956 году визиту Президента Индонезии Сукарно, чтобы продемонстрировать ислам в России. Сукарно возжелал посетить и могилу Имама Бухари под Самаркандом, для чего Советы спешно бросились благоустраивать то забытое захоронение. Соборная мечеть Санкт-Петербурга открылась для богослужений лишь к концу XX века, а её ремонт завершили в 2003 году (10).

1917-1933: ТРИ ЭТАПА К КОММУНЕ

Самой характерной для нового общества и его архитектуры с 1917 года стала идея коммуны, охватившая прежде всего здания народного образования, культуры и, особенно, жилище. Движение к коммуне осуществлялось в три этапа: 1917-1923 годы разрухи, 1924-1927 годы национального размежевания, и 1928-1932 годы первой пятилетки.

Архитектура народного образования, и в первую очередь школ и техникумов, унаследовала от Туркестанского края 1914-1915 годов следующее. Таджикистан: 10 начальных русско-туземных школ, готовивших служащих низших рангов и переводчиков; средних и высших учебных заведений нет. Туркмения: 58 церковных и русско-туземных школ, средних и высших учебных заведений нет. Киргизия: 107 начальных русскоязычных школ. Казахстан: 2 тысячи школ и из них 12 средних, 7 ремесленных училищ. Узбекистан: 171 русскоязычная школа, 4 ремесленных училища в Ташкенте, вузов нет. В Таджикистане, Казахстане и Узбекистане имелись местные религиозные школы, не имевшие отношения с колониальной системой образования и искоренённые при советской власти.

В 1918 году правительством Туркестанской АССР принято Постановление «Об организации дела народного образования в республике». В апреле 1919 года Коллегия и Комиссариат народного просвещения слушали доклад представителя Технического отдела гражданского инженера Г.М.Сваричевского «О нормах и технических условиях для проектирования школьных зданий». Утвердив нормы для проекта «школы, идеально обустроенной в смысле педагогическом, санитарном и гигиеническом», заседание постановило: «В целях же немедленного перехода к строительству на местах разработать проект типовой школы временного характера, состоящей из трёх классов, учительской, помещения для учащихся в рекреационное время, коридора, передней и уборной. Проектировать из расчёта лишь на имеющиеся в крае материалы и способы возведения зданий, наиболее скорые и доступные при современном экономическом положении» (1). При строительстве были повторены план и конструкции русско-туземной школы для сельских местностей, спроектированной Г.М.Сваричевским ещё в 1917 году и состоявшей из русского класса, так называвшегося туземного класса, и двух комнат учителя с кухней при ней.

На втором этапе движения к коммуне, самоопределившиеся с 1924 года среднеазиатские республики приступили к строительству школ. Планы школ с комнатами по одну или две стороны от коридора определялись местными запросами и возможностями и были построены в кирпиче-сырце на деревянном каркасе. Облик школ случаен и его формировали: классический портик (Ходжент, 1925 г.), фонари покрытый промышленных цехов (Каттакурган, 1927 г.) или подобие портала (Ташкент, 1927 г.). В 1925 году секция «Строительство» Госплана Узбекской ССР, определяя потребности в жилищном и коммунальном строительстве на 1926-1927 годы, констатировала по старому Ташкенту: «школы, за редкими исключениями,

размещаются в постройках местного типа. Часто, из-за тесноты в здании школы, занятия проводятся в расположенных вблизи махаллинских домах. Поэтому в 1926 году предложено построить две небольшие школы по 1333 кубических метра каждая» (2). В мае же 1927 года Коллегия Народного Комиссариата Просвещения Узбекской ССР наметила «сообщить местам нормы и типовые планы школьных зданий, а также ускорить продвижение в Госплане вопроса о создании централизованного школьного строительства по ссудам» (3).

Только на третьем этапе движения к коммуне - в 1928 году – обратились к типу начальной школы 1919 года. Показательно, что под крышей такой школы нашла себе место и новая власть, и проект назвали «административно-культурной базой на местах», который в 1928 году Туркменская государственная строительная контора при ВСНХ Туркменской ССР разработала для отдалённых аулов. Здесь под одной крышей размещены: помещение Ревкома (Революционного комитета), жилая комната учителя, расширенный учебный класс и прихожая перед ним. Автор проекта, архитектор-художник К.Бобровский, повторил план русско-туземной школы для сельских местностей, спроектированной в 1917 году гражданским инженером Г.М.Сваричевским. В Туркмении такие представительства новой власти размещались не только вместе с начальными школами, то же имело место в средних учебных заведениях республики. Далее мы рассмотрим исполненный в 1927 году К.Бобровским «проект Дома Советов в городе Новом Чарджуе с временным использованием его здания под педагогический техникум».

С самого начала первой пятилетки 1928-1932 годов школы среднеазиатских республик расширяются, сохраняя типологическую общность. Так, в трёхклассной школе Узпромстроя (1928 г.) центром композиции стал рекреационный зал, видны три класса одинаковых размеров, а также учительская с комнатой учебных пособий. В этом же году в трёхклассной школе Киргизии комнату учебных пособий превратили в мастерскую, сохранив жилую комнату учителя с кухней и летним помещением при ней. В Туркмении большее распространение получили двухклассные школы. К.Бобровский в 1928 году трансформировал рассмотренный нами тип киргизской школы применительно к двухклассной. При входе – широкая терраса. Площадь вестибюля уменьшена, и к нему примыкают два учебных класса. Вместо одной квартиры киргизского учителя К.Бобровским запроектированы две, каждая с жилой комнатой, кухней и крытой верандой. В крупных поселениях Казахстана получила распространение четырёхклассная школа, она развила тип трёхклассной школы Киргизии, но уже без жилых помещений для учителей. Учебные помещения этого времени связаны со школьным двором через вестибюль или рекреационный зал. Заметны продуманное размещение групп помещений, оптимальные пропорции и хорошая освещённость классов.

В 1928-1932 годах письменность среднеазиатских народов была переведена на латинскую графику, и в 1930 году в Узбекской, Киргизской и Туркменской ССР введено всеобщее обязательное обучение детей и подростков. Началось проектирование и строительство типологически новых школ. Их первые типовые

проекты: школа-девятилетка (Туркменистан, 1929 г., К.Бобровский), школа-семилетка и школа-десятилетка (Киргизия, 1930 г., соответственно инженеры И.Гутман и Семёнов). К.Бобровским разыгран ритмика пропорций фасада, главный вход в школу акцентирован куполом, введена даже надпись на здании. Фасад же школы-семилетки И.Гутмана напоминает рабочие бараки Киргизии того времени со скатной кровлей, длинными рядами окон и затерявшимися где-то в углу дверцами в школу. Со школой-десятилеткой инженера Семёнова сходна школа № 3 в центре Фрунзе (начало 1930-х гг.) - двухэтажная и одна из хороших в стиле конструктивистской архитектуры. Во всех этих школах укрупнились вестибюли, рекреации, мастерские, административные помещения, появились читальни, физический и химический кабинеты, физкультурный зал с комнатой врача, душевыми, раздевалками, санузлами. То есть в своих функциональных программах эти школы явились значительным шагом вперёд.

31

В архитектуре же зданий среднего специального обучения в 1919 году для ремесленного училища в киргизской столице Пишпек Г.М.Сваричевский повторил свой проект для Самарканда 1917 года, - ведь на рубеже двух веков он работал архитектором при Управлении учебными заведениями Туркестанского края. Повторен план, но значительно упрощен фасад: время требовало простой архитектуры. В 1923 году этот крупный мастер запишет: «Архитектура в смысле науки есть изложение истин, относящихся к проектированию и исполнению проектов зданий» (4). Кооперативный техникум построен в 1926 году в Ташкенте молодым гражданским инженером А.И.Петелиным. Здание отличилось трактовкой национального стиля и потому рассматривается в соответствующем разделе. Многочисленными среди учебных заведений стали педагогические техникумы, ибо краю нужны были учителя. «Проект Дома Советов в городе Новом Чарджуе с временным использованием здания под педагогический техникум», - так названа работа архитектора-художника К.Бобровского, 1927 год (5). В этом проекте мы видим характерное для Туркменистана совмещение в одном здании представительства советской власти и учебного здания, которое эта республика повторит в следующем 1928 году в рассмотренной нами начальной школе, превращённой в «административно-культурную базу на местах». П-образное в плане здание Дома Советов под педагогический техникум расположено на углу городского квартала, в его правом корпусе находятся зал со сценой и библиотека-читальня, остальные помещения являются аудиториями, и их интерьеры через террасы раскрыты во двор со спортивными площадками и садом; особо спланирован хозяйственный двор с помещениями различных служб. Новая в крае власть шла в одну ногу с просветительством.

В движении к коммуне - для претворения в жизнь насущных задач социального и хозяйственного развития - республикам Средней Азии требовались типы культурно-просветительных зданий. И обращение к традиционным общественным постройкам аулов, кишлаков и старых городов для их трансформации в требуемом направлении стало логичным началом процесса.

«Дехкану не нужно специально ходить в «красную чайхану», как русскому крестьянину в избу-читальню потому, что дехкан испокон веков привык проводить свой досуг в чайхане, и задачей «красной чайханы» является привлечь к себе дехкан, и то время, которое они проводят за чашкой чая, использовать для беседы и чтения», наставляла в 1925 году газета «Правда Востока» в призывной статье «Внимание красным чайханам!» (6). Новое движение нарушило ту безмятежную идиллию, в которой пребывала традиционная восточная чайхана. Лишь с 1940-х годов наметится возврат к многовековому спокойствию, и появятся так называемые чайханы почётных стариков. В эти же годы советская власть идеологически наступала на среднеазиатский быт посредством использования традиционных чайхан. Инициаторы движения за красные чайханы бурлили изобретательностью: в Киргизии и Казахстане были созданы «красные юрты». Посещаемость сельских чайхан зависела от режима полевых работ и менялась в зависимости от сезона, дня, часа. В зимние вечера, когда напряжённость полевых работ заметно спадала, посетители забивались в чайхану так плотно, что, действительно, яблоку негде было упасть. В сезон же посевной и сбора хлопка посещаемость падала. Но именно в страду каждый год и активизировалось движение за красные чайханы, и печать края так и формулировала: «Хлопковая компания - экзамен для красных чайхан». И попытки оживить красные чайханы в такую пору были, как правило, трудными. Тем не менее находились такие, в которых работа всё же велась. Однако, как сообщала та же печать, эти «чайханы закрывались уполномоченными райкома, чтобы не отвлекать людей от посевной» (7). Красная чайхана не была архитектурным шедевром. Скромная традиционная постройка с единственным помещением для отдыха и чаепития превращалась ночью в некую гостиницу. Только к середине 1930-х годов появляются красные чайханы, обычно сельские, во внешнем облике которых отразилась главная цель их появления - стилизованные изображения коробочек хлопка. Со временем архитектурный облик красной чайханы составили порталы и арки. Более значимыми были изменения в интерьере. Лозунги и плакаты, социалистические обязательства и портреты вождей придали ему новый дух. В помещении красной чайханы можно было найти подобие библиотеки, редкое тогда радио, и даже стол справок. В крупных чайханах, кроме собраний, устраивались концерты и представления. Чайхана, однако, оставалась местом для мужчин.

Типологическая ограниченность чайханы и необходимость привлечения женщин к общественной жизни обратили к следующему типу культурно-просветительного здания - клубу. Как и первые театры, клубы возникали в первую очередь в старых городах. И, как красные чайханы, большинство клубов действовало в наскоро приспособленных для нового назначения старых зданиях. Только в 1927 году в старом городе Ташкента, между площадью Эски Джува и махаллём Охунгузар, было построено крупное, с внутренним двором, здание женского клуба имени Юлдаша Ахунбабаева. Клуб охватил работой значительную часть старгородского

женского населения. Неподалеку от клуба, на площади Эски-Джува, женщины сбрасывали и сжигали паранджу.

Другой тип зданий - Дома дехканина - проектировались и строились с 1924 года, года образования среднеазиатских республик, не столько как гостиницы для сельчан, привозящих в город сельхозпродукцию, сколько как клубы. В отличие от России, Средняя Азия того времени практически не знала Домов или Дворцов для рабочих. Поэтому Домам дехканина суждено было стать их среднеазиатскими эквивалентами. В «Плане регулировки части нового города Ташкента» 1924 года Г.М.Сваричевский намечил местоположение Дома дехканина и даже стилиевые особенности его архитектуры. Став первым проектировщиком Дома дехканина, он предполагал разместить здание напротив существовавшего Народного дома колониального периода. По «Плану регулировки», Дом дехканина занимает угол оживлённого городского проспекта, и его главный вход - портал с двумя минаретами - обращён на перекрёсток. Этим Г.М.Сваричевский повторил фасад своего кинотеатра Хива в Ташкенте 1910 года. Дом дехканина состоит из двух групп зданий. Первая включает общественно-зрелищную часть и гостиницу и является официальной частью комплекса. Вторая же группа зданий включает комнаты хранения имущества, навесы для арб, гараж, перед ней расположен двор. Через улицу от комплекса Дома дехканина Г.М.Сваричевский запроектировал городской рынок. В последовавшие годы идеи Домов дехканина слились с Декретом Совнаркома о национализации памятников архитектуры от 20 августа 1918 года. Так, в мае 1925 года ЦИК Узбекской ССР передал в ведение государства исторические памятники архитектуры республики и в октябре того же года издал постановление о «постройке Дома дехканина в эмирском дворце Арк в Бухаре и об организации в загородном дворце *эмира* Ситораи Мохи Хоса Дома отдыха для дехкан и рабочих» (8).

33

Для преодоления патриархально-феодалных отношений Туркмения в 1925-1927 годах провела вторую земельно-водную реформу. Переходу к новым отношениям содействовала и архитектура. В 1928 году Туркменской государственной строительной конторой при ВСНХ Туркменской ССР выполнен проект Дома дехканина для небольших поселений типа города Керки. План - заимствованный от кочевой юрты круг. Помещения вокруг центрального вестибюля тоже расположены как в юрте. Три спальни находятся против входа - там, где в юрте располагается место для сна и почётных гостей. Столовая расположена справа от входа - там, где в юрте находится место для посуды и продуктов. И, наконец, читальня размещена слева от входа - там, где в юрте хранят хозяйственный инвентарь и предметы ухода за скотом. Перед входом в эту социалистическую юрту - открытая терраса. Время всеобщего перехода к оседлости побудило назвать этот проект Домом дехканина, хотя, на самом деле, в нём развита архитектура первых красных юрт для кочевников. Композиция этого Дома дехканина функционально продумана, хорошо построена и отличается чувством пластики.

В 1927 году на одной из главных улиц Душанбе архитектор П.И.Ваулин построил небольшую гостиницу - Дом дехканина: типичный Т-образный в плане клуб со зрительным залом в центре и перпендикулярным к нему корпусом клубных помещений. Массивные членения фасада, тяжёлый профиль арочных галерей, контраст белых поверхностей и оставленного неоштукатуренным кирпича, островерхие кровли - все это выдавало северорусский стиль. Лишь изображение на фронтоне звезды, серпа и молота свидетельствовали о том, что это необычное здание построено в советское время. Впоследствии в нём размещался русский драматический театр имени В.В.Маяковского.

Для оседающих же кочевников создавались свои эквиваленты культурно-просветительного здания, названные Домами скотовода. Дом скотовода, разработанный в 1929 году Госпланом Казахской АССР, включил основные группы помещений, характерные для Домов дехканина: общественная часть (красная чайхана - зрительный зал, библиотека, читальня) и жилая (гостиничные комнаты). Обе эти группы помещений в одном здании имеют отдельные входы. Во дворе - место для летнего показа фильмов и хозяйственные постройки (хлев, навесы и прочее). Киргизский проект Дома дехканина для постройки в 1930 году в городах Фрунзе и Пржевальске - обычная гостиница. От разнообразной программы Дома дехканина оставлены только зал собраний и «научно-популярные комнаты», а зал собраний планировочно отделён от всей гостиницы и имеет свой вход.

Наиболее полную и удачную интерпретацию программа Дома дехканина получила в проекте С.Н.Полупанова для Андижана 1930 года. Генеральный план напоминает проект Г.М.Сваричевского 1924 года: на углу улиц Бильдинской и имени Файзуллы Ходжаева высится главный корпус Дома дехканина с гостиницей, театром, кино. Из второстепенных улиц въезжают в хозяйственный двор с навесами для экипажей, кузницей, конюшней и комнатой ветеринарного врача. Двор отделён от главного корпуса *ховузами* и зелеными насаждениями. Гостиница расположена в центре Дома дехканина, а во дворе, при сцене театра, размещены летние театр и кино. Каждая часть Дома дехканина самостоятельна, и крупно выведенная надпись ТЕАТР задает тон всему комплексу. Большой культурно-просветительный комплекс, обращенный лишь к приезжавшим в город сельчанам, был бы непозволительной роскошью. Поэтому задачи культурного роста самих городов потребовали его раскрытия к массам.

В массовом же порядке и наиболее последовательно движение к коммуне осуществлялось в жилище и, прежде всего, в домах для рабочих.

После 1917 года обновление местных типов жилья и поиски типов жилья для рабочих развернулись в жилых массивах центров городов, отдельных домах городской застройки, окраинных жилых территориях и рабочих городках при промышленных предприятиях. В городах Средней Азии капитализм оставил три типа жилищного строительства: частные особняки, доходные дома в центральных районах, трущобы окраин близ промышленности. Поэтому развитие типов рабочего

жилищного строительства привело городские Советы к руководству им в рамках планового хозяйства, и далее - к первым проектам планировок городов.

Ещё в 1923 году, накануне самоопределения среднеазиатских республик, Г.М.Сваричевский писал: «Предельно точное соответствие каждому этапу становится обязательным лозунгом постройки, и габарит здания является отражением производства» (9). Декрет ЦИК СССР от 16 мая 1924 года «О содействии кооперативному строительству рабочих жилищ» способствовал развитию рабочего жилищного строительства. В 1924 году городской архитектор Ташкента Г.П.Бауэр отмечал: «Эти тяжёлые условия и ненормальное положение жилищного вопроса заставляют новгородской местхоз уделить всё своё внимание широкому развитию жилищного строительства, обеспечить трудящихся города необходимыми жилищами. Полное прекращение за годы войны и революции нового жилищного строительства и, наряду с этим, полное отсутствие капитального ремонта существующих жилых домов создали в новом городе Ташкента крайне тяжёлое положение. Ведутся работы по созданию типовых домиков для рабочих и идёт подготовительная работа по выработке твёрдых минимальных, научно обоснованных и согласованных с практикой технико-санитарных норм и мер с учётом климатических условий Ташкента и имеющихся здесь характерных строительных материалов (сырец, кирпич, ганч, чия, тополь, и прочее). Создаётся возможность предупреждения разного рода построек, проектируемых неграмотными техниками и другими лицами, которые в настоящее время обслуживают широкие массы рабочих и создают угрозу хаотической застройки города нерациональными и дорогими постройками» (10).

36

В Ташкенте конца 1924 начала 1925 года типовыми блокированными жилыми коттеджами на приусадебных участках предполагалось застроить кварталы Плана регулирования части нового города Ташкента. В этих коттеджах Г.П.Бауэр и Г.М.Сваричевский сохраняли особенности дореволюционных особняков людей среднего достатка. Каждый коттедж имел переднюю, три жилые комнаты, кухню и при ней летнюю террасу. Туалет и ванная, как правило, были отдельной пристройкой на приусадебном участке, делившемся на собственно двор и сад. А санитарно-техническими узлами в некоторых типах своих коттеджей авторы хотели «применить у нас в Ташкенте требования санитарные, технические и эстетические к благоустройству города, применяющиеся в настоящее время на Западе и в Центре России при устройстве рабочих поселков» (11).

Проведённый в начале 1925 года в Ташкенте конкурс на проекты жилых домов для рабочих должен был определить: норму площади и стоимость, а также технико-экономическую помощь рабочим-застройщикам со стороны инженерных организаций. Конкурс признал «рациональным уменьшение квартирной площади и устройство потолков по стропилам» для увеличения кубатуры (12) в проектах под девизами Мой минимум, Что нам нужно, Конструкция. Конкурс рекомендовал «местным хозяйствам выработать варианты домов с отделённой от столовой кухней, что хотя и удорожает проекты, но рационально в жарком климате Средней Азии» (13). Была признана

оригинальной идея выхода на крышу-террасу в проекте Восток, воспринята «весьма интересной идея дома не на фундаменте из жжёного кирпича или булыжника, а на бетонной поверхности» (проект Конструкция) (14). Проект Скорострой Г.М.Сваричевского предложил жилой дом в форме полушария, подобно кочевой юрте. Как и в проектах аналогичной формы музеев 1915 и 1920 годов, Г.М.Сваричевский применил ребристую конструкцию купола. Интерьер поделён взаимно перпендикулярными в плане перегородками, пересекающимися в центре жилища у отопительной печи. Образовавшиеся четыре помещения трактованы как общая комната, спальня, кабинет и кухня. Организаторы конкурса просили автора проекта детально разработать необычные конструкции. Этот дом предполагался для строительства из сырца и без дефицитной древесины. Поэтому в начале 1930-х годов, когда обострится ориентация на местные строительные материалы, Г.М.Сваричевский вновь обратится к Скорострою для коллективных домов, названных уже Полушарие.

Очевидно, по результатам конкурса рабочих жилищ 1925 года был построен жилой квартал для рабочих железной дороги в этом же году в районе Тезиковой дачи под руководством Г.М.Сваричевского и Л.Н.Воронина из одноэтажных блокированных домов, каждый с двумя-тремя комнатами, террасой и участком. Жилой дом в рабочем городке в Янгиюле 1925 года поделён по осям на четыре части, каждая с двумя жилыми комнатами и летним помещением в углу. В 1925 году неудовлетворенный качеством жилищного строительства в центрах городов, Г.М.Сваричевский сетовал: «Казалось бы, необходимо требовать постройки не сырцовых, а кирпичных зданий соответственной конструкции и архитектуры» (15). В это время терраса, туалет с ванной, кладовая или сарай относились к категории «удобств», и потому зачастую могли отсутствовать. В рабочих городках строительных кооперативов Ташкента 1926 года жилища имели единую конструктивную схему, но число жилых комнат могло быть разным из-за наличия или отсутствия одного из вышеперечисленных удобств. В жилом доме 1929 года на улице Лермонтова в Ташкенте инженер Г.Левитов запроектировал одну ванную как удобство на три квартиры.

37

Рабочие жилища 2-3-этажные возводили в первую пятилетку с минимумом удобств, и началось строительство их комплексов. В 1928-1929 годах в центре Самарканда строительным трестом Хлопстрой (начальник гражданский инженер Б.Савицкий) были построены первые массивы двухэтажных домов из двухквартирных секций с двух- и трёхкомнатными квартирами. К их дворовым фасадам пристроены просторные деревянные террасы, на которые обращены кухни. Одним из лучших в этот период стал трёхэтажный жилой дом на Пушкинской улице Ташкента, построенный в 1931 году гражданским инженером К.В.Бабиевским, в числе других приехавшим в 1926 году в Среднюю Азию после окончания ленинградского вуза. Для лучшей вентиляции туалеты и ванны соседних квартир расположены между лестничной клеткой и летним помещением. Отдельно от этих санитарных

38,39

узлов, но в одном направлении проветривания, размещены кухни квартир. От этих подсобных помещений, по другую сторону линии проветривания, расположены жилые комнаты – общая комната и спальня. На главном фасаде стены подсобных помещений заглублены по отношению к стенам жилых комнат. Перепад их стен закруглён и оживлён балконами. Обособление подсобных и жилых помещений оправдано функционально, соответствует климату, и выполнено в чётком и экономичном плане.

К концу первой пятилетки, в 1931 году, Средняя Азия «ничтожно выполнила программу капитального строительства ввиду нехватки заводных дефицитных строительных материалов» (16). Пятое среднеазиатское строительное совещание 1932 года констатировало: «Проектные организации не сосредоточили центральное внимание на разработке проектов, ориентирующихся на местные строительные материалы» (17). Поэтому инженер С.А.Монковский приступил к работам по «неразмываемым сырцово-лёссовым блокам вместо обожжённого и сырцового кирпича» (18). Был также проведён конкурс землянок и жилых домов, на который проект жилого дома Юность на 32 человека представил Б.Н.Засыпкин, будущий авторитетный знаток и реставратор памятников среднеазиатской архитектуры. Его дом покрыт тремя параллельными и объединяющим их четвёртым перпендикулярным сводами. Высота помещений 3,2 метра. Эти своды из лёссовых блоков покрыты снаружи жёжённым кирпичом на *ганче* с возможной цветной керамической облицовкой. Статически и сейсмически устойчивые своды наиболее просто решают проблему перекрытий без применения дерева. С них эффективно удаляются атмосферные осадки, что важно при применении сырцового кирпича. К тому же, при минимуме материалов на стены и покрытия, ограждается наибольший объём помещений. Учитывая всё это, Г.М.Сваричевский в эти годы даже пишет исследовательский очерк «Дувал и его применение в среднеазиатском строительстве» (19), детализируя свойства традиционных глинобитных конструкций. Для применения этой теории на практике и в продолжение своей идеи на конкурсе рабочих жилищ 1925 года, он спроектировал коллективные жилые дома Полушарие. В 1932 году и инженер Б.К.Скорняков спроектировал двухэтажный сводчатый жилой дом Ташкентского городского Совета, частые капитальные стены которого повысили, однако, его стоимость. В этих жилищах экономия достигалась двояко: местными методами строительства и всё более внедрявшимися элементами коллективизации быта.

«Жилищное строительство в Средней Азии в прошлом имело в виду лишь удовлетворение личных потребностей. Поэтому дома строились небольшие и для коллективного пользования негодные. Пятилетний план нового строительства, учтя это обстоятельство, предусматривает типовые одноэтажные и двухэтажные коллективные дома. В них общие кухни, коридорная система и прочее» (20). В одноэтажных общежитиях окраин пока еще неясно, что в большей степени вызвало эти важные сдвиги: экономический расчёт или серьёзные программы изменения образа жизни.

40

41

Поначалу избегали вторжения в частную жизнь, объединяя квартиры секциями, коридорами или галереями. В коллективизации быта определяющими были предпосылки социального характера: общность групп людей и, что не менее важно, осуществление замысла единой инстанцией. В этом смысле интересна коллективизация в рабочих городках шёлкомотальных фабрик Среднеазиатского акционерного общества Туркшёлк. Проект Туркшёлка 1929 года объединил две квартиры общей между ними кухней - квартиры эти не для двух семей, а в условиях жилищного голода для восьми человек. Обобществлённые кухни ещё не означали коллективизацию. Её озаменовали читальни, столовые, просветительские комнаты - отблески коллективизации в рабочих посёлках России 1920-х годов. Во второй половине 1920-х годов Туркменской государственной строительной конторой при ВСНХ Туркменской ССР разработан проект деревянного барака Нефтедага. Он, как и Юность Б.Н.Засыпкина, спроектирован на 32 рабочих, что говорит о единой для республик Средней Азии программе такого типа барака. В центре симметричного плана - кухня с подсобными помещениями и обеденный зал, а по сторонам - четыре спальни. Между залом и спальнями - раздевалки, умывальные комнаты, комнаты дневного пребывания. Наилучшим в «экономичной коллективизации» явился вариант коллективного жилого дома Полушарие, выполненный Г.М.Сваричевским в 1931 году. Десять жилых ячеек, вестибюль и туалет образуют кольцо вокруг зала собраний, являющегося также и столовой. Это высокое пространство освещается через световые проемы в куполе диаметром 7 метров. Интересен проект коммунального жилого дома, разработанный в начале 1930-х годов Туркменской государственной строительной конторой при ВСНХ Туркменской ССР. Сорок жилых ячеек поделены на 4 части как первичные коммуны. Ячейки состоят из жилой комнаты с летним помещением. Все ячейки через галерею сообщаются с кухней-столовой. Дворики таких первичных коммун сообщаются с центральным двором - местом общения всей коммуны. Автор этого дома-комплекса, очевидно, вдохновлялся монументальными среднеазиатскими сооружениями прошлого, а также идеальными поселениями утопистов прошлого.

Дома-коммуны и кварталы-коммуны появились на фоне жилищного кризиса в Средней Азии как социально новые институты с социально новыми в них служащими. Быт этих советских и партийных работников в Средней Азии проходил в общежитиях или гостиницах. Сохранилось фото полуразвалившейся мазанки 1920-х годов, служившей как «гостиница ОГПУ» (Отдел главного политического управления) в тогда ещё кишлаке Душанбе. Если в 1925 году Народный Комиссариат Труда Таджикской АССР ютился в одной из лачуг кишлака Душанбе, то посреди этой горной долины уже закладывались первые общественные здания будущей столицы, а дом-коммуна работников ГПУ был построен здесь в 1932 году инженером-архитектором Ревякиным и инженером П.М.Драчуком. Осенью-зимой 1925 года в Самарканде по проекту военного инженера-строителя И.С.Катунина был построен комплекс Центральной республиканской совпартшколы, включавшей административный и учебные корпуса,

а также столовую. А в проекте здания Киргизской областной совпартшколы во Фрунзе (1929 г., Государственная строительная контора Киргизской АССР) мы видим, помимо учебных классов, свойственные именно домам-коммунам помещения: зал, кружковые и шахматную комнаты, читальный зал и библиотеку, комнаты отдыха и прочее. Состав помещений и их планировка способствовали созданию атмосферы тесного и длительного общения слушателей, в большинстве своём людей приезжих, одиночек или малосемейных. Дома Главных политических управлений в Душанбе, Самарканде и Ташкенте содержали зачатки коммуны в бытовой и служебной жизни их работников. Жители первых в Средней Азии домов-коммун были фактически на положении командированных. Не влившись в существовавший в крае бытовой уклад, эти люди интенсивной и засекреченной работы возводили коммунальные здания, пригодные для личной и служебной жизни. Уже это обусловило временный характер таких домов-коммун. С появлением же у командированных семей и их ростом, а также с развитием форм жилищного строительства в Средней Азии, временные и ограниченные в своём предназначении дома-коммуны распались и уступали место новым типам жилья.

43

Дом-коммуна в Самарканде проектировался архитектором С.Н.Полупановым в 1929 году, а построен был в 1930 году. Главный в нём - это жилой корпус, протяжённый с северо-востока на юго-запад для того, чтобы защитить помещения от палящего во второй половине дня солнца. Жилой корпус в середине пересечён общественным корпусом. На его севере, при входе в дом-коммуну, расположена группа помещений активного общения: зал, открытая и закрытая столовые, и другие. На юге же расположены обращённые ко двору дома-коммуны помещения спокойного времяпровождения: кружковые, читальня, медпункт при солнечной и теневой террасах. Ближе к этому общественному корпусу спланированы однокомнатные жилые ячейки без летних помещений. А более просторные жилища на 2-3 человека состоят из передней, двух комнат и летнего помещения. Большинство из них ориентировано на благоприятный юго-восток и расположено близ санитарно-гигиенических блоков. Участок дома-коммуны находится на улице между центром города и железнодорожным вокзалом. С этой улицы торжественно спланированные пешеходные дорожки ведут к дому-коммуне. За домом, на большом участке, распланированы бассейн для плавания, физкультурные и детские площадки, огороды, сооружения для домашних животных и птицы, прачечная, очистные сооружения, - всё для самостоятельного натурального хозяйства. Вот эта-то идея дома-коммуны еще до её осуществления в Самарканде и была подвергнута сомнению и даже нашла убеждённых противников. В 1929 году в своей декларации о домах-коммунах вообще архитектор Д.Фридман заявлял: «За дом-коммуну до сего времени выдавалось здание, которое, конечно, ни с какой стороны не может считаться таковым ни с точки зрения учёта возможностей организации, хотя бы в сокращенном виде, обобщественного быта, ни с точки зрения генерального плана, - поскольку такой одинокий дом находится среди сотен домов с квартирами

индивидуального типа» (21). И в манифесте «За социалистический принцип планировки жилья» журнал «Строительство Москвы» заключил: «Архитектурная мысль не должна замыкаться только в решении задачи дома-коммуны как отдельной единицы, хотя бы и имеющей в наличии все элементы коммунального обслуживания. Ведь в таком случае американские небоскребы-отели явились бы для нас образцом» (22).

Поэтому в 1931 году, проектируя новый дом-коммуну для работников ГПУ в Ташкенте, С.Н.Полупанов уже совершенно в ином масштабе трактует коммунальное общежитие. Дело в том, что противники дома-коммуны как отдельной единицы предлагали верную альтернативу: «Всюду мы видим мощный порыв, стремление покончить с рутинной, старым укладом - мещанским бытом. Однако, несмотря на такой психологический сдвиг, дело фактически и сейчас стоит на месте. Идея коммунального жилья, в сущности, дискредитируется тем, что мы ещё не вышли за пределы домов-коммун, которые именно потому, что они - дома, не могут вместить в себе все элементы обобществленного жилья. При этом за единицу территории квартала-коммуны следует брать кварталы не современного города, а такую площадь коммунальной застройки, которая вполне рентабельно может быть обслужена всеми спутниками обобществлённого быта» (23). Коммунальный комплекс в Ташкенте должен был подняться среди перестраиваемой окраины его новгородской части.

44

Существовавшая жилая застройка этого района, а также проектировавшиеся новые улицы по границам квартала способствовали открытости его планировки. Всё это помогло при проектировании правильно соотносить идеи коммуны в доме, квартале и в окружающей застройке. С.Н.Полупанов считал основными факторами, определяющими архитектурное произведение, «1 - среду и общественные отношения, 2 - климатические особенности, 3 - материалы и конструкции, и 4 - художественную потребность» (24). Приоритет первого фактора с наибольшей полнотой раскрылся в работах этих лет, завершавших конструктивистский период творчества архитектора. Вынос обобществленных элементов за пределы дома-коммуны в квартал не мог не лишить ташкентский дом присущего самаркандскому дому духа комбината и привести к функциональной упрощённости. Даже композиционно единый с ташкентским домом его круглый зал собраний представляется большей принадлежностью окружающей городской застройки, нежели самого жилого корпуса. Поэтому в Ташкенте мы имеем, строго говоря, дом гостиничного типа в квартале-коммуне. Для С.Н.Полупанова важнее было выйти за пределы устаревшего понимания отдельного дома как коммуны и определить её крупномасштабные связи.

Такие связи чётко выражены на северо-западе квартала, где рядом с домом гостиничного типа архитектор построил секционный жилой дом. Дом гостиничного типа имеет к востоку столовую, а далее крытый переход на уровне земли связывает его с секционным жилым домом. От дома гостиничного типа, сквозь секционный жилой дом и дальше до крайнего дома на северо-востоке квартала, предусмотрен переход на уровне вторых этажей: он связывал жителей домов северной части

квартала с комплексом детского сада. В южной же оконечности дома гостиничного типа и секционного дома действовала снабжавшая их жителей питанием фабрика-кухня, круглая в плане. Расположенные в средней части квартала фабрика-кухня, спортивные площадки, бассейн для плавания и места досуга удобно связаны с жилыми домами квартала двумя сквозными широкими пешеходными путями. Из такого предполагавшегося квартала-коммуны были осуществлены лишь гостиничный и секционный дома с фабрикой-кухней. Комплекс детского сада построили много позже. Следовательно, с самого начала не были осуществлены необходимые в квартале-коммуне связи минимума объектов: дома гостиничного типа - секционных жилых домов - фабрики-кухни - детского сада – площадок спорта и отдыха. Фабрика-кухня лишь при двух домах была воспринята роскошью и прихотью проектировщика, и потому снесена в 1938 году. То есть идея квартала-коммуны была реализована частично и прервана в самом начале. Это привело к нарушению задуманного функционирования комплекса, к множеству превратных представлений о целом по части, и вызвало долгие нападки на идею коммуны.

45

Обслуживать уже не квартал, а гораздо большие территории и даже промышленные предприятия города Ташкента была призвана другая фабрика-кухня по проекту инженера С.Чернявского (1930-1933 гг.), расположенная в новгородском центре. Эта строившаяся в тяжелейших условиях фабрика-кухня уникальна для Средней Азии и значима для всей советской архитектуры того периода. Несмотря на постоянные указания партийных и правительственных органов, подчёркивавших большое значение первой в Средней Азии крупной фабрики-кухни и потому необходимость внеочередного снабжения её строительными материалами, строительство длилось четыре года. Фабрика-кухня была рассчитана на 1500 одновременно обедающих и 5500 обедов в день. В её подвале - хранилища и заготовка продуктов, на первом этаже - кухня, на втором - обеденный зал, на крыше - летняя столовая. Остеклённый барабан вынесенного на консолях обеденного зала, открытые галереи и угловые объёмы лестничных клеток всё это ориентировано на перекресток двух новгородских улиц. Фабрика-кухня функционировала недолго: из-за неудовлетворительного качества строительных работ изменилась предполагавшаяся планировка, нарушалась непрерывность доставки продуктов для столь крупного комбината, не сложилась работа нового общественного здания с рабочими комитетами промышленных предприятий города.

За домами-коммунами последовали так называемые Дома специалистов, проектировавшиеся и строившиеся с начала до середины 1930-х годов. Обобществление быта в них успело проявиться лишь в начале 1930-х годов. Показательна дискуссия о будущем Доме специалистов в Душанбе. В этом Доме с яслями, прачечной и магазином, в каждой секции предусматривалось обобществление кухонь и ванных комнат. Но, рассмотрев проект, НККХ Таджикской ССР 7 апреля 1932 года рекомендовал индивидуальные кухни и ванные комнаты, а также исключение элементов обобществленного быта (25). В этом проявилось

влияние пересмотра в мае 1930 года ЦК ВКП(б) «необоснованных и полуфантастических» попыток полного обобществления всех сторон быта (26). Невозможность коренной трансформации семьи подтвердили и так называемые дома переходного типа «для организации взаимного сожительства в них двух противоположных бытовых форм», то есть традиционной семьи и «перестроенного домашнего хозяйства» (27). По поручению СРЕДАЗЭКОСО, приступили к «основной задаче по жилищному строительству - введению типового комбината, переходного к социализму с обобществленным сектором, чтобы дать возможность трудящимся пользоваться в часы досуга культурным очагом, создать для детей ясли, детские сады и прочее» (28). Движение за дома переходного типа предполагало планировочные изменения в домах, неразрывных в функциональной взаимосвязи с коммунальными корпусами системы застройки. Так, в Душанбе на 1932-1934 годы НККХ Таджикской ССР одобрил опытное строительство: «а) общежитий для бездетных холостяков с обобществлёнными услугами и удобствами; б) блочных домов 1,2,3-х комнатных с кухней, могущей быть приспособленной в будущем под жильё, и в) общежитий для семейных с обобществлёнными услугами и удобствами» (29). Домами переходного типа было поддержано движение к коллективизму в жилой среде и к выходу коммунального общежития за пределы дома и даже квартала. При обсуждении эскиза планировки нового города Гиссара, НККХ Таджикской ССР постановил «в жилых комплексах разместить дома переходного типа, исходя из существующих норм»; «считать необходимым укрупнить квартал путём объединения двух смежных кварталов, дав для каждого квартала отдельную школу» (30). Эти новшества были направлены на дифференциацию жилищ, определение общественного центра коммунальной жилой единицы, а также на укрупнение жилого комплекса в связи со структурой и развитием всего города. Масштабы коммунального жилищного строительства Средней Азии укрупнялись. По принципам коммунального общежития организовывалась среда.

УРБАНИЗМ И ДЕЗУРБАНИЗМ

С 15 ноября 1920 года «обстрелами из пушек и пулемётов четыре дня и четыре ночи Бухара была разрушена наполовину, 50000 горожан погибло, и власть взяли большевики» (1). Этим началось продолжавшееся весь XX век разрушение Советами этого прославленного, одного из древнейших городов мира. Новый общественный строй не жаловал исторические города Туркестанского края и занял по отношению к ним идеологически продиктованную негативную позицию.

Двумя же месяцами ранее, 7 сентября 1920 года, был издан Декрет об учреждении в Ташкенте Туркестанского университета. Поначалу университет занимал два крупных здания бывших мужской и женской гимназий в центре города на сквере Революции, бывшем Кауфманском. В 1921 году, по заданию Народного Комиссариата Просвещения, новый комплекс Туркестанского государственного университета спроектировал академик архитектуры Ф.О.Шехтель. Его генеральный план составлен для территории с прямоугольным периметром, внутри которого сильно выражена радиально-кольцевая планировка, свойственная популярным тогда городам-садам дезурбанизма. Главные корпуса университета сосредоточены в центре кольцевой планировки. Вверху же размещены – вперемежку с территориями нескольких парков комплексы медицинского, агрономического, физико-математического, историко-философского, социально-экономического, технического и военного факультетов. Завершают генеральный план университета расположенные на его самом верху общежития и посёлок профессорского и служебного персонала. Для этой замысловатой сети улиц разработана схема движения транспорта, а среди парков и водоёмов суждено было восторжествовать, судя по очертаниям планов, архитектуре классицизма и модерна.

К пятой годовщине нового строя были построены первые рабочие городки при Первой туркестанской государственной мануфактуре. Жилища были самыми примитивными, что сквозит даже в оптимистическом описании городка в районе Тезиковой дачи Ташкента: «Рабочий городок представляет собой 10 домиков на 20 квартир. Все домики, построенные, может быть, не так скоро и гладко, как это можно было бы сделать в более нормальной обстановке, представляют для их владельцев столько удобств...» (2). Рабочий городок Тезикова дача спланировали радиально-кольцевым как город-сад. Он имел четыре полукружные дороги, между которыми возводились домики для рабочих, а в обращённом в сторону железной дороги центральном парке построили летний клуб железнодорожников. Сейчас на месте клуба в зелени парка высится трёхэтажный колледж компании «Железные дороги Узбекистана».

Ташкент 1924 года переживал жилищный кризис: население удвоилось с 60 000 в 1917 году до 130 000. Стихийно возникавшие торговые сооружения и многочисленные базары «засоряли все главные улицы до такой степени, что затрудняли движение по ним» (3). Особенно в привокзальном районе малоценная

одноэтажная застройка, зачастую трущобного характера, перемежалась с военными казармами, разного рода базарчиками и, тут же, с добротными 2-3-этажными общественными зданиями.

Для упорядочения центрального Воскресенского рынка Ташкента новгородской местхоз запроектовал в 1924 году четыре типовых торговых корпуса (Г.П.Бауэр, Г.М.Сваричевский). Они не были осуществлены, но в том же 1924 году была предпринята более масштабная работа. Городской архитектор Г.П.Бауэр и консультант новгородского местхоза гражданский инженер Г.М.Сваричевский составили План регулировки части нового города Ташкента. План охватил улицу от вокзала к центру нового города, она должна была явить лицо города для тех, кто прибывал в него по железной дороге, и по ней же рабочие отряды маршировали на борьбу за новый строй. Поэтому все эти неприглядные улицы с привокзальными трущобами подлежали перепланировке и застройке, чтобы соответствовать идеалам нового времени. Словом, район должен был олицетворить социалистический Ташкент. Расположенные в этой части города крупные общественные здания Реального училища, Управления Туркестанских путей сообщения, Народного дома, Городской больницы стали в Плате регулировки градостроительными акцентами. Вместе с ними были предложены и социалистические новшества: университетский городок, Дом дехканаина с его рынком, здания библиотеки и музея, театр на площади с монументом, зелёный массив парка и зверинца, спортивный центр, и прочее. Здесь же предлагалось распланировать радиально-кольцевой городок-сад с кварталами из уже рассмотренных нами одноэтажных двухквартирных коттеджей с приусадебными участками. Посреди каждого квартала были спланированы, по английской традиции, небольшие парки. Этот проект намечал перепланировку лишь части нового Ташкента, не берясь за проблемы его старого города.

47

На протяжении 1920-х годов сохранялись и росли дореволюционные бесплановые рабочие жилые массивы близ промышленных предприятий на окраинах городов. Такими были Нагорный и Подгорный посёлки при кирпичном, керамическом и других заводах на восточной холмистой окраине Душанбе. Центральная дорога этих посёлков застраивалась красными чайханами, магазинами, амбулаторией, и прочим. «В 1924 году к Пишпеку провели железную дорогу, связавшую его с крупными промышленными центрами страны. И здесь во второй половине 1920-х годов осуществили наиболее ёмкую планировочную работу того периода – жилой район, именовавшийся Круглым городком, и существующий поныне под названием Рабочего городка. Городок застраивался одноэтажными жилыми домами вдоль четырёх кольцевых улиц, пересекавшихся 24-мя радиальными. В центре намечалось создание парка и площади с общественными зданиями. Данная планировочная работа выполнялась без участия архитекторов. Градостроительство в республике в целом осуществлялось без разработки генеральных планов городов и посёлков (4).

48

В 1925 году Пишпекское жилищно-строительное кооперативное товарищество постановило: «Земельные участки для рабочих жилищ необходимо отводить в районе существующих предприятий. Посёлки следует благоустраивать и застраивать коллективными столовыми, читальными, детскими площадками и т.п.» (5). Целью проектирования становилась жилая среда для рабочих, и она проявилась в соответствии с распространёнными на данном этапе городами-садами. Первое в Средней Азии повторение круглого плана идеального города-сада Э.Говарда в Круглом городке под Пишпеком объяснялось тем, что этот рабочий район, как и английская идея, планировался на садово-дачных землях близ проведённой железной дороги. В Круглом, впервые в Средней Азии, воплотилась идея английского экономиста-планировщика о городе-саде - спутнике главного города, соединённого с ним посредством железной дороги. Городок поэтому предполагался для железнодорожников, однако с ростом столицы он заселялся и приезжими. Посёлок пересекли новые магистрали, и его застройка длилась по 1950-е годы, во многом исказив первоначальный замысел Круглого городка. Не воплощённая до конца идея пригорода-сада и была сочтена формалистической (6). Первая кольцевая улица Круглого городка ограничивала центральный сквер диаметром 200 м. Вторая и третья, а также периферийная четвертая улица пролегали между жилыми секторами. Причём, третья улица-бульвар имела ширину 80 м, а остальные - 20-25 м. В 1920-е годы такой генеральный план застраивался кооперативами и частниками. Для Круглого городка тех лет характерны одноэтажные и крытые камышом домики среди зелени участков. Жилые кварталы первой очереди возводились без общественных зданий, мест отдыха и спорта, которые возникали позднее вдоль первой кольцевой и некоторых радиальных улиц.

Подводя в 1925 году «Итоги жилищного строительства за истёкший сезон» (7), Г.М.Сваричевский разделил застройщиков следующим образом. Первая категория – «рабочие, застраивающие окраины, элемент наиболее нуждающийся. К ним предъявляется минимум требований». Застройка ими бывших частных земель крупных собственников близ предприятий стихийна и многолика. «Вторую категорию составляют застройщики среднего района. Они возводят сырцовые постройки по утверждённым проектам». В отличие от первой категории застройщиков, жилищное строительство здесь осуществляется организованно и одновременно целыми массивами. Впервые в рабочих городках создаются элементарные общественные центры. Городок железнодорожников имени Первого мая в Ташкенте 1926 года состоял из 20 кооперативных жилых домов по одну сторону железной дороги, 10 частных домов по другую сторону, и школы на площади посреди городка, территория была обводнена и освещена, а рядом с городком были разбиты сквер и детская площадка.

Отмена частной собственности, создание единого государственного аппарата, осуществление плана ГОЭЛРО, и курс на индустриализацию привели к работам по расселению в масштабе государства. Неотъемлемым компонентом этих работ по расселению было многостороннее развитие нового человека. В конце 1926 года

городские улицы Пишпека дифференцированы на центральные, промежуточные и окраинные. С 1926 года по улочкам объединявшихся старых и новых городов наряду с узкоколейным трамваем 1913 года помчались и отечественные автобусы. В сентябре 1926 года проведена топографическая съёмка земель под будущую столицу Таджикистана, и СНК республики принял постановление «О строительстве города Душанбе» обязывавшее горисполком прекратить бесплановое строительство и начать проект планировки хотя бы на две-три улицы. Хаосом городов занялись после принятия в 1926 году Строительной секцией Госплана СССР перспективного плана гражданского строительства в Средней Азии на 1926-1931 годы. Он рассматривался как «ориентировочный минимум, который далеко не удовлетворяет огромной накопившейся потребности в новом строительстве» (8). Были намечены безотлагательные меры по первоочередному городскому строительству и действительному наступлению на исторически унаследованные типы расселения. Главное внимание уделялось не государственному и частному строительству жилищ, а кооперации, которая до этого времени в Средней Азии не преуспела. Типовые одноэтажные жилища планировались для 2-5 семей, из сырца и под железной кровлей. Планировались бани, бойни, здания торговли, водопровод, мощение улиц и древонасаждения. Отмечалось: «При быстро идущей застройке городов среднеазиатских республик не наблюдается никакого общего плана в разбивке городских земель. Это явление во многих случаях вызывает порчу городских планов» И предлагалось «выработать обязательные строительные нормы и правила застройки городов на ряд лет вперёд» (9). Планировка и строительство рабочих городков должны были быть дешёвыми и сейсмостойкими из местных материалов и с учётом новых типов зданий и сооружений. Указывалось на необходимость постепенного переустройства жилых домов в старых городах Средней Азии. Перепланировка старых городов называлась второй по важности, после строительства рабочих жилищ и городков. В обоих случаях рекомендовалось изучать заграничные правила застройки городов.

II съезд Советов Узбекской ССР в марте 1927 года постановил, что «вопросы благоустройства старых городов заключаются в проведении водопровода, канализации, расширении улиц, древонасаждениях, предоставлении минимума условий культурной жизни» (10). СНК УзССР 5 июня 1927 года в постановлении «О благоустройстве и санитарном содержании городов» поручил всем окружным исполкомам обязать домовладения, учреждения и организации, предприятия и частных домовладельцев оборудовать тротуары и следить за их исправным состоянием и очисткой; следить за состоянием, очисткой и ремонтом мостов, труб, арыков, городских мощёных и немощёных улиц, а также искусственных сооружений на них, и т.д. (11). В этом же году строительная секция Госплана УзССР отмечала: «С устройством для водопотребления общественных колодцев в городе Ташкенте следует запретить пользование заражёнными хаузами. Исчислены 15 000 рублей на устройство 10 открытых колодцев от 5 до 10 метров глубиной с выкладкой верхней части кирпичом и с приспособлением для поднятия воды. Разрабатывается вопрос об

устройстве артезианских колодцев, так как верхние воды заражены массой поглощающих колодцев, издревле практикуемых в городе» (12). Со вступившим в строй в 1930 году водопроводом Бухары население получило надежду на избавление от болезней, вызывавшихся антисанитарией городских водоёмов. Старые города стояли также накануне электрификации. Эти санитарные и технические аспекты их реконструкции шли в ногу с реконструкцией духовной. ЦИК Советов и СНК УзССР от 20 октября 1928 года постановили: «При составлении планов благоустройства и проектов планировок городских поселений органы местного коммунального хозяйства должны предусмотреть отвод земельных участков надлежащего размера и качества под специальные физкультурные сооружения, расположение которых было бы удобно для пользования ими населения» (13). На месте же существующих зелёных массивов организовывались Парки культуры и отдыха.

Все эти кардинальные перемены привели к тому, что к началу первой пятилетки, в 1927-1928 годы, инженерами столицы УзССР разрабатывается

49,50

примечательный документ, названный Проект распланировки старгородских земель для Рабочего городка и нового объединённого центра города Ташкента. Распланирована была территория к северо-востоку от старого города между водными каналами Каракамыш и Бозсу. Сюда выходила Тахтапульская улица, многократно вихлявшая от базара из центра старого города, чтобы пересечься с линией здешней железной дороги. На этой железной дороге была запроектирована новая станция вокзала, а по обе её стороны – два Рабочих городка. Каждый из этих двух городков по величине превосходил регулярно спланированный колониальный город Ташкента. Это говорит о том, что расположенные на железных дорогах рабочие городки рассматривались всерьёз в качестве, образно говоря, локомотива, могущего потянуть за собой планировку крупнейшего города Средней Азии. В радиально-кольцевых планах двух Рабочих городков полностью воплотился половинчатый радиально-кольцевой план колониального Ташкента. И в этих планах уже нет колониальной стратегии защиты от местных старых городов. Напротив, новый объединённый центр города Ташкента должен был существенно преобразовать недавнюю столицу Туркестанского края, фактически соединив четыре её части: азиатскую, колониальную, и два новых Рабочих городка. Тот городок, что за линией железной дороги, так и остался на бумаге. Но на землях пригорода Тахтапуль построили Рабочий городок - в гораздо меньших масштабах, в прямоугольной сетке улиц, и в сильно изменившемся сегодня виде. Вслед за Круглым городком Пишпека, два Рабочих городка Ташкента с их скверами, приусадебными участками, коттеджами – стали откровенным применением дезурбанистической концепции городов-садов Э.Говарда в условиях Средней Азии той эпохи.

С 1927 года рабочие городки при шёлкомотальных фабриках Среднеазиатского акционерного общества Туркшёлк строились тоже как городки-сады. Коллективизацию в их жилых домах, предложенную в этом же 1927 году на конкурсе типового жилища для Средней Азии, рекомендовали в качестве экспериментального

строительства. Отличительной чертой городков Туркшёлка стала комплексность ради организации нового быта. В генеральных планах городков это проявилось в: чётком зонировании жилой и производственной зон с полосой озеленения между ними; системах бульваров и небольших парков - мест общения; группировке однотипных жилищ ради сплочения коллективов (холостяков, семейных); формированию центров городков из производственных и общественных зданий (дома культуры, детского дома, амбулатории, аптеки, кооператива). В рабочем городке в Маргилане (инженер Кривошапов) общественный центр – это круглая площадь перед фабрикой. К ней направлены улицы городка, а монумент на площади наполнял жизнь городка идеологическим смыслом. Туркшёлк развивал антисейсмическое домостроение усовершенствованием традиционных конструкций кирпичной кладки, оконных и дверных перемычек, перекрытий. Поощрялись и местные приёмы возведения жилища: плоская кровля и деревянный каркас стен.

51

Индустриализация богатого ресурсами востока Средней Азии вызвала строительство там рабочих посёлков - будущих городов. И разрешение тамошней «проблемы коренного кочевого населения» связывали с созданием новых промышленных и сельскохозяйственных поселений, в которых переход от мелкого индивидуального хозяйства к работе в хозяйстве коллективном создал бы предпосылку для ломки традиционного быта. В декабре 1927 года Госплан Казахской АССР работал над созданием «культурных аулов в районах землеустройстваемого населения». Культурные аулы как районные центры и будущие города следовало «изолировать от влияния байской верхушки в степи» (14). Было выделено три типа культурных аулов: концентрического типа (сельскохозяйственный центр с промышленностью без перспективы роста); прямоугольного типа (торговый и промышленный центр); и косоугольного типа (переходный от торгового к крупному в будущем промышленному центру). Название аул приняли ввиду преобладания коренного населения в посёлках, а названия их типов определили по начертаниям магистралей. Обновление быта оседающих кочевников могло пойти двумя путями. Первый трансформировать традиционные хозяйства-кыштаки в колхозы. Так, колхоз на 30 хозяйств размещали близ магистрали в окружении полей. Вокруг центрального парка группировали восемь четырёхквартирных домов без кухонь, ибо питание и досуг - в клубе-столовой, дети - в детском городке, а стирка - в бане-прачечной. «Мы вовсе не предлагаем каждому колхозу возводить сразу все эти здания и сооружения, заявляли авторы проекта, - в зависимости от мощности колхозов, они могут строиться постепенно по генеральному плану» (15). Вторым же путём к новому быту было поощрение рационального и технически оснащенного индивидуального хозяйства, которое поначалу не отходило бы далеко от национальных традиций. Для этого во дворах заимствованных из России земледельческо-скотоводческих усадеб возводились казахские юрты. Распространение в это время английского и американского опыта поселкового строительства способствовало тому, что Госплан КАССР в качестве рациональной

усадыбы для колхоза предлагал также генеральный план типичной американской индустриализированной фермы.

С начавшейся в 1928 году первой пятилеткой, проекты показательных поселков

52

были готовы в 1929 году, когда отмечалось, что прошлое постепенно теряет свое влияние. Проект посёлка цинкового завода в Риддере, разработанный в 1929 году Государственным институтом по проектированию предприятий цветной металло-промышленности, развил принципы одного из аулов. Посёлок отделён от завода полосой зелени, у реки - общественный центр и парк, имеются конный двор и ферма. Вдоль центральной улицы расположены жилые кварталы в окружении садов. Проект инженера-архитектора Л.И.Лоповка при сотрудничестве А.В.Оха, Л.О.Циперсона и Л.М.Ниппельбаума был направлен на отход от сельского характера застройки. И для этого предлагалось новое жилище. Нормой были приняты 9 квадратных метров на человека, так как ставить рабочего в условия худшие, чем те, которые он занимал в индивидуальном хозяйстве, значило бы сводить к нулю всю идею нового строительства. Были запроектированы квартиры для семей из 2-6 человек. Предусмотрены стандартизация конструкций, центральное отопление, водоснабжение, канализация и другое. Однако не технически усовершенствованный быт был целью жизнестроительства, ставившего проблему исторически новой формы расселения - социалистических городов. Согласно лозунгу «Новый быт - новое жилище» нужно было переосмыслить его как первичную ступень социальных связей. Вот почему авторы - в порядке самокритики - оговаривали: «Запроектированный по принципу лучших немецких поселков - Франкфурта, Бритца и других, - этот посёлок должен быть пересмотрен, так как в нём проблема обобществления не коснулась главного элемента - жилой ячейки» (16). Их труд «К вопросу о проектировании городского и сельского жилища в районах Средней Азии» предполагался к выходу в Среднеазиатском объединении государственных издательств и содержал три части: обзор практики, выбор типа жилища, выбор материалов и конструкций. Но добросовестный взгляд в прошлое ради конструирования из него жилища будущего уже «представлялся несколько устаревшим» (17). Именно так оценил этот труд рецензент Г.М.Сваричевский, видевший назревшую необходимость коренных преобразований: «Учитывая долговечность капитальных построек, а также то, что уклад нашей жизни, меняясь с каждым днём, быстро приближается к полной реконструкции быта на социалистических началах, полагаю, что проектировать и строить новое жилище следует, не задерживая ход развития долговечных переходных типов (форм). Отживающие свой век жилища следует предоставить отживающему поколению» (18).

«Промышленные посёлки острова бытового переустройства. Промышленный посёлок первая стадия социалистического города. Новый тип жилья последовательно социалистического типа должен быть не навязан, а принят рабочим населением, которое должно убедиться в том, что новые формы лучше и целесообразнее прежних» (19). Жизнь планировалась на воспитании детей вне семьи

(но в двух шагах от родителей), на централизованном питании, общих прачечных и прочих центрах в системе жилой застройки. Общежитие взрослых располагалось близ интерната, школы или ясель. В его Г-образных трёх этажах – общественные помещения (столовая, клуб, и прочее). Близ них – ячейки для одиночек с санитарно-гигиеническими блоками. Обобществлённый блок на 76 человек тоже имел в центре прямоугольного плана общественные помещения и санитарно-гигиенический узел. Первый и третий этажи – для одиночек, второй и четвертый – с двухкомнатными квартирами. При необходимости, ячейки первого со вторым и третьего с четвертым этажами могли быть перестроены в квартиры в двух уровнях. Этот проект по директиве Госплана Казахской АССР 1927-1929 годов вошёл в схему первой стадии социалистического города при предприятиях цветной металлургии. В таких городах были выделены: производство – общественный центр – жилая зона – зона отдыха – и учебный городок, связанный с производством и зоной отдыха. Центральную площадь формировали административные здания и клуб-столовая. К ней примыкали зона отдыха и физкультурный центр близ реки. Центр посёлка связан прямой магистралью с зоной завода баней-прачечной и фабрикой-кухней. Осуществимость проекта подкреплялась изменениями в быту коренного населения. Оценивая разницу в традиционном образе жизни среднеазиатских наций, авторы признавали, что такие аспекты как общественно-религиозные догмы и бесправность женщины относительно слабы на казахско-киргизском северо-востоке Средней Азии. Основываясь на исследованиях 1920-х годов, группа Л.И.Лоповка подчеркивала: «В массе своей казахи мало религиозны и фанатизм почти полностью отсутствует. Казахи по складу своему народ очень живой и восприимчивый ко всему новому. В промышленных центрах Казахстана, например в горно-металлургическом Риддере, казахские рабочие стоят на более высоком уровне, чем сельское население. Казахская женщина не закрывает лица. Она хоть и рассматривается как рабочая сила в хозяйстве и над ней тяготеет обычай купли-продажи, тем не менее, казахские женщины легче достигнут освобождения от неравенства». Авторы добавляли к этому и активное участие казахских женщин в общественно-политической жизни рабочих клубов и ячеек (20).

53

Изучить ростки нового быта, возникавшие в повседневной жизни, и учесть все материальные предпосылки призвало майское 1930 года Постановление ЦК ВКП (б) «О работе по перестройке быта» (21). Этот курс обратил зодчих к традиционным архитектурно-пространственным формам быта коренного населения, к специфическим природно-климатическим условиям и, вместе со всем этим, к низкому уровню материально-технической базы строительства.

В 1928-1932 годах первой пятилетки многие казахи ещё вели кочевой образ жизни и в аулах господствовали патриархально-феодальные отношения. В Киргизии две трети мелких скотоводческих хозяйств вели кочевой или полукочевой образ жизни. Перевод кочевников на оседлый образ жизни был связан с массовой коллективизацией в 1929-1941 годах. И в 1929 году в Казахстане развернулось массовое колхозное движение за оседание и землеустройство бывших кочевников.

«В 1931 году в Киргизии разбили усадебных территорий для 10 тысяч хозяйств 28 новых посёлков. И в последующие три года были построены дома для 45 тысяч семейств бывших кочевников, возникло 200 благоустроенных посёлков» (22). Для них в 1932-1933 годы проектировал архитектор В.П.Калмыков, родом из Средней Азии и хорошо знакомый с архитектурно-пространственными формами быта кочевников. Считая основной задачей в колхозах оседающих кочевников необходимость постепенного и планомерного привыкания к оседлому образу жизни, В.П.Калмыков тоже начал с жилой ячейки. От кочевнической *юрты* он заимствовал: антисейсмичность её круглого плана; малый периметр наружных стен; отсутствие углов (конденсаторов пыли и грязи), а также большую высоту, улучшающую вентиляцию и предохраняющую от солнечного перегрева. Мобильность *юрты* при конструкциях из деревянного каркаса с брезентовой стенкой или камышитовыми плитами – была важна для скотоводческих хозяйств будущего. Начав с прямого подражания формам *юрты*, В.П.Калмыков перешёл к созданию «национально-привычных архитектурных форм» (цилиндрических, шестиугольных, прямоугольных) и частей зданий (летние помещения, балконы, причудливые оконные проёмы). Во всех этих жилищах для оседающих кочевников нижний уровень - круглая в плане общая комната, а верхний - антресоль с балконом или открытое летнее помещение на плоской кровле. Нижняя часть жилища - сырцовая, верхняя - из камышита по каркасу со штукатуркой; в центре жилища – печь, как и в традиционной кочевнической юрте. Архитектор развил эти черты нового жилища для более крупного круглого жилого дома в трёх уровнях, а также для блока антисейсмических шестигранных жилых домов. Следуя групповому расположению *юрт* в степи, В.П.Калмыков организовал круглые и шестиугольные в плане комплексы индивидуальных жилищ оседающих кочевников. В их центре - озеленённая площадь с водоёмами (прототип - *ховузы* Бухары). Вокруг центральной площади - приусадебные участки, а далее - сельскохозяйственные угодья. Такие образования располагались гроздьями вдоль главной магистрали колхоза. Вдоль неё запроектированы: парк, группы жилищ в окружении сельскохозяйственных угодий, административный центр, животноводческий сектор и рабочий двор при транзитной дороге, на которую выходит колхозная магистраль. Другой посёлок в пустынно-степной местности имеет железную дорогу и протянувшиеся вдоль неё зоны производства, озеленения, жилья и отдыха, как в известной поточно-функциональной схеме планировки города Н.А.Милютин 1930 года.

Города-сады Англии вдохновили строительство на рубеже 1920-1930-х годов в окрестностях Нью-Йорка первых микрорайонов-общин (*neighborhood community*) до 60 га с разделением пешеходных и транспортных путей, для чего школа радиусом обслуживания 800 м размещалась в центре, а учреждения обслуживания – по периметру. В новом городе Рэдборн в 20 км от Манхэттена пешеходные и транспортные пути разделили полностью: каждый дом размещался между такими путями (23). Микрорайоны-общины оказали, начиная с этого этапа, сильное влияние на планировки и наших городов в XX веке.

В 1928 году Четвертое совещание по строительству в Средней Азии отметило «полную неувязку гражданского и рабочего жилищного строительства с перепланировкой новых и, в особенности, старых городов» (24). И в 1929 году Председатель СНК УзССР Файзулла Ходжаев заявил: «Лишь в самые последние годы правительственные органы систематически изучают проблемы градоустройства и старых городов, лишь недавно мы сделали эти вопросы предметом наших годовых планов и пятилетки. В этом году мы впервые в высших органах партии и в Совнаркоме поставили и обсудили проблемы старых городов, посвятив им ряд заседаний, и наметили, наконец, конкретный план работы на этот год и на ближайшее время» (25). «Вопрос о старых городах это вопрос о предоставлении работы пролетаризирующемуся кустарю-ремесленнику, это вопрос приближения наших предприятий к старым городам, это вопрос о строительстве ряда таких предприятий в старых городах, которые поглотили бы значительную часть свободных рабочих рук старого города и воспитали бы из них настоящих пролетариев» (26). В организованном в 1929 году в Ташкенте Бюро по перепланировке городов Средней Азии начали проектировать Самарканд, тогдашнюю столицу УзССР, и Ташкент. Автором эскиза-идеи перепланировки Самарканда (1929-1930 гг., эскиз не сохранился) был архитектор А.Панкратов. Бюро придавало большое значение перспективам развития городского транспорта. Однако вдохновленная идеей немецкого планировщика Теодора Фриша 1896 года сеть новых магистралей Самарканда в форме спирали Архимеда с расходящимися от её вершины лучами была осуждена как оторванная от существующих реальностей. Неудача проектирования и переезд в 1930 году столицы УзССР в Ташкент лишили проект А.Панкротова перспектив. Эти перспективы открылись перед бригадой начальника Бюро А.А.Сильченкова, выпускника московского архитектурного вуза в 1927 году. А.А.Сильченков придерживался директив Узбекского правительства, привлекая одновременно спектр новейших тогда градостроительных идей. Им были учтены и те предварительные планировочные изыскания, которые проводились к тому времени в Ташкенте.

55

Для первых проектов перепланировок городов Средней Азии рубежа 1920-1930-х годов проводятся геодезические съёмки городских территорий. В июне 1931 года во Фрунзе создается Земельно-планировочное бюро для съёмок в городах Киргизии: Фрунзе, Пржевальске, Токмаке, Джалалабаде, Оше. Таджикистан, ещё в 1926 году выполнив топографическую съёмку земель под свою будущую столицу, с 1929 года образования Таджикской ССР и проведения железной дороги Термез-Душанбе интенсивно ведёт промышленное и жилищное строительство. В 1930 году СНК Таджикской ССР утвердил первый проект планировки Душанбе, не имевший, однако, влияния на последовавшую застройку столицы. В этом же году создан Таджикский государственный проектный трест Таджикгоспроект с сектором планировки городов. При наличии заказов, в секторе не было специалистов по планировке городов. Приглашённые же иностранные специалисты очень скоро покинули республику по ряду субъективных причин.

Индустриализация и то, что с самого начала нового развития определялось как проблема коренного населения, привели в эти годы к поискам социалистического расселения, планировочных структур городов и их жилых комплексов в проектах Чарджоу как столицы Туркменской ССР, столицы Киргизской ССР Фрунзе, и городов Узбекской ССР Намангана и Андижана, и столицы Ташкента.

Распространившуюся в начале XX века концепцию линейного города Советы именовали поточно-функциональной - по аналогии с промышленным конвейером – и именно так проектировалась столица Туркменской ССР Чарджоу на конкурсе 1931 года архитектурными объединениями АРУ, ВОПРА, САСС. Поточно-функциональную схему Н.А.Милютин применили к территории столицы, расположенной между пустыней и рекой Аму-Дарьёй. Новая столица как политический центр и центр текстильной промышленности располагалась между старым Чарджоу на юге и новым на севере. Здесь проходили: железнодорожный путь Керки-Хива, две автомагистрали, водный транспорт Аму-Дарьи, и линии воздушного сообщения. Поэтому, линейной столице надлежало стать «производной органического протяжения по всей долине» (27). Провозглашалось, что «планировка социалистического расселения не является случайным внедрением нового организма в существующие капиталистические формы расселения, а является следствием планировки целого района местности с учётом её экономики и общего плана народного хозяйства страны» (28). Между рассекавшими долину двумя автомагистралями проектировщики располагали полосы расселения, ширина и протяженность которых соответствовали количеству рабочих на стадиях производства хлопка. Город явил собой полосу шириной один километр вдоль Аму-Дарьи, где температура воздуха ниже на 10-11 градусов. Главная площадь с учреждениями культуры, науки и образования находилась на севере, между промышленностью и селитьбой первой очереди. Сюда, к Дому правительства вела 100-метровой ширины магистраль с расположенными вдоль неё общественными центрами районов. Жилые районы планировались от железной дороги к реке, с которой в город по каналам шириной 6-8 метров заплывал грузовой и пассажирский транспорт. Эти каналы улучшали микроклимат, а зелень вдоль них защищала кварталы от пыльных и горячих ветров. Распределяя городские центры равномерно, проектировщики Чарджоу провозглашали в духе дезурбанистов: «Нет окраин и нет центра! Есть город, в котором материальные и культурные блага равномерно расположены среди всего трудящегося населения в районных центрах и жилых элементах» (29). Существовавший быт предусматривалось изменить тремя типами жилья: индивидуальным, коллективно-групповым, и обобществлённым. Индивидуальный был данью среднеазиатской кочевой *юрте* и стационарному дому, сгруппированным вокруг центров со столовыми, душевыми, кино и спортзалами, библиотеками, яслями и пр. Коллективно-групповое - это индивидуальные жилища и общая кухня вокруг холла с выходом на плоскую кровлю (возможно, этим типом жилья и вдохновился в 1931 году Г.М.Сваричевский, создавая свой коллективный

жилой дом Полушарие). А обобществлённые кварталы состояли из жилых ячеек, и центр каждого квартала имел типовые ясли и интернаты, столовые, залы собраний, спорт и пр. Таким образом, центром становился санитарно-гигиенический блок (в переходном типе) или развитый общественный центр (в обобществлённом типе). Индивидуальные кухни и детские комнаты ликвидировались путём трансформаций ограждающих конструкций, поскольку питание предусматривалось в комбинатских столовых, а дети отдавались в сады и ясли. В генеральном плане города жилые районы пересекались полосами дошкольного воспитания (в продольном направлении) и школьного образования (в поперечном направлении). Последние продолжались полосами политехнического образования в зелёной зоне близ промышленности и гуманитарного образования вдоль побережья. С таким линейным расселением связывались надежды на достижение равных условий жизни для всех.

Также с учётом агроиндустриализации долины – на этот раз Ферганской в Узбекистане - в 1931-1932 годы АРУ проектировала здешние города Андижан и Наманган. Здесь тоже возобладал дезурбанизм и, ради уничтожения противоположности между городом и деревней, город и тут стал центром агроиндустриального комплекса по засеву и уборке хлопка, его первичной обработке, и переработке в ткань. Рабочим, занятым во всех стадиях производственного процесса, следовало предоставить одинаковые условия расселения. Как и Чарджоу, Андижан и Наманган являлись городами-двойниками, то есть состоявшими из древнего города и его новой части колониального периода. Если Чарджоу спланировали на расстоянии и независимо от двух уже существующих городов, то в Ферганской долине древний и новый города являли собой целостные и довольно большие поселения. Их нельзя было игнорировать, - требовалась реконструкция. Хотя АРУ и утверждала, что «жилищное строительство на основе индустриализации Средней Азии должно требовать организации населённого пункта вне обязательной зависимости от существующих исторически сложившихся поселений» (30), невозможность разрушения старых городов в кратчайшие сроки и перевода их населения в новые города становилась всё очевидней. Поэтому, лишь гибкое включение существующих городских и сельских поселений в единую административно-политическую, хозяйственную и культурную структуру экономического района могли привести к началу многолетнего процесса социалистического расселения. В этих проектах транзитная магистраль через Ферганскую долину пересекала центры Андижана и Намангана. Радиально-кольцевая сеть улиц русского нового города, санитарно-гигиенически и технически приемлемого, почти не изменялась, но нерегулярная морфология азиатского старого города перепланировалась для нового строительства в прямоугольную сеть магистралей. Крепости этих городов - некогда место средоточия феодальной и колониальной властей - разрушались для организации центра социалистического города, удобно связанного с районом и долиной по транзитной магистрали. Промышленные зоны оставались на тех окраинах новых городов, где уже имелись предприятия, в большей части хлопковые заводы. Новые же жилые районы

развивались вместе с учреждениями коммунального обслуживания вдоль транзитной магистрали. Парки культуры и отдыха (по 80-100 га) становились частью единой системы зелёных зон кварталов, районов и промышленности. АРУ заявляла, что «для нового жилищного строительства в условиях Средней Азии важно определить прежде всего последовательность во времени практического осуществления мероприятий» (31). И поэтому планировала типы жилья, менявшие быт постепенно. Квартал состоял из домов индивидуального и переходного типа, но без домов-коммун. Поточно-функциональная схема Н.А.Милютина применена без присущей линейным городам растянутости коммуникации и системы центров. Вместо радикальных проявлений дезурбанизма и линейности, городам Ферганской долины было предложено то, что архитекторы извлекли из экспериментов с линейными системами: расположение у, но не вдоль дорог компактных населённых пунктов.

Линейные формы расселения оказались полезными для относительно некрупных поселений. И их несостоятельность решить проблемы больших городов обратила архитекторов к концепции «организованной децентрализации», предлагавшейся с начала века финским архитектором Элиэлом Саариненым. Согласно этой концепции, город следовало рассредоточить на компактные федерации полуавтономных районов, соединённых скоростными магистралями. Каждая федерация явила бы тогда собой «функциональную концентрацию», где население трудоустроивалось по месту жительства при центрах производственной деятельности, таких как мастерские или заводы. Организованная децентрализация повлияла на план реконструкции Москвы 1924 года (профессор С.С.Шестаков) и наиболее радикально проявилась в ряде её дезурбанистических проектов 1930 года.

Вывод промышленности за пределы города, организация близ неё федеральных районов, возрастание роли скоростного городского транспорта и перепланировка исторического центра, - всё это было принято и для первого проекта перепланировки Ташкента 1929-1933 годов архитектором А.А.Сильченковым. Проект Ташкента разрабатывался, когда в советском градостроительстве радикальные аспекты урбанизма и дезурбанизма получали осуждение. Поэтому сложность проекта А.А.Сильченкова - в сочетании положительных аспектов этих двух градостроительных направлений начала XX века.

Восхищаясь недостижимыми фантазиями урбанизма, архитекторы в эти годы выбирали всё же гораздо более реальные предложения дезурбанизма, и это отразилось в их взглядах на то, как застраивать города Средней Азии. Многоэтажное строительство оставалось областью самых осторожных высказываний и проектных поисков. В 1929 году, например, академик А.В.Щусев предлагал для Самарканда уже не 1-2, а 2-3 этажа, и 3 этажа - в качестве крайней уступки (32). Вместе с этим, В.П.Калмыков, ссылаясь на многоэтажные народные жилые дома Кавказа и Аравии, считал застройку среднеазиатских городов крупными многоэтажными жилыми комплексами реальностью уже ближайшего будущего. И одним из первых впечатляющих видений подобного рода многоэтажных городов стала фантазия ленинградского архитектора Я.Г.Чернихова Город Востока (1931 г.). Очень напоминая

супрематическую архитектуру художника Казимира Малевича, нарисованный Я.Г.Черниковым образ будущего восточного города уплотненностью своей застройки, подчеркнутой вертикальностью и игрой архитектурных объёмов вдохновлён конкретными историческими традициями и, - что не менее важно, - небоскребами США, завоёвывавшими тогда умы многих зодчих мира. Когда же в 1934-1935 годах начались первые изыскания по укрупнению и зонированию колониальных решётчатых планов Фрунзе и Алма-Аты, В.П.Калмыков предложил для Фрунзе те круглые и шестиугольные в плане кварталы, что были спроектированы им ранее для поселений оседающих кочевников. Идея шестиугольной формы городских кварталов, предлагавшаяся для урегулирования городского движения ещё в семидесятые годы XIX века Эрнстом Брухом, была воскрешена в двадцатые годы XX века немецким архитектором Гартманом, и в конце двадцатых годов её популяризовали архитектурно-строительные журналы СССР. В необычной форме крупных городских кварталов В.П.Калмыков увидел средство создания выразительного ансамбля центра Фрунзе. На его измельчённый план накладывался планировочный крест из двух полос: полосы Парка культуры и отдыха, протянувшейся через весь город с севера на юг, и полосы шестиугольных кварталов, идущей с запада на восток. Вторая полоса шестиугольных кварталов шла на западной окраине города близ промышленности параллельно полосе ПКЮ. Идея шестиугольных кварталов предполагала их обстройку по периметру многоэтажными жилыми домами с торговыми помещениями на первых этажах. В центре же озеленённого внутриквартального двора возвышался жилой дом башенного типа с гаражами.

Хорошим заделом для проекта перепланировки Ташкента стали работы в области ландшафтной архитектуры, проводившиеся Я.К.Гаазенкопфом (1888-1944 гг.), чехом по национальности. Прочувшись в Англии, Франции и Германии по специальности агронома-садовода и ландшафтного архитектора, он в 1918 году, по предложению Советского правительства работать по своей специальности в Средней Азии, начинает трудиться в Ташкенте вначале агрономом в Продовольственном комитете, а с 1919 года заведующим Ботаническим садом при Среднеазиатском государственном университете. В 1924 году он принял советское гражданство, восстанавливал пришедшие в упадок после войны и разрухи зелёные хозяйства городов, благоустраивал их. Я.К.Гаазенкопф выявлял сады, скверы, бульвары, нуждавшиеся в благоустройстве и реконструкции, а также пустыри, которые можно было бы превратить в зелёные массивы общественного пользования. Такие работы не требовали сноса застройки или больших затрат, и потому были по силам городским хозяйствам молодых республик. С открытием в 1928 году Парка культуры и отдыха имени Горького в Москве, и в проекте перепланировки Ташкента 1929-1933 годов разработанный Я.К.Гаазенкопфом ПКЮ занял центральное место. К проекту перепланировки Ташкента Я.К.Гаазенкопф разработал альбом Озеленение города Ташкента: городское садостроительство 1926-1932 гг., в котором указывалась важность садов и парков для оздоровления города, для политико-культурного

воспитания трудящихся и организации их досуга. Я.К.Гаазенкопф благоустроивал сады, парки, бульвары и пустыри: городской сад (у нынешнего Хохимията), сквер Коммунаров (у Музея искусств), сквер на площади Иски Джува, соседний старгородский парк. Положения альбома воплотились в садах, парках и скверах генерального плана Ташкента. Их было более двадцати и осуществление их всех было проиллюстрировано в альбоме. Было создано городское тепличное хозяйство для ежегодного выращивания для города ассортимента цветочных и древесных насаждений. Другой альбом предлагал создание ПКЮ на трёх территориях города, из которых, в результате, и была выбрана центральная территория на площади 80 га с ежедневной посещаемостью парка 10000 человек, для которых культурно-воспитательная работа сочеталась с коллективными формами отдыха. В разных по своим функциям зонах парка, среди соответствующего назначения зданий, было предусмотрено создать из деревьев и кустарников пространства с ближними и дальними планами, объединённые тем или иным художественным стилем. Крупной работой Я.К.Гаазенкопфа 1929 года стал и проект Ботанического сада для Туркменской ССР, учитывавший климатические зоны этой республики. Рассчитанный на осуществление в течение 5 лет, сад был исполнен в английской концепции сохранения природы, хотя цветники в нём были итальянские, а так называемый показательный участок предполагался во французском стиле (33,34).

В отличие от проектов Москвы, децентрализация Ташкента не распространялась на обширные территории, он сохранял компактность, и это роднило его с организованной децентрализацией. Впервые было предложено застроить среднеазиатский город стандартными 4-5-этажными жилыми комплексами. Они были вдохновлены крестообразными в плане небоскрёбами Ле Корбюзье в его

60-62

урбанистическом проекте города на 3 миллиона жителей. Сходство плана этого города и перепланировки Ташкента видно в: 1 – расположении промышленных зон и агросекторов по сторонам света; 2 П-образном (у Ле Корбюзье) и подковообразном (у А.А.Сильченкова) центре города; 3 - диагонально-шахматной планировке магистралей. Выделяются три типа магистралей: 1 радиальные от центра к пригородным федеративным районам; 2 - вдоль подковы общественного центра вокруг ПКЮ; 3 – ромб магистралей, соединяющих промышленные федерации и агрокультурный сектор. А.А.Сильченков не считал целесообразной реконструкцию от центра, предлагавшуюся АРУ для городов Ферганской долины. Он учитывал тяжёлое положение в жилищном фонде старого города: «Сейчас надо оберегать этот жалкий жилой фонд и, опираясь на него как на резерв, развернуть мощное жилищное строительство на свободных от застройки садово-дачных здоровых землях. И к концу второй - началу третьей пятилетки, вместе с этим жилым фондом, достичь нормы 7,5 кв. м жилой площади на человека. А уж потом приняться за освобождение территории для будущего ПКЮ» (35). Логичность застройки от периферии к центру подтвердила многолетняя практика строительства в столице. Ташкент определялся как федерация агросектора на

западе с тремя промышленными городами (северным, восточным и южным) вдоль линии существующей железной дороги. Эта полоса промышленных зон охватывала жилые зоны трёх федераций. В проекте была выражена вероятность роста на северо-восток, что тоже подтвердилось развитием столицы. Бригада А.А.Сильченкова была убеждена в том, что «мелкобуржуазный и частный быт, возведённый на основе новой техники, представляется ещё более страшной и реакционной силой» (36). Поэтому, новые жилые комбинаты состояли из взаимосвязанных галереями и переходами детских садов и ясель, начальной школы, кухни-столовой, клуба, библиотеки, физкультурных сооружений и пр. Эти жилые корпуса на 4 000 - 5 000 человек крестообразно спланированы вокруг общественных сооружений среди зелёных насаждений квартала площадью 20-25 гектаров. Комбинаты мыслились как форма, переходная к домам-коммунам. Идея переходности способствовало расположению галерей и жилых ячеек, найденное А.А.Сильченковым (патент № 17698). Галереи были вынесены из жилого корпуса и смещены относительно уровней его пола так, что в оставшихся свободными пространствах способом трансформаций перегородок жители могли получить 10 типов квартир со сквозным проветриванием и прямым светом для всех помещений, включая передние и санитарные узлы. Массовое строительство четырёхэтажных жилых комбинатов современники восприняли критически, но уже во второй стадии планировки города бригадой под руководством архитектора Н.Н.Семёнова (1934-1937 гг.) 54% нового жилого фонда предусматривалось четырёхэтажным и 20% трёхэтажным. На месте плотно застроенного старого города проектировался ПКЮ с прорезывающим его проспектом манифестаций и центральной площадью. Между парком и тремя федерациями возвышались общегородские и федеральные общественные здания. А.А.Сильченков был выпускником московского вуза, и для центра Ташкента развил свой публиковавшийся в союзной печати дипломный проект городского общественного центра в виде гигантского кольца с вознесенными к небу многоэтажными корпусами. А.А.Сильченков предложил единый городской центр, объединивший два прежних: старгородской центр подлежал сносу, а радиально-кольцевая планировка центра колониального города становилась частью крупномасштабной системы магистралей социалистического города. Работе А.А.Сильченкова, как мы уже отмечали, предшествовал раздел «Озеленение генерального плана Ташкента», - он получил положительную оценку и был развит на последовавших стадиях развития города. К примеру, на предлагавшихся этим разделом двух территориях были впоследствии разбиты Ботанический сад АН УзССР и ПКЮ Комсомольское озеро (37, 38).

По завершении первый проект перепланировки Ташкента был подвергнут критике, А.А.Сильченков осужден как «враг народа», и автор, как и сам проект, исчезли. Материалы проекта были опубликованы мной в архитектурной печати Узбекистана 40 лет спустя, когда С.О.Хан-Магомедов помог мне отыскать А.А.Сильченкова в Москве (39). Последовавший, после А.А.Сильченкова, этап планировки Ташкента был резко приспущен от мышления на уровне глобальных идей

к локальному землеустройству. И выполненная в Ташкенте в 1934-1937 годы схема развития Ташкента была оценена экспертизой в Москве следующим образом: «...в начертании системы магистралей чувствуется чрезмерное подчинение рельефу и арычной сети. В результате структура плана недостаточно ясна и проста» (40).

Первый проект перепланировки Ташкента производил большое впечатление на тех, кто был знаком с ним. Вместе с этим, повод для критики проекта на просмотрах, обсуждениях и в отзывах 1932-1934 годов давали два главных его качества: значительная перспективность, геометризм и симметрия, отрыв от естественных условий территорий и, как следствие, недостаточный учёт возможностей начала 1930-х годов. Первое качество было логично для времени, когда впервые в грандиозных масштабах требовалось дать общие намётки будущей организации и развития города. Исходя из этого, проект 1929-1933 годов вернее было бы определить как генеральную схему перепланировки. Первый проект перепланировки Ташкента охватил четыре года активных градостроительных поисков в Средней Азии и синтезировал в себе не столько местную специфику, сколько – и это более важно – важные тенденции градостроительства начала XX века и стремление идти в ногу с ним. А.А.Сильченко соединил в своём проекте урбанистические и дезурбанистические методы, руководствуясь директивами общегосударственного планового хозяйства в отношении к исторически сложившемуся городу. И, в результате, он конкретно изложил те черты и последовательность планирования крупного города, которые в 1940-1960-х годах были «открыты» в трудах Вальтера Гропиуса одного из четырех великих архитекторов XX века. У В.Гропиуса мы читаем: «Какая же последовательность процесса лучше всего поможет нам взломать тот порочный круг, который душит наши города? Поскольку они страдают от перенаселения и нуждаются в избавлении от «высокого кровяного давления», нужно прежде извлечь оттуда людей, которые не могут найти там работу, и устроить их при промышленности в добрососедских комплексах, сооружаемых за городом. Освобождённые, таким образом, пространства в городе могут быть использованы для создания необходимых коммунальных сооружений и парковых пространств, а также для обязательной сети дорог, соединяющих добрососедские округа друг с другом и с общественными центрами. Таким образом, заново открытые пространства умирающих городов вернутся к своей истинной функции органического объединения частей общества. Такое развитие, разумеется, потребует времени. Планирование добрососедских комплексов на открытых пространствах пригородов станет главным в процессе реконструкции. И затем полученный опыт позволит нам совершить более трудный шаг – развить новые общественные центры в границах самих старых городов» (41).

НАЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА

В 1918 году на съезде Советов Туркестанского края в Ташкенте была провозглашена Туркестанская АССР, которая для восстановления разрушенного народного хозяйства приступила в 1921-1923 годах к государственному и хозяйственному строительству. Первым шагом республики содействовал российский академик архитектуры и мастер стиля модерн Фёдор Осипович Шехтель, возглавлявший в 1921-1923 годах архитектурно-технический совет Комитета по строительству государственных сооружений; он также являлся председателем комиссий и жюри конкурсов, преподавал и много проектировал. В 1921 году по заданию Народного Комиссариата Просвещения Ф.О.Шехтель проектировал рассматриваемый уже нами Туркестанский государственный университет в Ташкенте. В целях же хозяйственного строительства Ф.О.Шехтелем для так называвшейся Голодной степи Узбекской ССР были выполнены проекты ирригационных сооружений и посёлков при них. Поскольку мастер не был непосредственно знаком с исторической монументальной архитектурой Средней Азии, над его выполненными в национальном стиле общественными зданиями для Голодной степи высились откровенно арабские по стилю минареты и купола. Совершенно противоположное произошло в 1923 году, когда, совместно с художником В.Развадовским, Ф.О.Шехтель на первой Всероссийской кустарно-промышленной выставке в Москве построил Туркестанский павильон. Художник В.Развадовский преподавал в Ташкенте и возглавил отправленную в Москву бригаду узбекских мастеров-оформителей. Ф.О.Шехтель покровительствовал мастерам, самолично заботясь даже об их питании в то голодное время. И мастера декорировали Туркестанский павильон уже не в некоем мавританском, а в конкретно среднеазиатском стиле. Павильон имел Ш-образный план и центральный объём его главного фасада был уподоблен пропорциями и главными членениями мавзолею Саманидов в Бухаре. Бухара вошла в мировую историю как центр первого политического и культурного Ренессанса Средней Азии IX-X веков. В ней науки были подняты на новые высоты и затем распространялись по всему цивилизованному миру. По XVII век столицы мусульманских государств планировались по Бухаре, а усыпальницы их правителей строились по мавзолею Саманидов. В этом смысле выбор мавзолея Саманидов для Туркестанского павильона был продуман. Выбор же его именно в это время, когда государство одолевало тяжёлый период разрухи 1917-1923 годов, возвестил о начале нового этапа возрождения Средней Азии.

Новая политика, идеология и архитектура сталкивались с миром прошлым прежде всего в общественных зданиях культурно-просветительного назначения. Сооружения этих тяжёлых лет становились достоянием нации: не просто национальным стилем, но национальной архитектурой. В ней со всей решимостью заявлялась главная цель - внедрение социалистической культуры в старые города. В 1920 году Народный Комиссариат Просвещения Туркестанской Республики

постановил «немедленно приступить теперь же к постройке узбекского театра в старом городе Ташкента» (1). В 1921 году Самаркандский областной отдел Туркестанского комитета государственных сооружений вел переписку о постройке «мусульманского театра на стенах прежнего театра в Пушкинском парке Самарканда» (2). В 1921 году Комиссариат Народного Просвещения Туркестанской Республики утвердил широкую программу строительства в городах Средней Азии «Народных домов для туземного населения» (3). Первое постановление стали исполнять лишь в 1927 году в старом городе Ташкента, начав строительство театра, получившего впоследствии имя Хамзы, затем театра юного зрителя Молодая гвардия, и потом имени Аброра Хидоятова. Результатом переписки 1921 года стала настолько долгая эпопея реконструкции дореволюционного театрального здания, что в 1929 году СНК УзССР определил другое место для строительства «мусульманского театра» - на «участке, отведённом Горсоветом на границе старого и нового городов» Самарканда (4). А в 1923 году всего через два года после утверждения программы строительства «Народных домов для туземного населения», - несмотря на разрушения Бухары в гражданской войне, напротив цитадели Арк под личным контролем Председателя СНК Файзуллы Ходжаева воздвигли первый Народный дом, ныне Бухарский областной театр.

Функционирование театров в старых городах того времени могло стать переворотом в общественной жизни, особенно, в начавшемся политико-нравственном процессе раскрепощения женщины. Но театр, в сравнении с широкой программой и ярко выраженным демократизмом Народного дома, всё же отдалён от народных масс своим профессионализмом. Народные дома, как и в России, строились в Средней Азии и до революции. К примеру, Народный дом в колониальном городе Ташкента (1915 г., И.А.Маркевич), как и другой в колониальном городе Самарканда, стали привнесением из России в Среднюю Азию новой жизни демократизировавшихся городов Европы. В Брюсселе, к примеру, в 1897-1900 годы архитектором Виктором Орта был построен ставший классикой новой архитектуры Народный дом Социалистической партии трудящихся Бельгии (5). Переняв из Европы такой институт общественного самоуправления, Россия у себя и затем в Средней Азии способствовала совершенствованию жизни городов, а изначальный социалистический характер Народных домов способствовал признанию и Советами их демократической программы. Программа Туркестанской Республики по строительству Народных домов наметила три их типа, каждый из которых должен был вместить культурно-просветительскую работу и партийную деятельность (6). Народный дом первого типа включал театральный зал на 3 000 человек, а также помещения клуба на 500 человек, библиотеки на 50 000 книг, читальни на 50 человек, Союза коммунистической молодежи на 500 человек, 5 комнат партийных и профессиональных организаций, женского отдела на 100 человек, и 3 комнаты редакции местной печати. Народный дом второго типа был половиной первого, а Народный дом третьего типа - четвертью первого. Народные дома первого типа

предполагалось построить в Ташкенте, Самарканде, Коканде. Второго типа в Андижане, Маргилане, Намангане, Марах, Каттакургане, Алма-Ате. И третьего типа - в Аулиеате, Кзыл-Орде, Казалинске, Ленинабаде, Пржевальске, Чимкенте, Туркестане, Ура-Тюбе, Красноводске и Оше. В программе строительства Народных домов ясно указывалось их местоположение в системе населённых мест - старые города. Этим, как и настойчивыми определениями «узбекский театр» и «мусульманский театр», Советская власть в Туркестанской республике чётко определяла начало культурной реконструкции, в первую очередь, старых городов Средней Азии посредством архитектуры с ярко выраженной национальной образностью.

Народные дома предполагались как грандиозные общественные центры старых городов. Но даже деление их по величине не приближало строительство к возможностям городских хозяйств. Предпосылки для реального строительства появились лишь с самоопределением среднеазиатских республик с 1924 года. Поэтому уникальным было строительство в 1923 году в Бухаре Народного дома третьего типа. С улицы центральный вход ведёт в вестибюль, два фойе, зрительный зал и к сцене. На главном фасаде Народного дома, по обе стороны от его центрального входа, широкие лестницы ведут на второй этаж в помещения партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Каждый из двух фойе при зрительном зале раскрывается во внутренний дворик – по его периметру расположены помещения клуба, женского отдела, редакции местной печати, библиотеки и читальни. В эти дворики можно войти и с затенённых аркадных галерей главного фасада. Так многообразие функций Народного дома нашло своё ясное выражение на его главном фасаде. Народность дома выразили и традиционными формами портала, стрельчатых арок, тенистых галерей. В двух куполах над главным фасадом их металлические листы прибиты к четырёхгранному деревянному каркасу на квадратном основании, - такие купола характерны для русского строительства колониального периода. Из этого, а также из добротной планировки всего Народного дома и продуманного решения его просторного зрительного зала с местами по второму ярусу, можно предполагать, что его неизвестный зодчий был одним из опытных российских гражданских инженеров колониального периода. Портал и стрельчатые арки как национальные формы, а также впервые использованный в этом Народном доме приём расположения двориков при фойе по обе стороны зрительного зала многократно повторялись в архитектуре Узбекистана последовавших периодов – во двориках кинотеатра Ватан, лоджиях театра имени Навои, дворике театра имени Мукими в Ташкенте, и так далее. В годы проектирования и строительства этих театров крупный архитектор-реставратор Узбекистана Б.Н.Засыпкин сетовал на отсутствие направления в архитектуре: «руководящие органы в области архитектуры и искусства не ставят и не возглавляют движение к созданию национальной архитектуры» (7). Действительно, национальная архитектура начала XX века была во многом спонтанным явлением и, при отсутствии какой бы то ни было единой концепции, продолжала во многом инерцию XIX века по воспроизведению стилей прошлого. Одновременно, были и счастливые исключения, не оценённые, однако,

общественностью тех лет и не вошедшие, поэтому, в истории архитектуры в качестве положительных примеров. Таким положительным исключением и стал Народный дом, построенный под руководством Председателя СНК Файзуллы Ходжаева: его значение заключается в том, что для такого типа здания впервые были определены планировка и формы архитектуры, определившейся с этой поры как национальная.

В годы лишений и перемен строительство зданий в Средней Азии оказывалось зачастую непростым делом, и потому одержимое новой идеологией общество воплощало свои устремления скорее в некрупных объектах пропаганды, исполненных из привезённых скульптур и на основе недорогих местных материалов. Поэтому монументальными эти объекты можно назвать не столько по их внушительности, сколько просто потому, что они – монументы, в смысле памятники, напоминавшие о важных обществу того времени идеях, событиях, людях. Эти ориентиры, воздвигнутые в хаосе тогдашней жизни, фиксировали в городах и сёлах места проведения многочисленных торжественных собраний и шествий. Идеи и символы их зачастую необычных архитектурных композиций закреплялись в качестве градостроительных акцентов и наполняли идеологически новым смыслом жизнь окружающих площадей, улиц, зданий. Эти объекты вместе с бурлившими вокруг них переменами в Средней Азии и определили ту палитру средств, которая затем полнее выразилась в стилях национальной архитектуры, а также конструктивизма.

Оживление архитектурной жизни в самоопределившихся с 1924 года среднеазиатских республиках совпало с увековечением в монументальном искусстве памяти Ленина. 19 сентября этого года рабочие, железнодорожники, красноармейцы

65

Самарканда поклялись «закончить осуществление мировой коммуны» и на привокзальной площади города открыли изменённый памятник колониального времени. Первоначально он был сооружён по проекту А.Обера генералу Аненкову, руководителю строительства железной дороги от Красноводска на Каспийском море до Самарканда. Памятник представлял собой вертикальную скалу, и в 1924 году с неё были сняты паривший на вершине орёл и расположенный ниже бюст генерала. Наверху установили новую скульптуру, а новую надпись в основании памятника обвели стрельчатой аркой.

Сооружением памятников руководили из центра страны, и такое мероприятие провели в Ашхабаде. В 1924 году Центральная комиссия по увековечению памяти Ленина и ЦИК Туркменской ССР приступили к памятнику в «духе Востока» и утвердили проект академика А.А.Карелина. Краски и орнаменты знаменитых текинских ковров с надписями на туркменском и русском должны были приблизить туркменам идеи нового социального строя. Памятник построили в виде характерной для мемориалов пирамиды: 10-ступенчатая лестница ведёт к арочным дверцам квадратного в плане музея, на его крыше находится крестообразный постамент и уже над ним - сам пьедестал со скульптурой Е.Р.Трипольской. Академик Карелин и технический руководитель работ инженер Петров шесть месяцев изучали декор

знаменитой мечети Анау, чтобы вдохнуть в мемориал жизнерадостное искусство среднеазиатской майолики.

В 1925 году на площади Регистан Самарканда, тогда столицы УзССР, чествовали её образование. Вместе с запечатлевшей это событие фотографией, полотно художника В.В.Рождественского «Парад в Самарканде» красочно показывает, насколько это было многолюдное событие. Трибуна для ораторов представляла собой красочный палас на четырёх опорах – он вдохновлён изображениями тентов на древних миниатюрах. В 1925 году в Ашхабаде многочисленными флагами и лозунгами по-русски и арабской вязью завесили псевдоклассическое одноэтажное здание, ставшее местом Первого съезда Советов Туркменистана. По этому случаю перед зданием построили два огромных фанерных минарета с аркой между ними и с узорами текинских ковров на них. Так, в обстановке первых политических акций определялись формы будущего стиля национальной архитектуры. И эти общественные собрания, демонстрации и митинги, организовывавшиеся вокруг первых монументов (маленькие праздники, как говорил Ленин), демонстрировали массам политические и архитектурные идеалы нового строя.

Национальное размежевание республик Средней Азии с 1924 года вдохновило всех, от начинающих техников до опытных зодчих, к проектированию в национальном стиле. Уникальным стало сооружение в это время в Каунчах (ныне Янгиюль) здания рабочего клуба с *пештаком* и высящимися над ним минаретами, куполки которых завершены полумесяцами, как в мечети. И, хотя в республиканских газетах это вызвало протесты – «Таким ли должен быть образ рабочего клуба?», - композиционный приём ещё долго сохранялся. Образ, полагали, был верен.

66

Построенный в Ташкенте в 1925 году первый в СССР Гидротехнический институт стал научно-исследовательским учреждением по всем проблемам ирригации Средней Азии (сейчас здание Республиканского детского фонда). Профессор В.Д.Журин, крупнейший специалист в этой области, фактически строил для себя здание, прославившее его в профессии. Рельеф территории института спускался к арыку Салар, и это было использовано для создания здесь своего рода открытого исследовательского полигона. Для экспериментов по моделированию гидродинамики в ирригационных сооружениях были сооружены всевозможные лотки, перепады, шлюзы и каналы. Традиция - обязательный язык выразительности среднеазиатской архитектуры того времени, нашла у В.Д.Журина функциональное применение: по углам здания института вытянулись минареты – для красоты, для стиля, и они же служат вытяжными трубами систем парового отопления и искусственного охлаждения здания. В 1930 году московский журнал критически отозвался о необычном в здании вестибюле, решённом «по образцу гаремного дворика испанского халифа» (8). В этих словах сквозило идеологически продиктованное обвинение архитектуре советской Средней Азии в исламской солидарности. Вестибюль Гидротехнического института, окружённый двумя рядами колонн со стрельчатыми арками и лестницей на второй

этаж, своей камерностью, действительно, напоминает дворы Альгамбры в испанской Гранаде времён арабских правителей. Профессор В.Д.Журин, конечно же, был далёк от политизации, им попросту двигал один из наиболее известных и романтических образцов восточного стиля.

Кооперативный техникум (1926 г., А.И.Петелин) отличился П-образным планом, фасадом с *пештаком* и башней с солнечными часами, арочными окнами, высоким качеством строительных работ и первым в республике применением железобетона в сейсмических поясах и арке *пештака*. Этими традиционными чертами архитектуры А.И.Петелин стремился вписать техникум в комплекс расположенных по обе стороны от него мавзолеев Юнус Хана и Шайх Хованда Тахура. За прошедший век здание утерло романтическую башню с солнечными часами и сейчас, с декорированными *тимпанами пештака*, входит в комплекс Исламского университета, расположившегося в этой исторической местности Ташкента.

В национальном стиле активно работал ленинградский архитектор-художник А.П.Удаленков, изучавший среднеазиатское архитектурное наследие в Туркомстарисе, переименованном сначала в Средазкомстарис, а затем в Узкомстарис. Он принимал участие в археологических раскопках на территории Средней Азии, убеждённо и со вкусом используя особенности познаваемого древнего зодчества в законичных и конструктивно оправданных формах новой архитектуры.

67

Примечательно, что местные археологи неодобрительно, если не сказать ревностно, отнеслись к деятельности пришлых в реставрацию архитекторов-художников, старавшихся найти себе применение в Средней Азии. О А.П.Удаленкове, например, и о некоторых его коллегах критически отозвался в одной из своих публикаций мэтр среднеазиатской археологии М.Е.Массон. Архитектурные же проекты А.П.Удаленкова, выполненные ради обновления в Средней Азии зодческого стиля, проявили вынесенную им из археологических опытов способность ярко фантазировать, обнаружили его дар необычного интерпретатора исторических памятников. В них есть свой аромат и своя дисциплина форм, и этим они по сей день привлекают внимание специалистов. Показательны в этом отношении три его проекта для Узбекистана и Туркменистана. В 1926 году А.П.Удаленков совместно с художником К.И.Бондаренко напрямую воссоздали формы средневековой архитектуры для комплекса Республиканской больницы в Самарканде. Разве что план не повторяет замкнутые дворы средневековья и выполнен открытым, с парадным впереди двором, как в классицизме. В центре высится мрачный в своей архаике *пештак* с как бы подпирающими его справа и слева четырёхарочными корпусами, а далее корпус больницы растянут в обе стороны до куполов над залами в концах композиции. Архитектоника форм полностью повторяет средневековую монументальную архитектуру. На фасаде нет ни малейшего желания модернизировать образ. Автор явно любит средневековье, пытаясь найти для него возможности новых, ранее не опробованных, средств выразительности. А.П.Удаленков, по всей видимости, исходил из своей веры в то, что новая архитектура может и должна во всём или почти

во всем следовать средневековой, которая и принималась за национальную архитектуру. Проект был представлен на конкурс, организованный Московским архитектурным обществом, и жюри МАО рекомендовало приобрести его, очевидно, рассматривая стиль проекта как одно из вероятных направлений развития национальной архитектуры в среднеазиатских республиках.

Ещё больший консерватизм А.П.Удаленков проявил в проекте Дворца труда в Ашхабаде (1927 г.), где не только архитектурные формы, но и организация плана, замкнутого вокруг внутреннего двора, ассоциируются со средневековьем. Дворец труда спланирован как мечеть или медресе вокруг двора с главными архитектурными акцентами по его осям. Отличие лишь в том, что при входе во двор вместо преграждающего его архитектурного акцента сделан демократический жест раскрытие вовнутрь двора, а уже там, в его глубине, и возвышается торжественный портал зала собраний. При всей своей восторженности средневековыми формами, А.П.Удаленков, по-видимому, впитал и из творческой палитры современных ему архитекторов-рационалистов. А они, не будучи столь одержимы историей, старались понять объективные особенности эмоционального восприятия человеком простейших геометрических форм и, учитывая это, компоновали из них архитектуру. Видимо, от них А.П.Удаленков и принял полукруг для создания выразительных форм. Полукруг редко выделялся в среднеазиатской архитектуре, но А.П.Удаленковым он вводится намеренно и в качестве необычного акцента, - тем сильнее на такой необычной форме воспринимаются привычные стрельчатые арки и прочие традиционные средства выразительности. Полукруг зала собраний Дворца труда в Ашхабаде повторен в проекте театра в Мерве (1927 г.), но исполнен здесь со множеством деталей, усиливших его торжествующую монументальность, - а это и было целью А.П.Удаленкова, стремившегося превзойти среднеазиатские оригиналы по силе мощи. Два внутренних дворика при вестибюле и фойе театра в Мерве весьма напоминают аналогичное решение, впервые предпринятое в Народном доме в Бухаре.

К концу 1920-х годов государственные органы перешли от постановлений 1920-1921 годов к активному наступлению на старые города с программой строительства национальных театров. Определения «узбекский» и «мусульманский» театры вызвали волну стилизаций в духе исторической архитектуры. Театр, намечавшийся к строительству в старом городе Ташкента в 1920-м году, построили в 1927-1928 годы (инженер А.Л.Цитович). Его возвели на углу улиц, ведущих к базару старого города. Из трёх порталов здания, главный портал обращён на перекрёсток и два других - в сторонние улицы. Над главным порталом высятся оголённые подобию двух минаретов и между ними - купол в колониальной ещё трактовке, окна же фасадов завершены стрельчатыми арками. Как и в Ташкенте, невелика программа и того театра, который в 1921-1929 годах решали построить на границе старого и нового городов Самарканда, и конкурс на проект которого провели в 1928 году. Примечательно, что конкурсные проекты не ограничились копиями *пештакое* и орнаментальными украшениями, а искали образ

национального театра прежде всего в функционально и конструктивно оправданных архитектурных массах, которые одновременно ассоциировались бы и с памятниками древности. Б.Н.Засыпкин воспользовался своими познаниями тектоники древнего зодчества для неожиданных контрастов и пластических находок. Вестибюль представляет собой половину шестигранника и покрыт характерным для Самарканда ребристым куполом. За ним возвышается мощный ступенчатый контрфорс, - между ним и сценической коробкой театра возведён ряд кирпичных сводов над зрительным залом.

В Самарканде, ставшем после Бухары столицей УзССР, к театру так и не приступили, но построенные в его колониальном городе два

69

общественных здания свидетельствуют о принятых в то время способах создания национального стиля. Двухэтажное здание Дома Советов имеет выступающие из фасада два вертикальных объёма с балконами для выступлений ораторов. Стены имитируют башни крепостной архитектуры и завершены ложными проёмами и зубцами. Над стрельчатыми нишами стен высятся два купола, конструктивно и стилистически исходящие от русской архитектуры, - это говорит о том, что автором здания мог быть местный русский гражданский инженер. Центром П-образного плана здания является зал собраний. Другое здание, выходящее на Университетский бульвар города, тоже П-образного плана, но вокруг двора, к которому обращён деревянный *айван*, - это ещё один из ранних примеров привлечения узбекских мастеров в новую архитектуру. На бульвар и боковые улицы это учебное здание обращено лаконичными и по-новому декорированными *пештаками*, свидетельствуя, что его автором мог быть молодой, новоприбывший в республику, архитектор.

В 1927 году известный в Туркменистане архитектор-художник

70

К.Бобровский проектирует для города Новый Чарджуй здание горисполкома вокруг двух дворики. В квадратный план с коридорами и административными помещениями он необычным образом диагонально поместил объём зрительного зала с вестибюлем в одном конце и сценой в другом. Таким образом, в этом необычном решении плана коридоры административных помещений стали служить и как фойе при вестибюле и сцене. Диагональное расположение зрительного зала внутри квадратного плана разделило квадратный внутренний двор здания на два треугольных в плане внутренних дворики. И эти треугольные дворики превратились в летние фойе. Диагональное решение, столь удачно изменившее традиционный двор, так неожиданно, что возникает вопрос – не было ли такое решение результатом влияния прославленного павильона СССР, построенного в 1925 году К.С.Мельниковым на Международной выставке в Париже?

Такие прорывы в Среднюю Азию авангардных идей – вспомним города-сады Э.Говарда или город на три миллиона жителей Ле Корбюзье – трансформировали местное профессиональное мышление. Но они, как мы видели, не всегда реализовывались, а ещё меньше оценивались по достоинству обществом, поскольку

для этого отсутствовал необходимый творческий центр архитектуры. В таких условиях направленность архитектуры определялась мнением масс или официальным мнением, считавшими именно *пештак* выражением национального. А неизбежный при этом идеологический конфуз от средневековой сущности *пештака* в социалистическом здании должен был, как полагали, устраняться мастерством компоновки его форм архитектором. Поэтому, в 1932 году даже опытный Г.М.Сваричевский ввёл *пештак* в центр протяжённого фасада здания Управления амударьинскими изысканиями, ставшего вскоре зданием Центрального Комитета Коммунистической партии в Ташкенте. Вся проблема виделась в такой компоновке элементов *пештака*, при которой его «культовая физиономия сотрётся дочиста», а для этого и требовались «такт и умение художника, задавшегося известным строем идей», так полагали хорошо знавшие, проектировавшие и преподававшие архитектуру зодчие русской национальности (9). В это время отсутствия национальных кадров в архитектуре, её стиль создавали русские зодчие. Поэтому следует рассудительнее относиться к предположению авторитетнейшего советского теоретика архитектуры о том, что национальный стиль этого времени был связан с панисламом (10). Такая оценка была высказана по поводу здания Управления амударьинскими изысканиями (ныне здание Президиума Академии наук) в Ташкенте. Связывать с панисламом его автора, многоопытного Г.М.Сваричевского, конечно же, абсурд. Центральным акцентом главного фасада здания Управления Г.М.Сваричевский принял *пештак*, но в его верхней части рельефно изобразил волны, стремясь хотя бы этим символом подчеркнуть социалистическое функциональное назначение здания. Стиль национальной архитектуры, как мы видим его на примерах работ В.Д.Журина и Г.М.Сваричевского, искался на данном этапе в обстановке идеологически продиктованных и несправедливых обвинений в панисламе. Стиль был нов и прямолинеен, но в последующем, с ростом национального самосознания и получением несомненного права существования, этот стиль станет мудрее и главное - многообразнее.

АГИТПРОП И КОНСТРУКТИВИЗМ

Как и национальный стиль, конструктивизм начинал воплощать свои эстетические идеалы скорее в некрупных объектах пропаганды. То, что сейчас известно как агитпроп, тогда началось с Декрета о памятниках республики от 12 апреля 1918 года, вошедшего в историю как план монументальной пропаганды. В самом центре столицы Советского Туркестана Ташкенте, его Кауфманском сквере, был убран символ колониальных побед рубежа XIX-XX веков. Памятник Генерал-Адъютанту Константину Петровичу фон Кауфману и войскам его, покорившим Среднюю Азию (1915 г., скульптор Н.Г.Шлейфер), прославлял русское оружие и указывал пределы азиатской части России. Этот символ колониальных побед заменили памятником Освобожденному труду лаконичной деревянной композицией из молота и вознесённого над ним серпа. Памятник служил трибуной проходившим здесь демонстрациям и митингам.

Городской совет Самарканда тоже решил построить памятник в центральном сквере, где были упокоены четыре красногвардейца, павшие в боях за город в феврале-марте 1918 года. Для памятника над ними был рассмотрен и утверждён эскиз, составленный австрийским военнопленным, скульптором из Вены академиком Эрнстом Рушем. Работами по строительству руководил областной инженер Самарканда М.А.Туманов, и 1 мая 1919 года памятник открыли. Стиль австрийского модерна, дорогие строительные материалы, и высокое качество исполнения работ выделили монумент Свободы от скромных и непритязательных памятников этого периода. Монумент по земле окаймлен цепями. В них закованы символизирующие угнетённый мир фигуры Рабов на четырех постаментах по сторонам памятника. Различные позы покорившихся и восстающих Рабов выражают стремление к свободе. Два барельефа посвящены освобождению Запада и Востока. На западном барельефе Пролетарий со знаменем солидаризуется с Рабочим у наковальни, и перед ними бессильна злоба Капиталиста. После этих ясных и понятных фигур-символов, на восточном барельефе мы видим просто трёх Дехкан, лишённых социальной индивидуальности и по-разному реагирующих на свет солнца. Наверху монумента женщина с поднятой рукой и четырьмя радостными младенцами символизирует триумф Свободы, отдалённо напоминая нью-йоркскую статую.

В 1924 году в Красновосточных мастерских железной дороги Ташкента начальник кузнечного цеха Резуненко выразил идею мировой революции в композиции из частей паровоза. От бюста Ленина рычаги передают его идеи пролетариату. Движение рычагов фиксируют кулисы, показывая этим темп борьбы пролетариата в разных странах. Этот темп передается поршням - двигателям истории партии и рабочего класса. А вся композиция вращает колёса мчащегося по земному шару паровоза революции. Части паровоза образуют в плане памятника пятиконечную звезду. Годом спустя эту композицию, но уже со скульптурной фигурой,

повторили на железнодорожном пути Москва-Ленинград (1). А в 1934 году бюст заменили фигурой и в Ташкенте.

В 1924 году бюст работы ленинградского скульптора Матвея Харламова прислали как подарок пролетариату Бухары, и для него в столице Бухарской Народной Советской Республики перепланировали площадь Регистан. Напротив бывшей эмирской цитадели Арк, южнее мечети Боло Ховуз и медресе Шодимбий, на специально привезённом грунте разбили сквер. Мраморные плиты затребовали из ремонтировавшегося тогда бассейна в женской половине дворца Ситораи Мохи Хоса. И в мае-июне организация Центрострой с художником-скульптором А.М.Ровинским возвели памятник с надписью: «Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная против сил и традиций старого общества».

Центром маленьких праздников стал и возведённый к десятилетию борьбы за новый строй памятник 1927 года перед зданием железнодорожного вокзала у Каршинских ворот Бухары. Исполнительный Комитет Бухарского Окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов решил посвятить памятник бойцам Красной Армии, павшим при свержении Бухарского эмирата в августе-сентябре 1920 года, - в том году были свергнуты Хорезмское ханство и Бухарский эмират и провозглашены Хорезмская и Бухарская советские республики. На композицию памятника был проведён конкурс, и до нас дошла фамилия автора осуществлённого проекта: Мульханов. Памятник строили на пожертвования и, хотя он построен из жёного кирпича, композиция стройна и даже ажурна, поскольку изобилует множеством архитектурных деталей. Четырёхгранный обелиск завершён на вершине металлическим макетом глобуса на легкой подставке. Нижнюю половину обелиска охватывает несколько отстоящая от него колоннада. В промежутке между обелиском и колоннадой, с задней стороны памятника, выложены ступеньки на верхнюю площадку. С этой, обращённой на привокзальную площадь, трибуны произносились речи, вдохновлявшие народные массы. Памятник перед зданием вокзала оставался центром площади. Здание вокзала в конце XX века отдали церкви. В это же время на площади построили здание биржи, ставшее ещё одним фоном памятнику. Весной же 2011 года памятник об истории города снесли.

К десятилетию Октября в Таджикистане из камня гор, окружающих кишлак Хорог, соорудили массивное кубообразное основание для крохотного бюста Ленина на стройном пьедестале. Вслед за бюстами, в Среднюю Азию поступали и тиражированные скульптурные фигуры Ленина перед Смольным дворцом Ленинграда (скульптор В.Козлов). В Ашхабаде скульптор Е.Р.Трипольская несколько изменила оригинал: вождь, с направлением правой руки уже на восток, предстал перед массами говорящим об их проблемах Востока. Для скульптуры же в Душанбе долго искали пьедестал. В 1926 году ленинградский архитектор А.Белогруд спроектировал его в виде трёх опрокинутых вершинами вниз пирамид. В возведённом же памятнике 1927 года пьедесталом стали два куба, причём вместе с верхней плитой, все трое повернуты друг относительно друга спиралеобразно. Впоследствии плиту и кубы

поменяли местами, успокоив, таким образом, их несколько вихлявшую композицию, и памятник, таким образом, простоял до распада СССР.

Монументальная пропаганда началась с небольших объектов и по мере расширения строительства в Средней Азии оказывала на него стилиобразующее воздействие. Её знаки и символы переносились на здания, строившиеся всё ещё в стилях колониального времени, хотя бы этим выражалась их принадлежность новому общественному строю. Порой же новый язык архитектурной выразительности находили путём прямого копирования форм известных мемориальных сооружений этого времени. Таков, к примеру, любопытный клуб Союза строительных рабочих города Пишпека. Клуб назван именем Ленина и выполнен в 1927 году неизвестным техником в Управлении строительного контроля при СНК Киргизской АССР. Фасад клуба вдохновлён композицией второго временного мавзолея Ленину (1924-1929 гг., А.В.Щусев). Фасад имеет строго симметричные проёмы главного входа и окон, и в центре над ними, над надписью «Ленин», как и в мавзолее, возведены пять венчающих колонн. От этого центрального портала в обе стороны поднимаются уступами стены фасада клуба - тоже как в мавзолее. В протяженном корпусе главного фасада находится вестибюль, ведущий в канцелярию клуба, библиотеку, красный уголок, шахматную и буфет. В перпендикулярном же ему корпусе спланированы кассы, зрительный зал на 500 человек, сцена и её подсобные помещения. И в плане и на фасаде мемориальный характер этого клуба для рабочих подчеркнут его исключительной симметрией. Дух мемориала здесь даже довлеет над функциями клуба.

72

Первые памятники, как видим, воздвигали на площади завода (Ташкент 1924 г.), на привокзальных площадях исторических городов (Самарканд 1924 г., Бухара 1927 г.), на центральной перекрёстке горного кишлака (Хорог 1927 г.), на столичной улице (имени Путовского в Душанбе 1927 г.). Стиливого единства с окружающей городской застройкой потребует в 1934 году конкурс на площадь имени Ленина в Ташкенте. В это же время для выражения бессмертия нового строя популярными были знаменитые архитектурные сооружения, формы которых повторяли для выражения закона социального развития по спирали. Так, мощная спираль памятника III Интернационалу, выраженная в 1919 году В.Татлиным, вдохновила памятник в Карши (начало 1930-х годов): та же направляющая поступательного движения и те же выразительные повороты спирали вокруг неё. Из-за более инертного, чем у Татлина, материала, формы этого памятника обобщены и приведены к вертикальному положению. В это же время построен памятник в Янгиюльском совхозе, и его спираль аналогична уникальному в архитектуре Востока минарету аль-Мальвийя (то есть, витая, закрученная) в мечети Мутаваккиля в иракском городе Самарра, IX век. Так исламская традиция получила новую жизнь и вовлеклась в стилистическом отношении, в новаторскую пропаганду бессмертия социалистического строя.

Таджикская АССР, с 1924 года в составе УзССР, преобразована 5 декабря 1929 года в Таджикскую ССР. Уже в 1928 году в Душанбе были построены здания ЦИК и

Наркомюста республики. Их привычные ещё с колониального периода протяжённые фасады акцентированы центральным и двумя крайними фронтонами. Новое же время обозначено на них красным флагом, гербом Таджикской АССР и соответствующими крупными надписями.

В эти же 1926-1928 годы во Фрунзе здание СНК Киргизской ССР построил А.П.Зенков, автор здешнего самого высокого в Средней Азии деревянного кафедрального собора. Он выдержал разрушительное землетрясение колониального времени потому, что «талантливый российский зодчий был первым из тех, кто строил в сейсмическом районе, учитывая данные науки» (2). И в здании СНК тоже А.П.Зенков уделил внимание сейсмостойкости: вдоль обращённого к горам периметра здания устроены глубокие приямки. Они должны были приуменьшить удар по зданию идущих от гор сейсмических волн (3). В сейсмически опасных предгорных районах Казахстана и Киргизии, помимо качественного исполнения строительных работ, большое внимание уделяли расположению здания. В 1932-1933 годах, согласно предположениям гражданского инженера П.М.Вильгельмзона, в Алма-Ате на улице Курмангазы гражданским инженером Г.Г.Герасимовым были построены необычные по отношению к линии улицы одноэтажные сырцовые жилые дома для четырех семей народных комиссаров. Диагональ плана каждого особняка была направлена строго с юго-запада на северо-восток, то есть в направлении предполагавшегося воздействия сейсмических волн со стороны гор. Как и душанбинские строители, А.П.Зенков использовал классический стереотип здания, но с развитым Н-образным планом. Его коридоры ведут к девяти выходам, и этим зданию дан открытый демократичный характер. Очевидно поэтому такой план был повторен в 1933 году Госпроектом Туркменской ССР для Дома Советов в Ашхабаде. В нём два внутренних дворика окаймлены характерными для юга галереями. План А.П.Зенкова конфигурацией создавал предпосылки для создания монументального облика крупного общественного здания. Однако, новую образность, здание не обрело. Поэтому, расположенные вокруг его центрального купола классические фронтоны со стрельчатыми готическими окнами обозначены дополнительными символами из арсенала монументальной пропаганды пятиконечными звездами с серпами и молотами.

В эти же годы ландшафтный архитектор Ташкента Я.К.Гаазенкопф выявлял сады, скверы, бульвары, нуждавшиеся в благоустройстве и реконструкции, а также пустыри, которые можно было занять под зелёные массивы общественного назначения. Такие работы, как и объекты монументальной пропаганды, не требовали больших затрат и потому были по силам городским хозяйствам молодых республик. А с открытием в 1928 году в Москве Парка культуры и отдыха имени Горького, в генеральном плане Ташкента 1929-1933 годов тоже важное место занял ПКЮ. К генеральному плану столицы Я.К.Гаазенкопф разрабатывал альбом «Озеленение города Ташкента: городское садостроительство, 1926-1932 гг.», в котором указывалось на важность садов и парков как для оздоровления города, так и для политико-культурного воспитания трудящихся и организации их досуга. Садов,

парков и скверов в альбоме для генерального плана Ташкента было более двадцати, и все они были проиллюстрированы, вместе с мерами по их осуществлению. В разных по своим функциям зонах центрального Парка культуры и отдыха, среди соответствующего назначения зданий, предусматривалось создать из деревьев и кустарников пространства с ближними и дальними планами, объединённые тем или иным художественным стилем. Этому способствовало и введение Я.К.Гаазенкопфом в эти парковые пространства высоких постаментов со скульптурными фигурами и бюстами исторических личностей. Скульптуры составляли единое архитектурное целое с зелёными стенами из аккуратно постриженных насаждений, которые образовывали коридорообразные проходы и небольшие площади в пространствах парка. Так, архитектурные пространства, на этот раз средствами ландшафтной архитектуры вместе со скульптурными акцентами, формировали ещё одну область воздействия монументальной пропаганды на народные массы.

На фоне такого состояния архитектуры Средней Азии, истинно новаторские черты стиля конструктивизм для региона определили братья А.А. и Л.А.Веснины, которых друживший с ними архитектор №1 XX-го века Ле Корбюзье назвал основоположниками конструктивизма. Александра Александровича (1883-1959 гг.) занимали художественные принципы, тогда как Леонид Александрович (1880-1933 гг.) проектировал массовое жильё. Объединившись в 1923 году, их творческий союз в течение последовавших десяти лет и формировал этот стиль. К ним присоединился Моисей Яковлевич Гинзбург (1892-1946 гг.), после учёбы в Италии опубликовавший в 1924 году манифест конструктивизма книгу «Стиль и эпоха». А.А.Веснин и М.Я.Гинзбург редактировали печатный орган конструктивистов журнал «Современная архитектура». С самоопределением республик Средней Азии с 1924 года и с провозглашением в 1925 в Бухаре Узбекской ССР, сюда в эти годы прибывает с экспедицией студентов Московского архитектурного института М.Я.Гинзбург. Он увлечённо знакомится с этим центром ислама, а выполненные под его руководством обмеры памятников публикуются до сих пор во всём мире в качестве уникальных документов архитектуры города. Как идеолог конструктивизма, М.Я. Гинзбург не мог

73

не обратить внимания на поиски в Узбекистане стиля национальной архитектуры и, по возвращении в Москву, опубликовал в 1926 году в «Современной архитектуре» статью «Национальная архитектура народов СССР». В ней М.Я.Гинзбург впервые призвал архитекторов перевести замороженные взгляды с культовых монументов, как он называл, «мёртвого Востока» в совершенно иную область «живого Востока» - народное жильё, его дворики и террасы, рациональную планировку, свободу простых объёмов, контраст белоснежных поверхностей и тёмных проёмов.

И то был новый метод проектирования для Средней Азии. «Мечети Улугбеков» остаются позади, - а впереди новые проблемы «Домов Советов» (4), - провозглашал М.Я.Гинзбург, призывая к широте и смелости в архитектурном мышлении. Убедительность его идей о национальной архитектуре народов СССР и сила их воздействия на проектировщиков для Средней Азии заключалась в том, что он

обоснованно указал на узость и бесперспективность копирования феодальной архитектуры: «Не выдерживает никакой критики воскрешение старых архитектурных декоративных форм того или иного национального стиля, так как эти формы могут отразить лишь одну атавистическую (то есть, свойственную далёким предкам – Ш.А.) национальную идею» (5). Сфотографировав с высоты минарета Калян лабиринты бухарских жилых улочек, М.Я.Гинзбург рассуждал: «Типичный жилой район восточного кишлака, аула или города отправная точка для развития новой национальной культуры Востока. Если мечети Улугбеков - музейное наследие, то живой восточный город и жилой дом – бесконечно ценный материал для изучения, тот материал, который, конечно, должен войти как неотъемлемое данное в новый национальный облик народностей СССР» (6). «В этом лабиринте кривых и узких улочек, сбитых со своих осей, в асимметрии и поперечной протяжённости площадей, в членении жилого дома на несколько отдельных частей и дворов, в чёткости объёмов этой примитивной архитектуры, в плоских крышах и своеобразии в трактовке стеной поверхности, где отверстие окна или двери тонет в аскетической белизне плоских граней, во всём этом сказалось множество чисто функциональных предлосылок Востока» (7).

М.Я.Гинзбург называл конструктивизм молодостью стиля, зрелый стиль виделся ему органичным, а увядание стиля – декоративным. Конструктивизм мастерски развивали и на Западе, но от его тамошней сдержанности русский конструктивизм отличился эмоциональностью, выплёскивавшей энергию жизнестроительства. Этим и гордился величайший из конструктивистов Константин Степанович Мельников (1890-1974 гг.), чей рабочий клуб имени Русакова (1927-1929 гг., Москва) входит в число шедевров мировой архитектуры XX века. «Нас, русских, - писал К.С.Мельников, - захватила сильнейшая жажда строить новое счастье людей»; «я составлял проект грядущего счастья»; «удивительно, что великую среди Искусств Архитектуру вместо наслаждения зовут удобством» (8). Архитекторы конструировали изолирующую человека среду и это рассматривали животворящим в процессе жизнестроительства. Архитектура – функция эпохи, жизнестроение, организация форм новой жизни, - говорил М.Я.Гинзбург.

Новую жизнь организовывали в коммунах. Дом-коммуну в Самарканде С.Н.Полупанов построил из общественного корпуса и пересекающего его протяжённого жилого корпуса, за которым находились бассейн для плавания, спортивные и детские площадки, огород и сад, навесы для домашних животных и птицы, прачечная. В это время коммунальное обслуживание только одного дома подверглось критике, и поэтому в Ташкенте архитектор построил уже не дом, а квартал-коммуну с домом-коммуной, обычными секционными домами, детским садом, спортплощадками, фабрикой-кухней, и прочими. Разработки подобных кварталов способствовали прощупыванию основ планировки будущих городов нового типа, в которых человек высвободился бы от повседневной рутины быта для труда и культуры. Способствовать этому предназначались и фабрики-кухни. Ташкентская фабрика-кухня была призвана

обслуживать как горожан, так и рабочих промышленных предприятий. Её подвал (хранилища и заготовка), первый этаж (кухня), второй этаж (обеденный зал), и крыша (летняя столовая) планировались для обедавших в самом здании и для транспортировки обедов рабочим предприятий города ежедневно. Своей типологией и архитектурной композицией это здание было уникальным в масштабе не только Средней Азии, но и СССР. Здание двумя корпусами Г-образного плана охватывало двор, а угловой ротондой устремлено в город, выступая акцентом в перспективах его магистралей, до 2012 года его сноса.

В жизнестроительстве традиции не являлись главным для конструктивистов, - эти зодчие открыто сознавались в случайности своего обращения к архитектурному наследию. Однако, когда они обращались, то держались своего чёткого кредо. Архитектуру Востока М.Я.Гинзбург прямо называл чуждой, поскольку не раскрыты законы её восприятия и научного анализа. Поэтому, классифицируя наследие по эпохам, конструктивисты выделяли присущее разным эпохам общее. Присущее одной эпохе им было несущественно, но присущее разным эпохам – существенно. Несущественным был выработанный эпохой образ, существенными же – закономерности пространственного построения. Их А.А.Веснин определял как архитектонику, то есть то, что конструктивно, имеет структуру, конструкции. Это понятие конструктивизма обрело популярность в течение XX века, и в сегодняшних вариациях конструктивизма производный от этого понятия термин архитектор означает не пространство и не его закономерности, тем более в разных культурах. Первоначальное понятие стёрла глобализация, и сегодня архитектором называют элемент, многократно повторяемый в архитектурной композиции для придания ей движения и динамики. Наиболее показательным в этом отношении стало творчество английского архитектора иракского происхождения Захи Хадид, которую с юности вдохновляло искусство советского революционного авангарда.

За М.Я.Гинзбургом же, провозгласившем архитектонику народного жилья животворной для нового Востока, уже в следующем 1927 году последовали А.А. и Л.А.Веснины, спроектировавшие подобно такому жилищу Физический институт в Ташкенте. Этот неосуществлённый проект Весниных - важное явление в архитектуре Средней Азии, поскольку в нём найдены точки соприкосновения новой архитектуры с тем, что широко определяется как региональное своеобразие. Ознакомившись со статьёй М.Я.Гинзбурга, даже городской архитектор Ташкента Г.П.Бауэр упростил до конструктивистского аскетизма начатое им в стиле классицизма здание САКУ Среднеазиатского коммунистического университета. Классицизм главного фасада университета оживлён архитекторами от народного жилища - террасами. Сейчас в этом здании на улице Сайилгох находится Министерство юстиции.

75,76

Под влиянием идей М.Я.Гинзбурга и архитектор Г.Г.Вегман - московский участник конкурса 1928 года в Самарканде – нашёл новый образ театра, предполагавшегося и как кинотеатр. Планировка и композиция исходят из климата, быта и облика азиатского города, предусматривая естественную вентиляцию зрительного зала,

трансформацию вестибюля и фойе в сад и на плоские крыши. Умело использован рельеф: на перепаде его высот интересно решена лестница главного входа и парящий над ней навес, поддерживаемый тросами, что вызывает аналогии с архитектурой прошлого. Можно говорить об органической близости такого конструктивизма принципам национальной народной архитектуры. В проекте Г.Г.Вегмана интернациональные средства выразительности (колонны, большие стеклянные поверхности, формы-стереотипы) приближены к эстетике региональной архитектуры, а объемно-планировочная композиция развита изнутри и свободно, - как в народной архитектуре. В 1929 году влияние М.Я.Гинзбурга обнаружилось и у академика архитектуры А.В.Щусева, спроектировавшего вокруг внутренних дворов свободные объёмы Дом правительства УзССР в Самарканде. Используемые плоские кровли, три больших внутренних двора, и широко парящие над входами навесы подчеркивают открытость Дома правительства. Ритм ленточных остеклений масс здания нарастает от ступенчатой башни, расположенной на заднем плане, до башни с часами перед площадью парадов.

Самому же М.Я.Гинзбургу, как мы можем убедиться, так понравился проект Физического института Весниных, что их находки - композицию вокруг дворика, место зала собраний, и даже ракурс перспективы - идеолог конструктивизма повторил в 1928-1931 годах в Доме правительства Казахской ССР в Алма-Ате. Над входом в алмаатинский Дом правительства М.Я.Гинзбург поднял плоскостной объём, монументальностью и Г-образным остеклением напоминающий средневековые порталы с П-образной полосой орнамента. Эту-то монументальную форму М.Я.Гинзбурга и повторил в 1931 году С.Н.Полупанов в Доме правительства УзССР в Ташкенте. Средневековый портал, который М.Я.Гинзбург отвергал в своей теории, в его же практике всё-таки проявился. Интуитивно.

77,78

Заметив этот портал, С.Н.Полупанов заявил его демонстративно ради монументальности, характерной величественным памятникам Средней Азии. Отложив привычные до этого свободу и многообразие своих композиций, он создал две абсолютно ровные плоскости на фоне такого же плоского здания для того, чтобы создать эффект монументальности, характерной для зодчества Средней Азии. Стремление к синтезу с архитектурным наследием Узбекистана являлось постоянной особенностью конструктивизма С.Н.Полупанова. Но нигде оно не получало такого выражения, как в архитектуре Дома правительства в Ташкенте. Со вводом же в эксплуатацию, Дом правительства УзССР С.Н.Полупанова рассматривали как неудачную с функциональной точки зрения и противоречащую эстетическим вкусам постройку. Действительно, покрашенное в пролетарски чёрный цвет, а потом и с солнцезащитными маркизами на окнах, здание перестало вызывать изначально создававшийся образ.

Дом правительства в Алма-Ате М.Я.Гинзбурга оказал влияние также на А.И.Гегелло (1931-1932 гг. Алма-Ата, столовая СНК) и Г.Г.Герасимова (1931-1934 гг., Алма-Ата, Дом связи). Дом правительства вместе со зданием Турксиба (также

М.Я.Гинзбург при участии И.Ф.Милиниса) и Домом связи образовали ансамбль центральной площади казахской столицы, став крупным достижением архитектуры рассматриваемого периода.

79,80

Для зданий же первых университетов поначалу был продолжен П-образный план дореволюционных учебных заведений с главным входом, вестибюлем и главной лестницей в середине, и второстепенными лестницами в боковых корпусах. Такой план оптимально вмещал разнородные помещения (залы, классы, учебные и учительские помещения, хозяйственные службы и мастерские при дворе), главный же фасад решался в стиле классицизма. Первым этот тип здания возродил в 1927 году гражданский инженер Г.П.Бауэр для Среднеазиатского коммунистического университета (САКУ) в Ташкенте. Затем вузовский стиль был развит в здании Педагогической академии (ныне здание Самаркандского государственного университета), построенной в 1928 году гражданским инженером К.Н.Тильтиным. Стиль сохранил положительные черты дореволюционных П-образных планов общественных зданий: в центре и по углам выделены основные места общественных собраний (вестибюль, фойе, зал, аудитории), при них же размещены междуэтажные лестницы, и этим акцентам подчинены планировочные компоненты второго порядка. Коридоры этажей окаймлены кабинетами и аудиториями, и большими окнами обращены во двор. Величавый облик университета решён с учётом его расположения вдоль бывшего Абрамовского бульвара, названного отныне Университетским. Главный фасад расчленён скупо и общо, поскольку он не виден из-за многолетних деревьев бульвара, - зато особое внимание уделено выразительности угловых аудиторий, которые видны издали идущим по бульвару. План самаркандской Педагогической академии продолжен в Рабочем университете в Ташкенте (1929 г., Г.М.Сваричевский) и весьма развит в проекте Политехнического института в городе Чарджоу (1930 г., инженер Пац).

Проекты сразу трёх техникумов - Индустриального земледелия, Гидротехникума и Художественного - выполнил направленный в УзССР из украинского города Харькова молодой архитектор С.Н.Полупанов. Начал он их для Самарканда, являвшегося столицей республики по 1929 год, а завершил в 1930 году. Наиболее артистичный Художественный техникум подытожил искания архитектора в первых двух проектах. Над выступающим вперёд корпусом зала выведено «ХУДКУСТРОМТЕХНИКУМ» - художественный кустарно-промышленный техникум. Композицию обогащают два других корпуса, башня лестничной клетки и объём вестибюля. Широко раскрытые террасы являются продолжением коридоров техникума на его главном фасаде. Они, вместе с самаркандскими орнаментами на торце зала и на лестничной башне, подчеркивают стремление архитектора к синтезу с местной культурой зодчества. Техникум, бесспорно, явил новую архитектуру учебного заведения. Не случайно пять лет спустя С.Н.Полупанов повторил её в Ташкенте для типового педагогического техникума. Художественный

81

техникум построили на старгородской улочке Намазга (впоследствии Авиационная), что находится в низине за колониальным Абрамовским бульваром Самарканда. Объединить кустарей, то есть ремесленников, с новой промышленностью стремились в начале XX века авангардные учебные заведения, и самым ярким из них был германский Баухаус в городе Дессау, построенный в 1925-1926 годы Вальтером Гропиусом. Сравнение с ним самаркандского Художественного техникума показывает, что С.Н.Полупанов вдохновлялся не только функциональной программой этой лидировавшей тогда германской школы, но и её беспрецедентной архитектурой. Свободная композиция из двух Г-образных блоков, высящаяся над ними башня, характерный шрифт названия школы, и даже ракурс перспективы здания Баухауса на его всемирно известной фотографии, - всё это вдохновляло С.Н.Полупанова при создании самаркандского Худкуспромтехникума. Это учебное здание вскоре перестало функционировать, - очевидно, из-за переноса столицы из Самарканда в Ташкент. В нём разместилась областная противотуберкулезная больница и, с переделками в начале 1930-х годов в стиле классики, здание утратило первоначальный облик.

Эмоциональная составляющая естественным образом становилась первостепенной в творчестве конструктивистов, и тут ассоциации с наследием были попросту неизбежны. Важным было, как понимать наследие. М.Я.Гинзбург и А.А.Веснин рассматривали эмоциональное шире, стремясь найти его первопричины в общественном устройстве, а также в пронизывающем всю природу ритме, темпе. Каждая архитектурная задача рассматривалась как иной ритм, иной темп, и иная, в результате, образность. Конструктивисты отвергали уже сложившиеся образы или символы. Образы одной эпохи непригодны для другой, говорил А.А.Веснин, образность нельзя подменять символизмом. Задача современной архитектуры, уяснял М.Я.Гинзбург, - найти такие формы и законы их сочетаний, в которых проявится ритмическое биение наших дней. И в пример он приводил отличие динамичного американского темпа жизни от романтического, как он считал, европейского. Ритмы жизни, заключал А.А.Веснин, диктуют архитектуре свои метры и свои пропорции.

В этих исканиях кубизм художников помог найти архитекторам средство выражения ритмов - архитектонки. После того, как в 1912 году художник П.В.Кузнецов (1878-1968 гг.) на полотне «Восточный город - Бухара» уподобил её «сакли», как тогда говорили, заокеанским небоскрёбам, в 1931 году архитектор Я.Г.Черников (1889-1951 гг.) в фантазии «Город Востока» вознёс многоэтажные дома Аравии и Кавказа до величия небоскрёбов Манхэттена. Манхэттен вдохновил и Ле Корбюзье на проект города для 3 млн жителей (1923 г.), и этот проект отозвался в первом проекте перепланировки Ташкента А.А.Сильченкова. Но в перепланировке Ташкента архитекторами стали не кубы и призмы, а районы города. Ими была образована федерация полуавтономных районов, как в концепции организованной децентрализации столицы Хельсинки финского архитектора Элиэла Сааринена. А поскольку Советы

отвергали крайности урбанизма и дезурбанизма, А.А.Сильченков и попытался примирить урбанизм Корбюзье с дезурбанизмом Сааринена.

Архитектонам, этим «чистым конструкциям без балласта изобразительности», придавались, как и в абстрактной живописи, «энергетическая активность» и «динамические свойства». Архитекторы должны были разворачивать их изнутри наружу, соблюдая, по А.А.Веснину, «удельный функциональный вес» каждого. Архитектоны египетских храмов постепенно сжимаются и психологически подавляют, в вилле же римского императора Адриана в Тиволи они гармонично контрастируют, а у Ле Корбюзье они переливаются друг в друга, - я же, продолжал А.А.Веснин, низким вестибюлем сильнее развернул фойе и большой зал (9). Так конструктивисты разъясняли важность архитектонов.

83

Конструктивизм - и это важно - не отождествлялся с техникой. Увлечаться новейшими строительными материалами не следует, предостерегал К.С.Мельников. Техника – это лишь одно из средств: «Как бы техника не кичилась, ей никогда не достичь того храма, который она строит, и не перекричать застенчивый шёпот Искусства» (10). В силу такого своего убеждения, даже стиль модерн К.С.Мельников относил к «архитектурным клячам» из-за того, что, принимая новые конструкции, тот всё же облачался в старые формы.

Новое следовало создавать функциональным методом и активным отношением к жизни. Важно было «форму вывести из содержания с творческим воображением» (11), создавать «силами конструктивными систему пространственных переживаний человека», - пояснял М.Я.Гинзбург (12). К.С.Мельников же говорил о важности культуры архитекторов, которые должны «управлять глазом, как музыкант управляет слухом» (13). «К.С.Мельникова в истории архитектуры привлекало развитие конструктивно-пространственных средств. Этим объяснялся его интерес к Риму и готике, а сложность его пространственных построений была более близка архитектуре барокко, чем классици» (14). К.С.Мельников утверждал «Творчество там, где можно сказать – это моё» (15). Этот гений подтрунивал над лидером рационалистов Н.А.Ладовским, скептически воспринимал саморекламу Ле Корбюзье и отвергал журнал конструктивистов «Современная архитектура». Это давало повод некоторым исследователям противопоставлять его всем архитектурным направлениям, включая и конструктивизм. На деле, индивидуалистские и отторгающие заявления К.С.Мельникова исходили от его мастерства, вознесшего до совершенства именно конструктивистский метод.

В 1934 году в Ташкенте объявили конкурс на проект Дворца культуры и труда - весьма характерного для этой эпохи здания. Крупнейшему зданию столицы отвели большую территорию южнее проспекта имени Файзуллы Ходжаева (ныне Алишера Навои), который предполагалось застроить новыми зданиями Наркоматов УзССР. По программе конкурса (16), в состав Дворца вошли: Центральные профессиональные союзы (1380 кв.м), Узсовпроф (540 кв.м), вестибюль, почта и телеграф (318 кв.м), зал заседаний и столовая (360 кв.м). Строительство предполагалось, главным образом,

из жёжёного кирпича; железобетонные конструкции допускались только в неизбежных и конструктивно оправданных случаях; лишь незначительную часть комплекса разрешалось проектировать в четыре этажа. Проектирование осложнялись и тем, что конструктивизм в чистом виде был уже нежелателен, а предписанную руководством страны новую архитектуру Советского Востока – «Восток плюс классика» - ещё предстояло определить.

К.С.Мельников спроектировал Дворец культуры и труда в виде архитектонов - диска и разлетающихся прямоугольников, - которые он рисовал ещё в 1924 году для Павильона СССР на выставке в Париже. Динамика архитектонов занимала его постоянно: выстреливающая композиция его выдающегося здания - клуба имени Русакова в Москве 1927-1929 годов - родилась тоже из идеи дать «орудийный залп в Будущее».

«Основным принципом, коим руководствовался архитектор при проектировании Дворца культуры и труда, было стремление свести все части здания - театр, клуб, административный центр и др. - в единую мощную архитектурную композицию» (17). С левой стороны Дворца размещён многогранной формы театр (зал съездов) со стоянкой автомашин, справа административный центр, а прямой путь ведёт в клуб и далее в парк вдоль арыка Чор Су. Всего Дворец имеет пять самостоятельных входов, ведущих, помимо прочего, в киноаудиторию квадратной формы и столовую круглой формы. По фасаду административного корпуса находятся трибуны и над ними - одномаршевые, с каждого этажа, лестницы. Последние привлекли архитектора как средство не только декорации, но и эвакуации при землетрясениях. «Детали решения полны характерной для архитектора Мельникова смелости и интересны как попытка добиться собственного языка архитектурной выразительности», отмечала архитектурная пресса (18). К.С.Мельников предвосхищал: «Архитектура внешнего облика дворца построена на игре цвета и тени. Изумительное ташкентское солнце должно жить в содружестве с формами дворца и помогать ему вырисовывать эти формы на голубой лазури узбекистанского неба» (19). И он писал в Ташкент: «То, что называется архитектурой, есть величественное. Звучный язык гранита архитектуры тысячелетним эхо возмужает сердце человека. Формы архитектуры широким гулом из века в век переделываются и сохраняют свежесть и славу своего времени. Ценность архитектуры - в её смелых творениях» (20). Центральный диск Дворца трактован как круглый, характерный для архитектуры классики, форум с монументом: сюда, мимо трибун, шествовали пассажиры. Энергично изогнутый диск форума, разлетающиеся от него блоки, сдвоенные коридоры и окон, изображения и знаки воздействуют на эмоции при движении вокруг и внутри здания. Диск, изначально занимавший архитектора, усилён как форум той самой мотива классических колонн. Они, однако, не изобразительны, как в архитектуре классики, а оголены, и их ордерная система построена исключительно на правильных пропорциях, как того требовал А.А.Веснин. Архитектор соединил свой форум с улицей посредством сужающейся и этим как бы приглашающей авантюристки.

Другой конкурсант С.Н.Полупанов получил право реализации своего проекта Т-образного в плане здания, обращённого к улице пассивно протяжённым фасадом, - по этой-то причине здание в последовавшие годы потерялось за сквером с памятником Алишеру Навои и ныне используется по отдельности как театр юного зрителя, музей, и прочее. Т-образный план и пассивный фасад не выразили многофункциональную программу Дворца. Иначе, чем у К.С.Мельникова, С.Н.Полупанов трактовал и так называемый узбекский ордер, в котором упростил пропорции и детали деревянных колонн кварталных мечетей старых городов. Дворец культуры и труда, заказанный преимущественно как административный и строгий, получил у С.Н.Полупанова излишнюю декоративность. Вскоре во всех республиках Средней Азии стартовали поиски их собственных ордеров с национальными признаками.

В Средней Азии начала XX века конструктивизм проявил свои важнейшие в международном масштабе черты. Опыт нашего региона подтвердил, что этот стиль воплощал поиски не столько технические, сколько прежде всего социальные и духовные. Конструктивизм организовывал восприятие нового и возвышенного для социально эволюционировавших программ архитектуры и градостроительства. К.С.Мельников пояснил это: «Архитектуру не делают, за Архитектурой летают» (21).

Из конструктивистских зданий давно ушли экспериментаторские программы жизнестроительства. Некоторые снесены, как ташкентские Дом правительства, дом-коммуна, фабрика-кухня. Оставшимся и приспособленным для других функций зданиям незнание их первоначальной важности нанесло ущерб, алмаатинскому Дому правительства (ныне университетское здание) и самаркандскому дому-коммуне (ныне сельскохозяйственный лицей), - поскольку эти здания сильно изменены. В 1980-е годы составлялся «Свод памятников архитектуры Узбекистана», и в него мною были введены здания начала XX века. В результате, на здании САКУ, ныне Министерство юстиции, присутствует охранная табличка. Остальным зданиям так не повезло. Даже те, что сохранены достойно, реставрированы в угоду сегодняшним вкусам, не в стиле той эпохи. Сохраняя здания наших городов, мы бережём наше лицо, уникальную и богатую историю. Соблюдая же при этом стили их эпох, мы выказываем состояние уровня нашей сегодняшней культуры.

1934-1954: ПО ГЕНПЛАНУ МОСКВЫ

Это этап подъёма тоталитаризма в ряде стран Европы и в СССР, и политики подавления национальностей в советском государстве. Создание Академии архитектуры СССР содействовало исследованиям научных основ архитектуры и градостроительства. Постановление о генеральном плане реконструкции Москвы дало директивы для разработки таких планов для столиц и городов союзных республик. Великая Отечественная война 1941-1944 годов и последовавшая за ней «холодная война» стали испытанием для системы социализма и сдержали развитие архитектуры. С начала 1950-х годов вступили в строй первые домостроительные комбинаты. Всесоюзное совещание архитекторов 1954 года пресекло архаику в архитектуре. Набирали темпы типизация жилищного строительства, ориентация на местные материалы механизация и индустриализация строительства. С последовавшей после смерти Сталина политикой «оттепели» налаживались отношения с Западом, и это высвобождало научную и культурную жизнь страны.

По первым генеральным планам начала 1930-х годов на периферии городов строились 1-3-этажные рабочие городки с измельчённой уличной сетью и небольшими скверами общественных центров, и эти генеральные планы оставались документами для реконструкции населённых пунктов до 1950-х годов, указывая зоны центров жилых районов, промышленности, и основные магистрали. В административно объединённых новых и старых городах, под лозунгом «Ударим по старым городам!», распространялась единая квартальная планировка улиц. Регулярно спланированные и благоустроенные города колониального периода распространяли свой порядок на территории старых городов. При этом сохранялись монументальные памятники несомненной ценности, а менее капитальные махаллинские и гузарные центры были приспособлены, а то и разрушены. С начала 1930-х годов в Ташкенте прокладывались центральные улицы имени Алишера Навои, Усмана Юсупова, Ахмада Дониша, Богдана Хмельницкого, Шота Руставели и другие, соединив центр с рабочими городками на окраинах. По этим улицам с 1935 года помчались ширококолейные трамваи, - они прослужили до марта 2011 года, когда их рельсы начали убирать и проезжие части расширять для значительно возросшего числа автомобилей.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1935 года «О генеральном плане реконструкции Москвы» указало на необходимость роста столицы, её зонирования, формирования ансамблей улиц и площадей, строительства метрополитена, и др. Советское градостроительство порывало с той моделью дезурбанизма, которая предлагала формирование вокруг столиц колец из городов-садов, промышленных городков, и так далее. С ростом населения до 5-6 млн жителей на 30 лет, «Москва должна стать не союзом посёлков, а городом-столицей», так определил цель архитектор В.Н.Семёнов в своей «Теоретической схеме Москвы» 1933 года. В ней выразилась концепция роста столицы. «Теоретическая схема Москвы»

87,88

показывает, что В.Н.Семёнов находился под влиянием международного конкурса 1930 года на проект реконструкции Москвы. Тот конкурс дал блестящие идеи роста советской столицы, в частности В.Н.Ладовским и Ле Корбюзье. Проект Ле Корбюзье повлиял на «Схему» В.Н.Семёнова, и это видно в графических средствах выражения роста Москвы. Ле Корбюзье предлагал вырастить Москву на новые территории, обеспеченные самым современным скоростным транспортом. Однако жизнь диктовала своё, и потому В.Н.Семёнов поставил рост Москвы в зависимость от наличных средств передвижения. И в этом смысле самым надёжным мотором для роста Москвы становился начавший строиться тогда метрополитен. Поэтому столица, неузнаваемо выраставшая у Ле Корбюзье, сохранила у В.Н.Семёнова свой округлый план с прямоугольными блоками новых районов в направлениях роста. В.Н.Семёнов не принимал планировку в виде «сеток», полагая, что они делают город однообразным. Он предпочитал планировочные «структуры», придающие городу индивидуальность. Он предлагал мастерским ведущих архитекторов создать на основе таких планировочных структур городские ансамбли. Образцовыми, при этом, назывались ансамбли Вены, Парижа, Ленинграда. В.Н.Семёнов реконструировал кольцевые магистрали, а радиальные магистрали в наиболее важных направлениях превращал в пересекавшие центр диаметральные магистрали. Магистралями и зданиями на них формировались главный и локальные центры. Широтное направление Москвы росло быстрее и потому стало главным. И вдоль этого направления вырастали планировочные кольца столицы. Магистралям следовало выразить движение к центрам не коридорной обстройкой, а просторными улицами с площадями и аркадами, приглашающими в жилые кварталы. Такое движение и формировало образы ансамблей. В.Н.Семёнов считал: «Центр может «держаться» дистанцию не более двух-трёх километров. А дальше, по удобству и по условиям местности, нужно создавать другие группировки со своими центрами и своими композициями» (1). Такой двухкилометровый центр и был впоследствии усилен в развивающейся по сей день композиции центра Ташкента.

Пока будущая Москва рождалась в планировочной мастерской В.Н.Семёнова, под руководством его однофамильца Н.Семёнова создавался второй проект перепланировки Ташкента 1933-1937 годов. Ташкент проектировался радиально-кольцевым, как это уже было одобрено для Москвы. От центра его нового города к центру города старого была запроектирована двухкилометровая полоса парка. Её пересекала, вдоль канала Анхор, другая зелёная полоса с северо-востока на юго-запад. Параллельная ей зелёная ось была развита на востоке, вдоль канала Салар. То есть, как и в генеральном плане Москвы, значительные территории центра и периферии, были отведены под парки. На территории колониального города Ташкента возрождали его вторую площадь – Воскресенский базар. И в 1937 году площадь расчистили от стихийной торговой застройки для строительства здесь театра оперы и балета на 1300 мест.

С учётом двух проектов перепланировки Ташкента, третий его генеральный план выполнил в 1938-1939 годы московский институт Мособлпроект.

Автор А.В.Кузнецов уже 11 апреля 1938 докладывал на заседании СНК Узбекистана. За 20 предстоящих лет население города планировалось от 585 тысяч до 900 тысяч. Помимо развития на северо-восток (Рабочий городок на Тахтапуле), возникли два полюса роста: Ташсельмаш на северо-востоке и Текстилькомбинат на юго-западе. Поэтому территория в 14 тысяч гектаров росла на северо-восток и юго-запад. В тяжёлой и лёгкой промышленности планировались 117 тысяч рабочих. План имел 12 радиальных улиц, 3 кольца и несколько секущих направлений. Вдоль каналов – озеленённые полосы, а вокруг города – лесопарковый пояс 7-12-километровой ширины. Намечалось сохранить 20% жилого фонда, и новое жилье строить 2-3-этажным. Главной целью оставалось стирание грани между старым и новым городами.

Активизировались работы по главной площади Ташкента. Оставшаяся от колониального города, небольшая и окаймлённая одноэтажной жилой застройкой и деревьями вдоль арыков, она тогда именовалась Красной, затем имени Ленина, и ныне Мустакиллик. Конкурс 1934-1935 года учёл высившийся на востоке площади Дом правительства УзССР. Конструктивистски лаконичный и выкрашенный в пролетарский чёрный цвет, он рассматривался теперь как «незаконченное оформление здания», поскольку советская архитектура взяла курс на освоение классического наследия. Поэтому здесь решили поставить памятник В.И.Ленину и впервые связать этот объект монументального искусства с градостроительным ансамблем площади. Московский проект (В.Д.Королёв, Д.П.Осипов) предложил колоссальный, то есть на несколько этажей, ордер по фасаду Дома правительства, памятник на севере площади, а при входе на площадь с востока две высокие колонны с фигурами рабочего и колхозницы. Премированный проект (Архитектурно-планировочного управления Ташгорсовета под руководством Л.Райкина) сохранил конструктивистский стиль Дома правительства, от него предусмотрел вход на площадь, а памятник разместил на востоке. В 1937 году перспективу Красной площади Ташкента выполнила, под руководством Л.Н.Воронина и М.Н.Дудина, будущий планировщик многих городов Узбекистана Т.Н.Калиновская. В этом проекте, в сравнении с конкурсными проектами, размер площади уменьшен двумя новыми зданиями на востоке, а рабочий и колхозница теперь установлены на их углах, обращённых к площади. На месте Дома правительства высятся новое башенное здание, вдохновлённое проектировавшимся тогда в Москве высотным Дворцом Советов (1933-1935 гг., В.Гельфрейх, Б.М.Иофан, В.А.Щуко). Шпиль башенного здания и высящиеся на востоке рабочий и колхозница поддержаны обелиском в центре площади. Гигантские арки к северу и югу от башенного здания отмечают вход на площадь и выход из неё. По торцам башенного здания площадь раскрыта на запад, к каналу Анхор, парку за ним, и далее к старому городу Ташкента. Проект Л.Н.Воронина, М.Н.Дудина и Т.Н.Калиновской повлиял на формирование этой и других площадей Ташкента, а заявленное в нём направление на запад, к старому городу, было развито в генеральном плане столицы 1938-1939 годов. Так, уже с 1937 года – по образцу

этого проекта – новые площади Ташкента стали формироваться доминантами из двух зданий до 4-5-этажей. Примеры: на площади Бешагач перед входом в Комсомольское озеро – два 4-х, а в углах 5-этажных жилых дома с колоннами колоссального ордера; против Педагогического института – такой же этажности жилые дома Текстилькомбината (1938 г., М.Беспрозванный).

На решётчатом плане улиц юго-запада Ташкента поднялся Социалистический городок Текстилькомбината с учреждениями культурно-бытового обслуживания и крупными зданиями Педагогического института (1938 г., А. и Е.Жмуйда), дворца Текстильщиков (1940 г., А.Корнаухова, А.Галкина), и собственно комбината с его поликлиникой (1936, К.В.Бабиевский). Центр Ташкента окружили шесть районов, и за ними, в радиусе 5-10 км, формировался зелёный пояс. Город насчитывал 10 парков культуры и отдыха, с 3-мя новыми на периферии. В центре, – наряду с Садами отдыха (ныне сад Ухокимията Ташкента), сквером Коммунаров (за Государственным музеем изобразительных искусств), сквером на площади Эски Джума и парком имени А.С.Пушкина (ныне А.Кадыри), – за 45 дней 1939 года комсомольцы преобразовали карьер кирпичного завода за площадью Беш Ёгоч в Парк культуры и отдыха, названный Комсомольское озеро (М.С.Булатов, Л.Г.Караш, ныне Национальный парк). К 1942 году были благоустроены 300 га парка Победа (М.С.Булатов, А.Мухамедшин). В составе генерального плана Ташкента 1938-1939 годов был разработан стиль архитектуры кварталов вдоль улицы Навои, и этот стиль застройки был далее развит в ансамбле трёх зданий: кинотеатра Ватан, Управления Среднеазиатского угольного бассейна и Горного техникума (А.А.Сидоров, Н.Н.Тимофеев). В 1938 году на Урде построили мост через канал Анхор, и строительство улицы Навои стало первоочередным, ибо через неё в старый город вводилась новая жизнь и крупные здания, – как нынешнее здание Министерства здравоохранения, ряд 3-этажных жилых домов и крупнейшее в городе здание издательства.

С окончанием войны 1941-1945 годов, возобновились работы по главной площади Ташкента. Конкурс 1945 года выявил два стиля её реконструкции. Проект В.Е.Архангельского, А.И.Петелина, А.А.Сидорова вдохновился средневековым и многократно повторенным куполом Гури Амира. Проект А.Б.Бабаханова, В.Волчек, С.Н.Полупанова исполнен в сдержанном классицизме, отобран, и в 1946 году утверждён Всесоюзным конкурсом. Окончательный проект Правительственного центра (1947 г., А.Б.Бабаханов, В.Волчек, С.Н.Полупанов) продолжил идеи Воронина-Дудина 1937 года: сохранилось шпильобразное здание на месте Дома правительства и шпиль обелиска в центре площади. На севере и юге площадь ограничена одинаковыми корпусами зданий. Дом правительства фасадом обращён на восток, к прежде колониальной части Ташкента, а своими колонными дворами на берегу канала Анхор – к старому городу. Из этого проекта лишь к Дому правительства 1931 года были пристроены два боковых корпуса: зала заседаний Верховного Совета, и правительственной столовой.

Пафос победы в Великой отечественной войне выразили, согласно классическим традициям, возведением Курантов (1947 г., А.Мухамедшин) на сквере новгородской части Ташкента. Подковообразный план сквера нашли, очевидно, схожим с такой же конфигурацией площади Пьяцца дель Кампо в итальянском городе Сиена, над которой высится *кампанилла*. В архитектуре Курантов видны и конкретные черты иранских, например города Язд, *бадгиров* – ветроулавливающих башен. С магазинами первого этажа Куранты эти стали визитной карточкой Ташкента, и они поныне сохраняют гармонию с возводимыми вокруг новыми зданиями.

92

С 1947 года в Ташкенте начали курсировать троллейбусы, а с 1949 года значительно удлинились трамвайные пути и продолжал увеличиваться автомобильный парк. В 1949 году на улице Навои, перед Дворцом культуры и труда, ставшим Домом Советов (1939 г., С.Н.Полупанов, А.А.Сидоров, В.Е.Архангельский), возвели памятник Алишеру Навои (скульптор Л.Дитрих, архитектор В.Волчек). По оси здания и памятника, то есть в ансамбле с ними, на противоположной стороне улицы построено здание Управления треста Чирчикстрой (1950 г., В.Е.Архангельский). Центральные улицы сформировались в Андижане, Намангане и других городах Узбекистана. С инженерными сетями и транспортом они начали модернизацию старых городов. Их застройка зданиями в классицизме и национальном стиле распространила центральную зону в старые города. Каркас улиц первой очереди строительства был дополнен новыми площадями и парками культуры и отдыха, сформировалась центральная зона столицы (1949 г., М.С.Булатов). Проект планировки Ташкента 1938 года был откорректирован генеральным планом 1954 года (А.П.Бушуев, М.С.Булатов): территория столицы увеличилась к 1960 году до 20 тысяч гектаров, а население - до 800 тысяч человек. В это время диаметр Ташкента вырос с 10 км в конце XIX века до 25 км.

93

Строились новые промышленные города Чирчик, Бекабад, Янгиюль, Янгиер, Ангрен, Алмалык, Кувасай, Нукус и др. Чирчик был образован в 1934 году к северо-востоку от Ташкента из нескольких посёлков при кишлаке Ниязбек и селе Троицком. Генеральный план разработан московским Гидростройпроектом (1933-1936 гг., Г.Орлов, В.Лавров, В.Веснин). В 1940 году здесь начала работу гидроэлектростанция, и подъём воды в реке Чирчик позволил развить ирригационную сеть района. Вступили в строй промышленные предприятия. В 1947 году корректирована планировка Чирчика, а в 1952 году утверждён его генеральный план. Архитектурный классицизм отозвался в симметрии плана, колоннах и карнизах Дворца культуры химиков (1956 г., архитектор А.Петросов). В двух выдвинутых вперёд корпусах Дворца находятся помещения для культурно-просветительской работы, а входной парадный двор между ними раскрыт через два ряда колонн колоссального ордера на площадь. Аскетизм стиля Дворца возвестил грядущую смену классицизма следующим этапом новой архитектуры.

94

В реконструкции исторически сложившихся городов Узбекистана не терпевшая инакомыслия советская идеология открыто проявляла свою сущность и, под предлогом борьбы с религией, игнорировала и разрушала их. Первейшим средством в этом была пробивка магистралей через центры этих городов.

95

Показателен в этом отношении почти неизвестный генеральный план Бухары, разработанный в первой половине 1930-х годов мастером советской архитектуры И.В.Жолтовским (1867-1959 гг.). Генеральный план стал первой попыткой социалистической реконструкции этого классического города ислама, в котором главная ценность – его древняя, плотная и веками обогащавшаяся морфология, то есть каркас улиц, площадей, зданий. «Даже самые прекрасные сооружения мертвы, если они не связаны идеей единого города как живого, социального и архитектурного организма», - писал в это время мастер, словно подтверждая своё стремление создать новую Бухару целостно. «Начиная думать об образе будущего сооружения, я стараюсь решить основной для себя, как архитектора, вопрос: вхожу ли я в город для того, чтобы разрушить его существующую архитектурную композицию, или я подчиняюсь ей? Есть ли уже в этом городе архитектурная гармония или я её должен только создать?» (2). Бухару своим планом И.В.Жолтовский определённо разрушал. На древнюю морфологию города наложена решётка магистралей, продолженная на юг, куда впоследствии и развивалась новая застройка города. В этой решётке выделены две осевые магистрали север-юг и восток-запад, пересекающиеся к юго-востоку от ансамбля Лаби Ховуз, на границе древнего города. На этой новой советской площади общественные здания расположены на севере, а на восток и запад от площади тянутся новые жилые кварталы, - как это и будет исполняться в Бухаре 1930-1950-х годов. Южнее новой площади распланирован огромный прямоугольный Парк культуры и отдыха с театром, - ещё одно пространство советского центра города. Планировка несколько раз округлена магистральями и их площадями, которые прерывают монотонность решётки новых дорог. Кварталы решётки укрупнены по мере ухода от древнего города к периферийным территориям. Как организовывать жизнь в кварталах, в тогдашнем советском градостроительстве чётких критериев не было. План И.В.Жолтовского, сообщила московская «Строительная газета» в статье «Проект новой Бухары», закончен в Горстройпроекте №1 архитектором Меерсоном и инженером Домбовским как генеральный проект планировки и реконструкции. Облик города изменён коренным образом. В старом городе намечено строительство школ и учреждений культурно-бытового обслуживания, водопровода и канализации. Главную широтную улицу имени Ленина (то есть нынешнюю имени Бохоуддина Накшбанда) предполагалось расширить до 60 метров. На всех улицах и площадях зелёные насаждения и бульвары. Десятки кварталов двухэтажных домов. Начаты работы по приведению в порядок канала Шахруд, - он приносит воду в плавательные бассейны и водоёмы города. Население увеличивается на 30 тысяч и составит 80 тысяч. Выполненный под руководством И.В.Жолтовского проект был рассмотрен и

одобрен Архитектурным советом Горстройпроекта. Эскизный проект обсуждался на собраниях трудящихся Бухары и встретил общее одобрение, - заключила газета.

В 1937 году в Узпланпроекте Ташкента архитектором Ф.И.Долговым выполнен второй генеральный план Бухары. Проект И.В.Жолтовского здесь трактован чётче: выделены тот же парк, а также несколько бульваров, и между ними – уже не мелкая решётка кварталов, а более крупные жилые образования. На предшествовавшем этапе архитектуры Ассоциация революционных урбанистов проектировала междугородную магистраль через центры городов Ферганской долины, и улицы взрывоподобно уничтожали исторические города. В подобном духе и И.В.Жолтовским была спланирована новая административная площадь Бухары у цитадели Арк. Ф.И.Долгов тоже спроектировал новое административное здание у входа в цитадель Арк, а от площади Регистан тоже взрывоподобно расчертил 4 прямые улицы, которые затем и были проложены. Вот так транспорт стал вторым, после оружия, средством Советов в разрушении Бухары. Магистрали первого генерального плана города разлетелись от площади Регистан подобно взрыву. И транспорт пересёк центр исторического города с востока на запад. В 1948 году тот же архитектор в том же институте, переименованном в Узгоспроект, выполнил генеральный план исторической Хивы. В её внешнем городе Дишан Кала им спланирована новая административная площадь с теми же расходящимися от неё четырьмя прямыми улицами. Архитектура такой площади была разработана в проекте центра города Ургенча, расположенного в трёх десятках километров к северу от Хивы. То есть, заявленная в начале 1930-х годов концепция взрыва исторических городов продолжалась в их проектировании и застройке до конца 1940-х годов.

Осевое направление роста, предпринятое для Москвы, чётко проявилось в генеральном плане Самарканда (1937-1938 гг., Узпланпроект, М.С.Булатов). Завершивший учёбу в Московском архитектурном институте М.С.Булатов не знал о функционировавшем в конце 1920-х годов Бюро по перепланировке городов Средней Азии и его проекте для Самарканда. Генеральный план М.С.Булатова был вызван всё той же необходимостью уничтожения, как говорили тогда, разницы между старым и новым городами и создания города с единой планировочной структурой. Учитель М.С.Булатова в Московском архитектурном институте – архитектор двора его императорского величества Г.Д.Гримм – привил юноше взгляд на историю архитектуры через учения о пропорциональности. И впоследствии пропорции стали главным в проектах и исследованиях М.С.Булатова. Генеральный план Самарканда, с этой точки зрения, тоже весьма выверен геометрически. 136-тысячный город на территории 3,9 тысяч гектаров спланирован вдоль символической осевой магистрали от Обсерватории Улугбека к железной дороге на юго-западе. Ось проходит по центру колониального города, радиально-секторный план которого сливается с радиально-кольцевой планировкой города советского. В Самарканде магистрали чётче в сравнении с генеральным планом Ташкента: они делят город на районы, и внутри таких районов уличная сеть кварталов прямоугольна. В 1951 году Академия

архитектуры СССР заявила идею изоляции или «планировочного обособления» памятников в композиции города. В генеральном плане М.С.Булатова это уже сделано: Афросиаб превращён в парковую зону, а на город Темура и площадь Регистан наложена новая планировка.

В Самарканде, из-за его нескольких крупных ансамблей, - поясняло издание Академии архитектуры СССР, «задача планировочного обособления решается сравнительно просто. В Бухаре или Хиве памятники разбросаны, обособление невозможно, возникает проблема объединения в ансамбль с современными сооружениями и подчинения их новому по своему содержанию художественному образу» (3). Академия архитектуры СССР не находила ненормальными такие свои формулировки, как «реконструкции подвергаются города» или же «включение памятников архитектуры в композицию города осуществляется посредством их обособления» (4). Градостроительство же претворяло в жизнь такие директивы. И, как следствие этого, в генеральном плане и проекте первой очереди строительства Самарканда (1954, Узгоспроект, Ю.Бульчёва и др.) главные транспортные магистрали проложены через центр исторического города. От вокзала на юге через Регистан к Афросиабу и к аэропорту на севере проложены улицы Регистанская и Ташкентская, впоследствии расширенные согласно проекту реконструкции (А.Балаев, Ю.Бульчева, И.Габриэльян). Площадь Регистан «планировочно обособлена» и отгорожена от исторического города стеной четырёхэтажных домов серии 1-310, типовой четырёхэтажной школой, магазинами, кинотеатрами, и т.д.

Постановление о генеральном плане реконструкции Москвы привело к поискам градостроительных норм с учётом опыта Англии, США, Германии, Франции. Так, жилые кварталы стали составлять 40%, общественные кварталы – 20%, озеленение - 20%, улицы и площади - 20% территории города. Вошло в обиход понятие «радиус обслуживания» и, согласно ему, по городу стали распределяться здания, составляющие общегородские, районные и квартальные центры. Были проблемы с полным перечнем таких культурно-бытовых зданий. Композиции жилых районов и общественных центров рисовались по образцам градостроительных ансамблей прошлых веков (5). В 1938-1939 годах впервые в СССР В.В.Кратюком был спроектирован экспериментальный микрорайон 1500x1200 метров с населением 6 тысяч человек. В нём были использованы идеи произошедших от городов-садов первых микрорайонов рубежа 1920-1930-х годов близ Нью-Йорка. Жилая застройка высокой плотности с магазинами размещена по периметру, а в центре кольцевая дорога: внутри неё клуб, три школы и молодёжные центры творчества, а вне её - детские учреждения (6). Микрорайоны впредь станут составной частью районов. Если проект перепланировки Ташкента (1934 г., АПУ Ташгорсовета) выделял в сети мелких кварталов «общественные центры местного значения», равномерно окружившие новый и старый города, то генеральный план Ташкента (1938-1939 гг., А.В.Кузнецов) выделил в этой же сети осевые магистрали и на них – «центры районов». Несколько отставали генеральные планы областных городов: первая очередь реконструкции Андижана (1941 г.) запроектирована всё ещё мелкими

кварталами, а на северо-востоке при железной дороге – и вовсе городом-садом с радиально-полукольцевой планировкой. Перспектива города Пржевальска (1948 г., М.Мукинов, П.Иванов) показывает сплошную квартальную застройку и выделенный в ней центр местного значения: конфигурация его площади и архитектурный стиль зданий повторяют классицизм Европы. Так, в планировках городов 1934-1941 годов из сети кварталов вычленились сначала «общественные центры местного значения» и затем «центров районов», - то есть осуществлялось первое и второе укрупнение планировочной структуры городов.

После войны жилые кварталы строились 1-3-этажными и с типовыми зданиями культурно-бытового обслуживания. Массивы таких кварталов с небольшими площадями и сквериками заполняли территории вокруг старых и новых городов. Мелкие кварталы заменялись более крупными жилыми районами, в которых и зародились подобия будущих микрорайонов, - это стало результатом первых двух укрупнений планировочных структур городов. Узгоспроектм проектировались исторические Андижан (1948 г.), Коканд (1950 г.) и Наманган (1953 г.) по тем же принципам, что и второй проект перепланировки Ташкента 1933-1937 годов, то есть в них была усилена их радиально-кольцевая планировка. Застройка городов осуществлялась по следующей цепочке укрупнявшихся планировочных единиц: *махалля – гузар – квартал – микрорайон – район*. Градостроительство продолжало мыслить категориями предвоенных лет и оставалось зажатым догмами сталинистской системы, которые не реконструировали, а разрушали сложившиеся веками исторические города.

Разрушая города уже на стадии генеральных планов, Советы намеренно разрушали затем их планировочную структуру на стадиях детальной планировки и проектов застройки. Неприятие исторических городов начиналось с искажения их топонимики. Так, исторические *гузары* поначалу звались кварталами; с 1963 года - *махаллями* более 500 человек, и мечети *гузаров* использовались как центры микрорайонов (7, 8). То есть *гузар* пытались заменить сначала понятием квартал, а потом - микрорайон. Называть *гузар* махаллей было невежеством. Гузар не мог быть и примитивным советским микрорайоном. Советы перекраивали сформированные мудростью веков исторические города под наспех заимствованное из Запада и превратно понятое новое градостроительство. Называя *гузары* махаллями более 500 человек и микрорайонами, новое градостроительство переносило в исторические города те крупные единицы, которые планировались в их новых частях. То есть начался длящийся и поныне процесс укрупненного искажения планировочных единиц исторических городов.

Малозэтажные, 2-3-этажные по периметру и 1-этажные внутри, кварталы для рабочих и служащих промышленных предприятий, которые строились вдоль главных улиц, составляли до 85 % городского и сельского строительства в Узбекистане. Поначалу жилые дома строились на участках 0,1 га (Рабочий городок трамвайного парка на Тахтапуле), затем они уменьшались до 0,06 га и менее. В планировку

укрупнявшихся кварталов вводились тупиковые проезды к расположенным внутри них жилым домам. С этого этапа сокращавшихся придомовых зелёных участков и повышавшейся этажности жилых зданий микроклимат городской среды стал зависеть от композиции застройки по отношению к факторам климата и, в первую очередь, к солнцу и ветру. Необходим был новый подход к проектированию кварталов в городской застройке. Показателен проект квартала трёхэтажных жилых домов в Ташкенте: вокруг внутреннего двора с *айванами* по периметру, архитектура построена на стрельчатых арках, порталах подъездов и многочисленных куполах. Вместо такого поверхностного понимания застройки квартала, ташкентский специалист по строительной физике А. Антонини предпринял новаторский проект. Своим проектом он обратил внимание на необходимость учитывать прохладные бризы, дующие в Ташкенте в предрассветные часы с северо-восточных гор. В 4-6-этажной обстройке квартала, обращенные на северо-восток жилые дома являют собой решётку сквозных арок и сквозных летних помещений на разных этажах. Цель создания такой решётки – позволить регулярным прохладным потокам воздуха проникать сквозь застройку и, таким образом, оздоравливать воздушную среду города (9).

98

Важной оставалась ориентация на местные строительные материалы, конструкции и традиции, особенно на селе. Проект жилого дома колхозника (1935 г., архитектор Смирнович), ориентируясь на местные строительные материалы, продолжил традицию расположенной на крыше веранды, начатой колониального времени домом Мандалака и проектом дома Восток для рабочих 1925 года. В военные годы ориентация на всё местное стала насущной. Для застройки кварталов типовых одноэтажных жилых домов на Луначарском шоссе в Ташкенте и для рабочих металлургического завода в Бекабаде были разработаны кирпичные своды двоякой кривизны Узбекистан (инженер А.Рабинович). Ими покрывали, без леса и металла, пролёты до 20 м. Своды собирали из фрагментов шириной 2 м и длиной, равной перекрываемому пролёту. Жилые дома под такими сводами были 1-этажными и на 3 квартиры. Над 6 равными пролётами этих домов кровля имеет волнистый силуэт, в 4 центральных пролётах размещались лоджии входов, а под крайними пролётами – стена с окном. С дворами позади такие дома формировали строчную застройку улиц. Подобную архитектуру имел сводчатый торговый ряд (1947 г., Л.Г.Караш) на старогородском базаре Ташкента: арочные лоджии ларьков его первого этажа и волнообразную стену второго этажа объединял возвышавшийся в центре фасада *пештак* с аркой *айвана*.

99,100

Поиски планов секций для жилых домов малой и средней этажности отличились в этот период последовательностью. После функционалистского метода К.В.Бабиевского, в компоновке жилой секции стали преобладать конструкции и экономика. Разграничение жилых и подсобных помещений ради их отдельной вентиляции отошло на второй план. В простом плане капитальных стен плотнее планировались не две, а три квартиры. Для одноэтажных жилищ продолжили

планировку экономичного жилья рабочих первых послереволюционных лет. В таком 8-квартирном доме рабочих посёлка Фархадской ГЭС архитектор В.М.Дмитриев предусмотрел сквозное проветривание, веранды-*айваны*, придворовые участки. Двухэтажный галерейный дом рабочих шелкомотальной фабрики Бухары М.С.Булатов украсил романскими полукруглыми аркадами 1-го этажа и лёгкими колоннами с солнцезащитным трельяжем 2-го этажа. В 1936 году архитектор С.В.Кутин предложил жилую секцию из трёх 2-комнатных квартир с лоджиями и балконом, а архитектор Ш.Ратия - две 3 и 4-комнатные квартиры с балконами. Конкурс Союза архитекторов Узбекистана 1939 года отобрал секцию С.В.Кутина как наиболее экономичную из-за типизации конструкций. Секция спланирована под 2-мя равными пролётами продольных капитальных стен. В ней три 2-комнатные квартиры: каждая с кухней, туалетом и умывальником (ванной нет), и с выходом на балкон. Во второй половине 1930-х годов в городке Ташкентского текстильного комбината были построены жилые дома с деревянными террасами на все четыре этажа. Как и деревянные террасы домов Б.Савицкого в Самарканде, они были пристроены к фасадам, имели 3-метровую ширину, и ступенчато сокращались с каждым этажом, образуя на каждом этаже дворики под открытым небом. В секциях 3-4-этажного жилого дома с колоссальными лоджиями и обычными балконами на набережную канала Анхор (1940 г., А.И.Павлов, А.Писадзе) развиты принципы секций К.В.Бабиевского и С.В.Кутина. В 1943-1946 годы в институте Узпланпроект инженером В.И.Озеровым секция С.В.Кутина переработана для жилых домов малой и средней этажности. Секция из 5 равных поперечных пролётов обрела чёткий план для индустриализации её строительства. Все три 2-комнатные квартиры с кухней, туалетом, ванной и лоджиями обращены на главный фасад. В 1948 году И.А.Рачинская и В.И.Озеров (Узгоспроект) совершенствовали эту секцию в домах серии 1-210. Она использована в жилом доме на канале Анхор (1948 г., М.С.Булатов, Л.Г.Караш) и в застройке улицы А.Навои (1949-1950 гг., М.С.Булатов, Л.Г.Караш). Из передней проходят в шлюз с совмещённым санузлом, и далее в кухню, обычно с балконом. Секции жилых домов на улице Навои не соответствовали традициям быта населения, и потому, «помимо обращённых на улицу лоджий, со стороны двора к ним пристраивались веранды. Они, безусловно, улучшают условия жизни в доме, но часто недостаточно хорошо оформлены и обезображивают здания», - заметила Академия архитектуры СССР (10). В 1953-1954 годах архитектор И.А.Мерпорт (Узгоспроект) предложил самую экономичную секцию 1-310 для начинавшегося тогда крупноблочного строительства (11). Секция спланирована под тремя пролётами поперечных стен: двух равных широких и среднего узкого, лестничного. По-прежнему 3 квартиры, но с 1, 2 и 3-мя комнатами, кухнями, санузлами. Однокомнатная квартира имела душ вместо ванной. В 2-3-комнатных квартирах из передней проходят в кухню через общую комнату. Лоджии заменены балконами. Секцию возводили заводы железобетонных конструкций. В 2-3-этажных секционных или галерейных жилых домах искали образ южного жилища посредством различных летних помещений. Так, 2-этажные

секционные жилые дома в Чирчике и Бекабаде имели веранды 1 этажа и лоджии и балконы 2 этажа (И.Рачинская, В.Озеров), а 3-этажный секционный жилой дом Ташкентского текстильного комбината имел лоджии и угловые балконы. Наладилось строительство типовых зданий культурно-бытового обслуживания и хозяйственного назначения. Три этажа для застройки новых городов и 4 этажа для застройки больших городов разрешались лишь в качестве градостроительных акцентов.

ВОСТОК ПЛЮС КЛАССИКА

«Советская архитектура вступила в созидательный этап своего развития, - провозгласила Москва в 1934 году, - она сбрасывает с себя печать мертвящей скуки и серости, столь характерных для домов-коробок недавних лет. Великие архитектурные памятники классической древности и Возрождения приобретают для нас новый смысл» (1). Республикам Средней Азии следовало осваивать своё наследие в синтезе с классическим, и для этого дана конкретная формула: «Восток плюс классика». Поворот к европейской античности и эпохе Возрождения многие принимали с трудом. Созданная Академия архитектуры не успевала информировать о классике, и архитекторы имитировали её по мере своей осведомленности и способности. Динамично устремлённые вперёд, как в конструктивизме, объёмы наслех оформлялись классическими порталами (Академия наук в Алма-Ате, 1948, А.В.Щусев) или же порталом оформляли вход в объём, ассоциировавшийся с национальной традицией (Павильон Казахской ССР на ВСХВ в Москве, 1954, И.Петров, А.Куприянов, Т.Басёнов). Хотя наследие называлось шире – не «национальное», а «Восток» - обособление архитектуры в республиканских границах продолжалось. Архитектор А.И.Павлов, к примеру, всерьёз рассуждал о типично узбекских или киргизских растениях, чтобы украсить ими капители колонн национального ордера. «По дороге в Москву на Всесоюзный съезд архитекторов», - сообщала в 1937 году газета «Кизил Узбекистон» (№173), – «Долгов и Павлов дискутировали, и за неправильные установки, в том числе политические, были не допущены до съезда и лишены мандата. По возвращении городское собрание Союза архитекторов обсудило поездку. Выступившего на съезде своего Председателя Воронина сняли с поста, а Долгова вывели из правления и членов Союза. Преподаватели же Индустриального института Воронин, Колотов и Маркевич были осуждены за антисоветизм, а учебный процесс в институте постановили проверить».

102

В этой обстановке разброда и шатаний, как говорили в те годы, отличилась позиция академика архитектуры А.В.Щусева. Он ещё студентом приезжал в Среднюю Азию, изучал, обмерял и восхитительно зарисовывал её памятники. И потому теперь, когда классику все видели в Европе, этот мастер русской и советской архитектуры высказался в пользу ценности монументального зодчества Средней Азии и сопредельных с нею стран. А.В.Щусев выступал за широту зодческого мышления, за умение работать свободно, как это делал он сам, и в различных стилях. И когда работавших в стиле классицизма стали называть эклектиками и обвинять в эклектике, - что в переводе с греческого означает «я выбираю», - А.В.Щусев ответил: «Не надо бояться и превращать в своего рода жупел слово эклектика. Не всегда эклектика является синонимом халтуры, убожества мысли и плохой проработки заимствованных мотивов. В искусстве бесполезны и эклектики, если они одновременно являются значительными мастерами» (2). Этот метод создания архитектуры А.В.Щусев продемонстрировал на деле своей работой над театром

оперы и балета имени Алишера Навои для Ташкента. А.В.Щусев пояснял: «Архитектура восточных стран имеет сходные черты с западноевропейской классикой, корни которой шли из Месопотамии и Египта. Это на их развалинах возникли и Византия, и мусульманский Восток - прямые продолжатели классической архитектуры» (3). Относительно же архитектуры театра она в 1935 году наставляла: «Театр должен быть живописен и праздничен. Наружная архитектура должна быть величественна, украшая городской ансамбль монументальностью форм, скульптурой и архитектурно проработанными деталями. Театральное строительство требует организации, снабжающей высококачественными стройматериалами и архитектурными деталями» (4).

Театр оперы и балета имени Алишера Навои в Ташкенте был спроектирован А.В.Щусевым для конкурса 1937 года, завершён строительством в 1948 году, и удостоен Государственной премии. Тремя другими конкурсантами были ташкентские проекты К.В.Бабиевского с А.И.Петелиным, Б.К.Скорнякова, а также московский проект Д.Фридмана. Проект Б.К.Скорнякова был выдержан в архаичном стиле, вплоть до египетских колонн в интерьерах.

103-105

Проект Д.Фридмана предлагал классицизм в конструктивистском аскетизме. Предпочитавшие чистоту стиля К.В.Бабиевский и А.И.Петелин усилили в композиции театра колоннады, ассоциировавшиеся с петербургскими. А.В.Щусев тоже начал с эскиза в стиле московского классицизма, который впоследствии всё более пополнялся компонентами, способными создать «Восток плюс классику», - и его эклектичному театру многие, действительно, затем с готовностью последовали. Протяжённый периметр здания театра оживлён выступающими поверхностями и западающими тенистыми пространствами главного портала и лоджий остальных фасадов. Портал ассоциируется с триумфальными арками Древнего Рима, в то же время полукруглому очертанию арок архитектор придал едва заметную стрельчатость арок Востока. К пилонам портала приставлены крупные сдвоенные полуколонны. Протяжённые боковые фасады театра являли непростую композиционную задачу. Их решение, однако, наметилось в архитектуре общественных зданий Узбекистана: из зала через фойе зрители выходили во дворы, как в бухарском Народном доме 1923 года. Вместо дворов А.В.Щусев обратил лоджии на окружающую театр площадь, и этим создал сильный композиционный акцент на боковых фасадах. Лоджии А.В.Щусева являются более величественными и массивными версиями утончённой лоджии Ф.Брунеллески, Ф.Луна и А.Роббиа во флорентийском Доме для подкидышей, известном также как Воспитательный дом (1445 г.). На боковых и заднем фасадах театра капители колонн вдохновлены капителями *михраба* бухарской мечети Номозгох XII века. В самый канун войны А.В.Щусев предпринял поездку в Бухару. Войдя с ташкентскими студентами в бухарскую мечеть Номозгох, мастер восхищённо остановился перед её *михрабом*. «Восхитительные капители», - сказал он, «обязательно использую их для театра». Бетонные варианты бухарских капителей, действительно, украсили лоджии театра. Карнизы фасадов театра, вместо

классических европейских, исполнены как восточные сталактиты-мукарнас. Мастер проектировал театр первоначально в русском красном кирпиче, но затем предпочёл среднеазиатский жёлтый кирпич. На фоне такой кирпичной кладки фасадов театра выделяются мраморные и гипсовые архитектурные фрагменты. А.В.Щусев последовал опыту русских строителей колониального периода, а также опыту Ф.О.Шехтеля в Туркестанском павильоне 1923 года, и пригласил узбекских народных мастеров для отделки интерьеров театра. Ганчевая резьба купола-тюбетейки над зрительным залом, а также стен и потолков вестибюля и фойе выполнена под руководством А.В.Щусева и курировавших строительство Б.Н.Засыпкина и С.Н.Полупанова. Искусство таких мастеров Ташкента, Самарканда, Бухары, Хивы, как Усто Ширин Мурадов, Абдулла Болтаев, Т.Асланкулов, К.Джалилов, С.Наркузиев, Г.Негматов и другие, - сообщило классицизму театра народный характер. Художник Чингиз Ахмаров исполнил стилизованные под древние миниатюры настенные живописные панно на темы поэм Алишера Навои.

Метод создания А.В.Щусевым стиля театра проясняют принципы другого мастера этого времени И.В.Жолтовского. Для «сознательной интерпретации» классики И.В.Жолтовский различал две линии её развития. Первая античных греческих городов-государств (V-IV вв. до н.э.). Вторая – барочная, императорского Рима (I-II вв. н.э.) и особенно Контрреформации (XVI-XVII вв.), где зачинателем был Микеланджело. И.В.Жолтовский указывал, что в римском Колизее (I в. н.э.), «на огромную систему пилонов, арок и сводов приставлена ордерная сетка, претендующая на роль несущего каркаса. Архитектура украшена не декоративными, а архитектурными формами. Ордер потерял конструктивный смысл и стал украшением». То есть классика переродилась в классицизм. И.В.Жолтовский заключил: «Стилей бесконечное множество, логика же архитектуры одна: неизменные законы архитектоники, сжатия, трения и растяжения» (5). Тектоника (греч. «искусство строительства») есть взаиморасположение частей и художественное выражение вовне конструкций и строительных масс здания. Когда А.В.Щусев проектировал театр для Ташкента, И.В.Жолтовский проектировал театр для Таганрога. Планы и габариты театров схожи, но стили демонстрируют два разных отношения к тектонике и, следовательно, две разные линии в «сознательной интерпретации» классики. Придерживаясь первой античной линии, И.В.Жолтовский стремился колонный ордер фасада сделать конструктивным. А.В.Щусев же избрал вторую барочную линию, и колонны фасада его театра декоративны: приставлены к portalу. И.В.Жолтовский шёл далее создания ордерной тектоники и, подобно некоторым мастерам классики, стремился к ассоциативной трактовке тектоники, то есть к уподоблению её живому миру. Тектоника, объяснял он, способна создать впечатляющий человека образ: «Членения формы выражают взаимодействие сил, разные моменты роста, борьбу с тяготением и инерцией, разные возрасты организма: стремительный взлёт юного побега, великолепное равновесие цветения, усталость увядания, тяжесть созревшего плода. Создать образ может только мастер,

научившийся формировать материал по законам построения живой органической материи» (6).

Классицизм - это совершенствование традиции, нежели изобретение нового. Поэтому А.В.Щусев проповедовал, что копирование может быть оправдано, если выполнено «мастерски». Он ещё в 1924 году говорил: «В настоящее время пророческое око обращено к Америке, свет архитектуры оттуда. Да, надо ориентироваться на Запад, но не потому, что мы бедны мыслью, а потому, что у нас пока мало средств и возможностей, и мы не можем учиться на жизненном опыте» (7). Из таких убеждений и произошло превосходство ташкентского театра над таганрогским. Почитавшейся А.В.Щусевым Америке светить помогала Франция: американские студенты отправлялись учиться классике в парижскую Эколь де Боз-Ар (Ecole des Beaux-Arts) - Школу изящных искусств. Основанная в 1648 году, Школа преподавала классику Греции и Рима. И возвратившиеся на родину американцы создавали безупречные вариации классицизма. Лучшим в США воплощением классицизма от Эколь де Боз-Ар стало здание Нью-Йоркской публичной библиотеки (1897-1911) архитекторов Д.М.Каррере и Т.Хастингса. Главный фасад расположенной на Пятой авеню Манхэттена библиотеки поразительно повторен на главном фасаде ташкентского театра оперы и балета имени Навои, чертёж фасада библиотеки, видимо, имелся у А.В.Щусева. А.В.Щусев осознал культурные различия Америки и Средней Азии, и потому аллегорические скульптуры Истории, Драмы, Поэзии, Религии, Романа и Философии, важные на фасаде библиотеки, были убраны в ташкентском театре. Скульптуры заменены минаретиками с пятиконечными звёздами. А.В.Щусев укрупнил выступающий вперёд трёхарочный портал театра по ширине и высоте. Карниз, тонкой лентой бегущий по фасадам Д.М.Каррере и Т.Хастингса, А.В.Щусев увеличил по высоте, разделил массивными пилонами, и заполнил волнистыми рядами сталактитов-мукарнас. Так – после конструктивизма К.С.Мельникова и на этот раз в классицизме А.В.Щусева – западную сдержанность переборола русская эмоциональность.

106

Победивший в войне СССР стремился отразить своё величие в архитектуре. В 1947 году Москва праздновала своё 800-летие и начала строить высотные здания, а Ташкент отмечал 500-летие Алишера Навои, именем которого и был назван театр А.В.Щусева. Как высотные здания, так и театр были вдохновлены заокеанским «светом архитектуры» именно потому, что в мире установились интернациональные образцы классицизма, которые на данном этапе и следовало мастерски совершенствовать. Исходя из этой сущности классицизма, специалисты разных стран и оценивают здание ташкентского театра как лучшее в республике, а его стиль – как один из лучших в мире (8).

Эрудированный и мудрый А.В.Щусев призывал архитекторов наряду с освоением европейской античности обратиться к изучению принципов и своей архитектурной классики, - и это было вернейшим средством против провинциализма, то есть рабского копирования чужих образцов. А.В.Щусев указывал, что архитектура

Средней Азии XIII-XVII веков «может с правом быть названа классикой Востока. Архитекторы, изучающие это богатое наследие мусульманской культуры, если подойдут строго к принципам её создания, найдут богатый источник для своего вдохновения и научатся многому у авторов этих замечательных сооружений» (9). Однако, в Узбекистане, закрытом тогда за советским «железным занавесом», не было зодчих, способных развить этот призыв А.В.Щусева.

Свою архитектуру, изучать которую призывал А.В.Щусев, архитекторы Узбекистана видели скорее фрагментами, а не как систему, всесторонне понятую. Так, здание Музея истории с *пештаком* и минаретами (1934 г., К.В.Бабиевский, А.И.Петелин, ныне Музей современного искусства на улице Истикбол) повторило схему фасада Народного дома, построенного за десять лет до этого в Бухаре. Профессор Л.Н.Воронин, являвшийся авторитетом в теории и преподавании архитектуры, определил метод создания национальной архитектуры следующим образом: «Если художник так скомпонует *пештак*, так поместит его в сочетании масс и форм, то культовая физиономия портала сотрётся до чиста. Ответственное – сочетание форм в образе, и здесь успех зависит от такта и умения художника. Созданный при таких условиях проект – это и есть та национальная архитектура, которая нужна нам» (10). Этим Л.Н.Воронин рекомендовал для новой архитектуры те примеры *пештака*, которые появились на предшествовавшем этапе. Уже тогда в *пештак* приносились приметы функционального назначения того или иного здания или комплекса. Дворец Ситораи Мохи Хоса (*эмир* Саидолимхон, начало XX века) открывается *пештаком*, европеизированным и одновременно чувственным: вместо традиционных стрельчатых арок многократно повторены полуциркульные романские, и во всём присутствуют красный цвет и кувшины вина. Главенствует же крупно выведенное первое стихотворение первой благодарственной главы Корана: «Хвала Аллаху, господу миров, милостивому, милосердному, властелину Дня воздаяния!». *Пештаки* времени Л.Н.Воронина провозглашали новое агрессивнее: «Да здравствует культура национальная по форме и социалистическая по содержанию!». В здании Клуба обувщиков (1935-1937, Б.К.Скорняков) арки снова стрельчатые, но главенствует та же романская полуциркульная, заполненная лепестками, как над дверьми зданий английского классицизма. Более всего преобразовать *пештак* по предписанию Л.Н.Воронина постарался А.И.Павлов во Дворце культуры железнодорожников (1939 г.). Дворец построен по упрощённому плану строившегося тогда театра имени А.Навои. Ещё более упрощён фасад: отсутствие системы деталей лишило его масштабности, единственная романская арка портала смотрится как гипертрофированная ниша, а два яруса колонных галерей, призванные сообщить южный образ, смотрятся странно из-за топорности исполнения. Это самая скучная и доведённая до абсурда интерпретация *пештака*.

Понятно, что такое сочетание Востока и классики представлялось другим архитекторам механистическим. И поэтому они предпочитали копирование образцов европейского классицизма, как например В.Волчек и А.Ларионов в здании

108-110

Ташкентского Комитета КП Узбекистана (1938 г., ныне административное здание на углу улицы Мустакиллик и сквера Амира Темура). Фасады рустованы по первому этажу, а второй и третий объединены пилястрами. Выступающий на главном фасаде портик покоится на аркаде первого этажа, и на нём четыре колонны колоссального ордера поддерживают высокий фронтон.

Соседнее, в стиле классицизма, здание банка (1895 г., В.С.Гейнцельман), видимо, помогло В.Волчку и А.Парионову в определении средств композиции. Здание Педагогического института (1938 г., А. и Е.Жмуйда) тоже расположено перед сквером и обращено к нему вогнутым фасадом. Фронтон поддержан колоссальным ордерам трёх этажей, напоминая здание Ташкентского Комитета КП. По сторонам фасада гигантские скульптурные композиции пропагандируют важность народного образования. Аскетизм, тяжёлая рустовка стен, крупные колонны, скульптуры и рельефы, всё исполнено в подавляющем духе, характерном для классицизма тоталитарного периода. Клуб текстильщиков (1940 г., А.Карнаухов, А.Галкин) акцентирует в классицизме южные мотивы: заглублённые *айваны* центрального входа, галереи дворики по сторонам зала, театрализованные балконы фасадов, колоннады по их самому верху, как во Дворце железнодорожников. На улице А.Навои, напротив Дворца культуры и труда 1934 года, ставшего Домом Советов, в 1950-м году В.Е.Архангельским построено здание Управления треста Чирчикстрой. Лаконичный и грамотно построенный в стиле классицизма фасад имеет центральный и боковые фронтоны, оживлён ритмом пилястр и окон, завершён выразительным карнизом, а арки ведут с улицы во двор. Перед зданием, на спуске к улице, организованы террасы с балюстрадами и фонарными колоннами. Сказалась выучка, полученная молодым архитектором у опытных московских мэтров. Классицизм зданий Ташкентского Комитета КП и треста Чирчикстрой не только стал следствием влияния стиля соседних зданий, во втором случае очевидно намеренное стремление к созданию ансамбля по обе стороны улицы активно застраивавшейся тогда улицы Навои.

111

Монументальная скульптура стала неотъемлемой частью классицизма зданий на главных улицах столицы. В центре фасада Клуба обувщиков, по сторонам его трёх торжественных входных дверей, подняты пары колонн коринфского ордера, - они несут скульптурные группы, поющие гимны искусствам (слева) и спорту (справа). Огромные скульптурные группы по сторонам широченной лестницы Педагогического института убеждают в важности этого центра народного образования всей тогдашней Средней Азии. Скульптуры эти чрезвычайно детальны и трогательны в передаче этнических типов, устремлённых к просвещению с характерными, в руках, атрибутами жизни и обучения той эпохи.

112

В исканиях «ордера Советского Узбекистана» А.И.Павлов в 1937 году предложил свой проект. Колонна увенчана капителью коринфского типа с распутившимися коробочками хлопка. Архитрав и

карниз имитируют в железобетоне и кирпиче деревянные балки народной архитектуры. С.Н.Полупанов продолжил поиски ордера, начатые им ещё в 1920-е годы в архитектуре паркового павильона в Андижане. Абстрактные капители 1920-х годов С.Н.Полупанов детализировал в графических эскизах и гипсовых моделях 1930-е годы листьями и тоже распустившимися коробочками хлопка. В 1939 году он вместе с А.Сидоровым и В.Е.Архангельским развернул ордерную систему «Восток плюс классика» на протяжённом фасаде Дома Советов (ныне Русский театр юного зрителя) на улице А.Навои Ташкента. И в 1940 году капители этого стиля украсили зал заседаний Верховного Совета УзССР (ныне зал Сената).

Вслед за Домом правительства и Домом Советов С.Н.Полупанова, архитекторы пересмыслили традиционные плоскостные фасады, колонные айваны, цветовую гамму и орнаментальный строй наследия Узбекистана. Ансамбль кинотеатра Ватан и двух административных зданий (1939 г., А.А.Сидоров, Н.Н.Тимофеев) на улице Навои стал вехой в развитии самобытного стиля. Колонны на фасаде кинотеатра возродили высокий айван бухарской мечети Боло Ховуз. Резные рельефы розеток на стенах дворов кинотеатра выполнены народными мастерами. Стиль кинотеатра перенесён на здания Управления Среднеазиатского угольного бассейна и Горного техникума. В углах этих зданий две высокие, на четыре этажа, остеклённые арки подчеркивают тяготение всего ансамбля к центральному зданию кинотеатра. Арка слева была фоном для высокого постамента со скульптурой горняка с отбойным молотком в руке. Могучую скульптуру в 1990-е годы борьбы с терроризмом, видимо, приняли за эдакого Терминатора, и она исчезла. Монументальный Ватан критиковали за «имитированный в железобетоне деревянный айван и перегруженность орнаментом» (11). Стиль здания точнее прояснил авторитет тех лет, известный реставратор Б.Н.Засыпкин: «Кинотеатр Ватан – это линия художественной интуиции, про которую можно сказать: «Я не знаю, но чувствую» (12).

113,114

Эта интуитивная архитектура с привлечением народных мастеров для её отделки была продемонстрирована и в 1939 году в Павильоне УзССР (С.Н.Полупанов) на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ) в Москве. Ротонда перед Павильоном возведена на плане в виде 10-конечной звезды. Плоскую звездообразную орнаментальную кровлю ротонды несут сдвоенные деревянные колонны народной архитектуры, и их исполнил кокандский мастер Ёкуб Раупов. «Шаг вперед сделан, - отреагировал Б.Н.Засыпкин, здесь нет мавританщины, нет изолированного решения несуществующего ордера. С.Н.Полупанов путём утрирования декоративных элементов создал внешний, пусть кратковременный эффект». Б.Н.Засыпкин прояснил причину подобных кратковременных эффектов архитектуры Узбекистана: «Позиции практиков в архитектурном деле менялись в зависимости от спроса дня, а не базировались на творческой позиции или теории архитектуры» (13).

115

Попыткой теоретического обобщения и стал изданный к 35-летию советской власти сборник Академии архитектуры СССР о республиках Средней Азии (14). Здание Музея истории осуждено в нём за некритическое использование форм монументальной архитектуры. Здание Ташкентского Комитета КП Узбекистана «при высокой художественной культуре недостаточно воплотило образ советского здания». Портал кинотеатра Ватан сочтён впечатляющим, но перегруженным орнаментом, а некоторые «вычурные формы не вяжутся с монументальностью здания». Классицизм Клуба текстильщиков одобрен из-за учёта климата в колоннадах, балконах и галереях, но осуждён за боязнь орнамента, недооценку национальных форм и отсутствие конкретного типа ордера. Театр Навои назван «Дворцом народного искусства». Педагогический институт и Библиотека имени Навои (1948 г., В.М.Дмитриев) отмечены за порталы, не механически перенесённые с культовых зданий, а творчески переработанные в соответствии с назначением здания и характером его архитектуры. Все эти мнения отразили случайность и противоречивость взглядов в республике на предписанный Москвой стиль. Классицизм искали при поверхностной осведомленности о наследии и при неясных и менявшихся критериях. Оценка архитектуры граничила с беспринципной вкусовщиной.

Военные годы обратили архитектуру Узбекистана к местным строительным материалам и методам народных мастеров. К 1944 году в сугубо местных традициях был возведён театр имени Ташкентского Совета на 800 мест, ныне театр имени Муками. Архитекторы Д.Хазанов, С.Тихонов и инженер А.Рабинович, авторы панно в фойе художники Р.Акбольян и А.Николаев работали с народными мастерами. Юсуп Али-Мусаев, Эшонхон Холук Назаров и Эргаш Юсупов выложили купола театра.

116

Декоративную отделку исполнили Ширин Мурадов, Ходжа Касымов, Абдулла Болтаев, Шимсиддин Гафуров, Кули Джалилов, Усман Икрамов. Декорированием зала руководили архитекторы А.Зайнуддинов и А.А.Сидоров. Участие последнего говорит о продолжении продемонстрированного в кинотеатре Ватан сотрудничества архитекторов и народных мастеров. Народные мастера возводили здесь и купола, и их работа стала шагом вперед, ибо театр А.В.Щусева они только оформляли. От площади Беш Ёгоч портал из трёх арок ведёт в вестибюль под малыми куполами, затем в фойе под куполом на 8 пилонах и, наконец, в зал со сценой, покрытые кирпичными сводами двойкой кривизны. Театр Муками построен по плану театра А.В.Щусева, но компактнее, интерьеры его камерные, почти средневековые, в сравнении с возвышенными и вдохновенными интерьерами театра А.Навои.

Искания национального ордера завершились в начале 1950-х годов. Ордер А.И.Павлова 1953 года венчает капитель без коробочек хлопка, с мелким растительным и геометрическим орнаментом; архитраву придан классический силуэт, но карниз сохранил форму деревянной балки с орнаментом. А.И.Павлов считал, что «национальная классика» достижима путем приведения «национальных форм» к модулю, ритму и пропорциям. Критериями он считал: степень сложности композиции

(«пластику»), её эмоциональное воздействие («чувство восторга») и национальную специфику («национальные формы») (15). В 1954 году перед Павильоном УзССР на Выставке достижений народного хозяйства в Москве С.Н.Полупанов создал монументальную версию лёгкой ротонды 1939 года. Это по-прежнему 10-конечная звезда. Колонны имитируют деревянные, но сгруппированы не по 2, а по 4. Завершена ротонда 10 вертикалями, похожими на початки. Последние появились над фасадами строившегося в то время Дворца текстильщиков в Ташкенте. Ротонда стала худшим, отяжелевшим, повторением прежней. В этот период архитекторы «варились в собственном соку», не осваивая подлинную классику архитектуры, и все более теряя живую связь с народными мастерами. Что же касается павильона типа ротонды, то он весьма укоренён в культуре и в национальном сознании, и его торжественные образы возрождаются по сей день.

Поиски классики в этот период были противоречивее, чем в послереволюционные годы, ибо с национальным она соединялась механистически. Это происходило от того, что обращавшимся к классике Европы зодчим Узбекистана была неведома классика их собственной архитектуры. Лишь зная собственную классику можно по праву оценить классику чужой культуры. Знание собственной культуры дисциплинирует архитектора внутренне, позволяя ему правильно принять суть классики другой культуры. Это внутреннее понимание, – а не копирование планов, фасадов и деталей, – способно стать побудительным толчком к подлинному синтезу классики Азии и Европы. Нужно постигнуть классику и затем возродить её пафос согласно собственному пониманию и обстоятельствам проектирования. Классика в этот период понималась как поверхностный и украшательский декор, тогда как подлинный смысл слова *decoro* глубже и серьёзнее: приличие, достоинство. Чувство классики должно стать внутренней составляющей характера и метода архитектора. Тогда идущее изнутри естественное знание упразднит в процессе творчества механистические методы.

До А.В.Щусева к кульминационной для Средней Азии классике зодчества Темуридов обратился в 1920-е годы мастер английской архитектуры Э.Лаченс при работе над Правительственным центром в Дели. Вице-король Индии, на дочери которого Э.Лаченс был женат, возложил на архитектора задачу создания посреди Правительственного центра величественной резиденции Раштрапати Бхаван. Поначалу Э.Лаченс пренебрёг наследием Темуридов Индии, назвав, в частности дворец императора Ажбара в Фотихпур Сикри «обезьяньей работой», но политическая ситуация всё же заставила его мобилизовать своё мастерство на интерпретацию наследия. И в нём Э.Лаченс обратил внимание, в первую очередь, на архитектурные формы, обеспечивающие тень, прохладу, аэрацию. И формы эти архитектор не повторил в их индийском виде, а воплотил средствами европейского классицизма. Два крупных фрагмента, однако, сохранили свою темуридскую ауру: это – регулярный архитектурный сад площадью 40,5 тысяч кв.м и купол Дворца вице-короля. Купол, как и его темуридские прототипы, состоит из двух оболочек, внутренней и внешней, и

внешняя пропорциями вторит куполу Гури Амира. Э.Лаченс по-своему, до неузнаваемости, переименовал барабан самаркандского купола. Он сохранил вертикальность нижней части купола Гури Амира, но венчающую округлую часть купола уподобил иконе индийской архитектуры – куполу храма Санчи (II век до н.э.). То есть мастер предпринял полёт своей фантазии на темы индийской и темуридской архитектуры. Об этом факторе успеха он говорил: «Нельзя копировать ордера. Нельзя оригинальничать с ордерами. Их следует усвоить так, чтобы осталась лишь суть. И тогда они станут удивительно совершенными и неизменяемыми, словно формы растений. Совершенство ордера весьма близко к природному по сравнению с тем, что создаётся в некоем порыве или случайно» (16).

В период 1934-1954 годов Москва и Ташкент создавали различные модели архитектуры. В Москве искали два типа классики: с конструктивным ордером периода античности или с декоративным ордером периода Возрождения. Последний был избран А.В.Щусевым для театра А.Навои. В Ташкенте акцентировали национальное, стараясь вернее воплотить формулировку «Восток плюс классика». Московским поискам содействовала Академия архитектуры, тогда как в Ташкенте они велись при отсутствии теории и по обстоятельствам, то есть по конъюнктуре. Вместо синтеза Востока и классики они чаще всего интерпретировались в отдельности. И результаты не удовлетворяли. Вдохновлявшихся Востоком обвиняли в некритичном использовании *пештаков* и минаретов, в перегруженности орнаментом. А следовавших классике упрекали в отсутствии образа советского здания и национального ордера. Национальное следовало выразить в классической системе, и такие произведения появились. Сначала это нашли в Павильоне УзССР 1937 года, поскольку в нём не было мавританщины, то есть мешанины классики и экзотичного Востока. Полностью же это воплотилось в театре имени А.Навои. Приглашение академиком А.В.Щусевым народных мастеров декорировать театр поощрило их возрастающее участие в профессиональной архитектуре Узбекистана. Одновременно Советы жёстко пресекали обращение к многогранной классике архитектуры ислама, даже на уровне истории и теории. Показательна в этом отношении судьба видного историка материальной культуры Узбекистана Л.И.Ремпеля, репрессированного за свои публикации 1930-х годов об архитектуре зарубежных мусульманских стран. Вместо предлагавшегося академиком архитектуры широкого взгляда на зодчество, Советы ограничивали кругозор зодчих местной народной архитектурой. И «Восток» всё более отождествлялся с народным зодчеством. Безусловно, ценное, народное зодчество в сравнении с профессиональной архитектурой имеет ограниченные пределы действия. Поэтому спектр видения традиций, заявленный в начале этого периода широко как «Восток», был сильно сужен.

1955-1990: СОВРЕМЕННОЕ

Послевоенные Советы, десятилетиями отгораживавшиеся от мира «железным занавесом», стали приоткрываться и перенимать опыт Запада, чтобы стать с ним вровень. Классицизм 1930-х-начала 1950-х годов был отвергнут: «Мы за красоту, но против украшательства», - постановили архитекторы Узбекистана на своём четвёртом съезде в 1954 году (1). 4 ноября 1955 года вышло Всесоюзное постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Держава поворачивалась в сторону развивавшейся во всём мире архитектуры, которая звалась *modern*, то есть новая. В СССР, однако, её называли современной, то есть нынешней, сегодняшней, - и ввиду незнания её истоков с XV-XIX веков, и из-за восприятия её в качестве очередного и недолгого капиталистического поветрия. После полного подчинения директивам Москвы для Узбекистана начинался процесс высвобождения от жёсткой хватки центра.

Развитие этого периода определили следующие четыре этапа.

Начатая с конца 1940-х годов планировка городов районами, состоящими из микрорайонов, теперь осуществлялась повсеместно - как микрорайонирование. С 1956 года внедрялись основы современного нормирования, и с 1963 года в проектных институтах были учреждены научные подразделения. Типизация и унификация привели к типовым проектам жилых домов с вариантами квартир для массовой застройки. В середине 1960-х годов были улучшены серии типовых проектов жилых домов и, согласно им, переоборудованы комбинаты индустриального сборного домостроения. Во второй половине 1960-х годов разработаны серии жилых домов для строительства в 1970-е годы. Внедрялись типовые блок-секции и монолитный железобетон. Реконструировались центральные районы городов.

С 1970-х годов наметилась политика разрядки в отношениях с Западом, и обновлявшаяся страна критически оценила радиально-кольцевую уличную сеть, которая направляла транспорт в центр. На эту уличную сеть, принятую советскими городами на предшествовавшем этапе градостроительства, теперь накладывалась прямоугольная сеть магистралей. Она в городах США эффективно разгружала от транспорта центральные зоны городов.

Вторжение СССР в 1979 году в Афганистан отбросило назад начавшуюся разрядку в отношениях с Западом, и страна впала в десятилетие застоя. Выход в 1989-м году из Афганистана положил конец холодной войне. Это время застоя стало причиной неэффективности, особенно, планировочных решений в градостроительстве.

На рубеже 1980-х-1990-х годов экономические и социальные реформы лишили коммунистов монополии в стране, и в обстановке политики гласности и перестройки СССР распался. Накануне распада, в Узбекистане корректировались нормы архитектуры и градостроительства, заимствовавшиеся из Европы без учёта условий республики. Планировку городов укрупнили в третий, за советский период, раз: жилые районы с сокращавшимися радиусами обслуживания объединили в огромные

планировочные районы, удобные для администрирования, но абстрактные для горожан. Поэтому градостроительной наукой было рекомендовано четвёртое, выверенное веками в исторических городах, укрупнение жилых районов в радиусе 1500м с совершенствованием их планировочной организации. Этот радиус и был принят Строительными нормами и правилами обретшей независимость Республики Узбекистан.

Город

118

В 1958 году между станцией железной дороги Самарканд-Бухара и древним поселением Кармана, на территории 8 км с севера на юг и 1,5 км шириной, был заложен город энергетиков и химиков Навои. Он проектировался поначалу Горстройпроектом Москвы, а в 1960-1969 годах Ленинградским институтом комплексного проектирования (Коротков А., Иванов В., Орлов И. и др.). Второй генеральный план 1978 года с первой очередью строительства до 1985 года разработан до 2000 года. От промышленности город защищён санитарными зонами шириной 2 км. Районы спланированы по ступенчатой системе обслуживания: микрорайон - район - город. Наряду с 4-5 и 7-9-этажными микрорайонами, был и плановый одноэтажный район. В протяжённом микрорайоне №4 в 49 га два общественных центра объединены бульваром. Вдоль центральной магистрали города расположены: административные здания, гостиницы, ресторан, торговый центр, дворцы пионеров и химиков, музыкальная школа, дома связи и спорта, плавательный бассейн, летний и зимний кинотеатры, стадион. Методы градостроительства в Навои были развиты впоследствии в казахстанском городе Шевченко на Каспии, а с 1961 года - в городе Зарафшан при горно-металлургическом комбинате у горы Мурунтау в центре пустыни Кызылкум. В отличие от расположенного в степи Малик линейного Навои, Зарафшан посреди пустыни решён генеральными планами 1964 и 1984 годов компактно и замкнуто. Город по периметру и его центральная площадь с водоёмами и общественными зданиями обстроены 9-этажными жилыми домами, - для защиты от зноя и пыли пустыни. Между расположившимися внутри микрорайонами спланированы бульвары, они ведут на периферию, к направлениям роста города.

119

К середине XX века города мира выросли до 10 млн человек и более. С 3 млн в начале XX века до 8,7 млн вырос Лондон, а с 1,4 млн до 9,67 млн вырос Токио. Возникшие как города-сады, города-спутники не остановили разрастания главного города, они увеличили расстояние между домом и работой, вызвав перегрузку железных дорог. Наряду с постоянными поездками дом - работа на общественном транспорте увеличились и свободные поездки на индивидуальных автомобилях. Вот этих свободных поездок и не выдержала радиально-кольцевая планировка, направлявшая всё к центру города. Годная для городов до 1 млн населения она была признана непригодной для 10-миллионных городов: «С возрастающей автомобилизацией эта

участь постигнет Москву», пророчествовал тогда японский мастер архитектуры Кендзо Танге (2). Поэтому планировку города важно приспособлять к постоянным транспортным и свободным транспортно-пешеходным передвижениям.

За первую половину XX века диаметр Ташкента вырос с 10 до 25 км и планировку стало диктовать среднее время трудовых передвижений: 48-50 мин., на 20% больше нормативного, оно сократилось в 1963 году до 30,8 мин. Проект перепланировки 1,2-миллионного Ташкента (1960-1964, Ташгипрогор: Ю.Пурецкий, А.И.Ванке) разрабатывался с проектом застройки его центральной части (Ташгипрогор: Адамов Л.Т., Адылов С.Р., Турсунов Ф.Ю., и др., и ЦНИИП градостроительства: Мезенцев Б., Якушев А., Зарицкий Б. и др.), одобренным на всесоюзном конкурсе 1964 года. Однако землетрясение 1966 года вызвало разработку в 1967 году и корректировку в 1968-1970 годы генерального плана столицы на 25 тысячах гектаров (институт Ташгенплан: Ю.П.Пурецкий, М.Г.Лифановская, А.И.Ванке).

С 1971 года по радиально-кольцевой планировке начали прокладываться прямоугольные сети магистралей, и в новой сети жилые районы объединились в так называемые планировочные районы. В генеральном плане Москвы четыре «хордовые» скоростные магистрали прошли касательно к центру с его подземными магистралями и стоянками (3). Подземные магистрали генеральных планов Ташкента и Бухары не были осуществлены. В Ташкенте (1971 г., Ю.Пурецкий) скоростные магистрали были запроектированы: две в выемке и две непрерывного движения с развязками в разных уровнях. Центр планировалось охватить кольцом трамвая, а экспресс-автобусы и троллейбусы скоростных магистралей направить в планировочные районы. Планировочные районы были заимствованы из максимально урбанизированных городов Запада: воплощение урбанизма Нью-Йорк имеет пять районов-*borough*, исторически эволюционировавших из самоуправлявшихся графств и городков Англии и США. Аналогичные англо-американским районам-*borough* планировочные районы у нас в период независимости называли историческим термином *туман*, что значит уезд. Эти большие и структурно неясные территории - планировочные районы начинаются с радиуса пешеходно-транспортной доступности 2000-4000 м и площади 2-4 тыс.га - население именует привычным, но исторически и градостроительно неверным определением, к примеру, «квартал Юнусабад» вместо «Юнусобод *тумани*». Такое укрупнение - третье в советском градостроительстве - жилых районов в планировочные произошло без учёта традиций наших городов и образа жизни. Удобные планировщикам для расчленения укрупнившегося города и администраторам для управления им, огромные планировочные районы стали абстрактным понятием для горожан.

В 1977 году введён метрополитен с тремя диаметрами на перспективу (4), и среднее время трудовых передвижений сократилось до 25,7 мин в 1980 году. Сделав из этого вывод, 50% расчётной численности населения города стали размещать в километре от линий метро (5).

120-122

123

Подземное сокращение времени передвижений привело к заключению: «Необходима дальнейшая работа по улучшению транспортного обслуживания, в первую очередь развитие сети метрополитена» (6). Лучшими станциями метро ташкентские архитекторы назвали Площадь Мустакиллик, Чиланзар, Хамза, Пушкинская, Хамида Алимджана (7). В них оригинально пространственное решение и освещение. Чиланзар, Хамза и Хамида Алимджана – сводчатые большепролётные станции. В первой оригинальны керамические панно-миниатюры, а в третьей – осевые столбы освещения. Станции Мустакиллик и Пушкина с их колонными пространствами оригинальны освещением.

С конца 1980-х годов научными исследованиями в УзНИИП градостроительства рекомендовано четвёртое укрупнение планировок городов радиусом 1500 метров для жилых районов. Магистралы и территории между ними, как показала практика застройки городов, притягательны для людей в силу определённых закономерностей. Центр Ташкента проектировали как эспланаду восток-запад и перпендикулярную зелёную ленту канала Анхор, а оказалось, что центры городской активности формировались в радиусе около 700 метров вокруг транспортных перекрёстков. В этом проявился градостроительный закон узлового – в радиусе пешеходной доступности – распределения центральных функций. Потому-то, в конце 1980-х годов институт ЦНИИП градостроительства предписал размещение от перекрёстков: транспортных устройств - до 100 м, торговых улиц – до 100-350 м, учреждений здравоохранения и культуры - до 600-750 м. Подобные узлы центральности следовало развивать в начатой в этот период прямоугольной планировке Ташкента из 7 взаимно перпендикулярных магистралей непрерывного движения: 3 север-юг, 4 восток-запад. Достигнутые Ташкентом 25,7 мин. – не предел эффективности его транспортной структуры. В СССР (Г.Гольц) и США (Дж.Мани) предпочитаемым горожанами временем передвижений на транспорте и пешком выявлены 10-15 минут. Такое время передвижения можно обеспечить эффективным учётом в планировке как магистральных, так и пешеходных передвижений.

124

Скоростные магистрали нуждались в расчётах, а межмагистральные территории нуждались в определении их планировочной структуры. Однако, Всесоюзный градостроительный СНиП (8) не соотнёс величину и структуру районов с радиусами культурно-бытового обслуживания, с транспортной сетью, и с развитием города. Результатом стали: нечёткость транспортной структуры районов и неравномерный охват их территорий радиусами центров обслуживания. Радиусы либо оставляли неохваченные обслуживанием территории, либо накладывались друг на друга. Этим уже на стадии генерального плана допускалось нерациональное использование территорий. Схематически спланированные современные города начал деформировать непредусмотренный рост транспорта, и современные градостроительные нормы перестали отвечать требованиям времени.

До 2010 года в Ташкентской системе населённых мест предполагалось реализовать трёхступенчатую систему городского транспорта из: железной дороги

100 км/час, метрополитена и экспресс-автобусов, и наземного городского транспорта. Приоритет отдавался массовому транспорту - 75% пассажиров, личные автомобили составляли 25%. Для 87% личных автомобилей планировались подземные и многоэтажные гаражи, а паркинги планировались из расчёта 300 га для 180 автомашин на 1000 жителей (9). Эти планы не были реализованы, ибо даже для автомобильного парка Москвы, выросшего с 235 до 690 тысяч машин, система магистралей не была сформирована, необходимая плотность транспортной сети не была обеспечена, и центр не был разгружен от транспортных потоков. Москва выросла за кольцевую автодорогу МКАД на северо-запад, юг и юго-восток. «Хордовые» (или, как их ещё называли, «поперечные») и «обходные» магистрали вокруг её исторического центра так и не были полностью осуществлены (10).

Микрорайонирование

Микрорайонирование откорректировало предвоенные генеральные планы, в частности, жилищное строительство в каждом городе. В 1954 году М.С.Булатовым и А.П.Бушуевым откорректирован генеральный план Ташкента с увеличением территории до 20 тысяч гектаров. С 1956 года жилищное строительство у промышленных предприятий прекращается и ведётся централизованно за счёт ассигнований предприятий и ведомств. Поскольку прежние мелкие кварталы оказались неэкономичными, городские Советы стали строить 2-4-этажные микрорайоны в 40-95 га. Микрорайон 1959-1965 годов в новом городе Янгиере двухэтажен по периферии и одноэтажен в середине с участками 0,06-0,07 га. Крестообразный в плане бульвар застроен зданиями культурно-бытового обслуживания и выходит в расположенный в углу микрорайона парк площадью 11 га (11). Из микрорайонов сложились первые комплексно застроенные жилые районы крупных городов: ташкентский Чиланзар, на юге Андижана, северо-западе Коканда и Намангана, Гагаринский район в Самарканде. Удалённость жилых районов от промышленных предприятий компенсировалась учётом нового планировочного фактора: времени поездок на работу на транспорте. Корректурa 1954 года быстро устарела: вместо 800 тыс. жителей в 1960 году, уже в 1959 году в столице проживало 912 тыс. жителей. В 1958-1960 годах германский журнал «Deutsche Bauzeitschrift» изложил принципы планировки микрорайонов и районов, которые СССР издал как «Градостроительные основы» (12). Немецкий микрорайон радиусом 1500 метров был пешеходным, автомобили въезжали в него только в одной точке, он располагал к отдыху и потому даровал «чувство родины». Советы же сократили радиус этой территории до 1200 метров, назвав её жилым районом, состоявшим из четырёх микрорайонов, перенаселённых и открытых автомобилям по всему периметру. Так, на идее микрорайона сэкономили, а качество жизни в нём ухудшили. Уличную сеть городов, прежде формировавшуюся кварталами, такие жилые районы, естественно, укрупнили. Городские и районные центры росли в радиальных направлениях,

особенно, вдоль общегородских магистралей, - и по ним города вышли в системы расселения, формируя агломерационные связи.

После землетрясения 1966 года, в реконструированном с помощью союзных республик Ташкенте строились новые жилые массивы. Жилой массив Чиланзар рос на запад, рос и начатый в 1968 году северный жилой район Юнусабад, расширялся северо-западный массив Каракамыш, строились северо-восточные микрорайоны, на юго-востоке в междуречье Чирчика и Карасу поднялся массив Рисовый, на юге – массив Сергели, а на юго-востоке - Куйлюк. Уже к 1970 году 100 тысяч семей были переселены в новые квартиры, введены в строй 50 школ, 40 детских дошкольных учреждений, десятки общественных зданий. Строились преимущественно 4-этажные здания, 7-9-этажных было 10%, а 2-этажных с приусадебными участками - 5-7%.

С прокладкой скоростных магистралей интенсивнее осваивались старые города (Ташкент, Андижан), и города росли к промышленным поселкам (Коканд) и зонам отдыха (Самарканд, Наманган). Особо активно это шло в Ташкенте, где после землетрясения значительный снос старого города вызвал строительство к западу от него, до внешней кольцевой дороги, одноэтажных усадебных массивов Янгибад, Бешкайрагач и других. Опыт строительства здешних махалля Илгор, Янги шахар, Галаба, Тинчлик и других был использован в 1966-1967 годах ТашЗНИИЭПом для проекта экспериментального микрорайона-махалля (40 га) в массиве Каракамыш, западнее площади Чорсу (13). Эти махалля были прямоугольной планировки, поскольку, вдохновлённые современностью, их архитекторы смотрели на прошлое свысока: «Криволинейные улочки и тупики старого Ташкента жители называют «змеиный след», - они несовместимы с современным транспортом» (14).

Строительные нормы и правила (СНИП) не соблюдались в жилых районах и микрорайонах: малые размеры их территорий и центров были увеличены, а высокая плотность жилого фонда снижена (15). Не был сделан вывод из уроков, полученных в самом начале этого периода. Так, в микрорайонах Навои лучше озеленялись группы жилых домов, потому их территории увеличили за счёт территорий садов микрорайонов. И в Ташкенте тоже «практика эксплуатации зелёных насаждений общественного пользования показала эффективность сравнительно небольших садов и парков» (16). Продолжалось сокращение радиуса жилого района до 1000 и даже до 800 метров. Скученные районы проектировались как спальни трудящихся и полноценная пешеходная жизнь из них была выхолощена. Микрорайон (60-120 га) и жилой район (180-300 га) не соответствовали местному образу жизни: до 25 % придомовых территорий, до 50 % территорий групп жилых домов, и до 25 % территорий микрорайонов не использовались жителями (17).

Ансамбли

Развивая стиль «Восток плюс классика», но в среднеазиатском ансамбле *кош* («парный»), 5-этажная гостиница Ташкент (1958 г. М.С.Булатов, Л.Г.Караш) построена напротив театра А.В.Щусева, образуя пространство Театральной площади. Фасад симметричного, вокруг двора, здания гостиницы формируют традиционные *айваны*: заглублённый при входе и в виде колонного навеса на плоской кровле. Присущая новому градостроительству свободная планировка плюс русское понятие «простор» и здания бразильского архитектора Оскара Нимейера преобразовали главную площадь Ташкента. Два административных здания - 7-этажный протяжённый корпус Совета Министров и 20-этажная высотка Министерств повторили архитектуру популярного в СССР бразильского архитектора-коммуниста. Здание Совета Министров поднято над землей на V-образных пилонах - как Павильон сельского хозяйства (1951-1954 гг., Сан-Паулу), а высотка Министерств вторит небоскрёбу Дворца Национального конгресса (1960 г., Бразилия). Так, в поисках регионального своеобразия, современная архитектура Узбекистана политизировалась, демонстрируя интернациональную солидарность с прогрессивными, как тогда говорили, деятелями культуры. Архитектура восстановленного после землетрясения центра Ташкента 1966-1974 годов удостоена Государственной премии СССР. Созданная архитекторами Адамовым Л.Т., Адыловым С.Р., Зарицким Б.А., Пурецим Ю.П., Розановым Е.Г., Турсуновым Ф.Ю., Халдеевым Ю.А., Шестопаловым В.Н. и Якушевым А.В. самая просторная в СССР главная площадь Ташкента стала объектом критики, поскольку, за исключением редких советских парадов, оставалась безжизненной под палящим южным солнцем. От этой площади с Домом правительства, 7-этажным зданием Совета министров и 20-этажным зданием Государственных комитетов пешеходная эспланада шириной 160 м проектировалась через канал Анхор на запад, к старому городу. Там, к спортивному комплексу Пахтакор были достроены Дом молодёжи и Дворец искусств.

Композицию разрастающейся столицы активно формировали высотные здания. Девятиэтажный административный корпус (1971 г., Е.Калашникова и др.) поднялся над Вузгородком Ташкентского государственного университета, а башня издательства Шарк (1974 г., Р.М.Блезе, Н.Горбенко, Л.Христин) - над центральной Театральной площадью. Ряды высотных зданий обозначили направления главных магистралей города: 9-этажные жилые дома на улице Пушкинской, ныне Мустакиллик (1969 г., А.Дубинский, А.Рочегов); высотные жилые дома вдоль улицы Б.Хмельницкого, ныне Бабур (1973-4 гг., А.С.Косинский, Ю.Мирошниченко, И.Демчинская; А.Хуршидов; художники А.Н., П.Жарские); Дом потребительской кооперации (1974 г., Ф.Боровик, Л.Клейменов, Ю.Репин) и другие высотные административные здания Узбекстанского проспекта. Высотными зданиями были обозначены и перекрёстки города. Девятиэтажные жилые дома отметили пересечение Первомайской (ныне Шахрисабзская) и

126

127

128

Пушкинской (ныне Мустакиллик) улиц (1968 г., А.Рогачев, В.Гинзбург, О.Горская, и др.). Такие же дома поднялись на площади станции метро Буюк Ипак Йули (1970 г.). 17-этажная гостиница Узбекистан обняла сквер в центре некогда колониального города (1974 г., И.Мерпорт, Л.Ершова, В.Ращупкин, и др.). А площадь Х.Алимджана полукругом охватили 18-этажные жилые дома (1980-1984 гг., С.Р.Адылов, Ю.Мирошниченко, В.Исхакаев). В завершении же улицы Навои была возведена 23-этажная гостиница Чор Су (1983 г., В.Л.Спивак, А.Асанов, Л.Нефёдов, и др.). Она повторила композицию 25-этажной гостиницы Бухарест (1967-70 гг., Харитон Д., Надрог Г., Моску И., и др.) в центре румынской столицы. Бухарестская же гостиница, в свою очередь, скопировала 28-этажный отель Лондон Хилтон (1963 г., Уильям Б.Таблер) на улице Парк Лейн у Гайд Парка. Тот высотный отель вызвал много недовольства: его сочли вторжением в пространство Парка, а Королева Елизавета, чей сад в Букингемском дворце просматривался с этой высоты, поклялась, что её ноги в отеле не будет. Но в Бухаресте и в Ташкенте башню приняли в качестве важного градостроительного ориентира. Таким образом, современные высоты с готовностью копировались у нас для компоновки формировавшейся столицы, тогда как в сформировавшейся уже столице развитой страны подобного типа башня вызвала недовольство, требования учёта местных традиций и, в частности, городского окружения.

129

130

131

Годы застоя характерны отсталостью композиций градостроительных ансамблей и отдельных зданий. Стеклобетонные объёмы оборачивались в бетонно-мраморную солнцезащиту, имитировавшую национальные решётки-*ланджара* (Музей Ленина (1970 г., Розанов Е., Шестопалов В., Кричевский В. и др.) Однако то были уже не традиционные лёгкие деревянные конструкции. Первоначально упругий стиль современной архитектуры отяжелел в железобетонных конструкциях с отслаивавшейся штукатуркой. Налицо была провинциальная тяжеловесность, усиленная отсталостью системы проектирования и строительства. Приём, найденный в Музее Ленина, был повторен во Дворце дружбы народов (1981 г., Е.Розанов, Ф.Ю.Турсунов, С.Р.Адылов и др.) на одноимённой площади (ныне Бунёдкор) из 9-12-этажных жилых зданий, и в этом ансамбле Дворец претендовал стать классикой современной архитектуры Узбекистана. С этой целью на площади перед зданием была поставлена колонная композиция по типу ротонд С.Н.Полупанова перед Павильонами Узбекистана на Выставках достижений народного хозяйства в Москве 1939 и 1954 годов. Перед ротондой установили памятник ташкентской семье Шомахмудовых, приютившей в годы войны детей разных национальностей. Гигантский приземистый дворец завершён бетонной сценической коробкой, и бетонные сталактиты свисают карнизами над бетонными решётками-*ланджара* остеклённых фасадов. Весь этот навесной, на каркасе, серый бетонный декор смотрится суровой драмой и производит гнетущее впечатление неудавшейся работы.

132

В этом здании современный стиль одряхлел и отяжелел, отразив социальный и архитектурный застой. «Если в театре Щусева богатые пластические традиции присутствуют в объёмном решении, то во Дворце дружбы народов они сведены к накладному декору в виде солнцезащиты» (Н.Смолина). «Дворец обвиняют в том, что это не органическая, не вырастающая из функции архитектура, а своего рода национальная коробка, футляр» (А.Рябушин) (18).

Застой отразился и в направленном к этой площади Узбекистанском проспекте. Он проектировался и строился в 1970-1980-е годы ТашНИИПИгенпланом и Ташгипрогором без проекта детальной планировки. В результате, на 3-километровой дистанции от нового города до старого поднялись пять однообразных и унылых высотных административных зданий. Этот новый проспект не имел привлекательных для горожан культурно-массовых учреждений и потому не ожил. То есть, повторилась обезлюдившая гигантомания главной площади Ташкента. Поэтому, в 1987 году был предпринят конкурс на проект ансамблевой застройки Узбекистанского проспекта в комплексе с торговыми рядами улицы Навои и с массивом Караташ. Конкурс был призван, в осуществление давно задуманной пешеходной эспланады восток-запад, создать проспект, подобный Невскому в Санкт-Петербурге или Калининскому в Москве. Дистанция 200 метров между высотными зданиями Узбекистанского проспекта представлялась слишком большой, и потому для визуального сокращения её было предложено «одеть» высотки в треугольные в плане стеклянные призмы с атриумами внутри. А перспективу проспекта на западе предложили завершить, по опыту улицы Навои, 30-этажной гостиницей. Точную оценку проектов конкурса в контексте развития градостроительства Ташкента дал главный архитектор отдела генеральных планов УзНИИП градостроительства А.М.Александрович: «Шаблонами градостроительства Ташкента стали: чередование высокой и низкой застройки, завершение осевых перспектив высотками, монотонные и гипертрофированные по протяжённости пешеходные направления. Постоянная ориентация на эффект парадности сковывает поиски новых приёмов, направленных на индивидуализацию центра. При этом зачастую нивелируется существующая топография местности, такие как перепады рельефа, ландшафт. Отсутствуют какие-либо попытки интенсификации застройки, - а это одна из ключевых проблем градостроительства». Один из ведущих архитекторов института Ташгипрогор В.Л.Спивак: «Крупные, ещё не состоявшиеся архитектурные премьеры центра города Ташкента уже требуют коренного переосмысления. Почему мы получаем брак ? Отчего нас не удовлетворяет архитектура Узбекистанской улицы ? Обидно !» (19).

В мировом масштабе тоже подводились итоги развития современного градостроительства для того, чтобы выяснить, что из его принципов выжило, а что оказалось искусственным и, следовательно, подлежало корректировке или пересмотру. В этом отношении представляет интерес международная конференция, созванная в Чандigarхе, столице индийского штата Пенджаб. Чандigarх был спроектирован осново-

133

134

положником современной архитектуры и градостроительства Ле Корбюзье, и на конференции в январе 1999 года антропологи, социологи, администраторы и экономисты подводили итог полувековой жизни столицы и обсуждали тему: «Функционирует ли Чандigarх как город?» То есть, насколько эффективными или неэффективными проявили себя современные принципы планировки в условиях Индии. Чандigarх построили после раздела страны в 1947 году. Столицу, задуманную Джавахарлалом Неру совместно с Ле Корбюзье и А.Майером (американским планировщиком, работавшим до Ле Корбюзье), известный индийский архитектор Чарлз Корреа назвал «женским городом» (*women city*), имея в виду то, что из его 30 секторов каждый (1200x800м, 5000-22000 жителей) ограждён глухой стеной с 8 входами. Ни одна дверь сектора не должна была выходить на окружающие скоростные дороги. Как результат этого, в секторах нет транзитных автобусов или машин. Однако, вопреки язвительности Ч.Корреа, многим чандигархцам обнесённые стенами сектора нравятся. Пока жившие в центральных секторах привилегированные классы населения наслаждались девственными ландшафтами, столицу окружили окраинные незаконные стихийные строения с 40% горожан в них. Население города, по проекту на 500000 жителей, сейчас выросло в полтора раза, не считая непланового строительства на сельскохозяйственной периферии шириной 16 километров, предусматривавшейся проектом Ле Корбюзье. 18 деревень этой территории разрастаются в спальни городских рабочих. Заметим, что и в Узбекистане новый город Зарафшан на рубеже XX-XXI веков тоже прирос непланировавшимися жилыми массивами.

В то время как индийцы горды уникальностью Чандигарха Ле Корбюзье, многие считают его чужеродным, нерациональным, и далёким от нужд индийцев. Простор и несвязность центральной площади нуждаются в функциональном наполнении и композиционном завершении. Поэтому ещё в 1980 году архитектор Р.П. де Арсе предложил проект озеленения этой площади ансамблями архитектурных садов.

Примечательно, что аналогичное было осуществлено у нас в период независимости в Ташкенте ради решения проблемы простора главной площади Ташкента. В Чандигархе мало общественного транспорта. Он не смог принять своих бедных жителей. 30 секторов первой стадии города планировались на 150000 жителей, ныне же цифра приближается к 300000. Население периферии может вырасти до 2200000, и из них 180000 должны быть размещены в других населённых пунктах – городах-спутниках. Тогда уплотнённая периферия определит новое для Чандигарха будущее. В целом, у города есть потенциал для большей урбанизации. И эти проблемы городу всё ещё предстоит решать. Городу следует готовиться стать в будущем региональным мегаполисом (20).

Таким образом, демография, определение структуры жилого района, транспортная сеть, функции и композиции ансамблей, урбанизация и связанный с ней рост городов-спутников, стали альтернативами для городов рубежа XX-XXI веков.

РЕГИОНАЛЬНОЕ

В послевоенное время много стран высвободилось из-под колониальной зависимости от развитых держав. Начался процесс нового деления мира, в котором возобладали не диктат держав, а устремления развивавшихся стран. Эти страны активнее объединялись в регионы, и общие для них особенности определяли как региональные. Законодатель новой архитектуры Ле Корбюзье побуквенно выговаривал малоупотребительный тогда «р-е-г-и-о-н-а-л-и-з-м» и называл его, из-за связи с традициями, опасным врагом новой архитектуры. Как и следовало ожидать, региональные особенности выросли в проблему для новой архитектуры, и их изучением для практического применения занялись учреждённые с 1963 года в проектных институтах научные подразделения. Такую работу вёл Ташкентский зональный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования (ТашЗНИИЭП), учитывавший в климатическом делении СССР зональные особенности Средней Азии. Образованное в начале 1970-х годов научное отделение Узбекского научно-исследовательского и проектного института по градостроительству (УзНИИП градостроительства) рассматривало в региональных особенностях не только сухой жаркий климат, в том числе и зарубежных стран, но и их исламскую культуру. Опыт зарубежных стран региона, прежде запретный как панисламизм и пантюркизм, теперь стал помогать в научном обосновании методов проектирования.

Исторические города

Как и в проекте центра Дишан Калы 1948 года, генеральный план Хивы 1978 года (А.М.Александрович, Н.В.Казанская) разместил городской общественный центр на территории этого внешнего города. В восточных и западных стенах *шахристана* Ичан Кала пробили бреши для въезда транспорта. Это нарушило целостность уникального ансамбля. Ориентированные на север традиционные *айваны* здешних жилых домов сносились для надстройки вторых и третьих этажей. Знаменитые хивинские типы жилых домов изменились из-за перенаселенности и стихии самостроя, превратившись в малоценные трущобы. Поскольку генеральный план города не был направлен на решение социальных проблем жителей исторического города, ускорилась деградация его жилых кварталов. Было налажено производство традиционного квадратного жёного кирпича, хотя и без ассортимента конфигураций, фактур поверхностей и оттенков. Критерии реставрации на практике не применялись, что привело к однообразию восстанавливавшихся памятников архитектуры. Мавзолей XVI века Уч Авлиё, к примеру, был недопустимо облицован современным кирпичом, чем не могли не возмутиться директор и главный специалист Института реставрации (1). Разрушенные ещё в начале 1920-х годов западные ворота Ата Дарваза Ичан Калы были в 1975 году восстановлены перед новой Площадью гостеприимства с памятником Ал-Хоразми.

После первых проектов по разрушению исторических городов Узбекистана советское градостроительство в новых условиях предпочло отгородиться от них зданиями и эспланадами, обособляя их, таким образом, как туристские зоны. Самаркандский ансамбль Регистан с юга отгородили от исторического города стеной четырёхэтажных домов, а с севера и запада - озеленённой эспланадой, которую

136

проект детальной планировки центра (1961 г., Т.Н. Калиновская) предлагал в качестве фона для архитектурных памятников. Вокруг же Регистана и других памятников темуридского города сносились исторические кварталы ради «создания кольцевых объездов и аллей обзора памятников архитектуры» (2). В 1970-е годы начали ценить городскую среду, и потому предлагали сохранять жилые кварталы вокруг Регистана, Гури Амира и Биби Ханым, приспособивая их жилые и общественные здания требованиям жителей и получавшего развитие туризма. Такие разработки этнографических зон (УзНИИП

137

градостроительства, Ноткин И.И., Аскарлов Ш.Д.,) вошли в генеральный план Самарканда 1980 года (Александрович А.М., Зотов А.Н., Валиев Р.М., и др.). Как и в Ташкенте, радиальную уличную сеть Самарканда рассекла крупная прямоугольная сеть скоростных магистралей.

В межмагистральный квадрат попали темуридский и колониальный города. Следовало пересмотреть прежнюю систему улиц в сети новых скоростных магистралей, чтобы сдерживать натиск транспорта на исторический город. Это стало бы началом сохранения его планировки.

С наложением на радиально-кольцевую планировку Ташкента прямоугольной сети скоростных магистралей, одна из них - Ахангаран-Сарыагач - прошла через исторический город, что вызвало дискуссии. Обследования ТашНИИПГенплана 1980 года включили свыше 40% территории исторического города к центральной зоне Ташкента, отметив, что «эта часть города уже не представляет целостного градостроительного образования». Одновременно на самой крупной ташкентской *даха* Себзор 90% её территории с более чем 300 домами в 33 *махалля* были признаны как «представляющие культурную ценность». Были выделены 12 памятников архитектуры на госу-дарственной охране и 74 на местном учёте. Себзор с его 53 тысячами жителей на 300 га соразмерен крупному жилому району. Ветхие малоценные жилые дома здесь было решено заменить стилистически схожими новыми. За *махаллю* была принята жилая общность до 2 тысяч человек, а за *гузар* - 8-10 тысяч человек. В 1987 году отмечалось. «Необходимо отказаться от прокладки магистралей по историческому городу. Поэтому рассекающая Себзор скоростная магистраль агломерационного значения Ахангаран-Сарыагач проектировалась в подземном транспортно-комму-никационном коллекторе. Радиальные же улицы исторического города (Карасарайская, Сагбан, Чагатай, Самарканд-Дарваза) планировалось включить, в качестве районных, в транспортный каркас города». И, действительно, в разрезе проектировавшегося транспортно-коммуникационного коллектора мы

138

видим: А - дневную поверхность; Б - пандус съезда, поперечные связи, стоянки,

гаражи, развязки, коммунально-складское хозяйство; В – инженерно-технический коллектор, скоростной транспорт; Г – транспортные системы: межселенные, экспрессные, грузовые, внутригородские Экспресс-линии здесь расположены, согласно международному опыту, внизу, как это функционирует, например, в нью-йоркском метро (3). В конце 1980-х годов было принято Постановление правительства республики по обновлению концепции реконструкции.

В 1960-1980-е годы центры в исторических городах Узбекистана расширяются или же перемещаются на новые территории, что вызывает необходимость гибких транспортных решений. По генеральному плану (1962 г., В.Чунихин) новая Бухара развивалась преимущественно юго-восточнее сложившегося города, и по проекту реконструкции (1965 г., А.М.Александрович) новый центр города был перемещён с площади Регистан на стык исторического города с новыми районами. Отношение Советов к историческим городам подытожил посетивший Узбекистан в конце 1980-х годов издатель журнала «Современная архитектура» Пьер Варо: он заявил, что древняя Бухара «вызывающе забыта» советской властью (4). Ни в прежнем, ни в новом центрах Бухары Советы не искали связи с историческим городом. Средство примирения старого с новым планировщики увидели во входившей в это время в моду подземной урбанизации. В проекте детальной планировки центра Бухары 1977 года советские центры 1930-х и 1960-х годов связаны с историческим городом пешеходными путями над туннелями, в которых проложена кольцевая транспортная магистраль. Подземная урбанизация так и осталась проектным предложением. Повтор в Бухаре ташкентского туннеля для исторического города и потребовал пересмотра подобных концепций реконструкции.

139

Градостроительство

Исследования генеральных планов жилых районов 1980-1990 годов (5,6) обнаружили неэффективность их систем: культурно-бытового обслуживания, озеленения, пешеходных связей и размещения общественных зданий. Контакты населения, как выяснилось, происходят большей частью в масштабе не микрорайона, а группы жилых домов с населением, как и в *махалле*, 2000-3000 человек (7). Эти градостроительные находки были важны для сохранения исторических городов и внесения их преимуществ в новые районы. Поэтому в УзНИИП градостроительства для жилых районов 1980-1990 годов были разработаны альтернативные приёмы планировки. Было выявлено, что наши исторически сложившиеся города – это не лабиринты улочек-«змеиных следов», как их называли в это время практиковавшие архитекторы республики (8). Планам исторических городов присущи закономерности построения в пределах чётко соблюдавшихся пешеходных параметров (9), которые, как закономерности построения, следовало сохранять в исторических городах, и их также следовало вводить в планировку новых городских районов, а транспорту следовало стать средством культивирования пешеходности.

Поэтому в Бухаре, новые районы которой были запланированы по радиусам 800-1000 м, предприняли увеличение их до 1500 м, как это характерно для исторического города. Детально были показаны следующие преимущества укрупнённого жилого района: 1 - за счёт развития сети пешеходных связей и внутрирайонных проездов уменьшена плотность улиц с 3,9 до 2,9 км/кв.км; 2 - совершенствован планировочный каркас района: он уже не из раздробленных и несвязных микрорайонов, а объединён диагональной аллеей садов и общественных зданий; 3 - равномерно размещены центры: вместо периферийных учреждений обслуживания и центрального пустыря центры микрорайонов размещены на диагональной аллее с равномерно распределёнными учреждениями обслуживания; 4 - эффективно расположен сад района: вместо центрального большого парка (заброшенного и застроенного во многих городах) его площадь распределена в виде небольших садов вдоль диагональной аллеи, такие сады доступны большому количеству жителей, они формируют регулярные пространства архитектурных садов, создаваемый ими микроклимат распространяется на территорию, большую, чем у одного большого парка; 5 - расстояния до остановок общественного транспорта сокращены до 200 метров или 3 минут (то есть до 50% нормируемой СНиПом дальности) за счёт более гибких трассировок пешеходных путей; 6 - функции организованы в улицы и площади за счёт внимательной их организации, а не вразброс, как это часто делается в генеральных планах и даже в проектах детальных планировок.

140

141,142

В целом УзНИИП градостроительства выполнил: «Исследование планировки городов Узбекистана и региональной типологии» (1988 г.), «Анализ генеральных планов 1970-1985 годов» (1986-1990 гг.) и составил «Региональные дополнения к СНиП» (1989 г.). В результате была обоснована и рекомендована структура жилого района радиусом 1500 м. Радиус 1500 м учёл постоянное укрупнение планировочной структуры районов и закономерности морфологии исторических городов для восстановления прерванной в советские годы преемственности в исторических и новых городах. Выводы градостроительной науки были рекомендованы УзНИИПом градостроительства для нормирования в «Строительных нормах и правилах» Госкомархстроя Республики Узбекистан.

Жилые районы, занимая только 20-25 % территорий городов, влияют на сеть магистралей города и, следовательно, на экономическую эффективность планировки (10). СНиП рекомендует среднюю плотность магистральной уличной сети 2,2-2,4 километра на квадратный километр (11). На рубеже 1980-1990-х годов УзНИИП градостроительства и ТашНИИПИгенплан выявили, что укрупнённые районы радиусом 1500 м уменьшают плотность с нынешних 3,9 до 2,9.

В 1989-1990 годы, переходные от СССР к СНГ, образован региональный институт СредазНИИТАГ, филиал Всесоюзного научно-исследовательского института теории архитектуры и градостроительства. «В период перестройки стало очевидным плачевное состояние теории и практики зодчества. Раскрылось отставание от стран сопредельного Востока. В архитектуре и градостроительстве не были определены приоритеты и не разработана стратегия. Архитектурно-планировочное освоение старого города Ташкента не учитывало здешнего наследия и образа жизни. Большинство жителей желало остаться на своих территориях при условиях подведения газа и канализации. Поэтому планировалось сохранить социально-демографическую структуру, малоценное и ветхое жильё заменить коттеджами, развитыми махаллинскими центрами и проживанием по принципу «самоорганизации» (12). Как и в Ташкенте, в Худжанде пришли к необходимости не реконструкции, как в советские времена, а восстановления исторического города. Рассечение его с XIX века магистралями образовало так называемые кварталы, территории которых во многих случаях расходятся с границами исторических *махалля* и *гузаров*. Поэтому быт и администрирование либо существуют сами по себе, либо путаются в исторических пешеходных и новых, созданных транспортом, общинах. Расчёт новой системы *махалля* и *гузаров* был укрупнён, ориентируясь на современные проекты *махалля* в 3000 человек. В Худжанде советская магистраль запад-восток трассирована по территориям памятников архитектуры. Необходимы были: обвод крупных магистралей по периферии исторической части города, контроль в нём численности населения и развитие районных и городских общественных центров за его пределами (13). Характерное с колониальных времён противоречие границ исторических *махалля* и *гузаров* новым границам так называемых квартальных советов сохраняется в районировании городов. «Архитекторы делят город на планировочные районы, а жизнь течёт в административных районах. В результате объекты одного района не могут использоваться теми, кто живёт в соседнем районе. Следовательно, границы районов должны соответствовать радиусам расположенных в них объектов обслуживания. Несовершенство системы районов и микрорайонов негативно сказалось на качестве жизни. Так, показатели роста преступности в Ташкенте 1988-1989 годов с 6,6 до 9,3 (на 1000 жителей) оказались высоки в микрорайонах, где люди мало знают друг друга, и низки в *махаллях* Октябрьского (6,2), Сабир-Рахимовского (6,9) и Хамзинского (7,0) районов, где каждый - на виду (14).

Общественные здания

Сквозь приоткрывавшийся «железный занавес» проник ставший интернациональным стиль стеклянной архитектуры и впервые воплотился в правительственном здании шестиэтажном административном корпусе ЦК КП Узбекистана с примыкающим к нему залом (1964 г., А.Файнлейб, В.В.Березин, С.Ишанходжаев и др.).

Вслед за ним появилась интерпретация молодыми архитекторами классики прошлого периода: в виде блока дорической колонны поднялся зрительный зал Дворца искусств (1965 г., В.В.Березин, С.М.Сутягин, Д.М.Шуваев, и др.). Этот архитектурный стиль, названный современным, справедливо был воспринят как продолжение конструктивизма начала века. Поэтому в 1969 году А.А.Сидоров реконструировал свой кинотеатр Ватан 1939 года для театра имени Хамзы, сменив колонны от бухарской мечети Боло Ховуз на фасад дворца культуры Московского автозавода имени Лихачева (1931-1937 гг., братья Веснины). Импортированный стиль стеклянной архитектуры нуждался в защите от палящего южного солнца. И образцом для этого стала архитектура Музея Ленина (1970 г., Розанов Е., Шестопапов В.,

144

Кричевский В. и др.): его навесная солнцезащита стала средством выражения регионального. В 6-этажном здании Областного и городского комитетов КП Узбекистана с тоже примыкающим залом (1971 г., Е.Видякин, А.Файнлейб) из стеклянного объема выступил каркас здания для крепления на нём решеток солнцезащиты. От здания к зданию архитектура Узбекистана возвращалась к главному руслу эволюции новой архитектуры, сообщая ей региональные черты. Часто типологии зданий не менялись, и для своеобразия стеклянные объёмы обносились декоративными стенами-ширмами (Выставочный зал Союза художников, 1974 г., Р.А.Хайрутдинов, Ф.Ю.Турсунов). Декоративные решётки и стенки, а также бирюзовый цвет выразили в архитектуре рост национального самосознания и надолго превратились в едва ли не единственные или во всяком случае преобладавшие признаки национального своеобразия. Наложённый на здания декор часто наивно и прямолинейно заявлял об устремлениях общественного и архитектурного сознания. И такая поверхностность в скором времени переросла в дефект стиля во Дворце Дружбы народов (1981 г., Е.Розанов, Ф.Ю.Турсунов, С.Р.Адылов и др.).

145

С одряхлением поверхностно понятого современного стиля на сцену неизбежно выходили традиционные типы зданий и самые общие черты их регионального стиля были призваны отразить конкретику национального. Яркой образностью прославились три столичных здания, вызвавшие много споров. На фоне стандартизованной и становящейся безликой архитектуры кафе Голубые купола (1970 г., В.А.Муратов) отличилось оригинально разработанной модульностью и ордером из колонн, балок и куполов. План построен на сетке 6х6 и 3х6м в пределах прямоугольника 30х27м. В центре – зимний зал, к северу – вестибюль, на западе - кухня, на юго-востоке – летняя терраса. В кафе есть также вестибюль с гардеробом, помещения конторы, заготовок овощей, мяса, теста и выпечки лепёшек и *самсы*, мочная, очаги, буфет. Служебные помещения находятся в подвале. Расположенная рядом чайхана (архитектор Л.Дзимас) откровенно заимствовала формы народной архитектуры. Главный её зал выполнен в форме застеклённого колонного *айвана*. Решетки-*панджара*, резная дверь и колонны *айвана* выполнены народными мастерами на высоком уровне. Рядом с деревянным помостом-тахтой железобетонная пергола нависла над

мраморными сиденьями и столами, материал и масштаб сделали их не традиционными, а, скорее, декоративными, и потому посетители пользовались ими редко (15). В начале такого движения к национальным типам общественных зданий проектировались и строились типовые чайханы и бани-хаммом. Вскоре в столице появились мемориальная чайхана на улице Самарканд Дарваза (1968-1976 г., Сутягин С.М., Браславский А.С., Тен В.И.) и много шумевшая в советской печати баня-хаммом на площади Чор Су (1977 г., А.С.Косинский). Мемориальная чайхана Самарканд в честь 2500-летия города – расположена близ некогда стоявших здесь одноимённых ворот Ташкента. Её квадратный план диагонально рассечён похожими на пирамиду пилонами с лестницами и небольшими помещениями внутри, а центральная ротонда пронзает три этажа и завершена куполом. Первый этаж – вестибюль с двумя залами чайханы на 80 зимних и 50 летних мест. Второй – три зала столовой на 100 зимних и 45 летних мест, с буфетом в ротонде. Третий этаж – гостевой зал на 25 мест и открытое кафе-мороженое. По проекту института ТашНИИПИ Генплан улице предполагалось расширить до 60 метров с расположенными по её обе стороны 9-12-этажными микрорайонами на 25-30-тысяч жителей каждый. Появление в Ташкенте, лишившемся после землетрясения многих градостроительных ориентиров, новых зданий-символов стало закономерным и объяснимым явлением. В безликой среде массового строительства сооружения эти стали для горожан знаками места, времени. С их появлением усилилось изучение и внедрение типологии региональной и национальной архитектуры. Прикладная архитектурная наука назвала региональными аналогами из зарубежных стран со сходным климатом и традициями, а национальная архитектура стала ассоциироваться с внешними, часто декоративными, приметам своеобразия.

146,147

В архитектуре усилилось значение не конструктивной правды, а региональной образности. От конструктивной строгости Дворца искусств в Ташкенте С.М.Сутягин перешел к образу пирамиды в мемориальной чайхане. А.С.Косинский же показывал свою ташкентскую баню-хаммом на Чор Су – «Чем не постмодерн?» как бы утверждая, что его архитектуру и стиль постмодернизма объединило обращение к образам в памяти людей. После зданий-ширм шагом вперёд стала пространственная система колонн-балок-пергол, заявленная в Голубых куполах и затем монументально вознесённая вокруг типового плана комплекса ресторанов Зарафшан (1982 г., В.Л.Спивак). Этот комплекс был заказан, по алматинскому примеру, правительством Узбекистана для участников многолюдных *курултаев*. В нём также предполагалось изготовление полуфабрикатов для филиалов в городе, - как то намечалось в начале 1930-х годов в расположенной неподалеку конструктивистской фабрике-кухне.

148

Многоэтажные жилые дома

В 1960-е годы секции многоэтажных жилых домов совершенствовались для придания разраставшимся городам разнообразных композиций. Экономика брала верх над рациональностью планировки: воздух кухонь проникал в комнаты, что прежде стремились предотвратить, а санитарные узлы уже не имели прежде обязательного естественного освещения. В таких квартирах, как установил институт ТашЗНИИЭП, температура в летние вечера превышала наружную на 10 градусов. В 1964 году известную в прошлом жилую секцию серии 1-310 улучшили архитекторы Б.Блюм, М.Акрамов и В.Гитберг: вместо прежних 3-х квартир в ней остались 2 (4 и 5-комнатные) с выходом из кухни и общей комнаты на балкон. Древний на Ближнем Востоке приём вертикального проветривания посредством шахты-*бадгир* теперь переосмыслили в качестве воздуховода многоэтажных домов. И 4-этажные дома с аэрошахтами были впервые построены в Ташкенте по чертежам Туркменгоспроекта (1964 г., Е. Высоцкий, Г.Жилина): секция дома с расширенным корпусом состояла из 8 малокомнатных квартир. В 1967 году микрорайон Ц-3 Ташкента застроен 9-этажными домами-башнями с вертикальным проветриванием (ЦНИИЭП жилища: М.Владимирова, В.Коробов, А.Криппа и др.). В 1968 году автор серии 1-310 И.А.Мерпорт для борьбы с перегревом квартир предложил их увеличенные окна распахивать с вечера наружу. В 1960-е годы были введены в строй два завода Камо для производства 9-этажных жилых домов с секциями из квартир коридорной планировки. И такими домами застраивались преимущественно магистрали. После

149

землетрясения в Ташкенте были построены многоэтажные дома, развивавшие достижение архитектора И.В.Жолтовского 1949 года в жилом доме на Большой Калужской улице Москвы. Там секция с коридорами из восьми двух- и трёхкомнатных квартир позволила в доме шириной 19 м увеличить жилую площадь на 1 погонный метр уличного фронта. Похожие коридоры по оси плана и комнаты протяжённых пропорций расширили корпуса 9-этажных жилых домов микрорайона Ц-7 (1968 г., КиевЗНИИЭП). Протяжённый 9-этажный жилой дом (1968 г., архитектор В.Гинзбург) на перекрёстке улиц Пушкинской (ныне Мустакиллик) и Абдуллы Тукая (ныне Шахрисабзская) стал секционно-галерейным экспериментом. Вдоль его галерей расположены односторонне ориентированные квартиры, в концах же галерей двусторонне ориентированные квартиры с чётким разделением общих и спальных помещений. Со временем, жители квартир зарешетили свои коридоры и галереи от доступа к их дверям посторонних.

150

151

Ещё в 1936 году А. Антонини перфорированной архитектурой 4-6-этажных жилых домов призвал пропускать сквозь ташкентские кварталы прохладные бризы, дующие в предрассветные часы с северо-восточных гор. В 1980-е годы в УзНИИП градостроительства было графически показано характерное для Ташкента проникновение преобладающего направления ветров в естественное озеленение

вдоль рек, каналов и саёв, и оттуда в застройку города; в недоступных же территориях застройки были рекомендованы способствующие микроклимату традиционные архитектурные сады. В эти годы Ташкент застраивался 9-этажными домами фирмы Камю, фасады которых были решены архитектором Г.И.Коробовцевым, по образцам М.С.Булатова 1950-х годов, в виде колоссальных, то есть на несколько этажей, балконов на фасадах. Очень скоро, однако, и это оказалось недостаточным, поскольку осознали важность более эффективных приёмов аэрации интерьеров таких укрупнявшихся жилых домов.

152

В 1970-1980-е годы улучшены квартиры и структуры многоэтажных жилых домов. С 1972 года стали вновь раздельно проветривать подсобные и жилые помещения, а ванную обеспечивать естественным освещением в 77-й серии кирпичных 4-этажных галерейных и секционных жилых домов (Р.И.Крюкова, М.О.Абдулов, А.С.Подлипов, и др.). В 1980-е годы на базе серии 148-П тиражировались блок-секции жилых домов, из которых составлялись разнообразные комплексы. Девятиэтажные жилые дома этой серии с двумя квадратными в плане жилыми блоками (каждый из 4 квартир) и соединённые в углах блоком лестниц-лифтов построены на Юнусабаде Ташкента. Московские критерии жилища всё более расходились с таковыми в южных республиках. И в 1985 году, готовя новые Строительные нормы и правила, институт ЦНИИЭП жилища отклонил предложения институтов ТашЗНИИЭП (Узбекистан) и ТбилЗНИИЭП (Грузия) по увеличению площади летних помещений. И СНИП, действительно, сократил площадь летних помещений с 20 до 15% от площади квартиры. Такое пренебрежение к региональным особенностям вело к нивелированию архитектуры жилища и ухудшению условий проживания. И всё же, построенный в этом же году в Ташкенте экспериментальный 16-этажный жилой дом из монолитного железобетона (1985, О.Айдинова) был призван проверить исследования института ТашЗНИИЭП. На образ и план такого дома повлиял очень известный и один из первых после второй мировой войны крупных жилых комплексов – Ромео и Джульетта из 12 и 19-этажных корпусов в Штутгарте, Германия (1955-1959 гг., Ханс Шарун). Два корпуса экспериментального дома в Ташкенте объединены на 2,5,8,11,14 этажах традиционными двориками. Нижние этажи занимают магазины и общественные услуги, а плоскую кровлю – сооружения отдыха и спорта. В сравнении с секционными домами дворы этого дома способствовали формированию общинных контактов жильцов. В 1987 году 16-этажный дом серии 148 был перепланирован институтом Ташгипрогор (В.Н.Бреусенко) для 12-этажных 63-квартирных каркасно-панельных домов, построенных на 8 перекрёстках Ташкента, в том числе на Ахангаранском шоссе и на Караташе. Актуальным оставалось дальнейшее переосмысление структуры высотного жилого дома для условий юга.

153,154

Последовательная трансформация структуры многоэтажного жилого дома осуществлялась в 1960-1990-е годы посредством традиционного вертикального

проветривания, называемого *соябон*, которое со временем его энтузиасты переименовали в климатрон. С 1961 года под руководством И.А.Мерпорта в секторе жилых зданий ТашНИИ по строительству коллектив авторов (О.С.Джаббар, В.Н.Коломенский, Г.Корбут, В.Махмудов) выполнил проекты 9-этажных жилых домов по параметрам французской фирмы Камю (16). Эти-то дома и подверглись следующим трансформациям. По проекту В.М.Дмитриева, после землетрясения 1966 года, в Ташкенте строились 9-этажные каркасно-панельные жилые дома с летними помещениями четырёх квартир вокруг лестничной клетки. В.Н.Коломенский проектировал квартиры с лоджиями-двориками высотой в два этажа. А О.С.Джаббар проектировал замкнутые от внешней среды атриумы-*соябон* квартир при вертикальных аэрационных шахтах дома. Площадь атриума-*соябона* была выкроена из перепланировок передней, коридоров и летних помещений (17). В конце 1960-х годов О.С.Джаббар предложил дополнительно регулировать микроклимат кондиционерами, и традиционные атриумы-*соябоны* стали атриумами-климатронами. Кондиционеры удорожали жилищное строительство на 20% и их эксплуатационные расходы требовали ещё 2%, но чередование с естественным проветриванием сокращало время пользования ими. Это важно, поскольку длительное использование кондиционеров отрицательно влияет на работу желез внутренней секреции человека. Атриумы-климатроны позволяют сквозное проветривание квартир даже в условиях полуденных штилей (18). В 1967 году ЦНИИЭП жилища разработал для условий Ташкента проекты 9-этажных крупнопанельных домов фирмы Камю, и с 1969 года, впервые в нашей 9-балльной сейсмической зоне, стали возводиться спроектированные Ташгипрогором 9-этажные бескаркасные крупнопанельные многосекционные жилые дома (19,20). В 1970-е годы в городе Новый Узень на полуострове Мангышлак по проекту института Казгоспроект возводились жилые дома широкого корпуса с аэрационными шахтами для проветривания квартир, в первую очередь их подсобных помещений. В середине 1970-х годов в каркасно-панельных 9-этажных домах Ташкента использовалось несколько иное решение - аэрошахта при лестничной клетке и лифте. Традиционные шахты-*бадгир* служили вертикальному проветриванию жилых помещений. Аэрошахты же 1960-1970-х годов вытягивали воздух из подсобных помещений квартир. Вертикальная аэрация жилых помещений эффективно не решалась.

Соябон и климатрон были лишь в первом приближении осуществлены в 16-этажном крупнопанельном жилом доме серии 148 (1984 г., А.И.Онищенко). Его H-образный план имеет в центре лестницу и лифт, а в 4 квартирах кухня, общая и спальни сгруппированы вокруг лоджии, уподобленной *соябону* народного жилища. На зиму лоджия оборудуется батареей отопления и превращается из летнего помещения в климатрон. Идею климатрона продолжили в 9-этажных домах-башнях из 2 блок-секций с 1-2-3-комнатными квартирами вокруг рекреации при лестнице и лифте (1985 г., С.Розенблюм). Между передней и балконом каждой квартиры размещена заглублённая остеклённая лоджия, которую можно объединять с общей комнатой и

кухней трансформирующимися ограждениями. Решение С.Розенблюма развито в 1990-е годы архитектором В.Рыжовым в жилых домах для строительства на перекрестках Ташкента. В них варьировалось количество блок-секций: компактный дом на станции метро Г.Гуляма составлен из 3 блоков, а протяжённый на улице Б.Хмельницкого – из 8. Все эти эксперименты расширили корпуса жилых домов в 1,5-3 раза по сравнению с действующими сериями. Расширение корпуса снизило стоимость квадратного метра общей площади, сократило энергоресурсы на обогрев, повысило экономические показатели застройки. При этих нововведениях, недостатками планировок квартир всё ещё остаются: малые летние помещения, неудовлетворительная аэрация, несоответствие местному образу жизни.

16-этажные монолитные жилые дома сформировали композиции перекрёстков и магистралей Ташкента, но пространства внутри них оказались заполненными стихийными постройками их жителей. Решёткой между лифтом и квартирой отгораживают пространство для частного сада, на сквозняке при входе в квартиру возводят традиционную суфу, и так далее. Повсеместный опыт эксплуатации показал, что общие площади на этажах не могут попросту оставаться открытыми и требуют тщательной планировки и детального обустройства, - в противном случае жильцы заполняют их самостроем.

157

Малозэтажные жилые дома

Всесоюзная перепись населения 1970 года выявила в Ташкенте семьи размером от 3,7 до 5,5 человек, в среднем – 4,2 человек (21). В дальнейшем средняя численность семьи в Ташкенте увеличилась с 3,9 до 4,8 человек, и в конце XX века составляла более 5 человек (22). Высоким оставался удельный вес семей из 6 и более человек. В 1979 году в Ташкенте такие семьи составляли 1/5 часть всех семей, в Самарканде – 1/3, в Намангане – 1/2, в Маргилане – более 1/3, в Хиве – более 1/2 (23). То есть, прогнозы ТашЗНИИЭП 1960-1970 годов о сокращении к 1980 году числа больших семей в городах не подтвердились. Нужны были как гибкие для подбора типов квартир блок-секции, так и возрождённые малозэтажные жилые дома. Жилища для многодетных и сложных семей перспективны для республики. С предпринятыми в 1965 году работами по реконструкции старого Ташкента, ТашЗНИИЭП спроектировал микрорайон-махаля в виде ковровой двухэтажной застройки с плотностью жилого фонда 4-этажной застройки. В 1967-1968 годах в ташкентских микрорайонах Ц-3 и Ц-4, в комплексе с 4-9-этажными домами, построены 2-этажные кирпичные жилые дома из 4- и 5-комнатных квартир с дворами 50-70 кв.м (ЦНИИЭП жилища, М.Владимирова, В.Коробов, А.Криппа и др.), их первый этаж имеет общую, небольшую кухню, туалет, жилую комнату и лестницу на 2 этаж. Построенные впоследствии в микрорайонах Ц-5 и Ц-6 сблокированные двухэтажные дома с дворами, как и двухэтажные дома в Ц-27, не достигли необходимых плотностей жилого фонда. Эти дома оказались дорогими из-за недостатков проектов, отсутствия

158

их промышленной базы и неразработанности технологии строительства. В то время как в 4-этажных микрорайонах более половины открытых пространств оказались заброшенными, в малоэтажной плотной застройке большая часть пространств могла бы стать индивидуальными двориками с гарантированным озеленением. Дворик в 40-50 кв. м, заключила кандидат архитектуры З.Н.Чеботарёва, следует сравнивать с верандой в 5-12 кв. м многоэтажного дома, а не с приусадебным участком в 300-500 кв. м, поскольку усадебная застройка не может рассматриваться городским типом застройки (24). В народном жилище летние площади превышают площадь зимних помещений в 2-3 раза, -

159

в современной же квартире летнему помещению отводится лишь её 5-я часть. Жизнь в таких квартирах в самый жаркий период года *чилла*, то есть с конца июня по начало августа, невыносима. Квартиры должны иметь зимнюю и летнюю зоны, и их сообщающиеся пространства должны быть трансформируемы в зависимости от времени года и суток. «Система перехода от города через улицу, переулок, двор, *айван* к комнате – интимному уголку, который всегда был и будет нужен человеку, - вот что составляет главную ценность узбекского жилья», - было обнаружено ещё в трудные 1940-е годы (25). Узбекское жилье состоит из последовательности: замкнутого помещения *хона* летнего помещения *айван* -

160

перголы *ишком* с суфой у хауза - двора *сахн*. Замкнутые помещения *хона* часто группируются вокруг полуоткрытого дворика-*соябон*. Высота помещений 1,8-3,6 м, а двориков-*соябон* – 3,6-12 м в зависимости от расположения *соябон* на земле или верхних этажах. Утро во дворе, полдень в закрытых проветриваемых помещениях, а вечер и ночь в увлажняемом дворе или дворике-*соябон* (26), - такой, сложившийся веками, режим проживания в узбекском жилище должен формировать среду для человека в условиях республики.

Анкетирование, проведённое в 1989-1990 годы региональным институтом СредазНИИТАГ, показало, что любой квартире жители старого города Ташкента предпочитают усадебный дом или коттедж. Выше трёх этажей прекращается благоприятное влияние озеленения, обводнения и охлаждающего воздействия грунта. Кондиционирование же лишает воздух природных свойств, ухудшает самочувствие, вызывает заболевания» (27).

МЕСТНОЕ

Наряду с развитием концепций современной и региональной архитектур, в городах Узбекистана активизировалась инициатива властей и населения за архитектуру, отвечающую местным потребностям. Профессиональная и народная архитектуры объединились ради приближения архитектуры к будням жизни. Недавно заимствованные и названные современными нормы стали сопоставляться с многовековыми местными традициями. И это столкновение норм с традициями происходило особо драматично в исторически сложившихся городах Узбекистана.

Уже в 1954 году на одном из заседаний Ташкентского городского исполнительного комитета отмечалась необходимость понижать этажность домов, ибо возводимые башенные дома не учитывают местных особенностей и климатических условий. В микрорайонах всё вокруг являет собой открытые общие пространства, индивидуальных открытых пространств на земле нет, лишь веранда и поджия квартиры предназначены для летнего быта семьи. А в традиционной застройке около 80% площади открытых пространств составляли дворики, служившие семье столовой, гостиной, спальней. В этом коренное отличие современной застройки от традиционной и её серьёзный недостаток. Застройка секциями, утверждают сторонники *махалля*, изолирует людей и не предоставляет условий для восточного образа жизни, который зиждется на коллективизме (1). В секционных домах летний быт предусмотрен в летнем помещении, досуг и общение - близ жилья. Соседское общение и многолюдные торжества проводятся, как правило, на открытых рекреациях. Застройка Ташкента с его наиболее развитой в Средней Азии базой домостроения велась по нескольким сериям, в большинстве же других городов Средней Азии – лишь по одной или двум сериям жилых домов (2).

В целях трансформации микрорайонов, в 1960-1970-е годы исследовались традиции *махалля*. Указывалось на важность воссоздания сложившихся веками общественных связей и пространств *махалля* для обогащения окружения, образа жизни и психологии личности. В 1966 году ТашЗНИИЭПом составлено задание на экспериментальный микрорайон и выполнен экспериментальный проект микрорайона-*махалля* (В.Анкудович, И.Гордеева, З.Чеботарёва). Этот экспериментальный микрорайон-*махалля* (40 га) проектировался западнее площади Чор Су как часть жилого массива Каракамыш. А с 1971 года по переработанному проекту Ташгипрогора (Г.И.Коробовцев, И.Коптелова, Л.Адашов, С.Адылов) в составе проектировавшейся межмагистральной территории строился микрорайон-*махалля* Ц-27. Он состоял из двух *махалля* с населением 2,5-2,7 тыс. жителей; радиус общественного центра *махалля* – 200 м, детских учреждений – 250-300 м, торгового центра на магистрали – 400 м; в двух- и девятиэтажной жилой застройке первая составила 57%.

Проект экспериментального микрорайона-*махалля* Калькауз (Ц-19) (Ташгипрогор, Научно-реставрационная и проектная мастерская Министерства культуры, Институт искусствознания: С.Р.Адылов,

А.С.Косинский, Г.И.Коробовцев) стал началом работ по реконструкции северо-запада старого Ташкента. Было обследовано зарождение и развитие этого района старого города Ташкента, здания народной архитектуры были обмерены для выявления приёмов создания комфортного микроклимата жилой среды и её ячейки в многоэтажных жилых образованиях. В зону реконструкции вошли исторические Охунгузар, Заркайнар, Хазрати Имом, Корасарой, Себзор, Тахтапул, Каллахона, Подахона, Согбон, Чагатай и др. Проектом предлагались заповедно-туристская зона, музей-заповедник, базар и гостиничный городок. Композиционный центр – торговая улица, малозэтажные здания которой приспособлены для мастерских народных ремёсел. Максимально сохранялась историческая топография. Транспортные магистрали прокладывались на глубине 6 метров, не разъединяя, а объединяя жилые территории. Понятия ограниченного улицами микрорайона не было, и центры гузаров размещались непосредственно над дорогами. Пешеходы и транспорт полностью разделялись. По мере удаления от сохранившихся памятников архитектуры новая жилая застройка постепенно увеличивалась в этажности, достигая на периферии 12-16 этажей, отмечая этим линию стены старого города Ташкента. Доминировал 25-этажный башенный жилой дом с видовыми наверху площадками. Подобно 16-этажному экспериментальному жилому дому О.Айдиновой, через каждые три этажа высотных жилых домов располагались дворы до 300 кв. м для празднеств, национальной кухни, игр детей, озеленения. Жилые высотные дома имели шахты вертикального проветривания с холлами «полуторасветной» высоты, по идее О.С.Джаббара. Блок-секционная компоновка застройки гибко соответствовала демографическому составу населения (3).

162,163

Малозэтажные жилые дома и тупикообразные улочки *махалля* возродились в первом построенном экспериментальном микрорайоне-*махалля* Ц-27 (1971-1975 гг., Г.И.Коробовцев, Х.Халилова, Е. Чинчева, и др.). Он застроен несколькими типами жилых домов: 9-этажными вдоль улицы Беруни, 4-х и 9-этажными - по периферии, 2-этажными коттеджами в середине, и 4-

164

этажным домом с двориками на этажах, - он расположен на юго-востоке. Этот тип 4-этажного 60-квартирного дома с 5,6,7-комнатными квартирами и двориками (85 кв.м) на этажах стал редкостным экспериментом и разрабатывался в 1972-1975 годы. Он состоит из трёх блок-секций: Т-образной, рядовой и торцевой. Вдоль улицы Беруни 9-этажные 88-квартирные дома имеют предприятия обслуживания на первых этажах. К востоку от микрорайона-*махалля* расположена зона зданий общественного назначения. Сохранены некоторые из существовавших здесь жилых домов. Имеются общеобразовательная школа №102, музыкальная школа-семилетка, детские дошкольные комбинаты. Прошедшие полвека преобразили этот эксперимент: на палисадниках перед домами выстроились клетки индивидуальных гаражей, скромные советские коттеджи перестраиваются в величественные особняки. 60-квартирный жилой

165

дом с двориками на этажах удобен для больших многодетных и сложных семей, в частности, семей с пожилыми родителями. Однако его открытые и просматриваемые дворики не подходили для сна на открытом воздухе, приёма пищи семьёй, уединённого отдыха. Дворики приставлены к жилищу, не являясь его композиционно-планировочным центром. Поэтому дворики на этажах все эти годы обстраиваются. Спортивное поле в центре экспериментального микрорайона ныне полностью застроено жильцами, а в его северной части теперь возвышается соборная мечеть Фирдавс.

Понимание своеобразия вышло за пределы здания национальной архитектуры. Оно перестало превозносить технику современной архитектуры. Свободная планировка тоже была поставлена под сомнение. Критичнее отнеслись и к региональной архитектуре, ибо она широка и обезличена. Но всегда есть конкретное место и его люди. Именно в нём архитектор должен служить культуре людей данного места. Его работа всегда индивидуальна.

Архитекторы, однако, упрощали процесс своей работы. «Думаешь, чабан в горах, мурлыча мелодию, задумывается о её национальности?» (С.М.Сутягин). «Мне кажется, все проще. Всегда есть земля. И вот её соки, воздух, ветер – они и дают то, что рождает настоящее искусство» (А.С.Косинский) (4). На деле и мемориальная чайхана создавалась с мыслями о египетских пирамидах, японской архитектуре и симметричных планах Луиса Кана. И баня-хаммом на деле глубже: это республиканские дискуссии 1966-1967 годов о недостатке традиционных типов зданий (чайхан и бань-хаммом) вызвали их проектирование и строительство. Архитекторам-практикам свойственно не придавать значения своим же исканиям. Им также свойственно замалчивать источники своего вдохновения, усматривая в этом некое проявление ущерба их профессиональному достоинству. Упрощающая и замалчивающая позиция профессиональных архитекторов объясняется несколькими причинами. Во-первых, это, конечно, результат недостаточности в обществе демократических основ, которые и позволяют развиваться анализу архитектуры. Вторая причина – это всепоглощающее служение архитекторов государственному проектному конвейеру. И, в-третьих, в архитекторах было сильно чувство миссионерства. То есть они видели себя прежде всего проводниками архитектурных стилей, шедших из России, Европы, Запада. А местная или региональная архитектура не становилась при этом основополагающей для формирования их творческого мышления. От этих трёх факторов и происходил упрощенческий взгляд на творческий метод и местные реалии.

Профессиональная архитектура воплощалась вдоль парадных улиц и площадей городов Узбекистана. А вдоль неприметных холмов, арыков и садов, оставленных вне прямоугольных градостроительных систем, развивалась архитектура местной инициативы, создававшаяся горожанами и местными властями. Такие зоны отдыха в традициях местного населения возникали помимо генеральных планов или даже вопреки им, что уже указывало на отрыв этих документов от жизни. В городе Ургут Самаркандской области такие зоны возникали вдоль центрального сая

и в окружающих предгорьях. На горе между Ургутом и соседними селениями построена популярная у населения чайхана Топтепа с видами из *айванов* на окрестности. Одним из наиболее известных примеров стала чайхана общественного центра селения Афшона Бухарской области, где родился Абу Али Ибн Сина. Градостроительная роль архитектуры местной инициативы усиливалась на межгородских магистралях: в природном окружении местным населением строились малые архитектурные формы, места отдыха и общественного питания, общественные и даже производственные здания в национальном стиле, с куполами, арками, яркой керамической облицовкой. В сельских районах, менее охваченных типовым проектированием, распространились чайханы, бани-хаммом, сады *чор-баг*. Схематические решения генеральными планами центров городов и их пригородов восполнялись застройкой на этих территориях зон отдыха в местных традициях. Показательна в этом отношении чайхана на 200 мест в Джизаке (1985 г., Р.В.Блезе). В пригороде Самарканда, на берегу реки Зеравшан, народными мастерами Ургута, Каттакургона и других областных городов, построена зона отдыха Боги Шамол. В пригороде Термеза, близ заповедника Арал Пайгамбар на Амударье, сооружен ипподром, а на холме близ него – парк с рестораном, павильоном сельскохозяйственной техники и др. Озеленение, как и в соседней зоне отдыха у водохранилища Уч Кизил, осуществлено на привозном грунте.

166

167

168

169

Зоны отдыха на возвышенностях издавна осваивались среднеазиатскими правителями и освящались как центры мира. В 1980-е годы на возвышенности двинулись не одиночки, а массы, и строительство на них традиционным методом *хашар* зачастую рождало архитектурный хаос. Означающий «соучастие, взаимопомощь», этот метод подразумевает осуществление всеми замысла того, кому помогают, а не кто во что горазд, что имело место. Как раз потому, что генеральные планы и проекты детальной планировки не учитывали местных нужд, последние и следовало фиксировать и планомерно претворять в жизнь методами таких народных строек. В областных исторических городах местная инициатива поддерживала и восстанавливала городскую среду, которую ташкентские профессиональные проектировщики рассматривали как безнадежно ветхую и подлежащую сносу. Ранее всего это проявилось в Коканде – одном из центров узбекской культуры. Его центральное кладбище с могилами деятелей культуры было благоустроено мемориалами, чайханами, беседками. В старом городе реставрирован и открыт дом-музей Хамзы Хакимзаде Ниязи. В историческом городе Самарканда реставрированы старые и построены новые общественные центры кварталов на улицах Кайруанская и Кош Ховуз. Сад поэтов создан у ансамбля Регистан. Создававшиеся при участии народных мастеров Ургута и Каттакургона, эти объекты оживили пространства исторического города, который генеральными планами был лишь намечен к сохранению.

В массовой застройке городов местная инициатива проявлялась в изменениях жителями планировок квартир и придомовых пространств. Здесь она заявила себя антагонистичной профессиональным нормам проектирования и строительства жилой среды, тем самым демонстрируя предпочтения населения, которые проектировщикам следовало учитывать. Таким образом, архитектура местной инициативы утверждалась во взаимоотношениях с профессиональной архитектурой. Всякий раз после нового профессионального стиля – будь то конструктивизм, классика или современность – появлялось больше свободы для их сочетания с приёмами местной архитектуры. Раскованностью от очередного профессионального стиля, свободой сочетания его с местной архитектурой и общением с местными мастерами отмечались творческие почерки А.В.Щусева и С.Н.Полупанова, затем – М.С.Булатова и А.Б.Бабаханова, в 1980-е – В.А.Муратова, А.С.Косинского, С.М.Сутягина, Р.М.Блезе. Поддержка архитекторами предпочтений населения видна и в осовременённом Ташкенте, где экзотичные сооружения отдыха, досуга и быта возникли в парках (чайхана и кафе Голубые купола), в *махалля* (мемориальная чайхана у ворот на улице Самарканд Дарваза) и на крупных магистралях (чайхана Самарканд по дороге в аэропорт). В этом процессе местная архитектура выбирает в профессиональной архитектуре материалы, конструкции, формы и линии, отвечающие культуре местного населения. Так, зачастую интуитивно, отбирается и синтезируется целесообразное из профессиональной и народной архитектур.

Архитектура местной инициативы является ветвью самобытного народного творчества и сообщает новой архитектуре яркое своеобразие. Она является реакцией на ограниченность и недостатки функциональных и художественных сторон современной архитектуры и градостроительства. Усиление её в застройке наших городов – объективный и перспективный процесс. Поэтому следует изучать причины и характер местной инициативы и отводить ей должное место в процессе проектирования и застройки. Архитектура местной инициативы как отклонения от проектов и генеральных планов, их уточнение и исправление – это результат заметной дифференциации уровней проектного, управленческого и строительного видов деятельности, их недостаточной взаимной увязки. Объединяющим их началом и должны стать предпочтения населения. В этом проявит себя демократическая система градостроительной политики: проектирование – местная администрация – культурные слои населения. Профессиональные архитекторы и градостроители не принимали в счёт и, в лучшем случае, приуменьшали значение архитектуры местной инициативы. Это было фактически попыткой уйти от происходивших в областях республики реальных градостроительных процессов, когда местная инициатива в них стремилась восполнить схематизм генеральных планов. Местная практика градостроительства выступала против норм проектирования, во многом устаревших союзным центром.

Эти симптомы «нездоровья» в архитектуре и градостроительстве республики были освещены в печати (5) и вызвали следующую реакцию руководства ведущего института УзНИИП градостроительства: «Процесс появления во многих городах

республики архитектурных построек, не предусмотренных в проектных решениях, – реакция на сухость, рационализм и бездуховность современной архитектурной практики. Самодеятельная архитектура отличается умелым использованием материалов, гибкой планировкой, отвечающей быту и укладу жизни населения. Такая архитектура несёт в себе начала большой архитектуры, она органична по себе и с окружением. Самодеятельная архитектура должна стать предметом тщательного изучения. Современная архитектура массовых сооружений никак не отвечает вкусам народа, и архитекторы должны ставить перед директивными органами вопрос о коренном переустройстве проектного дела в республике, повышении роли архитектуры в обществе» (6).

170

Дискуссия подтвердила свою актуальность уже в 1987 году в столице республики на конкурсе проектов застройки района Караташ, - в этот массив старого города продвинулся росший десятилетиями линейный центр Ташкента. В проекте застройки массива Караташ сохранённые здания *махалля* и *гузаров* были превращены в объекты туристского игрового и развлекательного центра. Он был уподоблен средневековому городу со рвами, крепостными воротами, минаретами и «гротескными мечетями», как выразились авторы проекта. Такой городок предназначался для художников: для их мастерских было предложено реставрировать старые жилые дома. «Стилистическое использование национальной архитектуры в виде потешного городка в угоду скучающим туристам вызвало тревогу» архитектора Ю.К.Акопджанян (ТашНИИПИгенплан): «Такое «освоение наследия» девальвировало бы ценности национального зодчества в виде некоей театрализованной архитектуры». Архитектор Р.А.Хайрутдинов (Ташгипрогор) осветил проблему подробнее: «Опыт застройки старого города показал низкий уровень его сохранения. На массиве Караташ были проведены социологические обследования, выявившие желание людей сохранить свои привычки и обычаи. В сложившихся *махалля* они исстари общались, поддерживая друг друга во время похорон, свадеб, ремонта и строительства домов, и т.д. При сносе этих *махалля* и расселении их жителей по разным районам города былая общность сменяется одиночеством, когда люди не знают соседей не только по дому, но и в подъезде. Старый город – это архитектурные памятники, сформированная народной мудростью жилая архитектура, стилистически неповторимая среда. Это всё нужно беречь как великую ценность, ибо без неё нация теряет своё лицо и превращается в обезличенную серую массу». Архитектор А.Т.Синий (Ташгипрогор) предложил «застройку массива Караташ осуществлять по разработанным специально для этой территории индивидуальным проектам». По индивидуальным проектам новые малоэтажные жилые дома в этом массиве были построены теми жильцами, которые могли финансировать их строительство. Что же касается преобладавшего населения, оно было либо расселено в многоэтажные дома, либо строило себе дома на окраинах города. Обращение жителей *махалли* имени Юлдаша Ахунбабаева в Главное архитектурно-планировочное управление Ташгорисполкома «с

предложением нескольких вариантов махаллинских центров с залом, чайханой, пекарней для выпечки лепёшек и помещениями для хранения инвентаря махалли» (7) возымело эффект, и посреди смешанной мало- и многоэтажной застройки массива Караташ появились в начале 1990-х годов новые комплексы махаллинских центров.

Отдаление генеральных планов от фактических процессов развития местных городов и их культуры проявилось особенно явно с середины 1980-х годов. В это время, наряду со схематичностью проектов городов и их районов, активно проявился альтернативный самострой населения. Результатом стало то, что в 1990-е годы обретения республикой независимости области и их города перестали заказывать генеральные планы республиканскому градостроительному институту и взяли развитие городов в свои руки. Городские власти поняли проявления недовольства населения типизированным панельным домостроением и отказывались от него. Эта конфронтация практики и норм оказалась весьма поучительной, поскольку вскрыла не только отрицательные аспекты, но и положительные перспективы. Они и по сей день требуют серьезного осмысления в архитектуре и градостроительстве.

1991-2011: РОСТ ГОРОДОВ

С рубежа XX-XXI веков всемирная интеграция и переход к информационным технологиям расширили границы урбанизации: штаб-квартиры крупных корпораций ушли из центров мегаполисов в пригороды и малые города, создавая компьютеризованные места работы практически повсюду, и стал возникать упраздняющий расстояния глобальный город. В городах сегодня живёт половина населения Земли, и к 2050 году будет жить до 70%, - вот почему этот век называют веком городов. В Средней Азии 2025 года будет четыре мегаполиса: Ташкент, Самарканд, Алматы, Бишкек. В Республике Узбекистан свыше 100 тысяч человек – это население крупного города.

171

В крупных городах проживает 53% городского населения. А 47% городского населения проживает в средних и малых городах, составляющих 85% общего количества городов. До 10 тысяч человек - это посёлок городского типа, до 20 тысяч человек – малый город, и 20-100 тысяч человек – средний город. В этих городах намечено развивать трудоинтенсивные производства для того, чтобы сдерживать миграцию в крупные города. Поэтому актуальны коренная модернизация промышленности, развитие инфраструктуры, обеспечение мобильности рабочей силы, поддержка технологичных и наукоёмких производств (1).

Проектирование и нормы

Указ Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова «О мерах по дальнейшему совершенствованию архитектуры и градостроительства в Республике Узбекистан» от 26 апреля 2000 года, Постановление Кабинета Министров «Об утверждении Положения о порядке разработки генеральных планов и застройки городов, районных центров и посёлков городского типа» от 14 августа 2000 года и ввод в действие Олий Мажлисом Градостроительного кодекса в 2002 году способствовали составлению и утверждённому графику разработки и корректировки генеральных планов городов, районных центров и городских посёлков (2, 3).

172

К началу 1990-х годов расширилась центральная зона Ташкента, и в её составе преобразилась правительственная площадь столицы. При росте центральной зоны Ташкента с востока на запад, её правительственная площадь расширялась на север и юг между улицами Навои и Узбекистанской.

173

В результате на юге поднялись правительственные и общественные здания, на севере – мемориал Вечному огню с монументом Скорбящей матери, а в центре - Арка доброты и монумент Счастливой матери.

Центральная зона росла к историческому городу столицы. Строительные нормы и правила 1994 года по градостроительству предписали: «Улицы исторически ценных зон городов не подлежат расширению, служат каркасом исторических зон. Не допускается движение транспорта по отношению к

исторической зоне» (4). В 1995 году три улицы исторического района Ташкента были спрямлены и расширены, и проект детальной планировки 2004 года предусмотрел прокладку здесь проектировавшегося с советского времени скоростного транзита Ахангаран Сарыагач. Центральная зона осуществлялась и в Андижане: благоустраивались центральные улицы; вдоль улиц устраивались инженерно-коммуникационные коллекторы и в них переносились линии электропередач, телефонной связи, газоснабжения; выводились экологически вредные производства; новые жилые массивы обеспечивались необходимыми инженерными коммуникациями. Приняты меры по предотвращению на фасадах строящихся и реконструируемых объектов архитектурных приёмов, не соответствующих традициям национальной архитектуры (5). Центральные зоны городов активнее связывались с магистралями внегородских направлений.

Узбекистан, с его международными проектами возрождения Великого шёлкового пути для выхода в соседние страны и моря, имел в начале обретения независимости свыше 43000 километров автодорог. Из них половина относилась к межгосударственным и государственным, четверть – к областным, и четверть – к местным дорогам. К последним относятся и внутригородские дороги, в которых выделяются сети скоростных магистралей. Для прокладки скоростных магистралей Ташкента сооружены мосты и путепроводы. Мост через канал Бурджар на улице Бабура расширил и выпрямил дорогу к аэропорту. Путепроводы у Алайского рынка и на площади Хадра облегчили движение в центре столицы. Келесский, Юнусабадский и Куйлюкский путепроводы вывели скоростное движение из города на северо-запад, север и на юго-восток. Скоростные направления дублируются метрополитеном. В августе 2002 года открыта вторая очередь малой кольцевой дороги столицы. Узбекская национальная автомагистраль соединяет области республики и выводит к региональным и мировым рынкам.

174

Согласно утверждённому Кабинетом Министров Республики Узбекистан (18.04.2000 г., №08-3-82) «Мероприятиям по исполнению замечаний и предложений Президента Республики, высказанных при рассмотрении проектов мемориальных комплексов и генеральных планов городов», Госархитектстройком и ОАО Узшахарсозлик ЛИТИ (Александрович А.М., Соколова Е.В., Абдуллаев Б.У., и др.) в 2002 году выполнена корректура генерального плана крупного города Навои. Основные положения генерального плана до 1991 года реализовывались, застройка осуществлялась комплексно, к 2008 году население Навои составило 125 тысяч человек, а на первую очередь составят 175 тысяч человек. Промышленные предприятия (химической, электроэнергетической, горнодобывающей, лёгкой, пищевой и других отраслей) расположены по линии железной дороги на западе и юге. Вдоль центральной улицы Навои с административным, торговым, культурно-просветительным и спортивным комплексами расположены микрорайоны с 4-5-этажными секционными и 7-9-этажными галерейными жилыми домами. Массивами жилой застройки защищены

175

городской и районные парки. Микрорайонные же сады - это хорошо озеленённые пешеходные аллеи. Проект детальной планировки центральной части Навои разработан Узшахарсозлик ЛИТИ в 1999 году. Генеральный план соседнего города Кармана выполнен УзНИИП градостроительства в 1988 году, и до 1999 года этот город являлся центром Навоийского района. В республике несколько замедлился рост городских поселений, демография населения изменилась к сокращению рождаемости, в жилом фонде увеличилась доля индивидуального малоэтажного строительства. Доля 1-2-этажной жилой застройки увеличилась с 23% до 53%, расширив селитебную территорию от 33% до 55% и снизив плотность в ней. Поэтому созданы два планировочных района: Навоийский из четырёх жилых районов и Карманинский из трёх жилых районов. Навои обеспечен социальными объектами - детскими садами и школами, лицеями, клубами и кинотеатрами, библиотеками - от 65 до 160%. Обеспеченность же Карманы низка, поэтому развитие этого района приоритетно. Жилищное строительство в этом планировочном районе преимущественно 1-2-этажное; предусматриваются реконструкция центра на пересечении улиц Кармана и Бабура, сохранение и реставрация памятников архитектуры, вывод основных магистралей к пойме реки Зеравшан. Для укрупнения планировочной структуры принята двуступенчатая система учреждений повседневного и периодического обслуживания. Повседневные учреждения микрорайонов находятся в 400-500 метрах пешеходной доступности. Периодические же в центрах планировочных районов и города призваны обслуживать также и население области.

176

Индустриализированным средним городом стал Зарафшан. После периода интенсивного формирования производства и первой очереди селитьбы, этот город переходит к умеренному развитию в составе Зарафшанской групповой системы населённых мест. Вместе с этим нормативная некогда ширина большинства городских магистралей ныне не соответствует возросшему автомобильному движению, и в часы пик возникают заторы и аварийные ситуации. С первой половины 1990-х годов пригородные территории у железнодорожной станции внепланово застроены прибывшими сюда в поисках работы жителями Тамдынского района. Это поселение Янги Зарафшан, в 2002 году включённое в границу города. Как и в Навои, ликвидация в Зарафшане планировочными средствами социальных различий между двумя районами является первоочередной задачей. Генеральный план выполнен в 2006 году Госархитектстройом и ОАО Узшахарсозлик ЛИТИ (Абдуллаев Б.У., Соколова Е.В., и др.). Первая очередь - 2015 год, расчётный срок - 2030 год. Численность населения 59,00 тысяч человек в 2008 году, и 80 тысяч человек на расчётный 2025 год. Основная селитебная зона развивается на северо-восток, где в конце периода сформируется второй жилой район и его центр. Параллельно и к западу от селитьбы, за санитарной зоной, развивается коммунально-складская зона. Периферийные многоэтажные дома защищали первые жилые районы города от зноя и пыли пустыни. Теперь же, со стороны неблагоприятных ветров размещаются кварталы

индивидуальной одноэтажной жилой застройки. Микрорайонам тоже характерна компактная и замкнутая планировка с высоким уровнем благоустройства. Их защищённые от ветра и пыли центры связаны между собой озеленёнными пешеходными бульварами. Небольшие городской и районные парки тоже размещены внутри жилых образований. В Янги Зарафшане также внутриквартальные площадки отдыха соединены озеленёнными пешеходными улицами. Центральная улица имени Амира Темура сформирована жилыми домами граничащих микрорайонов, а также медицинским и учебным комплексами и др. Жилищное строительство в микрорайоне 12 осуществляется многоэтажным, существующие микрорайоны уплотняются, индивидуальная застройка ведётся в обоих городских районах. 1-2-этажные дома Янги Зарафшана и микрорайонов 13 и 14 составляют 67% первоочередного жилищного строительства.

Институт Тошкентбашплан ЛИТИ расширил Схему генерального плана города Ташкента и его пригородной зоны на период до 2015 года до 42,5 тысячи гектаров в пределах внешней кольцевой автомагистрали. Здесь, в пригородном зелёном поясе с местами отдыха населения предусмотрены города-спутники Ташкента. В систему городских улиц вводится сеть из семи магистралей непрерывного движения с пропускной способностью в пять раз выше, чем у магистралей общегородского значения. Система общественного транспорта, метрополитена и скоростного трамвая вберёт не менее 70% пассажиропотока для уменьшения потоков индивидуальных автомобилей. Повысится эффективность использования территорий, интенсификация их застройки, уплотнятся функции. 60% жилищного строительства планируется на свободных территориях и 40% на реконструируемых. Уменьшена доля 9-12-этажных и увеличена доля 3-4-этажного жилья. В Себзоре, исторической даха Ташкента, расширяются и спрямляются «стволовые» улицы для выборочной реконструкции жилой застройки, обустройства ирригационной сети и благоустройства (6). Возводимые вдоль основных улиц города многоэтажные секционные жилые дома с улучшенной планировкой решаются по требованиям заказчиков, объединённых Узжилсбербанком. Микрорайоны с малоэтажной индивидуальной жилой застройкой построены в Юнусабадском районе (Хасанбой-1 и Хасанбой-2), жилым массиве Урикзор Учтепинского района и др. (7). Тошкентбашпланом ЛИТИ в 2010 году завершены генеральные планы городов Ангрэн, Тойтепа, Пскент и Достобод (Солдатское) до 2035 года. В одноэтажной массовой застройке - не сетка улиц, как прежде, а структурные магистрали вынесены из центров городов. Разработаны схемы магистралей городского и внешнего транспорта; инженерной подготовки территорий; планировочных ограничений. Тошкентбашпланом ЛИТИ и Узшахарсозлик ЛИТИ выполнены схемы районной планировки областей, Концепция градостроительного развития и генеральный план Самарканда, проекты Чимган-Чарвакской зоны отдыха, Генеральная схема расселения на территории Республики Узбекистан, а также работы по законодательному и нормативному регулированию градостроительной деятельности.

Введение частной собственности на землю усложнило территориальное управление в градостроительстве, и к двадцатилетию независимого развития в Узбекистане, как и в других странах СНГ, назрели схожие градостроительные проблемы. Первая проблема проистекла из невозможности бюджетного финансирования проектов планировки отдельных территорий, административных районов и сельскохозяйственных предприятий; в результате прежде системный выпуск градостроительной документации нарушился. А градостроительная документация Российской Федерации в новых условиях была признана излишне многоступенчатой для Узбекистана. Не разрабатывались и проекты детальной планировки с их линиями планировочного регулирования, красными линиями застройки, водоохранными зонами, зонами охраны историко-культурного наследия, функциональным зонированием и так далее. Поэтому земли для строительства отводились без проектов детальной планировки. Второй проблемой стала разобщённость прогнозирующих и планирующих структур. Прогнозы и планы осуществляются разными ведомствами, без увязки концепций, сроков и расчётных параметров. Возникла необходимость надведомственной структуры, ответственной за комплексное развитие областей, поскольку в новое время были пересмотрены приоритеты и детали проектов на первую очередь и на расчётный срок строительства. Третьей проблемой стали нормы градостроительства. Излишне стандартизованные и второстепенные, они не представляли действительно необходимого. В результате никто не знал, как выгодно или невыгодно расширяться городу, развивать ту или иную его функцию, планировочную структуру, тот или иной вид транспорта и так далее. Всё это следует исследовать, и результаты представить в виде методических руководств и рекомендаций. И четвёртой проблемой были признаны градостроительные концепции (системы взглядов) и кодексы (системы законов), разрабатывавшиеся с обретением независимости странами СНГ. В концепциях и кодексах положения обобщены и абсолютны. Ведомственные же документы и административные решения юридически относительны. Поэтому предлагалось дополнить Градостроительный кодекс юридическими нормами. Это закрепило бы градостроительные решения, взаимоотношения, процедуры. То есть необходимо Градостроительное право, могущее предоставить специалистам правовую грамотность (8). Переработка Градостроительного кодекса признана необходимой и в Российской Федерации в части территориального планирования, зонирования территорий, разграничения полномочий между государственной властью и муниципалитетами. Исходя из Градостроительного кодекса, предложено принять законы по таким разделам градостроительной деятельности, как реконструкция, агломерации, макрорегионы, исторические города, муниципальные округа, пригородные зоны (9). То есть кодексы как законы должны предоставлять нормы для принятия на уровнях: государства – ведомства – муниципалитетов – специалистов.

Нормы обеспечивают градостроительству связь со вчерашней мудростью ради точности завтрашних достижений. Во времена перемен нормы забываются, поскольку создававшая их исследовательская деятельность прекращается. И

градостроительство осуществляется методом проб и ошибок. Затем наступает время, когда для определения оптимальных решений призывается новое поколение. И оно действует, во многом изобретая велосипед. Вот почему для эффективности ожидаемых исследований, методических руководств и рекомендаций полезно принять во внимание следующий опыт кануна и первого десятилетия независимости.

Результаты проводившихся накануне независимости научных исследований были в 1994-2008 годы нормированы и утверждены Госкомархстроем и Архитектурно-градостроительным Советом при Кабинете Министров Республики Узбекистан. Строительными нормами и правилами по градостроительству 1994 и 2003 годов нормирован, и Концепцией градостроительства Узбекистана 2001 и 2008 годов утверждён радиус 1500 метров жилых районов [10,11,12,13]. Этот радиус выведен из параметров исторических городов. Соблюдение таких параметров называется международными организациями по охране наследия UNESCO, ICCROM и ICOMOS первостепенным при обеспечении доступностью и обслуживанием (14). Города Евразийского коридора исторически сложились по неписанным правилам 10-15-минутной нормы прохождения пешеходом дистанции 1200-1500 метров. В XX веке 10-15-минутную норму обнаружили и на транспорте. Закономерность назвали свойственным биологии человека самоограничением, существовавшим всегда по мере перехода пешеходов к транспорту. Эти два вида передвижений формируют город, важно контролировать их нормы, то есть осуществлять мониторинг в исторических и новых районах. Наши Строительные нормы и правила ввели радиус 1500 метров и 15-минутную езду на транспорте при размещении объектов обслуживания, и рекомендуют каркас города из центров: общегородского, планировочных районов и на остановках транспорта (15). Повседневные объекты размещаются в 350-500 метрах от жилья, периодические (раз в неделю) - в 1500 метрах пешком или в 15-ти минутах на транспорте, эпизодические объекты (несколько раз в год) - в 20-30 минутах на транспорте. А от остановок транспорта объекты регулярного посещения размещаются не далее 100-150 метров, нерегулярного посещения не далее 200-500 метров. Радиусы следует выверить в экспериментальном проектировании застройки районов для внедрения затем в практику градостроительства.

178

Сегодня стоит задача определения в этой современной триаде места для нашей исторической триады: *махалля – гузар даха*. *Махалля* с радиусом обслуживания 150-200 метров; *гузар* без фиксированного радиуса, но на пересечении улиц нескольких *махалля* общей численностью 4-10 тысяч жителей; *даха* с радиусом 1500-2000 метров. С этой целью Строительные нормы и правила 1994 года рекомендовали введение махаллинских центров; одновременно началось строительство и гузарных центров. Жилые комплексы-*махалля* на 300-2000 человек рекомендовались для сельских населенных мест; в городах же «жилые образования могут приобретать форму *махалля* в зависимости от различного этнического состава населения» (16). Нормы 1994 года рекомендовали махаллинский центр из

этнографических чайхан, очагов национальных блюд и площадок для отдыха, но, очевидно, что он должен включать многое и из современной жизни, что, кстати, имеет место на практике.

179

Планировочные понятия каркаса и ткани остаются сегодня градоформирующими. Вдоль транспортного каркаса города распространяются зоны центральности, в пределах которых образуются районные и прочие общины. Все они пешеходны. Эти пешеходные модули на перекрёстках каркаса и в его ткани способствуют выработке устойчивых градостроительных моделей. А это – шаг к целостной и дальновидной градостроительной политике вместо сиюминутной практики уплотнения застройки в пределах существующих сетей улиц.

Практика уплотнения

Города Узбекистана спланированы общими для всего мира концепциями XIX-XX веков и потому в начале XXI века испытывают следующие, общие с миром, проблемы градостроительства.

Улично-дорожная сеть неэффективна из-за приращения к ней улиц периферийных районов при отсутствии обновления системы общегородских магистралей. В результате центры городов находятся на пределе пропускной способности, а уличная сеть периферийных районов развита недостаточно (17). Иначе говоря, улично-дорожная сеть не успевает за ростом городов. Москва отстаёт от зарубежных мегаполисов с их плотностями уличной сети: в Лондоне 9,3 км/кв.км, в Токио - 10,6, в Нью-Йорке - 12,4, в Париже – 15, и в Москве - 5,5 км/кв.км (18).

Магистрали перегружены из-за норм, устаревших при нынешней автомобилизации и возросшей миграции в города. Днём в центральном планировочном районе Москвы скорости снижаются, растягивая время поездок. В Узбекистане возросшая в 2-3 раза автомобилизация направила 30% транзита через центральные зоны городов и 50% транспортных потоков предполагаются на ещё не осуществлённые магистрали непрерывного движения (19). Поэтому нормативная в XX веке ширина магистралей в XXI веке создаёт заторы и аварии.

180

Магистрали трассированы безотносительно к ближайшим территориям, обстраиваются непланировавшимися объектами и перестают, поэтому, соответствовать своему назначению. В Москве обстройка магистралей скоростного движения торговыми развлекательными комплексами (ИКЕА, АШАН, ОБИ, МЕГА) вызывает километровые пробки. Скоростные магистрали следует дублировать обслуживающими. В обслуживающие магистрали специалисты в Москве предлагают превратить некоторые внутрирайонные улицы, параллельные скоростным. Это похоже на планировку темуровского Самарканда, где радиальные городские улицы были продублированы параллельными им внутриквартальными. Дублирование

главных в системе расселения направлений следует предусматривать на ранних стадиях планировки.

Застройка переуплотняется, поскольку строить новые инвесторы предпочитают в центральных районах и ближайших пригородах с развитым транспортом и социальным обеспечением. При этом вырубаются зелёные насаждения и переуплотняются и без того плотно застроенные при Советах территории. В результате плотность населения Москвы - наивысшая среди развитых европейских и азиатских столиц, выше плотности Нью-Йорка, и одна из самых высоких в мире: свыше 10.588 чел/кв.км (20).

181

Переуплотняет также транспорт, занимающий все пешеходные пути. Для его сооружений (автозаправки и пр.) засыпаются водоёмы и застраиваются парки. Постановление «О мерах по наведению должного порядка в проектировании и строительстве объектов социального и гражданского назначения», подписанное Президентом Республики Узбекистан И.А.Каримовым 27 декабря 2011 года, предусматривает необходимость «привлечения к ответственности, вплоть до уголовной, категорически запрещает размещение, проектирование и строительство отдельно стоящих объектов производства, торговли, общественного питания, сервисного обслуживания и рыночной инфраструктуры, не предусмотренных утверждёнными генеральными планами, на территории завершённых строительством массивов, жилых многоэтажных микрорайонов (кварталов)» (21). Уничтожение на территории Москвы парковых объектов констатировал 20 января 2012 года премьер-министр РФ В.В.Путин. Поэтому, решили, что парк в 13 га, вместо гостинично-офисного центра Плаза на месте сносимой гостиницы Россия, «не усугубит транспортную ситуацию» (мэр С.С.Собянин) и «раскроет вид на Кремль» (В.В.Путин).

Сложившуюся улично-дорожную сеть следует сохранять, рекомендуют специалисты-транспортники, - а новую сеть магистралей создавать вне уровня земли и вне застроенных территорий: над железными дорогами, над природными комплексами и охранными зонами, на неудобных землях. Генеральный план Москвы до 2025 года предусматривает такие внеуличные и с ограниченным доступом, то есть платные, магистрали над железными дорогами и сохраняемыми сетями улиц (22).

Региональные экспрессы метрополитена Москвы проектируются по скоростным диаметрам и хордам 1971 года. Плотность линий метро на 1 кв. км территории составляет в: Париже - 2,8 км, Лондоне - 1,21, Нью-Йорке - 0,5, в Москве - 0,26. Соответственно, пассажиронапряжённость (отношение годового пассажиропотока к общей длине линий метро) составляет: в Лондоне - 1,5 млн пасс/км в год, Нью-Йорке - 2,6, Париже - 4, Москве - 13,8. То есть в московском метро самая высокая в мире частота движения. Напряжённость в метро снизят развитие его сети и увеличение плотности. Мегалополисы с населением 3-10 млн и более (Сан-Франциско, Вашингтон, Париж, Мюнхен, Токио) строят региональные экспресс-метрополитены. Скоростью 70-82 км/ч они превосходят метро (41 км/ч) и пригородные железные дороги (40-50 км/ч). ЦНИИП градостроительства рекомендует региональные экспресс-

182,183

метрополитены для городов свыше 2 млн человек с дальностью от городской границы до 30 км, и от центра города до 100-200 км (23). В генеральном плане Ташкента запроектированы семь магистралей непрерывного движения с пропускной способностью в пять раз выше, чем у магистралей общегородского значения. Для системы расселения необходимо дублировать их линиями регионального экспресс-метрополитена.

184

Разуплотнение города за счёт расширения его площади и создания рабочих мест на периферии решает его проблемы с XIX века. Дальности возникающих при этом маятниковых миграций в Москву превысили в 2008 году её площадь в 2-2,5 раза. Московская агломерация планируется до 20-25 км от Московской кольцевой автомобильной дороги, а в перспективе – до 50 км от МКАД (24). Переуплотнение радиально-кольцевой планировки, которую Москва постановила в XX веке для всех советских городов, усугубило её неэффективность. За решением Москва обратилась к зарубежным специалистам. Созванный 7-9 декабря 2011 года Московский международный урбанистический форум был призван дать глобальные решения для российских городов. В самом начале форума блиц-опрос его участников обнаружил в качестве важных для городов их пригодность для жизни и их транспортную эффективность. Был также проведён опрос по важной проблеме размещения делового центра Москвы. Из трёх вариантов его размещения – в центре, по городу, и на периферии три четверти опрошенных предпочли второе, то есть то, чего переуплотнённая Москва уже не может себе позволить: с 1 июля 2012 года её расширяют в 2,4 раза. Согласно генеральному плану 2012 года, Москва вырастет не равномерно по своей периферии, как до этого росла её агломерация и как это происходит со многими столицами, а в одном направлении: на юго-запад. Отклонён рост Москвы на северо-запад, предлагавшийся проектом Н.А.Ладовского 1929-1930 годов и подтверждённый опорным планом роста Москвы 2011 года. Вместо них Москва займёт сектор между радиальными Варшавским и Троицким шоссе, вплоть до границы с Калужской областью. На этом слабо урбанизированном юго-западе намечено размещение международного финансового центра и инновационного центра Сколково. На «присоединённых территориях», как их определил 9 апреля 2012 года президент Д.А.Медведев, будет малозэтажное жилье вдоль скоростной магистрали к Москве. То, что юго-западный сектор превышает площадь Москвы и рассматривается как «присоединённая территория» без обоснованной концепции вырастания вызывает сомнения относительно принимаемых мер. «Говорили же, что Москва не резиновая, и вот смотри – лопнула!», - съязвила 13 апреля 2012 года популярная телепередача «Прожекторперисхилтон». «Присоединять территории» к мегагороду, наращивая протяжённость улично-дорожной сети и уповая на малозэтажный дезурбанизм сейчас невозможно. Необходимы: ясно выраженная урбанистическая концепция, новые виды общественного транспорта, новые принципы территориальной планировки. Категории и параметры улично-дорожной сети следует

определять во взаимосвязи с разработкой планировочных единиц, которые служили бы модулями роста.

Таким образом, советские нормы не выдержали нынешнего роста городов, их переуплотнения и их выхода далеко за пределы кольцевых дорог. Улично-дорожная сеть и застройка городов деградировали, и переуплотнение стало предметом постановлений президентов стран СНГ. Стали необходимыми новые решения плотности застройки и плотности магистралей, которые определяют структуру и рост городов. И решаются они планировочными единицами – градостроительными модулями.

Поиски модуля

Города растут не механическим наращиванием территорий, а наследованием своей морфологии и типологии в новых планировочных единицах – модулях, то есть стандартах территорий с конкретными единицами измерений. И приверженность модулям была характерна для градостроительства XX века. В начале века исторические морфология или типология отвергались, и города – в виде линии – следовали направлению промышленного конвейера: туркменскую столицу Чарджоу 1931 года Ассоциация революционных урбанистов (АРУ) спроектировала вдоль технологической линии по сбору и переработке хлопка. Основатель АРУ Н.А.Ладовский в 1929-1930 годы **(25)** «согнул» линейный город в виде параболы и по её оси, вдоль линии метро, предложил рост центра Москвы к Ленинграду. Таким непрерывным полосам роста Ле Корбюзье предпочёл прерывистый рост Москвы 1930 года в виде районов-модулей. И, действительно, новые города-модули от 10-25 до 60-120 тысяч жителей росли со второй половины XX века в 20-40 км от Стокгольма, Лондона, Праги, Будапешта **(26)**. В Парижском районе совместили как непрерывный, так и прерывистый рост: новые города здесь расположены в двух полосах роста по сторонам французской столицы - аналогично проекту Н.А.Ладовского.

185

Как мы видели, дезурбанизм начался с конца XIX века городами-садами вокруг Лондона, а прогрессировал он в XX веке в США в три этапа. По государственной программе 1930-х годов после Второй мировой войны усилилось строительство жилья в пригородах **(27)**. И пропагандист дезурбанизации Ф.Л.Райт предложил для каждого американца один акр земли (64х64м): «Будь естествен как дерево в лесу или трава в долине, оставь неразбериху городской коммунальной жизни, и на новых землях возроди дух демократии и созидательную цивилизацию» **(28)**. Программа по прокладке с 1956 года магистралей между штатами вынесла в пригороды 1960-1970-х годов и торговые центры. А с 1980-х годов в пригородах возникли и градообразующие предприятия так называемых *edge cities*, - расположенных на периферии авангардных городов. Так, начавшись с дезурбанизма, возник новый урбанизм качественной жизни на новых территориях.

186,187

У авангардных *edge cities* были предшественники в истории: Венеция тоже возникла в результате бегства предприимчивых людей из городов-коммун Италии, чтобы превратиться в динамичный город купцов и товаров. А через пару веков мигранты из Старого Света основали Нью-Йорк воплощение урбанизма. Авангардные города - это не города-спальни: в них солидные арендуемые площади офисов и розничной торговли, и с 9:00 утра они оживают как места работы (29). Из истории заимствуются и параметры *edge cities*. Ещё в 1933 году географ В.Кристаллер выявил расположение в Южной Германии вокруг крупных городов пяти типов поселений в 4 км, то есть в 1 часе пути пешком. В истории максимально предпочитаемым временем передвижения были 45 минут: в Стамбуле XVI века человек проходил 4,83 км от периферии к центру города за 45 минут. Поэтому в *edge cities* США тоже ищут 45-минутную доступность дома и работы (30). В Европе, однако, доказывают формирование Стамбула окружностями радиусом 3 км (31).

188

Максимальная пешеходная дистанция в европейских городах - 3 км за 40 минут, предпочтительная же - 750-1200 метров за 10-15 минут (32). В США 10 минут - это средняя продолжительность поездок. (33). От ходьбы там давно отвыкли: в американском варианте английского языка слово *pedestrian* (пешеходный) значит также банальный, скучный, тупой. Потому максимальная пешеходная дистанция в *edge cities* США - 465 метров (34), то есть чуть более радиуса 400 м от жилья до общественных зданий в новых городах Европы (35). Таким образом, вполне определённые параметры модуля, пешеходного и транспортного, определяли и определяют планировку городов мира.

Узбекистанская модель и модуль

Недостатки советской радиально-кольцевой планировки усилили поиски для городов других моделей, то есть образцов плана. И регионализм, набиравший силу во всём мире со второй половины XX века, обнаружил такую полезную модель города в Узбекистане.

Модель Хивы, исторического города Узбекистана, была использована японскими специалистами для Астаны - новой столицы Казахстана. До обретения независимости, видеть Среднюю Азию японцам мешал советский «железный занавес». В «Исследованиях исламского градостроительства» (1994 г.) доцент Токийского университета зарубежных исследований Хисао Комацу сетовал по этому поводу: «Хотя Средняя Азия важна на востоке исламского мира, всё же очень мало известно о достигнутом там в области исследований городов» (36). В международном конкурсе на генеральный план Астаны приняли участие зодчие 27 стран. В феврале 2000 года работа была начата исследовательской группой Японского агентства по международному сотрудничеству (JICA), возглавляемой Кишо Курокавой (1934-2007 г.), который стал почётным членом Союза архитекторов Казахстана и советником премьер-министра республики. Кишо Курокава считал функционализм Кендзо Танге механистичным, и потому проповедовал регионализм,

но не замкнутый, а открытый миру. Вдохновляясь метаболизмом (от греческого *metabole* - изменение), то есть обменными процессами в живых организмах и их клетках, Курокава развивал похожие процессы и формы симбиоза в архитектуре и градостроительстве. Такими стали, например, промежуточные пространства *энгава* (*engawa*) между частным и общественным (37). Курокава считал главным не форму, а рост города и место человека в этом процессе: «Жители воспринимают город как пешеходы и форма города им не важна, ибо она меняется. Город – это набор многих составляющих, поэтому я проектировал Астану не как завершённое целое, а как способный к росту город. Органично разрастающиеся города являются выражением метаболизма, за ними – будущее. Поэтому нам следует переориентироваться с генерального плана в его классическом смысле на систему организации процессов, исходящую от самого общества и гибко реагирующую на перемены. Открытый в своей планировке город можно развивать в любом направлении – и тогда новые районы не будут ему чужеродными» (38).

Радиально-кольцевым городам, переполненным транспортными пробками, Курокава предложил попеременный линейный рост, обнаруженный им в Хиве. Модель такого роста исторического города Хивы была выведена доктором архитектуры И.И. Ноткиным и опубликована в Узбекистане (39) и затем в Гарвардском университете США. Модель отражает процесс попеременного приращения (*incremental process*) к городу в его в широтном и меридиональном направлениях новых и новых территорий. В Хиве это было зафиксировано её планами 1740, 1842 и 1873 годов. Этим модель Хивы и стала ценной альтернативой несостоявшейся радиально-кольцевой планировке. Астана была спланирована русскими в конце XIX века как Акмолинск, и росла на восток и запад между рекой Ишим на юге и железной дорогой на севере, за которой была промышленная зона. Теперь же, согласно идее метаболизма, город разрастается линейно в попеременных, то есть взаимно перпендикулярных, направлениях. К 2030 году территория столицы вырастет до 710 кв.км. При детальной же планировке Астаны, от модели Хивы перешли к модулю районов: улично-дорожная сеть развивается на основе модуля из районов с микрорайонами (40).

Пока модель Хивы применялась в Астане, Япония предприняла исследование ценностей и образа жизни жителей городов в Узбекистане. Оно было проведено в 2003 году Институтом восточной культуры Университета Токио в рамках более широкого опроса о ценностях и стилях жизни в городах Азии. Опрос в Узбекистане привёл к следующим выводам. Узбекские родители прежде всего желают детям и сыновьям и дочерям – заботиться о семье. Самой важной ценностью, по результатам опроса, большинство наших соотечественников назвали семью, и далее, среди важных, были названы родственники. Вслед за этим, в убывающем порядке, но очень близко в процентном отношении, среди важных ценностей названы: место работы, место

189

190-192

193

детства, *махалля*. Вывод: ценности и образ жизни узбеков сосредоточены в семье и родственниках, они также привязаны к понятию места: работы или детства. Таким образом, все названные ценности объединяются понятием места, чаще всего места проживания, а именно - *махалля* (41).

Как развитая страна, первой сталкивающаяся со многими мировыми проблемами и, к тому же, первой находящая им эффективные решения, Япония и проблемы градостроительства видит под другим углом и решает их иначе, чем Запад. Поэтому Япония и предпринимает в последние десятилетия международные программы по обмену опытом, пропаганде своих достижений и предложению своей помощи регионам, как правило, Азии. Двумя выделяющимися приоритетами в действиях Японии являются экология и общины. Архитектурный институт Японии (AIJ) с 1999 года организовывал серии программ по международному сотрудничеству «Форум по международной политике в области роста и охране городов в Евразийском коридоре». Форум проводился в разных странах, в том числе в 2005 году в Самарканде, и Узбекистан был представлен также на конференции в Стамбуле 2010 года. «В XXI веке для достижения благосостояния обществ будет необходимо исправить и регулировать созданное человеком окружение. Важно охранять окружающую среду и управлять ростом городов. Они растут быстро, необратимо воздействуя на окружение, прежде всего выбросами углерода - неметаллического химического элемента, содержащегося в угле, коксе, древесном угле, саже. Необходимо сотрудничество развитых и развивающихся регионов мира. Национальные скоростные системы транспорта, продолжает профессор Университета Саппоро Мияки Риичи, исходя из опыта Японии, - привели к обратному результату: к концентрации нескольких развитых городов-ядер и к спаду остальных крупных городов. Усложнились землепользование и управление общинами. Для обновления обществ важны системы их общин. А для установления общей политики в области окружающей среды необходимо международное сотрудничество на основе местной самобытности» (42). «Экономическое развитие вносит новые функции в городские общины, и их культура может стать при этом благотворной. Новое раскрывает общины в окружение, активисты же общин стараются отторгнуть их чрезмерное развитие. В Токио внимательное отношение к проблемам общин помогло поддержать местные традиции. Местное должно стать приоритетом, его надо защищать и лелеять, поскольку именно в нём - путь к обновлению города силами его горожан» (43). Так, в действиях Японии прослеживается эффективная последовательность для решения проблем градостроительства на трёх важных уровнях: современном – региональном – местном.

С 2008 года правительство Японии поощряет экологичные и компактные города, а с 2010 года разработаны передовые технологические и градостроительные модели для новой социально-экономической системы, ознакомиться с которыми в феврале 2012 года были приглашены представители двух десятков стран, включая Узбекистан. Исходя из новых приоритетов, созданы «городские прототипы» для планировки. Разработана

«Всеобъемлющая система оценки эффективности городской среды» («Comprehensive Assessment System for Building Environmental Efficiency - CASBEE»): для здания, комплекса, района, города, а также для продвижения на рынке и для оценки собственности. Экологичный и компактный города осуществляются посредством эффективных жилых районов. Их жилые дома снабжаются энергией из предприятий, питающихся энергией солнца и ветра. Для сейсмоопасных зон разработана модель самодостаточной городской общины с мерами предупреждения и противодействия катастрофам, сетью медицинской помощи, собственной системой энергоснабжения и своей промышленностью. В компактных городах дистанции коротки и плотность высока, поощряются пешеходное движение и езда на велосипедах, потребление энергии снижено, загрязнения сокращены, и людям обеспечена безопасность. В них восстанавливается престиж общин и местных связей. Для экономии энергии дома одиночек неэффективны, поэтому они проживают в коллективных домах со своей системой отопления и электричества. Поздние браки, падение рождаемости, стремление молодых жить отдельно от родителей и отчуждение при этом старших по возрасту разрушают не только семейные, соседские и общинные связи, но и сам дух нации. Поэтому в компактных городах старшие по возрасту, семьи с детьми и студенты живут вблизи для взаимопомощи. Старших по возрасту обслуживают в городском и общинном центрах и на дому.

195

Япония - как до неё и США - использует методы дезурбанизации для того, чтобы прийти к урбанизации нового типа. Образец компактных экологических городов - город-сад с населением в один миллион жителей. При этом новые города США и новые районы городов Китая признаны Японией не учитывающими проблем людей старшего возраста. Предоставляя жизнь в пешеходной общине на лоне природы, районы компактных экологических городов облегчают старшим по возрасту доступ к общественному транспорту: на станциях транзитного скоростного транспорта сосредоточены их учреждения здравоохранения и социального обеспечения, торговли и бизнеса, а также правительственные учреждения. То есть, в сравнении с новыми городами США и Китая, в компактных экологических городах Японии ясно выраженная пешеходная община эффективнее подключена к сети скоростного транспорта. Над станциями и перекрёстками транспорта в городах Японии уже строятся пешеходные кольца, облегчающие связь пешеходных районов с сетью городских магистралей. Формирующиеся таким образом на перекрёстках зоны центральности, вместе с зонами общин внутри межмагистральных территорий, обеспечивают гармоничный и открытый рост города.

Эти прогрессивные новшества в корректировке Японией мирового градостроительства актуальны для решения центральных и жилых районов в обновляемых городах Узбекистана. Составной частью наших жилых районов являются *махалля*, которые рассматриваются у нас как базис социальной сплочённости и государственности, что весьма близко

196,197

пониманию общин в Японии. Наши жилые районы получили в период независимости новый радиус обслуживания и теперь нуждаются в детализации планировки и застройки. В проекте К.Курокавы для Астаны эта задача провозглашена, но не разработана детально. Модель территории, учитывающей традиции местного образа жизни, важно определять в сети магистралей города. На рубеже 1980-1990-х годов оптимальным был выявлен район с радиусом 1500 метров, который и был нормирован. Район такого размера снижает плотность магистралей с нынешних 3,9 до 2,9, а среднее время трудовых передвижений с 48-50 мин. до 25,7 мин., Предпочитаемым же временем передвижения пешком и на транспорте являются 10-15 мин., следовательно, сеть нужно совершенствовать. Главные показатели города – плотность и время - зависят от его модуля. А модуль определяется параметрами - пешеходными радиусами доступности и транспортными полосами доступности. Эффективность города выражают показатель протяженности магистралей на квадратный километр и затраты времени и энергии на пешеходные и транспортные передвижения. Следовательно, от состыкованности пешеходной сети района и транспортной сети города зависит время передвижений. Важно предопределять закономерное расположение функций в пространстве города и следить за «созреванием» его сети районов и магистралей. Важно уметь управлять образцами, величинами и ритмами этого процесса, детализировать модель в номенклатурах планировочных структур. Градостроительству ближайшего будущего предстоит заняться этой детализацией.

СОХРАНЕНИЕ ГОРОДОВ

Не взрыв, как в 1917-1933 годы, не ограничение, как в 1934-1954 годы и не реконструкция, как в 1955-1990 годы, - а сохранение исторических городов стало с 1991 года целью государственной политики Республики Узбекистан. Переоценка градостроительных методов XX века ради выработки цельной методологии охраны и реконструкции стала необходимой для 20 исторических городов Узбекистана. В существующих Строительных нормах и правилах раздел Охрана памятников истории и культуры рекомендует их градостроительную охрану. Раздел следует расширить рекомендациями градостроительной науки Узбекистана о свойственных историческим городам закономерностях планировки. После целого века отрицательного отношения Советов, исторические города нуждаются в сохранении в качестве преобладающего пешеходного района в сети городских магистралей. Рассмотрим последовательно три типа объектов охраны: археологические заповедники, города-заповедники и активно функционирующие исторические города.

Раскопки древнейших городищ начала нашей эры ведутся в Республике Узбекистан с археологами Германии, Италии, Японии, Франции и других стран. Только в 2000 году такие международные группы работали на городище Дальверзинтепа, буддийском комплексе Каратепа в старом Термезе и древнем городе Кампыртепа в 20 км от современного Термеза. На раскопках вскрыты цельные пласты, свидетельствующие о происхождении у нас городской культуры. Вместе с этим задача консервации и экспозиции археологических участков как заповедников не ставится даже на всемирно известном Афросиабе в непосредственной близости от исторического Самарканда. Археологические участки нуждаются в консервации, последующей реставрации и музеефикации для населения и туристов. «Этим древним памятникам, больше всего нуждающимся в защите, Министерство по делам культуры и спорта всё ещё недостаточно уделяет внимания» (1).

Несколько десятков городов-заповедников Узбекистана занимают среднюю позицию между археологическими заповедниками, не включающими в себя современную жизнь, и историческими городами, развивающимися с современной жизнью. Сохранности городов-заповедников способствует их планировочная обособленность от современности. В Хиве это - обнесённая оборонительной стеной Ичан Кала, единственный сохранившийся в Средней Азии *шахристан*. В план реконструкции Ичан Калы в 1980-1990 годы было включено проведение водопровода, канализации, электричества и телефонизации со строительством комплекса десяти малозэтажных жилых домов на юго-востоке. Мавзолее Саида Оловуддина начала XIV века расчистили от культурных наслоений, реставрировали и благоустроили. Большие работы проведены в Джума-мечети. Медресе Матнияз Диван Беги и Мухаммад Аминхана приспособили под гостиницу, и двор первого покрыли для ресторана. Медресе, тим и караван-сарай Аллакулихана после реставрации заняла торговля. Медресе Матрасулбая приспособлено для народных ремесел. На

территории внешнего города Дишан Кала расширен общественный центр. Новые здания контрастны масштабам и стилям исторических зданий, а традиционные жилые дома почти все перестраиваются (2). Помимо этих оценок узбекистанских специалистов, их зарубежные коллеги тоже указывают на важность не унификации, а сохранения каждой планировочной или архитектурной особенности. Город-заповедник слишком отреставрирован, считают они, обезлюдел и, следовательно, нуждается в наполнении жизнью. Поэтому вычищенную новым градостроительством и нивелированную реставрацией Ичан Калу западные туристские путеводители по Узбекистану назвали в конце 1990-х годов «витринным городом без души» (3). Требования консервации, реставрации и музеефикации, жесткие в археологических заповедниках, смягчаются в городах-заповедниках и становятся вовсе либеральными в активно развивающихся исторических городах. Между тем они все подлежат классификации и включению в целостную систему охранных мер.

Исторические города сохраняются согласно Республиканскому закону об охране памятников, связанному с международными нормами. Международная связь в советское время осуществлялась посредством Всесоюзного закона об охране памятников. Памятники архитектуры Узбекистана входят в поле деятельности международных организаций, таких, как Международный центр по изучению сохранения и реставрации культурной собственности (ICCROM), Международный совет по памятникам и участкам (ICOMOS) и Организация ООН по образованию, науке и культуре (UNESCO). Разработанное ими в январе 1993 года «Руководство по управлению участками памятников общемировой культурной ценности» содержит перечень участков мирового культурного наследия. В нём представлены и исторические города Узбекистана. В первые годы обретения Республикой независимости прежняя всесоюзная связь с международными нормами оборвалась, и Узбекистан не успел своевременно включиться в международные охранные организации. И ЮНЕСКО в 1993 году озаботилась по этому поводу: «Со времени образования Содружества независимых государств не получена декларация Узбекистана о его вхождении или не вхождении в Конвенцию по мировому наследию» (4). Ныне республиканское законодательство совершенствуется в сотрудничестве с международными программами, и деятельность в этой области сверяется с международными стандартами. Руководство, изданное ICCROM, ICOMOS и UNESCO, а также предшествовавший ему «Венецианский Устав» предоставляют общую канву для разработки странами мира охранных законоположений по своим объектам культуры, в том числе архитектуры и градостроительства. В этом смысле Закон Республики Узбекистан об охране памятников следует привести в соответствие с «Рекомендациями ЮНЕСКО 1976 года по самосохранению и современной роли исторических зон». Поступая так, важно осознавать, что в международных документах приводятся самые общие принципы охраны. Методология же в деталях определяется Республикой и её специализированными институтами, и Министерство по делам культуры и спорта контролирует осуществление методологии в рамках закона.

Методология охраны со второй половины XX века находилась в состоянии трансформации. «Венецианский Устав» 1964 года разрешил, при недостаточности традиционных технологий, использовать для укрепления памятника современные технологии сохранения и строительства. Любая консервация, считал К.С.Крюков (1987 г.), переходит в частичную реставрацию: укрепление несущих конструкций в расчёте на сейсмические воздействия, создание водонепроницаемых покрытий кровель, восстановление облицовок. То есть реставрация не есть нечто статичное, её методы постоянно подвергаются усовершенствованию. Ещё более широкого взгляда на наследие потребовало его функциональное приспособление для современной жизни. По Л.Ю.Маньковской, «новым смыслом наполняются реставрационные работы с приспособлением памятников под музеи, выставочные залы, туристские гостиницы, учебные заведения, то есть, учитывая их тип и функцию, не изменяя их структуру и эстетические достоинства. Объективная реальность диктует реставраторам методичку, ранее исключавшуюся правилами строгой реставрационной науки: стилизацию, воссоздание копий в иных конструкциях или же перепланировку, зачастую с иной функцией» (5). В градостроительной же охране, детально разрабатывавшейся в 1970-1980-е годы в институте УзНИИП градостроительства, выявились четыре метода охраны: 1 - строгой градостроительной охраны, 2 - возрождения исторической застройки, 3 - визуального контроля исторической и новой застройки, 4 - высотного и функционального контроля новой застройки. Эти методы применяли к охраняемому зданию, кварталу или району, всему историческому городу. В 1994-1995 годах в Самарканде восстановлены четыре минарета Гури Амира с мавзолеем и медресе Рухабад. На реконструкцию в это время мавзолея Гури Амир и мечети Биби Ханым лондонский журнал «Экономист» отозвался статьёй, озаглавленной «Без бетона, пожалуйста», а академик Г.А.Пугаченкова назвала памятники «жертвами амбициозной реставрации»: «Главное достояние былых эпох – это донесённые до наших дней остатки подлинников, как бы незначительными они ни были» (6).

До обретения независимости консервация и реставрация памятников архитектуры следовали тому благоговейному отношению к руинам, которое установилось в европейских нормах с XVIII-XIX веков. В наше время, однако, добившиеся независимости страны стремятся не к сохранению руин, а к их возрождению. Биби Ханым, запрещённая к использованию в XX веке как мечеть, снова стала местом обращения к Богу. И вызов Темуридов: «Если сомневаешься в нашем могуществе – взгляни на наши постройки» воплощают, естественно, не руины мечети, а её реконструируемые мощные объёмы, необходимые для независимой страны. От использования бетона, неизбежного при среднеазиатской сейсмичности, ожидают способности поддержать и восстановить облик памятника, не навредив работе его древних конструкций. С такой реставрацией в самом конце XX века согласились и те, кто формирует на Западе общественное мнение об Узбекистане: «Каковы бы ни были мнения об этике и качестве реставрации, эти ведущиеся работы дают путешественнику потрясающий взгляд на темуровский центр

Вселенной» (7). 2001 год в странах СНГ стал временем инициатив по отношению к историческим городам. В России в этом году была принята федеральная программа «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов». В Республике Узбекистан в 2001 году по инициативе Президента принят Закон «Об охране и использовании объектов культурного наследия». Государственной охраной было охвачено 7570 памятников истории и культуры (8). Вместе с этим «недостаточно обосновываются проекты реставрации и приспособления памятников, низко качество строительных работ, наблюдается злоупотребление современными строительными материалами, такими, как бетон и железобетон, культура эксплуатации памятников находится не на должном уровне» (9). В 2008 году, констатировали в России, «сорвано выполнение принятой в 2001 году федеральной программы Сохранение и развитие архитектуры исторических городов, инфраструктура большинства исторических малых и средних городов имеет крайне низкую степень обеспеченности инженерным оборудованием» (10). Инженерная инфраструктура является важнейшей и в исторических городах Узбекистана. Обеспеченный современной инфраструктурой исторический город сможет стать составной частью динамического роста всего города. Всё это - насущные проблемы. С 1990-х годов, однако, градостроительное проектирование сокращалось, и мониторинг, то есть контроль практики, прекратился. Выполнявшее эту работу научное подразделение в УзНИИП градостроительства было закрыто, а издававшиеся в 1990-е и 2000-е годы Нормы и правила, а также Концепции градостроительства повторяли положения 1980-х годов, не поднявшись на уровень проблем новой жизни.

«Самарканд предлагает самое грандиозное, Бухара – самое разнообразное, Хива самое однородное», предлагает справочник по Узбекистану западному туристу (11). Реставрация памятников и частей города - недостаточна, нужно наполнить жизнью опустошённый в прошлом веке Советами исторический город. Этому будет способствовать анализ функционального состояния его памятников, улиц и площадей и продуманное насыщение их оживляющими функциями. Соответственно сложившейся морфологии наших исторических городов в каждом из них формируется своя методология охраны. Рассмотрим эволюцию этих методологий.

Ташкент

Необходимость сохранения улично-дорожной сети стала примечательным выводом специалистов по транспорту и новым магистралям городов. Важно сохранять сложившуюся улично-дорожную сеть, а новую сеть магистралей создавать вне уровня земли и вне застроенных территорий: над железными дорогами, над природными комплексами и охранными зонами, на неудобных землях. Такими внеуличными, с ограниченным доступом, магистралями над сохраняемыми существующими сетями улиц и над железными дорогами дополнены магистрали Генерального плана Москвы до 2025 года (12). В этом отношении планировка

исторической части Ташкента спрямила и расширила древние улицы, назвав их «стволовыми» для выборочной реконструкции жилой застройки. Сохранение улично-дорожной сети есть предпосылка к целостному сохранению города как памятника истории и культуры.

199-202

Самарканд

Целостности городов способствует сохранение закономерностей их исторически сложившихся пешеходных планов. В Самарканде и Ташкенте большинство махаллинских и гузарных центров концентрируется в 700 метрах от их исторического ядра. В Ташкенте там проходила стена между его внутренним и внешним городами. Стены теперь нет, но остались улочки и центры вдоль неё, такие, как самый крупный ансамбль Хазрати Имом. В Самарканде тоже в таком радиусе проходят концентрические улицы с центрами, сохранившими истинно местный быт. Радиальные же улицы имеют в своём начале и конце центры городского значения, а посередине - такие махаллинские центры, как Ёмини и Мирзо Пулод (XV-XIX вв.) на Пенджикентской улице Самарканда. Радиальные улицы - это городские транзиты, дублируемые параллельными им махаллинскими пешеходными улицами. Такие улицы-дубли имеются на северо-востоке, востоке, юге и юго-западе Самарканда.

Методология охраны исторического Самарканда конкретизировалась с проводившихся в 1991-1995 годах работ городского хокимията с Фондом Ага Хана, которые были развиты в международном конкурсе 1992 года на реконструкцию территории между Регистаном и некогда цитаделью. Международный конкурс 1992 года на возрождение исторического центра был проведён по инициативе Фонда Ага Хана по культуре. Поступило несколько сот проектов и, из премированных, город получил оригинальные идеи для сохранения исторических памятников, для типов общественной и жилой застройки и для ландшафтной архитектуры. В 1995 году международными организациями ПРООН и ЮНЕСКО совместно с архитекторами Самарканда исследованы три махалля (Богимайдон-1,-2,-3) севернее Серебряных рядов. В советский период здесь была снесена окружающая памятники жилая застройка, тем самым нарушена градостроительная масштабность и возведены случайные корпуса новостроек. В махаллях были изучены сохранность зданий, приспособление улиц к новым функциям, их реконструкции. Жилые дома классифицированы как находящиеся в хорошем состоянии, нуждающиеся в частичном или капитальном ремонте, или же рекомендуемые к сносу. Выявлена необходимость программы комплексной реконструкции и специализированных строительных подразделений для реконструкции, контроля, методического руководства и координации (13). В 1997 году проведён семинар по проблемам сохранения городской среды; в 1998 году, при поддержке хокима города, создана общественная организация Центр по возрождению

203,204

исторической части Самарканда; в 1999 году создан Проект планирования центральной части города (совместно с Союзом архитекторов Республики Узбекистан, институтом Узшахарсозлик ЛИТИ, ГлавАПУ Самаркандского городского хокимията).

Методология охраны исторического Самарканда охватила, в результате, следующее:

I – Реорганизацию государственного административного управления.

II – Самосохранение *махалля* частным сектором.

III – Совершенствование генеральных планов и проектов детальной планировки:

1 – вынос общегородских функций из исторического города;

2 – недопущение транзита через исторический город и обеспечение его тупиковыми въездами и периферийными стоянками;

3 – совершенствование инфраструктуры и контроль численности населения;

4 – восстановление *махалля*, *гузаров* и *дах*; реконструкция исторических улиц, возрождение ремесленных центров, благоустройство;

5 – установление уровней охраны; контроль масштаба и высоты, материалов и конструкций; обеспечение традиционного восприятия города.

I – Реорганизация государственного административного управления необходима из-за недостатков координации и финансирования. Необходимо инвестирование в проекты для исторических зон и поощрение в них местной инициативы и малого бизнеса. Комитет при хокимияте по работе с *махалля* и некоммерческий центр по историческому городу координируют действия государственных и неправительственных учреждений.

II – Самосохранение *махалля* частным сектором началось вокруг Гури Амира, Регистана, Биби Ханым и Пенджикентской улицы. При Советах перспектива сноса сдерживала население от вложения денег в реконструкцию. Правительственное решение о предоставлении гражданам права на владение землей способствует проявлению инициативы домовладельцев.

III – Совершенствование генеральных планов и проектов детальной планировки.

1 – вынос общегородских функций оставит только те, что присущи историческому городу. Общегородские функции вторглись в историческое ядро, тогда как остальные его земли и периферия не использованы. Общегородским функциям - место на периферийной магистрали исторического города. Там следует поощрять новые полюса развития, помня, что исторический город – это система разных центров в пешеходных дистанциях друг от друга.

2 – недопущение транзита и обеспечение исторического города периферийными стоянками и тупиковыми въездами. Нужно восстановить пешеходный исторический город и обслуживать его транспортными вводами. При мини-автобусах и маршрутных такси частные автомашины станут невыгодными в

историческом городе. На его периферию следует выносить конечные остановки-терминалы.

3 – совершенствование инфраструктуры и контроль численности населения. Восстановление систем ирригации и дренажа, а также канализация зависят от совершенствования периферийных коллекторов. Электро- и газоснабжению «по воздуху» следует предпочесть их подземные линии. Исторический город местами обезлюден, а местами перенаселён, - оба эти фактора угрожают его сохранению, - необходим мониторинг, или иначе постоянный контроль, численности населения.

4 – восстановление *махалля, гузаров и даха*; реконструкция исторических улиц, возрождение ремесленных центров. Исторический город не хаотичен, как было принято считать, и его планировке присущи закономерности, выявленные градостроительной наукой. Градостроительному СНиПу следует учесть их и рекомендовать сохранение не только памятников, но и исторического города в целом.

5 – установление уровней охраны; контроль масштаба и высоты, материалов и конструкций; обеспечение традиционного восприятия города. Реставрация памятника перерастает в реконструкцию его среды. Важно соблюдать охранные зоны вокруг памятников, регулировать высоты новых объектов, применять традиционные материалы и методы строительства.

Генеральным планом Самарканда до 2020 года центральный планировочный район, состоящий из административного центра города, темуридского города, Афросиаба и русского города колониального периода, охвачен кольцом проектной магистрали непрерывного движения, являющейся одновременно и буферным поясом по контуру исторического ядра (14).

205

Бухара

За исключительные усилия по сохранению культурного своеобразия и многолетние работы по градостроительной охране и реставрации памятников Бухара была удостоена в 1995 году Премии Ага Хана по архитектуре. Ни одна из республик бывшего СССР и стран СНГ не получала эту самую крупную в мире премию, присуждаемую каждые три года. Реставрация Бухары заняла приоритетное место среди премировавшихся объектов, и представителям Бухары был оказан тёплый приём на церемонии присуждения Премии в Индонезии. Экспертное заключение Премии оценило проводившиеся в городе многолетние работы, отметив, в частности, следующее: «Государственные правила требуют, чтобы во всех памятниках для несущих стен и порталов был использован предварительно напряжённый железобетон в качестве необходимой предосторожности против землетрясений и, в соответствии с этим, конструкции памятников перестроены в этом материале. Качество реставрации является адекватным и, что важно, оно совершенствуется, демонстрируя преданность узбеков своему наследию. Работы по возрождению города ведутся по обновлённой и расширенной программе, начатой серией

реставраций в конце 1960-х годов. Сегодня главное внимание уделяется жизнедеятельности памятников и окружающей их застройке города. Со времени обретения независимости, Узбекистан стремится определить свой национальный образ, а сохранение и использование архитектурного наследия являются важными в этих усилиях» (15).

В 2002 году учёными университета германского города Бохум были проведены обследования исторического города Бухары. Из сопоставления нынешнего состояния

206,207

с картой конца XIX века было обнаружено мизерное число дошедших до нас памятников: 22% (16). То есть с конца XIX и на всём протяжении XX века Бухара претерпевала катастрофические потери, что возлагает серьёзную ответственность в деле восстановления этого великого города ислама. В течение XX века историческая застройка исчезала следующим образом. На юго-западе, между двумя протяжёнными 2-этажными жилыми домами 1930-х годов и медресе Турсунжон, поднялись здания 9-й и 10-й средних школ, затем клиника, аптека, интернет-кафе. А с 1960-х годов на северо-востоке исторического города 5-я общеобразовательная школа среди плановых домов с больницей, индпошивом, архивом, мелкими магазинами. В отличие от *гузаров* и *махалля*, эти новые микрорайонные, как их называют, центры открыли исторический город сквозному транспортному движению. Историческое ядро утеряло пешеходный характер, и нынешние бухарцы едва ли отождествляют себя с историческими *махалля*. Даже на северо-западе шахристана, где повышенный рельеф сдерживал проникновение транспорта и сохранилась регулярная планировка эллинистической эпохи, центры *махалля* исчезают и многие их *ховузы* давно засыпаны. Проблема транспорта не решается на градостроительном уровне, поэтому город ограждает своё ядро барьерами, преграждающими въезд машин: перед Арком и Лаби Ховузом, между Токи Телпак Фурушон и Токи Саррафон. Барьеры неэффективны, поскольку создают видимость сдерживания транспорта в ожидании фундаментальных мер по сохранению исторической Бухары.

Государственная политика по сохранению памятников истории и культуры подняла из тлена забвения знаменитые ансамбли Чор Бакр и Бохоуддин Накшбанд и

208

способствовала созданию новых – таков мемориал Иمامу Аль Бухари (2001 г., З.Клычев и З.Шарипова) в ансамбле *кош* с мавзолеем Чашма Аюб. Восстановлению исторической топографии Бухары XVI века послужили работы 2009 года по реставрации городских ворот

Дарвозаи Шайх Жалол и реконструкции Дарвозаи Самарканд (ППП Курилишлойиха ГлавУАС Бухарской области, М.К.Ахмедов, О.А.Рашидов, Т.Х.Набиев, Ж.Роттохов, О.Абдиев, М.Мирзхаев). Реконструирован и примыкающий к Дарвозаи

209

Шайх Жалол южный отрезок городской оборонительной стены протяжённостью 850 метров: укреплены основания стены и она облицована до зубцов на высоте 11 метров. С реконструкцией городских ворот Хазрати Имом (XVI в.), благоустроено расположенное за ним древнее

кладбище, в нём возведены мавзолей Имама Абу Хафс Кабира и соборная мечеть (2010 г., ППП Курилишлойиха ГлавУАС Бухарской области, М.К.Ахмедов, О.А.Рашидов). Имам Абу Хафс Кабир Бухари, известный также как Хожатбарор (Выручающий из беды, Благодетель) родился в 767 и умер в 832 году. Авторитетный в исламском мире знаток *шариата*, то есть основанных на Коране норм исламского права, он систематизировал их для практического применения в жизненных ситуациях. Благодаря этому основоположнику исламского правоведения, как полагают, Бухара и прославилась как Куббат-уль-Ислом, то есть Купол ислама. Имам, свидетельствует знаменитый историк города Наршахи, был похоронен на возвышении к северу от бухарских ворот Хазрати Имом. У могилы и близрасположенной мечети в конце каждой недели население Бухары почитало его память. Это древнее кладбище знаменито захоронениями легендарных правителей и суфиев. С сыном имама Абу Хафс Сагиром (умер в 877 году) связывают становление государства Саманидов (17). Мавзолей построен на месте, определённом архитектором-реставратором В.М.Филимоновым как холм Абу Хафса, однако упоминаемая источниками близрасположенная мечеть являлась, очевидно, не крытой соборной мечетью, а открытым и просторным *идгохом*. Этот *идгох* В.М.Филимонов располагал несколько южнее, так что у Бухары есть ещё возможность воссоздания этого исторического грандиозного ансамбля для городских торжеств.

210,211

Ядро Бухары развивалось от цитадели Арк на севере в виде протяжённого базара через весь город до ансамбля Лаби Ховуз на юге. Во всём мире только в сирийском городе Халеб был находившийся под охраной ЮНЕСКО подобный классический ансамбль базара, - да и тот безвозвратно разбомблён в сентябре 2012 года. Главную улицу базара Бухары в советское время не осмелились реконструировать. Время же рыночной экономики и туризма вызвало строительство на этой улице десятка отелей. Восток улицы застроен отелями новой планировки, на её западе они возведены как последовательность традиционных дворовиков. Ансамбль улицы не решён: стиль отелей не бухарский и чужд историческому ядру. Стереотипные порталы отелей возвышаются над памятниками и, по выражению одного из жителей, душат город. В застройке ансамбля Арк – Лаби Ховуз не воссозданы выдающиеся, но исчезнувшие памятники, такие, как медресе Назар Элчи над Лаби Ховузом. *Элчи* значит посол. Знаменитое *медресе* его имени было построено на деньги императрицы России как признание Ею вклада посла Бухарии в двусторонние отношения. Историческое ядро, согласно международным стандартам, подлежит тщательному сохранению, без вторжения нового. Образцом этого являются строго сохраняемые руины античного Форума в самом центре итальянской столицы Рима.

212

213,214

215

216

217,218

Позитивной чертой в историческом городе последних лет становится возвращение воды по каналу Шахруд и мимо Лаби Ховуза в ховуз на площади Гаукушон. Наполненный водой Шахруд оживил протяжённый ансамбль крохотных мечетей и медресе XVI-XIX веков на востоке Бухары. В

219

качестве следующего шага следует возродить и давно засыпанные знаменитые внутриквартальные ховузы Бухары.

Сохранить типологию

«Систематический анализ типологии застройки и её физического состояния» должен быть главным в сохранении мирового культурного наследия, согласно международным стандартам (18). Типология имеет дело с формами, размерами, образцами, а также качеством архитектурных сооружений. И узбекская архитектурная наука прошлых лет выявляла не только типы жилых домов Бухары, но даже их стереотипы, то есть неизменные формы или образцы (19). С 2008 года проводятся исследования по систематизации типологии исторической застройки Бухары. Их осуществляют Представительство ЮНЕСКО в Узбекистане, Главное научно-производственное управление по охране и использованию объектов культурного наследия Министерства по делам культуры и спорта (ГлавНПУ объектов культурного наследия) и Ташкентский архитектурно-строительный институт. Проведённые обследования раскрыли многообразие типов жилых домов и общественных зданий Бухары, которые заслуживают классификации, учёта в генеральном плане города, сохранения и должной презентации.

220

Каждый бухарский дом – это конструктивно независимая от соседних строений единица. Благодаря такой традиции безболезненно происходит обновление этих ячеек городской ткани. Между домами оставляются щели, через которые, при необходимости, можно расширить дом в соседние дворы. Так трансформируется типология застройки в городской ткани. Сокровищем архитектуры бухарского жилища является *мехмонхона*. Она – центр семейной жизни, в ней для почётных гостей вознесена специальная комнатка *шахнишин*, *мехмонхона* - место творческого труда, интимности, в ней находят убежище от летней жары и досаждающих мух и комаров, на её полках хранят ценную утварь, и при ней комнатка *мадон* служит омовению, а также кладовой.

221

Есть жилые дома градостроительной важности, как дома на южном обрыве *шахристана*. Их владельцы приглашают насладиться видами города из ресторанов на крышах, как в жилом доме, названном Долон. Дом супругов-учителей находится на кровлях Токи Телпак фурушон и *караван-сарая* Кулета, и с этих кровель раскрываются восхитительные виды на окружающие древности.

В ткани исторического города прячутся изобретательные жилища, почти лачуги. Из улицы близ ансамбля Ходжа Зайнуддин низкая калитка ведёт в длинный и тёмный проход между соседними домами и завершается крохотными двориками с тесными комнатками вокруг - таков дом *имамы* медресе Мири Араб. Урбанизированную Бухару характеризуют и простейшие дома от двух до четырёх этажей, демонстрирующие поразительную виртуозность их строителей. Композиция некогда 4-этажного, но теперь 2-этажного жилого дома Усто Абдухамид-наккоша на Самаркандской улице достойна развития в сегодняшней практике.

Дом № 75-77 торговца на Самаркандской улице и дом №22 торговца шерстью на улице Гулобод – исключительно развитые по своим композициям и богатые жилые дома, схожие с теми жилищами, что были моделированы в 1960-е годы Г.А.Пугаченковой и Л.И.Ремпелем как типичные для Бухары. Аналогичный им дом № 5 состоятельного купца по улице Саррофон реконструирован ЮНЕСКО и Посольством Израиля в 2006-2007 годах. Все дома, скромные или впечатляющие, оригинально трактуют бухарские традиции и хранят присутствие своих владельцев. В еврейских *махалля*, южнее Лаби Ховуза, некоторые из хозяев, ныне за рубежом, вместо превращения их домов в отели предлагают их скупку и создание в них музеев еврейской семьи, литературы, предметов быта, что создаст, в итоге, этнографическую зону. То есть этнографическая зона – после предложения её для Самарканда в первой половине 1970-х годов УзНИИПом градостроительства (см. раздел Региональное предыдущей главы) – продолжает оставаться важным методом в сохранении исторического города.

222,223

224

Пиком в эволюции традиционного бухарского жилища следует считать грандиозный дом семьи Файзуллы Ходжаева, пожалуй, с самым широким в Бухаре *айваном*. При доме организован исторический музей. В тематическом осмыслении нуждается и церемониально спланированный дом одного из придворных бухарского *эмира*, уцелевший на улице Усто Ширин и весьма тактично реставрированный.

225

Дальнейшую эволюцию архитектуры бухарского жилища являют несколько домов состоятельных бухарских купцов, построенные на рубеже XIX-XX веков русскими из привнесённых ими строительных материалов. Современное заброшенное состояние этих домов, в прошлом поистине дворцов, должно быть сигналом тревоги для всех, кого заботит культурное лицо Бухары.

Традиции бухарского жилого дома продолжают и в новых постройках. Есть дома в нескольких уровнях, демонстрирующие следование многовековым композициям. Таков жилой дом сегодняшнего 45-летнего профессионального строителя. В обновлённых домах на востоке исторического ядра Бухары часто встречаются очень хорошие решения *долона*. *Долон* – входной крытый проход жилого дома,

226

соединяющий улицу со двором так, что тень и сквозняк, а также вентилятор под потолком, превращают его в сезон летнего зноя в убежище семьи и соседёв.

227

В *махаллях* исторического ядра города искусственно занижают цены жилых домов, обитателей выживают, и дома продают частным гостиницам. Одним лицом порой скупаются несколько домов, и в результате меняется облик и домов, и всех *махалля*. Это угрожает преемственности в архитектуре бухарского жилья и обесценивает исторический город в целом. Необходимо культивировать разнообразие жилых домов. Для этого нужно типологически систематизировать все обследованные жилые дома на генеральном плане, что предопределяет степень сохранения и функции зон исторического города.

228

В результате миссий ЮНЕСКО в Бухару с 2008 года выявлено около 100 жилых домов высокой и около 140 жилых домов средней ценности. Лучшие дома показаны в морфологии жилых кварталов исторического города. Этот документ, выделяющий лучшее в морфологии, должен быть использован в качестве основы для следующего градостроительного документа. Сохраняя лучшие дома, следует проектировать новые малоэтажные дома на месте разрушающихся или же покинутых домов, а также, чтобы заполнить брешу в морфологии. При этом заполнении сохраняемые дома следует обеспечить современными удобствами или же дополнительной площадью, это можно сделать за счёт сносимых разрушающихся или покинутых домов. Такое новое малоэтажное строительство должно быть в согласии с сохранёнными старыми домами. Оно не должно подавлять морфологию лучших сохранённых домов, помогая, скорее, в их соответствующем восприятии. Сохраняя морфологию лучших домов, новое малоэтажное строительство должно, в то же время, оставаться невидимым за сохранёнными постройками и окаймлять сохранённые постройки.

229,230

Сохранить морфологию

Планированием следует предупредить дальнейшее разрушение морфологии, то есть формы и структуры исторического ядра. Транспорт должен стать средством культивирования пешеходности, сформировавшей это историческое ядро. На это указывают и международные организации по охране наследия UNESCO, ICCROM, ICOMOS. Они называют параметры исторического города и его зон первостепенными для обеспечения их доступностью и обслуживанием (20). Поэтому нужно восстановить прерванный мониторинг, то есть контроль, города: внедрять результаты исследовательских работ, в частности, структуру пешеходного района, в генеральные планы и контролировать их осуществление.

231

Края исторического города в радиусе 1250 метров уже разрушены и заняты новым строительством, но ещё есть шанс сохранить жизнеспособность и облик ядра в радиусе 700 метров. В

этом радиусе есть пять ключевых зон, внутрь которых новое не должно вторгаться. Ансамбль *базара* от Арка до Лаби Ховуза заслуживает того, чтобы на его реконструкцию объявить всемирный конкурс. Зона же от этого базара вонне на расстоянии 250 метров должна строго охраняться как пешеходная с тщательным восстановлением исторического облика здешних *махалля*. Эти параметры должны стать основой для генерального плана сохранения Бухары и для норм по его внедрению в жизнь, как то предписывают международные стандарты.

В Бухаре предпринимаются определённые действия по сохранению пешеходной сети исторического города посредством восстановления его ворот и проектирования плотных малоэтажных жилых комплексов, напоминающих традиционные кварталы. Проблема, однако, в том, что эти действия, всё же, недооценивают пешеходную сеть. Ворота спроектированы и построены согласно архитектурной традиции, но размещены против традиции градостроительной. Ворота не регулируют движение. Они заперты на замок и высются посреди дороги, а потоки пешеходов и машин обходят их с обеих сторон и несутся прямо в ветхие глиняные улочки исторического ядра. Другими словами, вместо функционирования, ворота превращены в макет. Это - против исторического города, его жизни, его сохранения.

Что же следует предпринять? Транспорт следует убрать от исторических ворот и направить в новые улицы, параллельные сохраняемым историческим улицам. Другими словами, транспорт должен обслуживать исторические улицы сзади, как это показано для сохранения Самаркандской улицы. За этими историческими улицами XX век напортил многое в морфологии Бухары, проникнув очень глубоко и создав пять ключевых зон, которые являются решающими для дальнейшей судьбы города. В этих пяти зонах были построены новые (микрорайонные, как их называют) общественные и жилые здания, поэтому именно эти территории следует перепланировать и перестроить для того, чтобы исторический город сохранить. Транспорт должен остановиться в этих зонах, и из них обслуживать историческое ядро, оставаясь, по возможности, невидимым.

Выработана оригинальная модель главных узлов и направлений роста Бухары. Рост Бухары от Токи Заргарон на юг простирался до радиуса 700 метров. Затем, в XVI веке, город дважды вырос на запад. Вплоть до XIX века отцы Бухары контролировали рост города по его диаметру восток-запад. А накануне колонизации Бухара выросла на восток в виде целого ряда крошечных общественных зданий вдоль канала Шахруд.

В соответствии с логикой исторического развития Бухары её сохранение предлагается в пределах следующих присущих ей пешеходных параметров: 250, 700, 1200 (1500), 2000 (2500) метров. До 250 метров – только пешеходное историческое окружение, допускается только транспорт местных жителей. До 700 метров – восстановление исторической морфологии, регулируемый доступ транспорта. До 1200 (1500) метров – строгое сохранение исторической морфологии, любое новое

строительство обязано соответствовать архитектурным типологиям Бухары. До 2000 (2500) метров – контроль морфологии, контроль высот нового строительства.

Модель сохранения и роста

В модели сохранения и роста исторического города Бухары рассмотренные выше её параметры рекомендуются для сохранения уникальной планировки, а типология домов – для своеобразия новой архитектуры. Модель детализируется нижеследующими рекомендациями по семи аспектам сохранения исторического города.

233

1. Нормы и закон. Исторический город Бухары находится в состоянии, нарушающем не только нормы ЮНЕСКО, но и нормы Республики Узбекистан «XII. Охрана территорий памятников культуры при развитии населённых мест», учреждённые Государственным комитетом по архитектуре и строительству, Постановление № 59 от 27 июня 2008 года. Необходимо привести Закон Республики Узбекистан об охране памятников культурного наследия Республики Узбекистан 2001 года в соответствие с Рекомендациями ЮНЕСКО 1976 года по самосохранению и современной роли исторических зон. Это будет содействовать реорганизации административного управления историческим городом, предоставлению ему юридического статуса и своего аппарата специалистов управления. Такой центр городского *хокимията* будет ориентировать жителей и предпринимателей на активизацию экономического потенциала *махалля* и на общинную политику самосохранения, включая реконструкцию частным сектором и предпринимателями.

2. Проектирование. Необходимо точно определить памятники в области, городе и его историческом ядре, составить генеральный план с границами охраны, территориями буферных зон, точками обозрения. Перейти в рамках совершенствования технического состояния исторического города - на подземные линии снабжения в соответствии с самим смыслом слова «инфраструктура», то есть «то, что находится под землёй», ибо электро- и газоснабжение «по воздуху», как и множасьи гаражи, разрушают исторический облик. Проектирование исторического ядра следует вести на основе его компьютеризованного сценария – этот документ должен посредничать между генеральным планом и застройщиками для того, чтобы соблюдались функции, пространства и формы в стилях, характерных для Бухары, чтобы контролировались масштабы и высоты, а также материалы и конструкции.

3. Обезлюдение и транспорт. Остановить обезлюдение в историческом ядре путём контроля численности населения, создания центров его притяжения и трудоустройства. Дорога вокруг севера Бухары, возникнув с 1930-х годов, не защищала исторический город. Транспорт должен представлять систему тактичных улиц-вводов, подходящих к историческому ядру и обслуживающих его, но не доминирующих в нём. Ядро должно оставаться пешеходным, территории на периферии защищать такой характер ядра и быть перепланированы для новых

центров притяжения горожан. Сквозные улицы необходимо рассматривать как серьёзное нарушение, и транспортные вводы в ядро следует выполнять как тупики и/или петли.

4. Воды. Вода является скудным резервом Бухары. Исторические *хоузы* засыпаны и их махаллинские центры исчезли. Возобновить орошение исторических *хоузоз* и не допускать наблюдающейся ирригации близ стен архитектурных памятников. Высокий уровень грунтовых вод засоляет монументальные и жилые постройки, вызывает трещины и разрушает их. Город борется за подобающее санитарное состояние. Прошлые системы дренажа уже не функционируют. Необходимы гидрогеологические изыскания с целью снижения грунтовых вод посредством очистки прошлых систем и введения в строй новых. Водоснабжение и канализацию следует довести до современных стандартов.

5. Отели. Рыночная экономика ввела туристские отели прямо в историческое ядро. Возвышаясь над памятниками прошлого, они навязали им чуждые масштабы и стили. Отели следует быть за историческим ядром, не посреди него. Необходим контроль землепользования.

6. Жилые дома. Бухара всегда славилась самыми изысканными в Средней Азии жилыми домами. Они и целые *махалля* трансформируются сегодня индустрией туризма. Чтобы выгодно сдать дом, владельцы надстраивают его, и новый архитектурный язык разрушает традиционный стиль. Дома, как и отели, стараются возвыситься над историческим ядром, чтобы с них продавать лучшие виды на город. История этого великого города должна быть спасена от разрушительного хаоса зарабатывания денег на туризме.

7. Сырец. Дома в *махаллях* перестраивают в жённом кирпиче или покрывают им глинобитные с деревянным каркасом стены. Историческое ядро лишается веками сохранявшегося целостного глинобитного облика. Важно уважать этот традиционный для города строительный материал. Он требует культуры постоянной заботы о нём. Его обязательное использование должно быть предписано для важных фрагментов исторического города. Специальный персонал должен быть подготовлен для поддержки глинобитных конструкций, как это рекомендовано Представительством ЮНЕСКО в Узбекистане.

Заключительная модель роста и сохранения состоит из следующих главных факторов: 1) сеть транспортных магистралей в 2,5-километровом радиусе, 2) отели вне исторического ядра, 3) тупики и петли как средства транспортной гибкости внутри исторического ядра, 4) рабочие места при махаллинских центрах, возрождаемых по всему историческому ядру, 5) водоснабжение, дренаж и канализация, и 6) сценарий базара и *махалля* для того, чтобы должным образом проектировать функции, пространства и формы, а затем управлять их осуществлением.

Градостроительству необходим постоянный мониторинг развития исторического города, и этот мониторинг следует основывать на градостроительной науке памяти о городе. Упадок или отсутствие науки приводят к потере градостроительной памяти и к неэффективности практики. Генеральные планы

городов в этом случае составляются на неполной информации. Рынок и демократические перемены, самоуправление, рост среднего класса, транспортный бум, всё это нуждается в крупномасштабном понимании и управлении. Необходимы разработки жизнеспособных планировочно-пространственных структур *мехалля*, *гузаров*, районов и центров городов. Это предотвратит в городе конфликт нового со старым. Пешеходность формирует планировочные ткани районов и центров, а транспорт выполняет обслуживающую функцию, становясь средством культивирования пешеходности, у которой свои, веками закрепившиеся нормы. На стадиях принятия решений и проектирования важно примирять пешеход и транспорт, сохраняя преемственность с тем лучшим, что мы имеем.

ТИПОЛОГИИ, АНСАМБЛИ, СТИЛИ

Своеобразие новой архитектуры декларировалось в Узбекистане со второй половины XIX века, и его поиски велись согласно стилям мировой архитектуры, будь то модерн, конструктивизм, классицизм, современная архитектура или пост-модернизм. Типологически архитектура развивалась, и стилистически традиции воплощались в тенденциях времён, но у советских провинций за «железным занавесом» отсутствовало главное – собственная инициатива. Распад СССР и образование среди стран СНГ Республики Узбекистан открыли новые перспективы. Республика стала распорядителем собственных ресурсов, определила связи с зарубежными странами и обрела своё место в мире, новые социальные и экономические программы изменяют её жизнь. Архитектура стала выразителем этих перемен, ибо базируется на новом социальном заказе, обновлённых возможностях строительства и духовно новых устремлениях независимости.

Площадь Мустакиллик

Расположенный к северу от центральной площади Ташкента в начале Аллеи парадов дворец Туркистон 1989-1992 годов стал первым общественным зданием независимого Узбекистана. Для этого места ещё в 1966 году архитектор Ю.В.Халдеев спроектировал театр кукол в виде распускающегося цветка. Театр-цветок трансформировался к 1977 году в приземистое здание с гигантскими сталактитами на фасаде: так первоначально лёгкую современную архитектуру отсталая строительная техника переродила в тяжёлые формы. Совершенствовать стиль театра поручили мастерской архитектора Ф.Ю.Турсунова. Зрительный зал покрыт голубым плафоном с резьбой по *ганчу* и позолотой в технике *кундаль*. Над вестибюлем и фойе вознесено панно: белый тюркский палас с рельефом птицы счастья Хумо и панорамой исторических городов Туркестана. Ленточное остекление второго этажа фойе раскрывает панораму Аллеи парадов и далее площади Мустакиллик. «Я от всей души желал бы, - сказал Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов на торжественном открытии здания, - чтобы по всей нашей стране развернулись архитектурные работы, чтобы во всех областных центрах были такие же величественные дворцы, как Туркистон. Чтобы наша страна была прекрасным, вольным, справедливым краем, чтобы после нас остались полезные народу строения, чтобы потомкам мы дали свободную и благоустроенную Родину» (1).

Накануне распада СССР на правительственной площади Ташкента прошёл, после Москвы и Ленинграда, фестиваль индийской культуры Утсав. Для него индийцы собрали на северо-востоке площади сборно-разборные металлические башни и вывесили на них произведения декоративно-прикладного искусства своей страны. Когда же площадь стала зваться Мустакиллик, подобные башни с куполами поднялись

234

235

над её амфитеатром и открытой сценой, чтобы в последнюю ночь лета праздновать независимость республики. Навруз первой весны независимости отпраздновали на западе улицы Узбекистанской, за Дворцом дружбы народов, здешний парк Комсомольское озеро расширили в Национальный парк имени Алишера Навои (Ф.Ю.Турсунов). С севера на юг размещены круглый водоём с фонтаном, амфитеатр со сценой среди башен с куполами, мост через канал, и на холме – скульптура Алишера Навои в павильоне с куполом от Гури Амира, на внутренней поверхности которого выведено на нескольких языках: «Поймите люди всей земли: вражда плохое дело. Живите в дружбе меж собой – нет лучшего удела». К востоку от амфитеатра расположен ресторан Навруз (1995 г., Р.Якубов, В.Островерхов, Н.Баторин) и к западу - здание Олий Мажлиса (1997 г., В.А.Акопджанян). К Наврузу-2000 для 11 тысяч выступавших сцена и амфитеатр Национального театра были расширены.

Днём памяти и почестей назван День победы 9 мая в войне 1941-1945 годов, и в Ташкенте 1999 года мемориал Вечного огня памяти неизвестного солдата преобразован в комплекс Скорбящей матери. Мемориал находился севернее площади и своей открытостью добавлял ей простора. Иной характер у комплекса Скорбящей матери. Вечный огонь замкнут с востока скульптурой склонившейся узбекской матери (скульптор И.Джаббаров), продолжившей образ узбекской матери на полотне художника Р.Ахмедова. С запада же к огню ведет аллея длиной 60 метров. Архитекторы В.А.Акопджанян и М.Мусаев предполагали ограничить аллею невысокими мемориальными стенами. Президент республики предложил *айваны* узбекской народной архитектуры. Они создали торжественное архитектурное пространство в духе классических ритуальных композиций. *Айваны*, возведённые мастерами со всей республики, сообщили мемориалу тепло народного участия. Их строительством руководил кокандский мастер резьбы по дереву Абдугани Абдуллаев. Ландшафт комплекса тщательно благоустроен, а его архитектура повторилась в областных центрах, везде со своими вариациями. Архитектура комплекса Скорбящей матери в Ташкенте отозвалась в декабре 2008 года и в мемориале Павшим в мировых войнах солдатам, сооружённом в Конье, пятом по величине городе Турции. Мемориал создали турецкие архитекторы М. и Х. Озтоклу совместно с мастерами из

236

237,238

Узбекистана – самаркандцем Мирджалолом Асадовым (резные колонны) и ташкентцем Махмудом Касымовым (резьба по ганчу). Архитектуру мемориала на церемонии его открытия высоко оценил Премьер-министр Турции Р.Т.Эрдоган. В сравнении с открытым ташкентским комплексом мемориал в Конье создан по подобию замкнутых сельджукидских *караван-сараяв* с восхитительной резьбой колонн по обе стороны протяжённого внутреннего двора.

К северо-востоку от площади Мустакиллик, на перекрёстке улиц А.Навои и Ш.Рашидова высился советский долгострой – высотное здание Вычислительного

центра Академии наук (1975 г., Р.М.Блезе и др.). Навесные, на металлическом каркасе, бетонные панели стен и вертикали лифтов придавали ему вид суровой крепости. В 1997-1999 годы компания Daewoo предложила обновление небоскреба и прилегающего квартала. С высоты сбросили навесные панели, перепроверили прочность каркаса и спроектировали шестнадцатизэтажную стеклянную призму. Генеральный план квартала предусматривал центральную площадь и вокруг неё торговый центр, бизнес-центр, 22-этажное административное здание и 9-18-этажные здания гостиничного типа. Теперь же некогда мрачная башня преобразилась в белое высотное здание бизнес-центра Пойтахт с необычным силуэтом и продуманными пропорциональными членениями фасадов (2006 г., Г.И.Магаметова, А.М.Мамедов). Бизнес-центр составил ансамбль с расположенным к югу от него комплексом Госплана УзССР, реконструированным в 2009 году для Казначейства Республики Узбекистан (А.И.Калисламов, В.Н.Бреусенко, В.С.Рыжов, А.И.Марин).

239

240

С реконструкцией в 2000 году протяжённого здания Совета Министров началось обновление стиля правительственной площади Ташкента, формировавшейся зданиями конца XIX века, 1930-1950-х и 1960-1970-х годов. Первый этаж здания с открытыми V-образными опорами был обстроен стенами красного гранита; над его прямоугольным силуэтом поднят портал с гербом и флагом республики; прежде ленточное, с бирюзовыми простенками, остекление заменено сплошным золотистым (В.А.Акопджанян, А.Саакян). Блистающий фасад расчленён тонкими простенками с полуколоннами. Чистым и абстрактным формам советской современной архитектуры здесь предпочтена конкретная символика, открытости – закрытость, динамизму – солидность, а скромно понятому национальному – богатое интернациональное. По проекту института Ташгипрогор реконструирована и высотная доминанта площади - 14-этажное административное здание с 8-этажной пристройкой по проспекту Шарафа Рашидова: между этими корпусами образован атриум до 11 этажей, и на верхних этажах размещены министерства, комитеты, акционерные компании. В 2005 году завершено строительство главного на площади здания высшего органа власти Республики Узбекистан – Сената (Верхней Палаты) Олий Мажлиса. От здания Дома правительства 1930-1950-х годов сохранены два крайних корпуса столовой и концертного зала Бахор, ценные декором интерьеров. Поднявшееся между ними здание Сената четырёхэтажно, в его центральном блоке размещены вестибюль, холл, рабочие кабинеты, на четвёртом этаже - холл, залы совещаний и рабочие кабинеты. Центральный вход обращён колонным порталом на площадь Мустакиллик. Вход в Конституционный суд с юга и вход в зал Бахор с севера тоже выделены выступающими порталами. На западе здание обращено к каналу Анхор традиционным колонным *айваном*. Центральное фойе украшают монументальные живописные панно *Время пробуждения* и *Гимн независимости*. Главный зал

241

242

заседаний имеет 172 места и балкон для прессы. Интерьеры с национальным декором отделаны светлым деревом с гипсовыми деталями и тканевыми обоями.

Проспект Амира Темура

Начатая в советское время застройка скоростных магистралей продолжила формировать новый образ столицы. Возникший в конце XIX века на границе нового и старого городов Ташкента Московский проспект (затем советская улица имени Ф.Энгельса) преобразился в проспект Амира Темура. К 2000 году под проспектом прошла линия метро, которая дойдёт до окружной дороги, выходящей на Чимкентский тракт в направлении Казахстана. Международный торгово-выставочный комплекс 1995-2000 годов – с отелем Интерконтиненталь, небоскрёбом Национального банка Узбекистана, торговым центром Ташкент-плаза и Бизнес-центром стал витриной Ташкента времени перехода к рыночной экономике. Проспект застроен также музеем Темуридов, гостиницами Марказий (бывший Шератон) и Рэдисон, Теннисным кортом у телевизионной башни и Аква-парком, Мемориалом жертвам репрессий, новыми комплексами Алайского и Юнусабадского рынков. Эта важная планировочная ось Ташкента начала обновляться ещё столетие назад, в 1924 году (см. раздел Урбанизм и дезурбанизм), когда от железнодорожного вокзала до центрального сквера она преобразовывалась в образцовую социалистическую витрину города. Ныне же этот проспект становится витриной переходящего к рыночной экономике государства.

243

Первым к магистрали Амира Темура обратился Алайский базар своей двухэтажной торговой галереей, покрытой зелёными светопрозрачными листами лексана по аркам металлических ферм (Е.Калишер и др.). Со становлением рыночных отношений стали преобразовываться многовековые базары на главных магистралях столицы. На старгородском базаре Ташкента поднялись железобетонные большепролётные купола с красочными керамическими покрытиями (В.Азимов). Зонтичные и складчатые большепролётные светопрозрачные покрытия обрели Мирабадский (бывший Тезиков) (Р.А.Хайрулдинов и др.) и Паркентский базары. Комплексом крытых павильонов обновился базар ташкентского Ипподрома. Бектемирский (Куйлюкский) базар, крупнейший на внешнем транспортном узле Ташкента, расположен на юго-восточном выходе Ферганской магистрали к кольцевой автодороге. К этому месту на берегу реки Чирчик стекается продукция сельскохозяйственных пригородов. Комплекс базара на крупной транспортной развязке включает автостоянку, дехканский и оптовый рынки, гостиницу и мотель. Дехканский базар имеет двухэтажные магазины и объекты обслуживания по периферии, а в середине – торговые ряды. Они образованы взаимоперпендикулярными крытыми торговыми улицами шириной 12 метров. Над ними поднята конструкция светопрозрачных листов на арочных фермах, что создало новый образ восточного базара (1998 г., В.А.Акопджанян). В октябре 1998 года открыта первая

244

очередь расположенного на кольцевой магистрали Ташкента Караван-базара с 2000 торговых точек (М.Ганиева и др.), а в 2000 году ледовый дворец спорта Юбилейный перестроен в Выставочный центр малых технологий по производству различной продукции (Я.Кадыров и др.). Подобные центры связи производителя и торговца без посредников призваны снижать цену товара и развивать малый и средний бизнес.

Республика воздаёт должное среднеазиатскому государственному деятелю Амиру Темуру, в эпоху которого государственность и искусства достигли апогея. В Ташкенте, Самарканде, и на родине Сахибкирана в Шахрисабзе открылись памятники, впервые трактующие для широких масс его скульптурный образ. Ташкентский памятник (1995 г., И.Джаббаров, Ф.М.Ашрафи, Б.М.Усманов) возведён в Сквере, который со времени своей распланировки в конце XIX века являлся местом для скульптур-символов сменявшихся времен. Динамичная, особенно при восприятии с южной стороны, конная статуя высится на постаменте из красного мрамора и обращена с востока на запад, в сторону улицы Сайилгох, - с которой хорошо воспринимаются скульптура с поднятой правой рукой, уверенная поступь коня, и слова на постаменте: Сила – в справедливости.

245

Над расположенным к северо-западу от сквера Амира Темура Музеем Темуридов (1995 г., А.Турдиев) развит тип купола Гури Амира, который до этого был интерпретирован над павильоном со скульптурой Алишера Навои в Национальном парке. Над 20-колонным *айваном* музея купол высотой 30 метров расширен до диаметра 24 метра. В интерьере он украшен резьбой по *ганчу* в растительном стиле *ислими* по технике *кундал*: на голубом фоне позолотой выделены акценты. При входе в музей, в полированном бело-сером интерьере из мрамора и гранита, взгляд приковывает живописный триптих о значении Темура и его государства. Первая часть Рождение сообщает о приходе этой личности в мир, вторая часть Возрождение изображает Темура на троне, и третья Наследие повествует о ценностях эпохи Темура. Работы художников объединения Усто и приземистая композиция роднят музей с постройками в национальном стиле, строившимися народными мастерами в противовес советским рецептам монументальной национальной архитектуры. В архитектуре и декоративном убранстве Музея Темуридов и последовавших за ним мемориальных комплексов Аль-Бухари и Аль-Фаргони налицо сотрудничество с народными мастерами ради возрождения народной архитектуры.

На севере проспекта Амира Темура, под телевизионной башней высотой 375 м (1984 г., архитекторы Н.Терзиев-Царуков, Ю.Семашко, В.Русанов, В.Ким; инженеры-конструкторы Е.Морозов, М.Мушеев; художник А.Бухарбаев, дизайнер И.Липене) расположились открытые теннисные корты Юнусабадского спорткомплекса. За кортами построен крытый универсальный корт с трибунами на 3000 зрителей (1997 г., В.А.Акопджанян). Покрывающие его железобетонные полуарки со сводчатыми листами светопрозрачного лексана создали динамичную пластику здания. Здание

246

находится внутри спортивного комплекса, но заслуживало бы постановки на раскрытой к магистрали площади.

247

12 мая 2000 года на берегу канала Бозсу Юнусабадского тумана Ташкента открыт Мемориал *шaxидам* – жертвам исполнившихся здесь расстрелов советского периода. Идея, концепция и детали композиции мемориала были определены Президентом (2). Бирюзовый купол на колоннах, как в Национальном парке, высится теперь над благоустроенными газонами на берегах изгибающегося канала Бозсу. Музей в этом комплексе возведен в августе 2002 года при участии руководителя народных мастеров А.Абдуллаева (Коканд), резчика по дереву Х.Одилова и скульптора Р.Шоабдурасуловой. Мемориал *шaxидам* завершил ряд новостроек на севере проспекта Амира Темура.

Обычно камерная народная архитектура стала в это время обретать монументальность профессиональной архитектуры. Возведённым в дорогих строительных материалах формам народного стиля недостаёт гармонии частей и целого, которая восхищает в памятниках профессионального зодчества прошлого Средней Азии. Наряду с поисками национального в народном зодчестве, осознаётся и крупный вклад страны в классическую архитектуру ислама. Республика продолжает изучать свидетельства этого вклада.

Классицизм

248

Стиль классицизма беспроигрышен для административных зданий, - потому здания Хокимията Ташкента (1997 г., Ф.Ю.Турсунов) и Олий Мажлиса Республики Узбекистан (1997 г., В.А.Акопджанян) обнесены колоннами – визитной карточкой классицизма. Золотистое остекление фасадов Олий Мажлиса западает тремя уступами по мере спуска к полу *айванов* по периметру здания. Архитектура узбекского парламента детальна в выражении национального характера: над бирюзовым куполом возведён традиционный фонарь. Здание Хокимията (теперь это банк) первоначально предполагалась построить симметрично ташкентским Курантам на противоположном углу улицы Амира Темура. Строительство здания на его нынешнем месте – южной линии бывшего Городского сада решило несколько градостроительных задач. Продолжив с Курантами линию застройки, здание составило ансамбль с ними. С Курантов соскоблили слои штукатурки, обнажили кирпичные стены, заменили окна и двери с решётками-*ланджара*, а фасады облицевали итальянскими бежевыми плитками. Здание Хокимията составило ансамбль и с улицей Бухоро: центральный купол здания завершил перспективу этой улицы. Более всего здание изменило Сад: заняв место кинотеатра, кафе и иных ветхих построек, оно не нанесло, таким образом, урона его зелёным насаждениям. План Хокимията имеет форму буквы Т: два административных блока вдоль улицы и между ними от главного входа - два блока общественных служб вводят здание в Сад. При главном входе - круглый и на

три этажа атриум. Пять лестниц и два лифта при входе обеспечивают вертикальные связи. Вдающийся в Сад трёхэтажный блок имеет форму восьмигранника. По его периферии размещены офисы, в центре первого и третьего этажей - залы заседаний. Двери, стеновые деревянные панели и мебель офисов - итальянские, потолки работы узбекских резчиков по ганчу. Интерьеры облицованы итальянским и уральским мрамором. Цоколь фасадов здания облицован чёрным, а базы колонн на его фоне - тёмно-красным южноафриканским мрамором. Все купола в здании – из металлических ферм с сетками для лепных работ в интерьере. Круглый атриум при входе завершён пологим куполом с очень красивым плафоном. Его бело-голубой, с позолотой, растительный орнамент усеян лампами освещения – звездами Самарканда, по словам архитектора. Фойе четвертого этажа покрыто куполом с арочной световой галереей барабана. Купол расписан в бежево-коричнево-оранжевых растительных формах с позолотой. Росписи вдохновлены образцами самаркандских Гури Амира, Шохи Зинды, Тилля Кори, и хивинского Тош Ховли.

Здание Хокимията создано Ф.Ю.Турсуновым двумя годами позже Республиканского биржевого центра, расположенного на улице Бухоро, - это построенный в самом начале XX века цирк-варьерте Колизей, впоследствии театр, был переоборудован для биржи. Под 30-метрового диаметра куполом из металлических ферм организован зал. Он окаймлён фондовыми магазинами, отделами обслуживания фондов, сберегательной кассой, банком, помещением нотариуса, и пр. Фасад имеет два боковых и центральный порталы со входами в вестибюль. Полукольцо фасада прорезано высокими, на два этажа, арочными проёмами с полуколоннами в простенках. Гигантский купол Колизея в стиле архитектурных исканий начала XX века подтянут к основанию высокого фонаря, который просматривается с ближайших улиц. Найденный в биржевом центре сдержанный (а, следовательно, и экономичный) плоскостной и с полуциркульными романскими арками стиль классицизма и был развит в здании Хокимията. Этот приём поверхностен и может использоваться для зданий любой планировки и композиции. Он стал продолжением фасадов-ширм советских времён и широко распространился в период независимости. Приём заявил о себе сначала навесными *ланджара* Музея В.И.Ленина, а затем – отяжелевшими *ланджара* Дворца дружбы народов. Ширмой, но уже из стрельчатых арок, Ф.Ю.Турсунов обернул затем Выставочный зал Союза художников, и потом гигантская плоскостная стрельчатая арка обернула фасады гостиницы Чор Су В.Л.Спивака. В здании Республиканского биржевого центра Ф.Ю.Турсунов нашёл ту уравновешенную (кстати, идущую от его характера) интерпретацию романского классицизма, которая впоследствии и стала расхожей в архитектуре Узбекистана первых десятилетий независимости.

Наряду с традициями, архитектура Хокимията вобрала стилевые черты новых зданий Ташкента этого времени. Некоторые мотивы фасада здания Хокимията были до этого заявлены самим архитектором в здании Биржи на улице Бухоро: центральный портал с

249

250

гербом Республики, два меньших портала по фасадам, и между порталами - белые колоннады девяти арок на высоту трёх этажей. Сдвоенные оконца мезонина, то есть верхнего этажа, Хокимията заимствованы из здания Совпластитала на аллее Сайилгох. А зубчатый парапет фасадов Хокимията из Музея Темуридов. Завершено здание Хокимията ребристым бирюзовым куполом от Гури Амира, который был заявлен сначала в павильоне Национального парка и затем - над Музеем Темуридов. То есть, уже в первые годы независимого развития республики архитекторы обменивались найденными приёмами с целью выработки стиля, особенности которого и были тиражированы впоследствии как стереотипы.

251

Обретшие независимость страны СНГ вышли на международную арену, где сфера дипломатии имеет свои установившиеся архитектурные стереотипы. Поэтому вскоре стиль президентских резиденций стал ассоциироваться с традицией классицизма США XVIII века. Вдохновившись творениями выдающегося итальянского архитектора эпохи Возрождения Андреа Палладио, третий президент США и автор Декларации Независимости Томас Джефферсон спроектировал в 1770-1771 годы свой дом в имении Монтичелло вблизи Шарлотсвилла, штат Вирджиния. И под влиянием стиля дома Джефферсона в 1792 году в столице Вашингтоне ирландским архитектором Джеймсом Хобаном была построена официальная резиденция Президента США Белый Дом. В президентских резиденциях у нас вместе с белым цветом повторился и полукруглый колонный объём в центре главного фасада. Офис Ак Сарай (Белый Дворец) Президента Республики Узбекистан (1999 г., Ташгипрогор) имеет холл, залы переговоров, помещения канцелярии, а его центральный колонный объём завершён шатровым покрытием, выражающим тюркскую традицию. Президентский Дворец Ак Орда (Белая Резиденция) в Астане построен в 2004 году с полукруглым колонным объёмом по 5-этажному фасаду и завершён куполом с 80-метровой высоты шпилем.

252

Полукруглый колонный объём перешёл затем в многочисленные общественные здания. Реконструированный - на месте кинотеатра Ватан 1939 года и театра Хамзы 1969 года - Узбекский Академический драматический театр (2001 г., У.Х.Рахимов) имеет полукруглую колоннаду овального фасада. Главный зал на 540 мест, в подвале малый зал на 110 мест, расширенное фойе, а также музей на втором и третьем этажах. В декоре театра росписи и резьба по дереву и ганчу выполнены мастерами объединения Усто, а керамика - Экспериментальным скульптурным производственным комбинатом и Керамическим заводом. Проект нового здания Государственной консерватории Узбекистана (1996-2002 гг., В.Л.Спивак) отобран по результатам конкурса Президентом Республики Узбекистан И.А.Каримовым. Архитектуру в стиле сдержанного классицизма венчает распространившийся этаж-мезонин и в центре главного фасада выступает полукруглая колоннада. Лаконична и композиция Президент-отеля (2004 г., Тошкентбошплан) у Университетского бульвара Самарканда. Периметр 7-этажного атриума образован 164 номерами, имеются залы, комнаты совещаний, в подвальном

этаже бассейн, сауна, бар и дискотека. Отель обращён на бульвар тем же полукруглым объёмом, суровая сдержанность которого продолжена ордерной системой пилястр на красном основании здания, его четырёх основных этажах и завершающем мезонине.

По Постановлению Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова от 5 июня 2008 года «О строительстве в Ташкенте здания Дворца форумов Узбекистан», в границах улиц Тарракиёт, Хорезмской, Мустакиллик и сквера имени Амира Темура отведён участок трапециевидной формы 2,7га. Вокруг расположены гостиница Узбекистан, дом Радио, бывшее здание библиотеки А.Навои, здание фонда Соглом авлод учун, ресторан Шарк, музей и кафе Истаравшан (бывшее Буратино) и сад городского Хохимията, ныне банка. Главный вход ориентирован на ось памятника Амира Темура, тогда как вход со стороны улицы Хорезмской предназначен для протокольных и торжественных встреч. К северной улице Мустакиллик раскрыты концертные и административные вестибюли и служебный вход. К южной улице Тарракиёт открыты служебные вестибюли и пандус ресторана и буфета. Дворец форумов Узбекистан возвышается над окружением и имеет план 112,40 x 86,50 метра (2009 г., У. Х. Рахимов, В. Г. Ким). Две функциональные зоны Дворца технологически связаны коридором. Первая, обращённая к Хорезмской улице, представительская часть Дворца состоит из вестибюля (с парадными лестницами, восемь лифтами, сануздами), зала заседаний на 300 мест и двух малых залов для совещаний. Банкетный зал на 300 мест с эстрадой и сценой имеет сервировочные, раздаточные, артистические помещения. Вторая, ориентированная на сквер Амира Темура, концертная часть Дворца состоит из зала на 2200 мест с вестибюлем и фойе, кулуаров, гардеробной, входа в партер, двух парадных лестниц и двух эскалаторов. В подвале размещены буфет и санитарные узлы. Имеются технические помещения по обслуживанию сцены и репетиционный зал. Архитектурный ордер фасадов выполнен в виде колоннады из пилястр с полуколоннами, имитирующими традиционные деревянные, а также из угловых мраморных панелей с орнаментом из поливной керамики. Антаблемент над ордером прочерчен в виде архитравной балки, фриза и карниза из европейских и восточных элементов. Колоннада и панели перемежаются витражами из алюминиевых профилей серого цвета с тонированным стеклом синего цвета. Облицованный белым мрамором купол на высоте 48 метров завершён скульптурами аистов. Наружные лестницы из гранита красного цвета, а цоколь из гранитных плит чёрного цвета. Интерьеры сдержанных форм и светлой тональности исполнены из следующих материалов: полы из белого и зелёного мрамора, паркета, ковролана, керамических плит; стены концертного зала из акустического дерева, керамики, гилса; ограждения лестниц - из нержавеющей стали и стекла белого, золотистого и бирюзового цветов: потолки - из гипсокартона с гипсовыми тягами и лепниной.

Одним из проявлений узбекского менталитета в архитектуре издревле были понятия «пара, парный». Означающие их слова *кош* и *жуфт* выражают целое

мировосприятие нации: от парности всего в мироздании («муж и жена – пара волов») до обожания повтора («*жуфт булсин!*», что значит «ещё!», «бис!»). *Кош* в исторических архитектурных ансамблях – это обращённые друг к другу и часто зеркально схожие фасады зданий. Примеры воссоздания подобных парных ансамблей были и в советской архитектуре республики: театр Навои и гостиница Ташкент, например. На зодчество же периода независимости понятие «пара, парный» воздействовало непринуждённое и невзирая на архитектурные каноны. Так, с расширением площади Хадра к имевшемуся на ней фонтану перед цирком симметрично добавили второй фонтан. С преобразованием на главной площади столицы мемориала Вечного огня в памятник Скорбящей матери, неподалеку от него поднялся памятник Счастливой матери. С расширением музея Мемориала жертвам репрессий над ним поднялся второй купол. Со строительством Зала конгрессов рядом с послевоенными Курантами была построена такая же новая башня на месте кафе Буратино. В этих ансамблях *кош* и *жуфт* отражаются непосредственные импульсы национальной психологии. Такая непосредственность самовыражения в определённой степени раскрепощает долго сковывавшееся зодческое мышление, поддерживает живую реакцию на жизнь и позволяет идеалам людей иметь право гражданства в архитектуре. Пока – приёмом повтора, без вникания в закономерности канонів ансамблевости.

Здание Дворца симпозиумов с Национальной библиотекой имени Алишера Навои (ноябрь 2011) в стиливом отношении тоже стало парой ранее построенному Дворцу форумов Узбекистан, повторяя его: гигантский плоский купол, резные деревянные двери вдоль стеклянного фасада, белоснежность стен с романскими арочными и прямоугольными оконными проёмами. За цветомузыкальными фонтанами колоссальный ордер вдоль фасадов и по углам арочных въездов. Фасады поверху объединены полосой кронштейнов. Беломраморная прямо- и криволинейность - вне и внутри Дворца. Жёлтые люстры, коричневые резные двери, голубые стёкла проёмов, золото перил, серый цвет, два цветных панно вестибюля: справа – композиция из цветов Узбекистан, слева – аллегория с гранатами Сад познания. Большой зал на 1000 мест и малые залы, компьютеризованные читальные залы, кинозал. В этом комплексе предстоит внедрять зарубежный опыт библиотечного дела.

Переход к рыночной экономике, сопровождающийся иностранными инвестициями в республику, трансформирует её архитектурный стиль классицизма. Совместные предприятия строят здания средней этажности, компактные и схожие по функциональной программе: это - офисы, совмещённые с гостиничными номерами или квартирами, а также учреждениями торговли. Офисы и гостиничные номера вокруг холлов спланированы по этажам гостиницы Австрия на улице Садыка Азимова (2005 г., Адылов Р.Н., Дадаян А.А.). Новый для Ташкента образ этого здания вдохновлён неповторимой помпезностью классицизма Вены. Классицизм же трёхэтажного жилого дома (1946 г., М.С.Булатов) на улице Навои Ташкента

вдохновил архитектурный стиль нового, на его месте, 4-этажного здания (2011 г., А.Д.Акматаев) для совместного узбекско-итальянского предприятия. Обветшавшее здание патриарха нашей архитектуры было снесено, но мотив его лоджий из трёх арок повторился с максимальной лояльностью в новом, по словам молодого архитектора, ориентальном палаццо. Палаццо потому, что, предприняв поездку по Италии, архитектор уточнил стиль колонн таких лоджий, которые затем узбекские мастера вырезали из кыргызстанского травертина. От средневекового итальянского керамического блюда с признаками арабского влияния архитектор перенял контрастный орнамент для первого этажа здания с магазином Ermenegildo Zegna, а весь фасад построил, действительно, как венецианское палаццо. Очарование классицизма, достигнутое здесь многократным повторением мотива арочно-колонных лоджий, в другом здании этого же архитектора исполнено, наоборот, гипертрофией профиля капители классической колонны. Семизэтажный общественный центр Султан-Дарваза (2012 г.) на Шахрисабзской улице создал – как фантастическое видение образ новых Царских ворот Ташкента, имевшего некогда 12 ворот. Предназначенный для офисов и досуга, центр имеет и мемориальное значение: мотив Бахчисарайского фонтана на фасадах напоминает о трагической, в сталинское время, судьбе крымско-татарского народа, нашедшего кров на узбекской земле. Универсальные каноны классицизма в этих зданиях переосмыслены глубже, детальнее и требовательнее, и в них внесены свежие мотивы уже не только узбекистанские, но и дальних стран - законодательниц этого стиля. Классицизм таких зданий не копирует образцы, а расширяет границы, трактуя стиль свободнее и в связи с сегодняшней жизнью. О классицизме таких зданий можно сказать, что он и интеллектуальнее остальных. И это тоже важно для прогресса архитектуры.

255

256

Павильоны республик СССР на Выставке достижений народного хозяйства в Москве В.В.Путин предложил 19 ноября 2010 года сдать на 50-летнюю аренду нынешним странам СНГ в качестве их бизнес-представительств с символической платой 1 рубль в год. Павильон Узбекской ССР (1939-1954 гг., С.Н.Полупанов) в стиле классицизма наш тогдашний архитектурный авторитет Б.Н.Засыпкин признавал как успех, ибо не видел в нём мавританщины и «изолированного решения несуществующего ордера». То есть органичность здания и жизненность его архитектурного ордера приветствовались уже тогда. В подлинной классике архитектурный ордер конструктивен - как в удачно найденном решении мемориала Вечного огня. В классицизме же архитектурный ордер теряет конструктивный смысл и становится украшением, декоративно упорядочивая фасады. В обоих случаях архитектурный ордер является средством совершенствования установившейся традиции, нежели непременно изобретением нового. При синтезе классического и национального архитектуры зачастую отбирают местный исторический тип объёмной композиции, а архитектурный ордер либо приставляется к нему, как в здании Олий Мажлиса, либо декорирует навесные панели фасадов, как во Дворце форумов. В

этой трактовке классицизм консервативен. В архитектуре, тем не менее, преобладает стремление к естественному выражению структуры здания в его облике. Когда в очень редких случаях эту структуру заимствуют из наследия классики, - как А.В.Щусев в театре оперы и балета имени А.Навои (1937-1947 гг.), - успех предрешён. Чаще же синтез структуры и облика архитекторы осуществляют на свой манер, этим и интересны трудности каждого этапа эволюции архитектуры. В этой эволюции оценить по праву мировую классику можно, лишь зная собственную классику. Знание собственной культуры дисциплинирует архитектора внутренне, позволяя ему правильно понять суть классики другой культуры. Это чувство должно стать составляющей характера архитектора. Тогда идущее от сердца внутреннее знание упразднит в процессе творчества консервативные механистичные методы. Это внутреннее понимание, - а не копирование планов, фасадов и деталей, - способно побудить к подлинному синтезу классики Азии и Европы. Классику нужно постигнуть, чтобы затем отринуть, и создавать стиль согласно собственному пониманию и обстоятельствам проектирования. Классицизму присущ украшательский внешний декор, тогда как в классике подлинный смысл слова *decoro* обстоятельнее и солиднее: приличие, достоинство. Вот им - при любых стилевых вариациях - и подчиняется в настоящей архитектуре всё.

Корпоративный стиль

Одновременно с классицизмом набирал силу корпоративный стиль архитектуры, обычный для стран с развитой рыночной экономикой и новый у нас. К середине 1990-х годов индийской корпорацией Тата построены три гостиницы: отель Меридиен в новгородском центре Ташкента в комплексе со зданием Культурно-информационного центра конца 1980-х годов; самаркандский отель Афросиаб на территории некогда цитадели Амира Темура; отель Бухоро (1996 г., М.Вахидов, В.Ципишев, Р.Янбулатов) на территории нового административного центра Бухары. Различны композиции отелей: ступенчатая пирамида Меридиен, распластанные корпуса Афросиаба, мощная вертикаль Бухоро. Стиль корпорации выражен мощными каркасами, крупными объёмами бежевого или оранжевого цветов и контрастирующими на их фоне стеклянными и бетонными скорлупами балконов и карнизов. Такой стиль архитектуры новых отелей, банков, деловых и торговых центров стал свидетельством раскрытия республики миру и её активных экономических взаимосвязей с ним. Здания стиля осуществляются международными строительными корпорациями для функционирующих также в международном масштабе финансовых корпораций. Строительные корпорации через филиалы в разных странах распространяют этот интернационализированный стиль архитектуры.

257

258

Композиционными контрастами и дорогими строительными материалами отличились отель Интерконтиненталь и 23-этажный

(высота 106 м) небоскреб Национального банка Узбекистана, воздвигнутые специалистами проектного института ТашНИИПИгенплан и турецкой корпорации Айсель (1995 г., А.Р.Тохтаев, Ф.Э.Пақдемирли, Э.Яман). Здания являются крайними в полукруге комплекса Узэкспоцентра вдоль проспекта Амира Темура на месте советской Выставки достижений народного хозяйства и парка Победы. За этим Международным торгово-выставочным комплексом распланированы Детский парк на 5000 человек в сутки и Аква-парк на 2000 человек в сутки (1995 г.). При входе в отель – атриум под скатной остеклённой металлической фермой. Здание облицовано полированными светло-серыми плитами с крупной ритмикой на них синего остекления. Сплошные же стены зала конференций перед фасадом выделены оранжевой полосой и коричневыми панелями. Башня Национального банка поднята на квадратном плане с угловыми железобетонными пилонами на всю высоту и со сплошным зелёным остеклением фасадов и кровли. Последняя на каждом фасаде имеет форму арок с аббревиатурой NBU под ними. Остекление фасадов трижды западает по мере спуска вниз. А нижние этажи несколько выступают наружу, контрастируя с геометрией верхней призмы. К сентябрю 1999 года в этом комплексе открылся и торговый центр Ташкент-плаза. Двухэтажная торговая галерея завершена стеклянным атриумом с льющимися от его зенита водными струями. В согласии с типологическим смыслом слова *plaza*, она связывает два городских пространства: площади на проспекте Амира Темура и аллеи перед главным павильоном выставочного комплекса. В апреле 2000 года открылся высотный корпус Бизнес-центра между небоскребом NBU и Ташкент-плаза. Семнадцать этажей монолитного железобетонного каркаса с солнцезащитными и светоотражающими стеклопакетами в алюминиевых переплетах вонзились в небо крупными объёмами, – так в Ташкенте начала XXI века осуществились конструктивистские мечты архитекторов начала XX века. Из общей площади 60000 кв.м, первый этаж отведён для кафе на 180 мест, кафетерия на 200 мест, бара, парикмахерской, химчистки; второй этаж – выставочный зал на 700 кв.м, конференц-зал на 100 мест, услуги почты-телекса-факса; остальные этажи предоставлены международным офисам с современными видами связи.

Корпоративный стиль отразился и в 15-этажном административном здании Центрального банка (1997-1998 гг., А.Черников, Р.Шакиров, А.Тараненко, и др.), построенном на Узбекистанском проспекте. Высотная новостройка блистает колоссальным ордером и монументальной аркой над ним, фоном же им являются голубые и золотистые стеклопакеты. Столичные стили повторились и в областях: вход в Андижанский лицей бытового обслуживания повторил форму стеклянного небоскреба NBU, а арки колледжа в Джалолкудукском районе Андижанской области последовали ташкентским Хокимияту и Бирже. То есть, если народные мастера одухотворяли своим искусством величие столичных построек, то столичные стили стали придавать монументальность архитектуре областей. И в этом смысле стилевой обмен между столицей и областями сблизил технический и смысловой уровни их архитектур.

Отель Марказий (первоначально Шератон) возведён бельгийской корпорацией Буиг в конце 1999 года (архитектор Р.М.Валиев). Его план в форме «галочки» раскрыт к перекрестку проспектов Алишера Навои и Амира Темура. Двадцатизэтажная светло-серая призма имеет гранёные фасады, и через их зеленоватое остекление на город смотрят гостиничные номера на 250 мест. Гранёная композиция выразительна настолько, что с разных точек города воспринимается по-разному. Вестибюль, как и в Интерконтинентале, покрыт остеклённой скатной металлической фермой, а декорирован самаркандскими мотивами. От него стеклянный коридор, огибая банкетную ротонду, ведёт в конференц-зал. Коридор и зал украшены миниатюрами на шёлке – копиями дальневосточных и среднеазиатских оригиналов. Банкетная ротонда покрыта стеклянным куполом, в её центре – небольшой фонтан, стены раздаточной украшены стрельчатыми нишами. Помещения первого этажа открываются в вестибюль стрельчатыми арками с расписными тимпанами. По обе стороны вестибюля поставлены расписные минареты, и левый из них имеет наружную винтовую лестницу на галерею второго этажа. У центральной стены – журчащий фонтан. Стеклянный лифт вылетает из уютного вестибюля наверх над всё более захватывающими панорамами города. Типовые этажи спланированы компактно: площадка перед лифтами и два направления коридора с деревянными панелями стен, лампами освещения на них и миниатюрами о Темуридах. Гостиница имеет открытый и крытый бассейны, сауну, теннисный корт, рестораны, кафе-бар.

259

В марте 2000 года открыт Межбанковский центр финансовых услуг, возведённый по заказу Ассоциации банков Республики Узбекистан югославским архитектором Драганом Манасевичем и корпорацией Энергопроект Холдинг АО. Финансовым организациям в Межбанковском центре предоставляются лизинговые, страховые, информационные, юридические и прочие услуги. Два подземных гаража, атриум в шесть этажей и с рестораном, 12 типовых этажей, 5 лифтов, конференц-зал на 450 мест, кабинеты деловых переговоров, пресс-центр и, наконец, вращающийся ресторан 19-го этажа. Подобно тому, как высотная гостиница Чор Су завершила на западе перспективу улицы Навои, высотный Межбанковский центр завершил перспективу Узбекистанского проспекта. Эти две параллельные улицы идут по северному и южному периметру центральной линейной зоны столицы. Примечательны прототипы стилей этих двух высотных зданий. Гостиница Чор Су 1980-х годов стала копией гостиниц в Лондоне и Бухаресте 1960-1970-х годов с добавлением мотива гигантских стрельчатых арок. Небоскреб Межбанковского центра тоже имеет восточный мотив. Центральная вертикаль его композиции подобна минарету и завершена куполом, на котором установлен шпиль (98,7 м), повторяющий форму знаменитых водонапорных башен Кувейта 1980-х годов. Отель же Марказий своей композицией обязан 40-этажному на 1000 мест токийскому отелю Акасак Принс (1972-1982 гг., К.Танге). Все эти примеры убеждают, что корпоративный стиль откровенно

260

тиражирует достижения новой архитектуры XX века.

Не эмоциональное выражение конструкций, как в начале XX века, а всё чаще стеклянная оболочка становится приоритетом корпоративного стиля. С этой целью и были сброшены навесные бетонные панели с башни Вычислительного центра Академии наук, чтобы каркас призмы обернуть в стеклянную оболочку. Присущий нашему времени культ обёрток потребительских товаров, кино, видео и компьютеризации усилил значение поверхности и знаков на ней. В архитектуре тоже делается акцент на знаках фасадов, на их «чтение». Корпоративный стиль возводит каркасные конструкции, обёртывая их в изысканные оболочки. Он словно следует логике немецких слов *wand* – стена и *gewand* – одежда из ткани. Как одежда для тела, так и в корпоративном стиле используются оболочки для каркаса зданий. Одежда сегодняшнего корпоративного стиля подогнана столь рационально, что её сравнивают с кожей (3). Архитектуре Средней Азии, произошедшей от тканей-перегородок кочевников, весьма близка такая корпоративная концепция одежды и кожи. Важно не свести всё к технизированному украшательству поверхностей, потому что формирование зданиями как интерьеров, так и пространств городской среды остается неизбежным приоритетом. Мировой архитектуре редко удаётся связать блеск корпоративных зданий с местными городами. Выразить в этом общемировом стиле высоких технологий собственную культуру остается вызовом, достойным каждого государства. И по очень простой причине: прогресс архитектуры и, следовательно, лицо страны всегда обеспечиваются освоением новых строительных материалов и конструкций из них. Сейчас подобные стилизации тиражируются в республике. Так, вслед за небоскребом NBU его трижды западающее вниз остекление повторилось на фасадах Олий Мажлис. А идущий от классицизма полукруглый выступ в центре фасада уже превратился в стандарт для многих административных и учебных зданий республики. Корпоративная архитектура способна урбанизировать центры наших городов, подняв их ввысь и наполнив новыми функциями. Но её космополитизм останется очередной модой, если не будет осмысливаться согласно политическим и культурным целям республики.

И классицизм, и корпоративность – это ширмы. Из-за того ли это, что концепция плоскости, декоративного покрывала или даже конструктивной ширмы – при неизменяемых до консерватизма типологиях планов и композиций – исторически характерна для монументальной архитектуры Узбекистана и, следовательно, живуча в нашем сегодняшнем национальном менталитете?

Архитектура жилья

С развитием рыночной экономики государство перестаёт быть в градостроительстве единственным заказчиком, инвестором, исполнителем и гарантом. В жилищном строительстве проблемы легли на плечи самого населения, и это проявилось в повсеместном развитии малозэтажного индивидуального строительства (4). В рыночной экономике жилище - предмет спроса и предложения,

купли и продажи. Наряду с государственным строительством многоэтажных экономичных жилых домов, определялись потенциальные заказчики для новых типов малоэтажного жилья, формировались схемы их финансирования, и совершенствовались методы строительства. Ташкентские эксперименты начались в 1990 году с проектирования институтом СредазНИИТАГ махалли Гулбозор на *шахристане*. На основе советских норм были спроектированы и построены двухэтажные дома проезда Хакикат.

261

Семьи, купившие их, перестроили тесные жилища, указав строителям на необходимость не типового, а индивидуального проектирования. Так и возводили следующий массив Урикзор в Акмал Икрамовском районе. По генеральному плану института Ташгипрогор, на территории 248 га были обеспечены инфраструктура, объекты культурно-бытового обслуживания, детские учреждения, поликлиника, мечеть, махаллинские центры на 2-2,5 тысячи жителей с помещениями для отдыха, клубной работы, массовых мероприятий. Предложенные 15 проектов жилых домов не удовлетворили всех требований застройщиков - нужно было учесть пожелания каждого. Выводом для будущего стала необходимость создания гибкого механизма: застройщик – архитектор - строительная база. Эксперимент, начатый в махалле Гулбозор, был продолжен институтом СредазНИИТАГ совместно с трестом

262

Тошкенттиклиниш в махалле Караташ (1991 г., С.Р.Адылов, В.Н.Бреусенко). Вскоре он был остановлен городским Хокимиятом, начатые строительством малоэтажные дома продали, как ранее в махалле Гулбозор, и застройку района завершили не только 2-3-х, но и 5-этажными жилыми домами (Х.Абдураимов, Р.А.Хайрулдинов, Г.П.Костина).

Республиканские строительные нормы и правила КМК 2.08.01-1994 Жилые здания предписали, что в условиях Узбекистана минимальная норма общей площади на одного человека должна быть не менее 16 кв.м, а высота от пола до потолка не менее 3 м. А к 1996 году индивидуальным застройщикам были разработаны проекты малоэтажных жилых домов для больших семей. Они исходили из того, что быт и уклад жизни больших семей отличаются от быта семей малых и средних. Для больших семей необходима общая комната площадью 30-35 кв.м и гостиная, площадью не менее 30 кв.м. Комфортный быт предполагает благоустроенную кухню, санитарные узлы, надворные подсобные и хозяйственные помещения, такие, как сауна, летняя кухня, *тандырная* для выпечки лепёшек и др. Для быта больших семей с соответствующими жилыми, подсобными и хозяйственными помещениями необходима расчётная общая площадь 25-30 кв.м на одного человека (5). В последовавших 1996-2008 годах объём вводившегося в городах жилья снижался.

263

Если архитектурный облик малоэтажных жилых домов махалли Гулбозор - это осовремененное традиционное узбекское жилище, то для квартала на улице Хусанбаева были спроектированы элитные дома международных стандартов (1999-2000 г., Ф.Ю.Турсунов). Десяток домов из семи типов имеет площадь от 220 до 600 кв.м. Дома разной этажности сблокированы по двое и четверо, с раскрытием на

прилегающие участки. В подвалах - гараж, сауна, тренажёры. Первые этажи - вход с каминным залом, кабинет, столовая и кухня, комната прислуги. Вторые этажи - спальни, которых всего от трёх до шести. Третьи этажи - студия, кухня, плоская используемая кровля. Элитный жилой дом, спроектированный этим же архитектором (2002 г.) для Мирзо-Улугбекского района Ташкента, имеет вход на углу прямоугольного участка, который ведёт в просторный овальный холл типа хорошо проветриваемых *долон*ов народного жилища. Отсюда овальная галерея расходится по обе стороны дома, а прямая дорожка во двор завершается у круглого бассейна. К бассейну открыты, с одной стороны, овальная гостиная и, с другой стороны, кухня при гараже дома. Прямоугольный по периметру и непримечательный извне, этот дом раскрывается внутри уютом своих пластичных пространств. Подобные жилые дома со стремлением к почти барочной свободе композиций возникают и в *махаллях*, как например дом на исторической самаркандской улице Хакикат (2002 г.). И если в Ташкенте свобода вызывает восхищение, то в Самарканде она поднимает проблему сохранения характера исторической застройки этого города.

264

Коттеджи на ташкентской улице имени генерала Узакова и в Кибрайском районе (2007 и 2008 гг., Ш.Ш.Хидоятов) представляют два характерных типа индивидуальных застройщиков. Первый коттедж является минималистским и хорошо знакомым по составу помещений. Второй же исполнен по взыскательному заказу и в национальных традициях: в нём два двора передний парадный и сугубо семейный в глубине дома, оба двора связаны меж собой через кухню с террасой и холл с гостиной, на втором этаже тщательно продумано размещение спален родителей и детей, а также комнаты для гостей.

265,266

Большое внимание в индивидуальных коттеджах стало уделяться главной ценности узбекского жилища – двору. Согласно опросам, многоэтажному дому предпочли традиционный дом 90% опрошенных старше 40 лет, согласились же на многоэтажный дом 10% молодых. В многоэтажном доме не провести обряды для 57% опрошенных, там не заняться огородом для 27%, и в нём не сохранить большую семью для 16% опрошенных (6). К 2006 году, за счёт индивидуальных застройщиков, объём жилищного строительства увеличился, но в целом он продолжал снижаться. Индивидуальное строительство, однако, не решает проблему, обеспечение жильём в городах идёт преимущественно за счёт приобретения населением высвобождаемого старого жилого фонда. Для решения этого аспекта урбанизации необходимы новые подходы и инструменты. И одним из них могло бы стать строительство социального жилья на средства как центрального, так и местного бюджетов (7).

Вкладом в возрождение наших строительных традиций, в реконструкцию и реставрацию исторического наследия стали научные и практические работы Представительства ЮНЕСКО в Узбекистане. Для республики последовательно разрабатывались проекты, и по ним осуществлялись постройки в традиционных для народной архитектуры материалах: *пахсе*, то есть глинобитной стене, и кирпиче-

сырце. Среди таких работ – мастерская натуральных красителей по улице Заркайнар в реконструируемом районе старого Ташкента, а также проекты и постройки в областях республики. ЮНЕСКО издало «Всеобъемлющее руководство» о мировой практике и способах глинобитного строительства (8). Книга иллюстрирована многочисленными

267

глинобитными постройками, осуществлёнными в Узбекистане под руководством Представительства ЮНЕСКО. Одним из ярких примеров возрождения традиционной технологии глинобитного строительства является комплекс Культурного центра Бактрия в Мозори Шариф, Афганистан (2007 г., М.Барри Лейн, С.Кабиллов, Б.Юльчиев, Р.Юсупов). Центр в новом дипломатическом квартале города предназначен для образовательной и культурной активности. Традиционные своды и купола возведены организацией АКТЕД по проекту ЮНЕСКО «Строительные технологии в странах

268

Центральной Азии», а рабочий проект разработан ООО Arx Dizayn San'ati по письму-заказу ЮНЕСКО. Параметры комплекса 33х43м и его средняя высота 6м. Под фундаментами – подготовка из известково-золяного раствора. Фундаменты ленточные из бутовых камней на ганчевом растворе. Цоколь из тёсаных известняковых каменных блоков на ганчевом растворе. Горизонтальная гидроизоляция из пропитанного битумом камыша. Полы из жёжёного кирпича на песчаной подготовке. Интерьеры оштукатурены глиносаманным раствором. Стены из сырцового, а кровля и купола из жёжёного квадратного кирпича. Углы стен усилены пропитанными битумом прокладками из камыша. Антисейсмический пояс из железобетона. Комнаты покрыты куполами на пересекающихся арках, усиленных контрфорсами. Опорное кольцо и сердечники купольного покрытия из железобетона. Есть электричество, водопровод, канализация.

Архитектура сельских районов Узбекистана получила стимул развития в 2009 году, объявленном годом развития и благоустройства села. Застройка районных центров, средних и малых городов и посёлков начала соответствовать происходящим социально-экономическим переменам. Поднялись новые типы общественных зданий, обновлялась архитектура жилища.

269

При соответствии современным стандартам, в планировках жилых домов сохраняются традиции быта населения. За два года реализации Программы строительства на селе индивидуального жилья по типовым проектам, - то есть к двадцатилетию независимости Республики, - комфортное жильё получили более 15 тысяч семей.

В жилых домах средней этажности поначалу были трансформированы секции советского времени. В 4-этажном жилом доме на улице Чехова в Ташкенте (1998 г., С.И.Ешимбетова, И.Р.Хорунов) унаследован тип советской секции, но новы две лоджии и два санузла на квартиру, а также размещение санузлов в торцах квартир. Семизэтажный каркасно-кирпичный дом на улице Д.Кунаева (Ташгипрогор, А.Прицеп) состоит из 3-5-6-комнатных квартир улучшенной планировки, имеет магазины на первом и гаражи в

270

цокольном этажах. Двенадцатиэтажные точечные жилые дома на Нукусской улице Ташкента (2000-2002 гг., В.Н.Бреусенко, А.Острроверхова) разработаны на базе серии 71. В квадрате шириной 21,5 м из 4 квартир кухни расположены по сторонам центральной лестницы и лифта, а общие комнаты расширены до 40 кв.м. трансформирующейся перегородкой спален. Архитектор этих домов В.Н.Бреусенко указал в январе 2004 года на связь жилищного строительства с градостроительством: «Снос осуществляется огромный, а выхода жилья мало. Строящимися серийными 5-этажками земля используется нерационально. Нужны многоэтажки». Высотный жилой комплекс Шедевр с урбанистически впечатляющим обликом (2009-2010 гг., Н.Н.Алимов, Т.М.Расулов) построен на улице Навои из 4 заблокированных башен, в каждой из которых 2 или 3 квартиры группируются вокруг центрального ядра, как в 18-этажных башнях 1980-1984 годов на площади Х.Алимджана в Ташкенте. Восьмиэтажный жилой дом в историческом районе Джангох Ташкента (2009-2011 гг., С.И.Ешимбетова, М.С.Тунеева) имеет санузлы не только против лестничной клетки, как в советских секциях, но и в торцах, а лоджии имеются по обе стороны квартир. В застройке улицы А.Кадыри между улицами Амира Темура и Пушкина (2008-2011 гг., С.И.Ешимбетова, К.А.Миралимов) второй слева (на верхней развёртке) восьмиэтажный дом напоминает советские секции группировки санузлов против лестничной клетки, на фасадах же широко использованы эркеры, снова вошедшие в обиход после рубежа 1920-1930-х годов. Крайне правый (на верхней развёртке) восьмиэтажный дом имеет по 2 и 3 санузла в средней части квартир и *пентхаузы* (*penthouse* жильё улучшенной планировки на верхнем этаже) с просторными общими комнатами и террасами.

271

272

273

274

Пропагандист многоэтажного жилища архитектор У.С.Джаббор указывал на важность трансформации структуры таких домов: «В 2003 году принят генеральный план развития Ташкента. Как и многие города Средней Азии, он почти исчерпал возможность роста из-за ценности сельскохозяйственных земель. Рост, к тому же, удлиняет транспортные и инженерные коммуникации, увеличивая время поездок горожан. В центре секций высотных жилых домов необходимы аэрационные шахты и сообщающиеся с ними холлы квартир, аналогичные *соябонам* 2-3-этажных народных жилищ; над этими холлами – аэросветовые фонари. Даже в штилевую погоду шахты обеспечат вертикальными токами воздуха и сквозным проветриванием» (9).

275,276

Тенденции в жилищном строительстве, наряду с поддержкой, получили и критические замечания Союза архитекторов и Государственного комитета Республики по архитектуре и строительству: «Необходимо обеспечить достаточно высокую плотность строительства жилых домов с объектами обслуживания. Участки для индивидуального жилья должны быть в пределах 0,4-0,6 сотки. Могут быть

использованы как традиционные *солябаны*, так и дворики - зимние сады или двух-трёхсветные вестибюли для пассивного гелиотеплообеспечения» (10). «В последние годы применение таких строительных материалов, как алюкапон, алютекс, гипсокартон, металлочерепица, сопровождается иногда такой нежелательной тенденцией, как строительство псевдоготических остроконечных чердачных крыш, башенок, игнорируя замечательные традиции народного жилища. Архитектурные вузы республики недостаточно обращают на это внимание, а архитекторы-проектировщики на местах не занимаются повышением квалификации» (11).

Учебные здания

Изменилась архитектура учебных заведений для молодого поколения, составляющего более 70% населения республики. В осуществление Национальной программы по подготовке кадров в 1997-2005 годы прошло несколько этапов конкурсов на проекты колледжей и лицеев, которые были довершены как базовые институтом УзЛИТИ. В феврале 1998 года Министерством высшего образования утверждены «Основные положения по проектированию академических лицеев и профессиональных колледжей». Под руководством Госкомархитектстроя, АО УзЛИТИ были разработаны базовые проекты для привязки в городах и населенных пунктах республики, рабочие же чертежи колледжей разного профиля и вместимости разработаны институтом Ташгипрогор. В трёх-четырёхэтажных колледжах и лицеях из отдельных блоков вокруг двора или атриума получившим девятилетнее

образование учащимся преподаётся профессиональная подготовка.

277

Академические лицеи предназначены для 375, 600, 825 и 1050 учащихся. Лицеи трёхэтажные, в монолитном каркасе и кирпичных стенах. Архитектура блочная, с восьмигранным портиком фасада, ведущего в вестибюль с расположенными по его сторонам кабинетами, лабораториями и помещениями занятий. Ядром здания является его двор, и замыкает композицию общественный блок со столовой на первом этаже и спортивным залом на втором этаже. Лицей для 375, 600 и 825 учащихся имеет Т-образный план с гранёным портиком входа. Самый крупный академический лицей на 1050 учащихся состоит из пяти отдельных блоков, имеет план в форме буквы Ш из пяти корпусов с аркадами на главном фасаде. В каждом из планов выделяется широкий корпус актового, спортивного залов и столовой, узкие корпуса аудиторий с коридорной планировкой, и расположенные между ними фойе или внутренние дворы. В 1999 году лицеи построены в Ташкенте, Фергане, Андижане, Термезе, Джизаке, Ургенче. Одним из первых стал построенный на месте пионерлагеря Костёр Строительно-коммунальный лицей на 600 мест по улице Уйгура Акмал-Икрамовского района Ташкента. Это четырёхэтажное с подвалом здание (Р.Искандаров, Л.Сердюк, и др.) имеет на третьем этаже дворики выставок строительных материалов и макетов, покрытые металлическими фермами и прозрачными листами лексана. Введённый в строй в начале 2000 года Андижанский профессиональный лицей бытового

обслуживания на 300 учащихся (Т.Максумов, А.Ракутин, и др.) обращён на центральную улицу Навои. Он состоит из трёхэтажных корпусов, и их светлые плоскости над входом главного фасада прерваны выступающей вперёд и вверх стеклянной башней со скатной кровлей. Это подражание небоскребу NBU в Ташкенте. А трёхэтажный протяженный фасад колледжа на 300 учащихся в центре Джалолкудукского района Андижанской области разбит аркадами наподобие ташкентских зданий архитектора Ф.Турсунова. Так некрупная архитектура областных лицеев и колледжей заимствовала монументальность столичных объектов. В марте 2000 года сдан в эксплуатацию расположенный в Шейхантаурской части Ташкента академический лицей при Университете мировой экономики и дипломатии. Четырёхэтажный лицей на 825 учащихся оснащён учебными средствами, имеет лекционные аудитории, зал заседаний, столовую, спортзалы и площадки. Наряду с новыми зданиями, для академических лицеев реконструируются существующие и приспособляются незавершённые строительством. Предстоит уточнение состава и площадей лицеев и колледжей в соответствии с реальными учебными планами, а также совершенствование технико-экономических показателей зданий (12).

Указом Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова от 21 мая 2004 г., Национальная программа школьного образования на 2004-2009 годы охватила выпускников 9-х классов системой профессионального образования для овладения ими и среднего образования, и профессии. Госархитектстрой и институт УзЛИТИ с другими институтами разработали нормы проектирования и типовые проекты общеобразовательных школ-девятилеток и школ-интернатов на 27 классов и 945 учащихся (13). Если школы 1960-х годов имели лаборатории естественных наук, трудовые мастерские, актовый и спортивный залы, столовые, то школы 1970-х годов, в соответствии с их экспериментальными программами, имели плавательные бассейны. Школы же 1980-х годов для 11-летнего образования и обучения с 6-летнего возраста имели кабинетную, с техническими средствами, систему обучения, а также группы продлённого дня для физического и творческого развития детей. Класс до 60 кв. м. рассчитывался на 30 учащихся. В начале XXI века многие школы были переуплотнены, занятия проводились в 1,5-2 смены, классы наполнялись до 40-45 учащихся вместо 30-35. В 2005-2010 годы в Ташкенте общеобразовательные школы-9-летки планировались из расчёта 150-160 учащихся на 1000 человек населения (14). Коллективом УзЛИТИ (Ходжаев С.А., Мухамедшин Л.А., Зимакова Т.П., и др.) были выработаны Ведомственные строительные нормы проектирования – ВСН 1-04 Общеобразовательные школы и школы-интернаты, утверждённые Министерством народного образования Республики Узбекистан. Типовой проект городской общеобразовательной школы разработан на три потока учащихся 1-9 классов, каждый на 35 учащихся, всего 27 классов на 945 учащихся. Учебные, административные и бытовые помещения – в 3-этажном корпусе с внутренним двором. За ним – 2-этажный корпус с залом. На первом этаже – учебные мастерские и столовая. На втором этаже – актовый зал и спортивные большой и малый залы (15).

279

По заказу Министерства культуры и спорта в результате большого конкурса спроектировано и построено новое здание Консерватории (1996-2002 гг. архитектор В.Л.Спивак). Строительство финансировалось также Хокимиятом Ташкента. Каркас протяжённого пятиэтажного здания усилен согласно сейсмическим требованиям. Конкурсные варианты предлагали для здания один зал. Замыслив Консерваторию как храм искусств, В.Л.Спивак добавил три дополнительных зала. В целом в здании четыре зала: самый большой оперный, органный, экспериментальный и малый. Они с прочими помещениями сгруппированы вокруг атриумов Т-образного плана. Интерьеры украшены произведениями монументально-декоративного искусства.

280

В республике становится больше учреждений высшего образования, функционирующих совместно с ведущими зарубежными университетами. В целях дальнейшего развития и совершенствования подготовки специалистов с высшим образованием для высокотехнологических отраслей промышленности, гражданского и промышленного проектирования и строительства на уровне передовых образовательных стандартов, расширения международного сотрудничества в сфере высшего образования в 2009 году открыт Туринский политехнический университет (ОАО Ташгипрогор, У.А.Музаффаров, М.С.Тунеева). Строительство вели АК Узавтосаноат и проектная организация ОАО Ташгипрогор. Главный вход расположен с малой кольцевой автодороги столицы, со стороны 4-этажного учебного корпуса и 7-этажного административного блока. К административному блоку пристроены вестибюль, две аудитории и библиотека. С севера административного блока находится спортивный блок с 3-этажным корпусом.

281

В 2009 году открыт новый корпус в комплексе Исламского университета в Ташкенте. Университет расположен между улицами А.Навои и А.Кадыри и занимает построенные в разные годы и даже века здания квартала на месте древнего Шейхантаурского кладбища. Так, в комплекс университета вошли: мавзолей Юнусхана XV века, рассматривавшееся нами здание Кооперативного техникума 1927 года и здание Института реставрации 1970-х годов. По одной линии с последним зданием и расположился новый корпус Исламского университета, обратившись фасадом к бульвару А.Кадыри. Фасады обоих зданий исполнены в открытой кирпичной кладке, но в сравнении с советским зданием 1970-х годов в парадном входном здании Исламского университета вариация национального стиля дана детально и в цвете, в центре фасада возвышается *пештак*, а за ним - ребристый купол в стиле мавзолея Гури Амир.

Претворяя в жизнь Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 27 мая 1999 года «О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта Узбекистана» и Указ Президента Республики Узбекистан от 24 октября 2002 года «О создании фонда развития спорта», во всех областях республики построены спорткомплексы, теннисные корты, плавательные бассейны, детские спортивные

сооружения. Регулярно проводимые в Ташкенте международные соревнования по теннису на Кубок Президента способствовали популяризации этого вида спорта и строительству кортов в Андижане, Намангане, Карши и других городах. За открытыми кортами Юнусабадского спорткомплекса построен крытый универсальный корт с трибунами на 3000 зрителей (1997 г., В.А.Акопджанян). Ко Дню независимости в 1999 году в Бухаре для городских и международных турниров открыт теннисный комплекс Хумо с крытым залом на 250 мест и открытым стадионом на 500 мест, тренажёрным залом, массажными, здравпунктом, сауной и фитобаром. Металлический каркас стен и потолка оставлен открытым в интерьере крытого зала - так необрутализм - грубый стиль Англии середины XX века к его концу пришёл и в древнюю Бухару.

Реконструкции

В колониальном городе Ташкента его утраченную после землетрясения 1966 года средю попытались воссоздать в районе улицы Сайилгох. На ней, некогда плотно застроенной и бурлившей жизнью, осталось три-четыре здания и вековые деревья вдоль тротуаров. Комплекс ресторанов Зарафшан (1982 г., В.Л.Спивак) раскрылся на эти улицы играющими светом и тенью галереями и *айванами*. Напротив, вокруг внутреннего двора с фонарём верхнего освещения, возведён магазин Совпластитал (1997 г., С.М.Сутягин). Его фасады украшены аркадой первого этажа, квадратными окнами второго, арочными сдвоенными окнами третьего, а также угловой башенкой с часами. Фасады из керамики зелёного цвета объединяют здание с листвой деревьев на улице. Этот пост-модернистский стиль повторен в соседнем магазине (1998 г., В.Н.Бреусенко). Колониального времени и со 120-метровой длины фасадом пассаж купца первой гильдии Орифходжи (1897-1910 гг.) возрождён в протяженном Столичном торговом центре на соседней улице Матбуотчилар (1997-2010 гг., В.Н.Бреусенко). Подобные примеры воссоздания функций, пространств и стиля воскрешают утраченный город, обогащают сегодняшнюю жизнь и потому заслуживают внимания и поддержки.

Реставрированы несколько крупных зданий Ташкента рубежа XIX-XX веков. Здание Мариинского училища (1910 г., Г.М.Сваричевский) на углу улиц Ахунбабаева и Гоголя реконструировано для Посольства Франции архитектором Кристианом Гийёмом. Сохранены кирпичные фасады, внутренние же конструкции заменены современными. Фасады конструктивно укреплены, с них убраны излишний декор и надписи из кирпича, они расчищены и в ночное время подсвечены лампами газонов. Металлические оконные проёмы с коричневатым стеклом и новый подвесной стеклянный навес над угловым главным входом усилили стиль здания. Этот блестящий образец архитектурного обновления вдохновлял местных строителей в реконструкции колониального периода зданий Финансовой академии на улице Х.Алимджана и Юридического института на сквере Амира Темура. Другое, 1906 года, здание Г.М.Сваричевского с элементами стиля модерн – аптекарский магазин фирмы

Филипп Каплан и сыновья на углу улиц Шахрисабзской и Мустакиллик – реставрирован с пристройкой к нему корпуса в аналогичном стиле. В зданиях теперь находится Ипотека-Банк, и его новый корпус (архитектор З.Ю.Абдуганиева, Ташгипрогор) повторил архитектуру Г.М.Сваричевского – только простенки шире между окнами с характерными круглыми проёмами-люкарнами. Новый корпус имеет свой центральный вход с двухколонным порталом и связан со старым зданием арочным проездом во двор. В прошлом здание имело характерный для той эпохи голубой цвет, ныне оно и его новый корпус бежево-золотистые. Подражание стилю модерн аптеки начала XX века в стиле пост-модернизм конца XX века оказалось, таким образом, уместным. Стилевое единство было продолжено на западе этого ряда застройки в помпезном здании Bank Land начала XXI века. Здание розового, голубого и золотистого цветов с протяжёнными мезонинами и люкарнами 4-го и 5-го и верхнего 6-го этажей. Над угловым входом вознесены похожие на минареты стволы с куполами, как над Межбанковским центром. В 2012 году помпа здания сменена на ставший стандартом стиль плоскостного классицизма с романскими арками и порталами.

С первых лет независимости Министерство внешнеэкономических связей республики, занимало некрупное обновлённое здание на улице Буюк Ипак Йули, и в марте 2000 года вселилось в реконструированное для него здание Реального училища (1898 г., В.С.Гейцельман). Это распластанное в форме буквы Н и солидно выстроенное кирпичное здание с несколькими дворами открыто на городской перекресток представительной площадкой перед главным фасадом. По соседству расположены Центральный банк, Представительство ООН, районный хокимият и прочие городские, республиканские и международные организации.

Мемориалы

Крупнейшими событиями в обращении республики к духовным истокам стали проводившиеся в республике с 1994 года мероприятия, посвящённые 660-летию Амира Темура, 600-летию Мирзо Улугбека, 1225-летию Имама Аль-Бухари, 1200-летию Ахмада Аль-Фаргони, 900-летию Абдухолика Гиждуваний, 600-летию Ходжа Ахрора Вали, 2500-летию Бухары, Хивы и Термеза, 2700-летию Шахрисабза и Карши, 2750-летию Самарканда, 2000-летию Маргилана, 2200-летию Ташкента. Мероприятия одобрены решениями сессий Генеральной конференции ЮНЕСКО (16). В начале 1998 года, с президентского одобрения архитектурных проектов двух комплексов, за рекордно короткие восемь месяцев методами народной стройки возведены мемориалы Аль-Бухари в селении Хартанг Самаркандской области и Аль-Фаргони в 1,5 км от районного центра Кувы. От прежнего комплекса в селении Хартанг сохранены захоронение, водоём и пять чинар во дворе. Территория нового комплекса составляет 10 га. Квадратный двор имеет четыре газона в соответствии с традицией сада чор-баг. К старому водоёму среди чинар симметрично спланирован

новый. По одну сторону двора – крытая металлическими фермами мечеть на 800 человек 30 х 20 метров в плане. Мечеть с *айваном* перед ней вмещает до 1500 молящихся. По другую сторону – зал приёмов на 100-150 человек с библиотекой и столовой. При входе во двор – администрация и несколько апартаментов для кратковременного отдыха. Колонные *айваны* двора завершены по главной оси комплекса павильоном над могилой Имама Аль-Бухари. Комплекс в Куве находится между магистралью в районный центр и территорией древнего *шахристана* с участками археологических раскопок. Восстановлена зубчатая крепостная стена *шахристана*, и на её фоне распланирован сад протяженностью 350 метров с фонтанами по оси. Отсюда к центральному возвышению *шахристана* и павильону со статуей Аль-Фаргони ведут две овальные в плане лестницы. Планировался и музей, строительство которого отложено до укомплектования экспозиции материалами, значительная часть которых находится в Египте. Комплексы в Хартанге и Куве построены в традициях национальной архитектуры: на сочетаниях порталов, арок, куполов и *айванов*. Древесина колонн *айванов*, кирпич стеновой кладки, облицовочный мрамор и мощение известняком выдержаны в традиционной серо-бежевой гамме. Павильоны обоих комплексов схожи, имеют купола диаметром 9 метров и высоты 17 метров. Купола дюралюминиевые, штампованные и окрашены в бирюзовый цвет; купол над могилой имама Аль-Бухари облицован керамикой. Портал же – светло-зелёным ониксом из Ирана. Оникс портала, трёхслойный резной рельеф дверей мечети, капители и базы колонн в павильоне Аль-Фаргони вдохновлены образцами мавзолея Гури Амир. Сталактиты-*мукарнас* порталов комплекса Аль-Бухари выполнены в гипсе самаркандским мастером среднего поколения по своим чертежам, до этого полагали, что древняя техника построения *мукарнас* утрачена. Расписные *айваны* с резными колоннами и резьбой по ганчу выполнены народными мастерами из областей Ферганской долины. Бригады мастеров под руководством архитектора А.Турдиева лишь в пределах «трёх-пяти процентов» считали возможным новаторство. Такой метод создал мемориальную архитектуру, идущую от истоков народного искусства, человечную и лишённую надменной монументальности.

5 ноября 1999 года в Ургенче, на берегу канала Шават, открыт мемориал 800-летия полководца и государственного деятеля Джалолиддина Мангуберди. К центральному фонтану обращены две колонные галереи, они объединены аркой с ребристым зелёным куполом, охваченным внизу белым кольцевым карнизом. Центр мемориала поставленная на символический кочевнический курган скульптура султана Джалолиддина, его рука - на рукояти меча. Одиннадцатилетняя борьба султана с ордами Чингизхана вошла в мировую историю. Его пример борьбы за свободу, как отметил Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов, был продолжен столетие спустя Амиром Темуром, «освободившим нашу землю от захватчиков и образовавшим мощное централизованное государство» (17). На большой территории мемориала расположены теннисный корт, Аква-парк, павильоны с куполами, как на ташкентской площади Мустакиллик, и навесы. В дни празднования юбилея

Мангуберды на автостраде между аэропортом и городом Ургенч открыты мемориальные сады Аль-Хорезми и Аль-Беруни с символическими мавзолеями этих учёных. Другой крупный памятник, посвящённый 1000-летию *достона* Алпомыш, открыт в Термезе 6 ноября этого же года. С птицей счастья Хумо в одной руке и луком с другой, скульптура Алпомышы возвышается на колонне, у подножия которой декоративные рельефы воспроизводят персонажей *достона*. В новый комплекс городского парка вошли также сцена для празднеств с восемью открытыми и закрытыми теннисными кортами по одну сторону и городским рынком - по другую. В ноябре этого же 1999 года, в Хорезмской области народными мастерами в саду имени поэта Огахи построен его мавзолей из современного кирпича с порталом входной арки, расположенным за ним кубообразным помещением, гранёным барабаном и венчающим куполом.

Комплекс мавзолея Абу Мансура Аль-Матуриди возведён в Самарканде в парке между улицами Бухоро, Гиждуван и Вабкент (2002 г., Р.О.Салахудинов, УзЛИТИ градостроительства). У западных ворот расположены помещения администрации и комнаты омовения. Три *айвана* обращены к мавзолею с кубическим объёмом мавзолея Саманидов и ребристым куполом Гури Амира. Беломраморные колонны в углах, три полосы сталактитов по верху и П-образный портал в центре каждого фасада. Бирюзовая керамика выделяется на фоне жёлтого кирпича стен.

Таким образом, ребристый купол Гури Амира впервые воспарил в Ташкенте над павильоном Национального парка имени Навои. Через три года - над музеем Темуридов, и ещё через год - над Хокимиятом. Ребристые купола комплексов аль-Бухари и аль-Фаргони дюралюминиевые, штампованные окрашены в бирюзовый цвет. Серебристым гладким куполом завершён небоскрёб Межбанковского центра. Ребристый и зелёный купол ургенчского мемориала 800-летия султана Джалолиддина Мангуберди, мужественное сопротивление которого ордам Чингизхана вошло в мировую историю, схож с кочевнической шапкой, как и символический кочевнический курган, на который поставлена скульптура султана с мечом. Затем ребристый бирюзовый купол на колоннах возведён над Мемориалом *шахидам*, и снова в родном Самарканде над мавзолеем Матуриди. Так происходила трансформация этого символа в зависимости от контекста.

Медресе и мечети

Самое крупное в Ташкенте медресе Саид Абул-Касыма (XIX в.) впервые обследовано в 1970-е годы. Реставрированное, оно введено в ансамбль Национального парка имени Алишера Навои как Дом пропаганды памятников истории и культуры Узбекистана. Медресе Кукельдаш (XVI в.) на площади Чорсу сохранилось ко времени независимости полуразрушенным и захлапленным. Его стены и купола отстроены, *худжры* расчищены и обжиты. Мечеть Джами (XV в.) является единственной в Ташкенте пятничной мечетью дворового типа и дошла до независимости со следами европеизированной реставрации конца XIX века. В 1998-

1999 годы она полностью перестроена (А.Турдиев, К.Шорахмедов). Над холмом *шахристана* старого Ташкента вознеслись серебристые, в металлических листах, купола её трёх молельных залов: центрального размером 18х18 метров и боковых 15х15 метров. Покрытия залов конструктивно новы: два сужающихся кольца металлических ферм обеспечивают переход от периметра каждого зала к диаметру купола.

284

В районах жилой застройки новые мечети построены на месте зачехнувших советских центров, таких, как зимние или летние кинотеатры. Последний в завершении протяжённой ташкентской улицы имени Сабира Рахимова был снесен, и на его месте построена пятничная мечеть Умар бин Хаттоб (1992 г.). Финансировавшаяся узбеком, гражданином Кувейта, мечеть имеет просторный восьмигранный молельный зал и позади него дворик с библиотекой, административными и хозяйственными комнатами. На улицу обращены купол зала, два минарета и ворота. Мечети возводятся в общественных центрах новых районов. Центр, названный *гузаром* махалли Караташ Ташкента, состоит из просторного и светлого зала собраний и торжеств, кухни, магазина, аптеки и небольшой мечети. Многие ташкентские *гузары* построены на городских магистралях (*гузары* Нур, NBU, Урда, 1998 г.) и имеют модернистскую архитектуру (*гузар* Истиклол, 1999 г.).

На месте обветшавшей мечети ташкентского кладбища Кукча построена Джума-мечеть *шайха* Зайнуддина-бобо (1998 г., А.Турдиев, К.Х.Мухамеджанов). Мечеть обращена на перекрёсток и хорошо воспринимается с улиц. На них открыты два портала двора, в глубине которого третья ворота ведут на аллею кладбища к мавзолею *шайха* Зайнуддина-бобо (XII-XIX вв.). С юга-запада обнесённого аркадами двора высятся главный корпус с тремя залами, боковыми галереями над ними и просторным подвальный залом для молитвы. Центральный зал размером 24х24 метра покрыт куполом диаметром 22 и высотой 30 метров. Он покоится на таких же кольцах металлических ферм, что и в Джума-мечети *шахристана*. Минарет к югу от главного корпуса имеет высоту 50 метров, и стиль его близок арабским типам. Интерьеры залов белые с фрагментами ганчевой геометрической и растительной резьбы по зеркалу и с подкупольными сталактитами. Фасады выполнены в светло-серой штукатурке. Порталы ворот и главного корпуса облицованы серо-голубым мрамором. Их тимпаны в тёмно-синей, тёмно-зелёной и сине-зелёной керамике заполнены мелким орнаментальным фоном, на котором крупно выведены арабские надписи. Здание мечети обращено во двор стоечно-балочной колоннадой с угловым ступенчатым переходом от колонн к балкам. Стоечно-балочная система новой архитектуры здесь заменила традиционную стрельчато-арочную. Аналогично действовал и великий реформатор Темуридов Индии Акбар в новаторской архитектуре дворцового комплекса Фотихпур Сикри, его новшество распространилось в архитектуре той страны, что и запечатлено индийской миниатюрой школы Мальва 1680 года. Возникнув в Джума-мечети *шайха* Зайнуддина-бобо, стоечно-балочная система с угловым ступенчатым переходом от колонн к балке трансформировалась в

285

декорированные углы Арки доброты – колоннады, открывшей с 2009 года доступ на центральную торжественную ось площади Мустакиллик. Вот так вековые средства выразительности архитектуры становились новаторскими.

На рубеже XX-XXI веков по-новому решённые соборные мечети поднялись в центре микрорайона-*махалля* Ц-27 Ташкента и на периферии города Навои, причём во втором примере свежести решения способствовала восьмигранная планировка мечети (Турматов А.С., 2004-2006 гг.). С реконструкцией, с 2006 года, мемориального комплекса Хазрати Имом в Ташкенте здесь построена соборная мечеть этого же названия. Её П-образный план охватывает двор посредством высоких колонных *айванов* и обращён к выпрямленной и расширенной Карасарайской улице тремя порталами, являющимися собой новые варианты традиционного *пештака*. Два минарета высотой 54 метра возвышаются по сторонам главного фасада, а над зданием – два голубых купола, изысканно расписанные в интерьере большого молельного зала. Тектоника остальных трёх фасадов мечети исполнена сугубо традиционными членениями порталов, арочных ниш и керамических фрагментов – для гармонии с окружающими историческими постройками комплекса.

286

Возрождение архитектуры мечетей началось с периода независимости Узбекистана и к своему двадцатилетию Республика насчитывала две тысячи функционирующих мечетей.

Сады и парки

Одним из первых в пригороде Андижана на возвышенности, открытой ветрам с окружающих полей и гор, был сооружен Боги Бобур: здесь любил отдыхать будущий основатель империи Темуридов Индии. Посередине возвышенности построен мемориал, на вершину сада ведёт канатная дорога, и там, в тени деревьев - много мест отдыха с очагами для приготовления национальных блюд. В парках советского и даже колониального периодов были снесены архаичные сооружения, расчищены и перепланированы территории, построены сооружения из новейших материалов и конструкций.

287-288

Неузнаваемо изменился ташкентский парк имени Бобура, раньше имени Кирова. Бывший сквер Революции лишился кафе Дружба и Буратино, а также крошечного цветочного павильона купца Филатова, чудом уцелевшего ещё с колониальных ярмарок. Новый сквер Амира Темура стал обозреваемым, его украсили несколько фонтанов с чашами из нуратинского мрамора, а с возведением Дворца форумов Узбекистан сквер раскрыл виды на него. Соседний парк за зданием городского Хожимията, ныне банка, тоже стал просторнее, чище и тише, располагая к спокойному отдыху.

В 1999 году реконструирован парк имени Тельмана, переименованный в Боги Эрам: архитектор Н.Зацерковная обновила сложный рельеф парка и ввела новые

павильоны. В Термезе всегда стремились смягчить климат лета каналами и водоёмами и, по рекомендации Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова в июне 1999 года, газоны вокруг них благоустроены малыми архитектурными формами. Этому последовали и в Коканде к празднику независимости 2000 года: сады имени Муками и Фуркат обогатились амфитеатром, павильонами бассейнов и Аква-парком.

Независимость преобразила архитектуру Узбекистана. Нация утвердила себя и проявила способность создавать разнообразную архитектуру. Её зодчество в буквальном смысле стряхнуло с себя шелуху строительной отсталости советской провинции. Тяжеловесные железобетонные фасады сброшены ради новейших каркасных решений и вариантов их панелей. Заявил о себе новый стиль – пространственной ясности, регулярных планов, геометрической чистоты поверхностей, лёгких и прозрачных конструкций, новых типов зданий и нового отношения к историческим городам и памятникам прошлого, новой монументальности в духе свойственной мусульманской культуре сдержанности. Участие народных мастеров одухотворило монументальность корпоративных построек, а столичные стили технически совершенствовали архитектуру областей. Такой стилевой обмен между столицей и областями способствовал сближению уровней их архитектуры. На земле Узбекистана великие культуры достигали апогея своего развития и оказывали благотворное влияние на соседние и отдалённые страны. Продолжила такую эволюцию и новая архитектура Республики Узбекистан. Здесь, как нигде в мире, в лоне наследия зрелой исламской архитектуры и градостроительства проходил процесс становления и интенсивного развития новой архитектуры. Благодаря этой уникальной практике новая архитектура и градостроительство накопили исключительно ценный опыт перехода от прошлого к настоящему. Прогресс архитектуры, отношение к прошлому и его интерпретация зависят от конкретного на данном этапе социального заказа, который необходимо качественно реализовать при условии широкого кругозора архитекторов и возможностей строительной индустрии. Следует повысить роль архитекторов в процессе государственного строительства, чтобы независимая республика продолжила прогрессивные достижения своих выдающихся зодчих прошлого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ

XV-XIX

После Средневековья и Возрождения, новая - с 1450 года – история мира стала таковой и для Средней Азии, ибо в ней империю Темура сменило узбекское государство Шейбанидов, и до установления российской и советской империй оставалось четыре века. В этот межимперский период XV-XIX веков вместе с новой историей зачиналась и новая архитектура Узбекистана. Начало ей заложила общность городов Темура с планировкой городов итальянского Возрождения. Города Балх и Самарканд зримо отличились от типологий тогдашних среднеазиатских городов, поскольку были спланированы согласно идеальному городу зодчего Витрувия и колыбели Возрождения - Флоренции. Среднеазиатский город XV-XVII веков вырастал, из *шахристана*, двустенного *рабата*, и принимая идеалы итальянского Возрождения, в новый тип города с общественными и промышленными центрами за его стенами и с резервировавшимися для их развития землями. Одновременно распространяющуюся во всём мире итальянским Возрождением модель центричного храма, символизировавшего единство государства и религии, приняли и в Ташкенте для мавзолеев Юнус Хана, Суюнидж Хана, Зайниддина Бобо, Каффала Шоши, а в Бухаре - для *хонакох* Косим Шайха.

С открытием Европой торговых путей через Атлантику прежние связи по Великому шелковому пути через Среднюю Азию теряли былое значение. Города Средней Азии уже не росли так стремительно, как прежде, и не планировались столь грандиозно. Они стали вырастать осмотрительно, в небольших масштабах, «шаг за шагом», «методом проб». Иррегулярному росту городов в эти века были свойственны, тем не менее, свои закономерности. Главной закономерностью стал рост городов в пределах свойственных человеку пешеходных параметров. С XVI века Бухара росла и усложнялась в связи с классовым делением. В её геометрическом центре поднялся торговый купол Токи Заргарон, и концентрическая улица на юге в радиусе 700 метров от него стала планировочной осью многочисленных кварталов купцов и ремесленников. В Самарканде, тоже, в радиусе 700 метров на восток от Регистана, возникло большинство квартальных центров. В том же параметре на севере Ташкента радиальные улицы соединялись концентрическими квартальными улочками. Если радиальные квартальные улицы дублировали главные городские улицы, то концентрические связывали последние, способствуя быстрым связям, чем поныне пользуются автомобилисты. Оба типа улиц помогали кварталам обособиться от разраставшегося и становившегося шумным города, и поэтому в их квартальных центрах поныне сохранился истинно местный быт горожан. В пригородах же возникали кварталы нового типа - центры духовно обновлявшейся жизни. В Ташкенте XVI века «Сад Кейкавус» в темуридских традициях распланировали вдоль арыка Калковуз и концентрических улиц. Попеременный, по странам света, рост городов XV-XVII веков чётко завершился в Хиве XVIII-XIX веков. В её росте проникавшие в

край русские фиксировали попеременные широтные и меридиональные направления. Этим методом исторические города Узбекистана наращивали свою территорию. Обращённый к Мекке запад наших городов являлся приоритетным в их планировке. Сначала Бухара и затем Хива выросли в этом направлении на 2500 метров.

Рост городов осуществлялся по закономерным пешеходным параметрам. В их пределах с древнейших времён формировались города Евразийского коридора. В этом проявлялась саморегуляция, то есть неписанные правила 10-15-минутной временной нормы движения пешком и, как подтвердится в XX веке, на транспорте тоже. Пешком – это 1200-1500 метров. В этой норме проявилось свойственное биологии человека самоограничение, существовавшее всегда по мере перехода людей от пешеходных к новым видам передвижений. Обращение к планировочным закономерностям пешеходных параметров станет в XX-XXI веках характерным для нового градостроительства в его поисках первопричины своеобразия исторических городов.

XIX-XX

Россия изменила на рубеже XIX-XX веков европейские модели города и образцы архитектуры применительно к условиям Туркестанского края. Шахматный план являлся военным со времён античности, но вскоре таким стал и радиально-секторный план. «Прираставшая Сибирью», Россия строила на её просторах радиально-секторные города под защитой крепости: для контроля и обстрела. Крепости с улицами-лучами в город были привнесены в Туркестанский край. Русский город поначалу планировался внутри крепостных стен, но вскоре раскрепостился, стал расти, и вырос, согласно градостроительной закономерности, до пешеходного радиуса 1500 метров. От города-крепости отказались сначала в пользу шахматной планировки. Однако вновь осознав необходимость контроля, город спланировали радиально-полукольцевым, без крепостных стен и намного большим. Стратегией была связь с местным старым городом, поэтому одна из улиц нового русского города вела в его центр. Выводы из планировки Ташкента учли в Самарканде, где крепость сразу разместили в цитадели Темура посреди двух городов. Планировка русских городов вскоре утратила военный характер, и улица в старый город стала хозяйственной артерией для поставок сырья к железной дороге и далее в метрополию. Построенная на самой высокой точке оси радиальной улицы нового Ташкента церковь Сергия Радонежского в 1500 метрах от центрального сквера отметила границу города. Со строительством этого ориентира завершилась эволюция заимствованного из Европы радиально-кольцевого плана в пределах пешеходного радиуса 1500 метров. Тишину колониального Ташкента нарушали редкие повозки, тогда как переполненные транспортом столицы Европы и Америки росли радиально-кольцевыми городами-садами на периферийных железнодорожных и автомобильных дорогах. В планировку крупных столиц стали вводить подобные радиальные улицы с тем же пешеходным радиусом 1500 м. Но на их многолучевых

перекрестках путались водители транспорта, и потому города снова стали планировать шахматными, как в США.

Европа и Россия воспринимали Восток через культуры арабской Испании и Византии, и выразилось это в так называемом мавританском стиле архитектуры, который при очевидном упадке российской архитектуры рубежа XIX-XX веков позволял зодчим оживить здания экзотикой Востока. В Туркестане этот стиль обогащали местными мотивами. Европа и Россия учились у Испании и новаторской трактовке готического стиля, рождённого там благодаря мусульманскому Востоку. Два десятилетия спустя после строительства в Барселоне великим Антонио Гауди Колледжа сестёр Святой Терезы с новаторскими параболическими арками, в новом городе Ташкента Г.М.Сваричевский построил схожее здание Второй женской гимназии. Ташкент старались строить, не уступая тогдашней Европе типологически, конструктивно и стилистически.

Вводились в строй кирпичные заводы, с начала XX века применяли железобетон, были изданы правила постройки «массивных казённых зданий в землетрясительных районах», рациональное строительство диктовалось проникавшим в край стилем модерн с его стремлением к органичности функции, конструкции и формы. Новые города занимали в градостроительном и архитектурном отношениях активную позицию по отношению к старым. Народные мастера теряли прежнюю роль строителя-универсала, превращаясь в отделочников, а градостроительство и архитектура определялась новыми специалистами европейского образования. Железная дорога Красноводск – Ташкент - Оренбург стала достижением тогдашней науки и техники. К концу XIX века диаметр нового Ташкента вырос в два с половиной раза. В начале XX века в Ташкенте проложили бельгийскую конно-железную дорогу, затем появились первые автомобили, и бельгийцы на базе конки проложили узкоколейный трамвай.

Имперской столице Санкт-Петербургу надлежало иметь главные святыни всех своих религий. И, по настоянию эмира Бухары, крупнейшая в Европе соборная мечеть, - сегодня она четвёртая, с первыми тремя тоже в России, - была построена близ Петропавловского собора в стиле северного модерна.

1917-1933

В 1917-1923 годах в условиях войны, интервенции, разрухи оживала новая архитектура. Из колониальной русско-туземной школы родилась начальная школа, в которой нашли кров и революционные комитеты. Колониального времени училища были перепроектированы в средние специальные учебные заведения, планировался комплекс Туркестанского университета. Монументальная пропаганда славилась освобождённый труд и свободу в отличие от прежнего строя. Туркестан накануне размежевания республик продемонстрировал стиль национальной архитектуры в Выставочном павильоне в Москве и в Народном доме в Бухаре. На этом этапе выяснилось, что для внедрения нового образа жизни необходимо согласовывать его

архитектурные программы со среднеазиатской экономической ситуацией, а в некоторых случаях - и с местными типами зданий.

В 1924-1927 годы национально-государственного размежевания среднеазиатских республик архитектура служила расширявшимся программам нового строительства. Проектировались и строились типовые начальные школы. Аналогично школам предшествовавшего этапа педагогические техникумы совмещались с Домами Советов: просвещение и власть шли в ногу со временем. Новому быту и подъёму сельского хозяйства начали служить красные чайханы и красные юрты, Дома деханина и Дома скотовода. В рабочих жилищах и городках обобществлялся быт, а не терявшими популярность круглыми в плане городками-садами намеревались перепланировать Ташкент. Ряд организационных мер привёл к объединению старых и новых городов. В маленьких праздниках определялись формы монументальной пропаганды, и архитектура вовлекалась в увековечение памяти Ленина. В самоопределившихся республиках сознание масс о самобытности, экзотика Востока и археологические исследования памятников старины способствовали проектированию в национальном стиле, на который оказывал влияние авангардный стиль конструктивизма. Экспедиция в Бухару М.Я.Гинзбурга и его статья о национальной архитектуре повлияли на творческий метод зодчих и обновили стили зданий в Москве, Ташкенте и других городах Средней Азии. К концу 1920-х годов архитектура и градостроительство Средней Азии развивались синхронно с зодчеством других центров СССР.

Пятилетка 1928-1932 годов, развитие промышленности и коллективизация сельского хозяйства подняли архитектуру до новых типологий и стилей в высокохудожественных проектах и постройках. Проектировались и строились типовые средние школы. Под влиянием архитектуры германской школы Баухаус построено здание Худкустпромтехникума в Самарканде. Определилась типология зданий университетов. Развитие новых центров промышленности и реорганизация сельского хозяйства в колхозы вызвали проектирование и строительство так называемых культурных аулов и поселений оседавших кочевников. Построив сначала первые двух- и трёхэтажные кирпичные жилые дома, затем в целях экономии осваивали местные строительные материалы и обобществляли быт. Дома-коммуны, кварталы-коммуны, фабрики-кухни уступили место домам переходного типа и домам специалистов. В Бюро по перепланировке городов Средней Азии урбанизм примирили с дезурбанизмом, и для Ташкента была определена последовательность реконструкции крупного города. В монументальной пропаганде переосмысливались современные и исторические архитектурные символы. Театры старых городов облачились в национальный стиль, и важность для него формы *пештака* не подвергалась сомнению. В зданиях Алма-Аты, Самарканда и Ташкента утвердился стиль среднеазиатского конструктивизма, а вызревавшая в советском конструктивизме идея архитекторов блестяще проявилась на конкурсе Дворца культуры и труда в Ташкенте.

Экспериментаторские идеи жизнестроительства, сосуществование различных по своим творческим направлениям объединений зодчих, сотрудничество с лидировавшими в мире мастерами и даже влияние на них, - всё это было сметено наступившей в начале 1930-х годов тоталитарностью. Новую архитектуру начала века идеологически отвергли и затем долго замалчивали. Впервые поднятые документы той эпохи подтверждают уникальность и важность пройденного тогда пути.

1934-1954

Это период тоталитаризма в ряде стран Европы и в СССР, Академии архитектуры СССР и Постановления о генеральном плане реконструкции Москвы. Дезурбанизм городов-садов вокруг столиц отвергли, и города планировали, хоть и не по урбанизму, но цельно и вширь. Диаметр Ташкента вырос до 25 км. Идея центра Москвы протяжённостью в два-три километра повлияла на проектирование линейного центра Ташкента в окружении шести районов. Целью оставалось стереть грань между новым и старым городами. Послереволюционные концепции «взрыва» исторических городов посредством пробивки через их центры магистралей сменились теперь игнорированием этих городов.

Из градостроительных норм Англии, США, Германии, Франции было заимствовано понятие радиуса обслуживания, и общегородские, районные и квартальные центры компоновались по образцам ансамблей прошлых веков. Проблемным был перечень культурно-бытовых зданий таких центров. В квартальной планировке сначала возникли центры местного значения и затем центры районов, - так осуществилось первое и второе укрупнение планировочной структуры городов. Планировочными единицами - *махалля* - *гузар* - квартал - микрорайон - район - Советы перекраивали исторически сложившиеся многовековые города под наспех заимствованные из Запада и недостаточно усвоенные критерии нового градостроительства. Типовые секции жилых домов состояли сначала из трёх двухкомнатных квартир с туалетом и умывальником, без ванной; затем - из трёх двухкомнатных квартир с санузлом. Самая экономичная в СССР секция для начавшегося крупноблочного строительства состояла из трёх 1, 2, 3-комнатных квартир с проходом из передней в кухню через ... общую комнату.

Советскому Востоку была предписана формула архитектуры «Восток плюс классика». Поиски её решения на Всесоюзном съезде архитекторов в Москве завершились обвинениями в неправильных установках, антисоветизме, и в проверках учебного процесса. В обстановке «разброда и шатаний», как говорили тогда, отличилась позиция академика архитектуры А.В.Щусева, автора Театра оперы и балета имени Алишера Навои в Ташкенте. Классицизм - это совершенствование классики, в том числе методом эклектики, - пропагандировал А.В.Щусев. Театр Нааои и высотные здания Москвы вдохновлялись «заокеанским светом архитектуры». Поэтому, наряду с шедеврами Бухары и Флоренции, А.В.Щусев заимствовал для театра фасад Нью-Йоркской публичной библиотеки - лучшего в США примера

классицизма. Вместе с этим в качестве вернейшего средства против провинциализма А.В.Щусев призывал архитекторов Узбекистана изучать собственную классику, особенно XIII-XVII веков. Прошлое, однако, зодчим республики виделось скорее фрагментами, а не как всесторонне понятая система.

«Ордер Советского Узбекистана» искали в традиционных плоскостных фасадах, колонных *айван*ах, цветовой гамме и орнаментальном строе древности. Ансамбль кинотеатра Ватан и двух боковых административных зданий стал вехой в развитии стиля. Эта интуитивная архитектура, в которой использовались «руки, но не мозг» народных мастеров, не базировалась на творческой позиции или теории архитектуры, и её объясняли как «я не знаю, но чувствую». Осведомленность о наследии была поверхностной, неясные критерии переменчивы, и оценка архитектуры граничила со вкусовщиной. Военные годы обратили архитектуру Узбекистана к местным материалам и методам строительства народных мастеров. Вместо предлагавшегося академиком архитектуры широкого взгляда на зодчество, Советы сводили кругозор зодчих к местной народной архитектуре. Безусловно ценная, она, в сравнении с профессиональной архитектурой, ограничена. Поэтому спектр видения традиций, заявленный в начале этого периода широко как «Восток», был сильно сужен.

1955-1990

После Великой Отечественной войны и «холодной войны» политика «оттепели» в отношениях с Западом стала высвобождать страну. Советы приоткрыли «железный занавес» и перенимали опыт Запада, чтобы стать с ним ровней. Заработали первые домостроительные комбинаты, и Всесоюзное совещание архитекторов пресекло архаику. В проектных институтах учредили научные подразделения, внедряли нормирование. Массовая застройка типизировалась и унифицировалась. Комбинатами сборного домостроения застраивались микрорайоны и районы городов. На радиально-кольцевую планировку была наложена прямоугольная сеть магистралей, и структура городов укрупнилась - теперь уже в третий раз планировочными районами. Заимствованные от самоуправляющихся графств и городков *borough* Англии и США, советские планировочные районы в Узбекистане периода независимости назвали узбекским словом *туман*, то есть уезд. Радиусом 2000-4000 м и площадью 2-4 тыс. га и более планировочные районы удобны планировщикам для деления города и администраторам для управления им, но для горожан эти территории слишком велики и потому абстрактны. Внутри этих районов продолжался планировочный хаос: радиусы жилых районов всё более сокращались до 1000 и даже 800 метров, а их планировка и застройка становились всё более аморфными. Поэтому градостроительная наука рекомендовала для жилых районов испытанный как Западом, так и особенно Востоком, пешеходный радиус 1500 метров. Этот радиус и был принят градостроительными нормами Республики Узбекистан. Радиус способствует

эффективной планировке в жилом районе: дорожной сети, культурно-бытового обслуживания, озеленения, пешеходных связей и размещения общественных зданий. Радиус также способствует сохранению исторических городов. На транспорте Ташкента среднее время трудовых передвижений сократилось вдвое благодаря метро, и проживание половины населения столицы планировалось впредь в километре от его линий. Не была, однако, достигнута ориентировочная для развитых стран норма времени передвижений горожан пешком и на транспорте: 10-15 минут. Поэтому данный этап выдвинул проблему совершенствования планировки городов – их «каркаса и ткани», то есть магистралей и застройки.

Социальный застой и отсталая техника строительства переродили первоначально лёгкую современную архитектуру в тяжёлые формы, не вырвавшиеся органично из функций, а оборачивавшиеся в национальные ширмы. Архитектура политизировалась: зданиями бразильского коммуниста О.Нимейера обстроили просторную правительственную площадь Ташкента. Высотными зданиями были застроены главные магистрали и перекрёстки столицы. Неудачами градостроительства, осуществлявшегося нередко без проектов детальной планировки, стали: гигантомания, ориентация на эффект парадности, нивелирование ландшафта, рыхлость застройки. Вокруг памятников архитектуры организовывались туристские зоны, и они ограждались от остального исторического города эспланадами и стенами новой застройки.

Приоритетом становились региональные нормы, обосновывавшиеся в научно-исследовательских и проектных институтах ТашЗНИИЭП и УзНИИП градостроительства. В реконструированном после землетрясения Ташкенте строили одноэтажные массивы и *махалля* прямоугольной планировки. Пока всесоюзный СНиП сокращал летние помещения для наших условий с 20 до 15% от площади квартиры, ТашЗНИИЭП провёл эксперимент по обновлению всей структуры 16-этажного жилого дома. Многоэтажным домам предлагалось вертикальное проветривание *соябон*, регулируемое как климатрон. Блок-секциями расширялись корпуса жилых домов, снижалась стоимость квадратного метра общей площади, сокращались энергоресурсы на обогрев, повышались экономические показатели застройки. Общественные же пространства многоэтажных домов жильцы заполняли самостроем.

Призывы к сохранению национальных традиций ради обогащения окружения, образа жизни и психологии личности возродили туликообразные улочки малоэтажных жилых домов в первом экспериментальном микрорайоне *махалля* Ц-27. Новые центры *махалля* поднялись и среди смешанной мало- и многоэтажной застройки района Караташ. Микрорайонные двухэтажные дома с двориками не достигли необходимых плотностей жилого фонда и оказались дорогами. Отрыв генеральных планов от фактического развития городов побуждал население к самострою в самых широких масштабах. Местная инициатива властей и населения выступила против установленных союзным центром норм проектирования и

отказывалась от типизированного строительства. Конфронтация норм с жизнью вскрыла симптомы нездоровья советской архитектуры.

1991-2011

На этом этапе перехода к рыночной экономике выявились юридическая относительность административных решений, обобщённость градостроительных концепций и кодексов, недостаточность норм, необходимость градостроительных законов. Советские нормы и даже их корректировки не решили проблем городов, переуплотнившихся и разросшихся за кольцевые дороги. Улично-дорожная сеть и переуплотнение застройки стали предметом Постановлений президентов стран СНГ. Одновременно, перспективные градостроительные начинания предшествовавших периодов оказались прерванными и не претворёнными в жизнь. Магистраль и застройка, выявленные на прежнем этапе как «каркас и ткань», продолжают определять структуру и рост городов и решаются, в первую очередь, планировочными единицами, градостроительными модулями. Один из таких модулей усилившийся во всём мире регионализм нашёл в историческом городе Хива Узбекистана. Ещё в середине XX века Кеңдзо Танге предрекал коллапс радиально-кольцевой планировки Москвы, а к концу века Кишо Курокава, избрав модель попеременного роста Хивы, пропагандировал не централизованный, а открытый рост города.

Открытый рост базируется на понятиях «каркаса и ткани». Япония лидирует в региональном решении мировых глобальных проблем и для концепции открытого роста предлагает в каркасе современных магистралей экологичные и компактные города с самодостаточными районами из общин. Образцом планировочной единицы снова становится город-сад, но на этот раз он эффективно соединён с сетью скоростного городского и регионального транспорта и внимателен к учёту всех аспектов местного образа жизни. В градостроительстве Республики Узбекистан районы укрупняются двухступенчатой системой учреждений повседневного и периодического обслуживания, и в них предстоит определить место традиционных планировочных единиц. Для новых типов жилья, учитывающего местный образ жизни, в Узбекистане определяются заказчики, схемы финансирования и методы строительства. Для рационального использования земель становятся важными многоэтажные жилые дома с присущими региону методами азрации. Ташкенту с семью магистральями непрерывного движения и городами-спутниками предстоит ввести по скоростным диаметрам и хордам региональные экспрессы, сохраняя при этом сложившуюся улично-дорожную сеть.

Не разрушительные советские концепции взрыва, ограничения или реконструкции исторических городов Узбекистана, а их сохранение стало с 1991 года целью государственной политики страны. Можно говорить о том, что с этого этапа город нового времени не только обретает понимание исторического города, но и определяет методы для его включения в свою планировку. Приоритетом в

методологии сохранения становятся морфология города и типология его застройки. Выведенная международными исследованиями для республики модель сохранения и роста исторических городов рекомендует реорганизацию управления городом, проектирование по компьютеризованному сценарию, создание центров притяжения и трудоустройства при тупиковом или петлевом вводе транспорта, восстановление ирригации и понижение грунтовых вод, размещение отелей за историческим ядром, сохранение стиля исторических *махалля*.

Национальный стиль архитектуры, лишённой надменной монументальности, возрождается народными мастерами. Новые вариации стоечно-балочных систем используются вместо традиционных стрельчатых. Бирюзовый ребристый купол Гури Амира, впервые возведённый над павильоном Национального парка, воссоздан над музеем Темуридов и Хокимиятом, комплексами Бухари и Фаргони, мемориалом Мангуберди, Мемориалом *шахидам* и мавзолеем Матуриди. Классицизм романских арок продолжил советский метод ширм из *панджара* и стрельчатых арок. Стиль здания Хокимията вобрал черты ряда зданий Ташкента. Классицизм США с полукруглым объёмом главного фасада и влияние Италии и Австрии сообщили этому стилю новые грани. Парные ансамбли Скорбящей и Счастливой матерям, Курантов, фонтанов и куполов родились из узбекских понятий *кош* и *жуфт*, открыв права гражданства непосредственным устремлениям национального менталитета. Не копирование, а собственная интерпретация классики обретают важность. Корпоративный стиль международных строительных корпораций для международных финансовых корпораций обёртывает конструкции в стеклянные оболочки, добавляя стрельчатые арки, минареты, купола. Народные мастера одухотворили корпоративные постройки, и обмен между столицей и областями сблизил стилевой уровень их архитектур. Став известным миру, древнее и новое зодчество Узбекистана вдохновляет градостроителей и архитекторов Японии, Казахстана, Турции, и других. Издревле на земле Узбекистана великие культуры достигали апогея развития и распространялись на соседние и отдалённые страны. Отношение к прошлому и его интерпретация ради прогресса архитектуры зависят от социального заказа, качественно реализуемого при условии широкого кругозора архитекторов и возможностей строительной индустрии. Совершенствованием роли архитекторов в государственном строительстве республика продолжит достижения выдающихся зодчих прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

ХV-ХIХ: РОСТ ГОРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

1. Давидович Е.А. Дискуссионные вопросы в книге А.М.Беленицкого, И.Б.Бентович, О.Г. Большакова «Средневековый город Средней Азии» // Древность и средневековые народы Средней Азии (история и культура). М., Наука, 1978. С.103-116.
2. Филимонов В.М. Регистан-майдан – древнейший градостроительный элемент Бухары // Архитектура и строительство Узбекистана. 1986. №6. С.11-14.
3. Филимонов В.М. Градостроительная структура северной части Бухары IX-XV вв. // Архитектура и строительство Узбекистана. 1988. №9. С.11-13.
4. Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII-середина XIII вв. М.: Наука, 1984. С.116,118.
5. Аскарлов Ш.Д. Исторический Худжанд: концепция восстановления // Маскан. Архитектура и строительство Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана. 1993. №1-2. С.2-3.
6. Аскарлов А.А., Мукминова Р.Г., Ахмедов Б.А. и др. История Узбекистана. Т.3 (XVI - первая половина XIX века). Ташкент: Фан, 1993. С.104-277
7. Булатова В.А., Маньковская Л.Ю. Памятники зодчества Ташкента XIV-XIX вв. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1983. С.32-109.
8. Аскарлов А.А., Мукминова Р.Г., Ахмедов Б.А. и др. История Узбекистана. Т.3 (XVI - первая половина XIX века). Ташкент: Фан, 1993. С.104-277
9. Brotton J. The Renaissance Bazaar. From the Silk Road to Michelangelo. New York: Oxford University Press, 2002. P.149.
10. Аскарлов Ш.Д. Архитектура Темуридов. Ташкент: Сан'ат, 2009. С.17, 30-9, 51-9.
11. H.Gaube. Iranian cities. New York: New York University Press, 1979. P.56.
12. Ремпель Л.И. Далёкое и близкое. Бухарские записи. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1981. С.133.
13. Булатова В.А., Маньковская Л.Ю. Памятники зодчества Ташкента XIV-XIX вв. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1983. С.37-40.
14. Гольц Г.А. Транспорт и расселение. М.: Наука, 1981. С.159-160.
15. Мани Л. Транспорт, энергетика и будущее. М.: Мир, 1987. С.110-119; Money L.J. Transportation, energy, and future. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey 07632, 1984.

XIX-XX: ИЗМЕНЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

1. Иконников А.В. Петербург и Москва (к вопросу о русской градостроительной традиции) // Эстетическая выразительность города. М.: Наука, 1986. С.103-129.
2. Lugli P.M. Urbanistica di Roma. Trenta planimetrie per trenta secoli di storia. Roma: Bardi Editore, 1998. P.62.
3. Бунин А.В., Круглова М.Г. Архитектура ансамблей Ренессанса. М., 1935.
4. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. С.93.
5. Булатов М.С. Урда и крепость 1865 года в Ташкенте // Строительство и архитектура Узбекистана, 1979. №6. С.32-34.
6. Чабров Г.Н. Очерк истории планировки и строительства русских городов Туркестанского края (1865-1916) // Дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1946. С.34.
7. Нильсен В.А. У истоков современного градостроительства Узбекистана (XIX - начало XX века). Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1988.
8. Ванке А.И. Ташкент – планировочный анализ взаимного развития города и транспорта // Строительство и архитектура Узбекистана. 1987. №6. С.17-18.
9. Бирюков В., Лескова Н. Католики в окружении мусульман // Труд, 20 июня 1998 г.
10. Chad Sh. Russia's Wider Window // Saudi Aramco World, 2010, November/December, P.33-43.

1917-1933: ТРИ ЭТАПА К КОММУНЕ

1. ЦГА УзССР, ф.Р-34, оп.1, д.233, л.42.
2. ЦГА УзССР, ф.Р-1, оп.1, д.681, л.6.
3. ЦГА УзССР, ф.Р-837, оп.3, д.140, л.41.
4. ЦГА УзССР, ф.Р-2242, оп.1, д.88, л.23.
5. ЦГА ТуркмССР, ф.Р-309, оп.3, д.246, л.89.
6. Внимание красным чайханам! // Правда Востока, 14 сентября 1925 г.
7. Кольцов, Путилин. Шовинисты из Востокино и беспризорные чайханы // Правда Востока, 13 апреля 1932 г.
8. ЦГА УзССР, ф.Р-86, оп.1, д.3006, лл.6-18.
9. Сваричевский Г.М. Значение искусств в нашей жизни и современная архитектура. Рукопись 1923 г. ЦГА УзССР, ф.Р-2242, оп.1, д.88, л.20.
10. ЦГА УзССР, ф.Р-1, оп.1, д. 681, л.110.
11. ЦГА УзССР, ф.Р-1, оп.1, д.661, л.110.
12. ЦГА УзССР, ф.Р-2242, оп.1, д.133, л.1.
13. Там же, л.2.
14. Там же, л.1.
15. Сваричевский Г.М. Итоги жилстроительства за истекший сезон // Правда Востока, 27 октября 1925 г.

16. Рюмков. Программа капитального строительства должна быть выполнена // Правда Востока, 25 октября 1931г.
17. ЦГА УзССР, ф.Р-9, оп.1, д.448, л.3.
18. ЦГА УзССР, ф.Р-2242, оп.1, д.90, л.23.
19. ЦГА УзССР, ф.Р-2242, оп.1, д.89, лл.1-22.
20. Ускорить темп жилищного строительства // Правда Востока, 29 ноября 1927 г.
21. Фридман Д. Дом-коммуна или квартал-коммуна // Строительство Москвы. 1929. №12. С.16.
22. Там же. С.1.
23. Там же. С.15.
24. ЦГА УзССР, Р-2532, оп.1, д.4, л.169.
25. ЦГА ТаджССР, ф.Р-408, оп.1, д.5, л.60.
26. Былинкин Н.П., Володин П.А., Корнфельд Я.А., Михайлов А.И., Савицкий Ю.Ю. История советской архитектуры. М.: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1962. С.60.
27. Вопросы проектирования домов переходного типа и домов-коммун // Советская архитектура. 1931. №1-2. С.5.
28. Свирский Я. Издать альбом типовых проектов // Правда Востока, 16 сентября 1931 г.
29. ЦГА ТаджССР, ф.Р-408, оп.1, д.5, л.97.
30. Там же. Л.304.

УРБАНИЗМ И ДЕЗУРБАНИЗМ

1. Амир Саид Олимхон. Бухоро халкининг ҳасрати тарихи. Тошкент: Фан, 1991, бб.15, 28.
2. Открытие рабочего городка // Туркестанская правда, 15 апреля 1922 г.
3. ЦГА УзССР, ф.Р-1, оп.1, д.681, л.95.
4. Курбатов В.М. Архитектура Советской Киргизии. М.: Издательство литературы по строительству, 1972. С.18.
5. ЦГА КиргССР, ф.Р-2152, оп.1, д.96, л.97.
6. Курбатов В.М. Архитектура Советской Киргизии. М.: Издательство литературы по строительству, 1972. С.18.
7. Сваричевский Г.М. Итоги жилищного строительства за истекший сезон // Правда Востока, 27 октября 1925 г.
8. ГАНХ СССР, ф.4372, оп.8, д.253, л.117
9. Там же. Л.126.
10. Ходжаев Ф. Избранные труды. Т. 2. Ташкент: Фан, 1972. С.259.
11. ГА Бухарской области, ф. Р-26, оп.1, д.12, л.75.
12. ЦГА УзССР, ф.Р-1, оп.1, д.681, л.7.
13. ЦГА УзССР, ф.Р-86, оп.1, д.4708, л.81.

14. Новые поселения в Казакстане. Издание Госплана КАССР. Кызыл-Орда, 1929. С.1.
15. Там же. С.51.
16. Лоповок Л.И., Ох А.В., Циперсон Л.О., Ниппельбаум Л.М. Промышленное жилстроительство цветной металлургии СССР. М., 1930. С.55.
17. ЦГА УзССР, ф.Р-2242, оп.1, д.90, л.21.
18. Там же.
19. См.16. С.11.
20. Там же. С. 45-46.
21. Справочник партийного работника. Вып.6. М., 1934. С.733-734.
22. См. 6, С.19.
23. Бунин А.А., Саваренская Т.Ф. Градостроительство XX века в странах капиталистического мира. М.: Стройиздат, 1979. С. 75-77.
24. ЦГА УзССР, ф.Р-9, оп.1, д.2708, л.76.
25. См.10, С.377.
26. Там же. С.258-260.
27. Кузнецов М. и др. К проекту социалистического расселения по долине Аму-Дарьи // Советская архитектура. 1931. № 1-2. С.120.
28. Там же. С.20.
29. Шевцов А. Чарджуй // Советская архитектура. 1931. 1-2. С.91.
30. Лавров В., Попов В. К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии // Советская архитектура. 1931. №3. С.34.
31. Там же. С.35.
32. ЦГА УзССР, ф.Р-837, оп.10, д.1167, л.127.
33. Булатов М.С. Ярослав Карлович Гаазенкопф – первый ландшафтный архитектор Ташкента // Архитектура и строительство Узбекистана. 1989. №4. С.17-18.
34. Гаазенкопф О.Я. Мой отец // Архитектура и строительство Узбекистана. 1989. №4. С.23.
35. Сильченков А.А. Пояснительная записка к проекту перепланировки Ташкента. Ташкент, 1933. С.84.
36. Оловецкий В. Проблема старого Ташкента // Қизил Ўзбекистон, 17 феврал 1931 г.
37. См.33. С.17-18.
38. См. 34. С.23.
39. Аскарлов Ш.Д. Первый проект перепланировки Ташкента // Строительство и архитектура Узбекистана. 1973. №7. С.33-36.
40. Лунц Л. Планировка и архитектура Ташкента // Архитектурная газета, 1937, приложение №17 Строительной газеты.
41. Gropius W. Scope of Total Architecture. New York: Collier Books, 1943-1970, p.121. На русском языке: Вальтер Гропиус. Границы архитектуры. М., 1971. С. 182.

НАЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА

1. ЦГА УзССР, ф.Р-34, оп.1, д.407, л.110.
2. ГА Самаркандской обл., ф.Р-46, оп.1, д.37, л.9.
3. ЦГА УзССР, ф.Р-25, оп.1, д.682, л.513.
4. ЦГА УзССР, ф.Р-837, оп.6, д.121, л.12.
5. Frampton K. Modern Architecture. A Critical History. London: Thames and Hudson, 1992. P.69.
6. ЦГА УзССР, ф.Р-25, оп.1, д.682, л.513.
7. Итоги и проблемы изучения архитектуры Узбекистана. 1940 // ЦГА РУ, ф.Р-2406, оп.1, ед.хр.198. С.2.
8. Р. и Ч. Национальная архитектура в Средней Азии // Искусство в массы. 1930. №8(16). С.10-11.
9. Воронин Л.Н. Проблема национальной архитектуры. Рукопись. 1937, ЦГА РУ, ф.Р-2532, оп.1, ед.хр.6, стр.11,12.
10. Яралов Ю.С. Национальное и интернациональное в советской архитектуре. М.: Стройиздат, 1971.

АГИТПРОП И КОНСТРУКТИВИЗМ

1. Белов А. Дорогой образ // Экономическая газета, 10 апреля 1970 г. С.5.
2. Чумичев В. Стихия и разум // Строительная газета, 23 января 1972 г.
3. Нусов В.Е. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1971. С.94.
4. Гинзбург М.Я. Национальная архитектура народов СССР // Современная архитектура. 1926. 5-6. С.114.
5. Там же. С.114.
6. Там же. С. 113.
7. См.4.
8. Мастера советской архитектуры об архитектуре. Т.2. Под общей редакцией Бархина М.Г., Иконникова А.В., Маца И.Л. и др. М.: Искусство, 1975. С.176-179.
9. Там же. С.14-25.
10. Там же. С.162.
11. Там же. С.163.
12. Там же. С.286, 289.
13. Там же. С.156-175.
14. Стригалёв А.А. Творчество и литературное наследие К.С.Мельникова // Константин Степанович Мельников. М.: Искусство, 1985. С.38 (3-53).
15. См.8. С.156-175.
16. ЦГА УзССР, ф. Р-2242, оп.1, д.130, лл.10-14.
17. Мельников К.С. Архитектуре первое место // Строительство Москвы, 1934, № 1. С.10.

18. Там же. С.11.
19. Там же.
20. Там же. С. 9.
21. См.8. С.173.

1934-1954: ПО ГЕНПЛАНУ МОСКВЫ

1. Владимир Николаевич Семёнов // Мастера советской архитектуры об архитектуре. Т. 1. М.: Искусство, 1975. С.230 (220-243).
2. Жолтовский И.В. Из статьи «Принцип зодчества» (Архитектура СССР, 1933, 5) // Мастера советской архитектуры об архитектуре. М. 1975. С.44 (21-55).
3. Джанангиров В.А., Хазанов Д.Б. Архитектура Узбекской ССР // Архитектура республик Средней Азии. М.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1951. С.14.
4. Там же.
5. Малозёмов И.И. Композиционное соотношение жилых и общественных территорий социалистического города // Проблемы архитектуры. Под ред. Милонова Ю.К. Т.2, кн.1. М.: Издательство Всесоюзной Академии архитектуры, 1937. С.201-218.
6. Бунин А.А., Саваренская Т.Ф. Градостроительство XX века в странах капиталистического мира. М.: Стройиздат, 1979. С.75-77.
7. Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М.: Наука, 1976. С.64-65; История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент: Фан, 1968. С.456.
8. Ремпель Л.И. Далекое и близкое. Бухарские записи. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Г.Гуляма, 1981. С.116.
9. Антонини А.С. Метеорологические предпосылки к генеральному плану озеленения Ташкента // Социалистическая наука и техника, Ташкент. 1936. №8. С.42-48.
10. См.3. С.19-20.
11. Бабаханов А.Б. Малоэтажное строительство в Узбекистане. Ташкент: Государственное издательство УзССР, 1960.

ВОСТОК ПЛЮС КЛАССИКА

1. Проблемы национальной архитектуры Советского Востока // Архитектура СССР 1934. №8. С.1-3.
2. Щусев А.В. Пути советской архитектуры // Архитектурная газета, 17 декабря 1935 г.
3. Мастера советской архитектуры об архитектуре. Т.1. М.: Искусство, 1975. С.183.
4. Там же. С.191.
5. Там же. С.25-26, 36, 49, 50.
6. Из доклада «Воспитание мастера архитектуры» на 1-м съезде архитекторов СССР // Архитектура СССР. 1937. 26 июня. Иван Владиславович Жолтовский (1867-1959) // Мастера советской архитектуры об архитектуре. Т.1. М.: Искусство, 1975. С.38-39 (23-55).
7. См.3. С.164.
8. Whittick A., European architecture in the XX-th century. London: Leonard Hill Books 1974.
9. Джахангиров В.А., Хазанов Д.Б. Архитектура Узбекской ССР // Архитектура республик Средней Азии. М.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1951. С.55. Со ссылкой на «Архитектура СССР», 1934. №8.
10. Воронин Л.Н. Проблема национальной архитектуры. Рукопись 1937 года. // ЦГА РУ, ф.Р-2532, оп.1, ед.хр.6, стр.11-12.
11. См.9. С.36.
12. Засыпкин Б.Н. Национальный стиль в архитектуре Узбекистана. 1946. // ЦГА РУ, ф.Р-2406, оп.1, ед.хр.256, стр.9-12.
13. Там же. С.9-12.
14. См.9. С. 7-72.

15. Павлов А.И. К проблеме современной национальной архитектуры
Архитектура и строительство Узбекистана. 1982. №1. С.11-17.

16. Summerson J. The classical language of architecture. London: Thames and
Hudson, 1963, p.27.

1955-1990: СОВРЕМЕННОЕ

1. Крюкова Е.Р. Некоторые вопросы традиций в архитектурной критик
Узбекистана // Архитектура и строительство Узбекистана. 1986. №10. С.8-12.

2. Кензо Танге. 1949-1969. Архитектура и градостроительство. Составители
Удо Культерман. М.: Стройиздат, 1978. С.90-94.

3. Всеобщая история архитектуры. Т.12, Кн.1: Архитектура СССР. М.:
Издательство литературы по строительству, 1975. С.446.

4. Михаэлян В.М. Перспективное развитие транспортной сети //
Строительство и архитектура Узбекистана. 1974. №7. С.29.

5. Адылов С.Р., Максумов П.М., Турсунов Ф.Ю. Город, рожденный дважды.
М: Знание, 1970. С.36.

6. Ванке А.И. Ташкент – планировочный анализ взаимного развития города
и транспорта // Архитектура и строительство Узбекистана. 1987. №6. С.17-18.

7. Ноткин И.И., Аскарлов Ш.Д. О качестве архитектуры // Строительство и
архитектура Узбекистана. 1981. №4. С.7-9.

8. Строительные нормы и правила. Градостроительство. Планировка и
застройка городских и сельских поселений. СНиП 2.07.01-89. Издание официальное.
М.: Государственный строительный комитет СССР, 1989.

9. Богдасаров А.М., Гаганов Е.Г. Перспектива развития транспорта
Ташкентской системы расселения // Строительство и архитектура Узбекистана. 1987.
№6. С.25-26.

10. Варианты будущего Москвы // Известия, 11 июля 1988 г.

11. Бабаханов А. Б. Малоэтажное строительство в Узбекистане. Ташкент:
Государственное издательство Узбекской ССР, 1960.

12. Гутцов К. Градостроительные основы (планировка и застройка жилых районов). М.: Стройиздат, 1967. С.48,50.

13. См.5. С.26,30-32.

14. Там же. С.35.

15. Мухамеджанов К.Х. О технико-экономических показателях жилой застройки микрорайонов // Строительство и архитектура Узбекистана. 1978. №1. С.32-35.

16. Строительство и реконструкция городов: 1945-1957 М.:Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1958.

17. Шевченко Э.А., Плесневич Е.В., Шорахмедов К.Д. Совершенствование принципов и методов пространственно-планировочного формирования селитебных территорий и разработка предложений по повышению эффективности их использования в городах среднеазиатского региона // Научно-технический отчет ТашЗНИИЭП-СредазНИИТАГ, 1989.

18. Крюкова Е.Р. Некоторые вопросы традиций в архитектурной критике Узбекистана // Архитектура и строительство Узбекистана. 1986. №10. С.8-12.

19. Конкурс проектов ансамблевой застройки Узбекстанского проспекта, торговых рядов улицы Навои и массива Караташ // Архитектура и строительство Узбекистана. 1987 №3. С.16-30.

20. Sagar S. Celebrating Chandigarh: 50 Years of the Idea. Chandigarh For or Against? Architecture and Urbanism. 1999. #344. P.129-134.

РЕГИОНАЛЬНОЕ

1. Захидов П.Ш., Исраилов И.В. Хивинские узоры // Строительство и архитектура Узбекистана. 1983. №10. С.17-25.

2. Кадырова Т.Ф. Архитектура Советского Узбекистана. М.: Стройиздат, 1987. С.92.

3. Аюпджанян В.А. Градостроительные вопросы реконструкции старгородской части Ташкента // Строительство и архитектура Узбекистана. 1987. №6. С.13-17.

4. Бухара: прошлое и будущее // Архитектура и строительство Узбекистана. 1990. №10. С.12.
5. Анализ генпланов городов Узбекистана и их реализации за период 1970-1985 годов и установление эффективности градостроительного прогноза. Ташкент: УзНИИП градостроительства, 1986-1990; Разработка дополнений к проекту Единых СНиП с учётом региональных особенностей УзССР Ташкент: УзНИИП градостроительства, 1989 /руководитель тем Аскар Ш.Д./.
6. Аскар Ш.Д. Псевдо- и саморегуляция // Архитектура и строительство Узбекистана. 1990. №12. С.25-31.
7. Чеботарева З.Н. Кварталы под жарким солнцем. Ташкент: Узбекистан, 1985. С.21,28.
8. Адылов С.Р., Максумов П.М., Турсунов Ф.Ю. Город, рождённый дважды. М.. Знание, 1970. С.35.
9. Аскар Ш.Д. Регион-пространство-город. М.: Стройиздат, 1988. С.184.
10. Конторович И.Я., Ривкин А.Б. Рациональное использование территории городов. М.: Стройиздат, 1986. С.6.
11. Строительные нормы и правила. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. КМК 2.07.01-94. Ташкент: Государственный комитет Республики Узбекистан по архитектуре и градостроительству, 1994. С.40.
12. Адылов С.Р. Институт времени перестройки // Архитектура и строительство Узбекистана. 1991. №1. С.2-4.
13. Аскар Ш.Д. Исторический Худжанд: концепция восстановления // // Маскан. Архитектура и строительство Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана. 1993. №1-2. С.2-3.
14. Мельникова Л.Н., Яворская И.С. Город как проекция социальных реальностей // Архитектура и строительство Узбекистана. 1991. №1. С.17-23.
15. Манакова В.Н. Архитектура кафе «Голубые купола» и чайханы на бульваре имени В.И.Ленина // Строительство и архитектура Узбекистана. 1971. № 7. С.33-35.

16. Жаббор У.С., Жаббор С.У. *Метаморфозы крупнопанельных башен Ташкента*. Ташкент: ТММ-АРХ, 2007. С.3-4.
17. Джаббар О.С. *Типы планировочных структур квартир многоэтажных домов для Ташкента // Строительство и архитектура Узбекистана*. 1975. №2. С.15-19.
18. Жаббор У.С., Жаббор С.У. *К социально-экологическим проблемам крупнопанельного высотного жилища Ташкента // Архитектура и строительство Узбекистана*. 2005. №2-3-4. С.42-45.
19. Джаббар О.С. *Практика проектирования и строительства в Ташкенте крупнопанельных домов с квартирами для средних семей // Строительство и архитектура Узбекистана*. 1975. №11. С.9-15.
20. Жаббор У.С., Жаббор С.У. *Метаморфозы крупнопанельных башен Ташкента*. Ташкент: ТММ-АРХ, 2007. С.3-4.
21. Русанова Л.Н., Таут М.П. *Современные проблемы повышения комфортности жилища в условиях городского строительства в Средней Азии*. Ташкент: НИИ научно-технической информации и технико-экономических исследований Госплана Узбекской ССР, 1980. С.28,34.
22. Жаббор У.С. *Современные проблемы многоэтажного жилища Ташкента // Автореф. дисс. докт. архитектуры*. Ташкент, ТАСИ, 1998. С.11-12.
23. См.21. С.16.
24. Чеботарёва З.Н. *В защиту плотной малоэтажной застройки // Архитектура и строительство Узбекистана*. 1974. №11. С.14-23.
25. Захаров Г., Чернышева З. *Опыт проектирования жилища для Средней Азии // Архитектура СССР*. 1943. №4. С.22.
26. См.22. С.32.
27. См.14.

МЕСТНОЕ

1. Арифханова З.Х., Зуннунова Г.Ш., Камаритдинова М.С. *Современные этнокультурные процессы в махаллях Ташкента*. Ташкент: Фан, 2005. С.54, 61, 62.

2. Русанова Л.Н., Таут М.П. Современные проблемы повышения комфортности жилища в условиях городского строительства в Средней Азии. Ташкент: НИИ научно-технической информации и технико-экономических исследований Госплана Узбекской ССР. 1980. С.4-25.

3. Адылов С.Р. Экспериментальный жилой микрорайон «Калькауз» в Ташкенте // Строительство и архитектура Узбекистана. 1978. №4. С.12-15.

4. Косинский А.С. Живой источник. Разговор о национальных традициях в советском зодчестве // «Архитектура» (приложение к «Строительной газете»). 1978, 22 января, №4 (407).

5. Аскарлов Ш.Д. Архитектура местной инициативы // Архитектура и строительство Узбекистана. 1986. №10. С.3-8.

6. Березин В.В. Возвращаясь к напечатанному // Архитектура и строительство Узбекистана. 1986. №11. С.26.

7. Конкурс проектов ансамблевой застройки Узбекистанского проспекта, торговых рядов улицы Навои и массива Караташ // Архитектура и строительство Узбекистана. 1987. №3. С.16-30.

1991-2011: ПОСТ ГОРОДОВ

1. Совершенствование системы городского управления в малых и средних городах Узбекистана – основные направления, механизмы, инструменты. – Доклад. Центр экономических исследований при Службе государственного советника Президента Республики Узбекистан по вопросам социально-экономической политики. №ОПИ/01-10-05, 15 января 2011 г., с.11-12, 13, 24, 27, 47, 48, 60, 61.

2. Тохтаев А.Р. Узбекистан строит своё будущее // Архитектура и строительство Узбекистана. 2007. №2. С.4-8.

3. Тохтаев А.Р. Основные принципы организации архитектурно-градостроительной деятельности в Республике Узбекистан. Архитектура и строительство Узбекистана, 2006, 2, стр.4-7.

4. Строительные нормы и правила. Градостроительство. Ташкент, Госкомитет Республики Узбекистан по архитектуре и градостроительству. 1994. С.41.

5. Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-1355 от 18 июня 2010 года «О мерах по развитию коммунальной инфраструктуры для жилых массивов

Андижанской области на 2011-2015 годы» // Архитектура и строительство Узбекистана. 2010. №3. С.3.

6. Аюпджанян В.А. Архитектура нового времени // Архитектура и строительство Узбекистана. 2006. №3. С.91-100.

7. Адылходжаев Б.Н. Ташгипрогор проектирует будущее Ташкента // Архитектура и строительство Узбекистана. 2006. №3. С.101-104.

8. В.Аюпджанян. О некоторых проблемах градостроительного проектирования // Архитектура и строительство Узбекистана. 2007. №2. С.9-10.

9. Кудрявцев А.А., Сдобнов Ю.А. Градостроительная деятельность: основные проблемы // Жилищное строительство. 2008. №3. С.2-3.

10. Строительные нормы и правила. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. КМК 2.07.01-94. Ташкент: Государственный комитет Республики Узбекистан по архитектуре и градостроительству. 1994. С.7.

11. Строительные нормы и правила. Градостроительство. Планирование развития и застройки территорий городских и сельских населённых пунктов. ШНҚ 2.07.01-03. – Ташкент: Государственный комитет Республики Узбекистан по архитектуре и градостроительству. 2003. С.3.

12. Концепция развития градостроительства Узбекистана в условиях формирования новых социально-экономических отношений (Основные положения). Утверждена Республиканским архитектурно-градостроительным Советом при Кабинете Министров Республики Узбекистан. Протокол №27. Ташкент: 25.09.2001. С.38.

13. Концепция развития градостроительства Узбекистана в условиях формирования новых социально-экономических отношений. Ташкент: Издательство Ташкентского архитектурно-строительного института. 2008. С.186-196.

14. Feilden B.M. and Jukka Jokilehto. Management Guidelines for World Cultural Heritage Sites. By ICCROM, UNESCO, ICOMOS. Rome: ICCROM. 1993. PP.88-89.

15. Строительные нормы и правила. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. КМК 2.07.01-94. Ташкент: Государственный комитет Республики Узбекистан по архитектуре и градостроительству. 1994. С.7.

16. Строительные нормы и правила. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. КМК 2.07.01-94. Ташкент: Государственный комитет Республики Узбекистан по архитектуре и градостроительству. 1994. С.12,16.

17. Михаэлян В.М. Транспортные развязки Ташкента // Архитектура и строительство Узбекистана. 1999. №3-4. С.24.

18. Бахирев И. Основные транспортные проблемы крупнейших городов. // Архитектура - строительство – дизайн. 2008. №3(52). С.60-63.

19. Гаганов Е.Г. Система улично-дорожной сети Ташкента // Архитектура и строительство Узбекистана. 1999. №3-4. С.24-25.

20. См.18.

21. В сфере строительства усилена ответственность // Сегодня, 11 января 2012 г., №3 (105). С.3.

22. См.18.

23. Азаренкова З.В. Экспресс-метрополитен для мегаполиса // Жилищное строительство. 2010. №6. С.14-17.

24. См.18.

25. Хан-Магомедов С.О. Николай Ладовский. М.: Знание, 1984. С. 44, 46, 47.

26. Мерлен П. Новые города. М.: Прогресс, 1975. С. 218, 219, 221.

27. Carreau J. Edge City: Life on the New Frontier. New York – Auckland: Anchor Books, 1992. PP.4-5,14-15,12.

28. Wright F.L. The Living City. New York: Horizon Press, 1958. P.81.

29. See 27. P.10-11,425, 464.

30. Ibid. P.89, 515. Reference: Vance J.E. This Scene of Man: The Role of Structure of the City in the Geography of Western Civilization. New York: Harper & Row, 1977.

31. Concina E. La Citta Bizantina. Roma-Bari: Editori Laterza, 2003. P.13-14.

32. Мерлен П. Город. Количественные методы изучения. Москва: Прогресс, 1977. С.161, 207.
33. Мани Л.Дж. Транспорт, энергетика и будущее. Москва: Мир, 1987. С.115-116.
34. See 27. P.425, 464.
35. См.26. С. 174.
36. Islamic urban studies. Historical review and perspectives. Edited by Haneda M. and Miura T. London and New York: Kegan Paul International, 1994. P.282.
37. Аскарлов Ш.Д. Японский камертон // Архитектура и строительство Узбекистана. 1983. №6. С.8-15.
38. Кишо Курокава: мегалополис XXI века никогда не остановится в росте // Проект Россия. 2003. №4. С.21-24 (Уточнённый перевод с английского автора – Ш.А.).
39. Ноткин И.И. Динамика градостроительного развития Хивы // Архитектура и строительство Узбекистана. 1983. №10. С.9-12.
40. Осипова И.В. Эволюция генерального плана города Астаны в XIX-XXI вв. Дисс. канд. архитектуры. Астана: Казахский агротехнический университет, 2010. С.100-112.
41. Dadabaev T. Uzbekistan: Post-Soviet Realities. – Values and lifestyles in urban Asia. A cross-cultural analysis and sourcebook based on the Asia parameter survey of 2003. – Edited by Takashi Inoguchi, Miguel Basanez, Akihiko Tanaka, and Timur Dadabaev. Institute of Oriental Culture, The University of Tokyo. Mexico, 2005, pp.207-235.
42. Miyake Riichi, Professor at Fuji Women's University, Sapporo. Growth and Stagnation: Changing Global Map. The Architectural Institute of Japan. International Policy Forum on Urban Growth and Conservation in Euro-Asian Corridor, Istanbul Conference 2010 (May 20-21).
43. Boontharm Davisi, Associate Professor, National University of Singapore. Creative Urban Regeneration: Learning from Tokyo and Bangkok. - The Architectural Institute of Japan. International Policy Forum on Urban Growth and Conservation in Euro-Asian Corridor, Istanbul Conference 2010 (May 20-21).

СОХРАНЕНИЕ ГОРОДОВ

1. Ртвеладзе Э.В. Древний форпост узбекской земли. Кампыртепа – бактрийская крепость на Оксе // Народное слово, 6 мая 2000 г.
2. Азимов И.М. Архитектура Узбекистана XVIII-начала XX вв. Автореф. дисс. докт. архитектуры. Москва, 2000. С.3-4.
3. MacLeod C., Mayhew B. Uzbekistan: The Golden Road to Samarkand. - Hong-Kong: Odissey, 1999, p.280.
4. Feilden B.M., Jokilehto J. Management guidelines for world cultural heritage sites. Rome: ICCROM, 1993, p.122.
5. Маньковская Л.Ю. Проблемы архитектуры Средней Азии: наследие и современность // Культура Среднего Востока – развитие, связи и взаимодействия. Градостроительство и архитектура. Ташкент: Фан, 1989. С.191 (180-191).
6. Пугаченкова Г.А. Архитектурные руины: реставрация или консервация // Строительство и архитектура Узбекистана. 1995. №1-2. С.37-39.
7. See 3. P.156.
8. Рахманов А.Р. Созидательство в нашей крови // Архитектура и строительство Узбекистана. 2009. №4. С.38-40.
9. Кадырова Т.Ф. Пути архитектурного возрождения Узбекистана за XX-начало XXI в. (Традиции и современность). Ташкент: Издательство Ташкентского архитектурно-строительного института, 2007, С.132.
10. Кудрявцев А.А., Сдобнов Ю.А. Градостроительная деятельность: основные проблемы // Жилищное строительство. 2008. №3. С.2-3.
11. See 3. P.40.
12. Бахирев И. Основные транспортные проблемы крупнейших городов // Архитектура - строительство – дизайн. 2008. №3 (52). С.60-63.
13. Соатова Д.А. Махалля как главная социальная инфраструктура реконструируемых городов Средней Азии // Архитектура и строительство Узбекистана. 2000. №4. С.8-10.

14. Ақолджанян В.А. Концепция генерального плана Самарканда в аспекте сохранения его исторического наследия // Архитектура и строительство Узбекистана. 2005. №1. С.42-45.

15. Al-Radi S. Restauration of Bukhara Old City. – Davidson C., Serageldin I. Architecture beyond Architecture. Academy Edition. - London, 1995, p.28-38.

16. Gangler A., Gaube H., Petruccioli A. Bukhara – The Eastern Dome of Islam. – Stuttgart-London: Edition Axel Menges, 2004, p.72.

17. Йулдошев Н., Курбонов Х. Бухоро шаҳри ва унинг атрофидаги зиёратгоҳлар тарихи. Бухоро: Бухоро, 2001, б.61-65.

18. See 4. P.88-89.

19. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана. М.: Искусство, 1965.

20. See 4. P.88-89.

ТИПОЛОГИИ, АНСАМБЛИ, СТИЛИ

1. Ислам Каримов. Наша цель: свободная и процветающая родина. Т.2. Ташкент: 1996. С.36.

2. Хотамов Г Шахидлар хотираси // Халк сузи, 2000, 29 февраль.

3. Guiheux A. Vers l'invisibilite constructive. – Technique et architecture, 1991, 445, p.20-25.

4. Ақолджанян В. О некоторых проблемах градостроительного проектирования // Архитектура и строительство Узбекистана. 2007. №2. С.9-10.

5. В помощь индивидуальному застройщику. Дом для большой семьи // Архитектура и строительство Узбекистана. 1996. 2-3. С.54-55.

6. Арифханова З.Х., Зуннунова Г.Ш., Камаритдинова М.С. Современные этнокультурные процессы в махаллях Ташкента. Ташкент: Фан. 2005. С.62.

7. Центр экономических исследований при Службе государственного советника Президента Республики Узбекистан по вопросам социально-экономической политики: доклад «Совершенствование системы городского управления в малых и средних городах Узбекистана – основные направления, механизмы, инструменты», №ОПИ/01-10-05 от 15 января 2011 г., с.28.

8. Глинобитное строительство. Всеобъемлющее руководство. Перевод с английского. Ташкент, Представительство ЮНЕСКО в Узбекистане, 2007. - Hugo Houben and Hubert Guiland. Earth construction. A comprehensive guide. ITDG Publishing, Marseille-London, 1989.

9. Жаббор У.С., Жаббор С.У. Элита и лимита жилища Ташкента. Ташкент: АИ Жахон, 2008. С.4,29,45.

10. Усманов Б.М. Улучшение архитектурного облика городов Республики путём расширения строительства жилья с объектами сферы услуг и сервиса // Архитектура и строительство Узбекистана. 2010. №3. С.5-7.

11. Тохтаев А.Р. О перспективах развития строительства индивидуального жилья в комплексе с объектами сферы услуг и сервиса, отвечающих современным градостроительным нормам с учётом требований, высказанных Президентом Республики Узбекистан И.А.Каримовым в городе Андижане 26 мая 2010 года // Архитектура и строительство Узбекистана. 2010. №3. С.5-7.

12. Ходжаев С.А. Нормативная и проектная база академических лицеев и профессиональных колледжей // Архитектура и строительство Узбекистана. 1999. №3-4. С.3-4.

13. Тахтаев А.Р. Архитектурно-градостроительные аспекты Государственной общенациональной Программы развития школьного образования в Республике Узбекистан // Архитектура и строительство Узбекистана. 2005. №2-3-4. С.2-3.

14. Шагаев М.М. Пути совершенствования сетей и типов зданий общеобразовательных школ г.Ташкента // Архитектура и строительство Узбекистана. 2005. №2-3-4. С.13-14.

15. Ходжаев С.А. Нормативная и проектная база – основа для нового строительства и реконструкции общеобразовательных школ // Архитектура и строительство Узбекистана. 2005. №2-3-4. С.7-12.

16. Рахманов А.Р. Созидательство в нашей крови // Архитектура и строительство Узбекистана. 2009. №4. С.38-40.

17. Выступление Президента Ислама Каримова на торжественной церемонии, посвященной 800-летию юбилею Джалалидина Мангуберды // Правда Востока, 11 июня 1999 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРУ Ассоциация революционных урбанистов. Андижан и Наманган архитекторы В.Лавров и В.Попов.

АРУ Ассоциация революционных урбанистов. Чарджоу архитекторы В.Калмыков, Л.Гриншпун; консультанты: по санитарно-гигиеническим вопросам Некрасов, по планово-экономическим вопросам - Герман.

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

ВОПРА – Всесоюзное объединение пролетарских архитекторов. Чарджоу – архитекторы Баян, Бабуров, Заславский, Кычанов, Файфель и А.Шевцов.

ВСНХ - Высший совет народного хозяйства.

ГА – Государственный архив.

ГАНХ - Государственный архив народного хозяйства СССР.

ГМИКАССР – Государственный музей искусств Каракалпакской АССР.

ГНИМА Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В.Щусева.

ГПУ – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР.

МАО - Московское архитектурное общество.

МКАД – Московская кольцевая автомобильная дорога.

Наркомат – Народный комиссариат.

НКВД - Народный комиссариат внутренних дел.

НКХХ - Народный комиссариат коммунального хозяйства.

ОГПУ – Отдел государственного политического управления.

РУ – Республика Узбекистан.

САСС Сектор архитекторов социалистического строительства. Чарджоу архитекторы М.Кузнецов, Н.Красильников, С.Кибирев, Егоричев.

СССР – Союз советских социалистических республик.

СНГ – Содружество независимых государств.

СНиП – Строительные нормы и правила.

СНК, также Совнарком – Совет народных комиссаров.

СРЕДАЗЭКОСО - Среднеазиатский экономический совет.

ТУРКОМСТАРИС Туркестанский комитет по охране памятников старины, искусства и природы.

Узсовпроф – Узбекские советские профсоюзы.

ЦГА - Центральный государственный архив.

ЦИК – Центральный исполнительный комитет.

ЦК – Центральный комитет.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

(н,с,в – низ, середина, верх иллюстраций)

Автор 2в,4н(на плане Филимонова В.М.),6-8, 9н(на плане Cantacuzino Sh.),в,10,12,13н,14,15,17с,в,20в,25-27,28н,с,31с,38,43в,45в,48,50,64в,65н,66с,в,69,71, 74н,75н,76в,80,82в,83н,86в,96с,104с,в,105в,106н,в,107,108н,109в,111,113н,114,124н,с, 132н,с,137,138с(на плане Кадыровой Т.Ф.),в,139в,140-142(с Зайнуддиновой М.А.), 145с,в,148в,151в,153н,154н,в,156н,157,159н,с,162(рисунки Джаббара О.С. и Коробовцева Г.И.),165-167,168с,173(на планах Зияева А.),178181,182н,в,183,187н,196, 197,198в,199н,200н,201-203,206-212,213с,в,214,216в,217,218в,219-227,231,232в, 233н (на плане Филимонова В.М.),в,235-239, 241, 243, 245в, 247, 248н, 249с, 250н,в,253, 261н,в,262,281,282с,в,283,284,285н,в,286,287,288в.

Абилов А.Ж. 189с,198н.

Адылов Р.Н. 254.

Азаренкова З.В. 182с.

Академия строительства и архитектуры СССР 88,93в,149н.

Акмалаев А.Д. 255,256.

Алимов Н.Н. 271.

Ан Т. и Пулатов Х.М. 215с,в.

Архитектура и строительство Узбекистана 91в,101в,108в,126,130с,133,244, 245н,138н,145н,146,152,155,159в,163н,169в,170,250с,251с,252н,252в,257-259,261с, 172в, 174,177,192в,199с,200с,205,234в,242,246,248в,249н,с,263,269,277,278,279в,280.

Архитектура, приложение к Строительной газете 89н,91с,93н,115с,172н.

Бабаханов А.Б. 94,101н,с,125н.

Бакирев И. 184.

Бархин М.Г. 87н.

Басенов Т.К. 102.

Былинкин Н.П.104с.

Всеобщая история архитектуры (ВИА), 12том 121с,127с,150,172с.

Госплан КАССР 52,53.

Государственный музей искусств Каракалпакской АССР имени Савицкого И.В., Нукус 32с,в,55н,65с.

Государственный музей искусств народов Востока, Москва 82н.

Государственный музей изобразительных искусств Республики Узбекистан 33в,67н.

Государственный научно-исследовательский музей архитектуры (ГНИМА) имени А.В.Щусева, Москва 76н,с,77н,с,78в.

Гутнов А.Э. 55в.

Де Арсе Р.П. 135в.

Джаббар О.С. 156с,в,160,275,276.

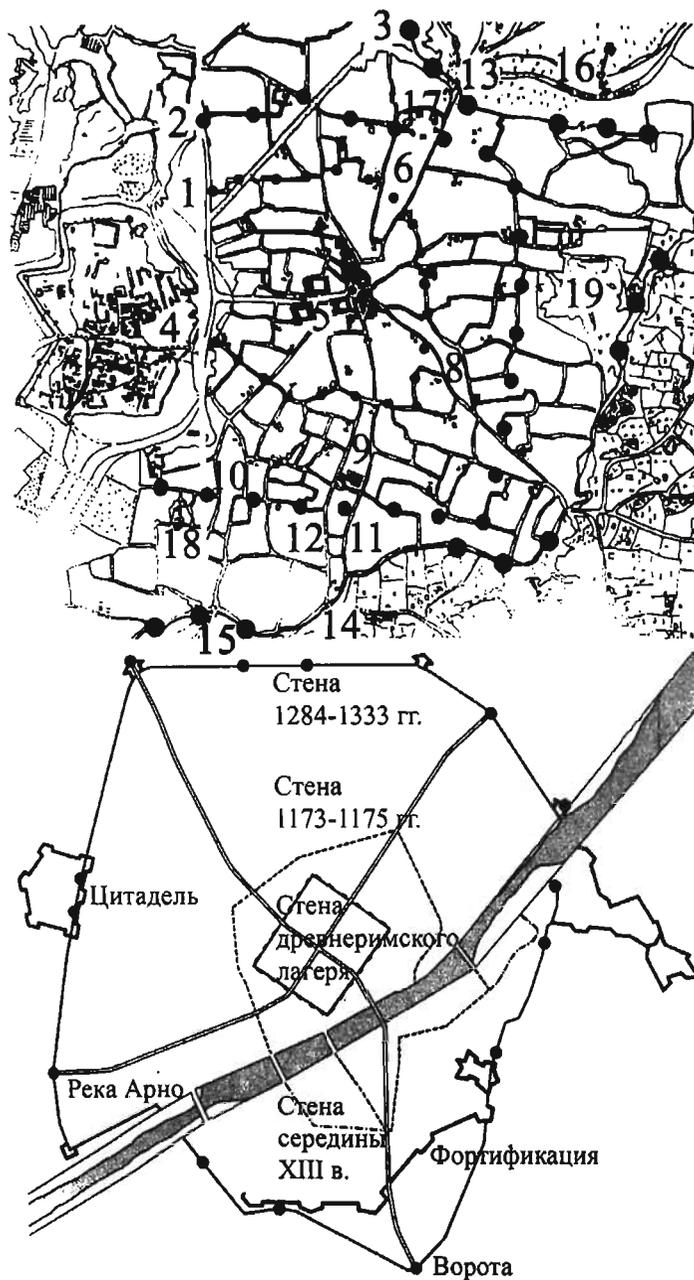
Джахангиров В.А. 91в,92в,93с,100в,104н,109н,116н,168н,172с.

Дрягин А. 17н.

Ергеодезкадастр-2010 123,128с,в,130в,131в,199в,260н.
Ешимбетова С.И. 270,272-274.
Зияев А. 49с,в,50,93н,97н.
Институт восточной культуры Университета Токио 193.
Интернет 131н,153в,154с,251н,в.
Кагал К. 117,135н.
КадыроваТ.Ф.39в,100н,с,101в,115в,118с,в,121н,в,125в,127в,128н,с,129,130н,
в132в,139с,143с,в,144,147,148н,с,149в,151с,158,161,168в,200в.
Калисламов А.И. 240,279н.
Калмыков В.П. 54,59в.
Клычев З. и Шарипова З. 28в,64с,95,139н,213н,215н,229,232н.
Кожушко Д.П. 218н.
Коробовцев Г.И. 164.
Культерман У. 119.
Курьер ЮНЕСКО 260в.
Лазаренко П.И. 59н,98н.
Мани Л.Дж. 188н.
Московское архитектурное общество (МАО), Москва 67с,в.
Массон М.Е. 1в.
Мерлен П. 185в,188в.
Мирхамидова Ш.М. 230.
Нильсен В.А. 5,18в,21,22с,23,24,64н,65н,99н.
Ноткин И.И.11,124в,163в,189н,198н.
ОАО Узшахарсозлик ЛИТИ 118н,с.
Организация Объединённых Наций 171.
Осипова И.В. 189в,191,192н.
Правда Востока и Кизил Узбекистон 32н,66н,91н,99в.
Проект Россия 190.
Рахимов У.Х. 252с.
Савицкий Ю.Ю. 60с.
Сильченков А.А. 16в,60в,61,62.
Смирнова О.В. 87в.
Советская архитектура 56-58.
Современная архитектура 73,75с,в,77н,с,78с.
Социалистическая наука и техника 98в,151н.
Ташкент путеводитель 122.
Телегин В.П. 234н,248с,249в.
Турсунов Ф.Ю. 250с,264н.
УзНИИПградостроительства 96,97в,136в,169н.
Узшахарсозлик ЛИТИ 175,176в.
Усманов С. 228.
Хайт В.Л. 127н.

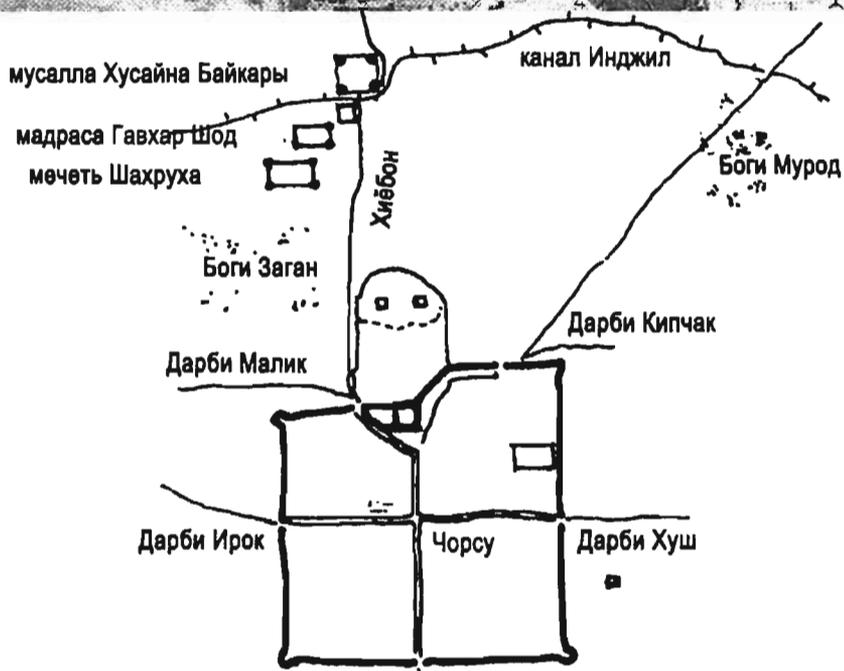
Хан-Магомедов С.О. 70н,83с,в,84,143в,185н,с.
Хидоятов Ш.Ш. 265,266.
Центральный государственный архив (ЦГА) КиргССР 16н,30,42н,72.
Центральный государственный архив (ЦГА)ТаджССР 34н,42н,71,72.
Центральный государственный архив (ЦГА) ТуркмССР 22н,в, 30,31в, 33с,34с,в,
41,65в,70с,79.
Центральный государственный архив (ЦГА) УзССР 18н,с,19,30,31н,35-
37,39н,с,40,41,42в,43с,44,45н,46,47,51,65с,68,70в,71,77в,78в,79,81,85,86н,с,89в,90,94с,
98с,99с,103,104н,110,112,113в,115н,116в,282н
Центральный научно-исследовательский институт теории и истории
архитектуры (ЦНИИТИА), Москва 63,74с,в.
Центральный научно-исследовательский институт проектирования градо-
строительства (ЦНИИП градостроительства), Москва 120,186.
Чернихов Я. 82н.
ЮНЕСКО Ташкент 267,268.
Aga Khan Award for Architecture (АКАА) 136н,204,288н.
Ardalan N. and Bakhtiyar L. 92н,176н.
Casa Editrice Bonechi 105н.
Carreau J. 187в.
Chad Sh. 29.
Dacens B. 1н.
Di.Edit Roma 216н.
Droste M. 81.
Ganpatye P. 285с.
Gournay I. and Dolkart A.S. 106с.
Grendler P.F. 2н.
Japan International Cooperation Agency (JICA) 194,195.
Najimi A.W. 3н.
Pistolesi A. 92с.
Prost H. 13в.
Raymond A. 3в.
Sagar S. 134.
Safrani Sh.H. 9в.
Tepe Center 13в.
Thiebaut Ph. 20н.

288 ТАБЛИЦ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

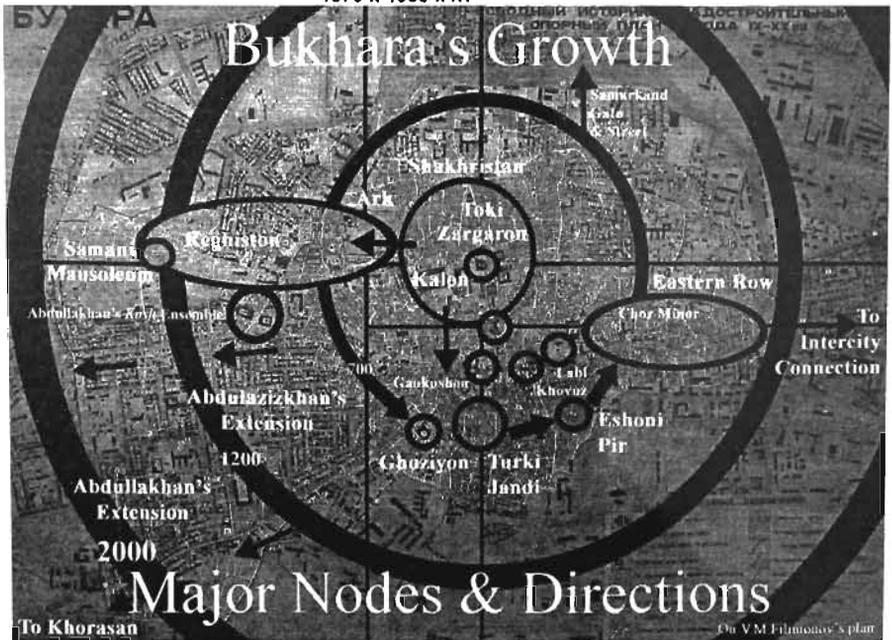
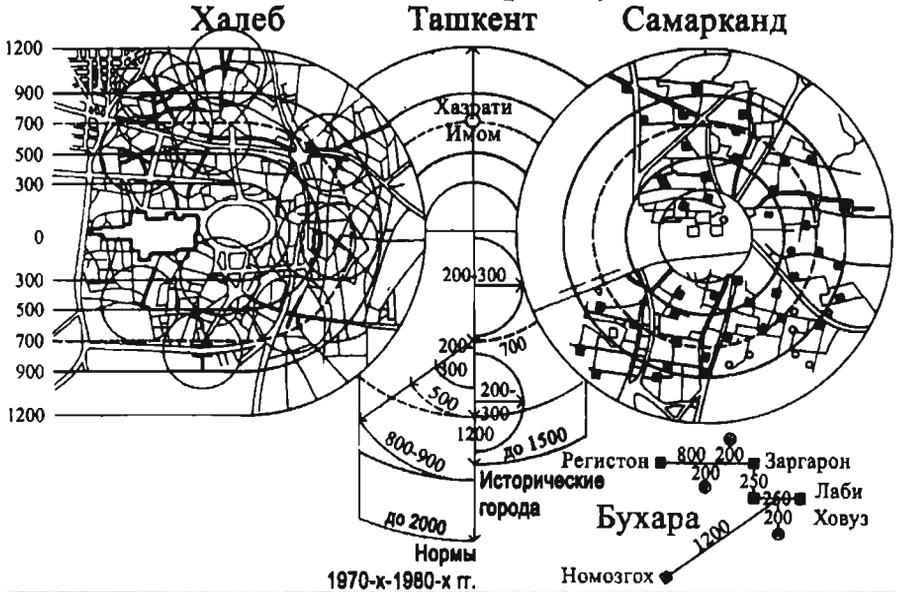
- 1-3 - стены внутреннего и внешнего рабатов и хисара
- 4 - цитадель
- 5 - Регистан
- 6-10 - пары радиальных улиц
- 11 - улица Сузангаранская
- 12 - улица Мехнат
- 13 - ворота Аханин
- 14-15 - ворота Сузангаран и Кариэгох
- 16 - Шохи Зинда
- 17 - Биби Хоним
- 18 - Гури Амир
- 19 - кладбище Чакардиза

2. ФЛОРЕНЦИЯ И САМАРКАНД. ПЛАНЫ. XIII-XV ВВ.

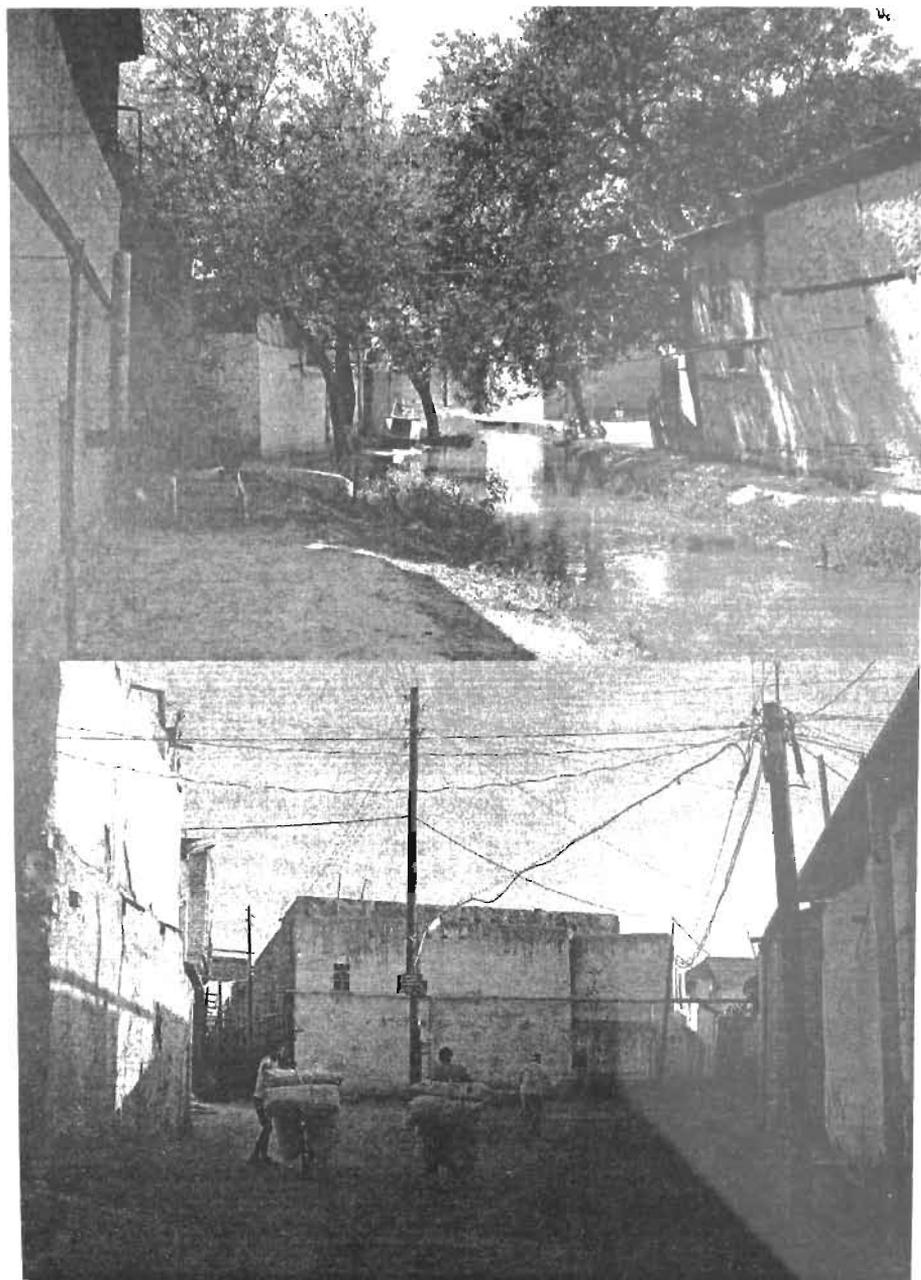

. ГЕРАТ. ПЛАН. 1391-1504 ГГ. ХАЛЕБ: СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ПРИГОРОД. ПЛАН. 1811 Г.

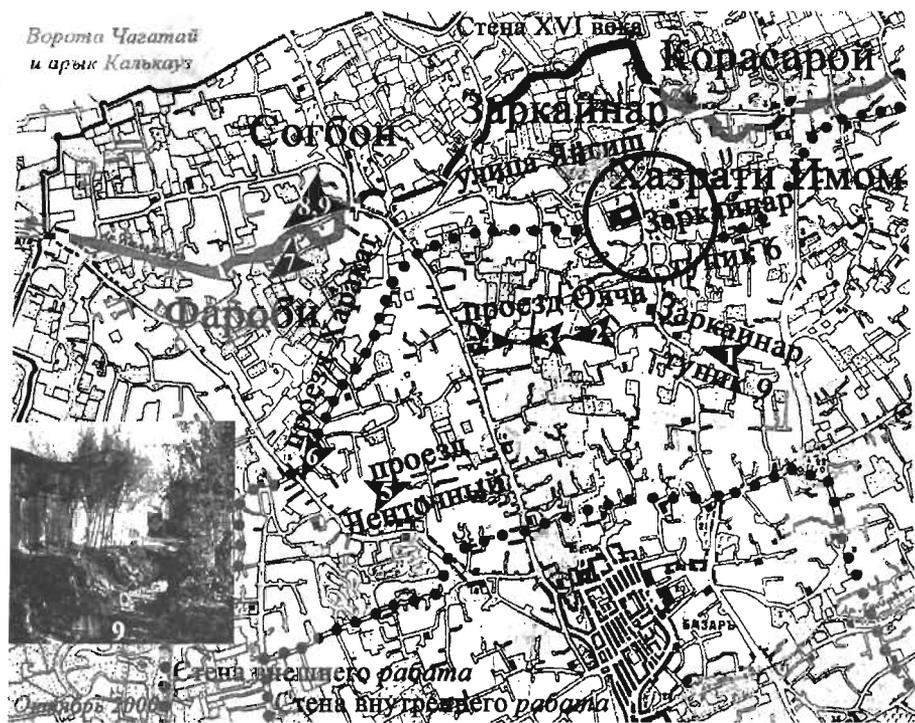
Пешеходные радиусы

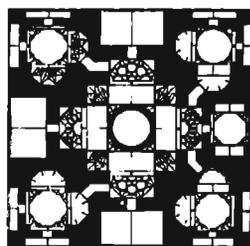
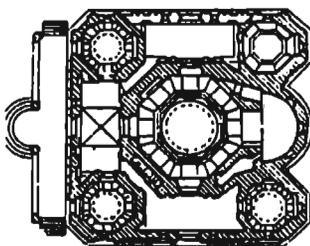
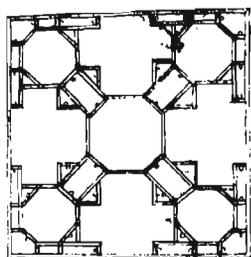
4. РОСТ БУХАРЫ: ГЛАВНЫЕ УЗЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ. ПЛАН.

6. БУХАРА: УЛИЦА В 700 М. ЮЖНЕЕ ТОКИ ЗАРГАРОН. ТАШКЕНТ: АРЫК КАЛКОВУЗ.

7. ТАШКЕНТ. ПЛАН. 1890 Г. КОНЦЕНТРИЧЕСКИЕ УЛИЦЫ. ФОТО. 2000 Г.

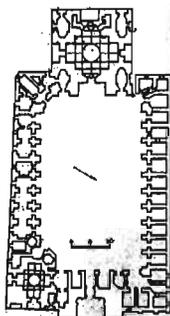
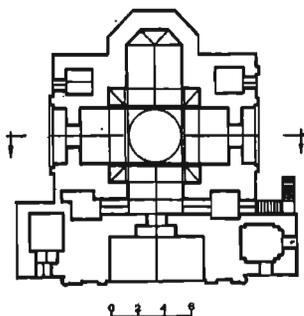
1461-64
Филарете
Италия

1547
Иоанн Предтеча
Москва

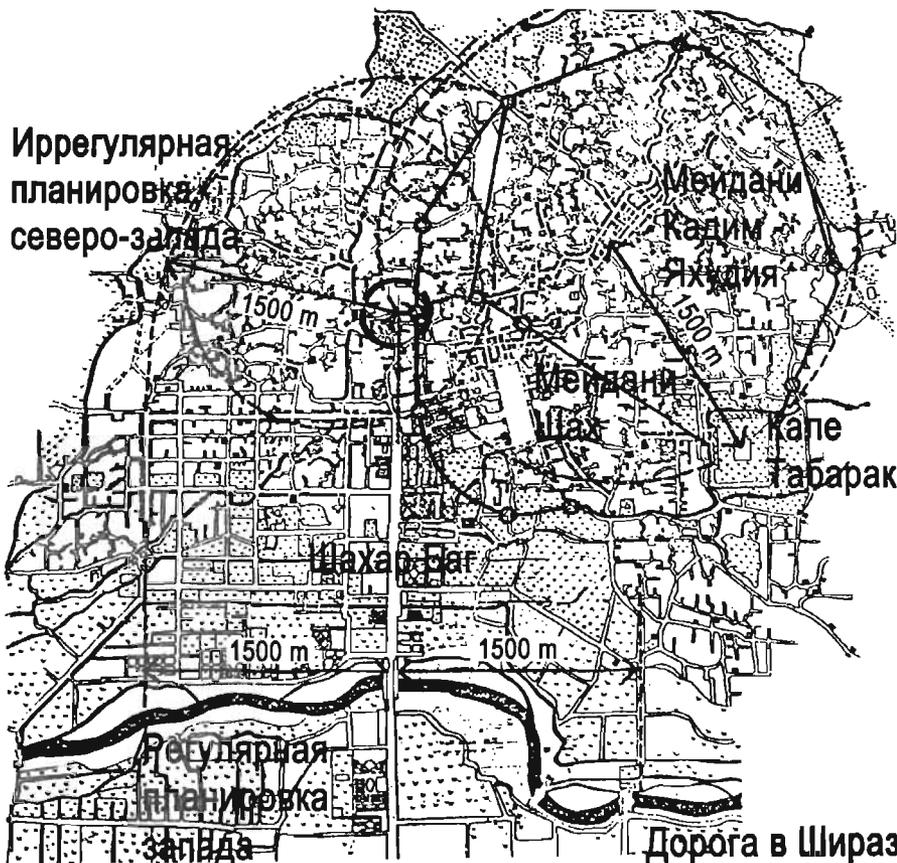
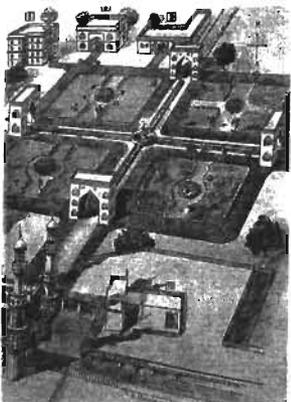
1558
Косим Шайх
Бухара

1480-90
Юнус Хан
Ташкент

1528-32
Суюнидж Хан
Ташкент

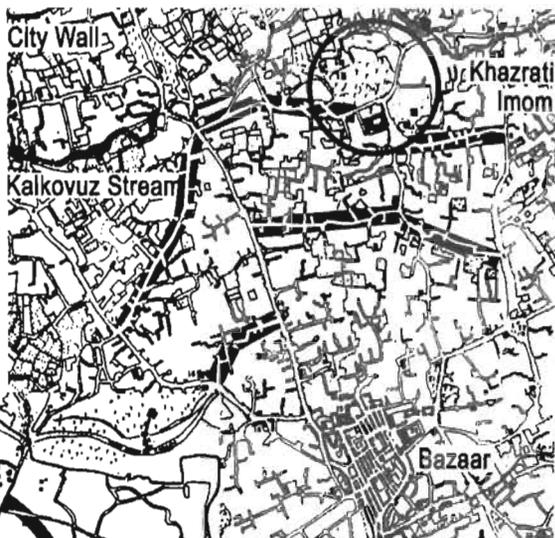

8. РАСПРОСТРАНЕНИЕ МОДЕЛИ ЦЕНТРИЧНОГО ХРАМА: XV-XVI ВВ.

9. ИСФАХАН. ПЛАН. XVI-XVII ВВ. ЧОР МИНОРЫ ХАЙДАРАБАДА И БУХАРЫ. 1592-1807 ГГ.

Ташкент:
религиозный центр
и концентрические улицы
в 700-метровом радиусе

Самарканд:
квартальные центры
и концентрические улицы
в 700-метровом радиусе,
а также
радиальные улицы

Бухара:
рост на юг
вдоль концентрической улицы
в 700-метровом радиусе

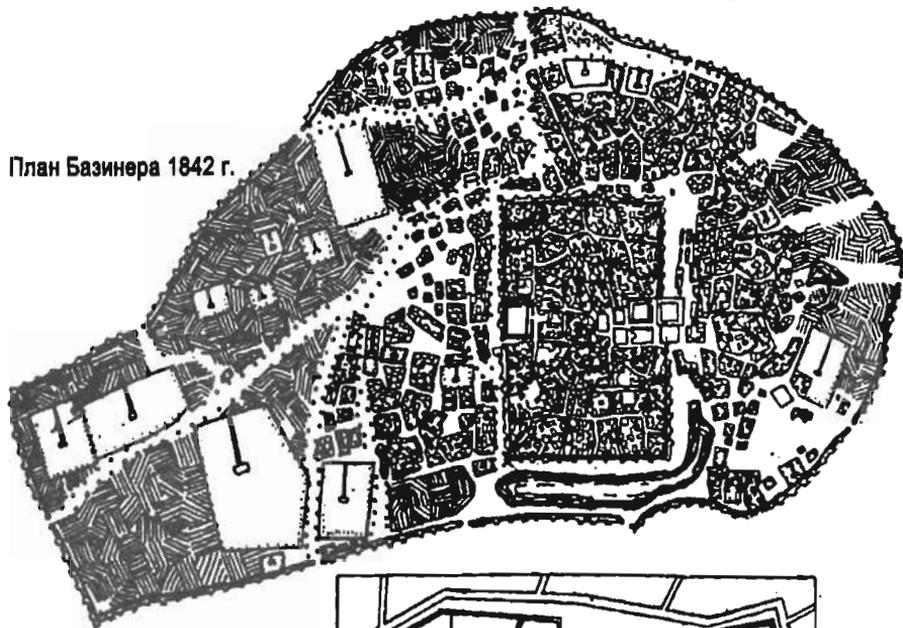

10. БУХАРА, САМАРКАНД, ТАШКЕНТ: ЦЕНТРЫ РАДИУСА 700 М. ПЛАНЫ.

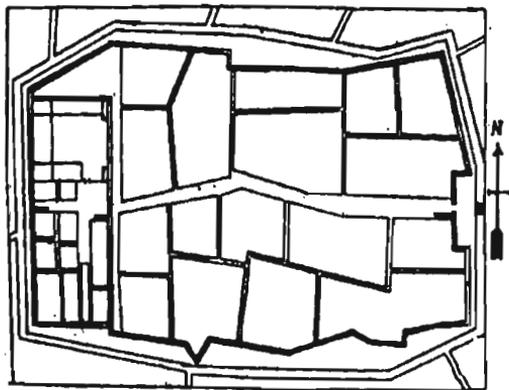
Модель И.И.Ноткина 1983 г

План Базинера 1842 г.

План Назимова 1740 г.

11. ХИВА. ПЛАНЫ. 1740, 1842 ГГ. МОДЕЛЬ РОСТА. 1983 Г.

Радиусы внутреннего *рабата* / внешнего *рабата*

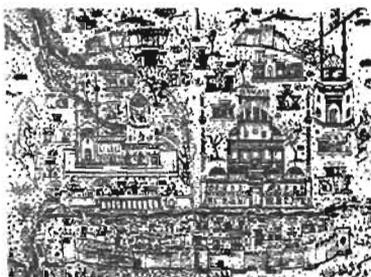
VIII-XVI Бухара

1/2,5

X-XIX Ташкент

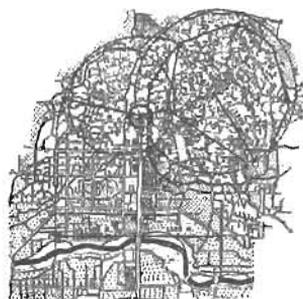
1/2,5

XIII-XIV Султания

1/2

1,5

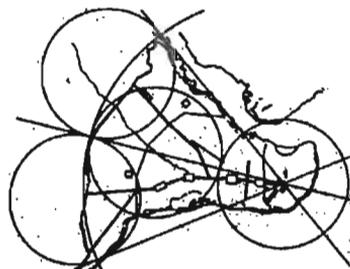
X-XVII Исфахан

I Рим

2,6

3

V Константинополь

13. ПЛОТНОСТЬ ЗАСТРОЙКИ. БУХАРА И СТАМБУЛ. МИНИАТЮРА XVIII В., ФОТО 1940 Г.

XX

Москва 1971

Ташкент 1999

Московский район 1918-22

Ташкент 1927-8

XIX

Манхэттен

Города-сады Лондона

XVIII

Вашингтон, Д.К.

Санкт-Петербург

Ташкент 1865

XVII

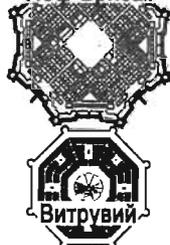

Неф-Брисак

XV-XVI
I В. до Н.Э.
V В. до Н.Э.

Милет

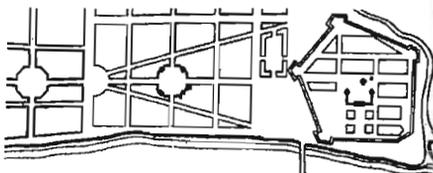
Витрувий

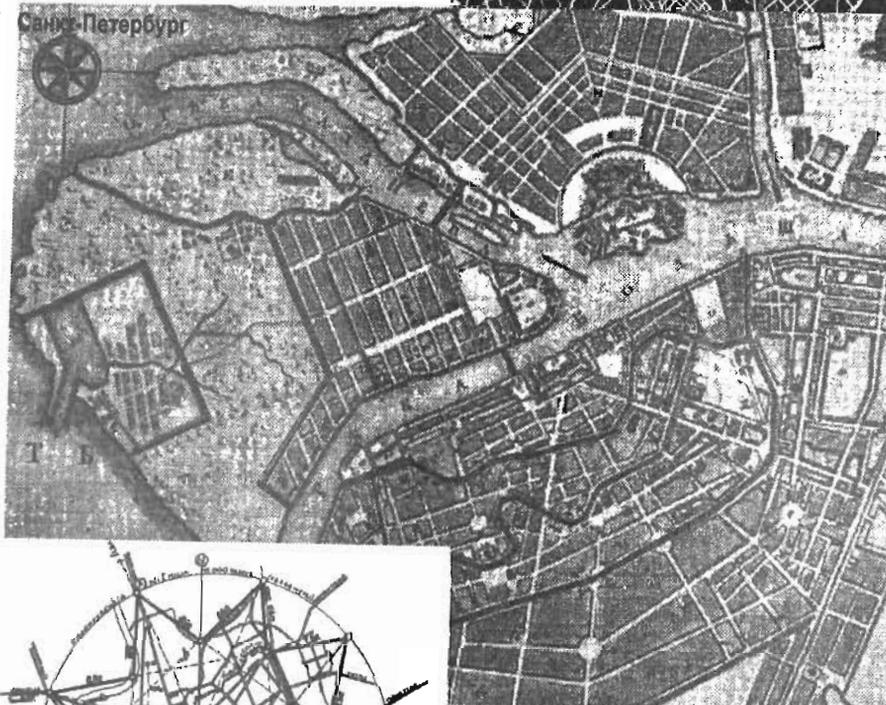
Флоренция

14. ИСТОКИ НОВОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА УЗБЕКИСТАНА. ПЛАНЫ.

Ярославль

Санкт-Петербург

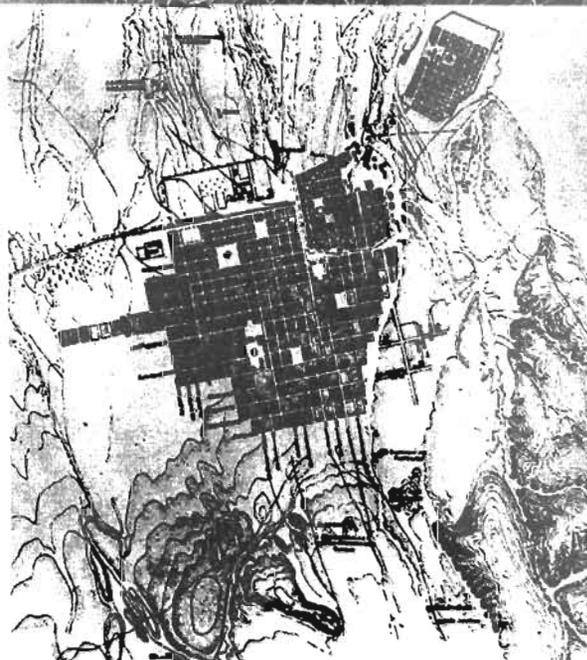

Рим Плиния Старшего

Санкт-Петербург Ж.-Б. Лебона

15. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЛАНА НОВОГО ГОРОДА ТАШКЕНТА.

16. НОВЫЕ ГОРОДА ВЕРНЫЙ (АЛМАТЫ) И ТАШКЕНТ. ПЛАНЫ. КОНЕЦ XIX В.

План Самарканда
Муравьева и Михайлова
1875-1878 гг.

Урда
1810 г.

Генеральный план
А.В.Макарова
1870 г.

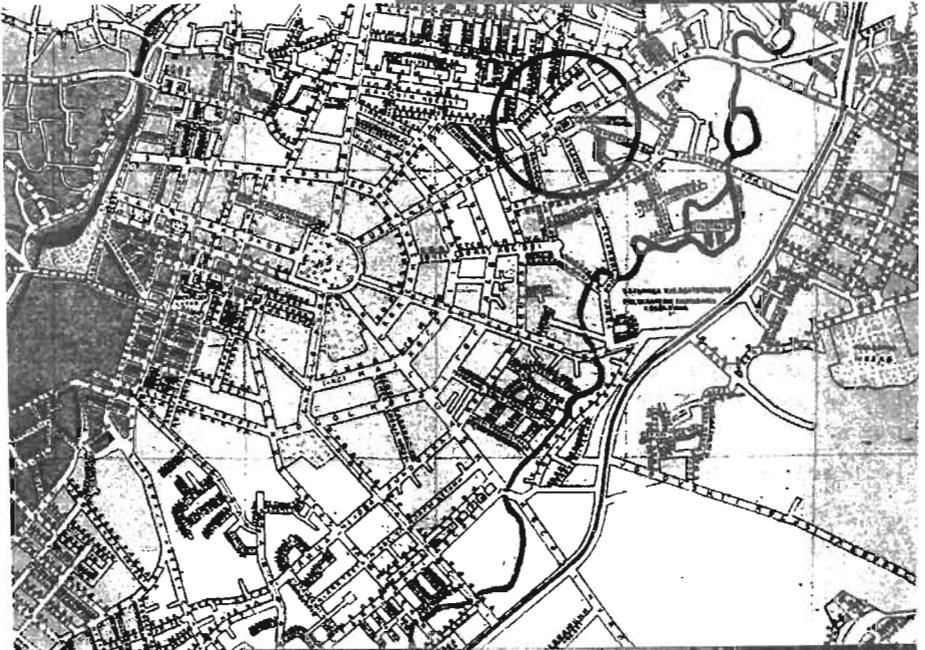
Шахматная планировка
М.Н.Колесникова

Город-крепость
по генплану
Писаревского
1865 г.

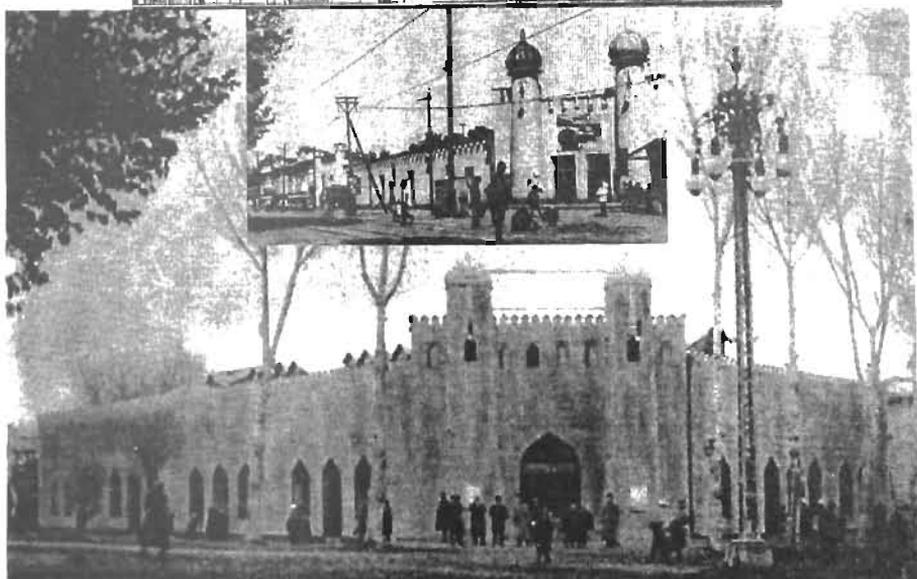
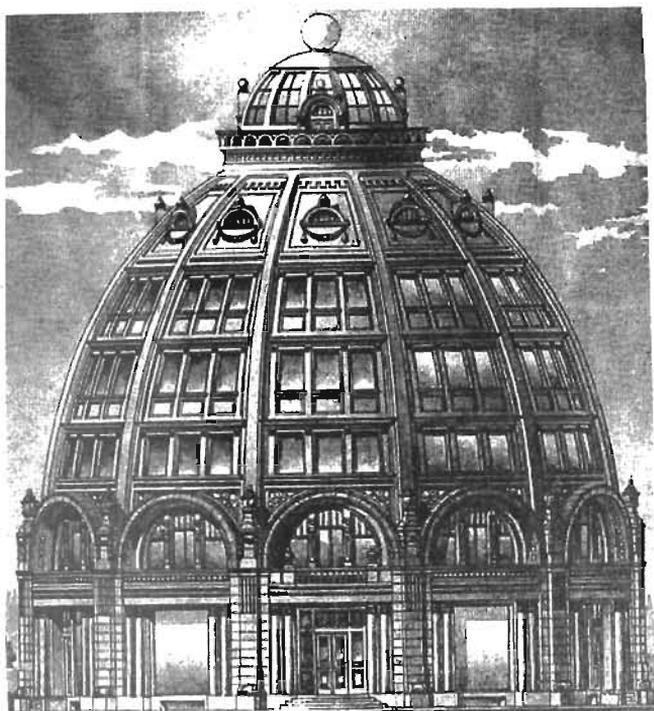
Акмолинск,
генплан 1866 г.

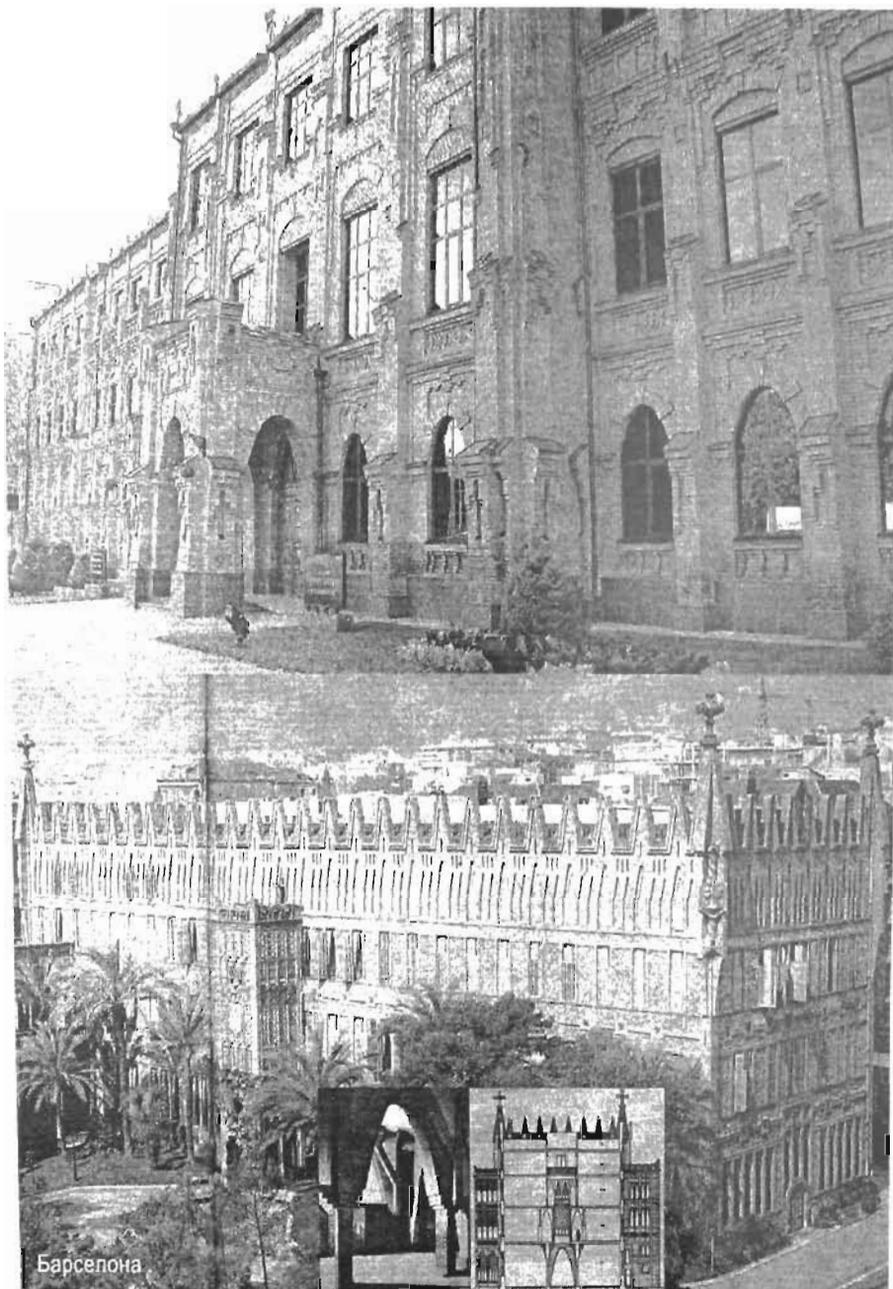
17. НОВЫЕ ГОРОДА АКМОЛИНСК, ТАШКЕНТ, САМАРКАНД. ПЛАНЫ. КОНЕЦ XIX В.

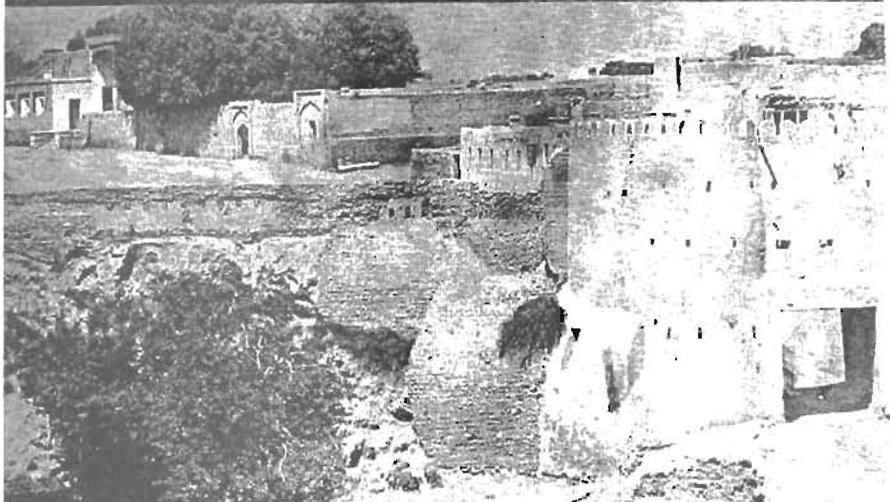
18. ТАШКЕНТ. ЦЕРКОВЬ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО. 1897 Г.

19. ТАШКЕНТ. Г.М.СВАРИЧЕВСКИЙ. КИНОТЕАТР ХИВА. 1910. ПРОЕКТ МУЗЕЯ. 1915.

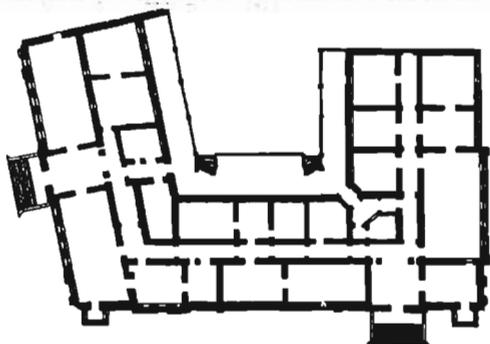
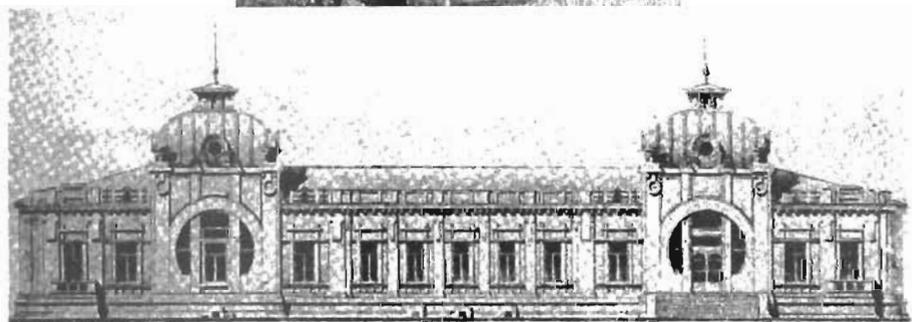
20. А.ГАУДИ. КОЛЛЕДЖ. 1888-1890. Г.М.СВАРИЧЕВСКИЙ. ГИМНАЗИЯ. 1912.

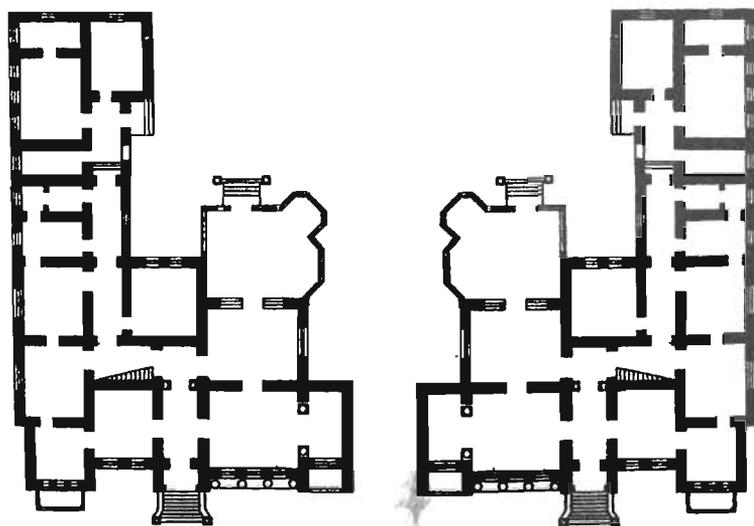
21. САМАРКАНД. ВОРОТА. ПАМЯТНИК ПАВШИМ. КОНЕЦ XIX В.

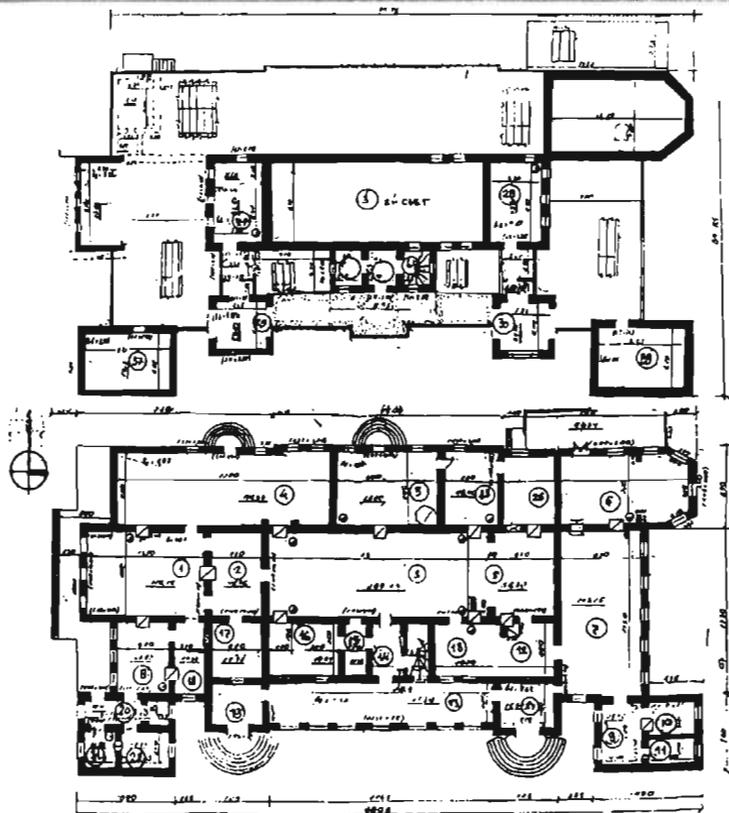
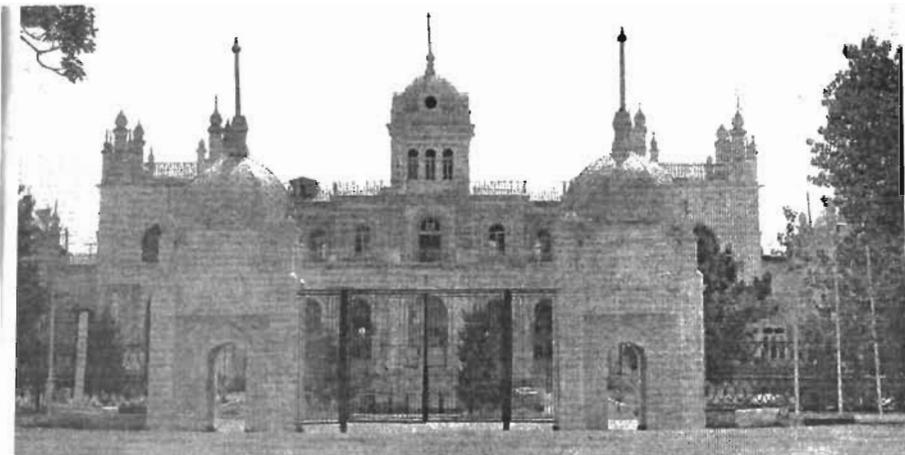
22. НОВЫЕ ГОРОДА АШХАБАДА И САМАРКАНДА (В ЦЕНТРЕ). ПАМЯТНИКИ. КОНЕЦ XIX В

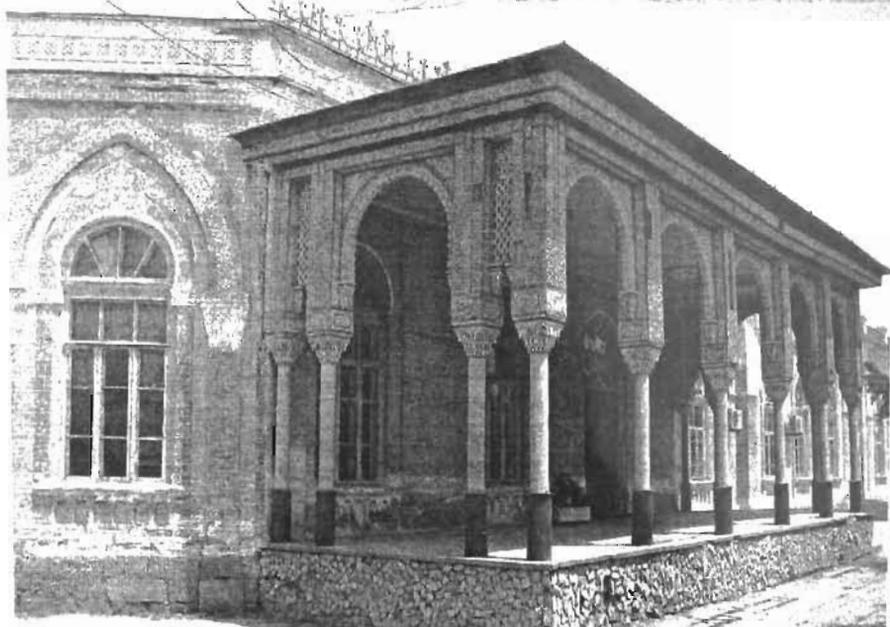
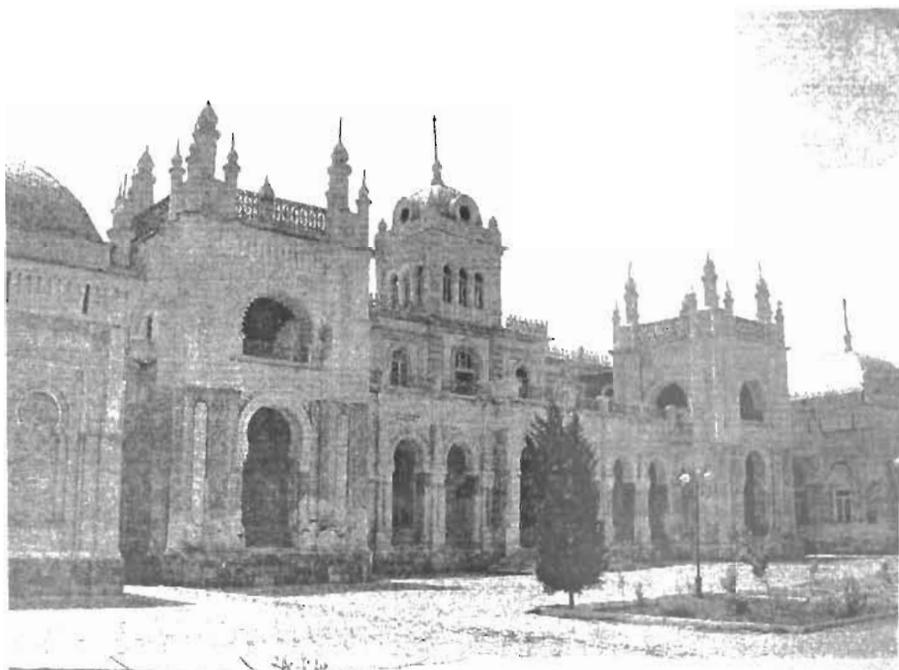
23. КОКАНД. ОСОБНЯК ВАДЬЯЕВЫХ. 1907Г.

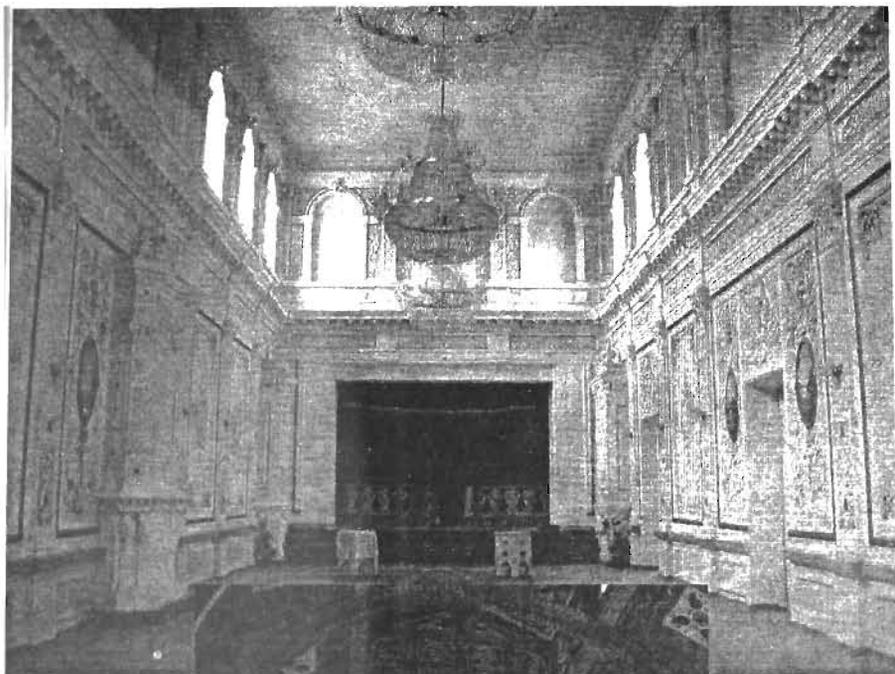
24. КОКАНД. ОСОБНЯК МАНДАЛАКА. 1904 Г.

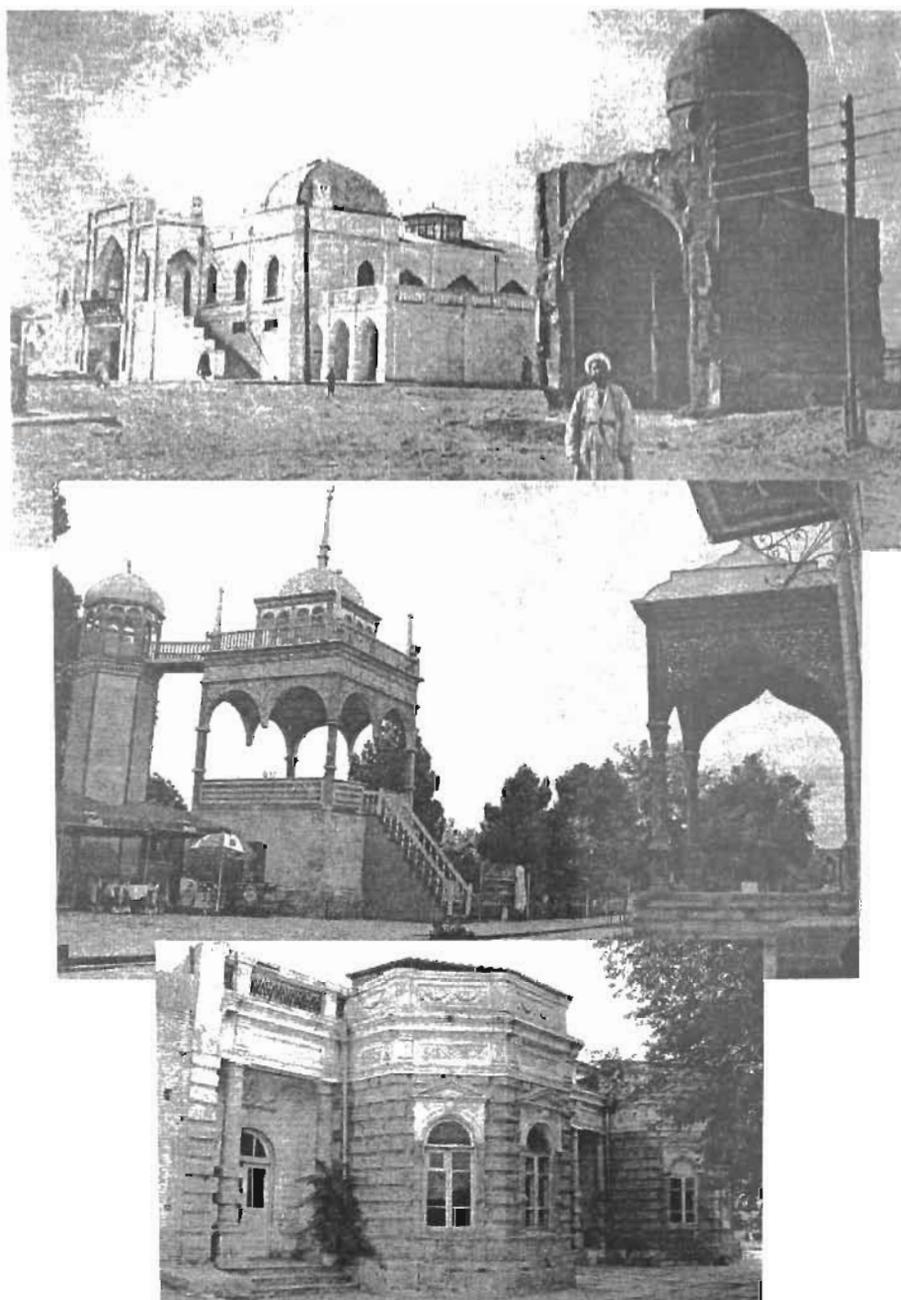
25. КАГАН. ДВОРЕЦ. РУБЕЖ XIX-XX ВВ.

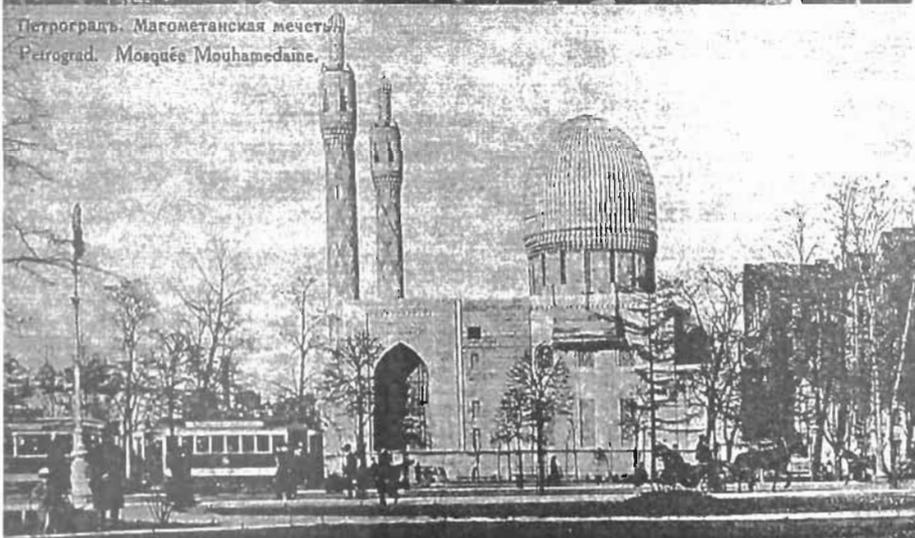
26. КАГАН. ДВОРЕЦ. РУБЕЖ XIX-XX ВВ.

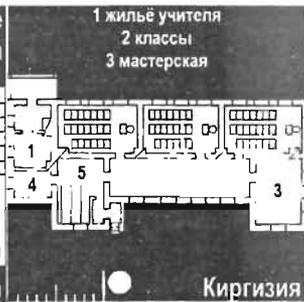
27. ДВОРЦЫ В СИТОРАИ МОХИ ХОСА И КАГАНЕ. ЗАЛЫ. РУБЕЖ XIX-XX ВВ.

28. БУХАРА. СИТОРАИ МОХИ ХОСА И НАРОДНЫЙ ДОМ. ФОНАРИ. РУБЕЖ XIX-XX ВВ.

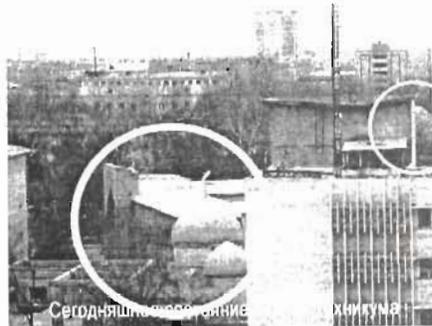
29. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. СОБОРНАЯ МЕЧЕТЬ. 1906-1920 ГГ.

- 1 классы
- 2 вестибюль
- 3 читальня
- 4 библиотека
- 5 туалеты

- 6 лаборатория
- 7 химия
- 8 физика
- 9 сторож
- 10 службы

Красная чайхана. 1932
М.И.Курзин

Чайханщик

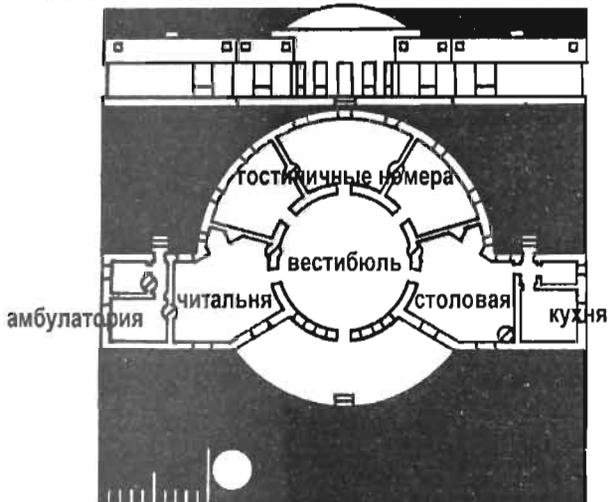
В.И.Исупов

Красная чайхана. 1930
Ташкент

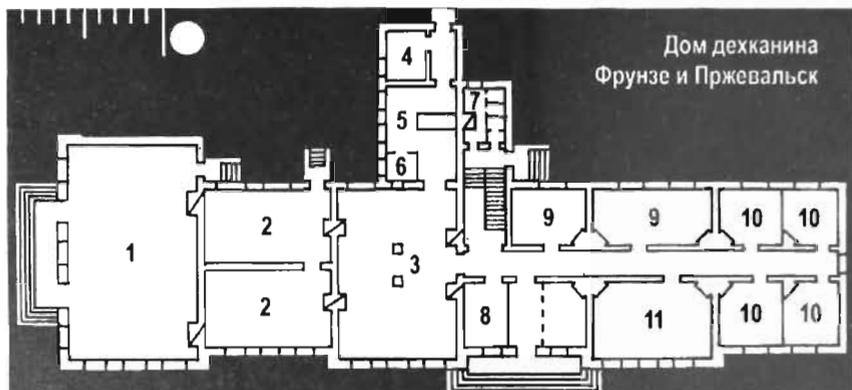

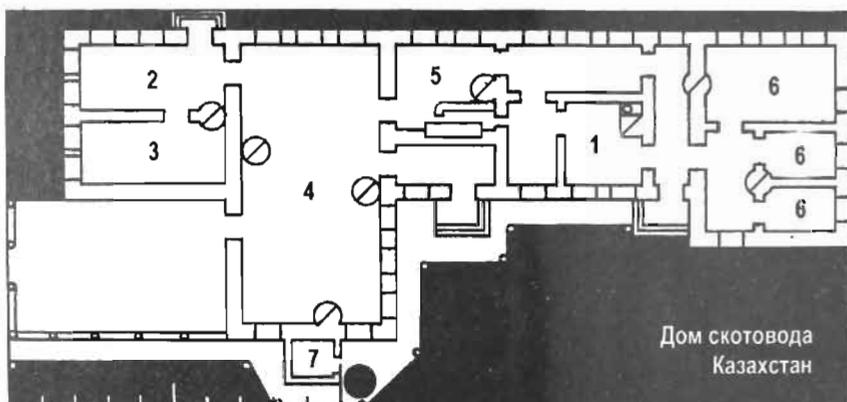
Юрты. 1937. Н.Г.Карахан

33. АРХИТЕКТУРА КРАСНОЙ ЮРТЫ ДЛЯ ДОМА ДЕХКАНИНА В КЕРКИ. 1928 Г.

Дом дехканина
Фрунзе и Пржевальск

Дом скотовода
Казахстан

- 1 зал
- 2 мужское
общезитие
- 3 столовая
- 4 кладовая
- 5 кухня
- 6 мойка
- 7 туалет
- 8 канцелярия
- 9 научно-
популярные
комнаты
- 10 гостиничные
номера
- 11 женское
общезитие

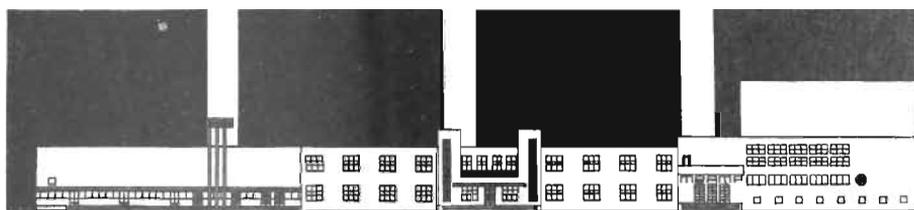

Дом дехканина

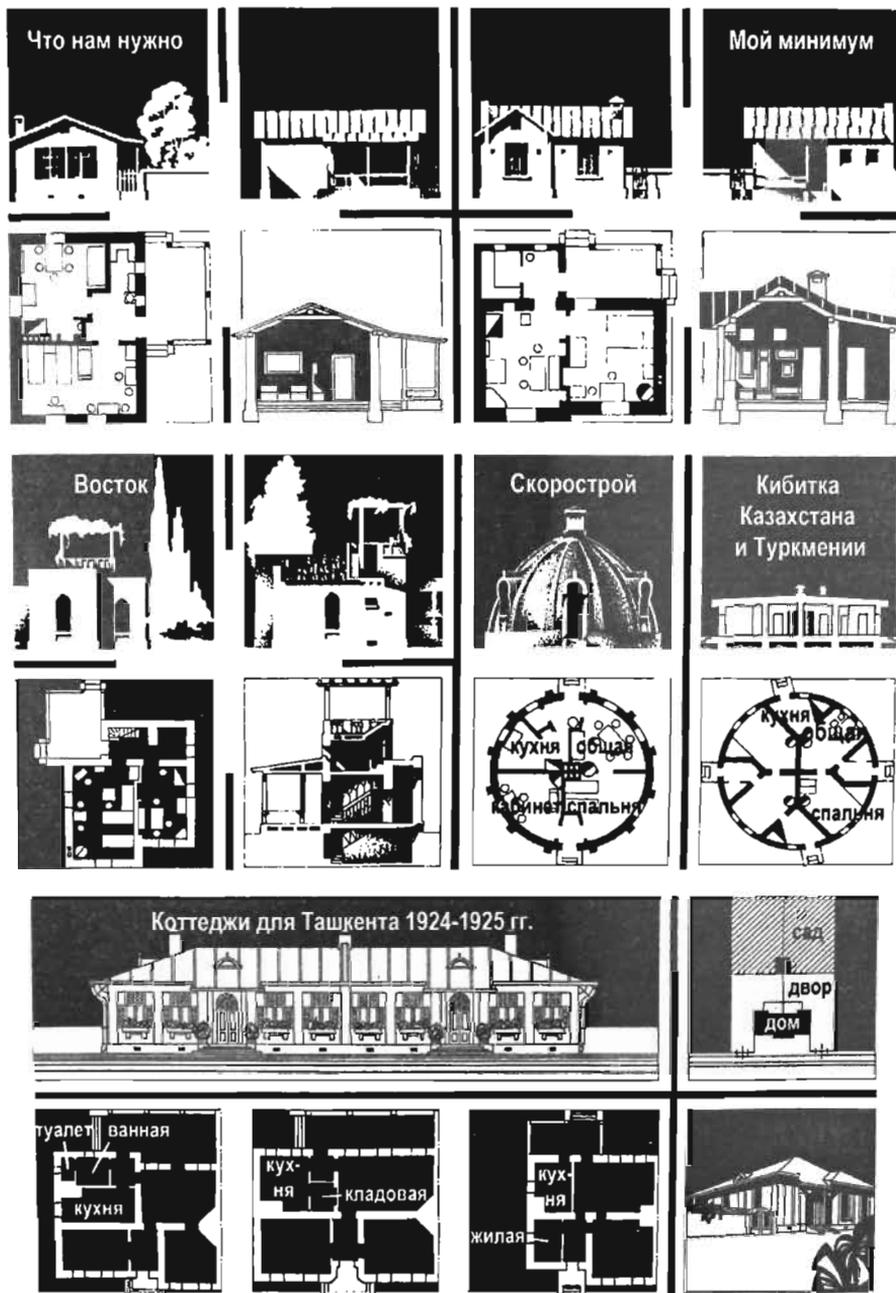
Душанбе

- 1 кухня
- 2 читальня
- 3 библиотека
- 4 красная чайхана -
зрительный зал
- 5 буфет
- 6 гостиничные
номера
- 7 проекционная

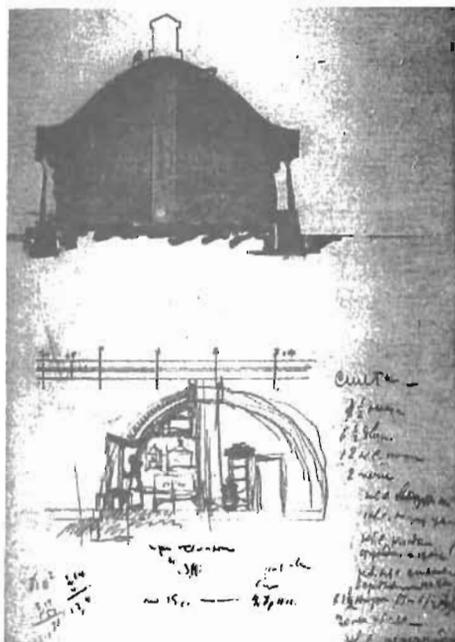
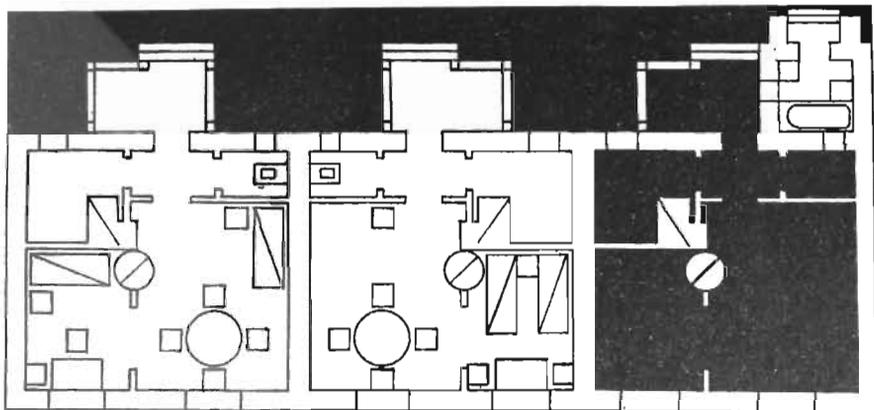
34. ДОМА ДЕХКАНИНА И СКОТОВОДА. 1927-1930 ГГ.

35. АНДИЖАН. ДОМ ДЕХКАНИНА. С.Н.ПОЛУПАНОВ. 1930 Г.

36. ТАШКЕНТ. КОТТЕДЖИ. ЖИЛЫЕ ДОМА ДЛЯ РАБОЧИХ. 1924-1925 ГГ.

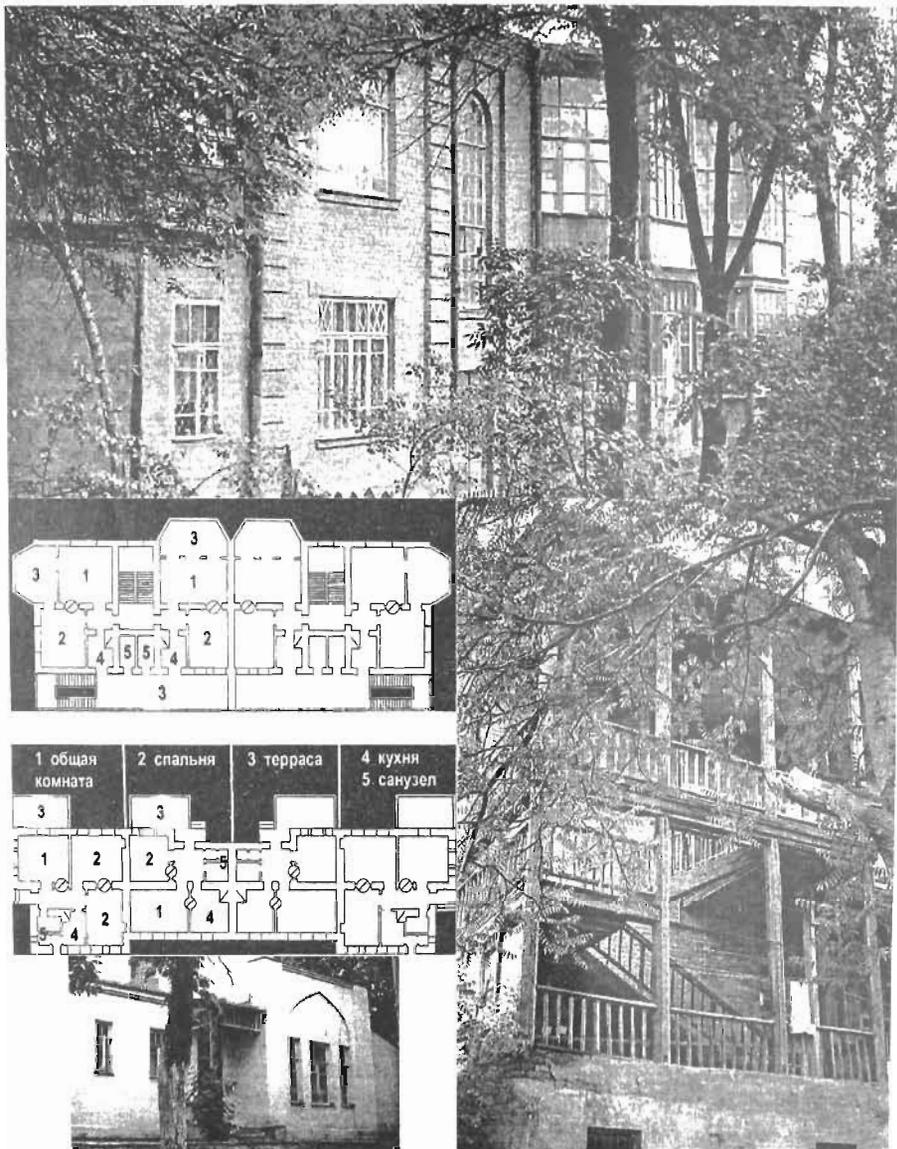

Трёхквартирный жилой дом с ванной как удобством, Ташкент, Г.Левитов

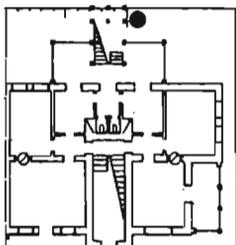
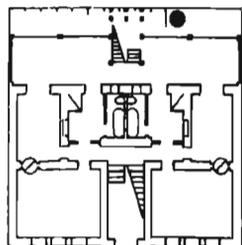
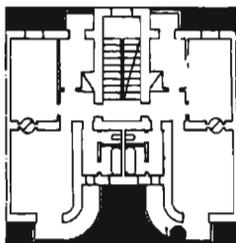
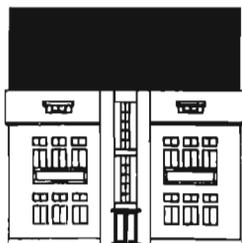
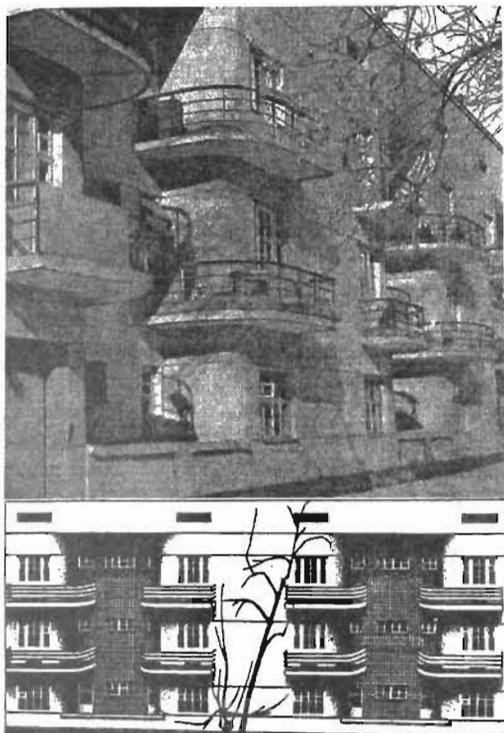
**Г.М.Сваричевский на Первом съезде
инженерно-технических сил Союза строительных рабочих УзССР,
Ташкент, 1926**

Эскиз жилого дома Скорострой, Г.М.Сваричевский

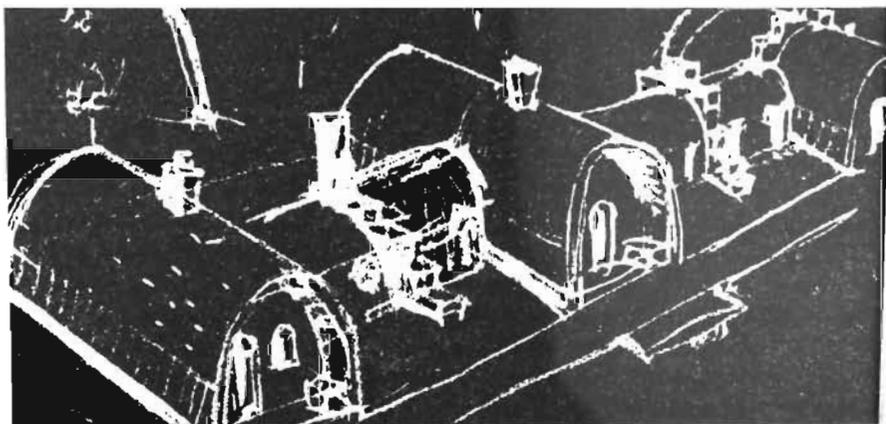
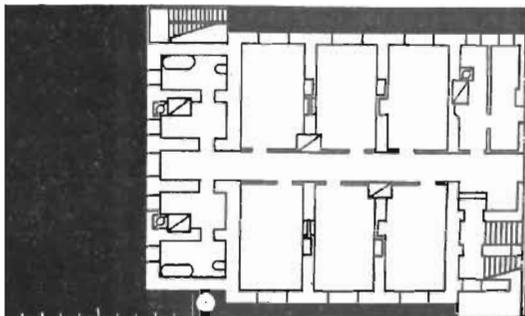
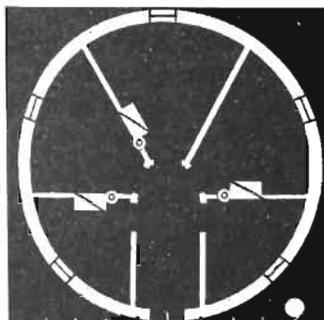
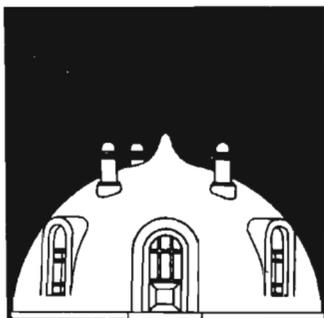
37. ТАШКЕНТ. ДОМА ИЗ МЕСТНЫХ МАТЕРИАЛОВ И С УДОБСТВАМИ. 1925-1929 ГГ.

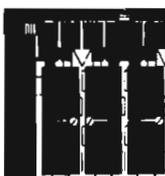
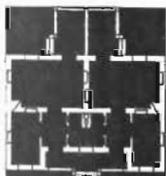
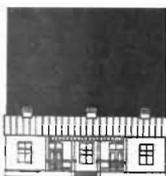
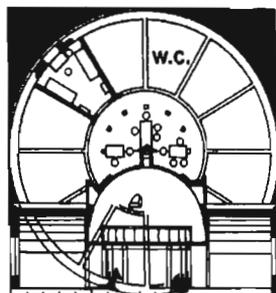
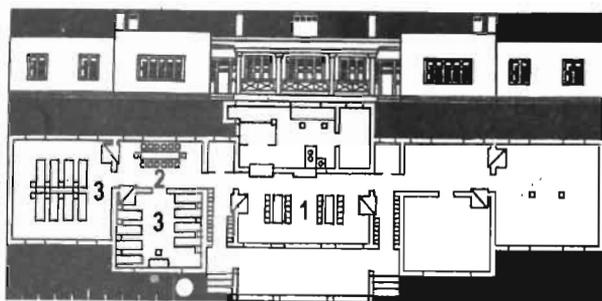
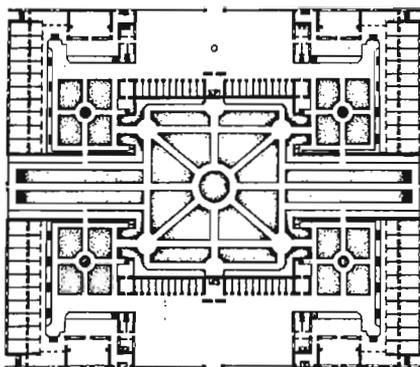
38. САМАРКАНД. ЖИЛЫЕ ДОМА ТРЕСТА ХЛОПСТРОЙ. 1928-1929 ГГ.

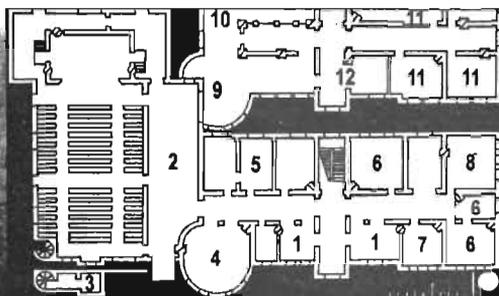
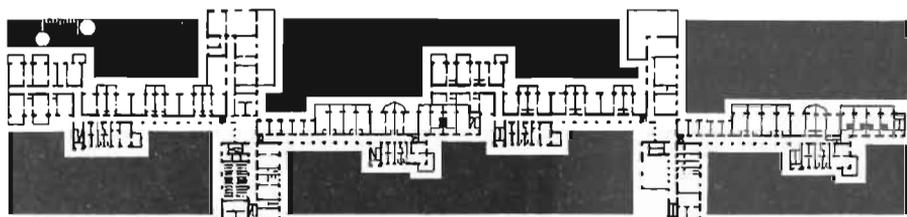
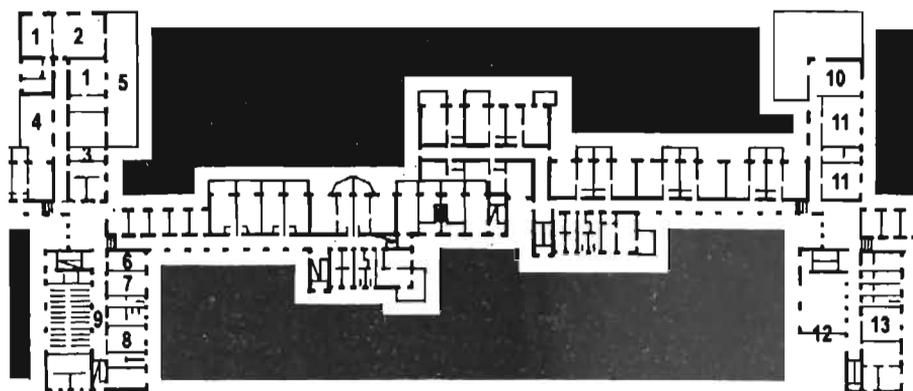
39. ТАШКЕНТ. ЖИЛЫЕ СЕКЦИИ. К.В.БАБИЕВСКИЙ. 1927-1931 ГГ.

Жилой дом Ташкентского городского Совета. Б.К.Скорняков
Жилой дом Полушарие. Г.М.Сваричевский
Жилой дом Юность. Б.Н.Засыпкин

Четырёхсекционный коммунальный жилой дом. Туркменистан
 Коллективный жилой дом Полушарие. Г.М.Сваричевский
 Барак на 32 рабочих Нефтедага, Туркменистан:
 1 - столовая, 2 - досуг, 3 - спальни
 Жилые дома Туркшёлка

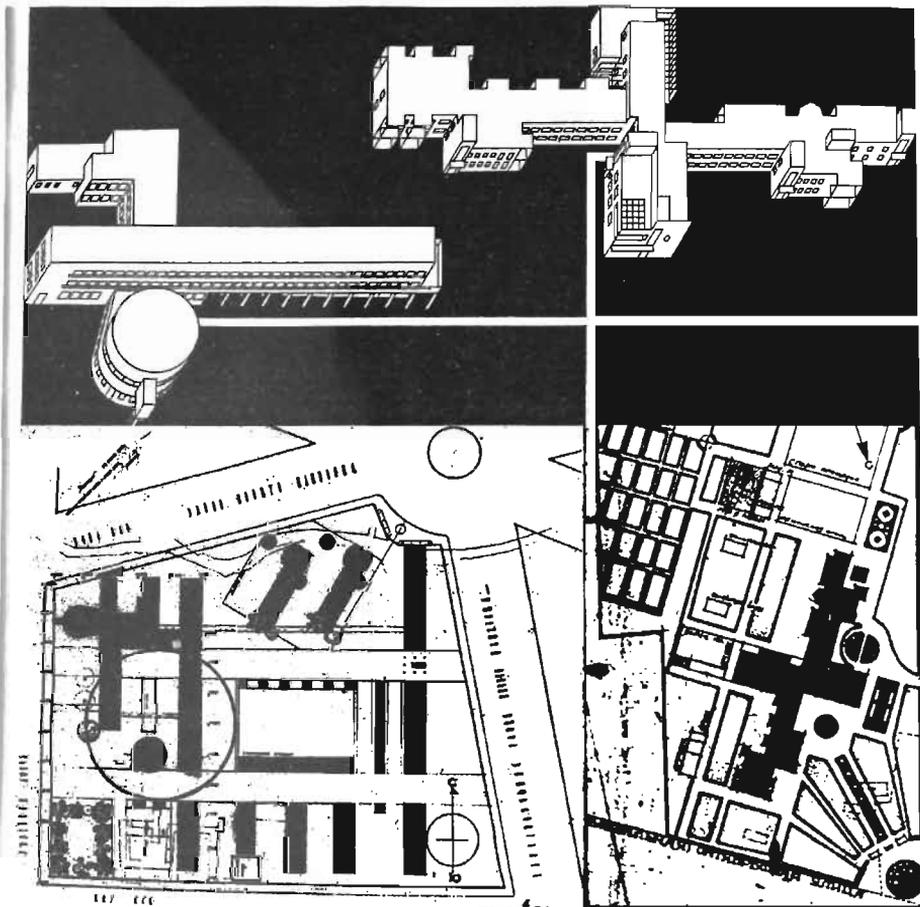
Дом-коммуна в Самарканде, планы первого и второго этажей:

- 1 - игральные, 2 - шахматная, 3 - врач, 4 - теневая терраса, 5 - солнечная терраса,
6 - парикмахерская, 7 - курительная, 8 - спортивный инвентарь, 9 - зал, 10 - читальня,
11 - кружки, 12 - столовая, 13 - кухня

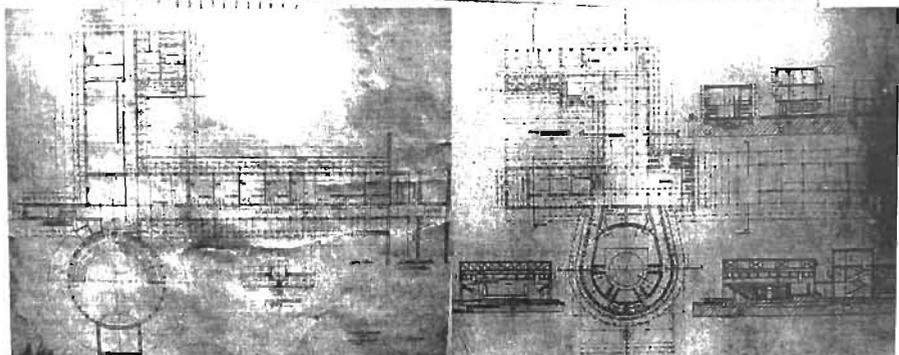
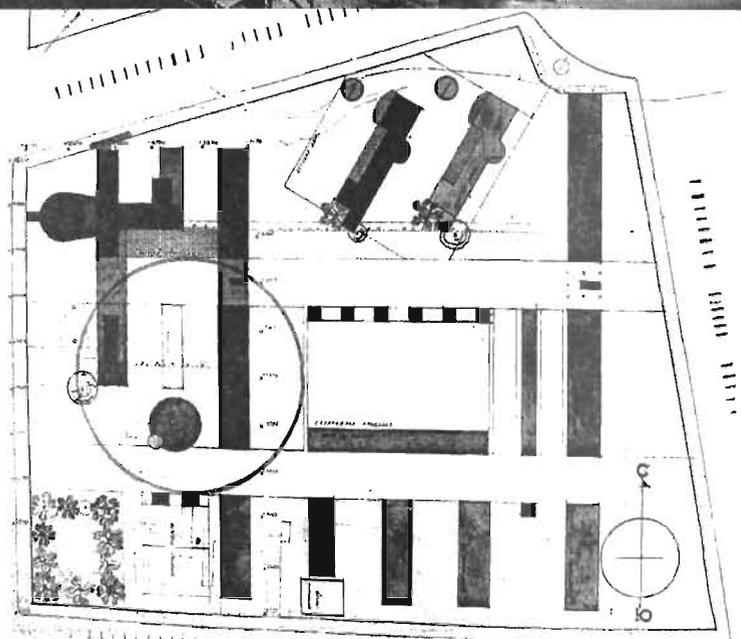
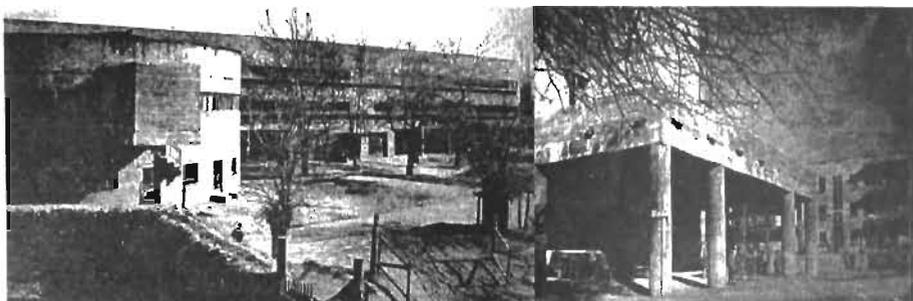
Киргизская областная совпаршкола:

- 1 - гардероб, 2 - фойе, 3 - проекционная, 4 - шахматная, 5 - кружковые, 6 - учительская,
7 - заочное обучение, 8 - хозяйственная часть, 9 - читальня, 10 - библиотека,
11 - аудитории, 12 - комната отдыха

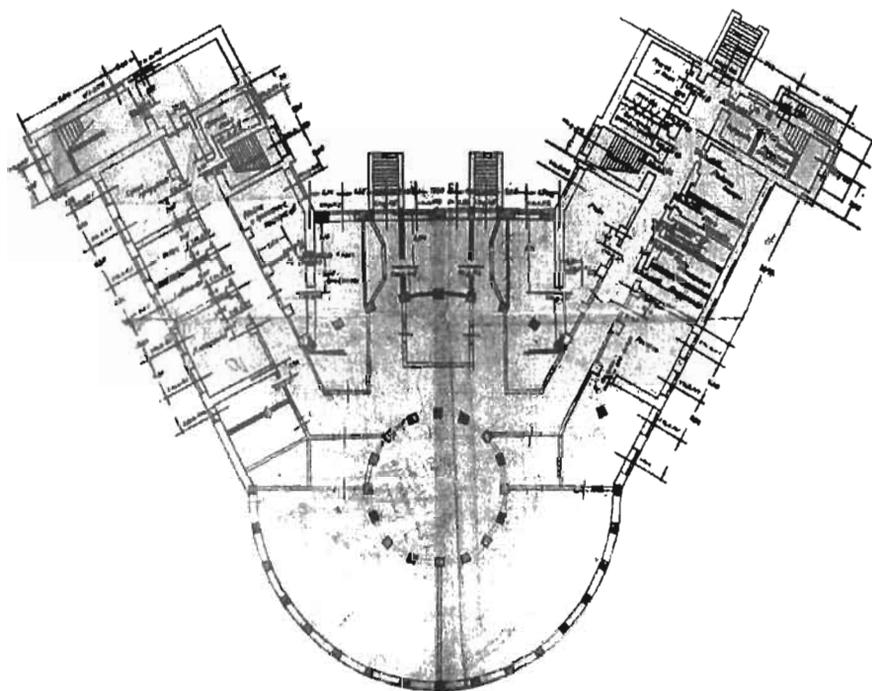
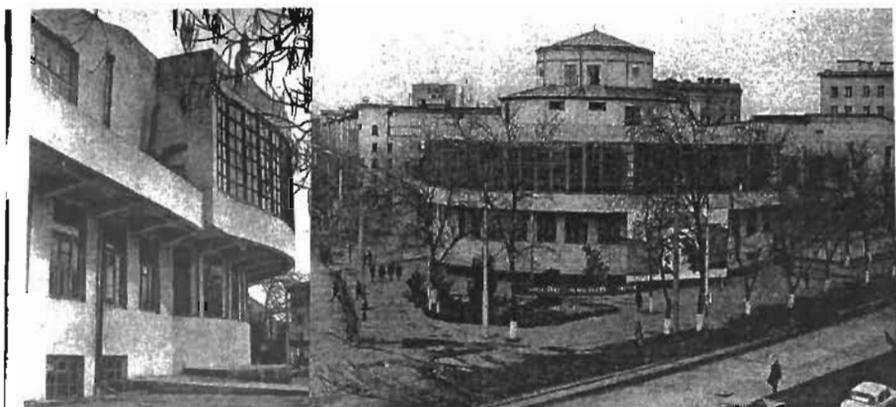
Гостиница ОГПУ в Душанбе

**Аксонетрии и генеральные планы:
 дом-коммуна в Самарканде (справа)
 и дом гостиничного типа в квартале-коммуне в Ташкенте (слева)**

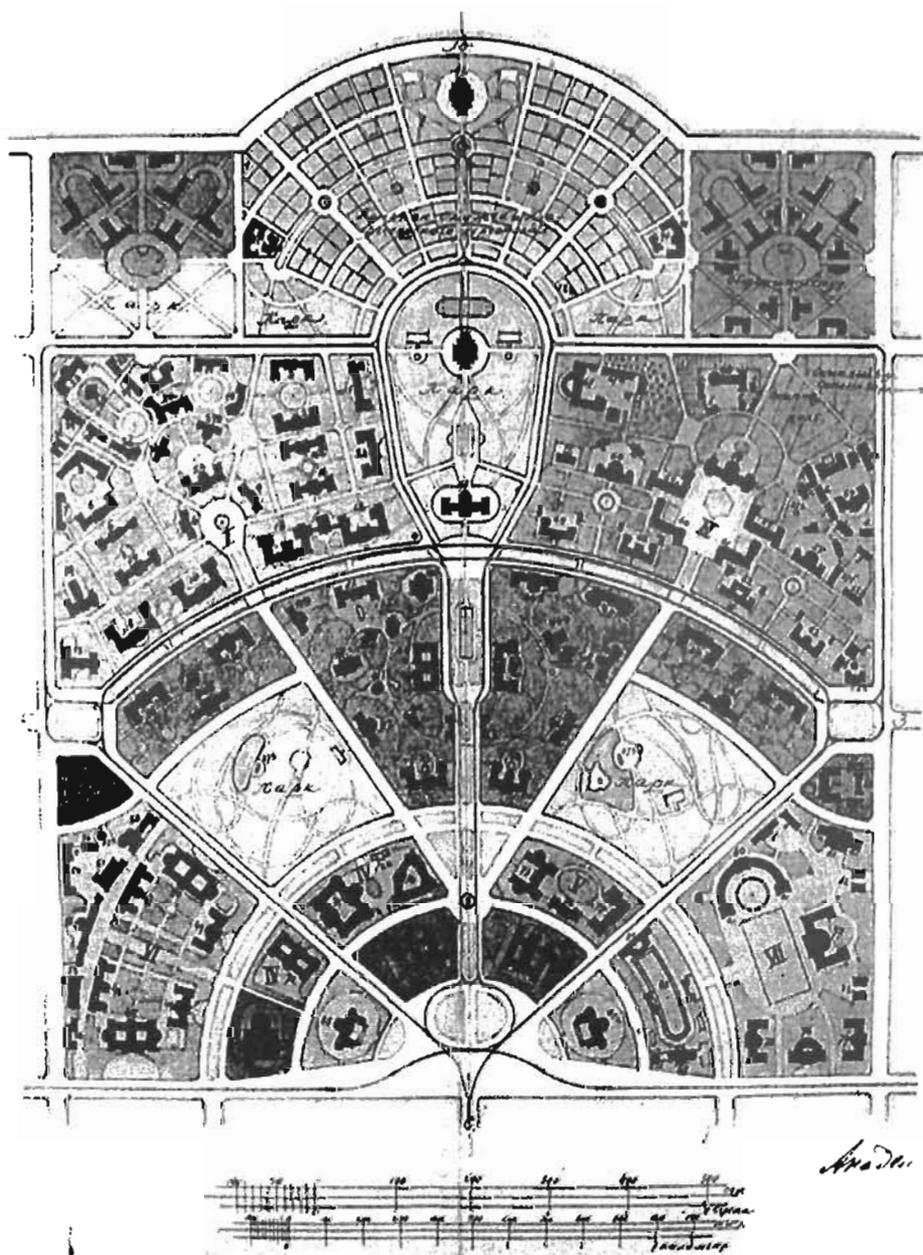

44. ТАШКЕНТ. КВАРТАЛ-КОММУНА. С.Н.ПОЛУПАНОВ. 1931 Г.

**Вид с улицы Узбекистанской. Общий вид.
План второго этажа.**

45. ТАШКЕНТ. ФАБРИКА-КУХНЯ. С. ЧЕРНЯВСКИЙ. 1930-1933 ГГ.

46. ТАШКЕНТ. ТУРКЕСТАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. ГЕНПЛАН. Ф.О.ШЕХТЕЛЬ. 1921 Г.

- 1 - Дом Дехканина,
- 2 - Библиотека,
- 3 - Университетский городок,
- 4 - Музей,
- 5 - Рынок,
- 6 - Театр,
- 7 - Зверинец,
- 8 - Культурная зона,
- 9 - Народный дом,
- 10 - Коттеджи

47. ПЛАН РЕГУЛИРОВКИ ЧАСТИ НОВОГО ГОРОДА ТАШКЕНТА. 1924 Г.

Нагорный и Подгорный посёлки Душанбе

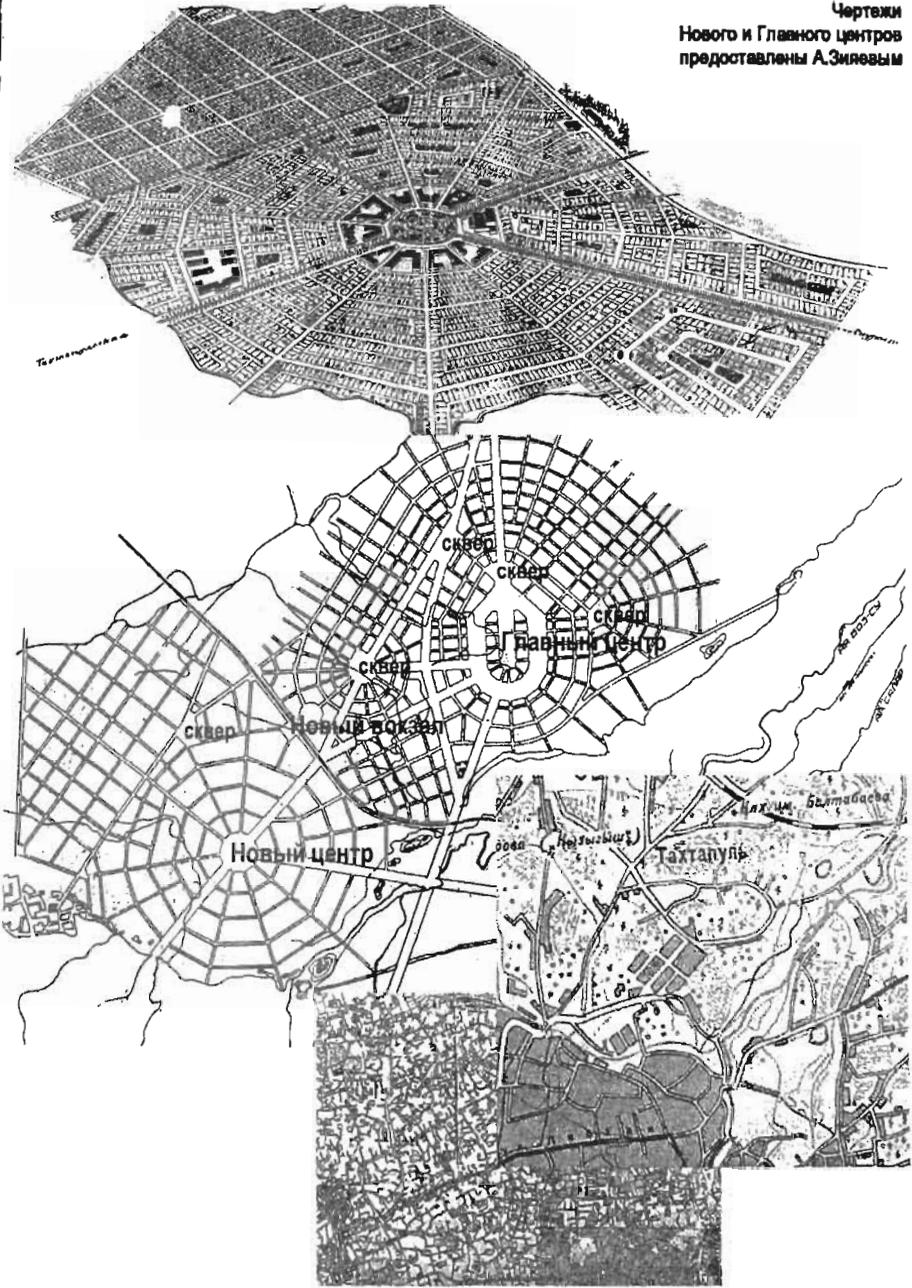

Рабочие городки Ташкента и Янгиюля

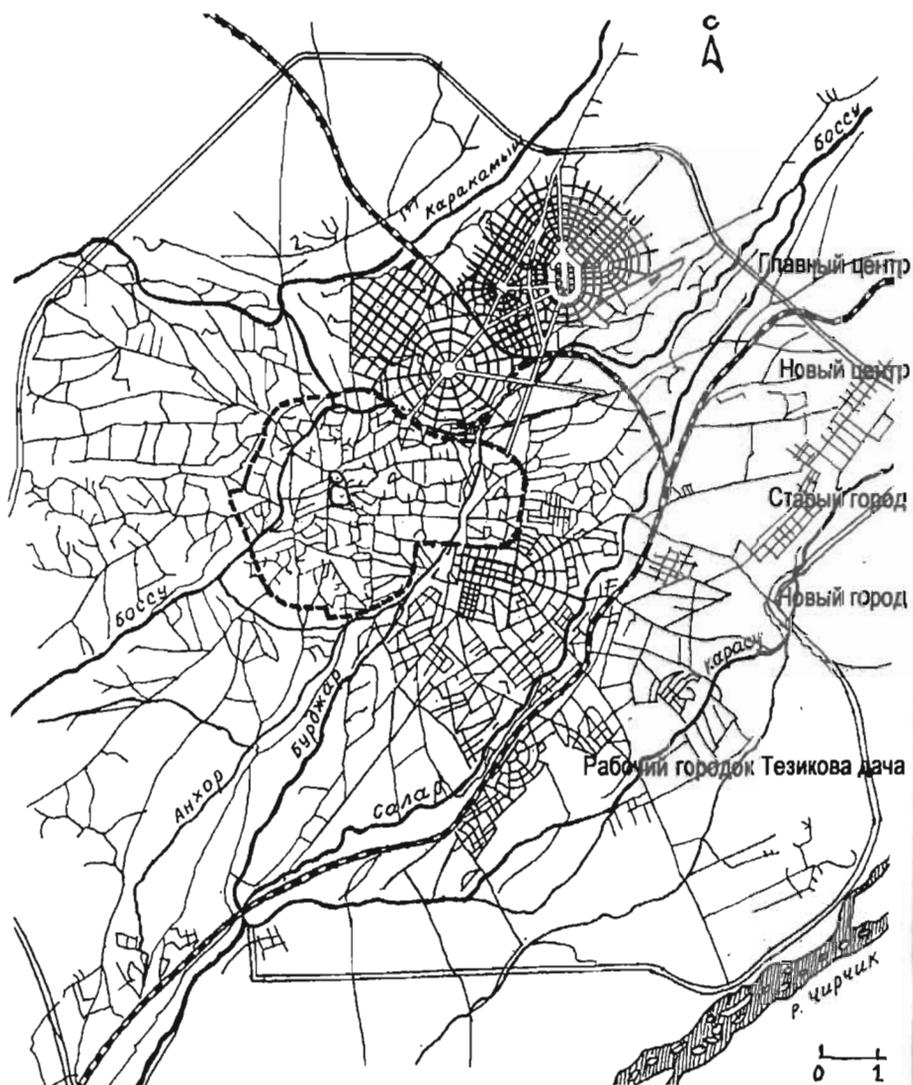

Круглый городок, Пишпек

Чертежи
Нового и Главного центров
предоставлены А.Зияевым

49. РАСПЛАНИРОВКА СТАРОГО ТАШКЕНТА ДЛЯ ДВУХ РАБОЧИХ ГОРОДКОВ. 1927-1928 ГГ.

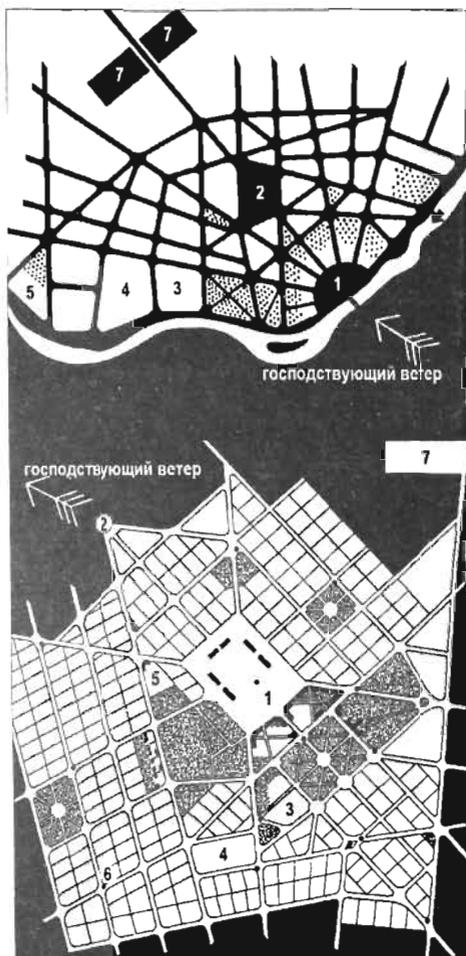

Планы Нового и Главного центров совмещены с планом Ташкента автором – Ш.А.

- 1 фабрика
- 2 памятник
- 3 общежитие холостяков
- 4 8-квартирные дома
- 5 2-квартирные дома
- 6 пожарная часть
- 7 службы

51. МАРГИЛАН. РАБОЧИЙ ГОРОДОК АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА ТУРКШЕЛК. 1927 Г.

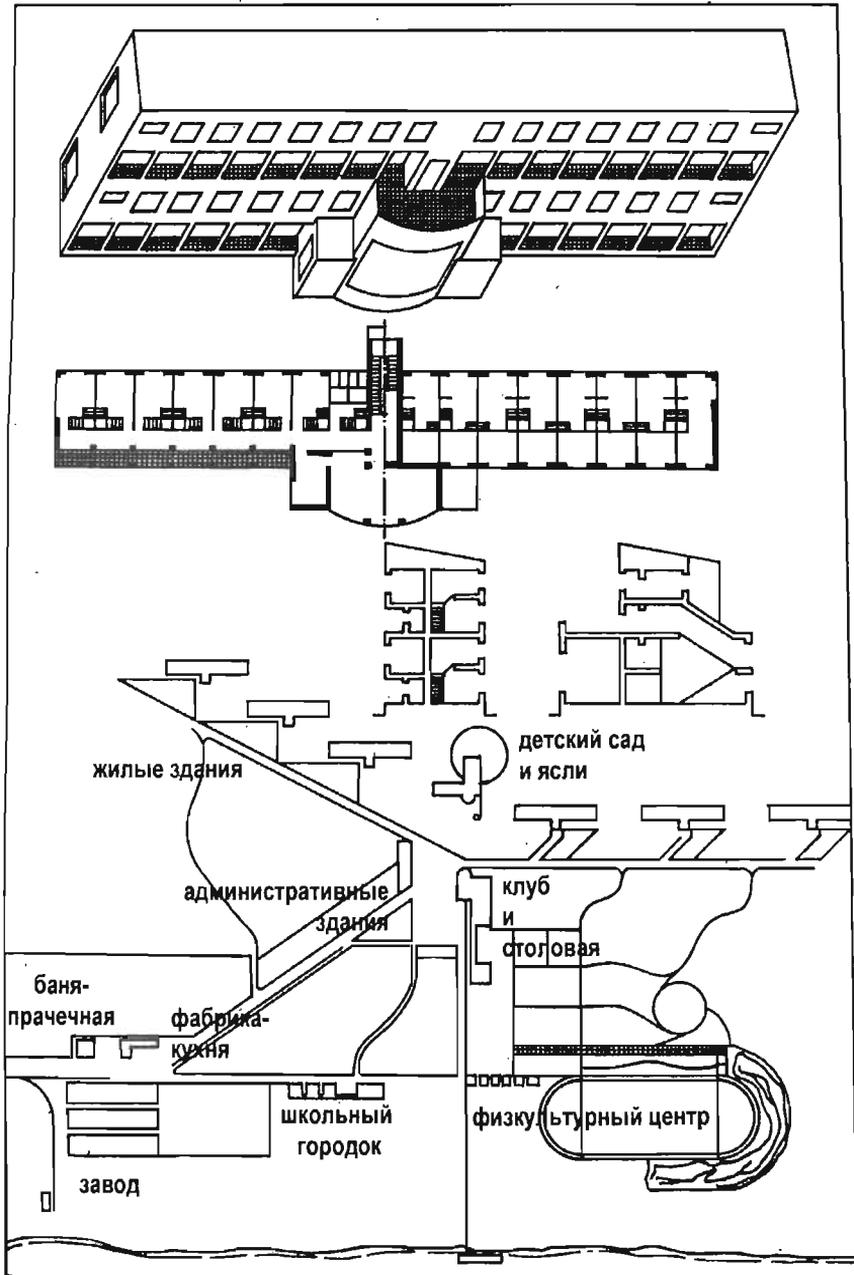
Культурные аулы Госплана КазАССР. 1929

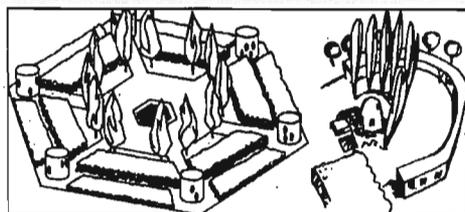
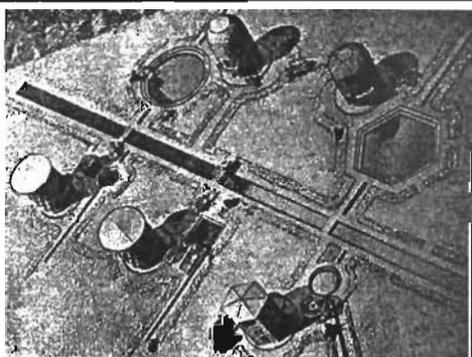
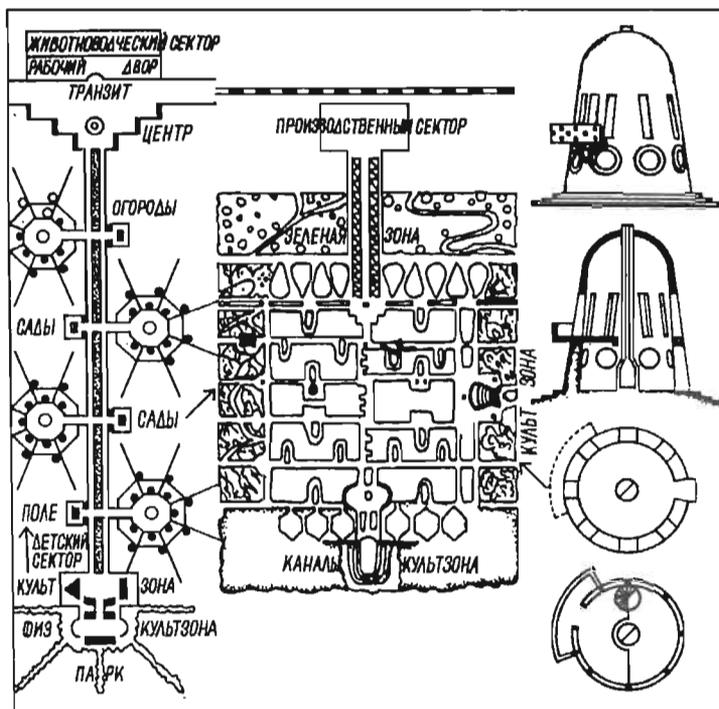
Посёлок цинкового завода. Риддер. 1930

- 1 главная площадь с Домом Советов и Домом скотовода
- 2 промышленный центр
- 3 школьный городок
- 4 спортивная зона
- 5 баня
- 6 колодцы
- 7 кладбище и скотомогильник

52. ОТ КУЛЬТУРНЫХ АУЛОВ К ПОКАЗАТЕЛЬНЫМ ПОСЁЛКАМ. 1929-1930 ГГ.

53. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОСЁЛОК - ПЕРВАЯ СТАДИЯ СОЦГОРОДА. 1927-1929 ГГ.

54. НАЦИОНАЛЬНО-ПРИВЫЧНЫЕ ФОРМЫ КОЛХОЗОВ. В.П.КАЛМЫКОВ. 1932-1933 ГГ.

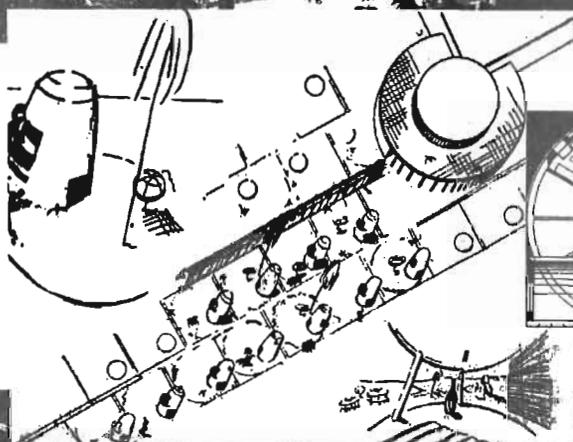
Генеральный план Самарканда 1929-1930 годов
вдохновлён спиралевидным развитием города по Теодору Фришу, 1896 год

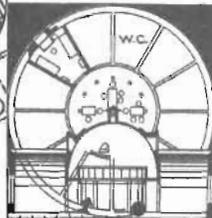
С 1926 года в объединённых городах курсируют автобусы
Регистан. Самарканд. В.Н.Еремян, 1930 год

**Вид города
ВОПРА**

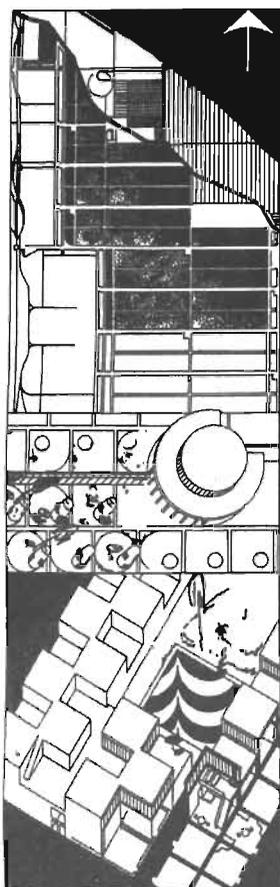
**Жилой комбинат -
кустовая застройка
из глиносаманных домов
АРУ**

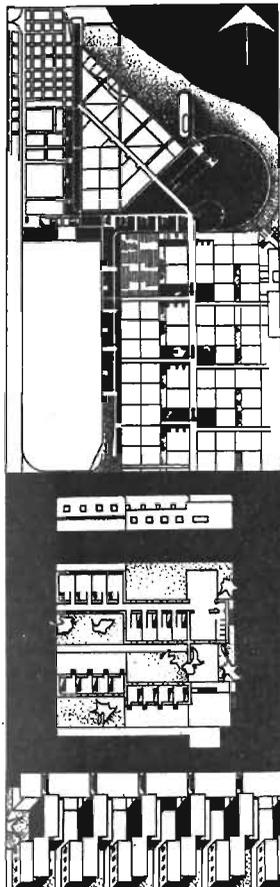
**Коллективный жилой дом
Полушарие
Г.М.Сваричевский**

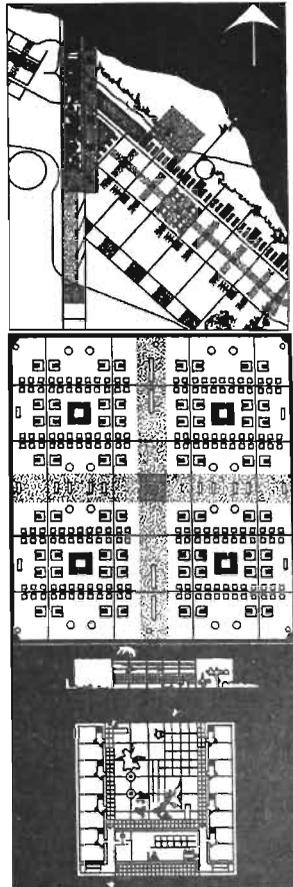
**Панорама
общественного центра
в жилой застройке
АРУ**

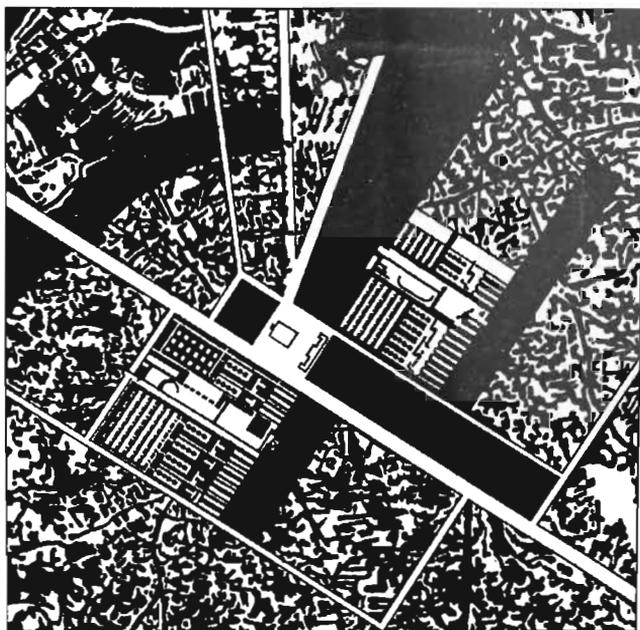
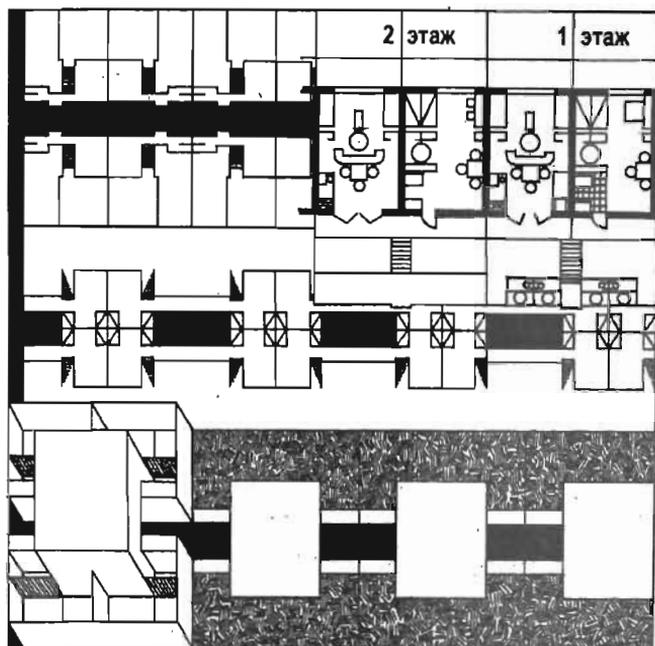
АРУ -
Ассоциация
революционных
урбанистов

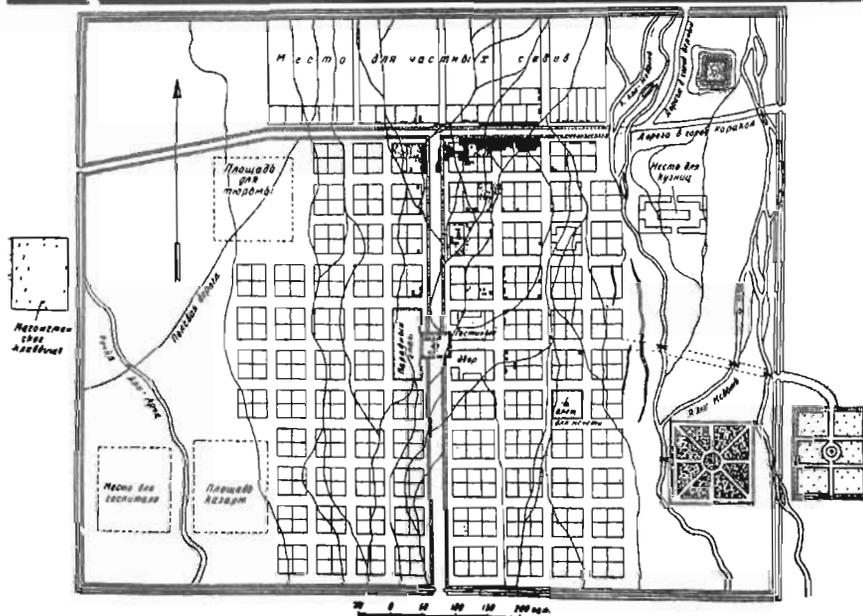
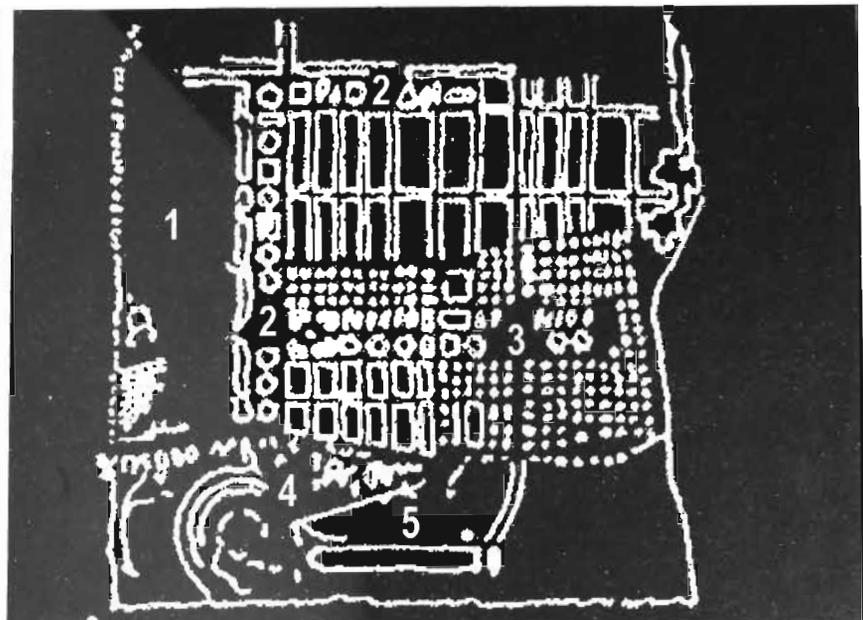
ВОПРА -
Всесоюзное
объединение
пролетарских
архитекторов

САСС -
Сектор
архитекторов
социалистического
строительства

58. АНДИЖАН И НАМАНГАН. КОМПАКТНЫЕ ГОРОДА ВДОЛЬ МАГИСТРАЛИ. 1931-1932

1 - Парк культуры и отдыха, 2 и 3 - шестигранные кварталы, 4 и 5 - спортивная зона

59. ОТ ПИШПЕКА 1872 ГОДА К ФРУНЗЕ 1934-1935 ГОДОВ. В.П.КАЛМЫКОВ.

А.А.Сильченков в мастерской, Ташкент

ТАШКЕНТ I

Первый проект
перепланировки
Ташкента,
1929-1933 гг.

Ле Корбюзье,
проект города
на 3 млн. жителей,
1922 г.

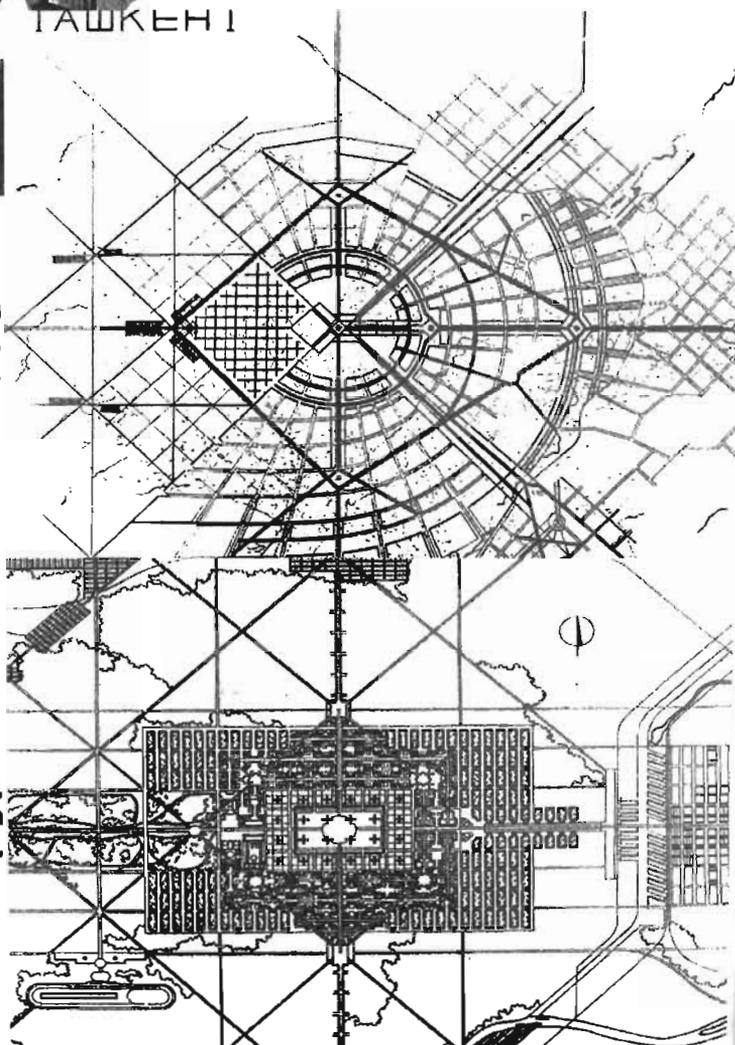
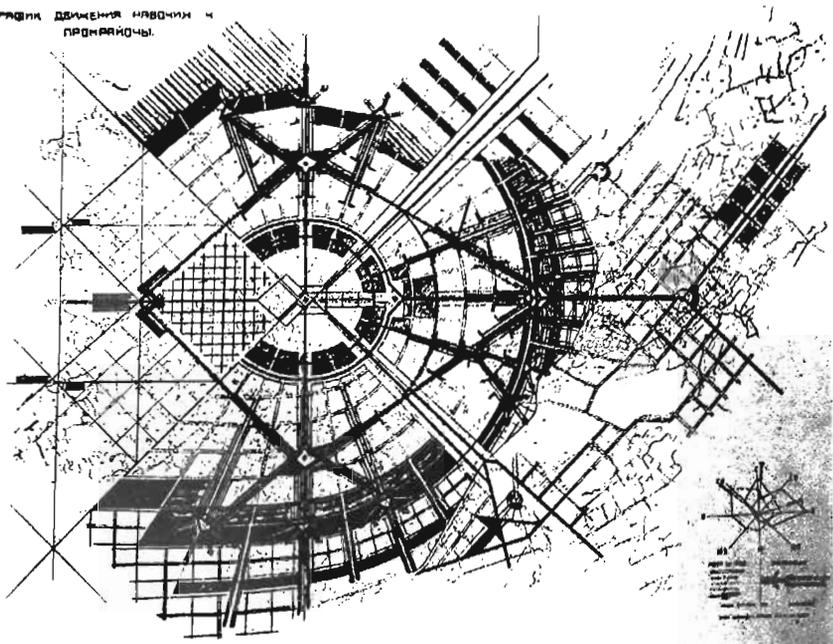
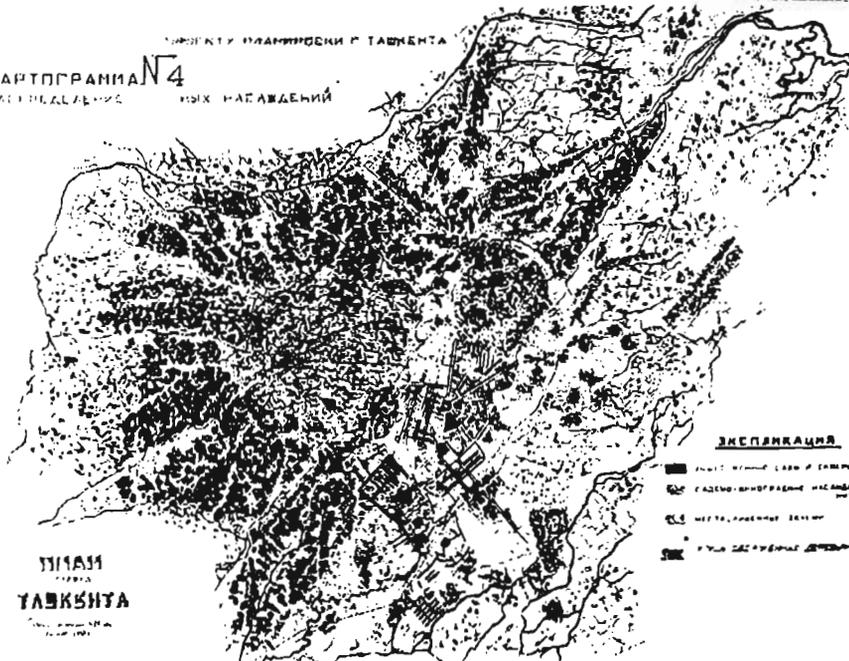

ГРАФИК ДВИЖЕНИЯ РАБОЧИХ К
ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

ПРОЕКТ УЛАМАНОВСКИХ ТРАВЕРСОВ

КАРТОГРАММА №4
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
РАБОЧИХ НАБЛЮДЕНИЙ

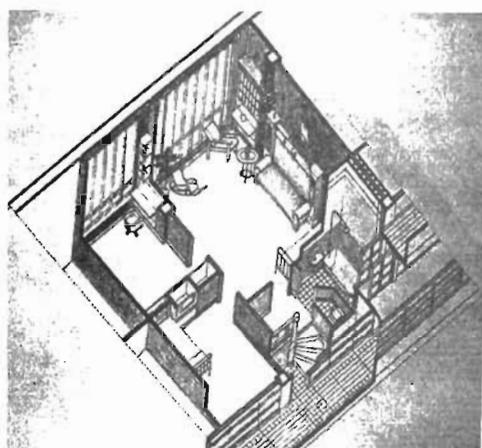
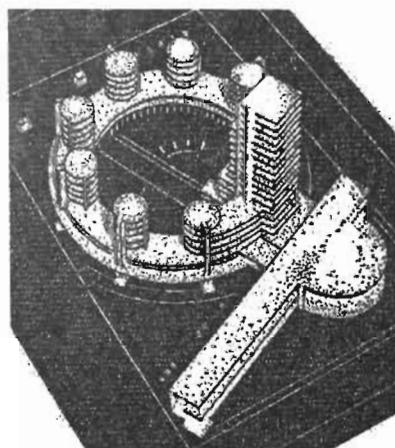
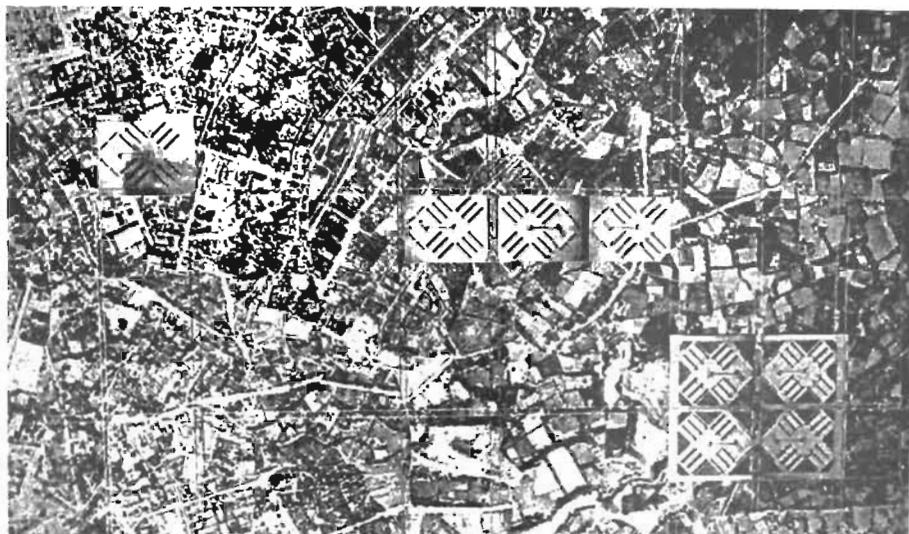

ЭКСПЛИКАЦИЯ

- РАЙОН РАБОЧИХ НАБЛЮДЕНИЙ
- РАЙОН РАБОЧИХ НАБЛЮДЕНИЙ
- РАЙОН РАБОЧИХ НАБЛЮДЕНИЙ
- РАЙОН РАБОЧИХ НАБЛЮДЕНИЙ

ПЛАН
ТАШКЕНТА

81. ТАШКЕНТ. ОЗЕЛЕНЕНИЕ. ДВИЖЕНИЕ РАБОЧИХ К ПРОМЫШЛЕННОСТИ. 1929-1933 ГГ.

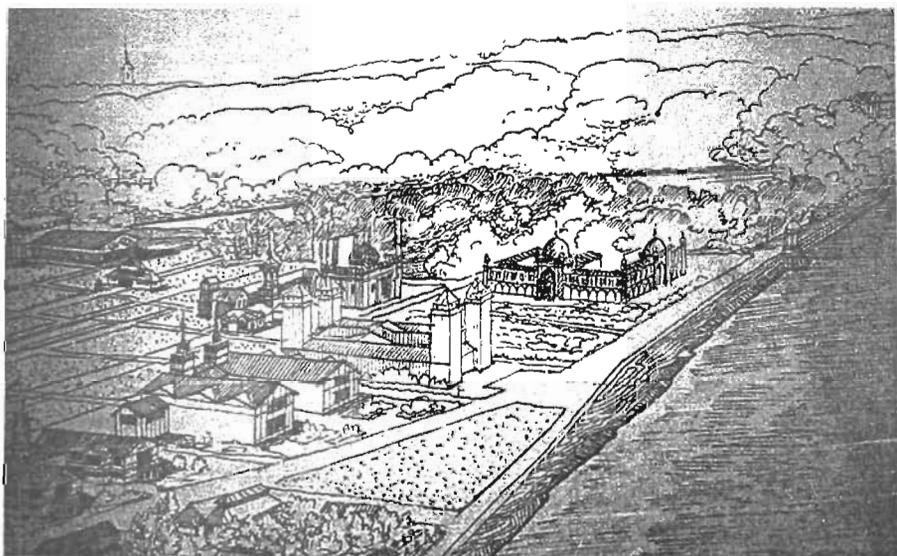
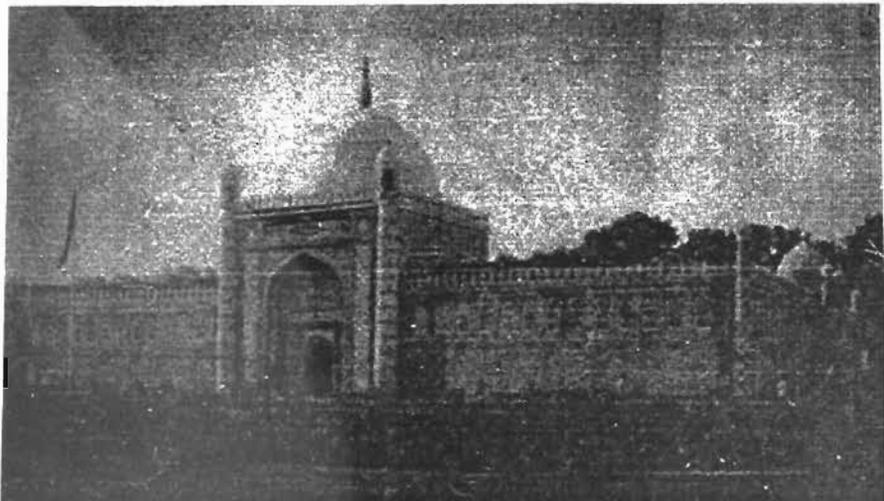

Жилые комбинаты переходного типа в реконструируемой застройке старого города

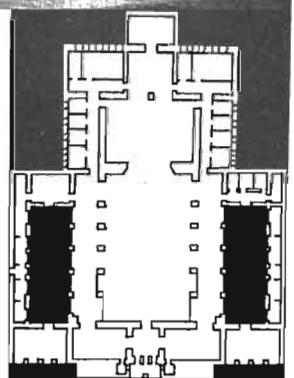
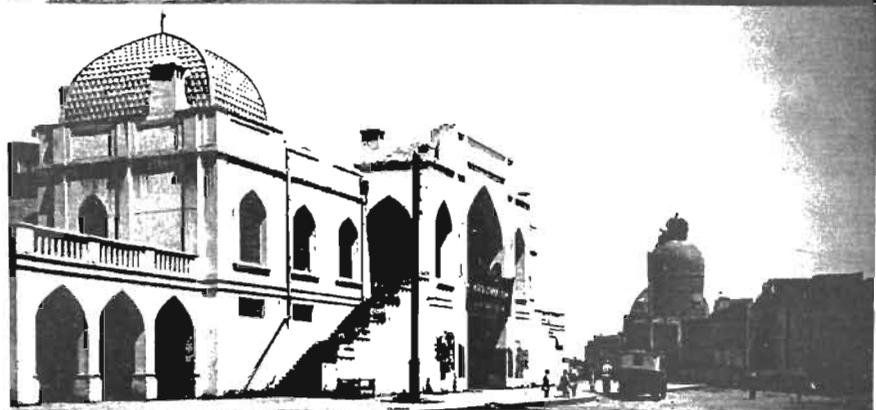
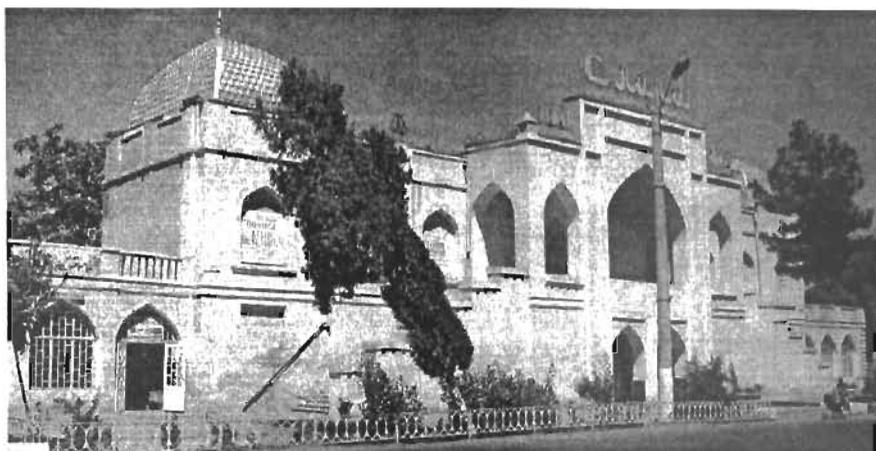
Сдвигка галерей относительно уровня жилых ячеек

Дипломный проект городского общественного центра

62. ТАШКЕНТ. РЕКОНСТРУКЦИЯ ОТ ПРИГОРОДОВ К ЦЕНТРУ. 1929-1933 ГГ.

63. МОСКВА. ТУРКЕСТАНСКИЙ ПАВИЛЬОН. 1923 Г.

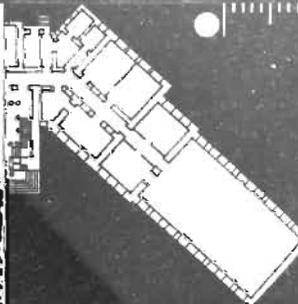
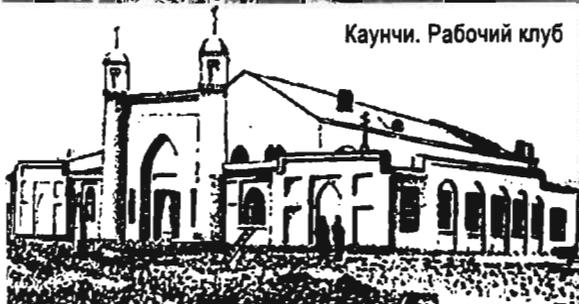

Народный дом в Ташкенте, 1915

Народный дом в Бухаре, 1923

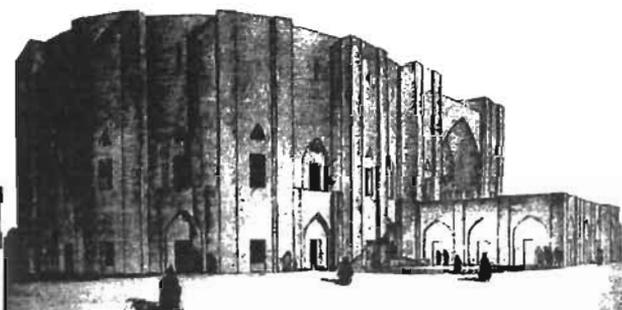

65. МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА. 1924-1925 ГГ.

66. КАУНЧИ - ТАШКЕНТ. НАЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА. 1924 - 1925 ГГ.

Театр в Мерве
А.П.Удаленков
1927

Дворец труда
в Ашхабаде
А.П.Удаленков
1927

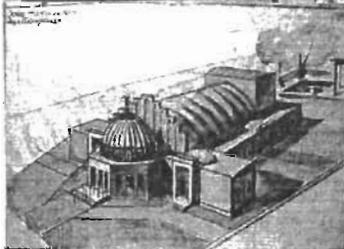

Республиканская
больница
в Самарканде
А.П.Удаленков
К.И.Бондаренко
1926

Изгнание беса
О.К.Татевосьян
1919

67. СТИЛЬ АРХИТЕКТОРА-ХУДОЖНИКА А.П.УДАЛЕНКОВА. 1926-1927 ГГ.

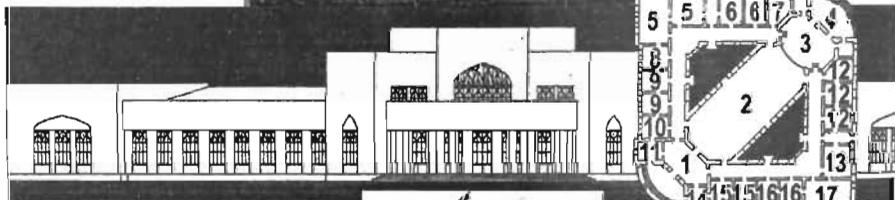
Театр в Самарканде: слева проект Б.Н.Засыпкина, справа конкурсный проект

Дом Советов в новом городе

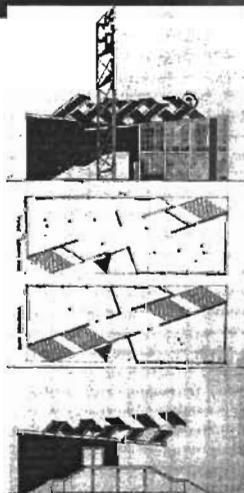
Общественное здание на Университетском бульваре

Управление
амударьинскими
изысканиями
Ташкент
Г.М.Сваричевский
1932

- 1 - вестибюль
- 2 - зал
- 3 - сцена
- 4 - терраса
- 5 - городской комитет партии
- 6 - городской отдел образования
- 7 - статистическое бюро
- 8 - партийный комитет
- 9 - уголовный розыск
- 10 - милиция
- 11 - адресный стол
- 12 - городское коммунальное хозяйство
- 13 - секретариат
- 14 - касса
- 15 - финансовая часть
- 16 - канцелярия
- 17 - председатель городского исполнительного комитета

Городской
исполнительный
комитет
Новый Чарджуй
К.Бобровский
1927

Павильон СССР
на Международной
выставке
в Париже
К.С.Мельников
1925

**В.Татлин
1919**

**Карши
начало 1930-х**

**Ирак
IX век**

**Янгиюль
начало 1930-х**

**Ташкент
начало XXI века**

**Хорог
1927**

**А.Белогруд
1926**

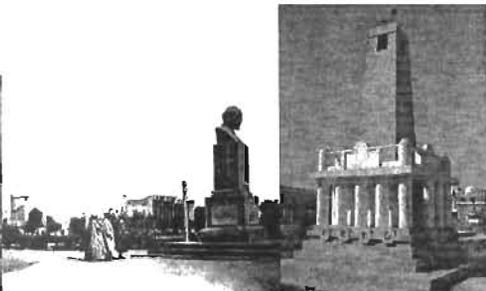
**Душанбе
1927**

**Душанбе
1927-1970-е**

Ташкент 1924

Бухара 1924

**Бухара
1927**

**Самарканд
1918**

Ташкент 1913

Ташкент 1918

Фрунзе, 1926-1928
 СНК Киргизской ССР, А.П.Зенков
 План, фото символики и прямков
 Ниже - план Дома Советов
 в Ашхабаде, 1933

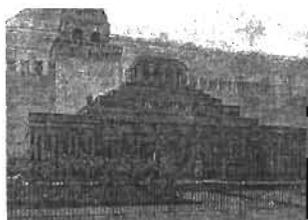
Ташкент, 1929-1933
 Парк культуры и отдыха
 Я.К.Гаазенкофф

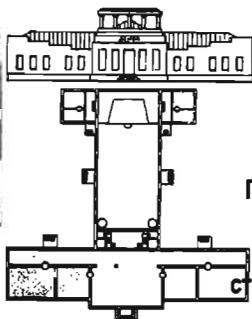
Душанбе, 1928
 Здания ЦИК
 и Наркомюста

Пшпек, 1927
 Клуб
 Союза
 строительных
 рабочих

Москва, 1924-1929
 Мавзолей Ленина
 А.В.Щусев

Дом гостиничного типа в квартале-коммуне Ташкента

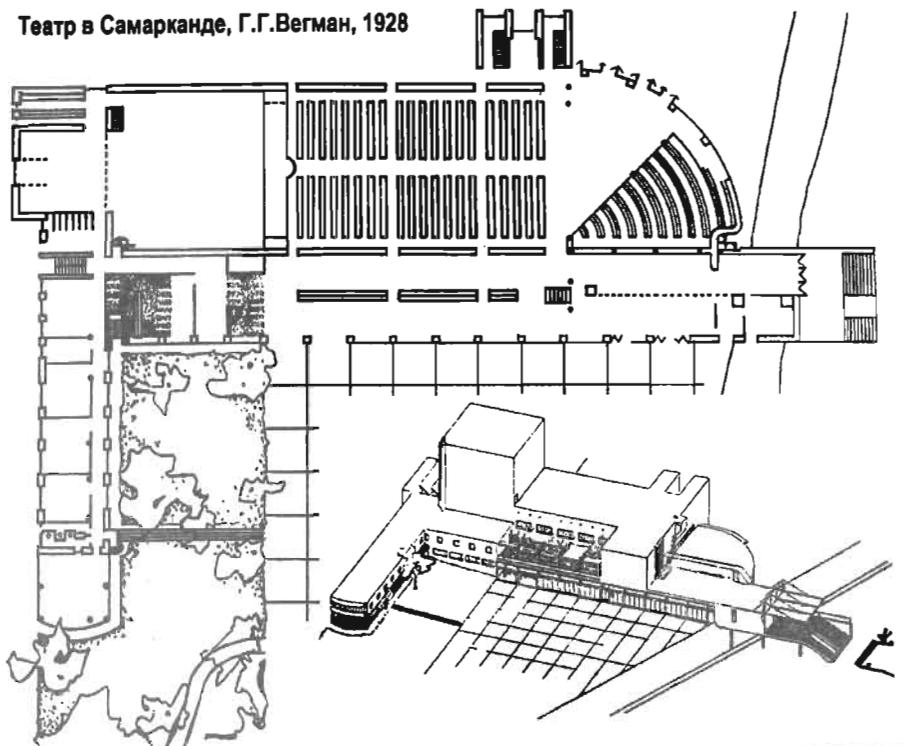

Столовая дома гостиничного типа в квартале-коммуне Ташкента

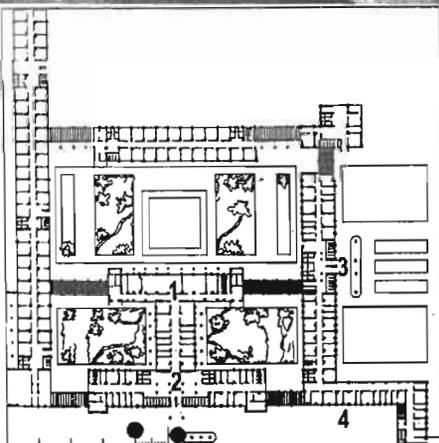
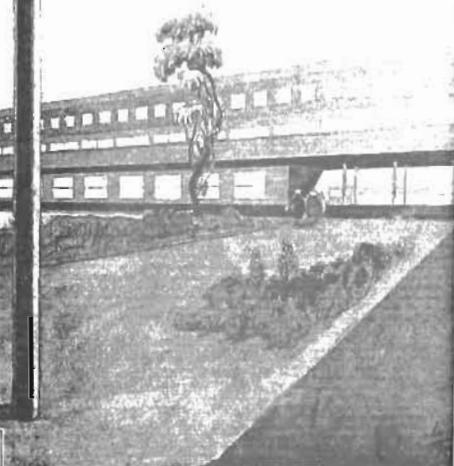
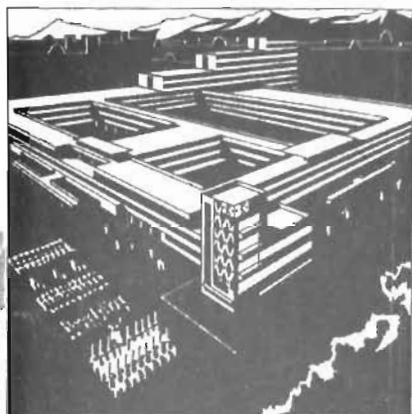
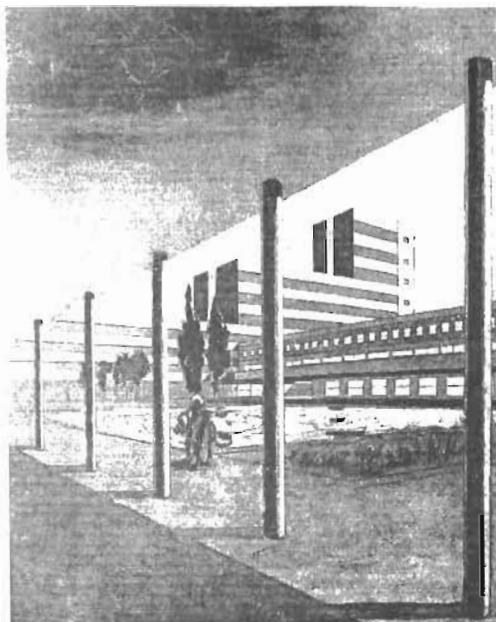

Дом-коммуна в Самарканде

Театр в Самарканде, Г.Г.Вегман, 1928

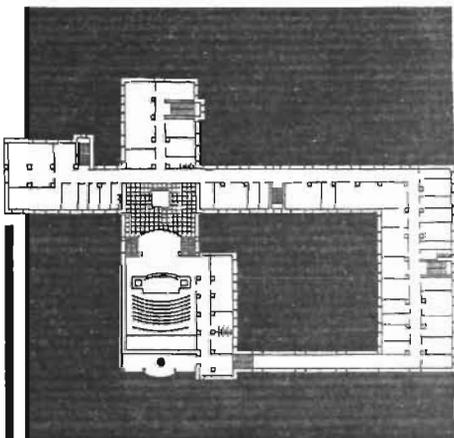
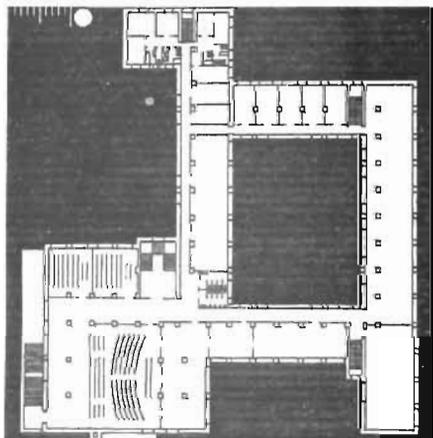
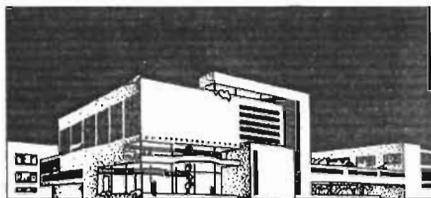
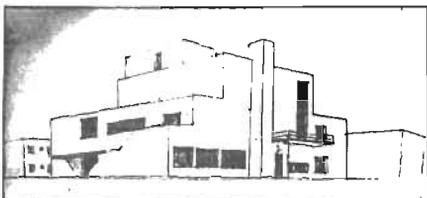
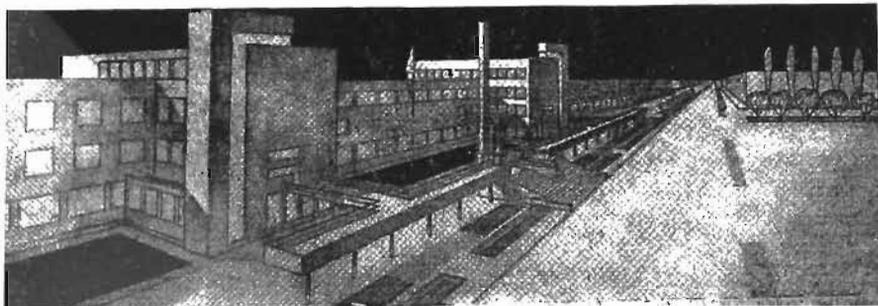

75. ТАШКЕНТ - САМАРКАНД. ВЛИЯНИЕ КОНСТРУКТИВИЗМА ГИНЗБУРГА. 1927-1928 ГГ.

- 1 - Общественная группа
- 2 - Комиссии Центрального исполнительного комитета
- 3 - Совет народных комиссаров
- 4 - Узглавдортранс

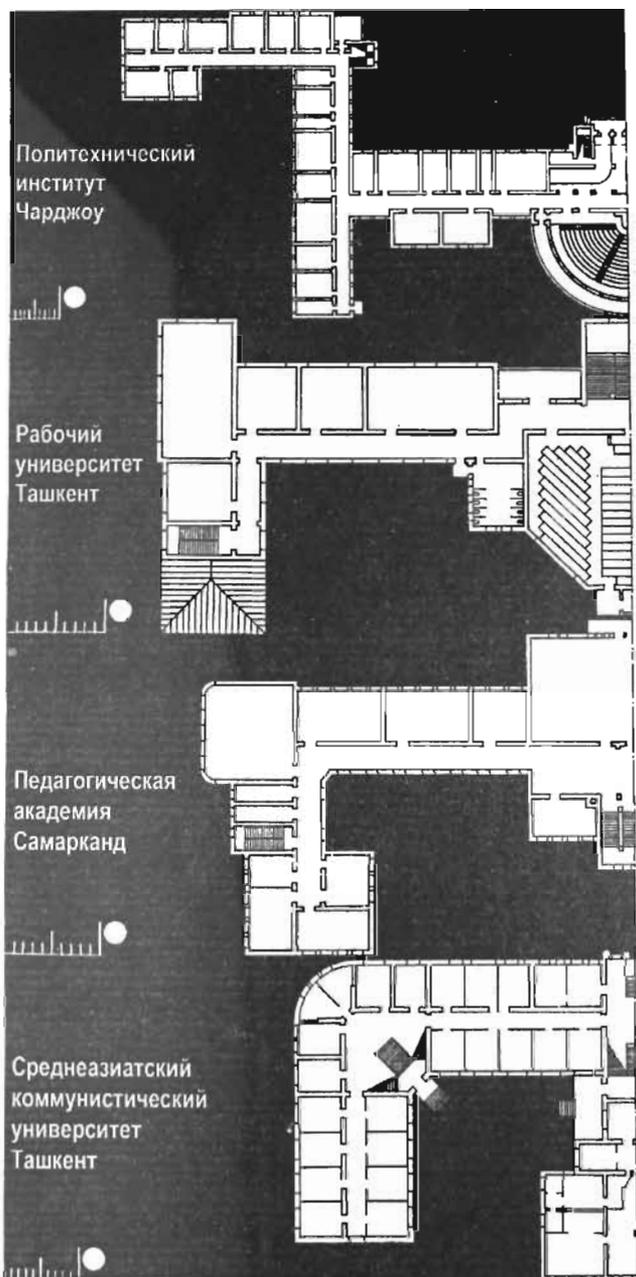
76. САМАРКАНД. ДОМ ПРАВИТЕЛЬСТВА. А.В.ЩУСЕВ. 1929 Г.

1931, Дом правительства УзССР в Ташкенте, С.Н.Полупанов

**1927, Физический институт
в Ташкенте
А.А. и Л.А.Веснины**

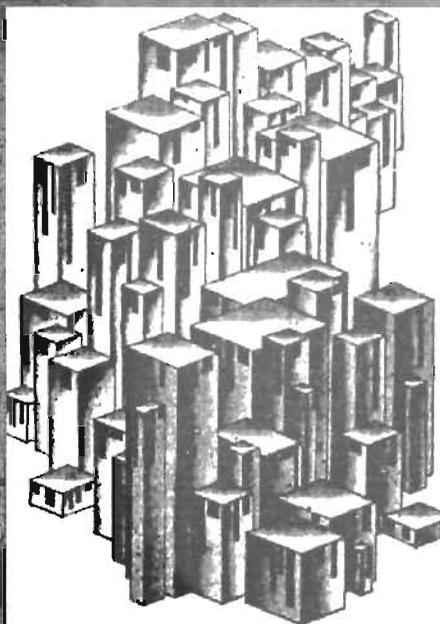
**1928-1931, Дом правительства
КазССР в Алма-Ате
М.Я.Гинзбург**

79. ТАШКЕНТ - ЧАРДЖОУ. УНИВЕРСИТЕТЫ. ЭВОЛЮЦИЯ ПЛАНОВ. 1927-1930 ГГ.

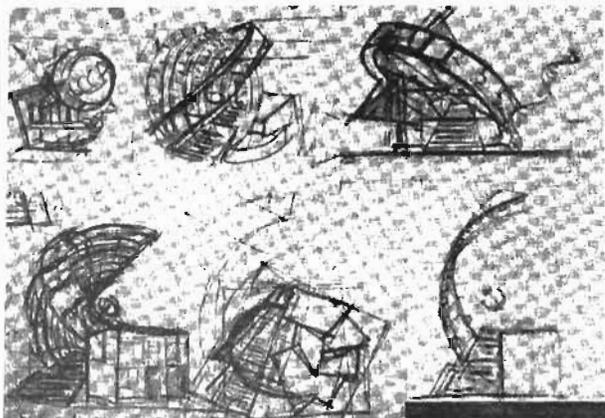

80. САМАРКАНД - ТАШКЕНТ. УНИВЕРСИТЕТЫ. 1928 - 1929 ГГ.

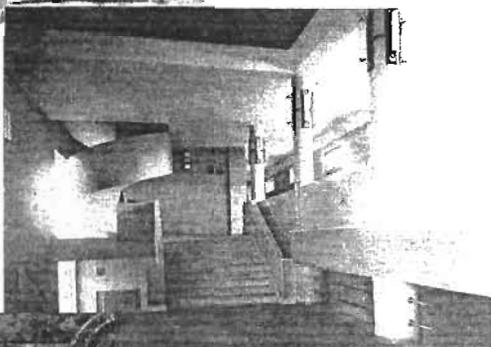
Восточный город - Бухара
П.В.Кузнецов, 1912

Город Востока
Я.Г.Черников, 1931

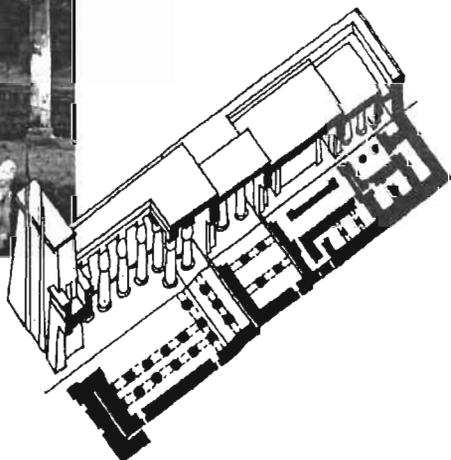

К.С.Мельников:
динамика
диска и разлетающихся
прямоугольников, -
она воплотится в проекте
Дворца культуры и труда
в Ташкенте

**Интерьер клуба
братьев Весниных
для завода имени Лихачёва:
переливание пространств,
как у Ле Корбюзье**

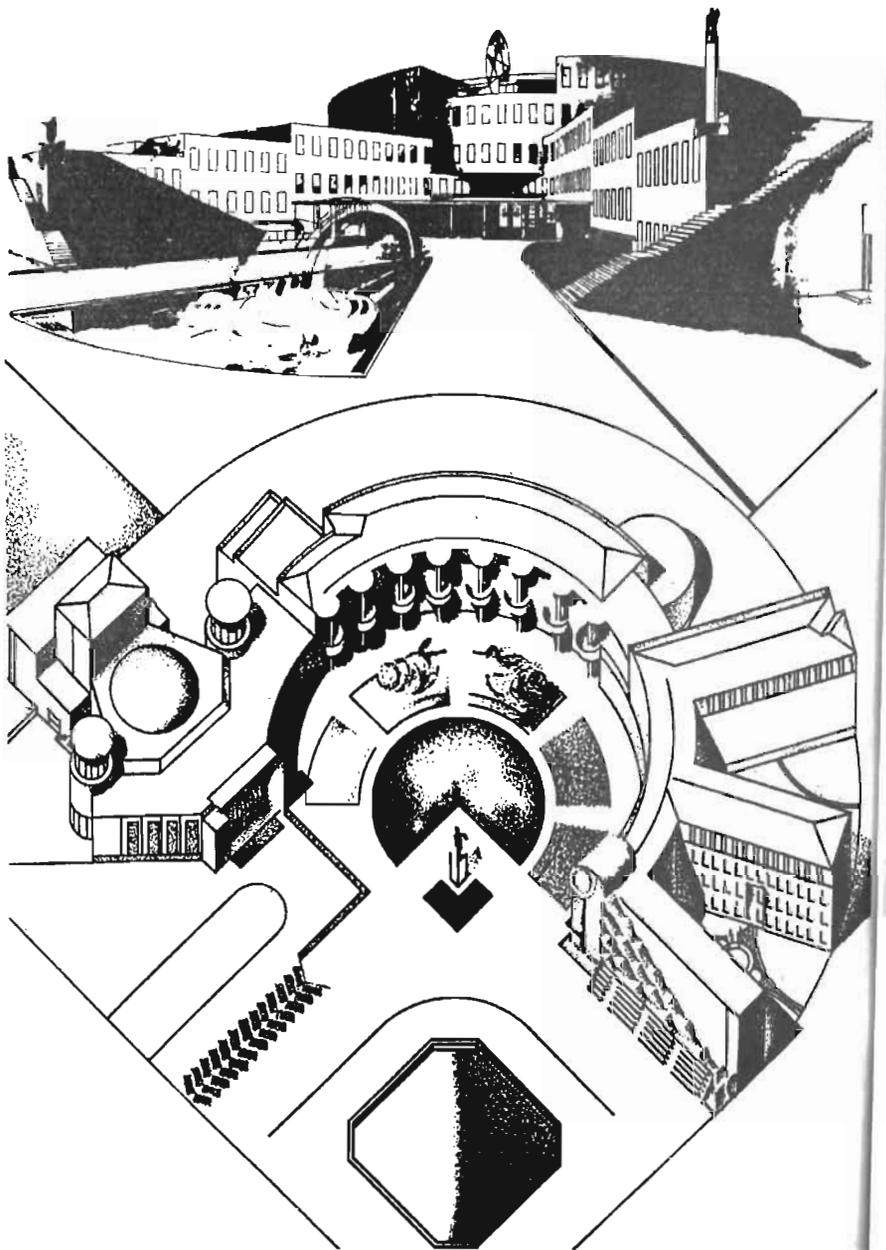

Вилла Адриана в Тиволи: гармония

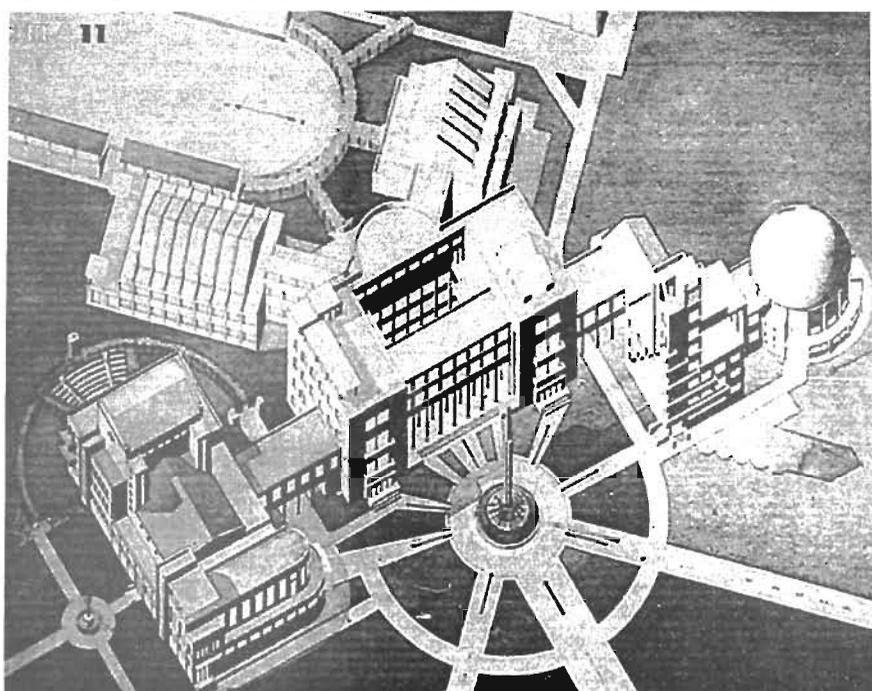
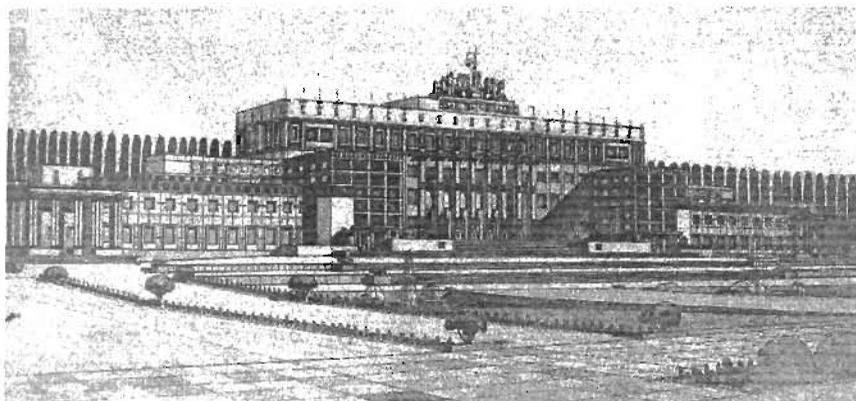

Египетский храм: сжатие и подавление

83. МОСКВА - ТАШКЕНТ. ЭНЕРГЕТИКА АРХИТЕКТОНОВ. 1931-1934 ГГ.

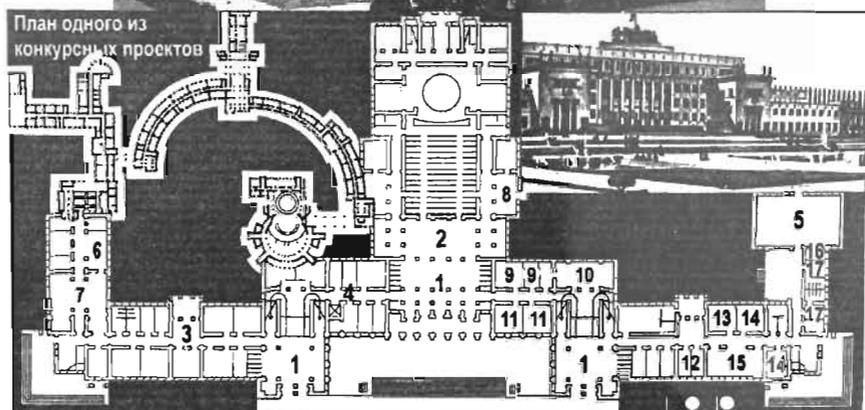
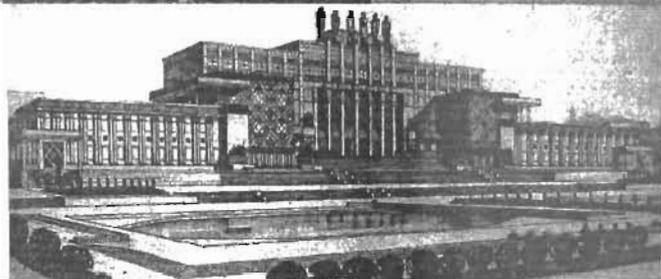
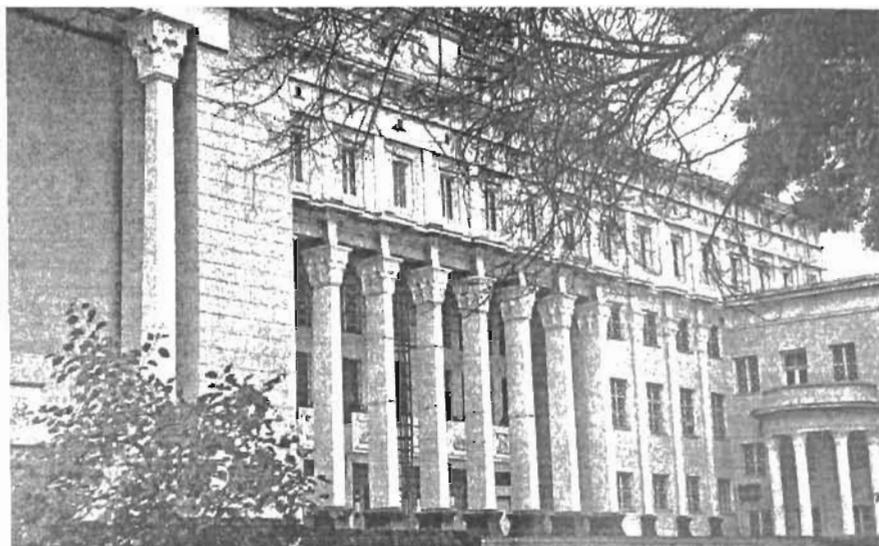

Дворец культуры и труда в Ташкенте

Дворец культуры и труда в Ташкенте
Вверху - проект С.Н.Полупанова в стиле классицизма
Внизу - один из конкурсных конструктивистских проектов
Очевидно заимствование центрального объёма с колоннадой

ТАШКЕНТ. КОНСТРУКТИВИЗМ И КЛАССИЦИЗМ. ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ И ТРУДА. 1934 Г.

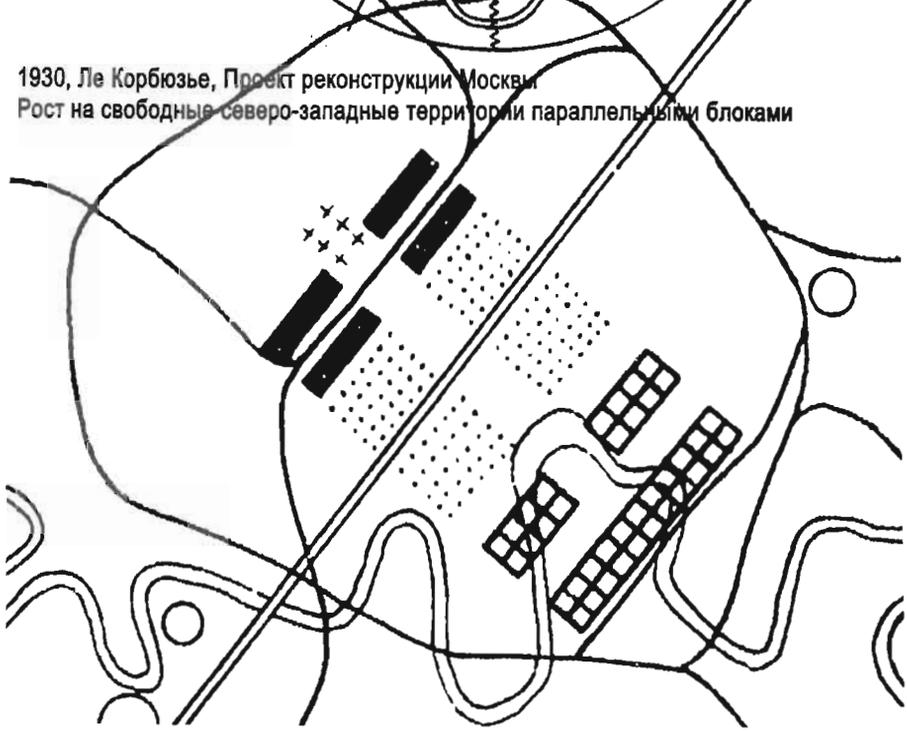
1-вестибюль, 2-фойе, 3-профсоюзы, 4-администрация, 5-спортзал, 6-худия, 7-обеденный зал, 8-буфет, 9-радиоузел и радиокружок, 10-буфет, 11-игральные, 12-кладовые, 13-библиотека, 14-лаборатории, 15-игральный зал, 16-инвентарь, 17-раздевалки

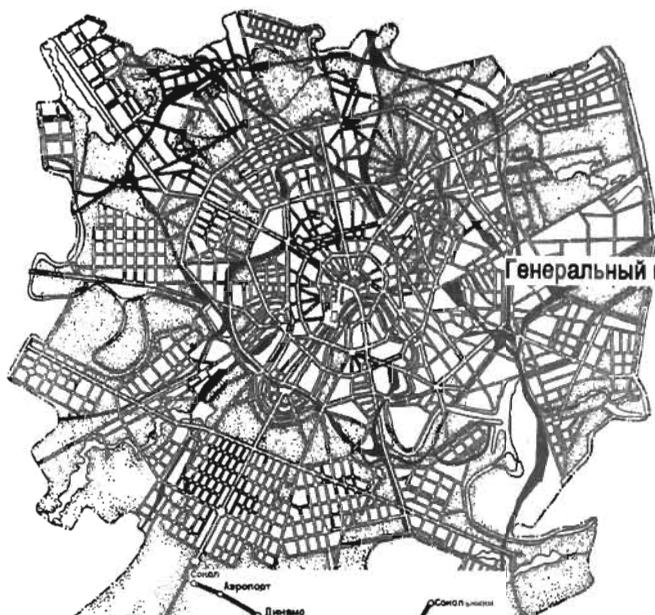
86. ТАШКЕНТ. ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ И ТРУДА. С.Н.ПОЛУПАНОВ. 1934 Г.

1933, В.Н.Семёнов, Теоретическая схема Москвы
Расширение колец создаёт направления, параллельные главной оси роста

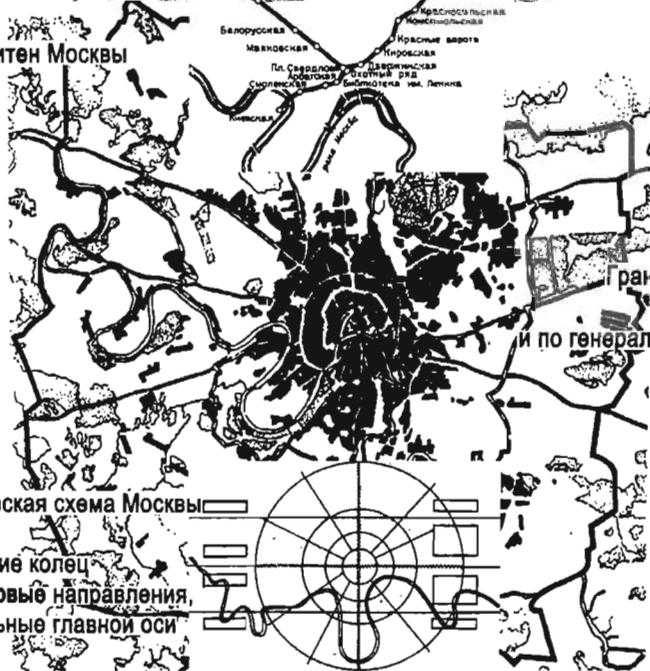
1930, Ле Корбюзье, Проект реконструкции Москвы
Рост на свободные северо-западные территории параллельными блоками

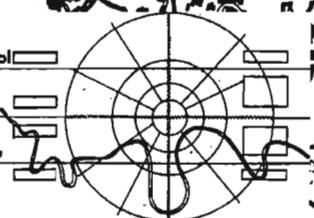
Генеральный план Москвы
1935

Метрополитен Москвы
1935-1938

Границы Москвы
1931 года
и по генеральному плану
1935 года

Теоретическая схема Москвы
1931
Расширение колец
создаёт новые направления,
параллельные главной оси

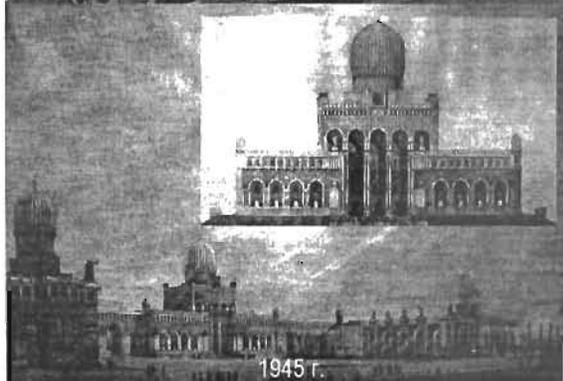

Самарканд

89. ТАШКЕНТ-САМАРКАНД. ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ. 1937-1939 ГГ.

90. ТАШКЕНТ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПЛОЩАДЬ. ЭВОЛЮЦИЯ АНСАМБЛЯ. 1934-1947 ГГ

Министерство
сельского
хозяйства

Дом Советов

Чирчикстрой

Жилой квартал по А.В. Кузнецову

Ансамбль кино Ватан

Мост Урда

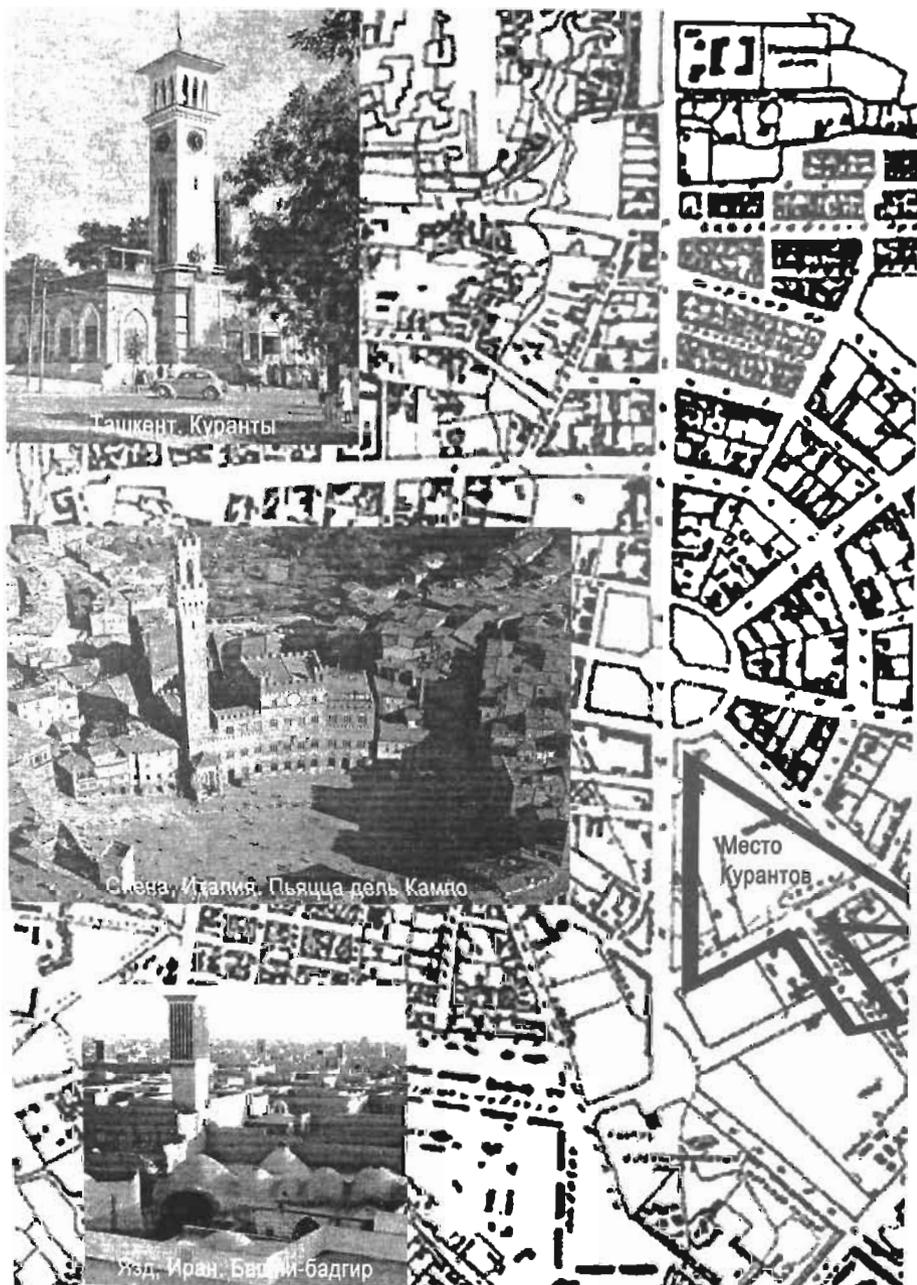

Жилой дом Урда

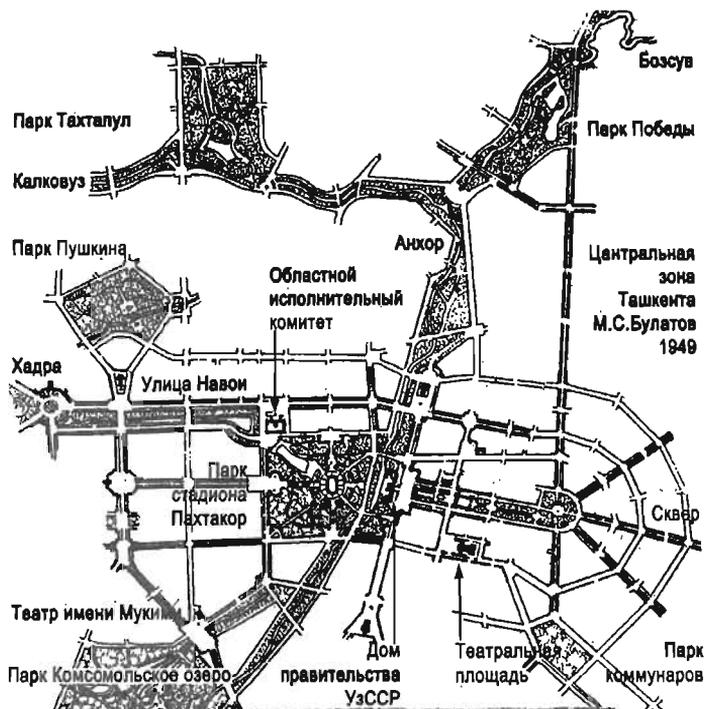

Кино Ватан

91. ТАШКЕНТ. ЗАСТРОЙКА УЛИЦЫ НАВОИ. КОНЕЦ 1930-Х-НАЧАЛО 1950-Х ГГ.

92. ТАШКЕНТ. КУРАНТЫ И ПРОТОТИПЫ. 1947 Г.

Административный центр
 А.Б.Бабаханов,
 В.Волчек,
 С.Н.Полупанов
 1945-1947

Первоочередное строительство
 А.И.Кузнецов,
 А.П.Иваницкий
 1938-1939

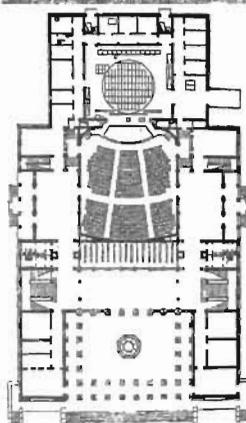

Генеральный план
 А.И.Кузнецов,
 А.П.Иваницкий
 1938-1939

93. ТАШКЕНТ. ЦЕНТР. ФОРМИРОВАНИЕ АНСАМБЛЕЙ. 1938-1949 ГГ.

Дворец культуры химиков

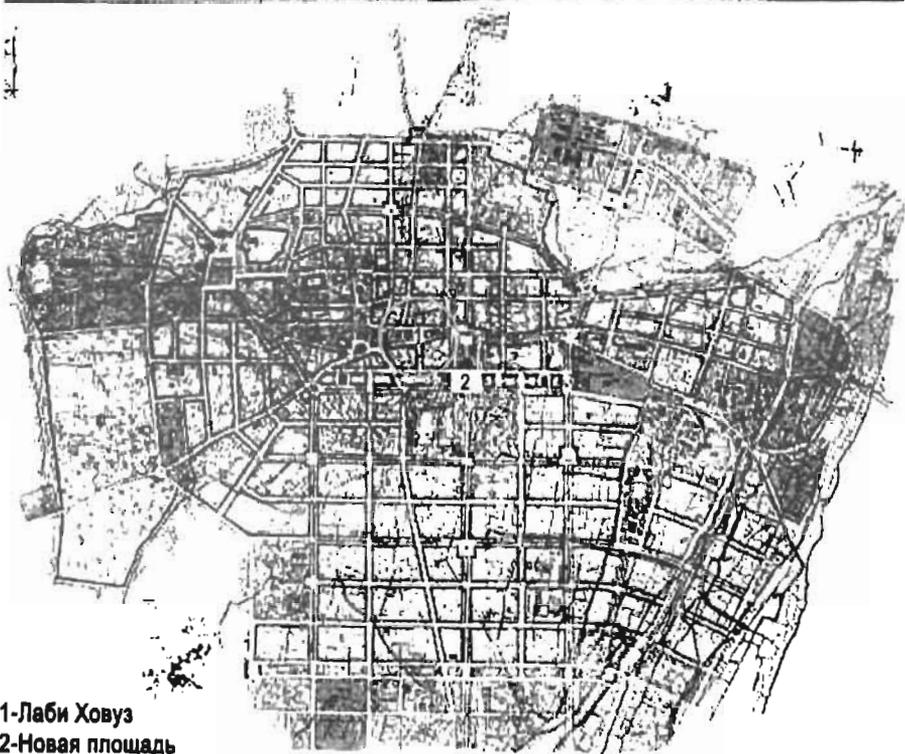
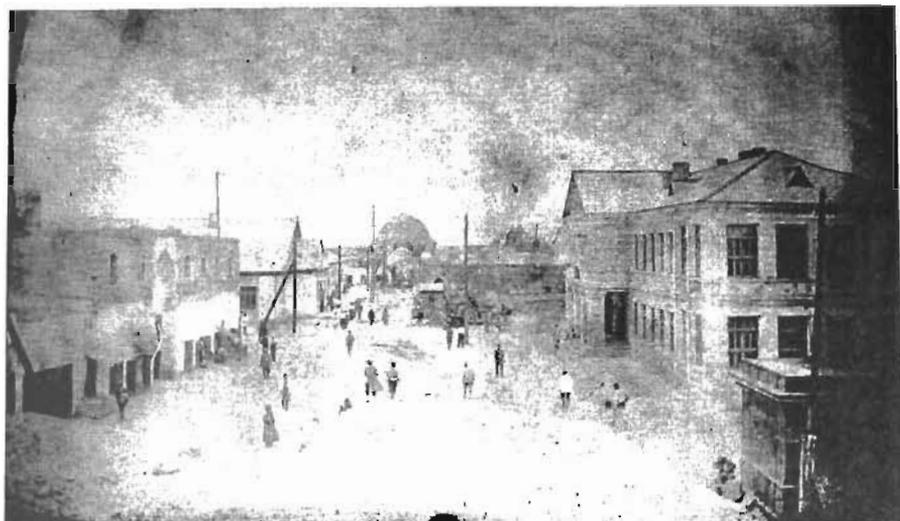
Центр по С.Н.Полупанову

Главная улица

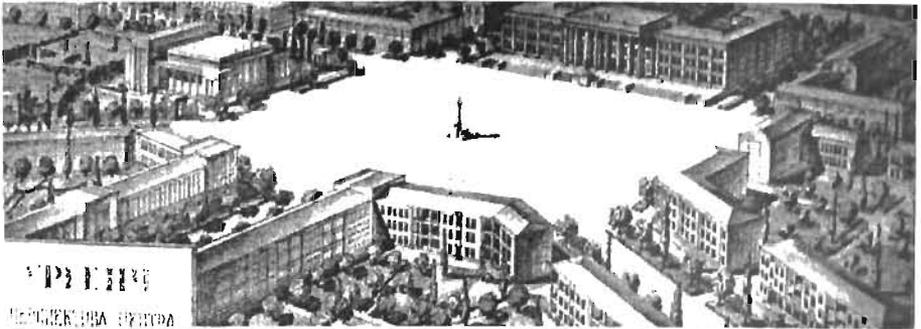

Панорама центра

- 1-Лаби Ховуз
- 2-Новая площадь

95. БУХАРА. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН. И.В.ЖОЛТОВСКИЙ. ПЕРВАЯ ПОЛ.1930-Х ГГ.

1937 г. Бухара

Центральный парк
перед новой
административной
площадью

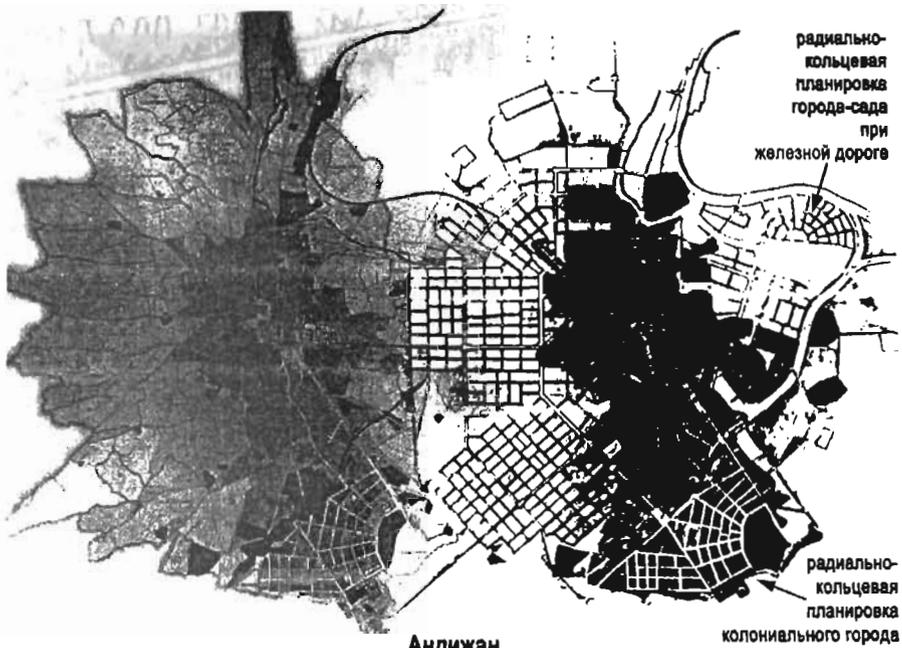
парк, мавзолей
Саманидов

Арк

бульвары
новые
кварталы

96. БУХАРА-ХИВА-УРГЕНЧ. КОНЦЕПЦИИ ВЗРЫВА. 1937-1948 ГГ.

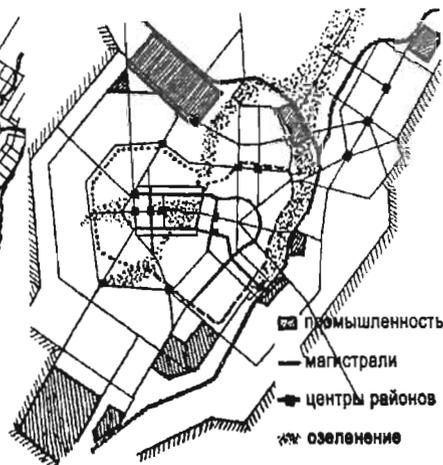
Андижан
опорный план и первая очередь реконструкции
1941

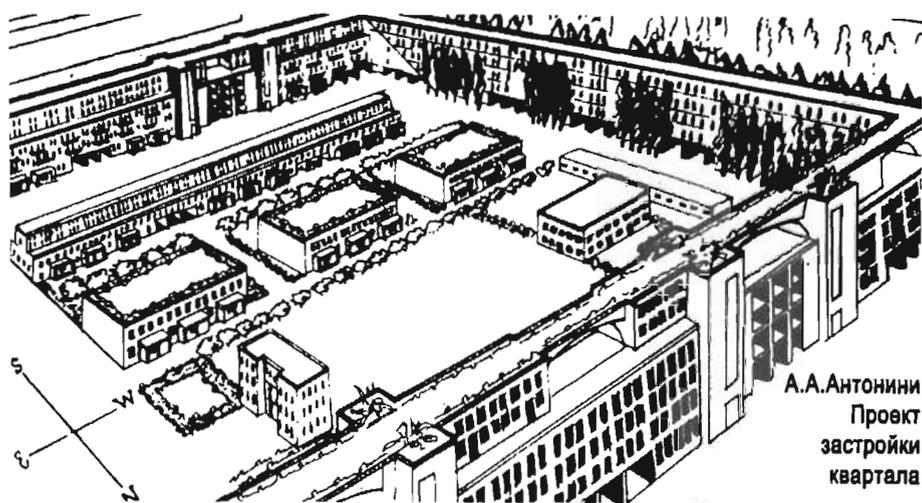
Правительственная
площадь
на территории
старого города

общественные
центры
местного
значения

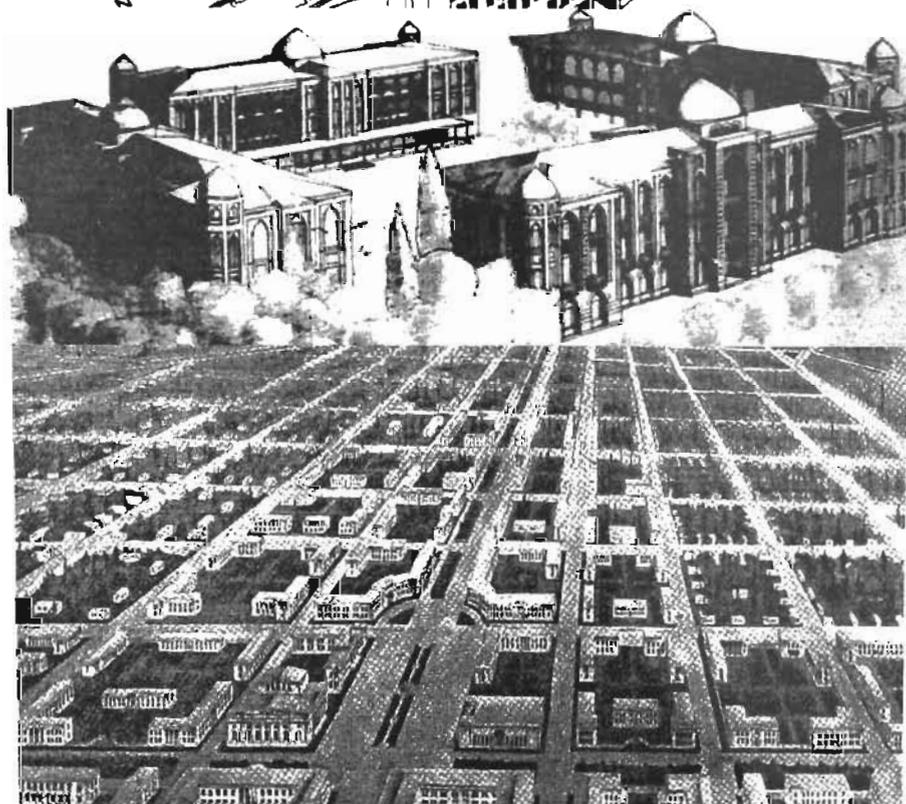
Ташкент
проект перепланировки АПУ Ташгорсовета
1934

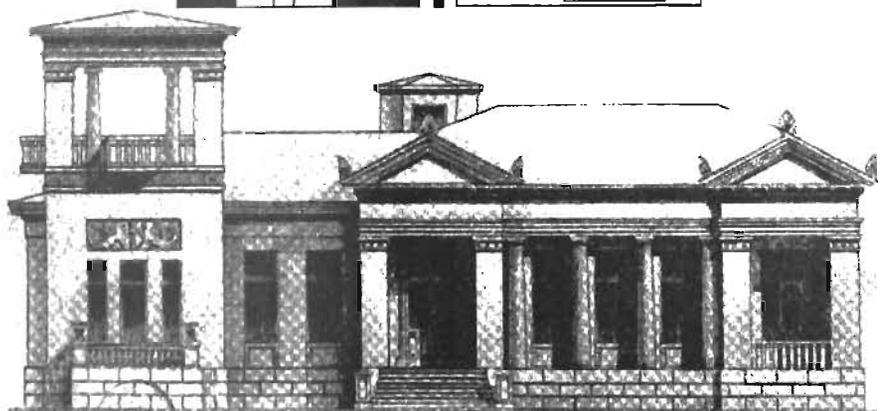
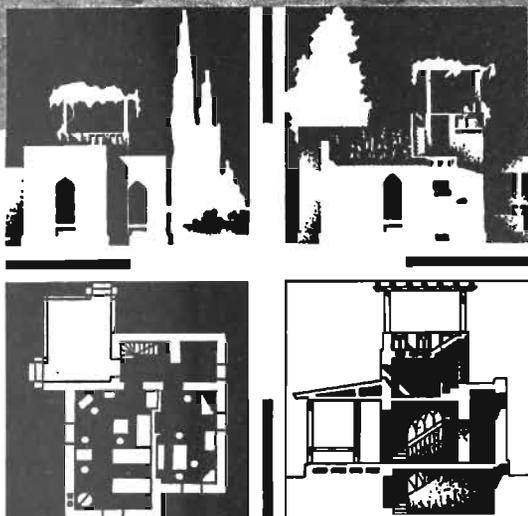
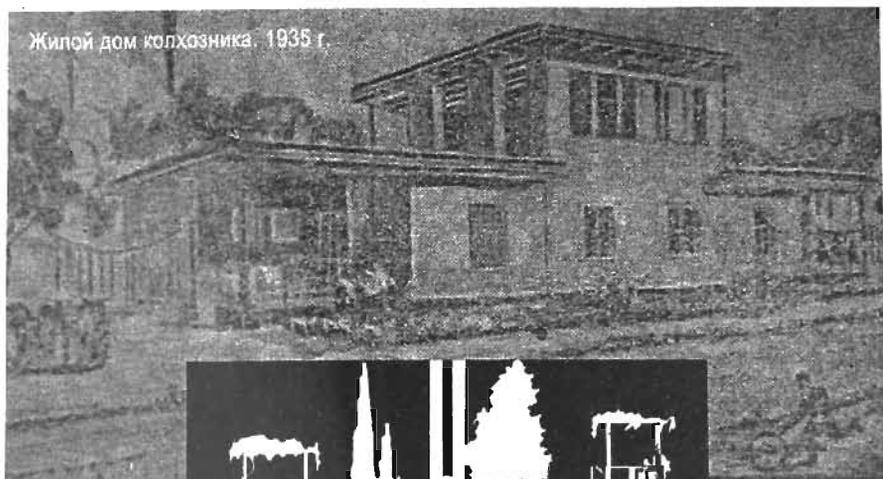
Ташкент
генеральный план А.В.Кузнецова
1938-1939

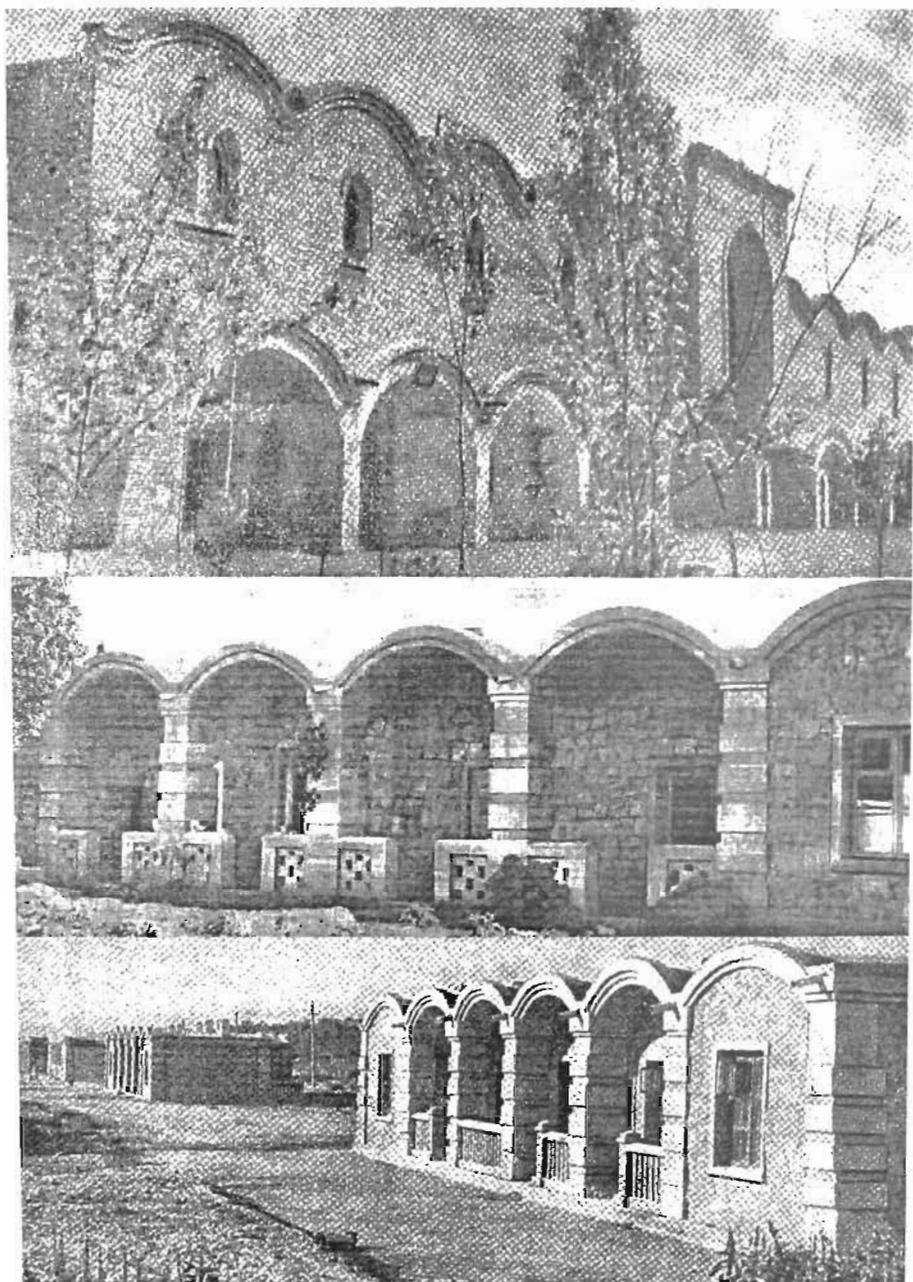
А.А.Антониани
Проект
застройки
квартала

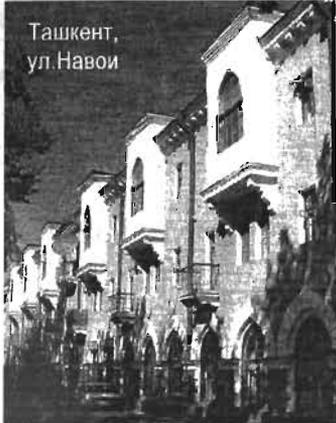
98. КВАРТАЛЫ. ПРЖЕВАЛЬСК 1948 Г. (НИЗ). ТАШКЕНТ 1936 Г. (ВЕРХ).

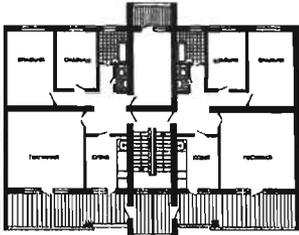
99. ЭВОЛЮЦИЯ ВЕРАНДЫ НА КРЫШЕ ЖИЛОГО ДОМА. 1904-1925-1935 ГГ.

100. БЕКАБАД-ТАШКЕНТ. СВОДЫ ЖИЛЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ. 1940-Е ГГ.

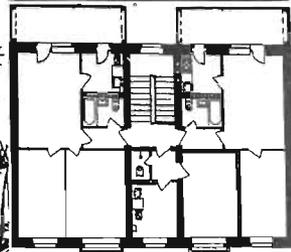
Ташкент,
ул. Навои

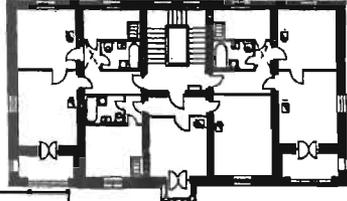
Жилой дом
на ул. Кунаева, Ташкент.
Рубеж 1990-2000-х гг.

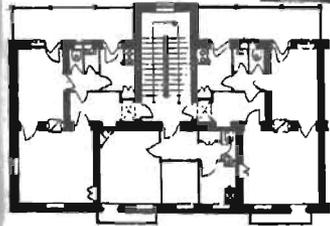
Бухара

Ташкент

Секции
С.В. Кутина,
В.И. Озерова-И.А. Рачинской
и И.А. Мерпорта

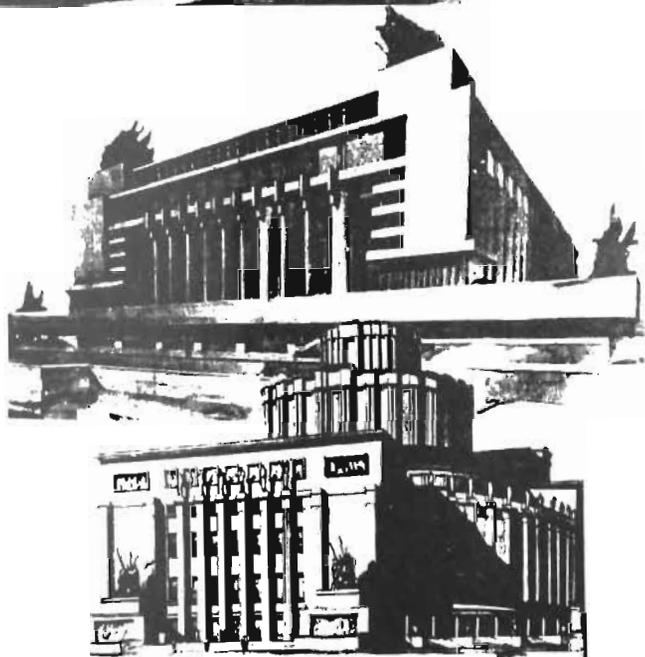
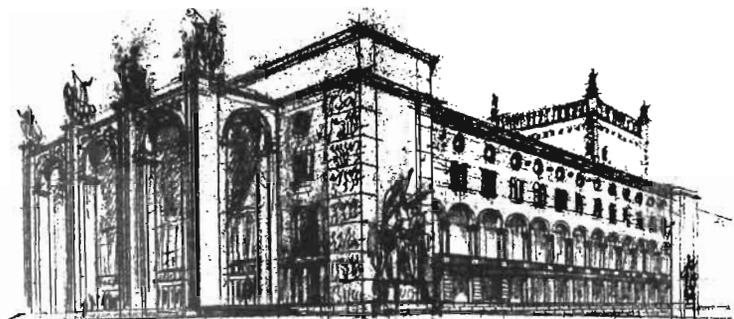

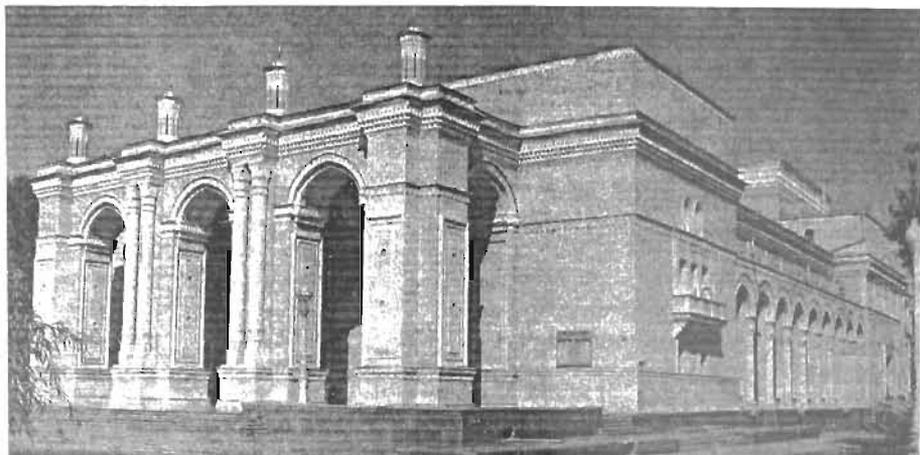
Павильон Казахской ССР на ВСХВ в Москве

Академия наук в Алма-Ате

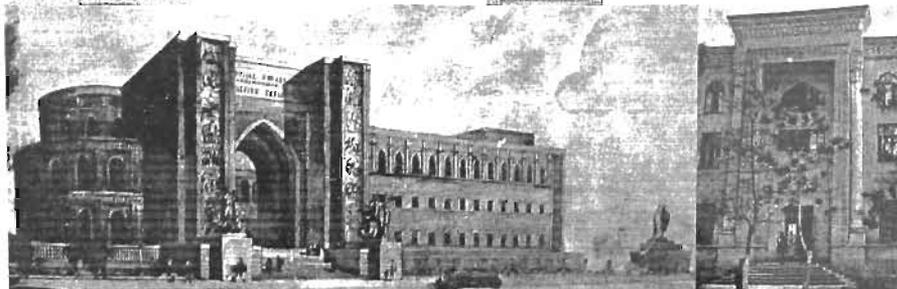

103. ТАШКЕНТ. ТЕАТР НАВОИ. ПРОЕКТЫ КОНКУРСА 1937 Г.

Театр в Таганроге
И.В.Жолтовский
1937 г.

Библиотека
имени А.Навои
в Ташкенте
В.М.Дмитриев
1948 г.

104. ТАШКЕНТ. БИБЛИОТЕКА (НИЗ) И ТЕАТР (ВЕРХ). А.В.ЩУСЕВ. 1937-1948 ГГ.

А. В. Шусев. Театр имени А. Навои. 1948 г.

Ф. Брунеллески, Воспитательный дом, 1445 г.

105. ФЛОРЕНЦИЯ-ТАШКЕНТ. ЛОДЖИИ. 1445-1948 ГГ.

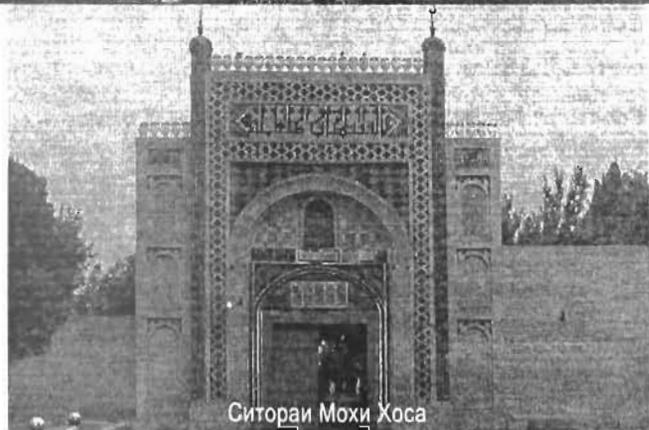
А.В.Шусев. Театр имени А.Навои в Ташкенте, 1937-1948 гг.

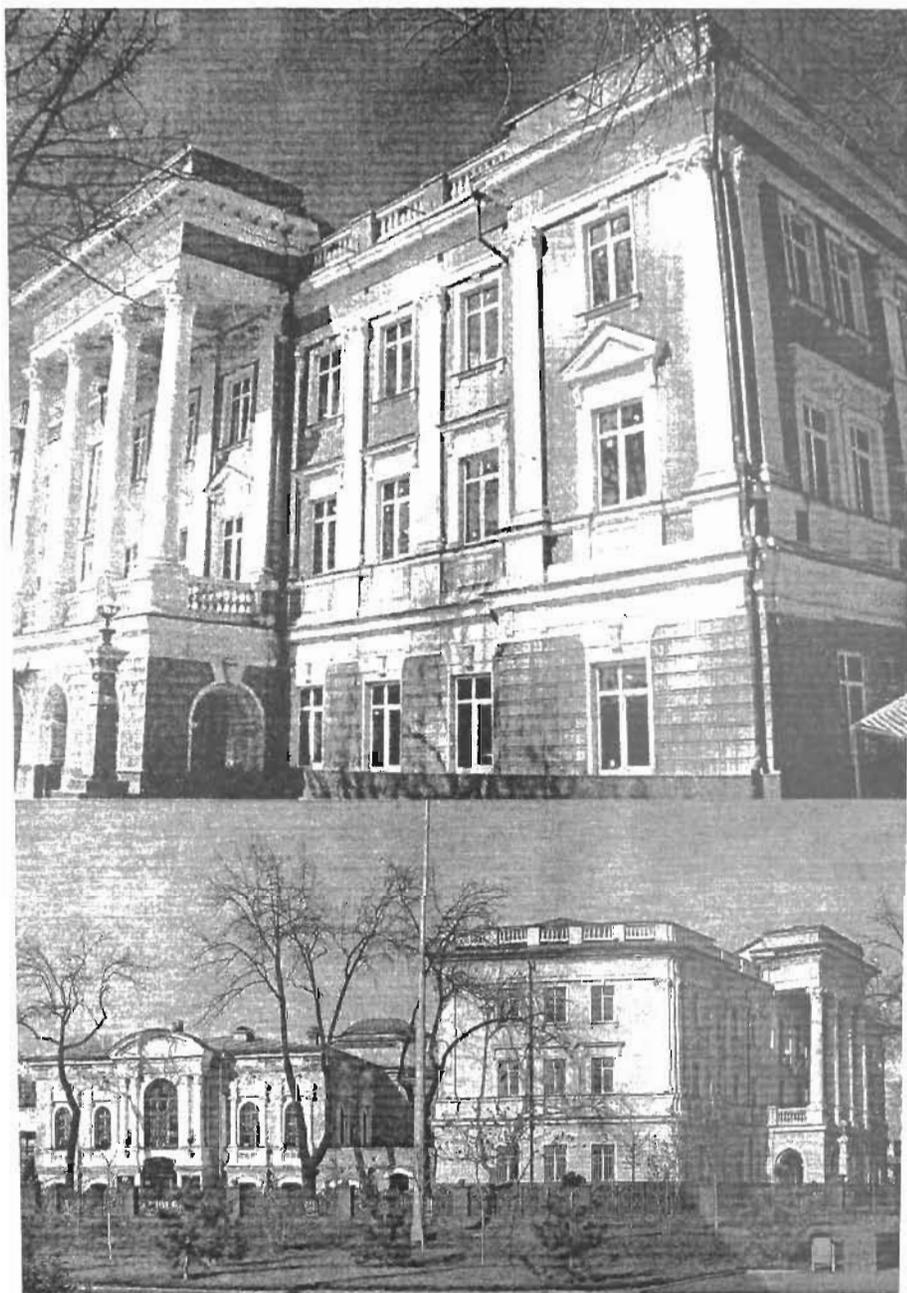
Чертёж главного фасада библиотеки

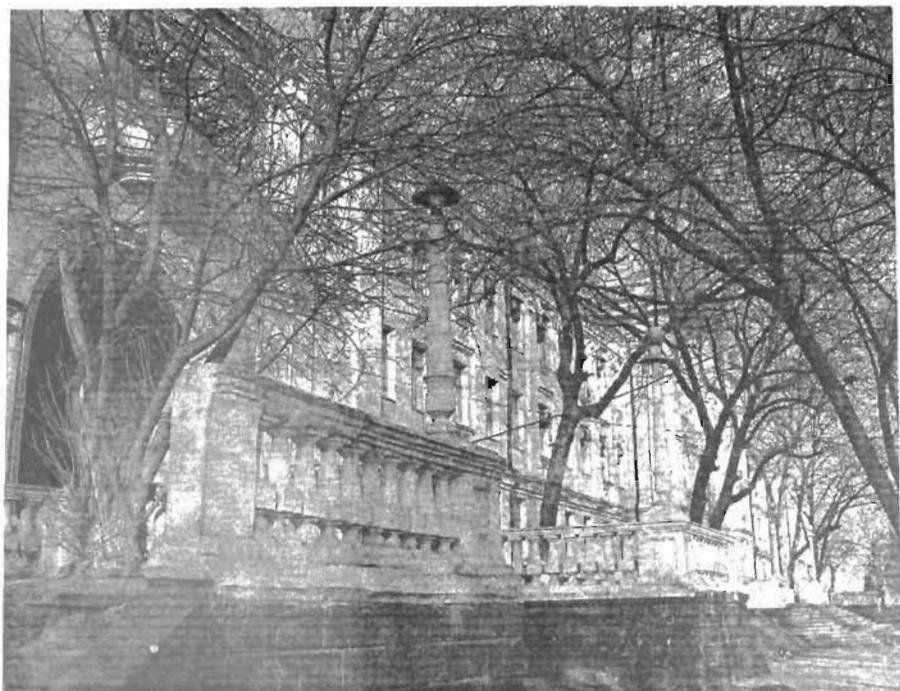
Д.М.Каррере,Т.Хастингс. Нью-Йоркская публичная библиотека. 1897-1911 гг.

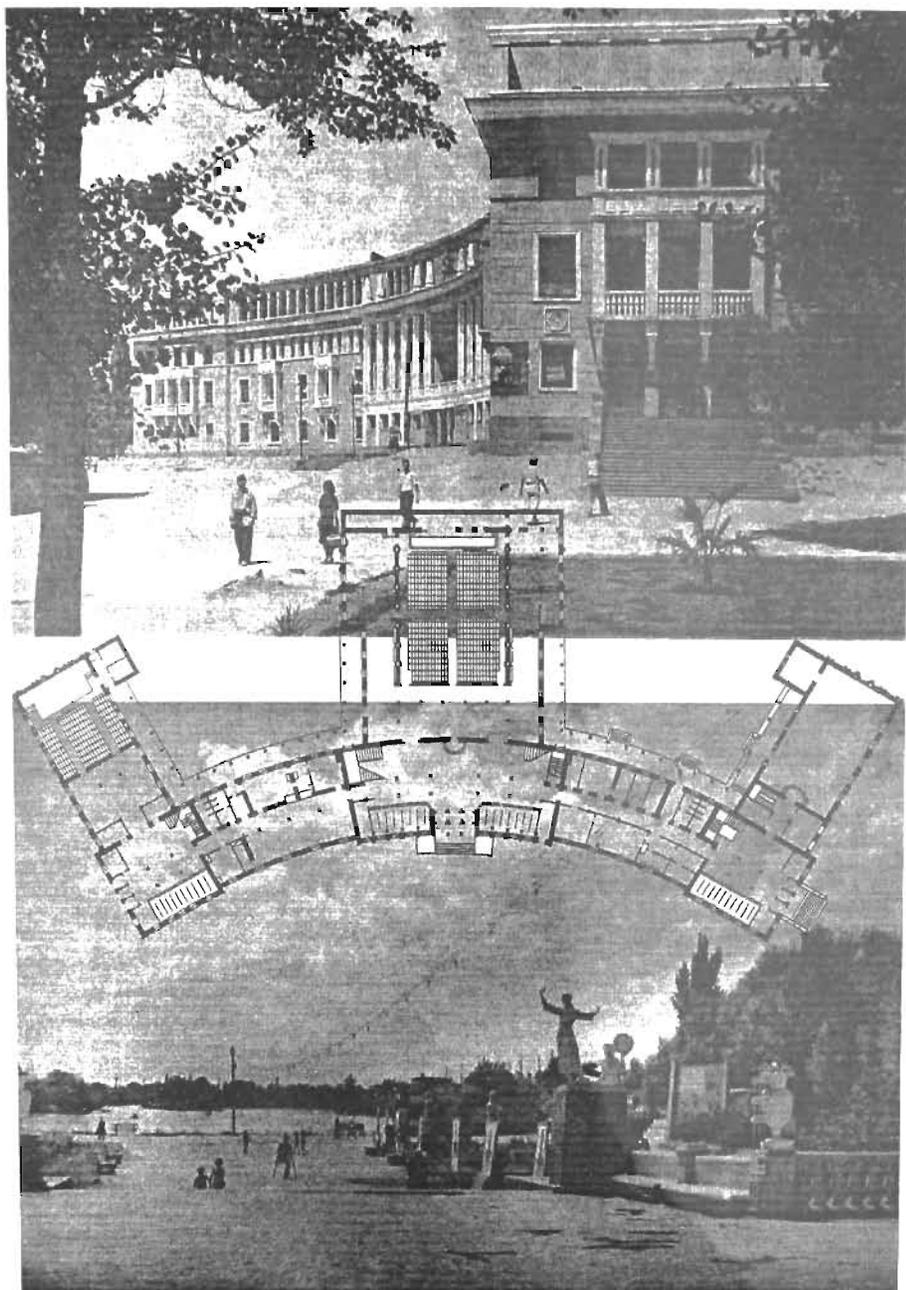
107. БУХАРА-ТАШКЕНТ. КОМПОЗИЦИИ ПЕШТАКА. НАЧАЛО XX В.-1939 Г.

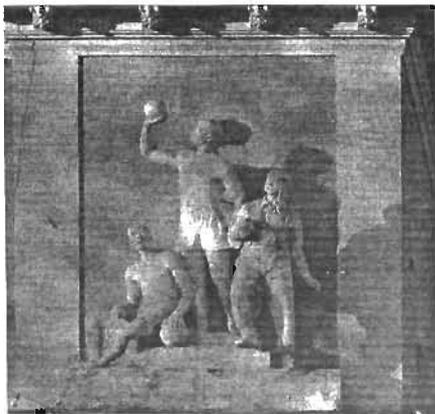
108. ТАШКЕНТ. ЗДАНИЕ КОМИТЕТА КОМПАРТИИ. 1938 Г.

109. ТАШКЕНТ. ЗДАНИЯ ПЕДИНСТИТУТА И ЧИРЧИКСТРОЯ. 1938-1950 ГГ.

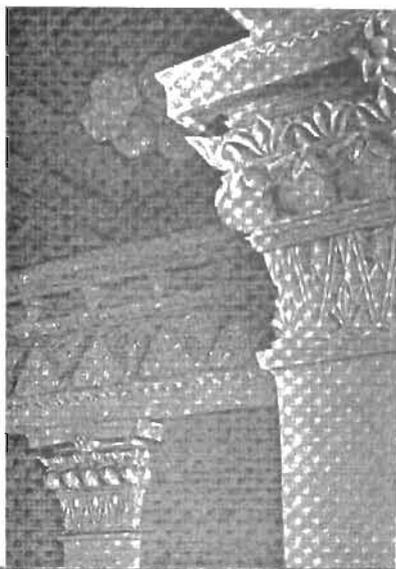
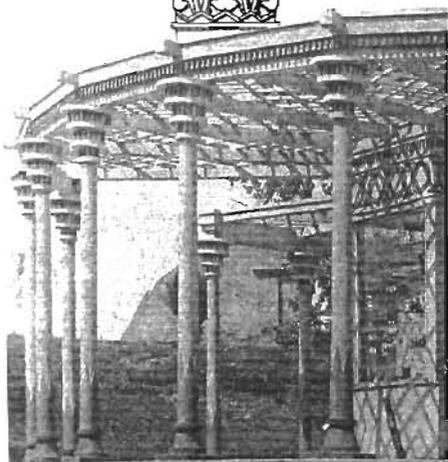
110. ТАШКЕНТ. КОМСОМОЛЬСКОЕ ОЗЕРО И КЛУБ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ. 1940 Г.

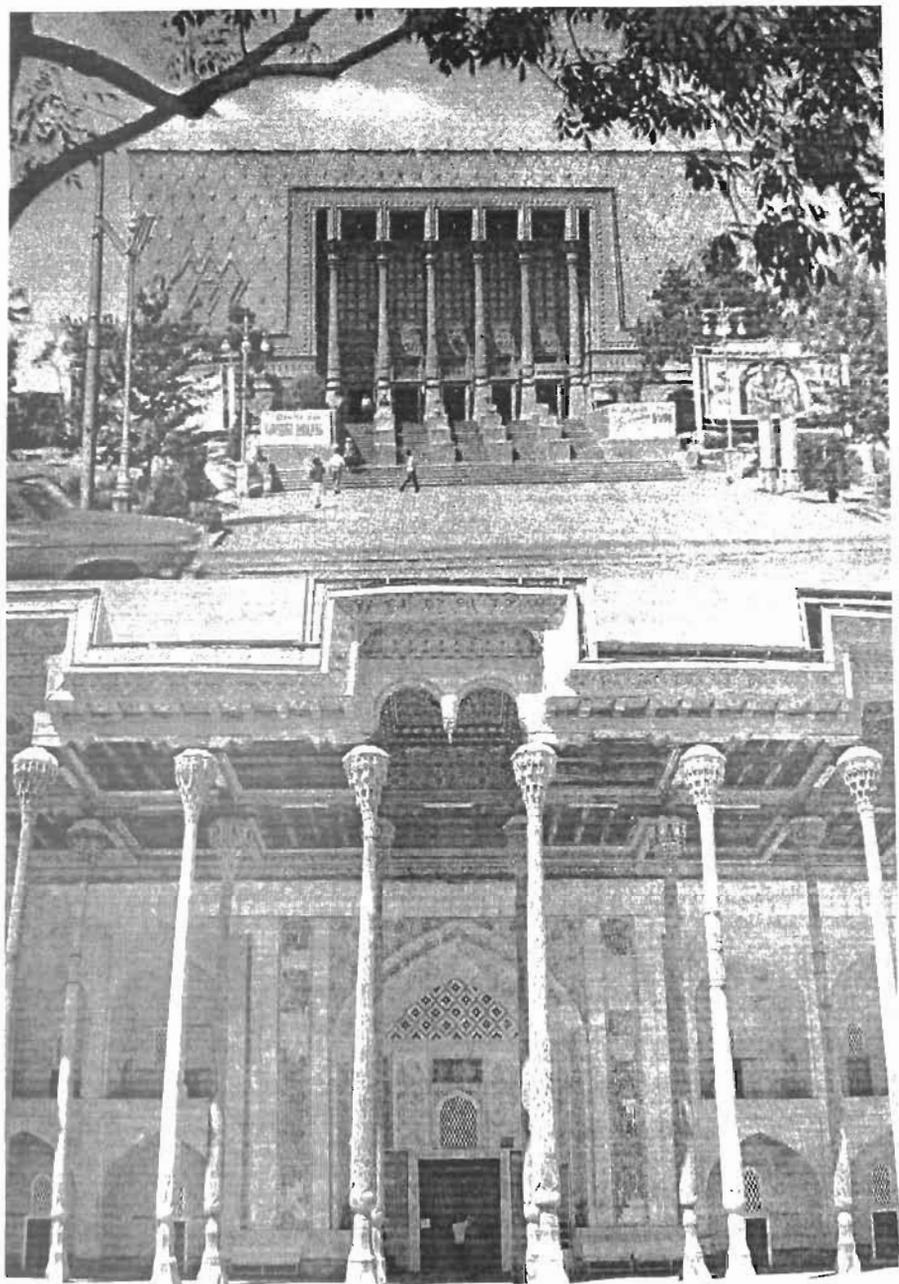
111. ТАШКЕНТ. СКУЛЬПТУРЫ ПЕДИНСТИТУТА И КЛУБА ОБУВЩИКОВ. 1937-1938 ГГ.

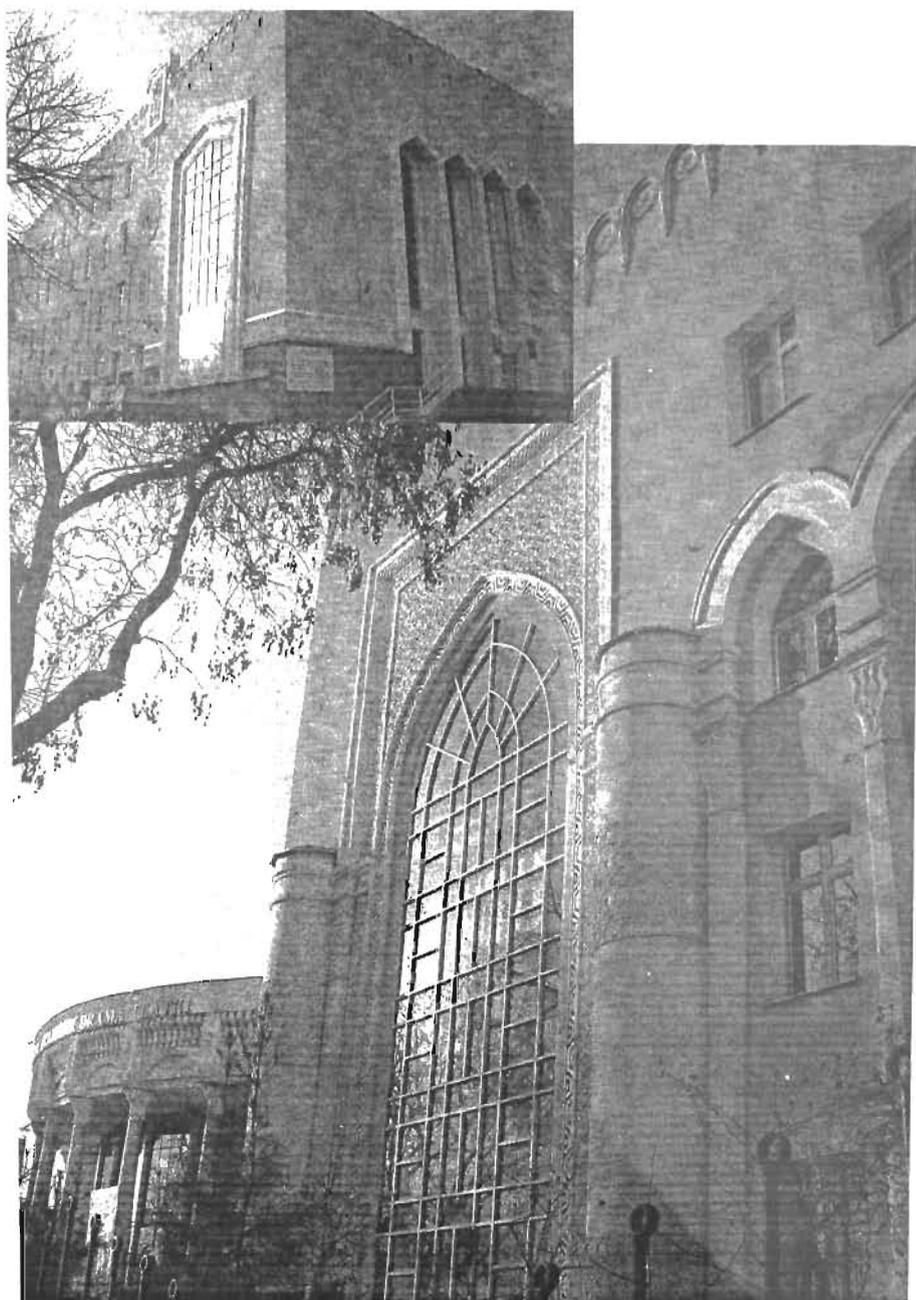
С.Н.Полуланов

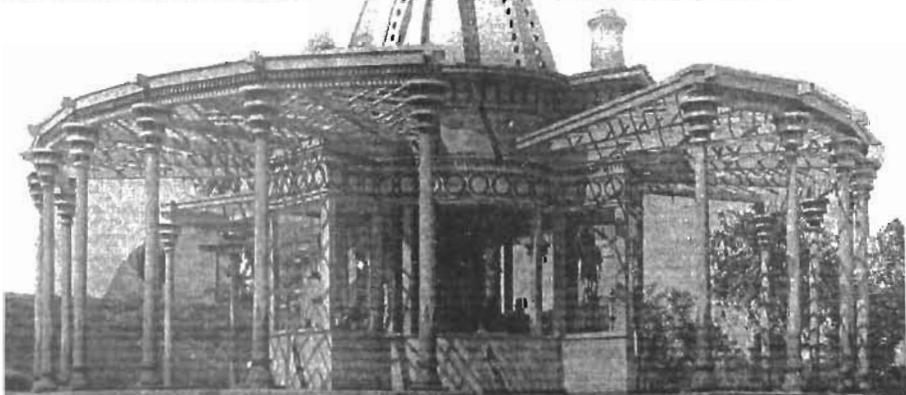
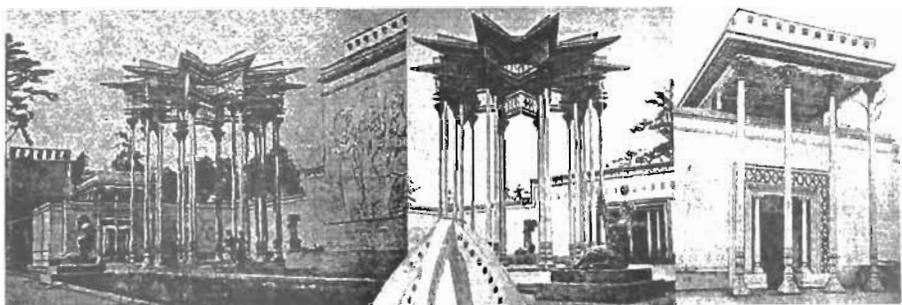
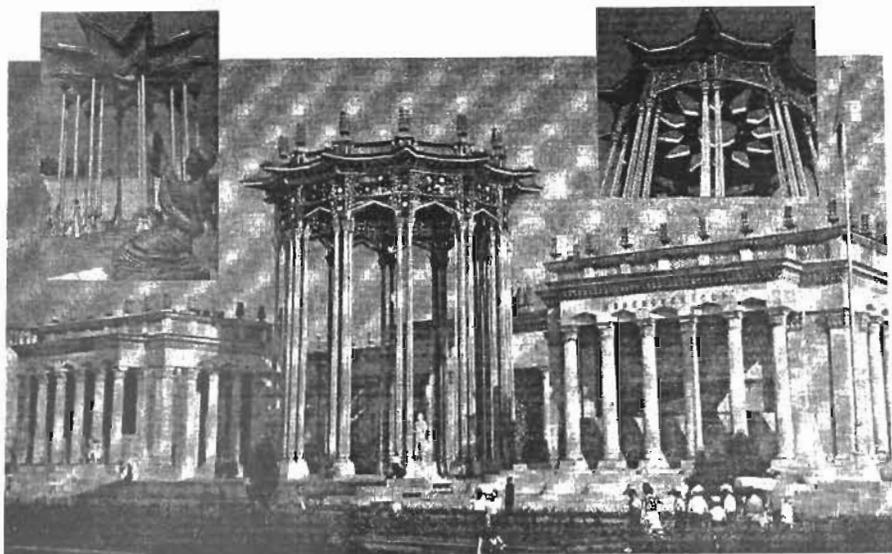
А.И.Павлов

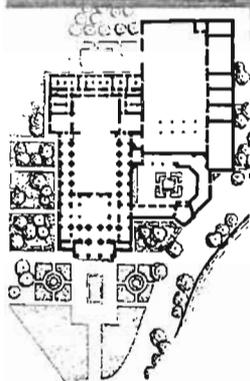
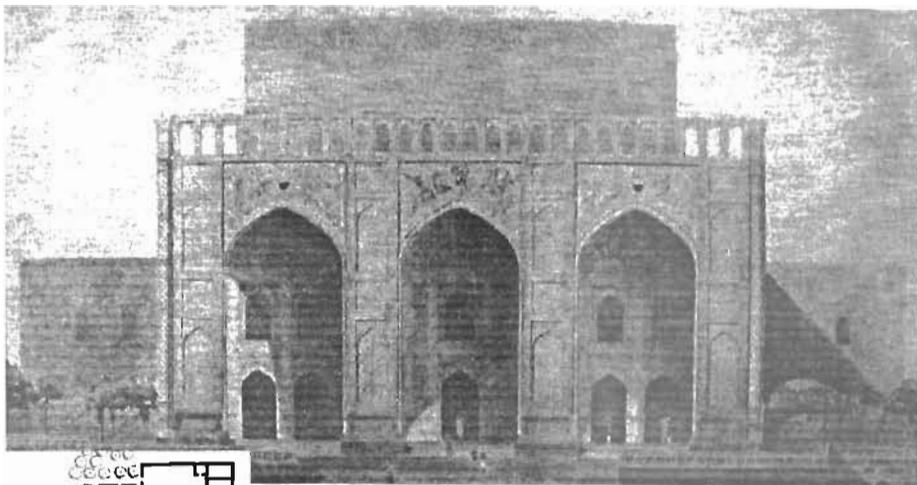
113. БУХАРА-ТАШКЕНТ. МЕЧЕТЬ БОЛО ХОВУЗ И КИНО ВАТАН. 1712-1939 ГГ.

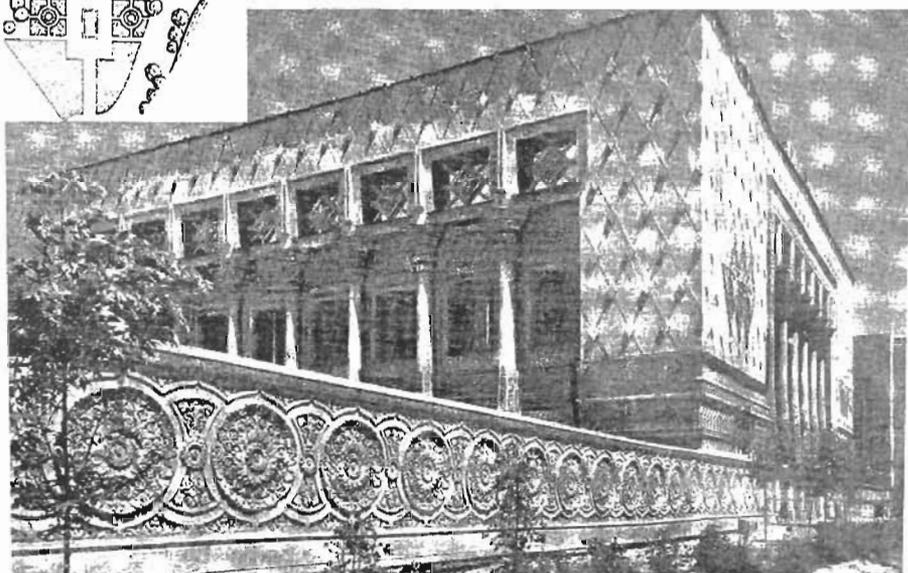
114. ТАШКЕНТ. ЗДАНИЯ СРЕДАЗУГЛЯ И ГОРНОГО ТЕХНИКУМА. 1939 Г.

115. АНДИЖАН-МОСКВА. ПАВИЛЬОНЫ. С.Н.ПОЛУПАНОВ. 1928-1954 ГГ.

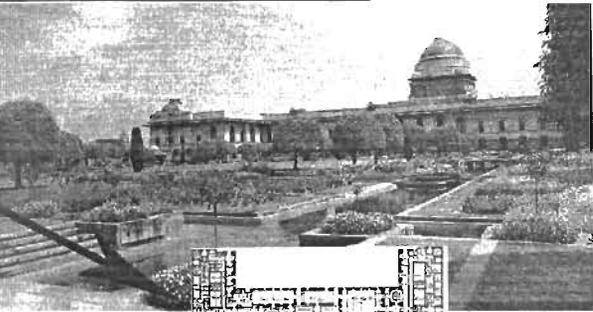
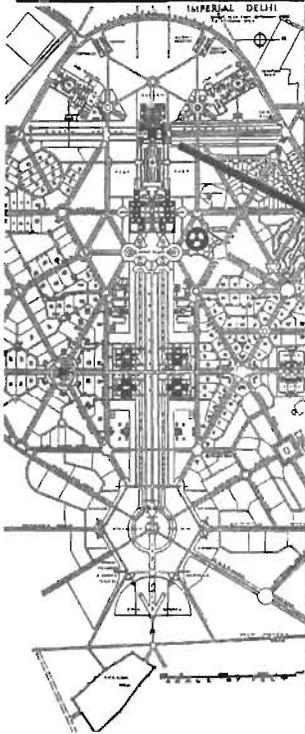
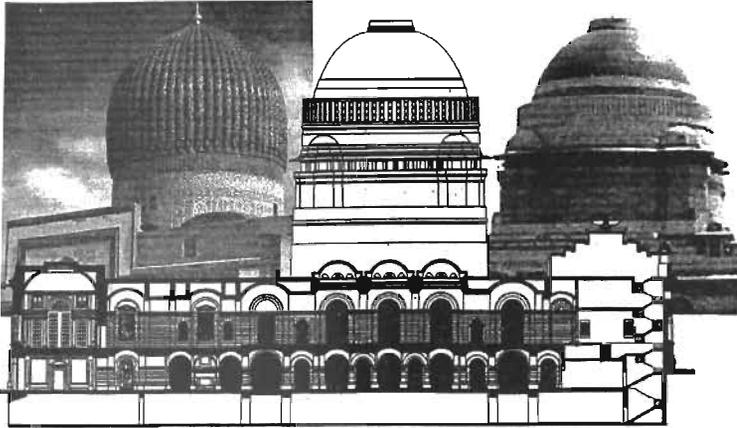
Театр ТашСовета,
план

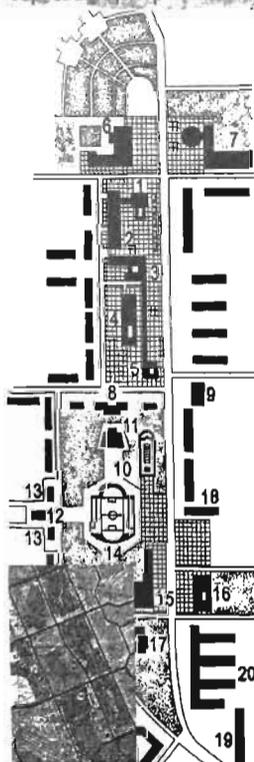
116. ТАШКЕНТ. КИНО ВАТАН И ТЕАТР ТАШСОВЕТА. 1939-1944 ГГ.

Храм
в
Санчи

17. САМАРКАНД-ДЕЛИ. КУПОЛА ГУРИ АМИРА И РАШТРАПАТИ БХАВАН. 1404 Г.-1920-Е ГГ.

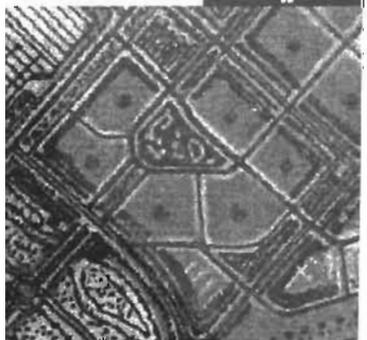

- 1 - административное здание
- 2 - Дом связи
- 3 - гостиница
- 4 - торговый центр
- 5 - чайхана
- 6 - Дом химиков
- 7 - Дворец пионеров
- 8 - гостиница
- 9 - музыкальная школа
- 10 - плавательный бассейн
- 11 - летний кинотеатр
- 12 - зимний кинотеатр
- 13 - магазины
- 14 - стадион
- 15 - Дом спорта
- 16 - культурный центр
- 17 - клуб-кафе
- 18 - 8-этажные жилые дома
- 19 - 7-этажные жилые дома
- 20 - 8-этажные жилые дома

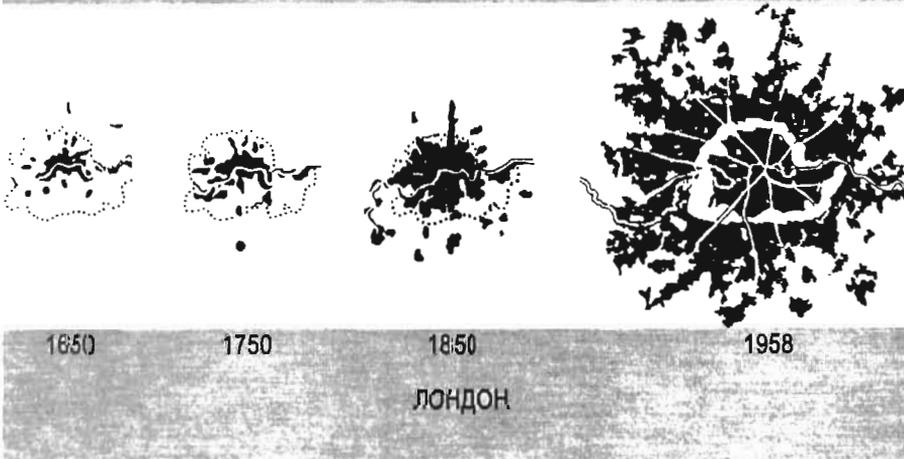
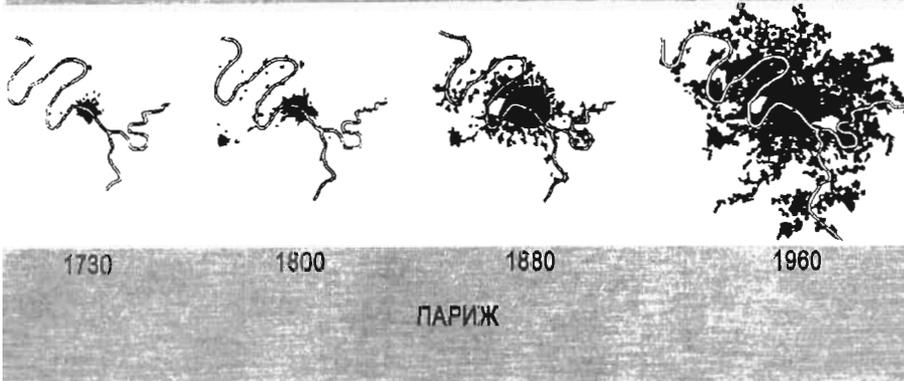
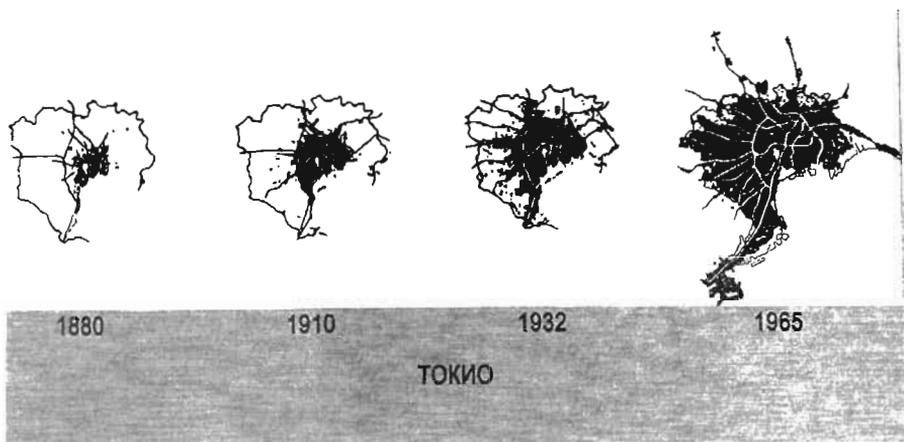
Навои:
генеральный план
города и центра

Зарафшан:
первая очередь
города
и концепция
города-точки

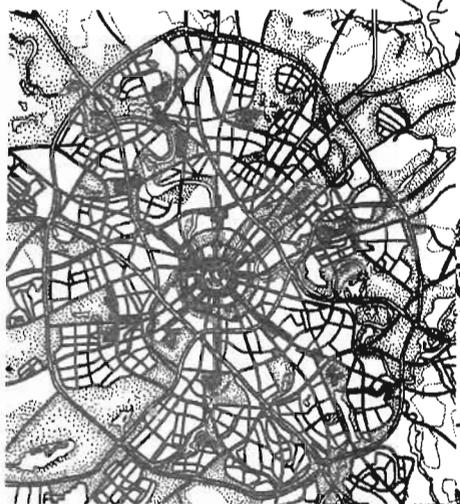

118. НОВЫЕ ГОРОДА НАВОИ (1958 Г.) И ЗАРАФШАН (1961 Г.).

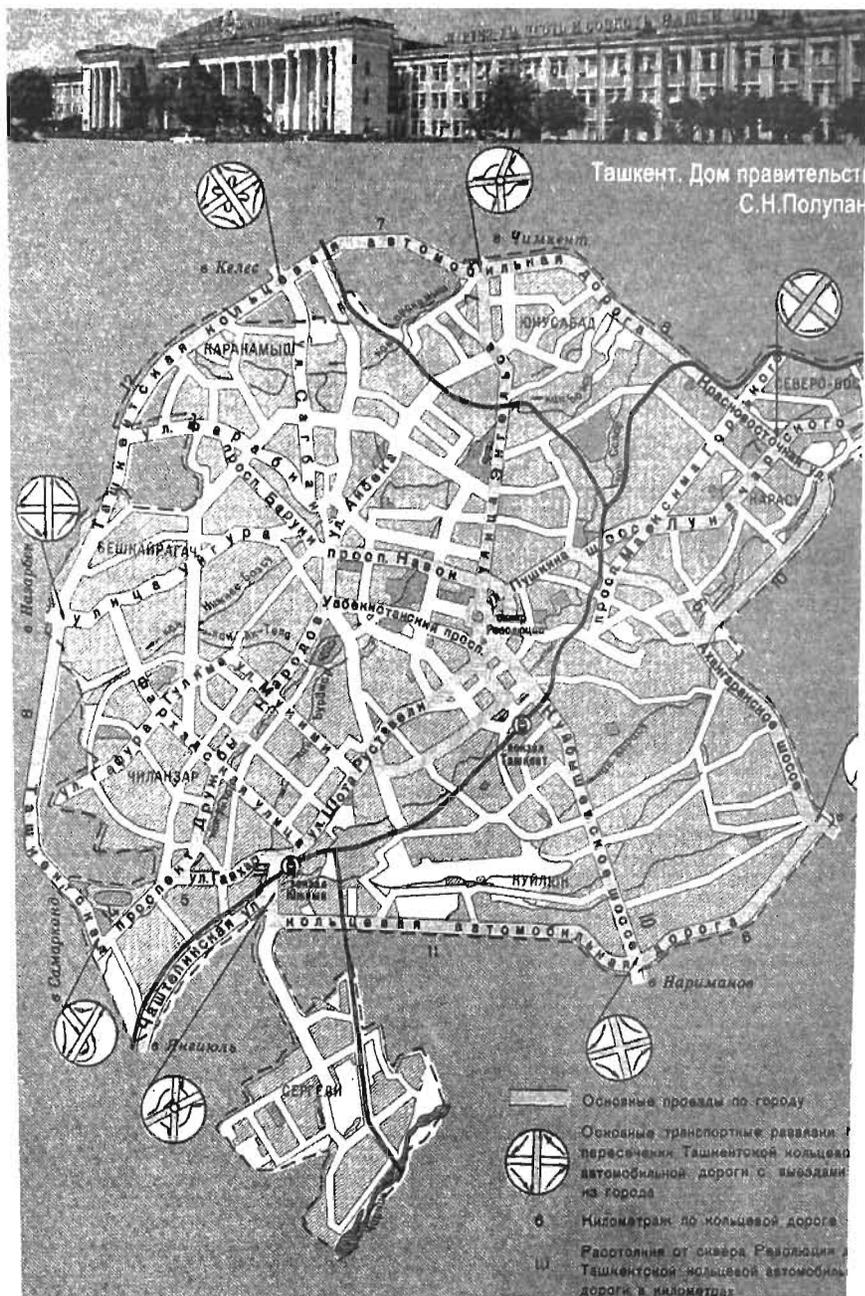
119. РОСТ МИРОВЫХ СТОЛИЦ К СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА.

Генеральный план Москвы
1971 г.

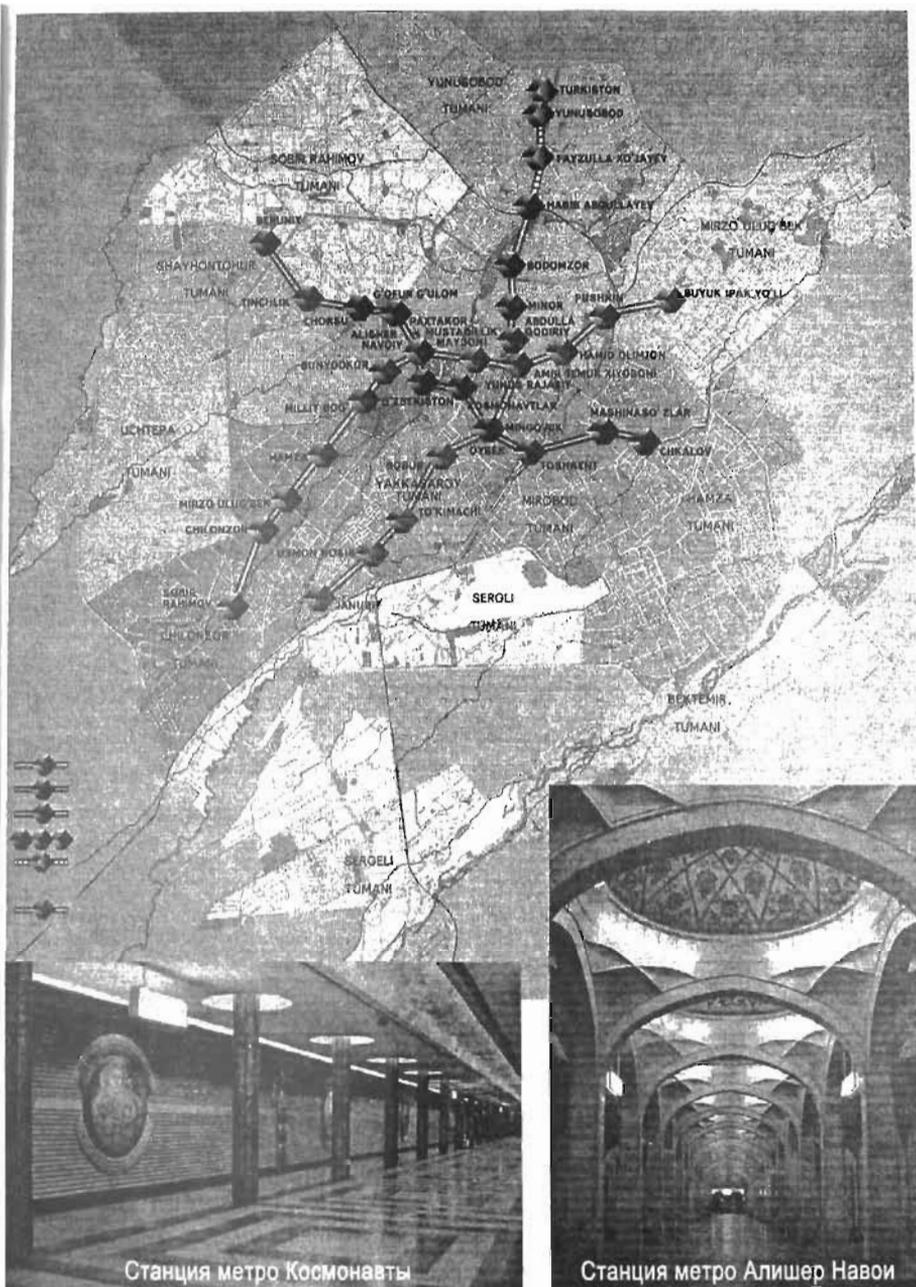

Генеральные планы Ташкента
1971 г.

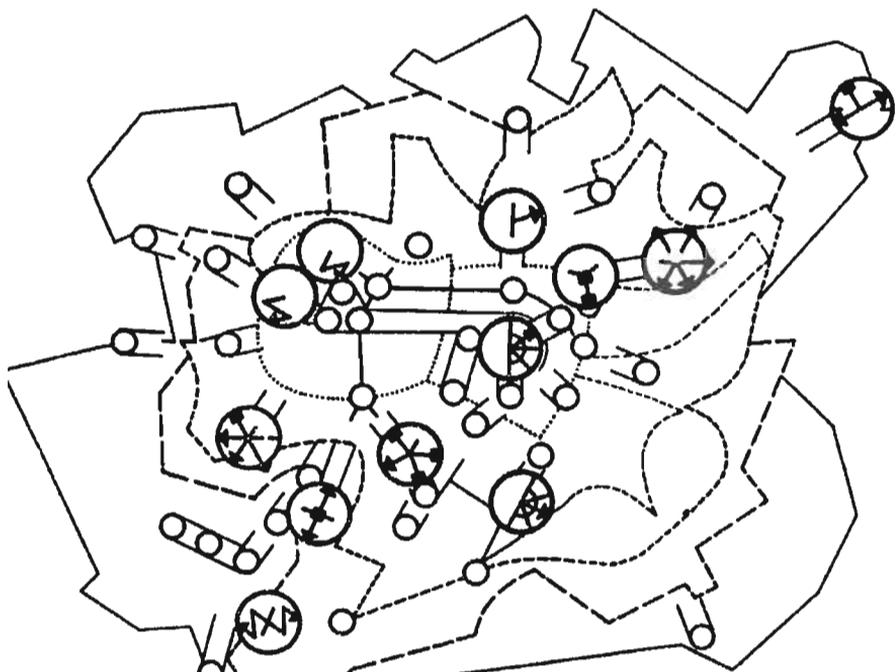
122. УЛИЧНАЯ СЕТЬ ТАШКЕНТА ПО СОСТОЯНИЮ НА 1988 Г.

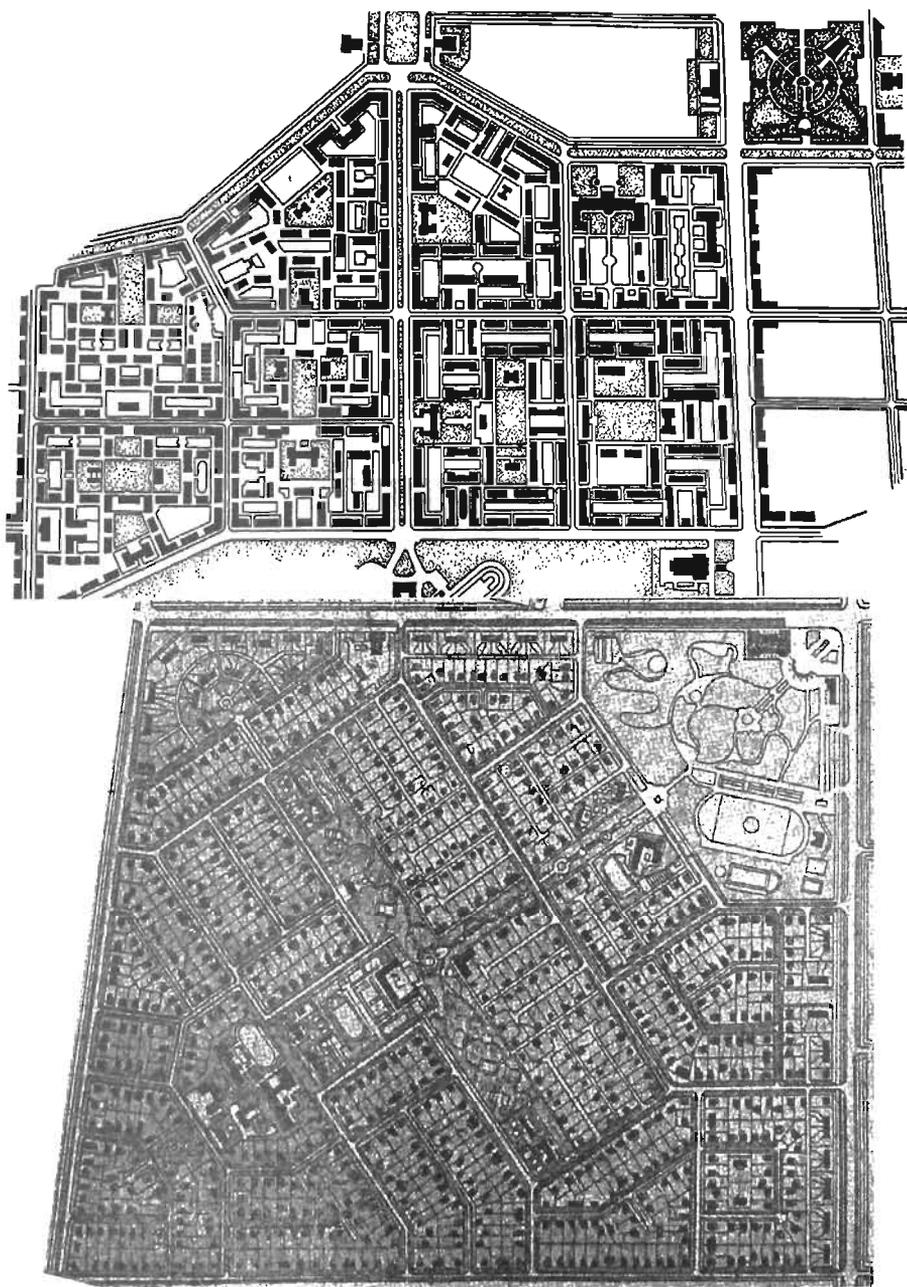

123. ТАШКЕНТ. МЕТРОПОЛИТЕН И ПЛАНИРОВОЧНЫЕ РАЙОНЫ. 2010 Г.

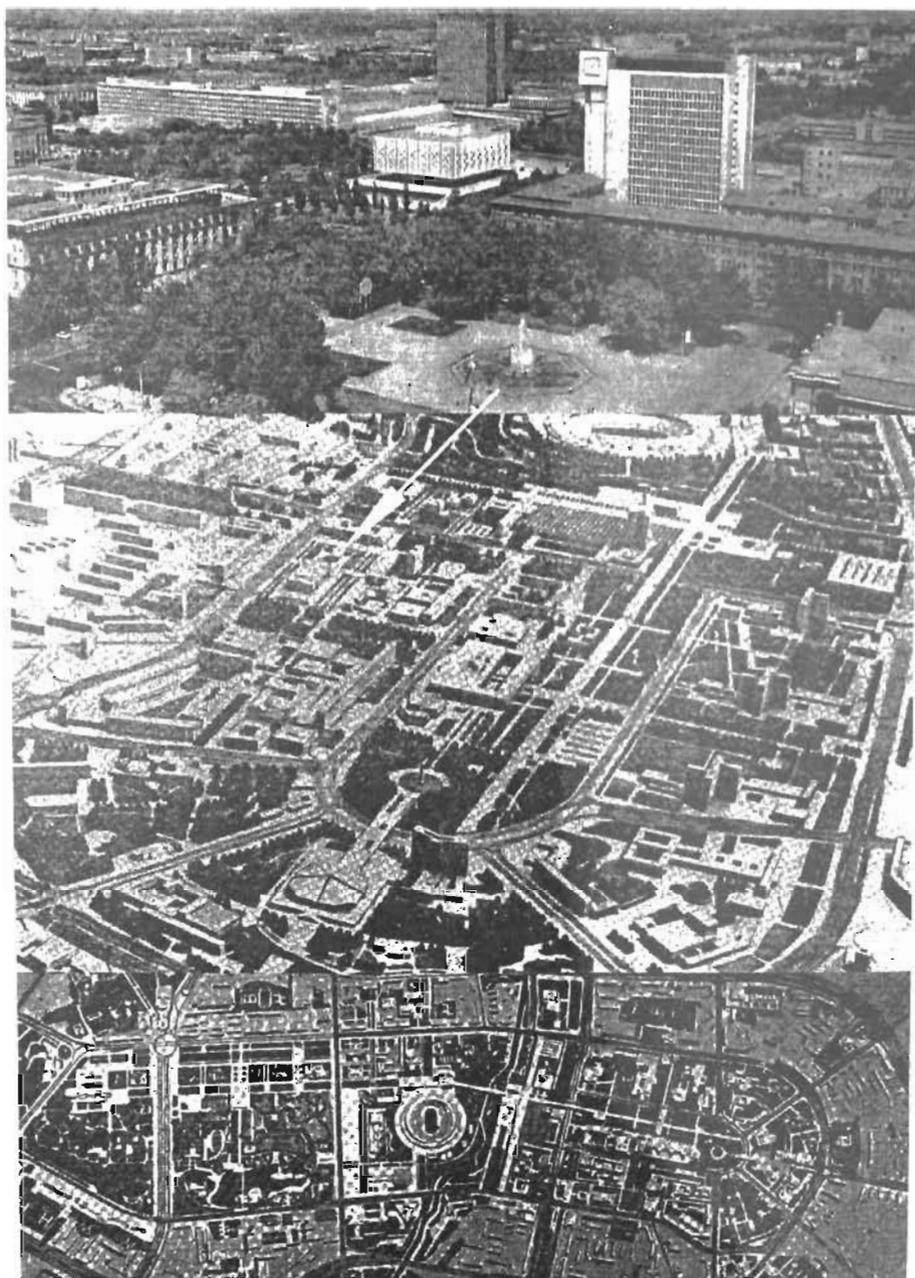

Самарканд. Рост. Этапы.

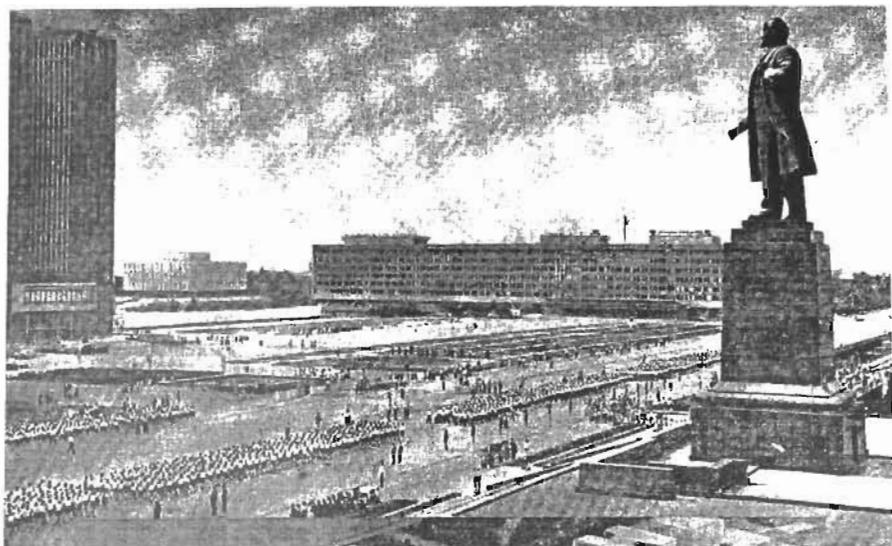

125. ПЕРВЫЕ МИКРОРАЙОНЫ ЯНГИЕРА И ЧИЛАНЗАРА. РУБЕЖ 1950-1960-Х ГГ.

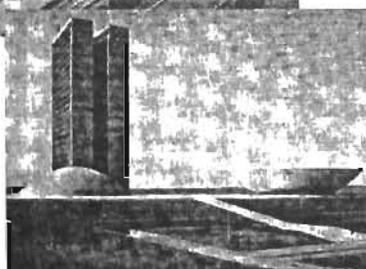

126. РАЗВИТИЕ АНСАМБЛЕЙ ЦЕНТРА ТАШКЕНТА С 1958 ПО 1974 ГГ.

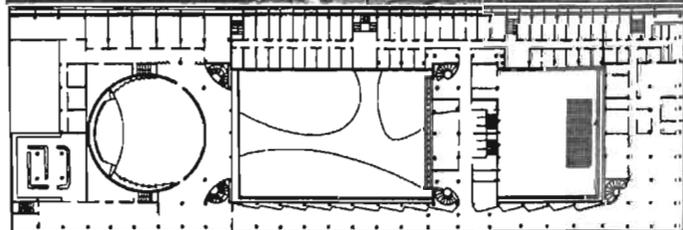

Павильон
сельского
хозяйства,
Сан-Паулу,
1951-1954 гг.

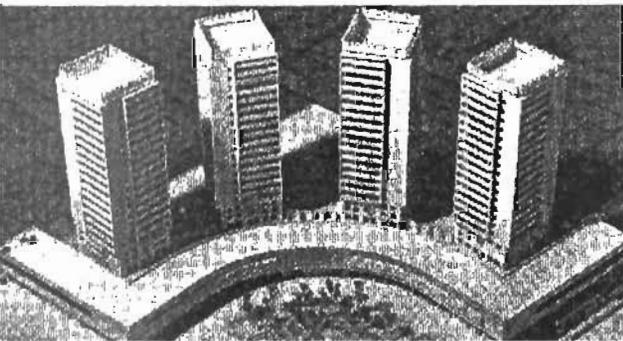
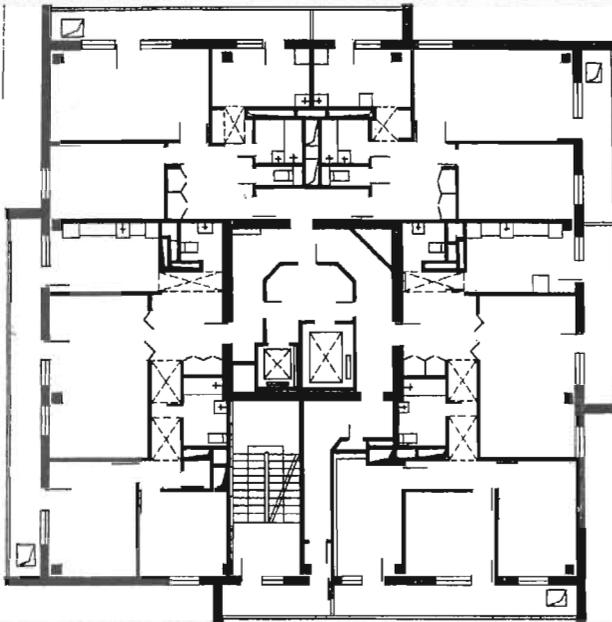
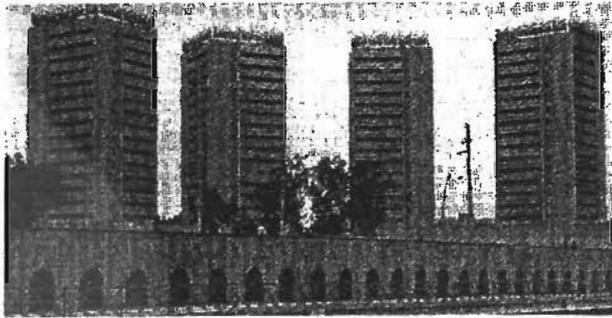
Дворец
Национального
конгресса,
Бразилиа,
1960 г.

127. ЗДАНИЯ О.НИМЕЙЕРА 1951-1960 ГГ. НА ПЛОЩАДИ ТАШКЕНТА 1966-1974 ГГ.

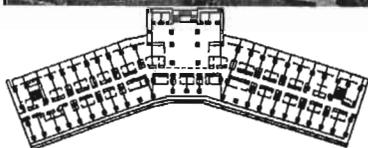
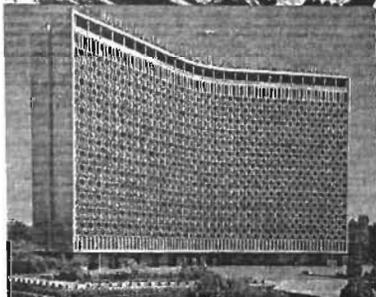
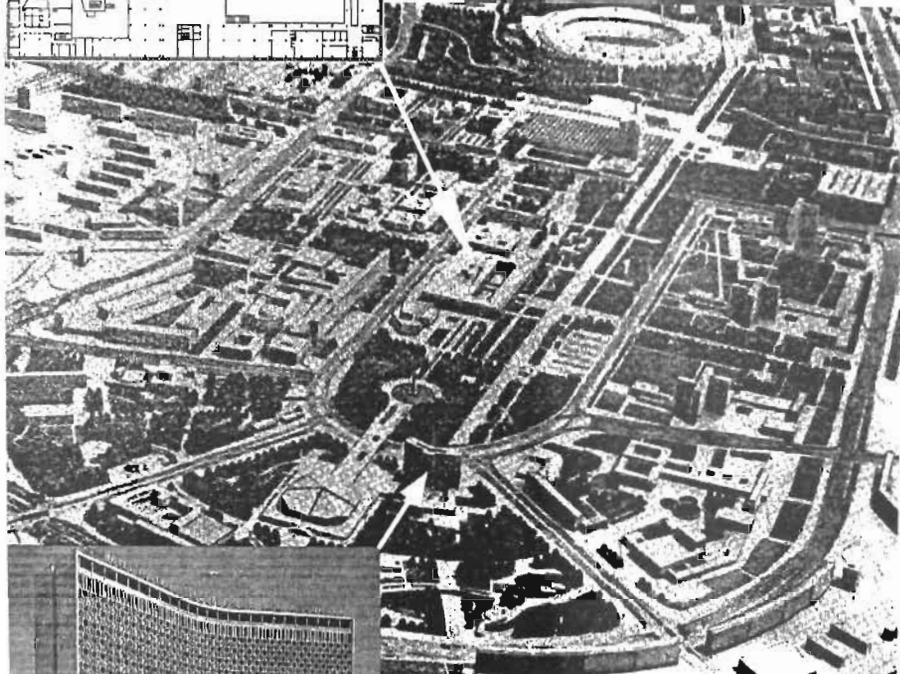
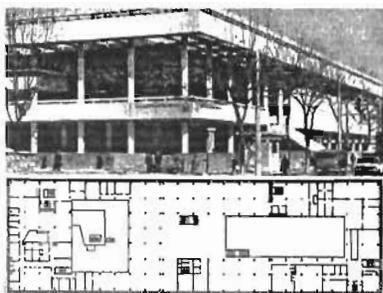

128. ВЫСОТНЫЕ ЗДАНИЯ МАГИСТРАЛЕЙ ТАШКЕНТА 1970-Х ГГ.

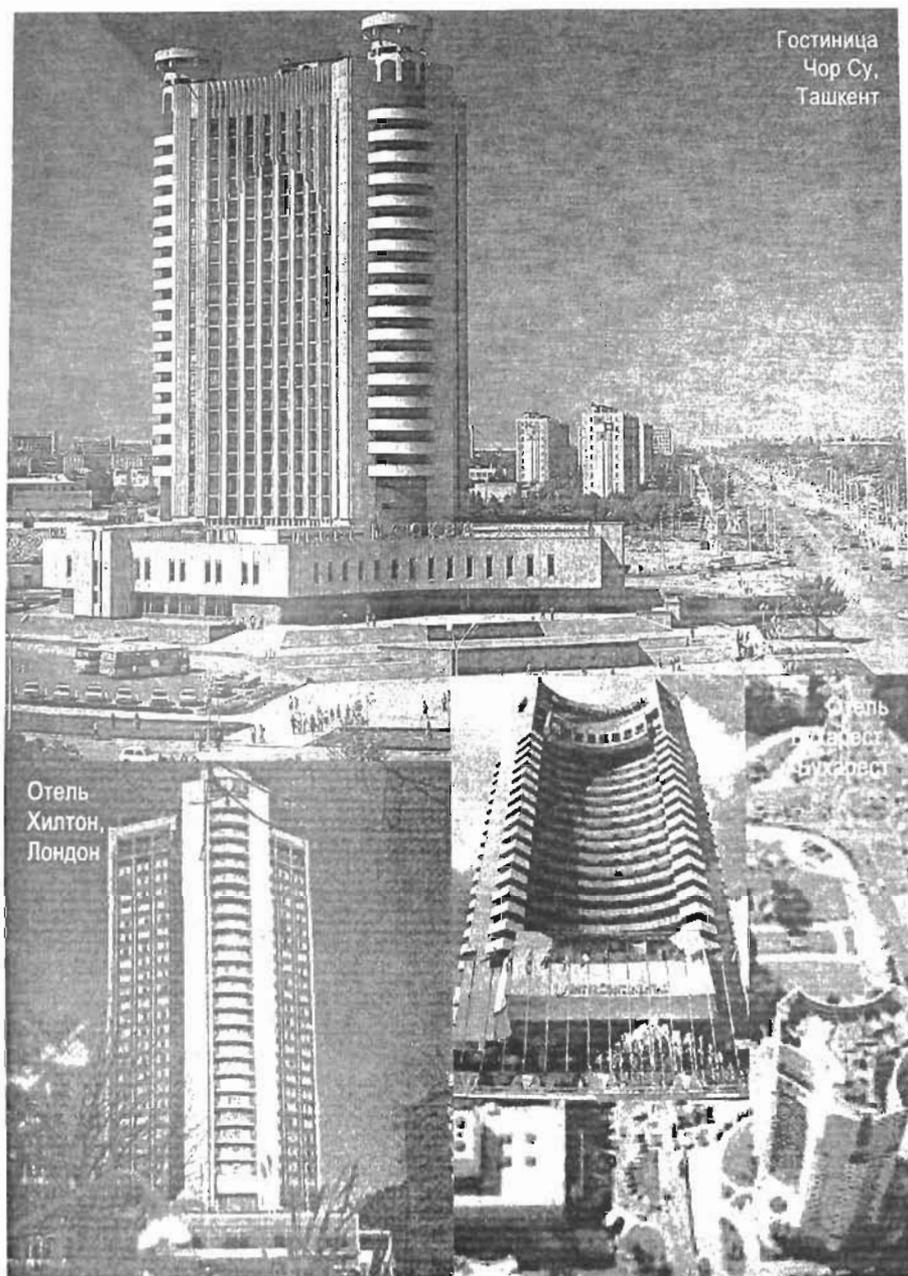
129. ТАШКЕНТ. ЖИЛЫЕ ДОМА НА ПЛОЩАДИ Х.АЛИМДЖАНА. 1980-1984 ГГ.

Ресторан Зарафшан Гостиница Чор Су

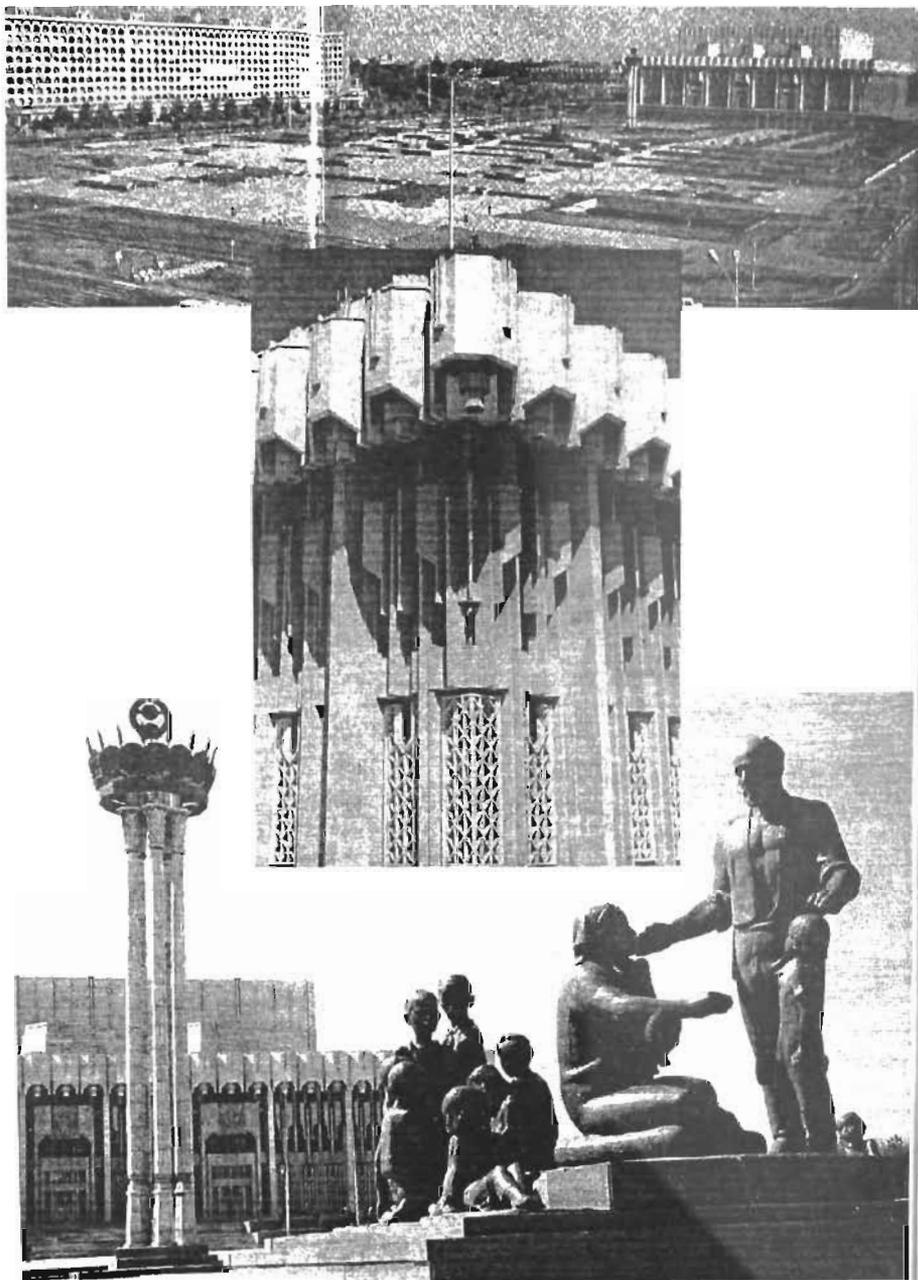

Гостиница Узбекистан

130. ОБЪЕКТЫ ЦЕНТРА, СВЯЗУЮЩЕГО НОВЫЙ И СТАРЫЙ ТАШКЕНТ. 1970-1980-Е ГГ.

. ТАШКЕНТ, ЧОР СУ (1983) И ПРОТОТИПЫ В ЛОНДОНЕ (1963) И БУХАРЕСТЕ (1967-1970).

132. ТАШКЕНТ. ПЛОЩАДЬ И ДВОРЕЦ ДРУЖБЫ НАРОДОВ. 1981 Г.

Гузарная мечеть
Алмазар-Укчи

Старая застройка прилегающей территории Алмазар-Укчи

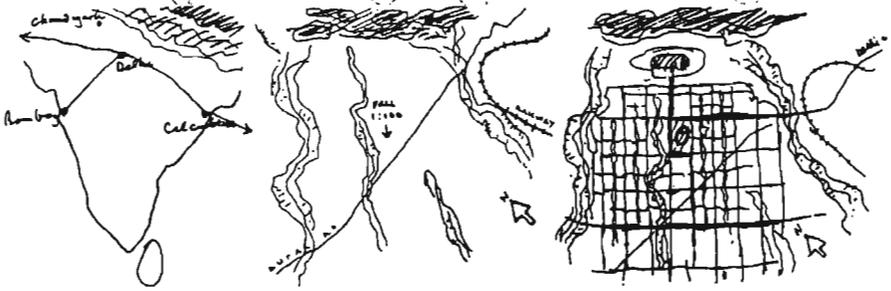
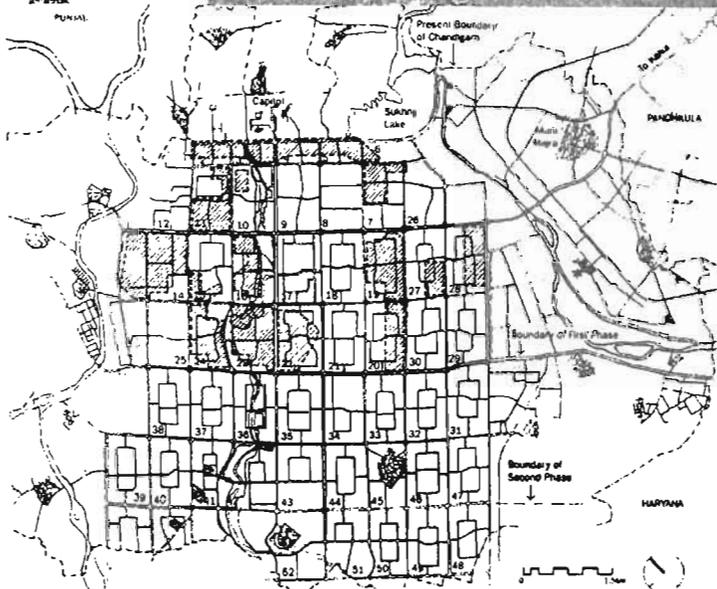
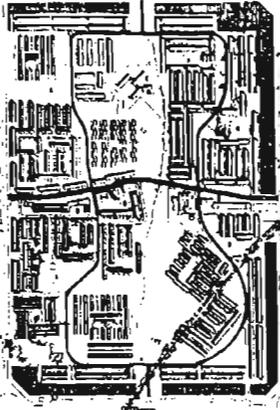
Макет
застройки
проспекта

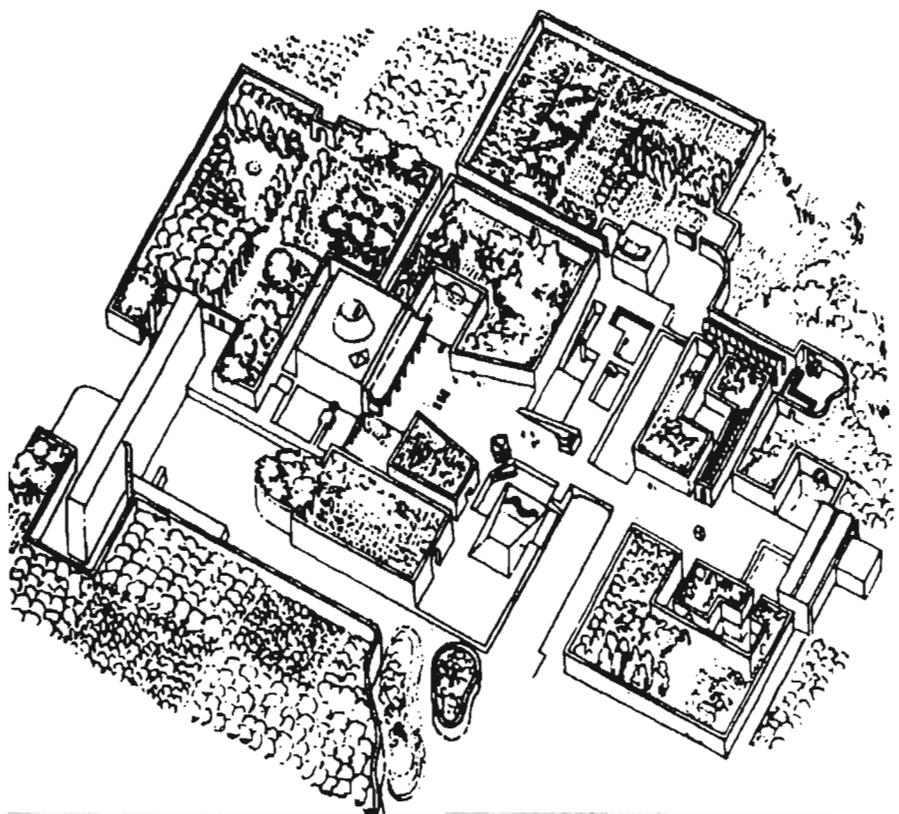
Вид проспекта

Аптека
Алмазар-Укчи

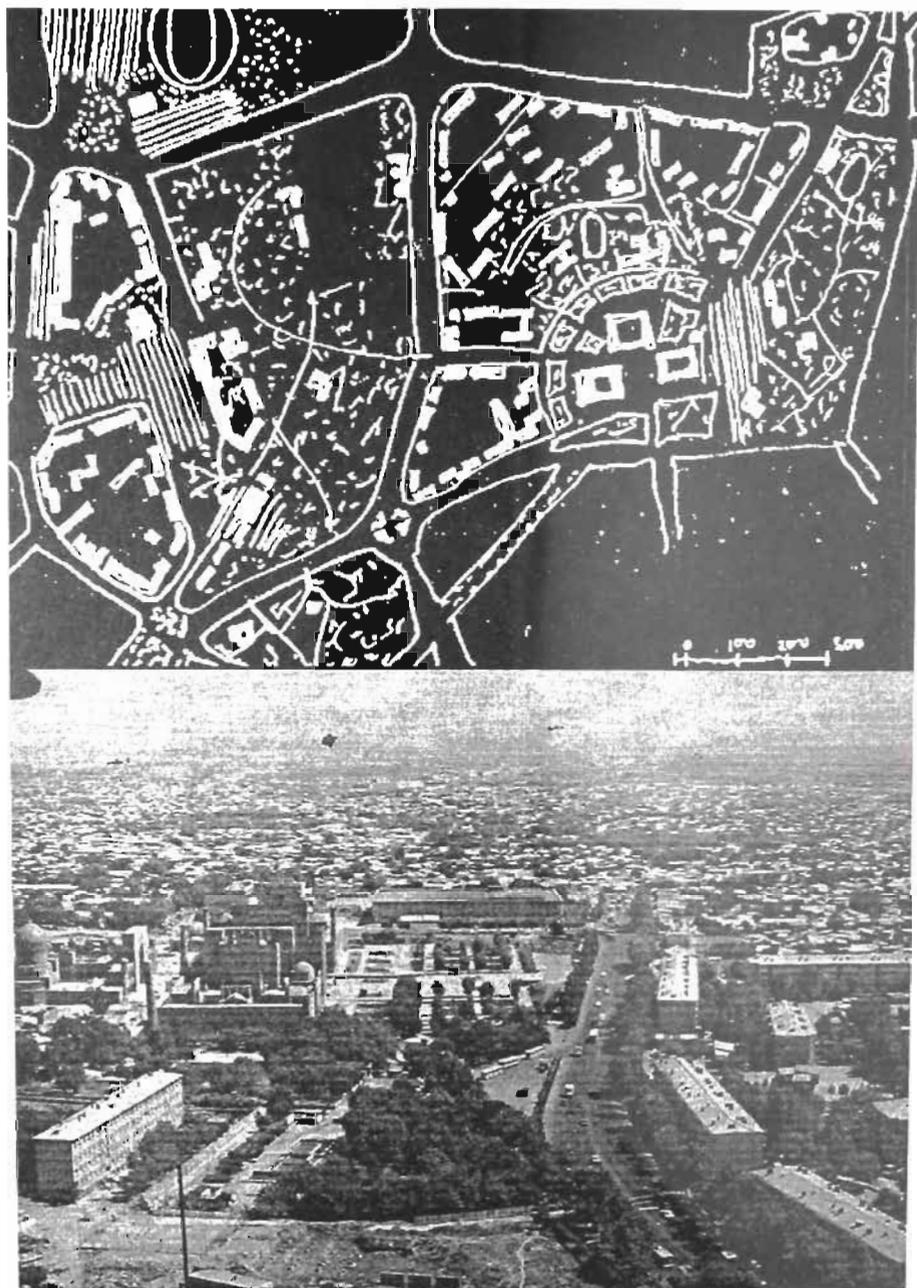

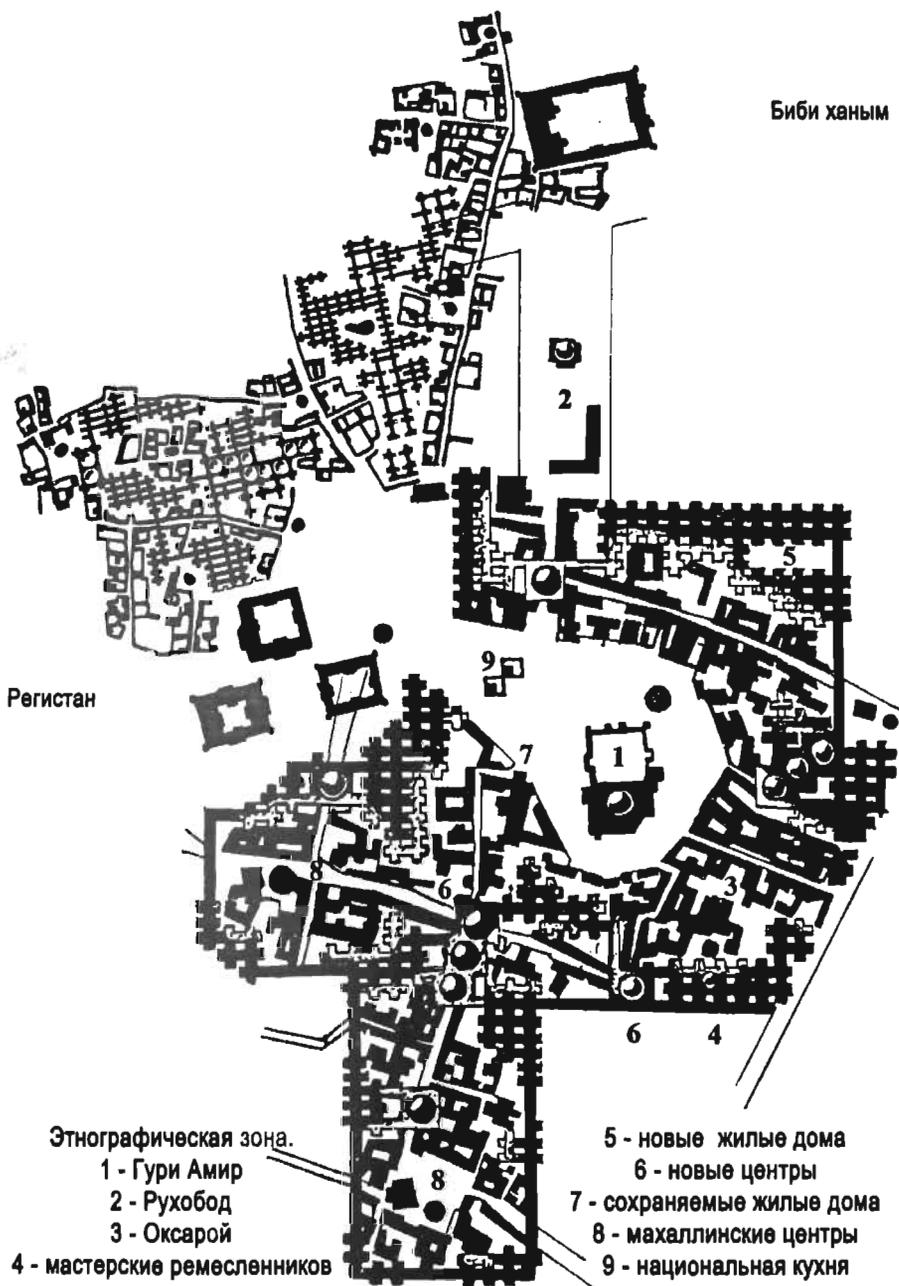
134. ЧАНДИГАРХ. ПЛАНИРОВКА ГОРОДА И ЕГО СЕКТОРА. ЛЕ КОРБЮЗЬЕ. 1947 Г.

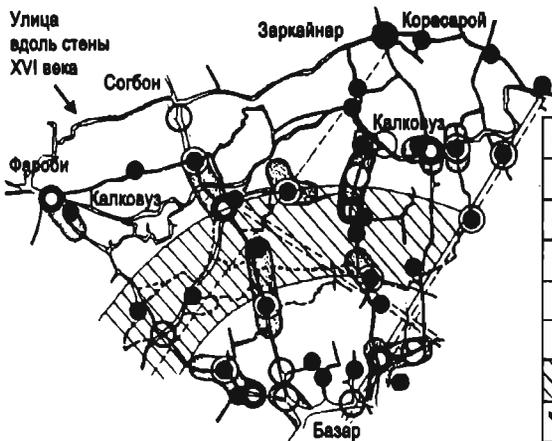
135. ЧАНДИГАРХ. ПЛОЩАДЬ 1947 Г. И ПРОЕКТ САДОВ НА НЕЙ 1980 Г.

136. САМАРКАНД. РЕГИСТАН. НОВАЯ ЗАСТРОЙКА И ЭСПЛАНАДА. РУБЕЖ 1950-1960-Х ГГ.

137. ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЗОНА ВОКРУГ ГУРИ АМИРА. ПДП САМАРКАНДА. 1980 Г.

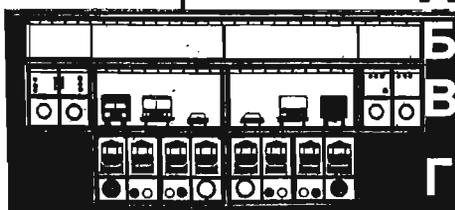

Гузары
северо-запада Ташкента
1989-1990 годов:

- не сохранившиеся
- сохранившиеся
- новые
- ставшие махаллинскими центрами
- исторические и новые линейные центры
- пояс жизнеспособности
- его поперечные улицы

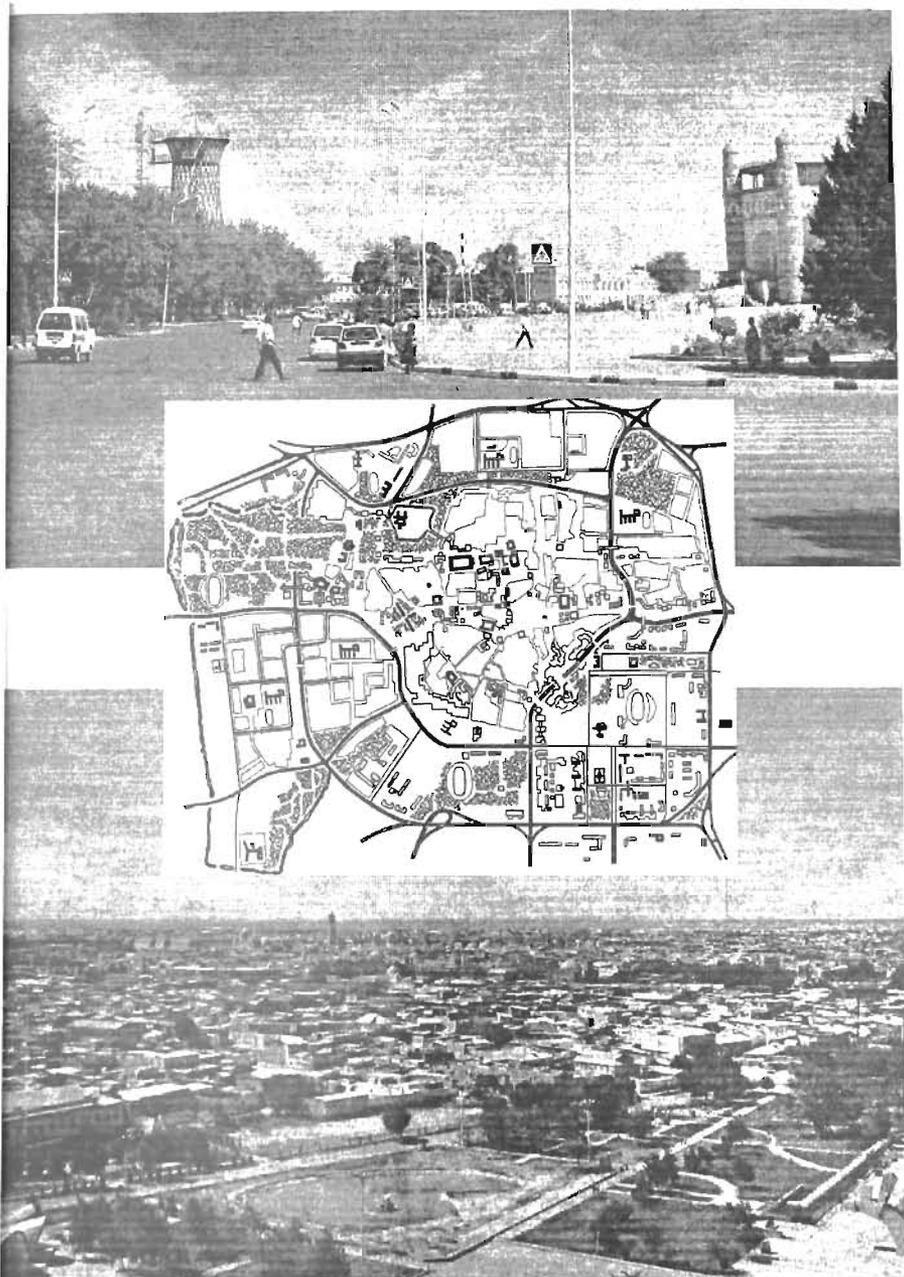
А дневная поверхность

Б пандусы-съезды, стоянки, развязки, коммунально-складское хозяйство

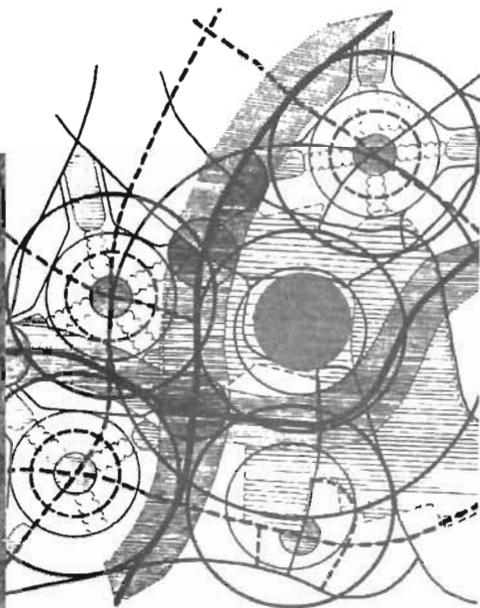
В скоростной транспорт, инженерно-технический коллектор

Г межселенные, экспрессные, грузовые и внутригородские транспортные системы

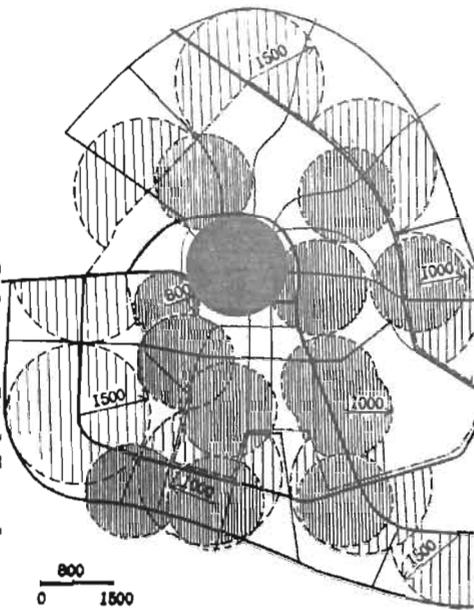
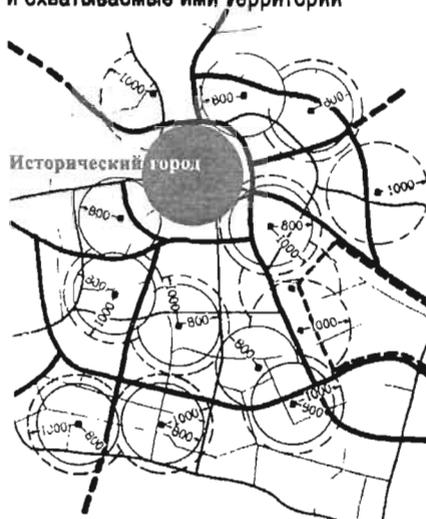

139. ПОДЗЕМНАЯ УРБАНИЗАЦИЯ - ТУННЕЛИ - В ПДП БУХАРЫ 1977 Г.

Исследованный район города
и схема укрупнённых районов
с транспортными коридорами

Принятые в генеральных планах
радиусы обслуживания 800 и 1000 м
и охватываемые ими территории

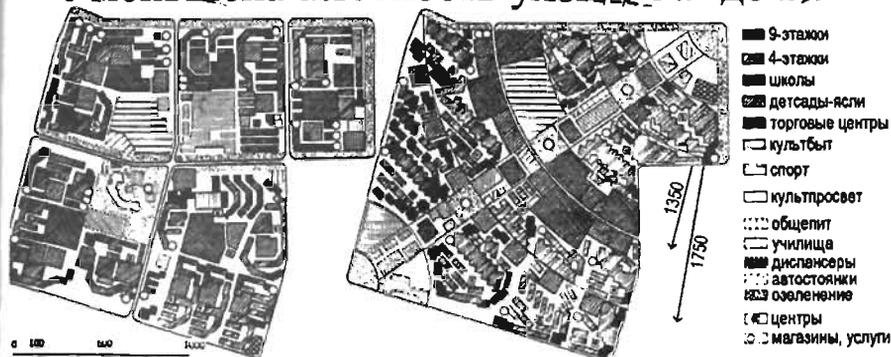

140. РАДИУСЫ 800, 1000, 1500 М. В ЖИЛЫХ РАЙОНАХ БУХАРЫ. 1980-Е-1990-Й ГГ.

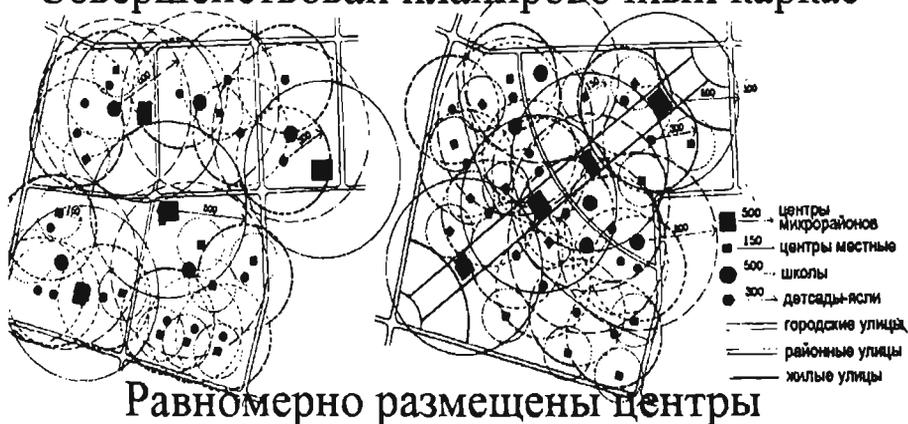
Бухара: укрупнение жилого района

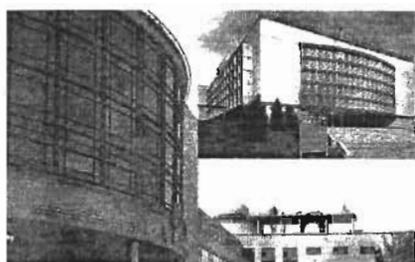
Уменьшена плотность улиц с 3,9 до 2,9

Совершенствован планировочный каркас

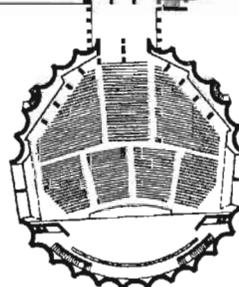
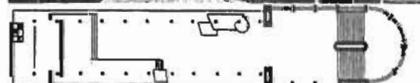
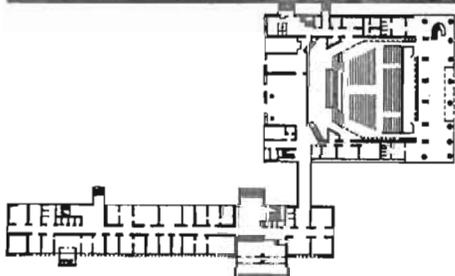

Равномерно размещены центры

Областной и городской комитеты
КП Узбекистана, 1971 г.

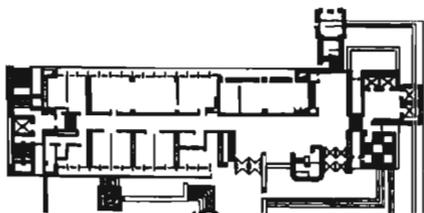
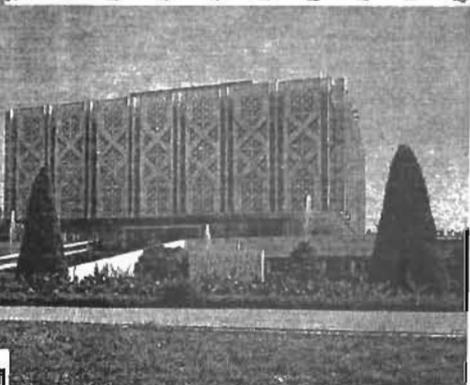
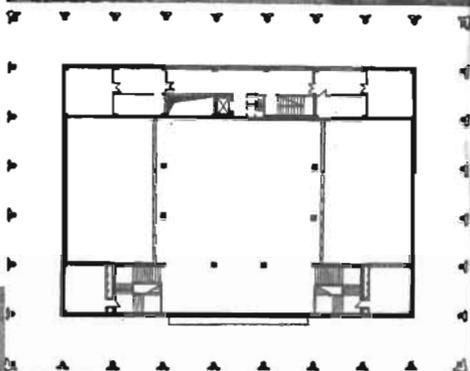
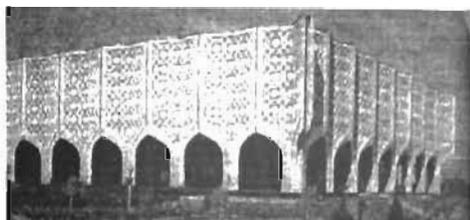
Реконструкция кино Ватан
для театра имени Хамзы (1969 г.),
вверху, по Дворцу культуры
завода им.Лихачёва (1931-1937 гг.),
внизу

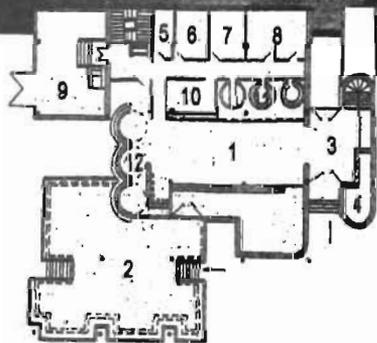
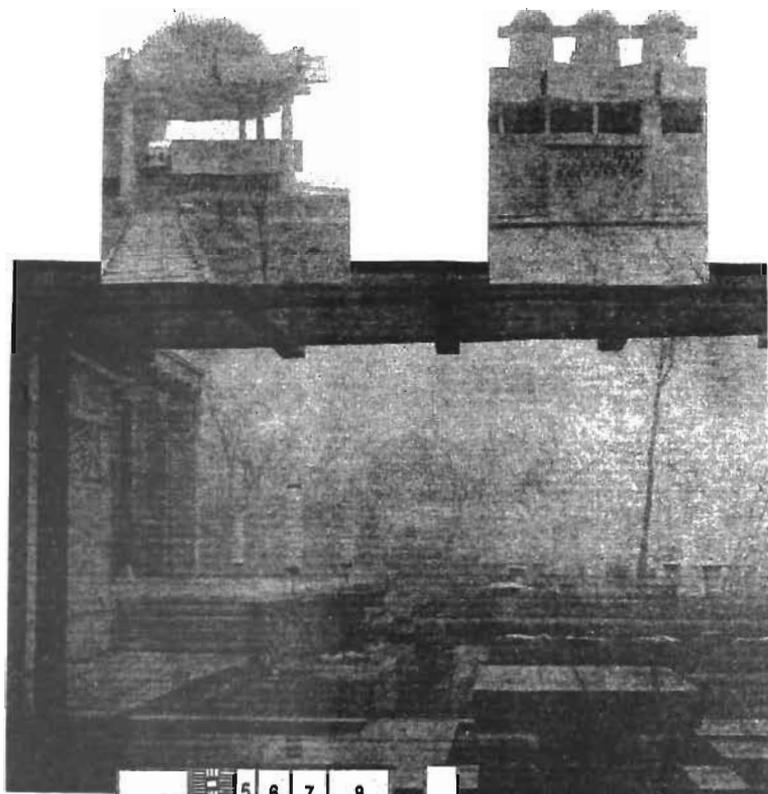
ЦК КП Узбекистана, 1964 г.

Дворец искусств, 1965 г.

Выставочный зал Союза художников

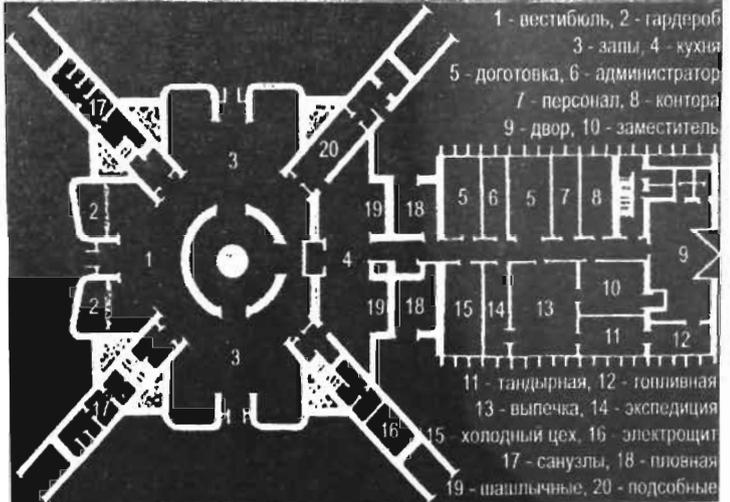
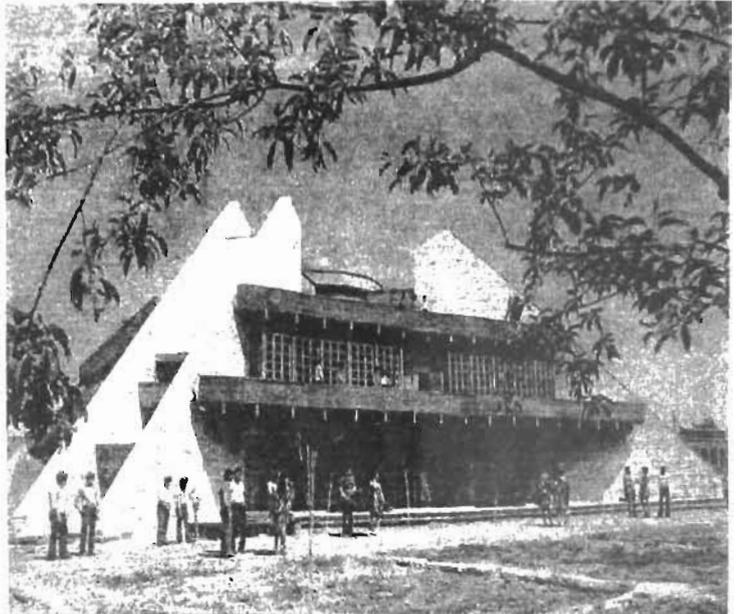

Музей имени Ленина и Издательство Шариф Рухибихани

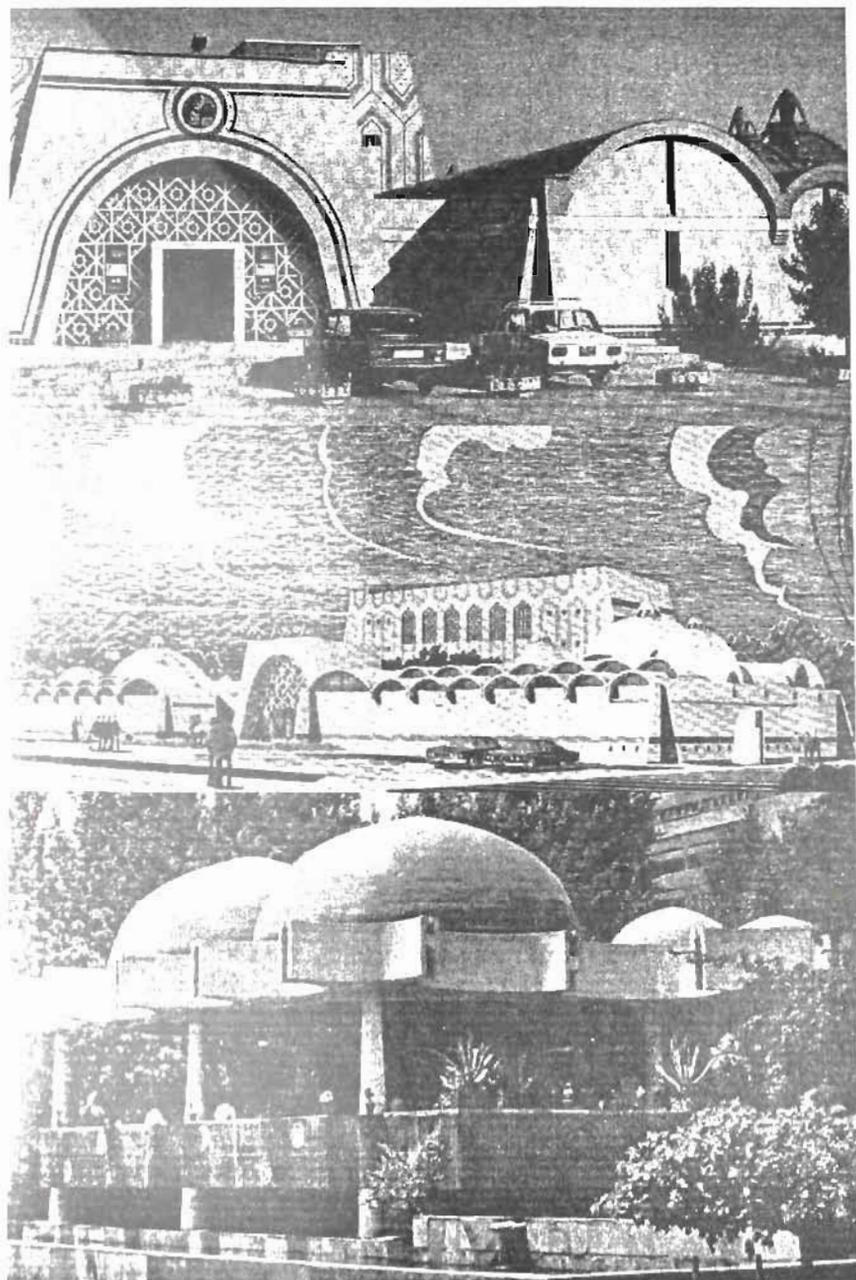

- 1 - зимний зал
- 2 - летний зал
- 3 - вестибюль
- 4 - гардероб
- 5 - контора
- 6 - заготовка овощей
- 7 - заготовка мяса
- 8 - заготовка теста и выпечка лепёшек и самсы
- 9 - дворик, 10 - моечная
- 11 - очаги, 12 - буфет

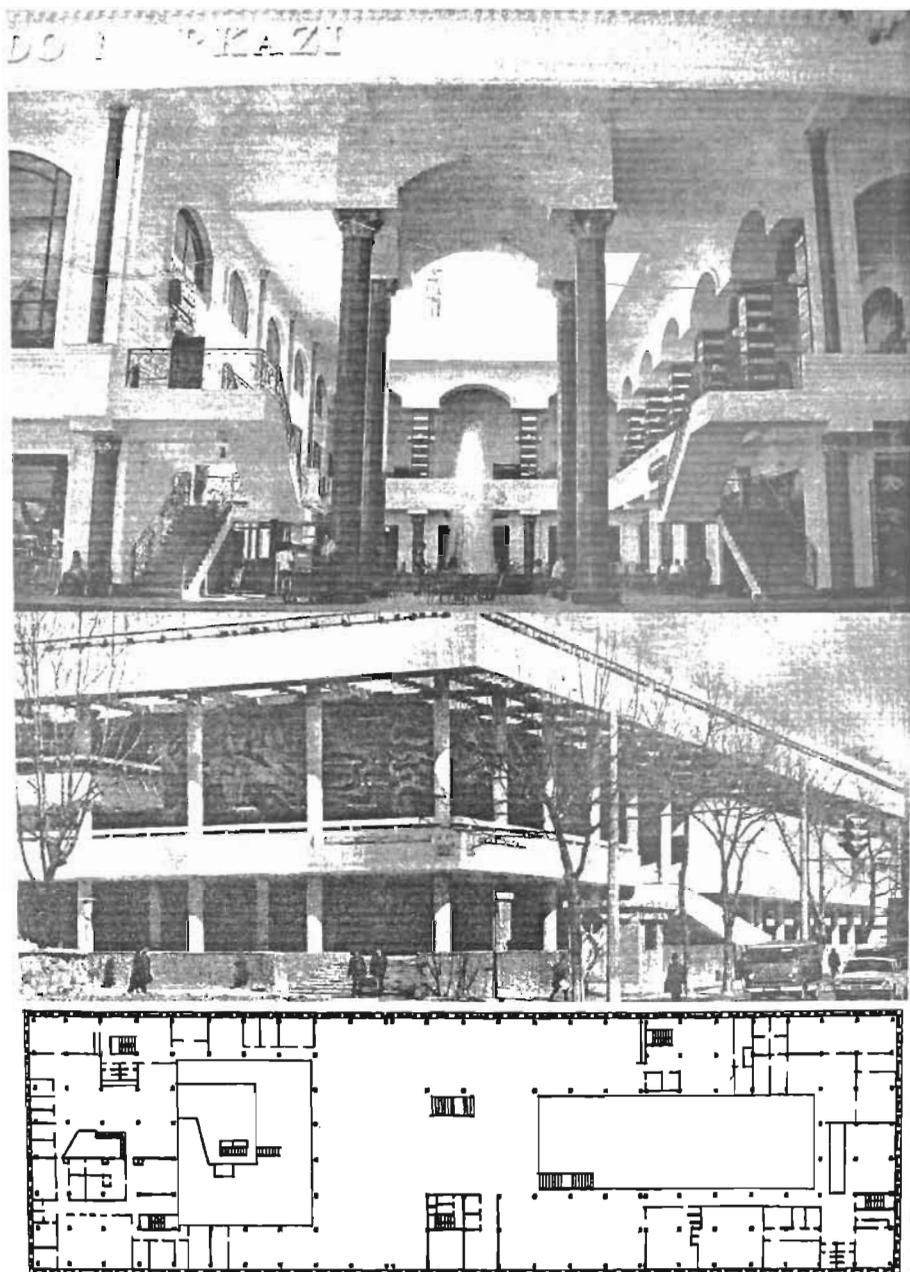
145. ТАШКЕНТ. КАФЕ ГОЛУБЫЕ КУПОЛА. В.А.МУРАТОВ. 1970 Г.

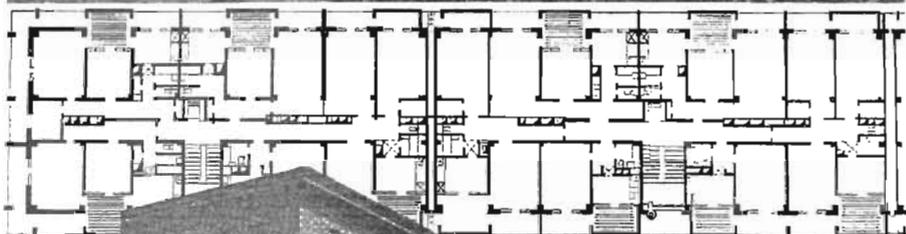
146. ЧАЙХАНА САМАРКАНД-ДАРВАЗА В ТАШКЕНТЕ. С.М.СУТЯГИН. 1968-1976 ГГ.

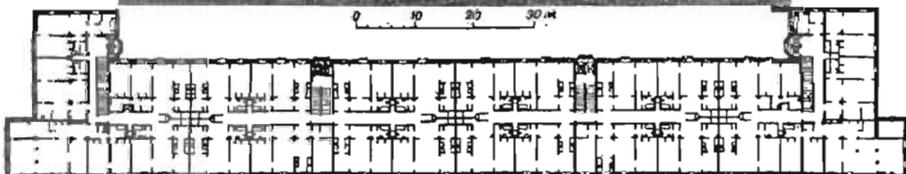
147. ГОЛУБЫЕ КУПОЛА. БАНЯ-ХАММОМ НА ЧОР СУ. А.С.КОСИНСКИЙ. 1977 Г.

148. ТАШКЕНТ. РЕСТОРАН ЗАРАФШАН. В.Л.СПИВАК. 1982 Г. РЕКОНСТРУКЦИЯ НАЧАЛА XXI

Ташкент,
жилой дом в микрорайоне Ц-7
Москва, жилой дом на
Большой Калужской
улице

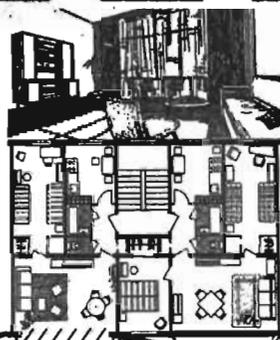
149. МОСКВА-ТАШКЕНТ. ЖИЛЫЕ ДОМА С ШИРОКИМ КОРПУСОМ. 1949-1968 ГГ.

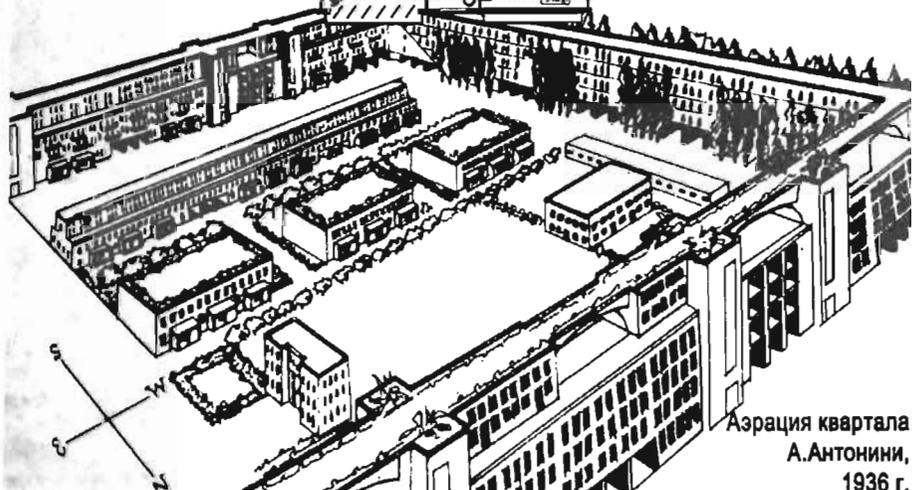
150. 9-ЭТАЖНЫЕ ДОМА КАМЮ В ЗАСТРОЙКЕ УЛИЦ И ПЛОЩАДЕЙ. РУБЕЖ 1960-1970-Х ГГ

Аэрация Ташкента,
Ш.Д.Аскарлов,
1988 г.

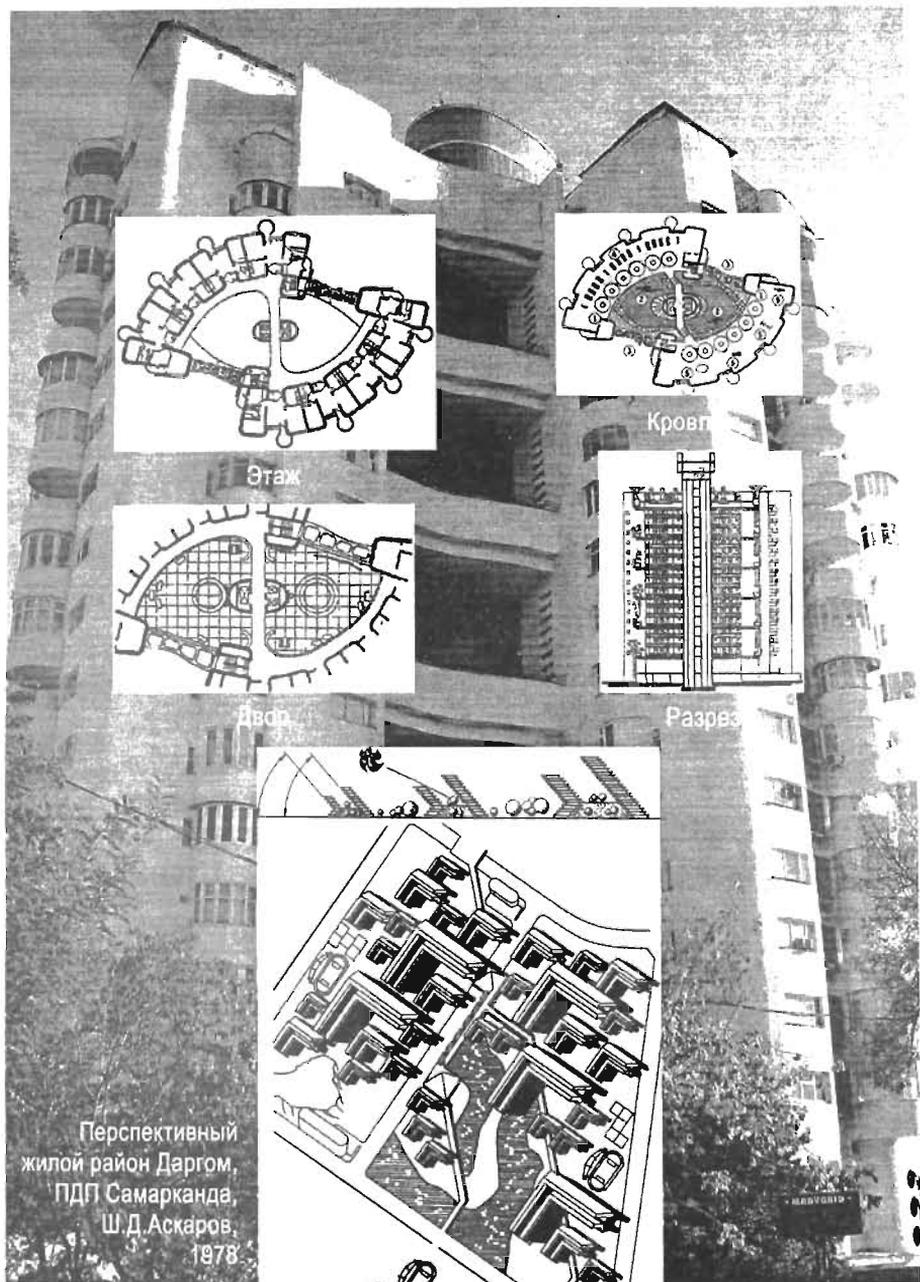
Аэрация квартиры,
И.А.Мерпорт,
1968 г.

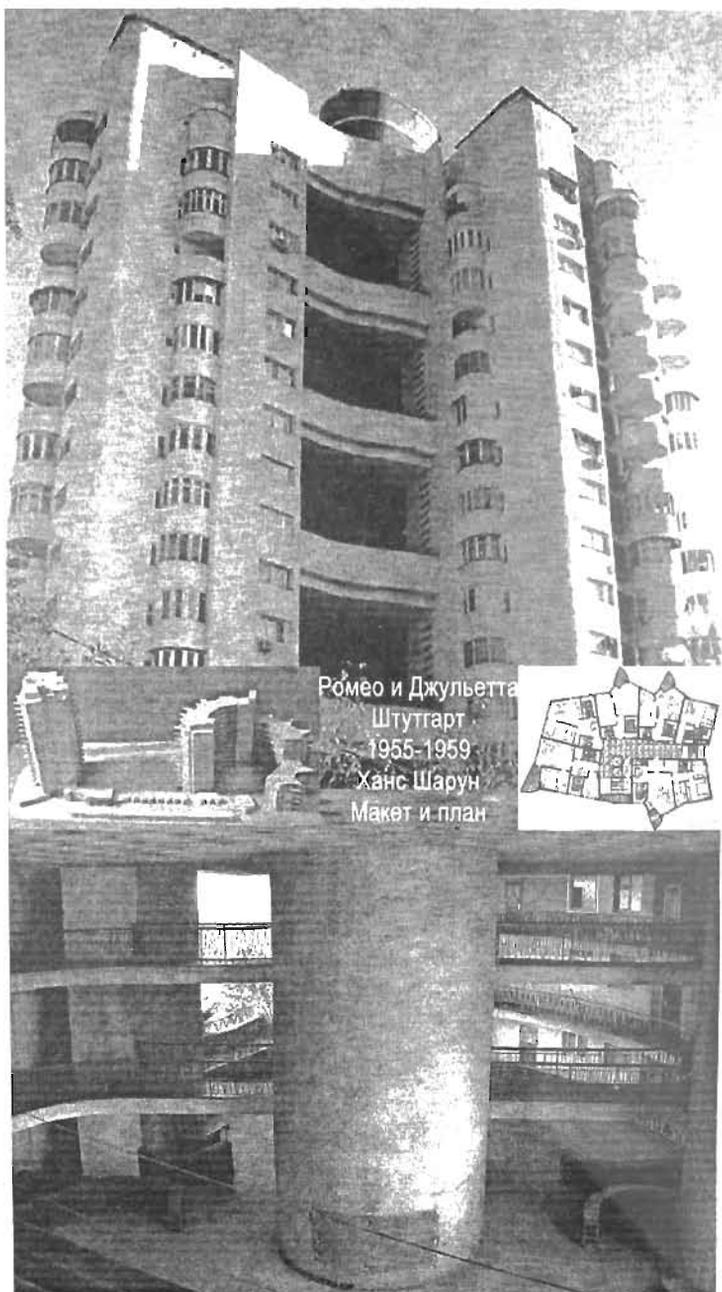
Аэрация квартала
А.Антониони,
1936 г.

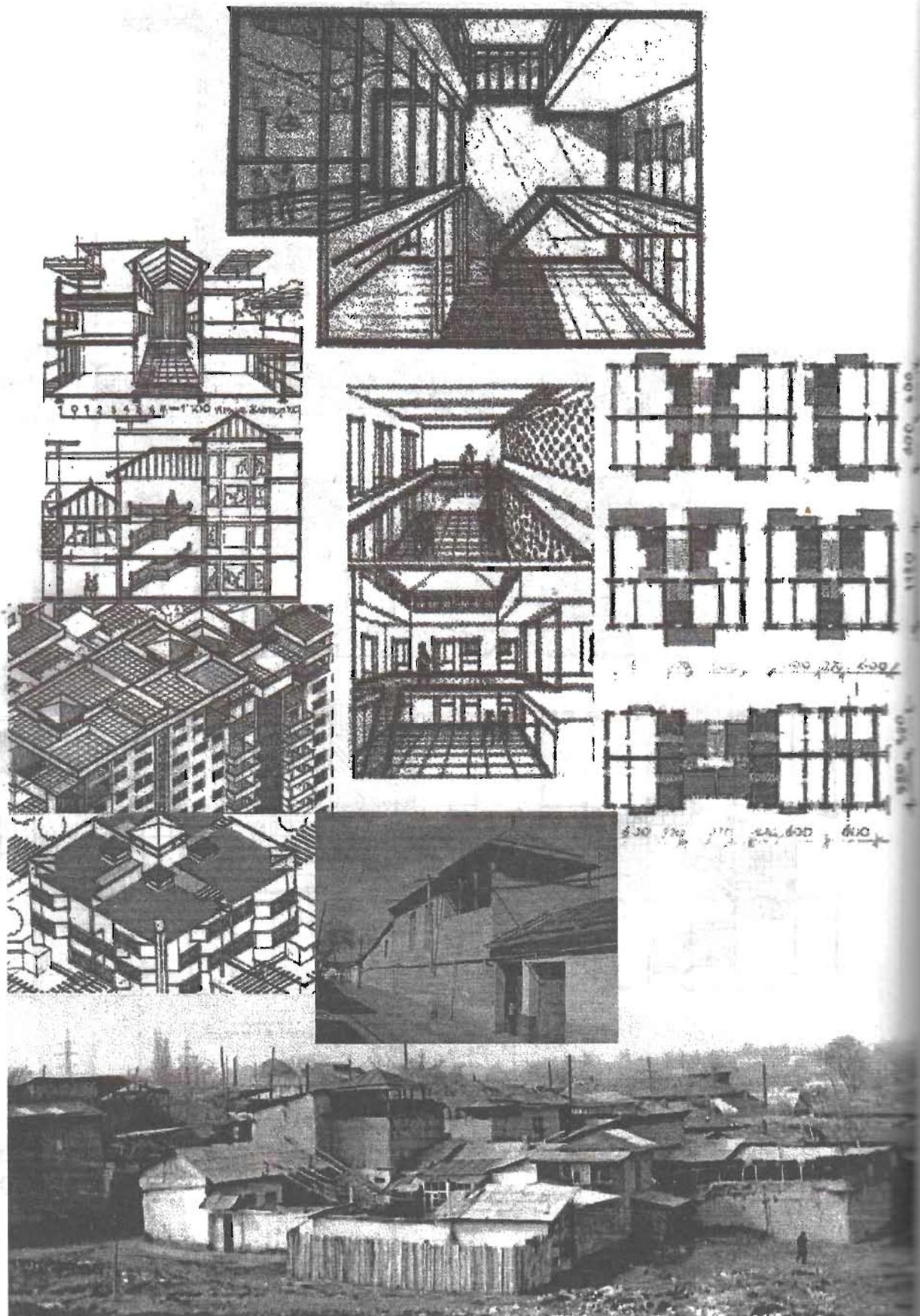
152. ЛОДЖИИ 4-Х И 9-ТИ ЭТАЖНЫХ ДОМОВ. М.С.БУЛАТОВ И Г.И.КОРОБОВЦЕВ. 1950-1970

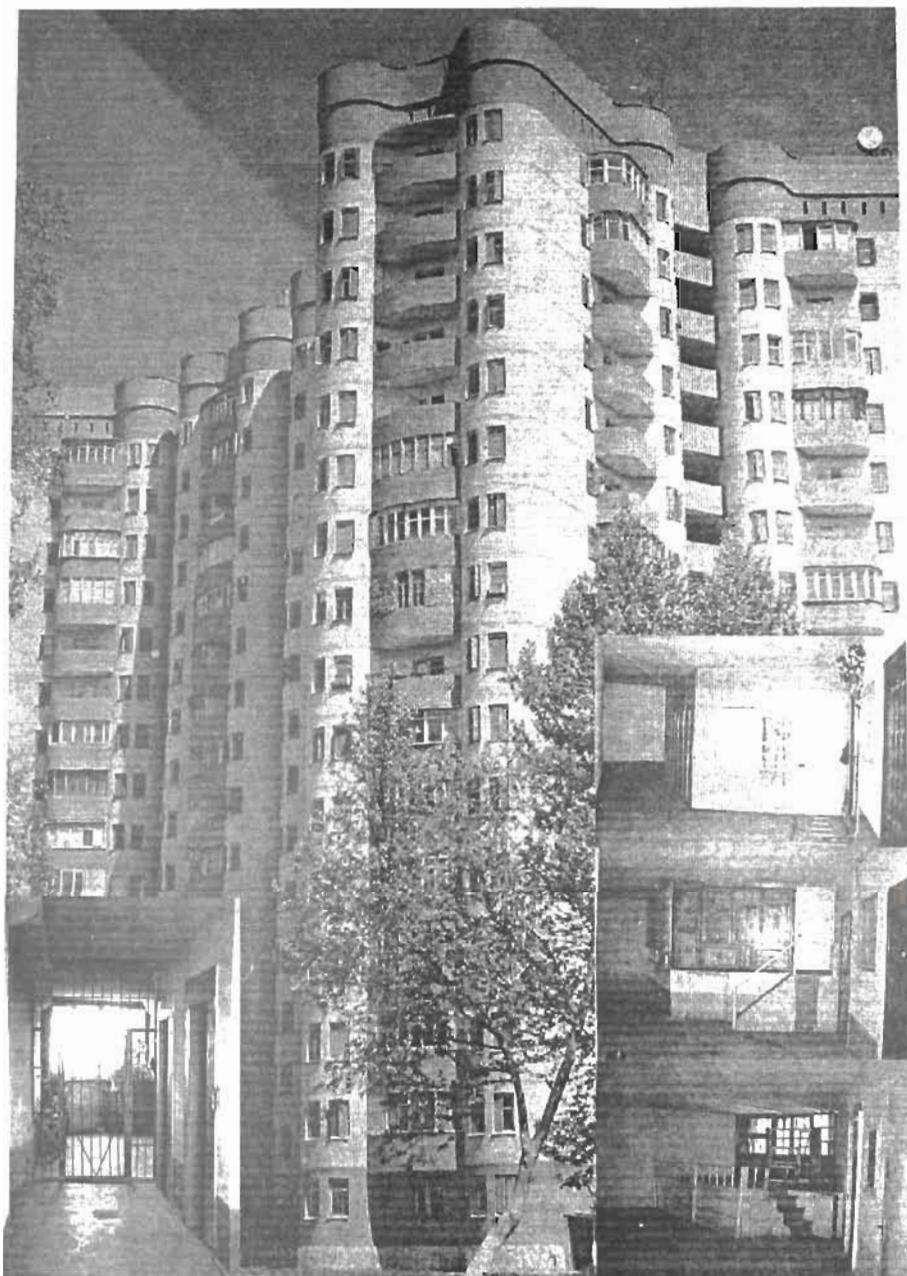
153. АЭРАЦИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДОМОВ САМАРКАНДА И ТАШКЕНТА. 1978 И 1985 ГГ.

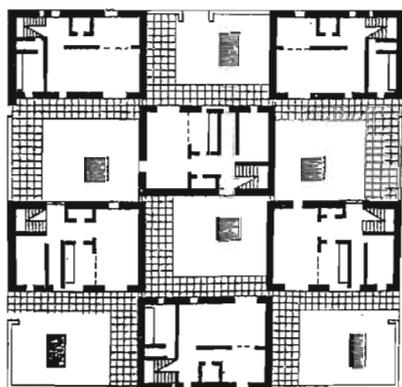
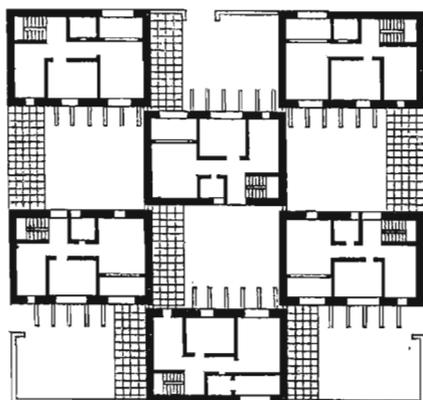
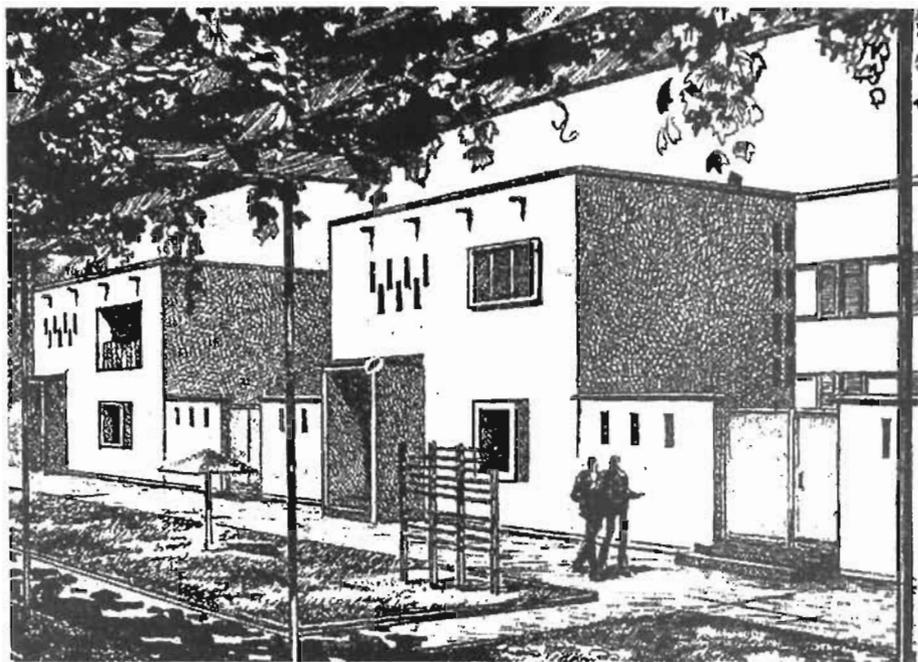
154. ТАШКЕНТ. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ 16-ЭТАЖНЫЙ ДОМ С ДВОРАМИ. О.АЙДИНОВА. 1985

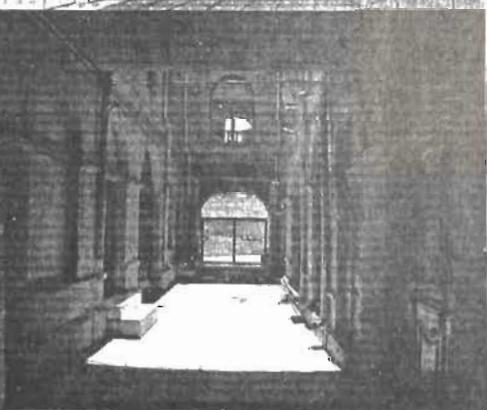
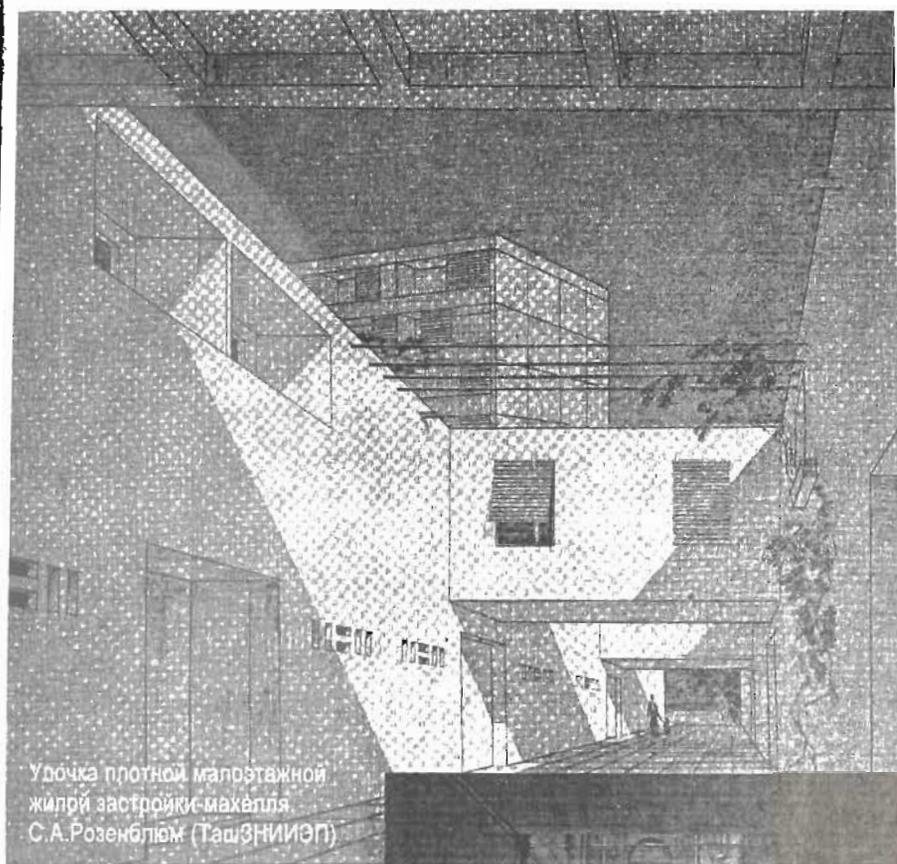
156. АТРИУМЫ-СОЯБОН ПРИ АЭРАЦИОННЫХ ШАХТАХ КВАРТИР. О.С.ДЖАББАР. 1990

ТАШКЕНТ. 16-ЭТАЖНЫЕ ДОМА И САМОСТРОЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ. 2000-Е ГГ

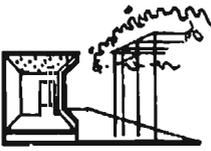

158. 2-ЭТАЖНЫЕ 4-5-КОМНАТНЫЕ ДОМА МИКРОРАЙОНОВ ТАШКЕНТА 1967-1968 ГГ.

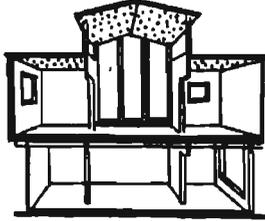

159. МАЛОЭТАЖНАЯ ПЛОТНАЯ ЗАСТРОЙКА ДРЕВНЕЙ БУХАРЫ И ТАШЗНИИЭП 1970-Х ГГ.

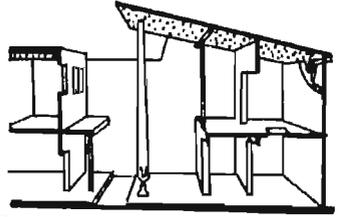
Фергана

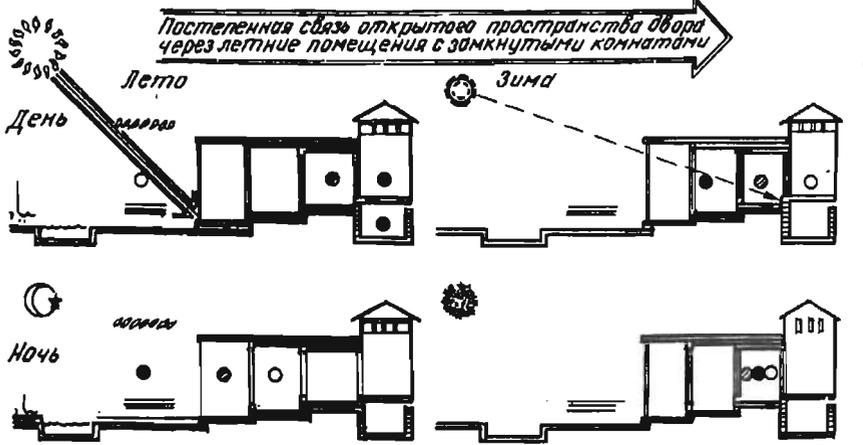
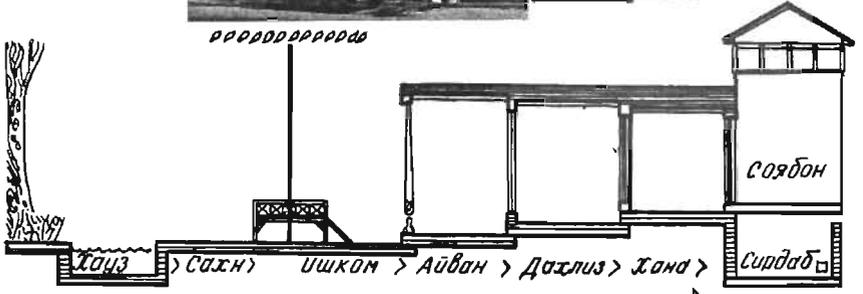
шахрисабз

Хива

бухара

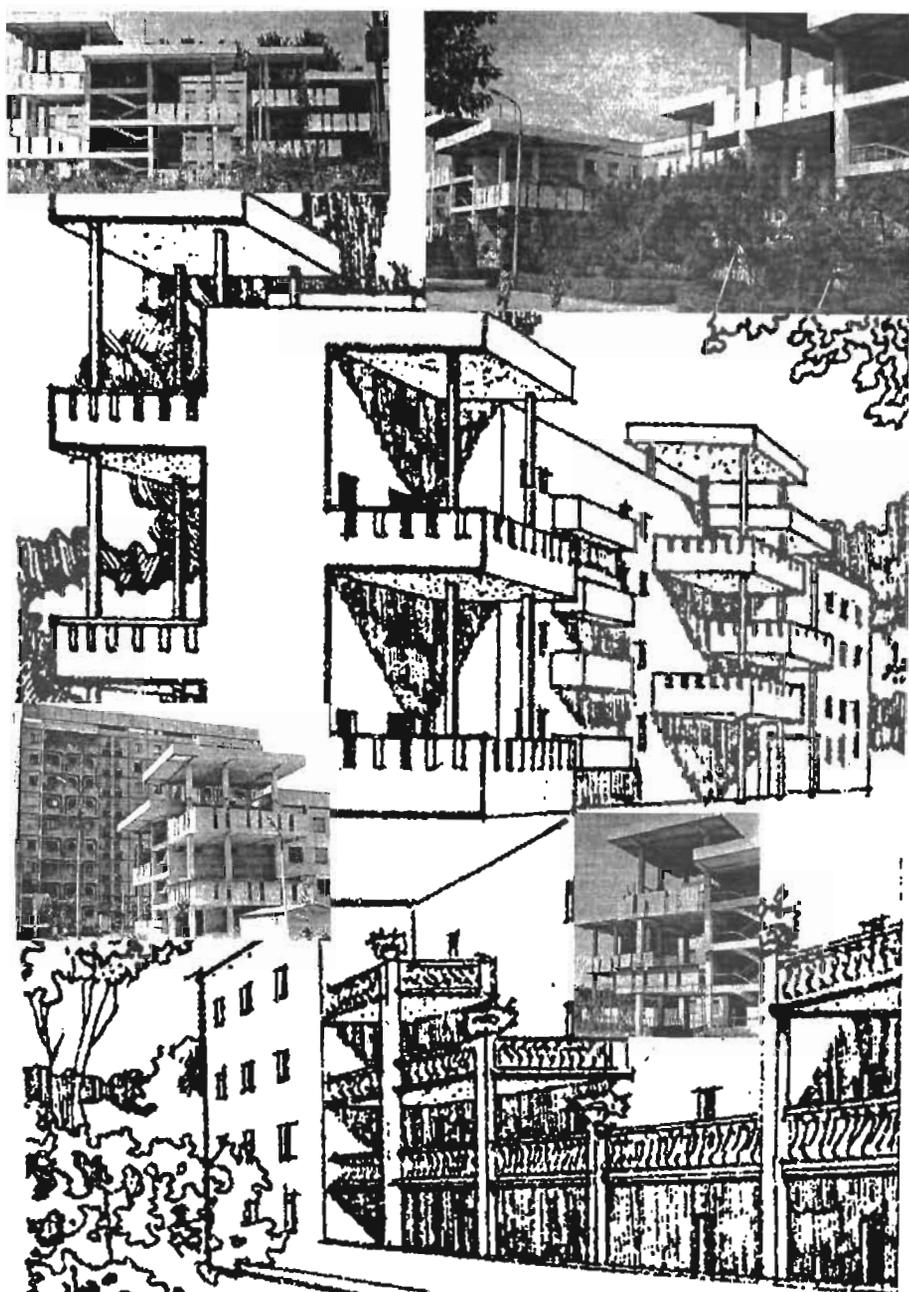

Постепенная связь открытого пространства двора через летние помещения с замкнутыми комнатами

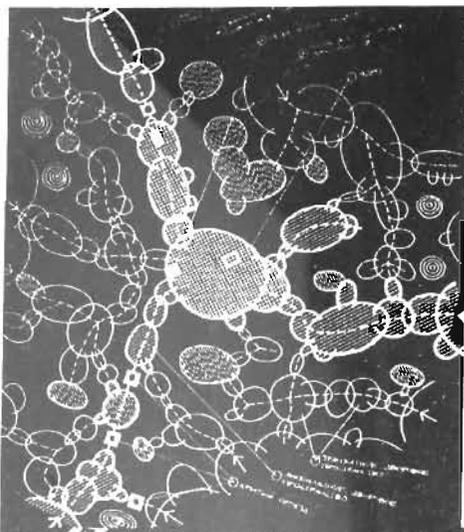
Местонахождение людей: ● Оптимальное; ● Обычное; ○ Возможное

181. ТАШКЕНТ. ПРОЕКТ МИКРОРАЙОНА-МАХАЛЛЯ КАЛЬКАУЗ (Ц-19). НАЧАЛО 1970-Х ГГ.

162. ТАШКЕНТ. ДВОРИКИ ДОМОВ ТЕКСТИЛЬКОМБИНАТА (1930-Е ГГ.) И Ц-27 (1975).

Пульсация пространств улочек
жилого района Кунджикала, Бухара,
И.И.Ноткин, 1980-е гг.

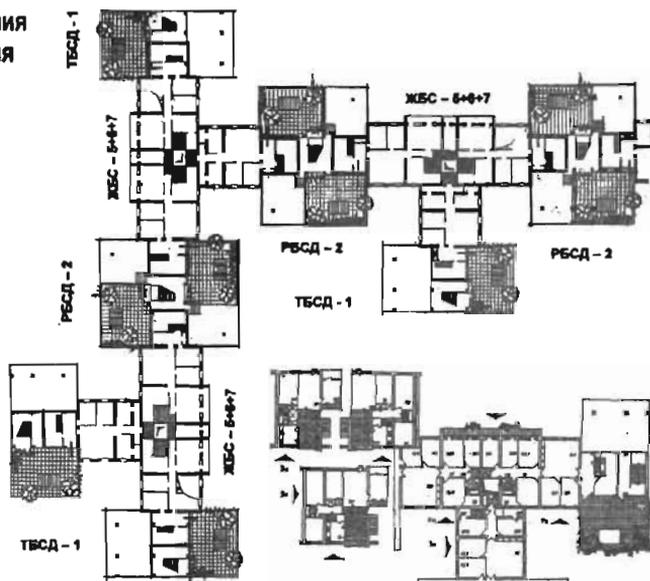
Первоначальный макет
микрорайона-махалля Ц-27, Ташкент,
Г.И.Коробовцев, 1971 г.

А - общественные здания
Б - микрорайон-махалля

1 - 9-этажные
 жилые дома

2 - 4-этажные
 жилые дома

3 - 4-этажные
 жилые дома
 60-квартирные
 с 5,6,7-комнатными
 квартирами
 в одном уровне
 и с двусветными
 двориками
 на этажах

4 - 2-этажные
 блокированные
 жилые дома-коттеджи
 с двориками

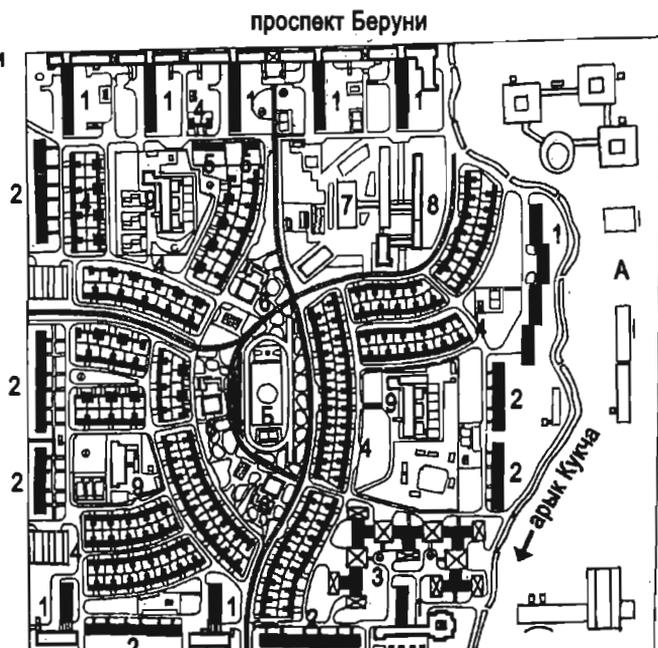
5 - существующие
 сохраняемые
 жилые дома

6 - общественные
 центры махалля

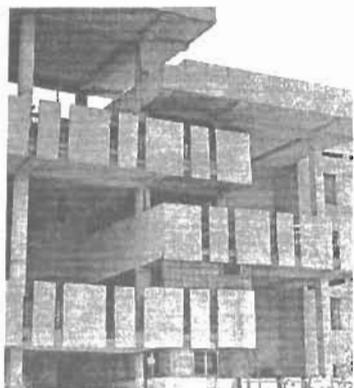
7 - обще-
 образовательная
 школа

8 - музыкальная
 школа-семилетка

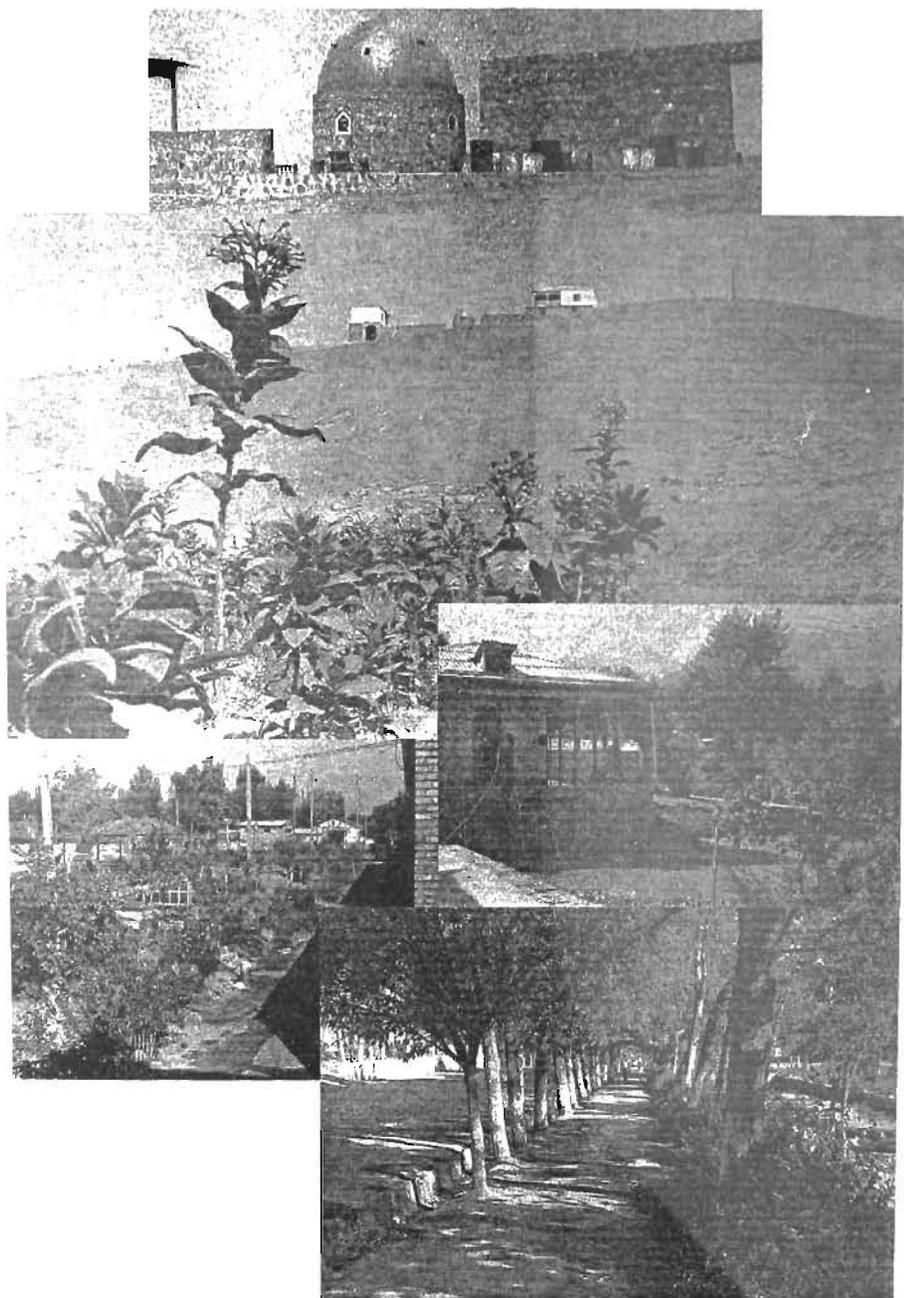
9 - детские
 дошкольные
 комбинаты

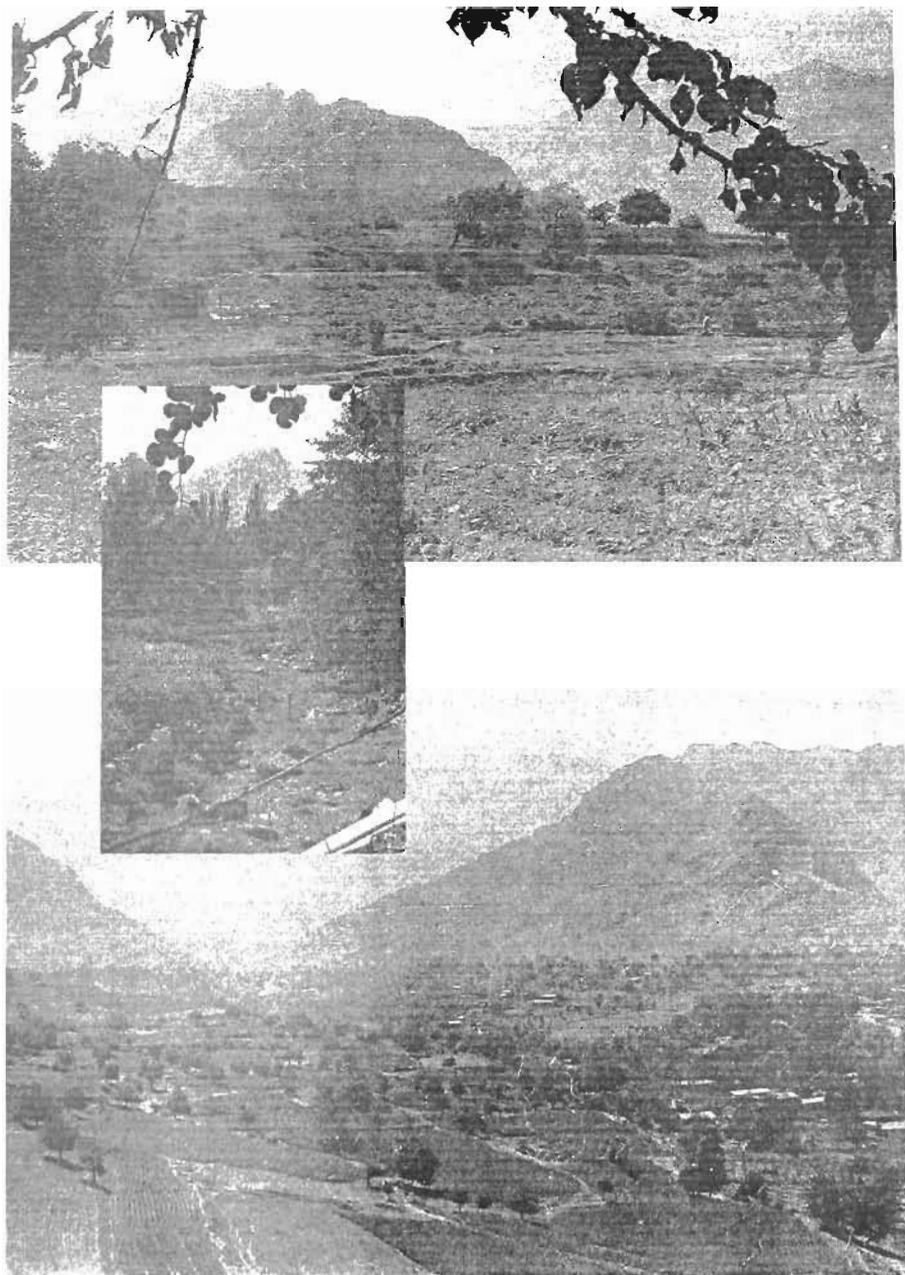
164. МИКРОРАЙОН-МАХАЛЛЯ Ц-27. ПЛАНЫ. Г.И.КОРОБОВЦЕВ И ДР. 1971-1975 ГГ.

165. ТАШКЕНТ. МИКРОРАЙОН-МАХАЛЛЯ Ц-27. ПЕРЕМЕНИ 1975-2011 ГГ.

166. УРГУТ. ХАРАКТЕР ЗАСТРОЙКИ ГОРОДА И ПРЕДГОРИЙ. ЧАЙХАНА ТОПТЕПА. 1970-Е Г

167. УРГУТ. ОКРУЖАЮЩИЕ ГОРОД ПОЛЯ ПРЕДГОРИЙ И ГОРЫ. 1970-Е ГГ.

Афсона, Бухарская область

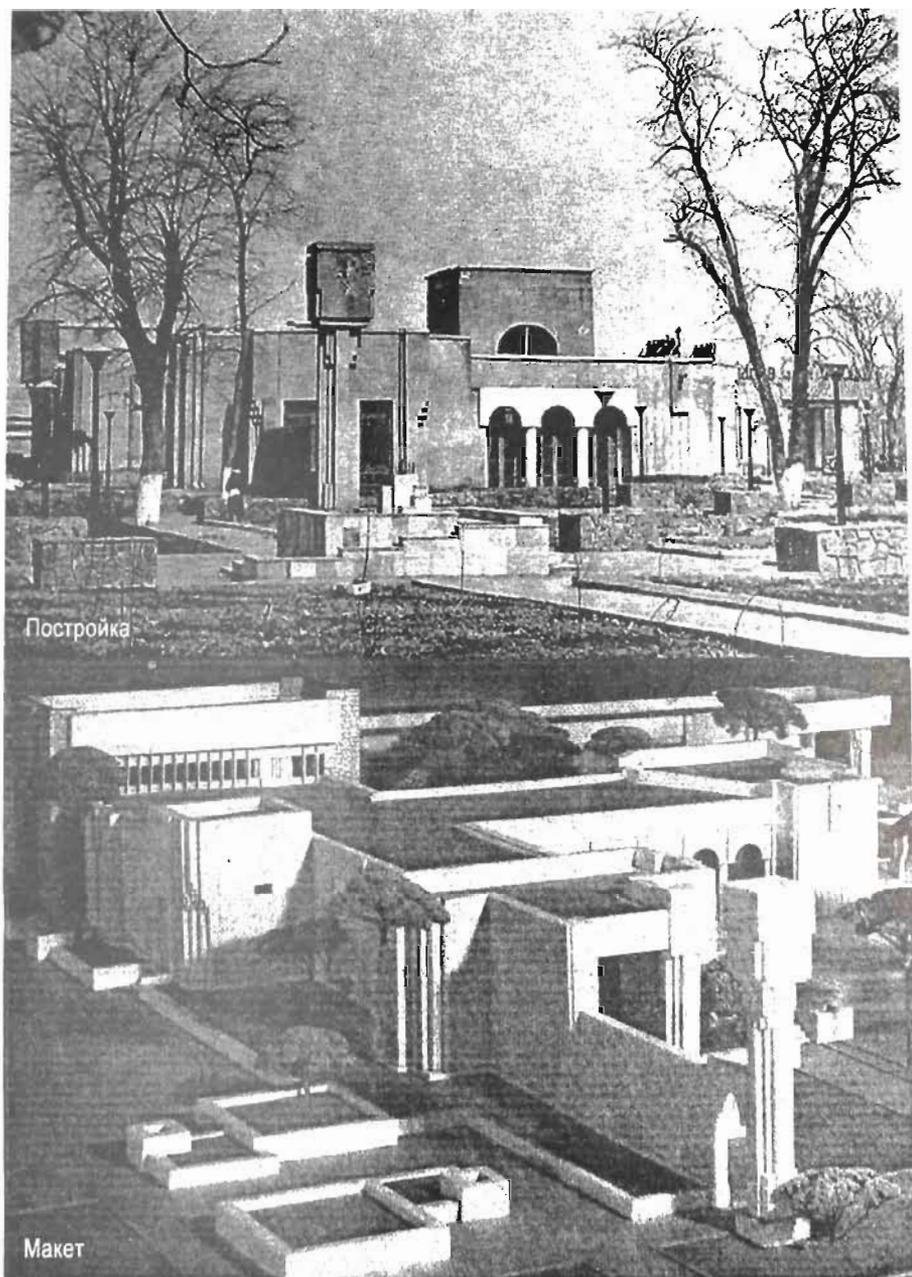
Ташкент, ул. Б.Хмельницкого

Наманган,
зона отдыха

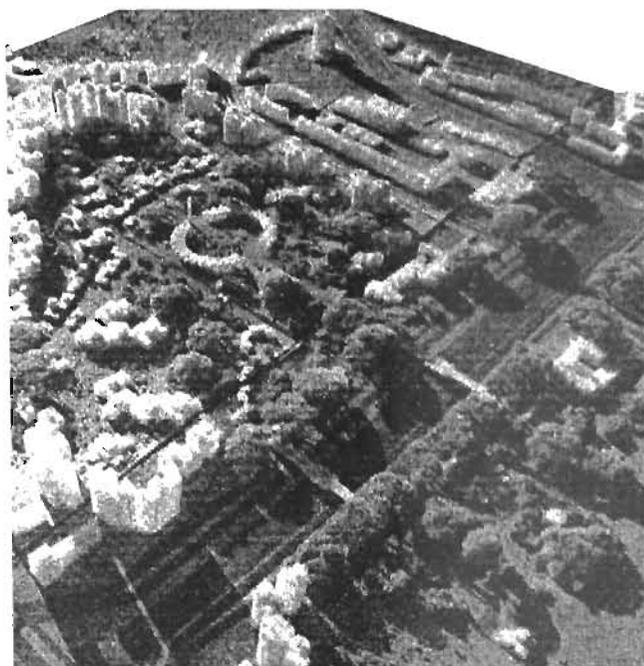
Ташкентская область, 1950-е гг.

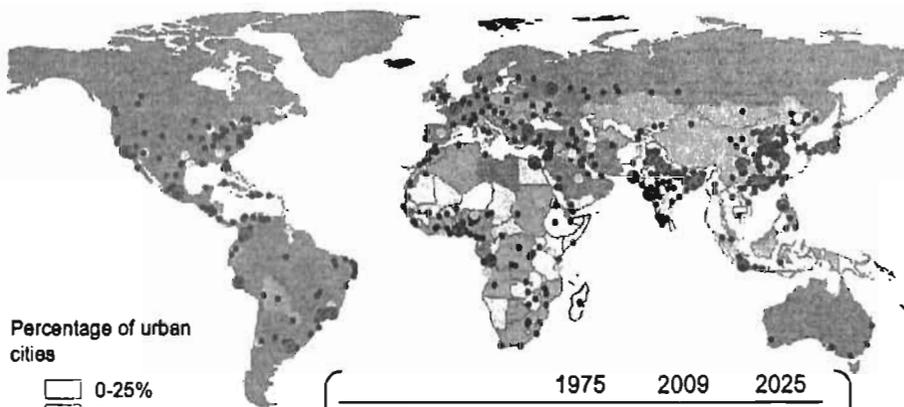
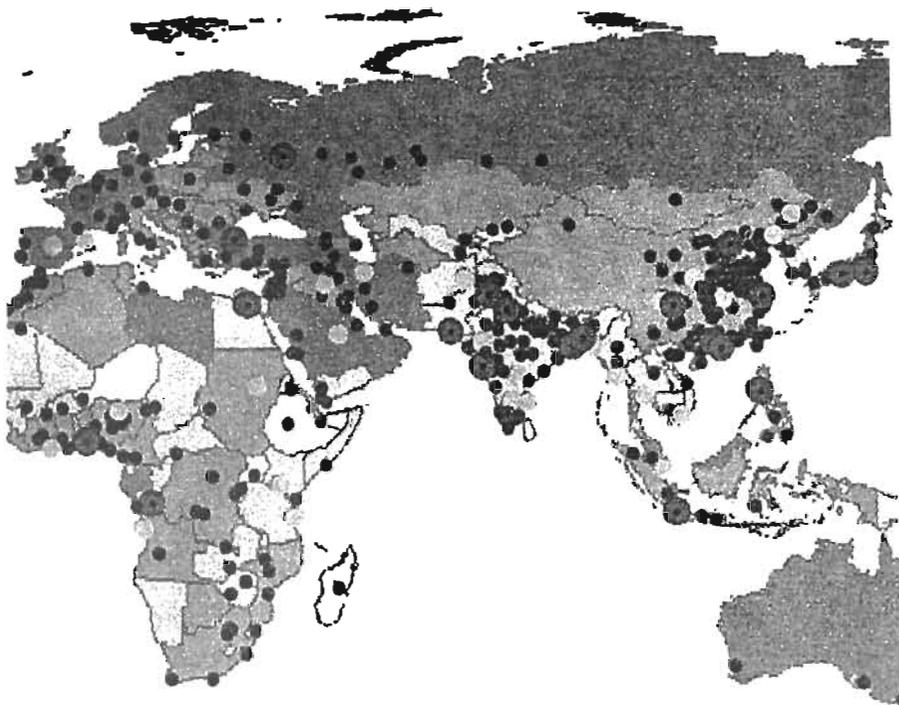
Постройка

Макет

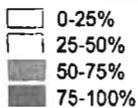
169. ДЖИЗАК. ЧАЙХАНА НА 200 МЕСТ. Р.В.БЛЕЗЕ. 1985 Г.

170. ТАШКЕНТ. КОНКУРС ПРОЕКТОВ ЗАСТРОЙКИ РАЙОНА КАРАТАШ. 1987 Г.

Percentage of urban cities

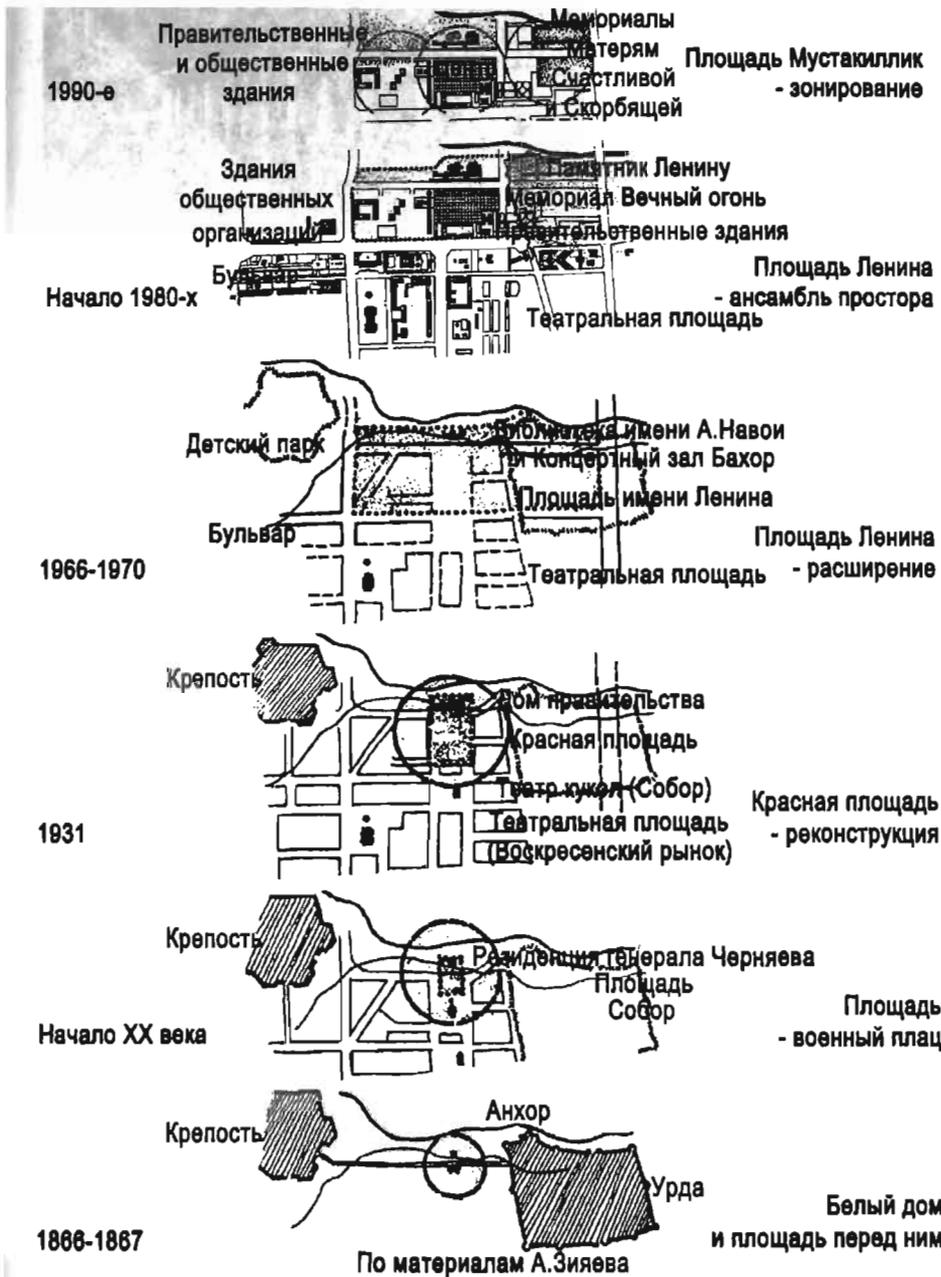
	1975	2009	2025
● 1 - 5 million people	144	→ 388	→ 471
● 5 - 10 million people	14	→ 33	→ 46
● 10 million or more	3	→ 21	→ 29

Источник: United Nations, World Urbanization Prospects, The 2009 Revision, 2010.

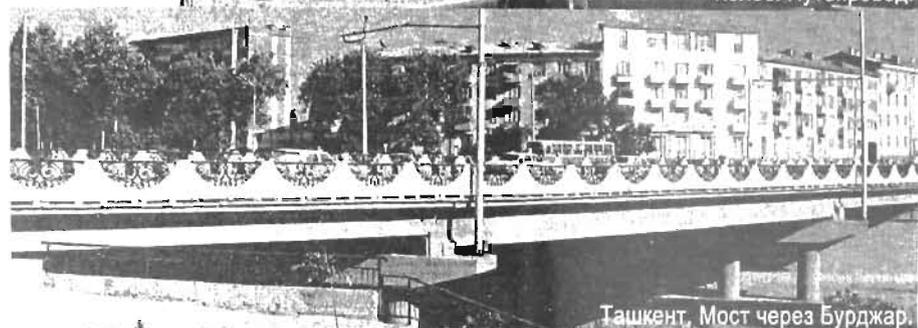
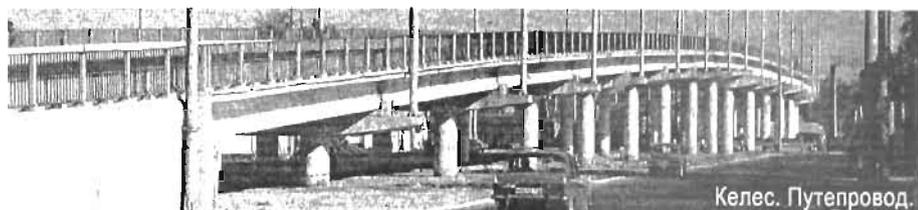
171. ГОРОДА-МИЛЛИОНЕРЫ МИРА, СРЕДНЕЙ АЗИИ, УЗБЕКИСТАНА К 2025 Г.

172. ТАШКЕНТ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЗОНА И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПЛОЩАДЬ. 1938-1994 ГГ.

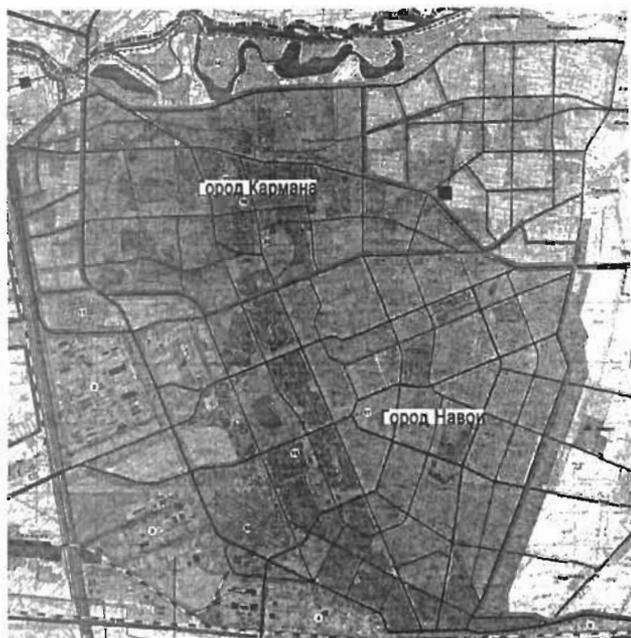
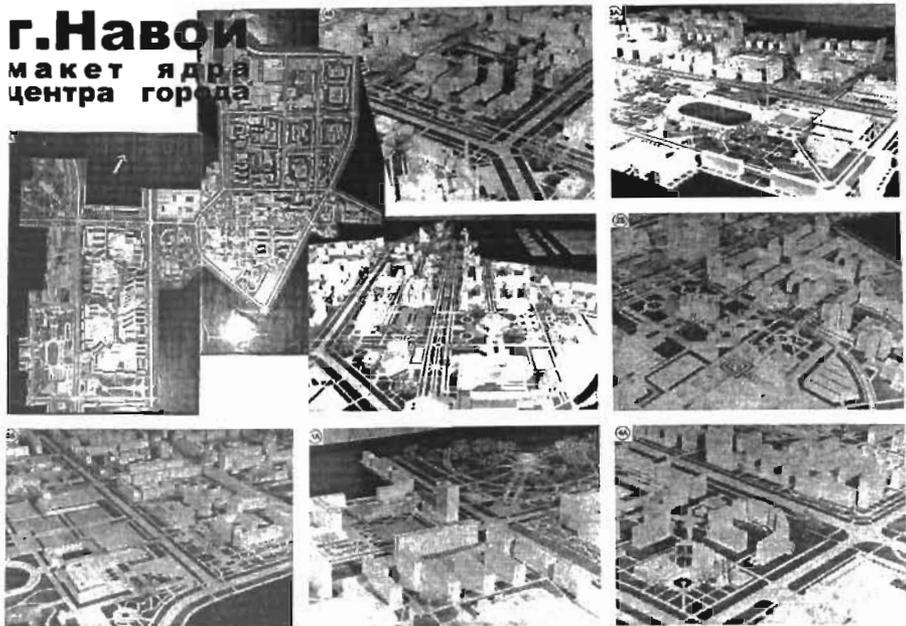
173. ТАШКЕНТ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПЛОЩАДЬ. ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ 1866-1990-Х ГГ.

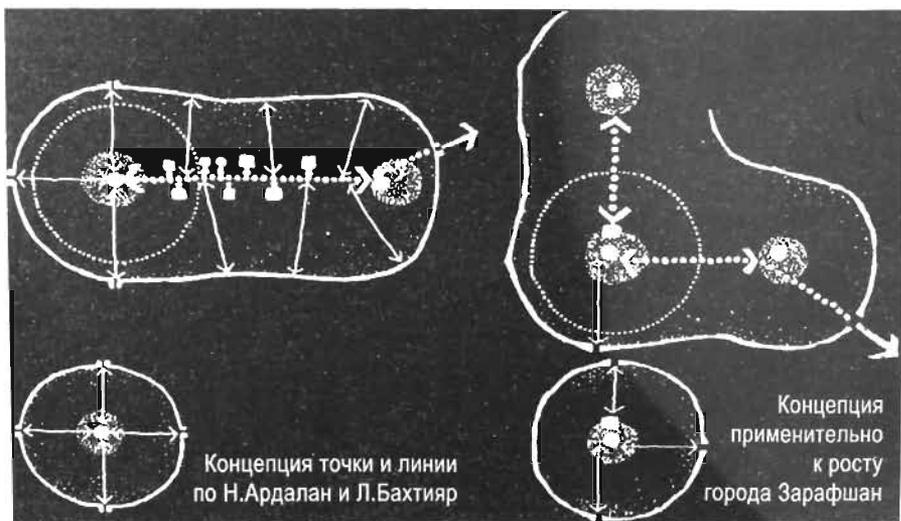
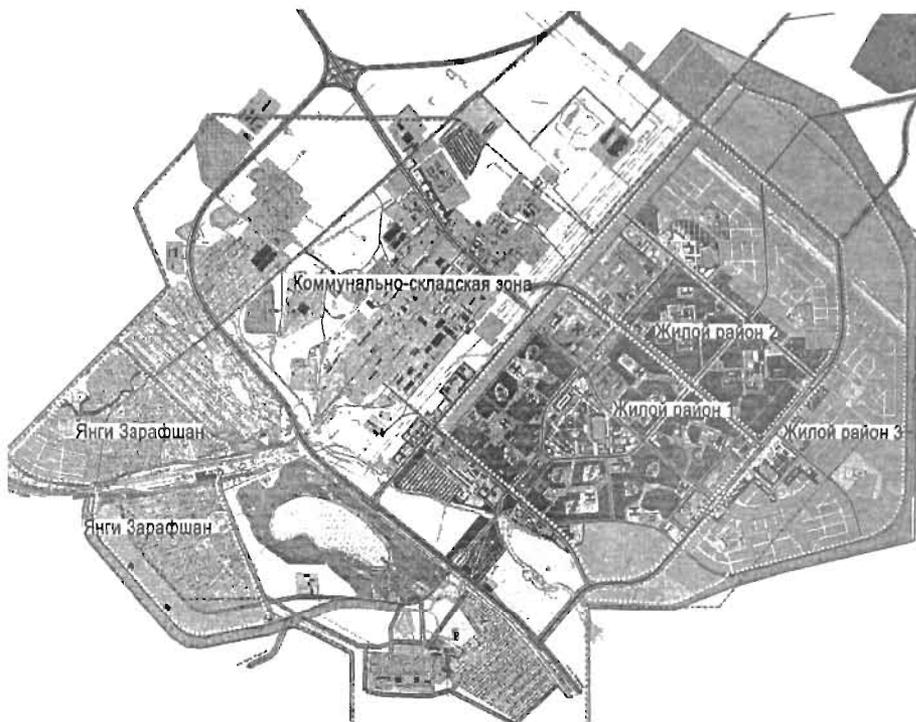
174. ТАШКЕНТ. МОСТЫ И ПУТЕПРОВОДЫ СКОРОСТНЫХ МАГИСТРАЛЕЙ. 1991-2002 ГГ.

г.Навои

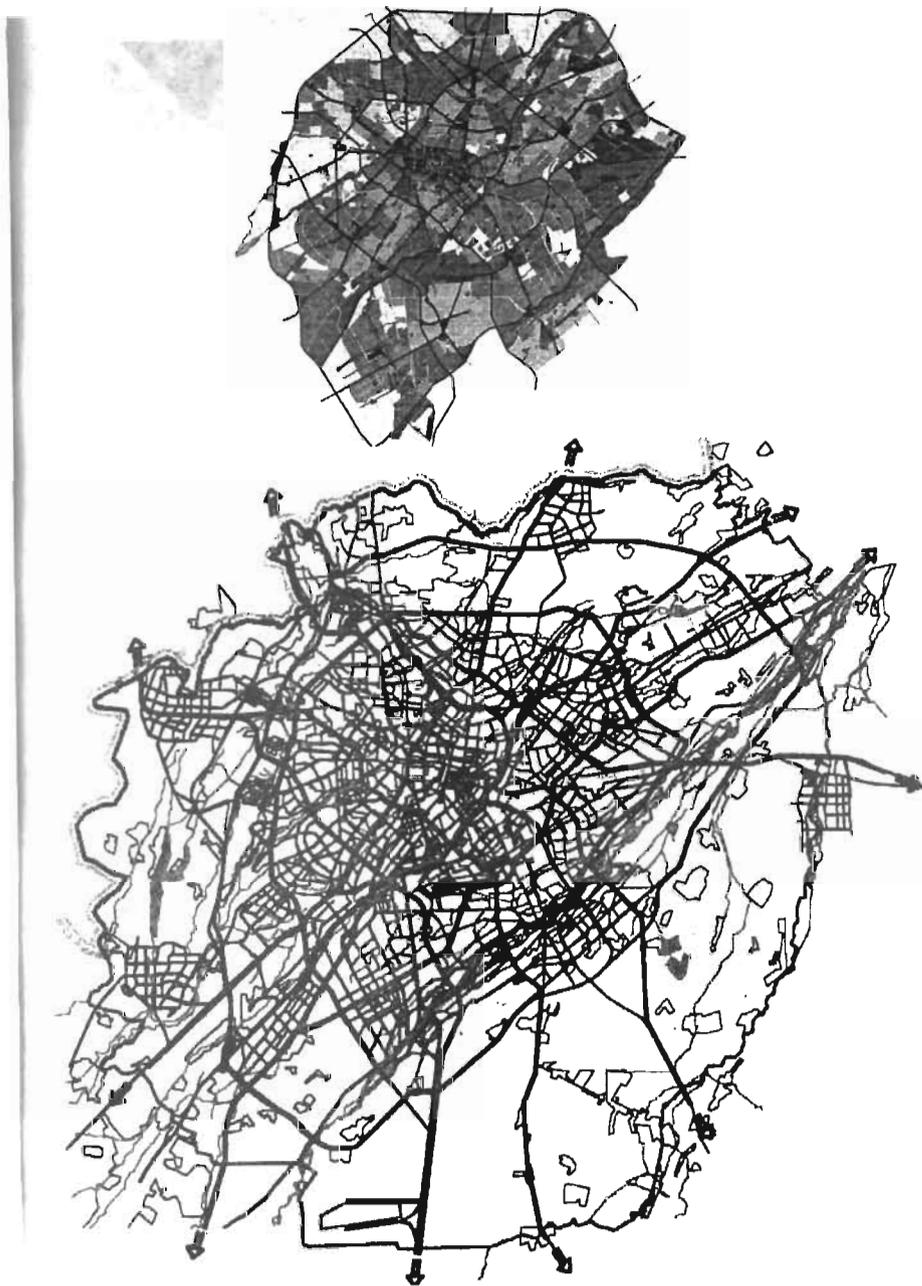
макет ядра
центра города

175. НАВОИ. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН И МАКЕТ ЯДРА ЦЕНТРА. 2002 Г.

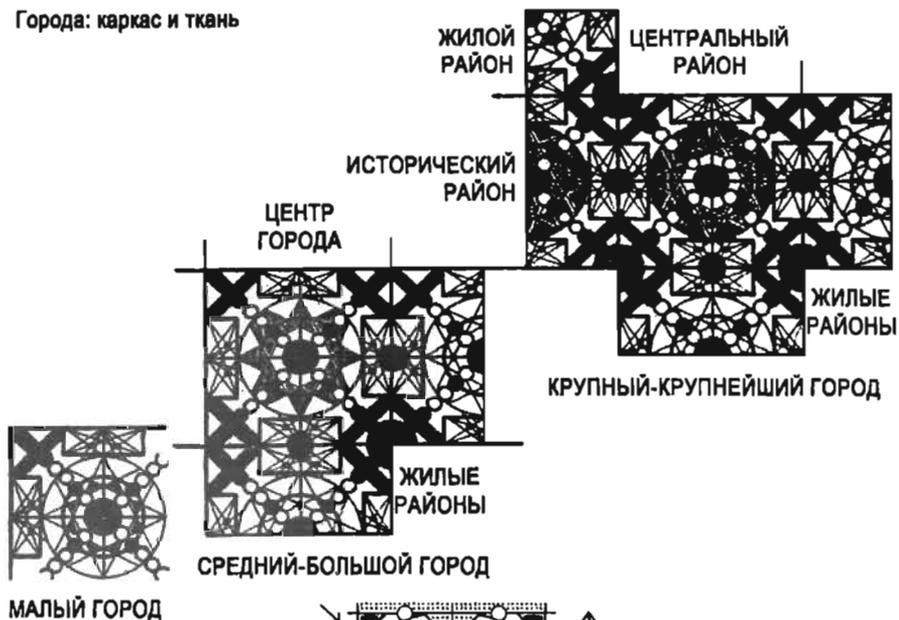

176. КОНЦЕПЦИЯ ГОРОДА: ТОЧКА И ЛИНИЯ. ЗАРАФШАН: ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН. 2006 Г..

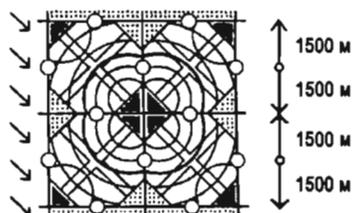

177. ТАШКЕНТ. МАГИСТРАЛИ НЕПРЕРЫВНОГО ДВИЖЕНИЯ. ГЕНПЛАН. 1999-2015 ГГ.

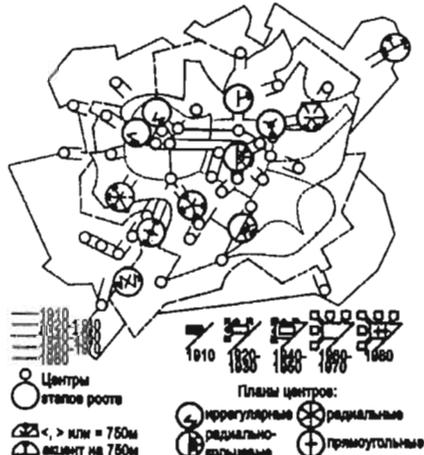
Города: каркас и ткань

Районы: каркас и ткань

Ташкент:
зоны центральности

ЗОНЫ ЦЕНТРАЛЬНОСТИ ТАШКЕНТА 1980-Х ГГ. КАРКАС И ТКАНЬ РАЙОНОВ И ГОРОДОВ.

Ограждение парка Тахтапуль под строительный объект

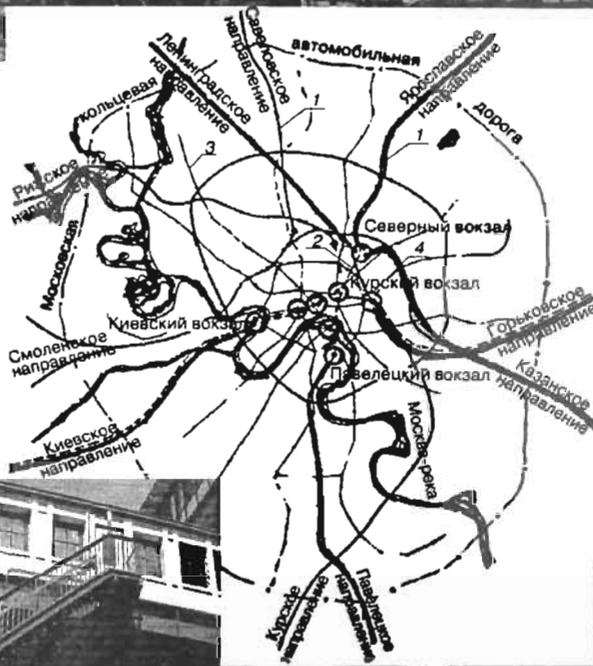
Автосервис на засыпанном арыке Лабзак

181. ТАШКЕНТ. ЗАСЫПАННЫЙ АРЫК ЛАБЗАК И ЗАСТРАИВАЕМЫЙ ПАРК ТАХТАПУЛЬ. 2011 Г.

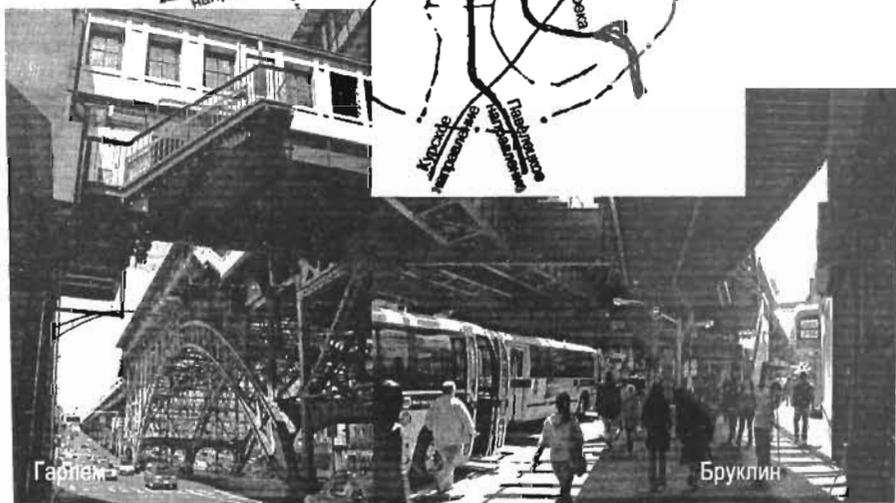
Хэмптон
Хайтс

Гарлем

Москва:
предлагаемая
схема
линий
регионального
экспресс-
метрополитена

- 1 - железно-
дорожная
линия
с вокзалом
- 2 - линии
экспресс-
метрополитена
- 3 - существующие
линии
метрополитена
- 4 - пересадочные
узлы

Гарлем

Бруклин

Поезд-пуля Шинкансен, 300 км/час

Вокзал Токио

Автомагистраль Иокогама-Токио

ИОКОГАМА-ТОКИО. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКСПРЕССЫ. ПОЕЗД-ПУЛЯ ШИНКАНСЕН 300 КМ/ЧАС

Москва 2011:

расширение

Магистралей:

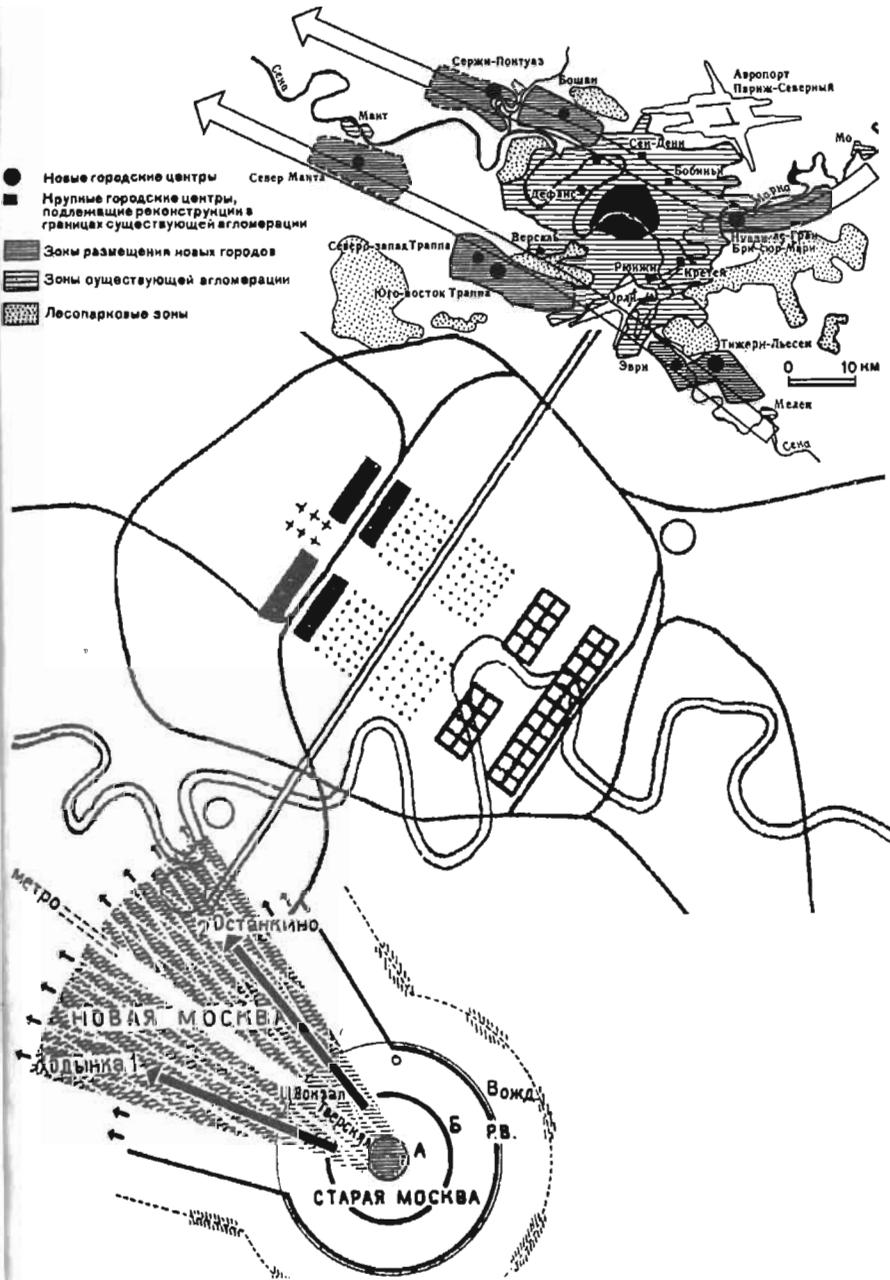
перспектива

Агломерация:

границы

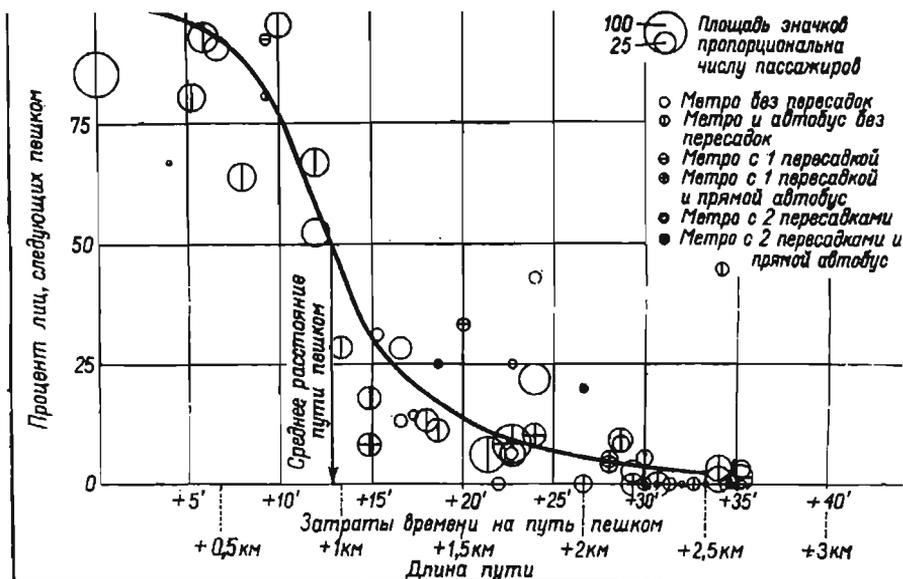
184. МОСКВА. РАСШИРЕНИЕ СТОЛИЦЫ В 2,4 РАЗА НА ЮГО-ЗАПАД С 1 ИЮЛЯ 2012

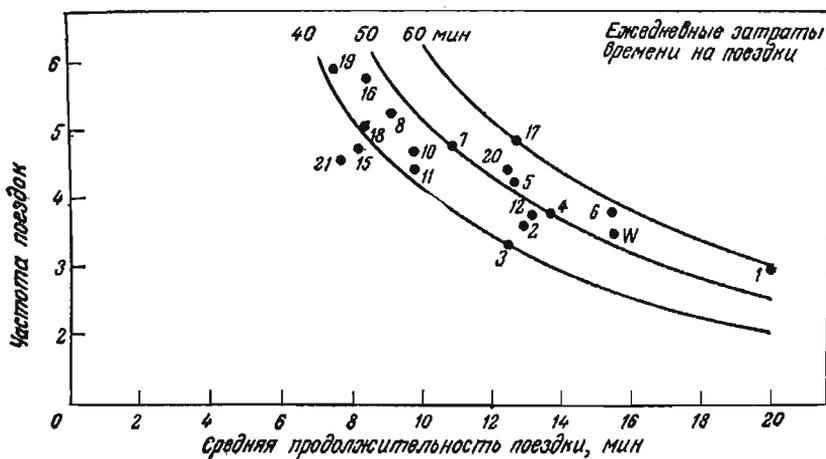
185. МОСКВА-ПАРИЖ. ГОРОД-ЛИНИЯ И РАЙОНЫ-МОДУЛИ. 1929-1970-Е ГГ.

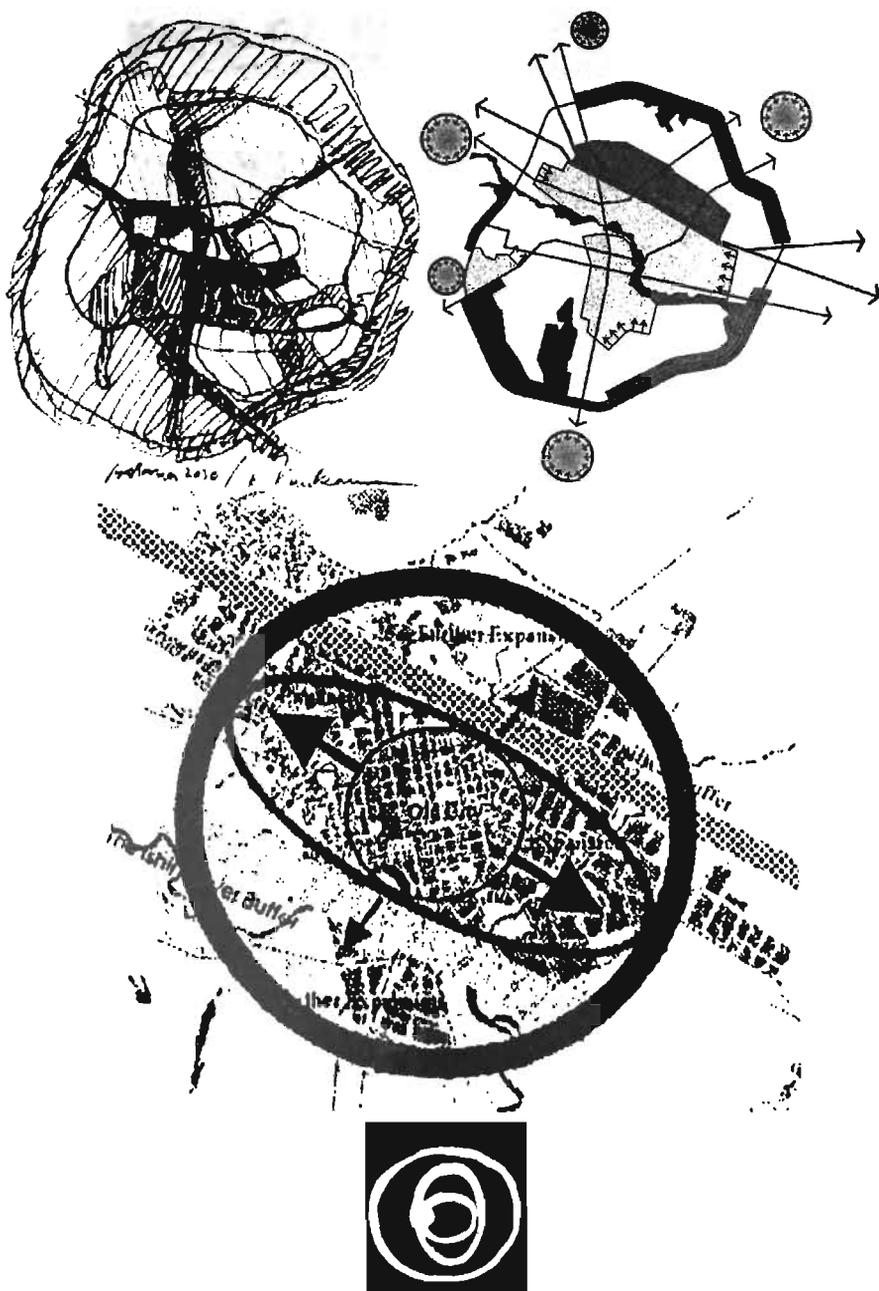
186. ВАШИНГТОН. НОВЫЕ ГОРОДА НА СКОРОСТНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ. 1960-Е ГГ.

Франция, Париж. Параметры предпочтения транспорта и пешего пути. Источник: П.Мер.

США. Средняя продолжительность поездки. Источник: Л.Дж.Мани.

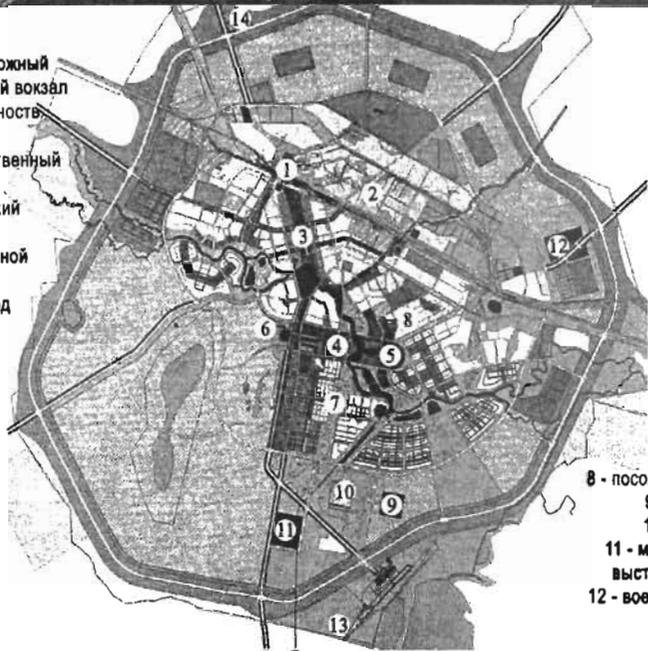

189. ХИВА-АСТАНА. МОДЕЛИ ПОПЕРЕМЕННОГО РОСТА ГОРОДОВ. 1740-2030 ГГ.

Макет центра Астаны

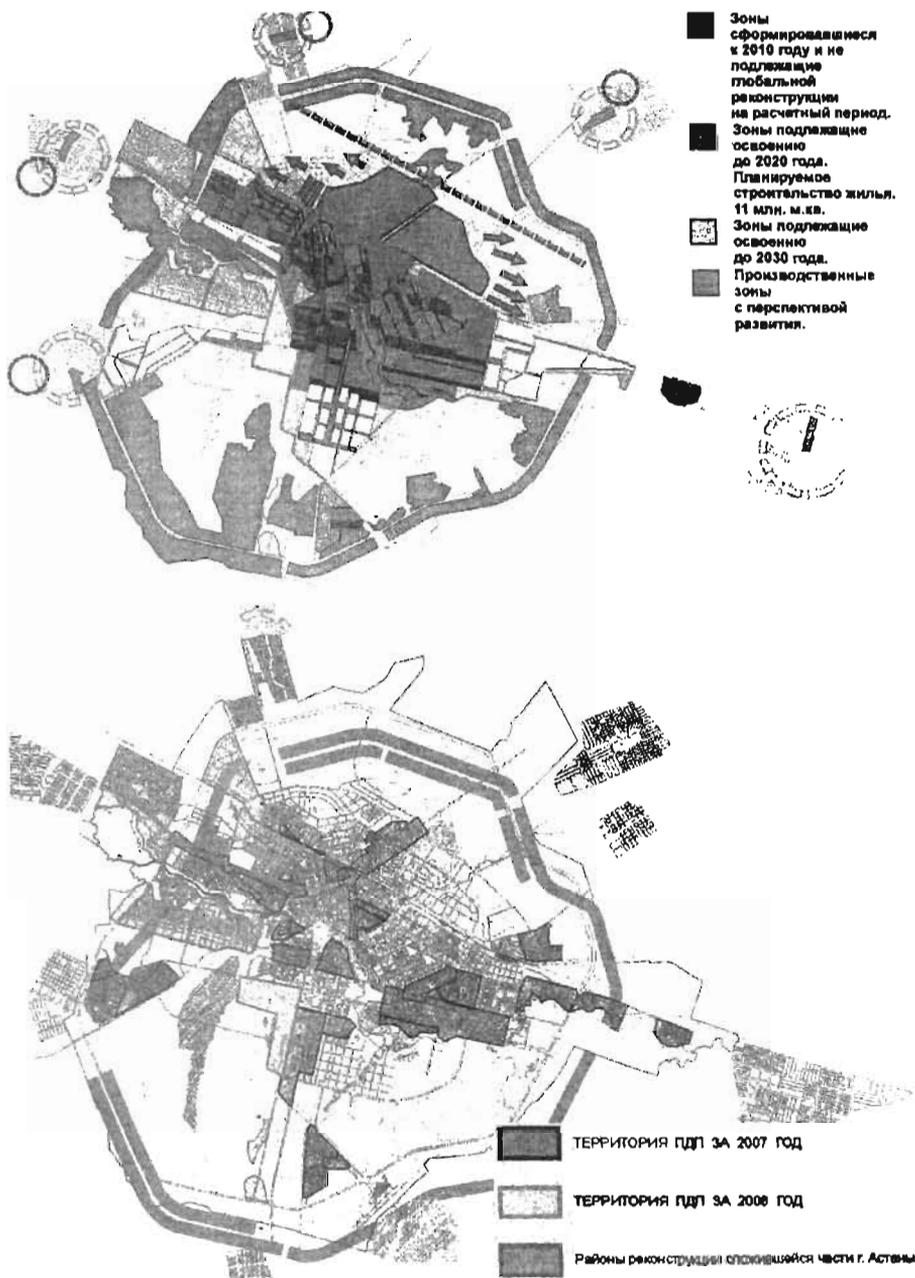
- 1 - железнодорожный и автобусный вокзал
- 2 - промышленность
- 3 - бизнес-сити
- 4 - правительственный центр
- 5 - президентский дворец
- 6 - офис нефтяной компании
- 7 - речной город

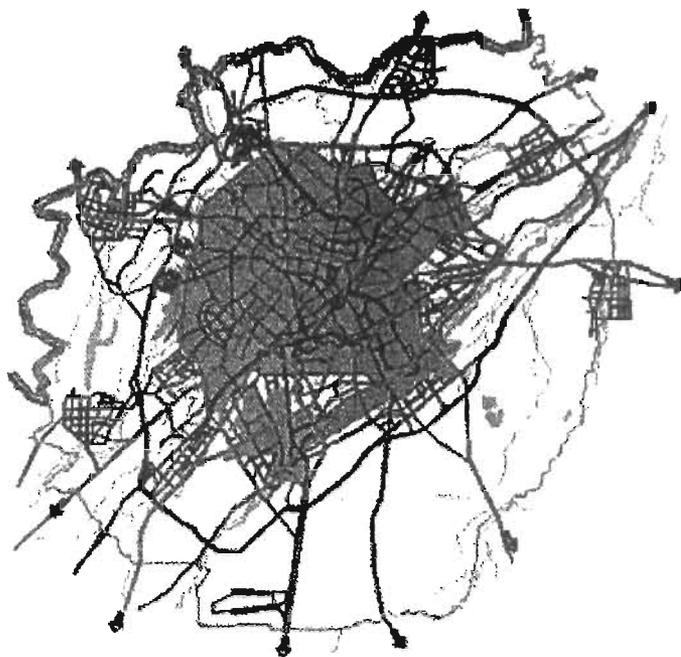
- 8 - посольский квартал
- 9 - университет
- 10 - спорт-сити
- 11 - международный выставочный центр
- 12 - военная академия
- 13 - аэропорт
- 14 - ипподром

Проект
метаболического
города

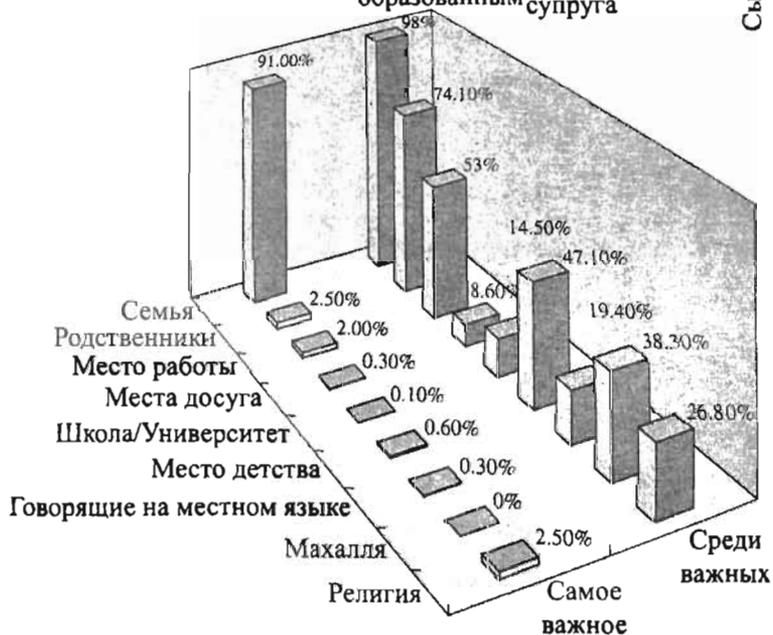
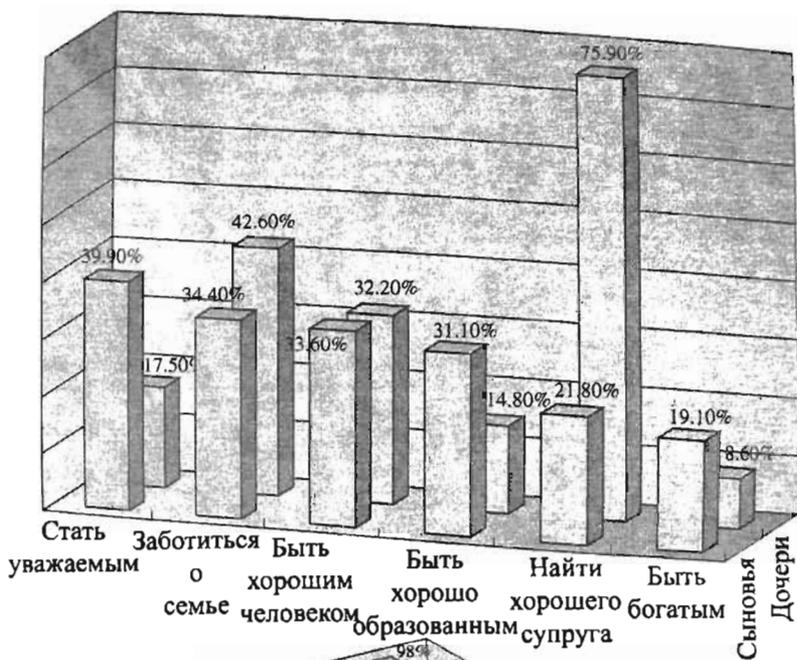
191. АСТАНА. ПДП РАЙОНОВ 2007-2008 ГГ. ЗОНЫ ГОРОДА 2010-2030 ГГ.

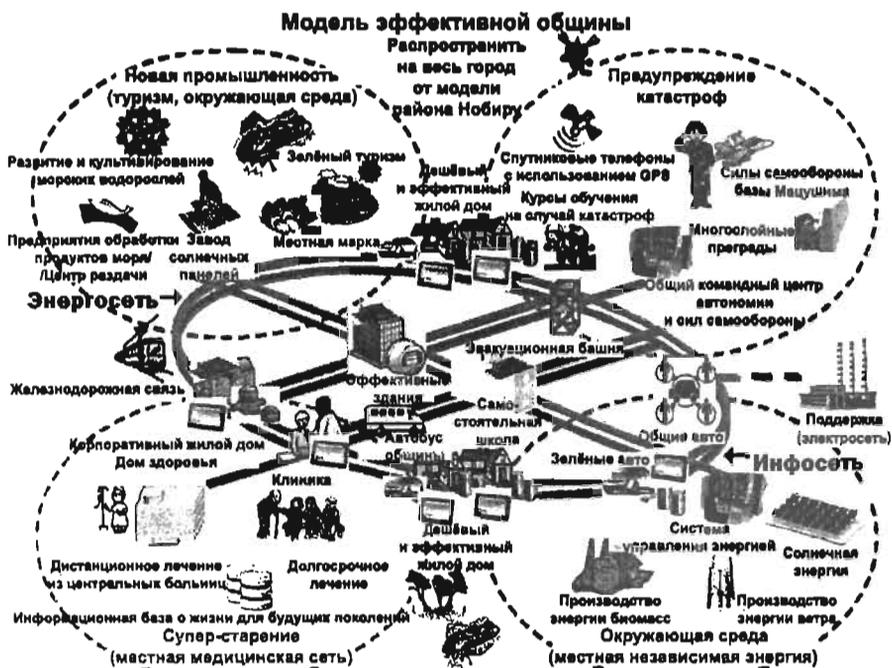
2010 год
Население: 1 500 000 жит.

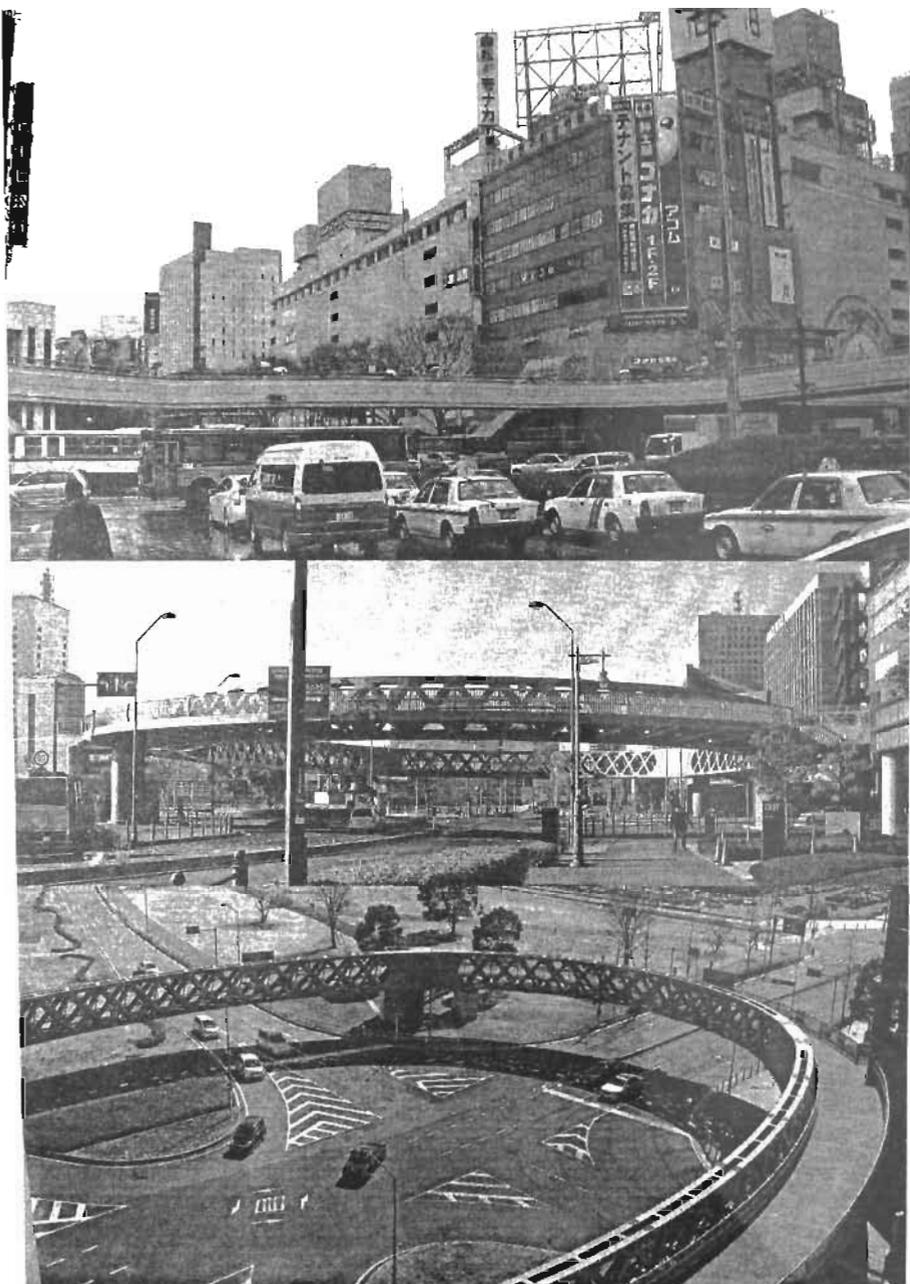
192. АСТАНА: РАЙОНЫ-СПУТНИКИ. 2010 Г. ТАШКЕНТ: ГОРОДА-СПУТНИКИ. 2015 Г.

Источник: Values and Lifestyles in Urban Asia, Dadabaev T., 2005.

194. ЯПОНИЯ. МОДЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОЙ ОБЩИНЫ ДЛЯ РАЙОНА И ГОРОДА. 2008-2012 ГГ.

196. ИОКОГАМА И СЕНДАЙ. ПЕШЕХОДНЫЕ КОЛЬЦА НАД ЦЕНТРАЛЬНЫМИ УЗЛАМИ. 2012 Г.

Ташкент:
центры-перекрёстки
в пределах
радиуса 750 м

Бухара:
община
обращена
к
пешеходному
центру

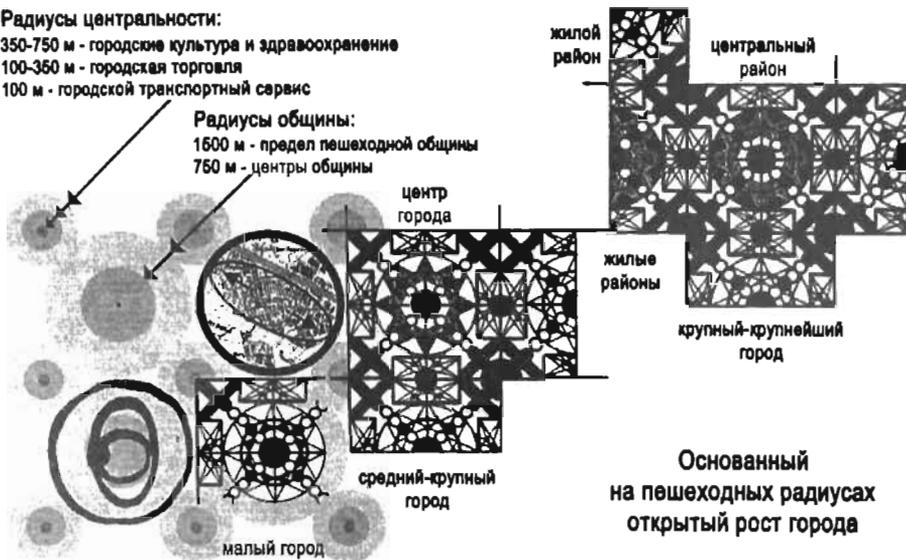
Милтон Кинз:
разбросанность центров
в пределах
решётки 1 км

Бостон:
квартал
обращён
к
транспортной
полосе

Радиусы центральности:
 350-750 м - городские культура и здравоохранение
 100-360 м - городская торговля
 100 м - городской транспортный сервис

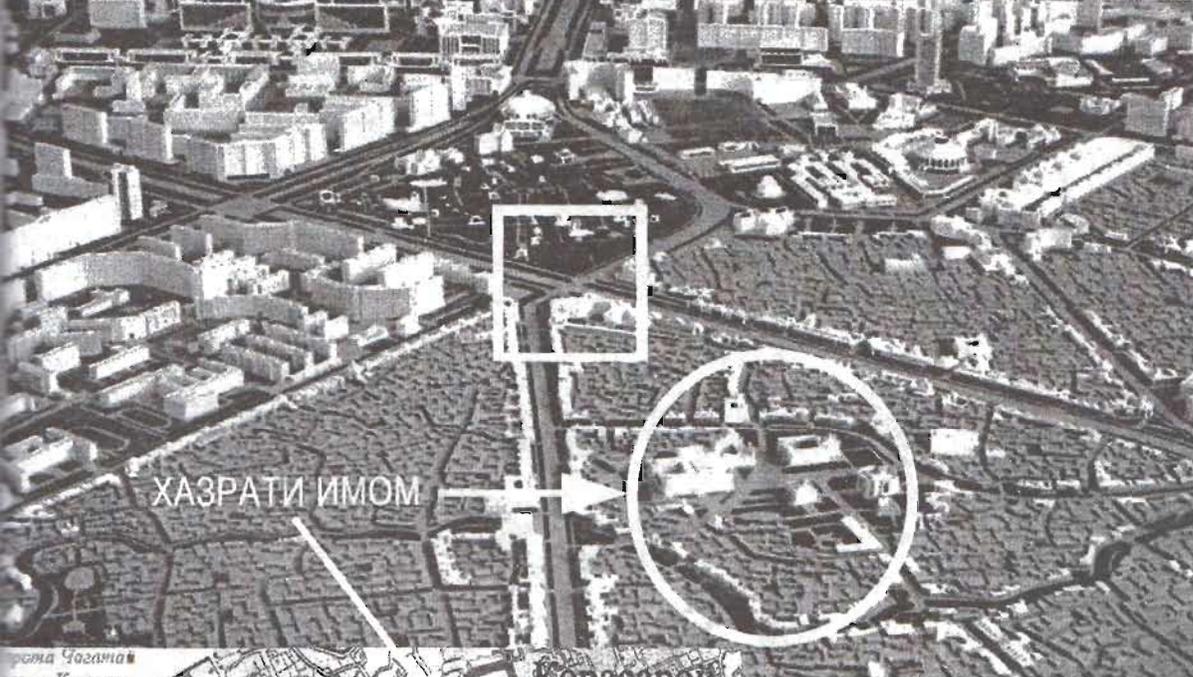
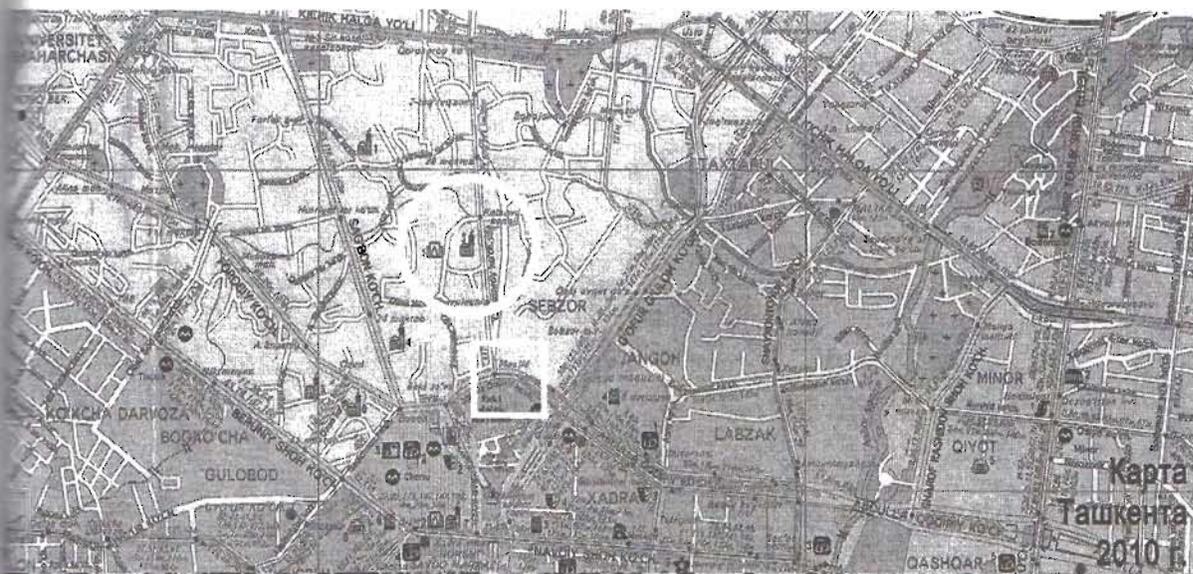
Радиусы общины:
 1600 м - предел пешеходной общины
 750 м - центры общины

**Основанный
 на пешеходных радиусах
 открытый рост города**

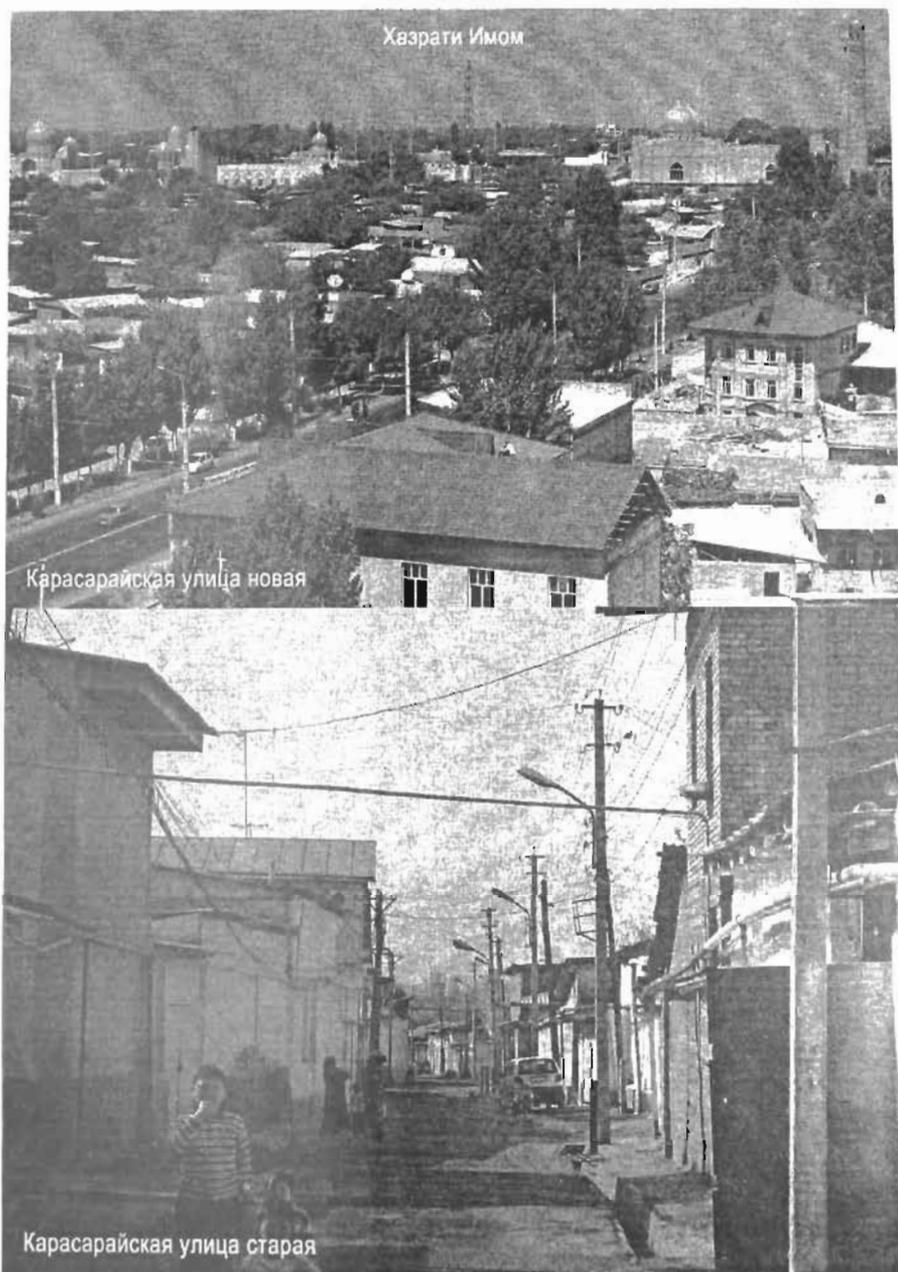

198. ТРИ МОДЕЛИ: ПОПЕРЕМЕННОГО И ОТКРЫТОГО РОСТА ГОРОДА. 1740-2012 ГГ.

Проект
детальной планировки
исторической части
Ташкента, 2004 г.

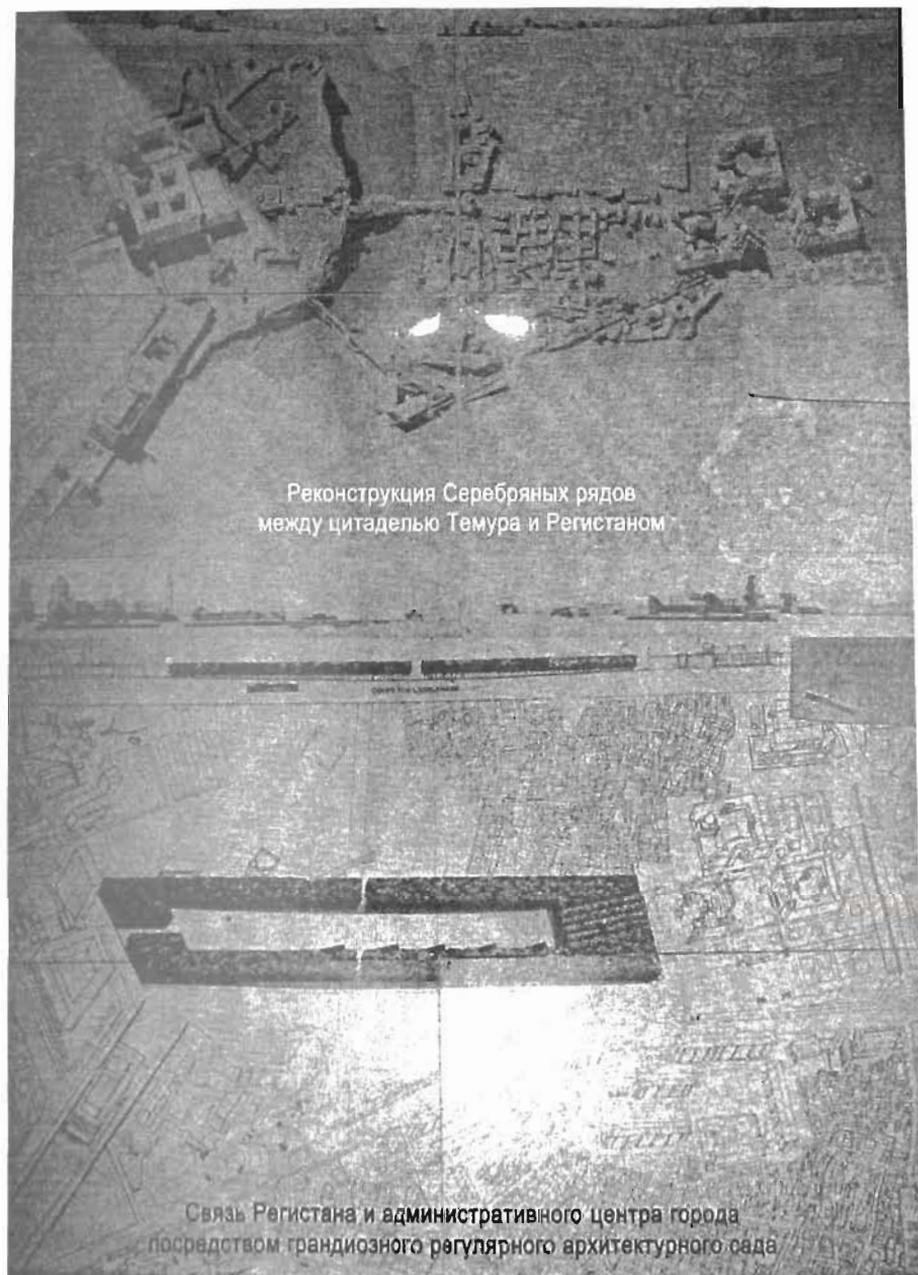
201. ТАШКЕНТ. СТАРАЯ КАРАСАРАЙСКАЯ УЛИЦА ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ НОВОЙ (ВВЕРХУ).

Павильон арабских танцев и шейпинга
на месте базара гузарного центра
- Карасарайская улица (старая)

Новые жилые дома
над арыком Калковуз

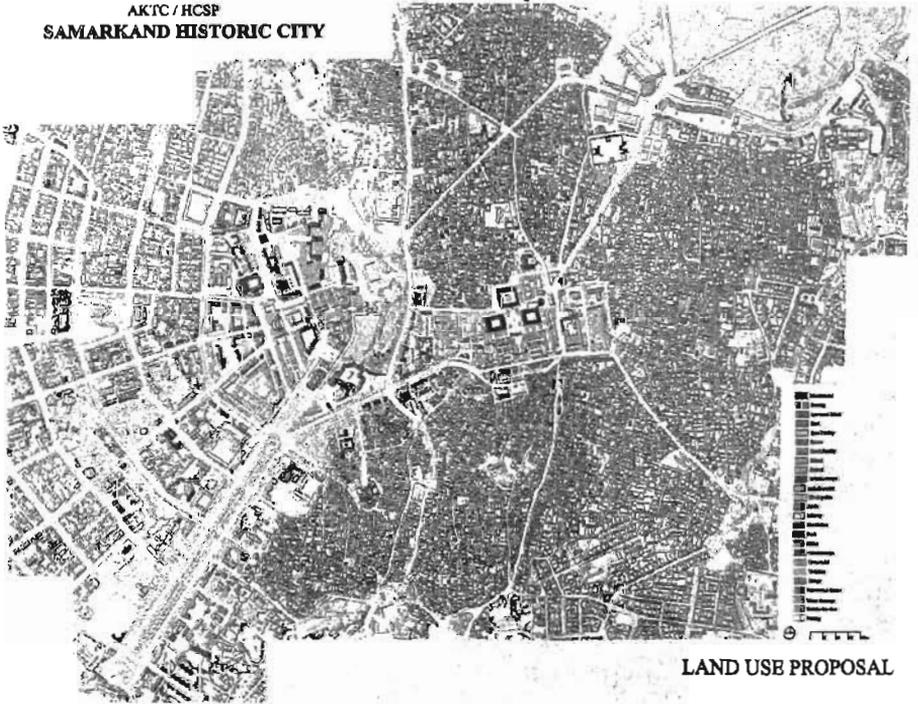
Реконструкция Серебряных рядов
между цитаделью Темура и Регистаном

Связь Регистана и административного центра города
посредством грандиозного регулярного архитектурного сада

Мавзолей Ак Сарай

AKTC / HCSP
SAMARKAND HISTORIC CITY

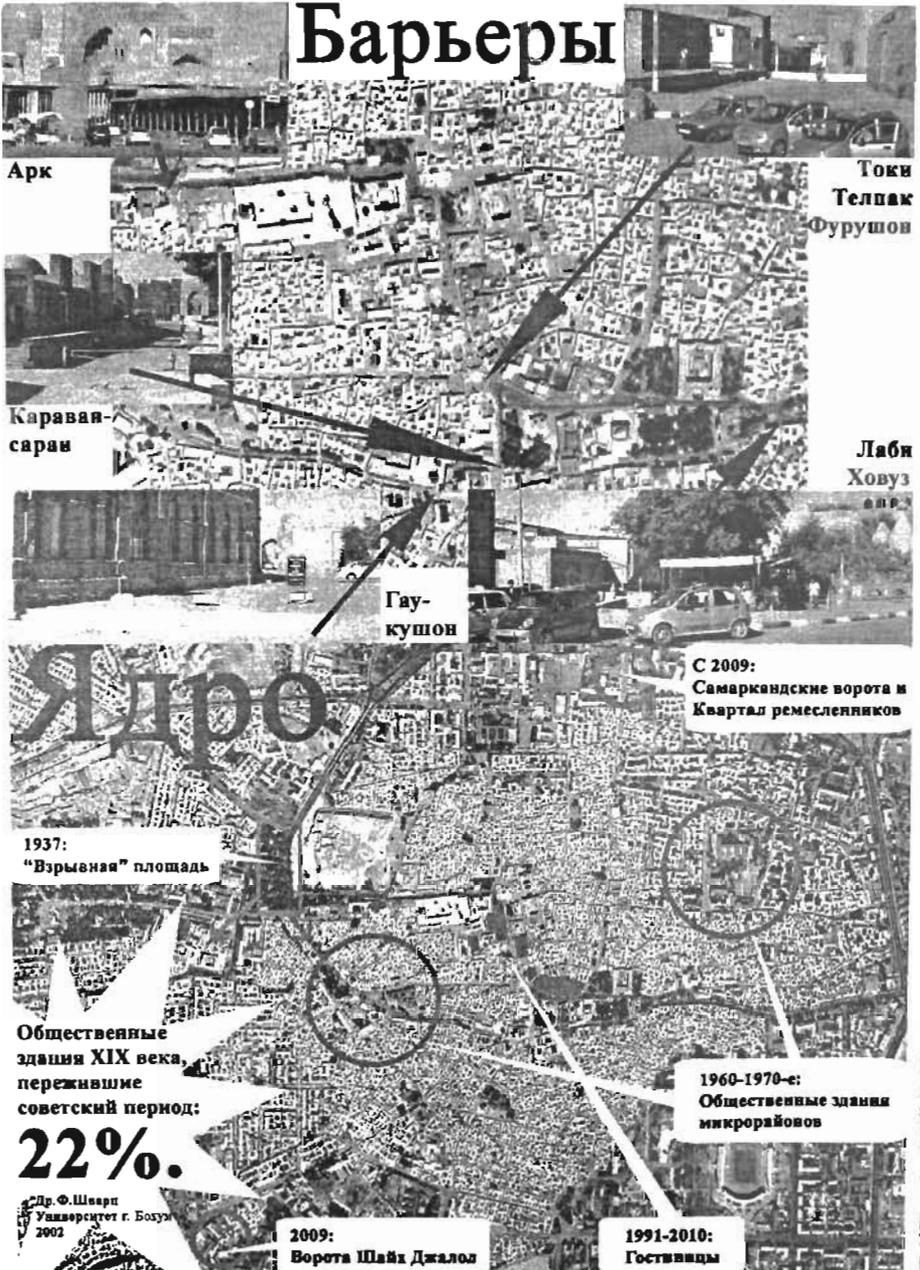

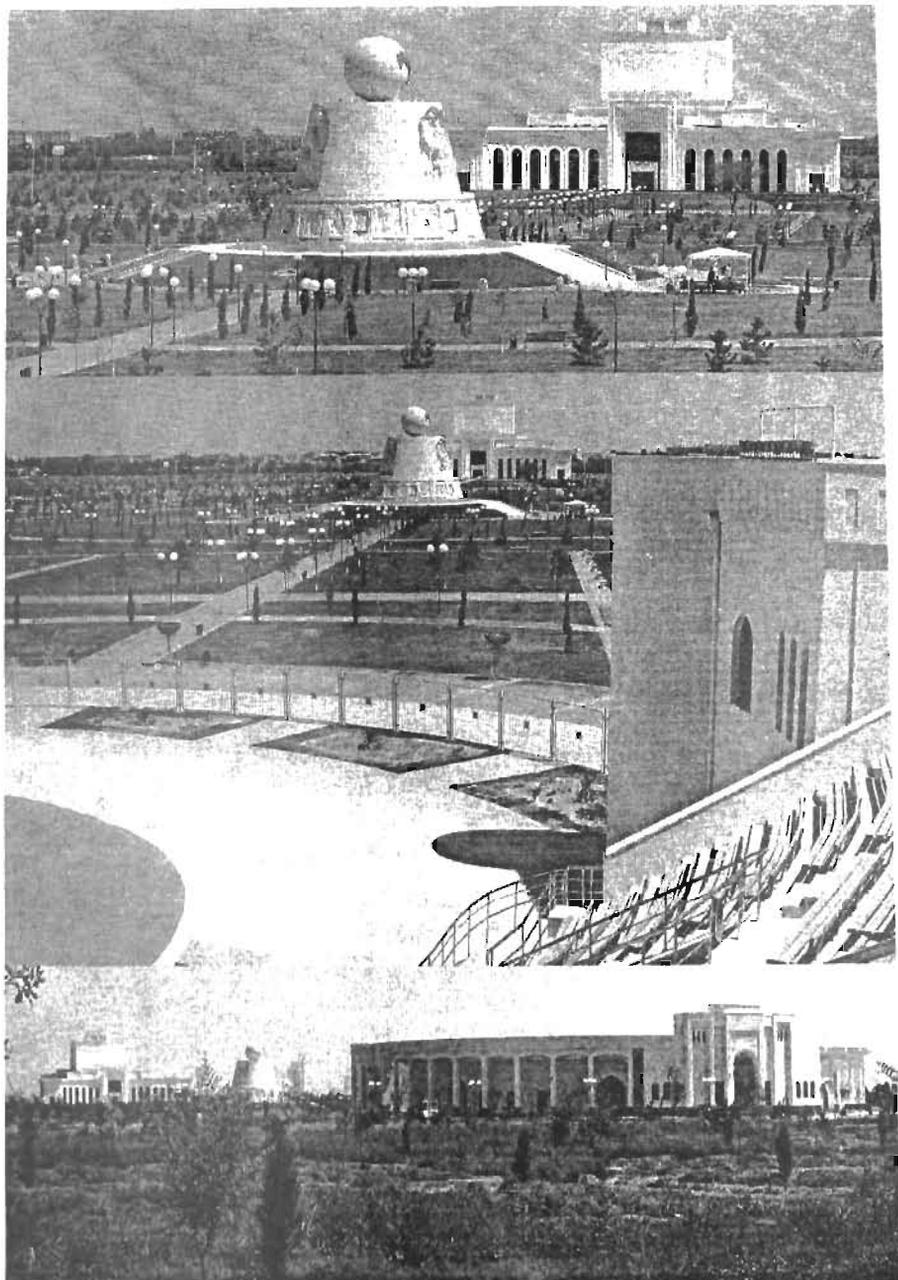
204. САМАРКАНД. ПЛАН ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ И ОКРУЖЕНИЕ АК САРАЯ. 1991-1995 ГГ.

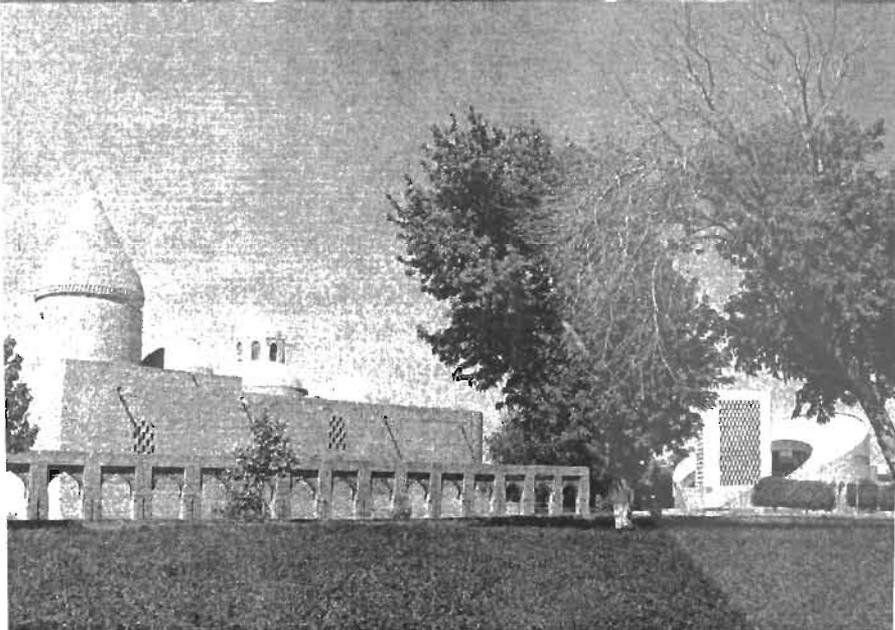
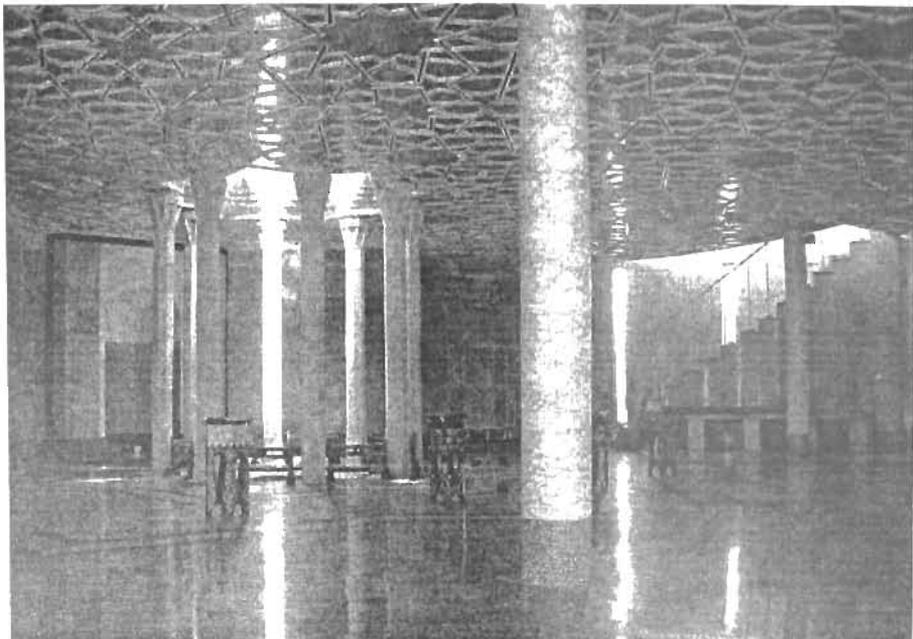
205. САМАРКАНД. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН ГОРОДА И ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЙОН ДО 2020 Г.

Барьеры

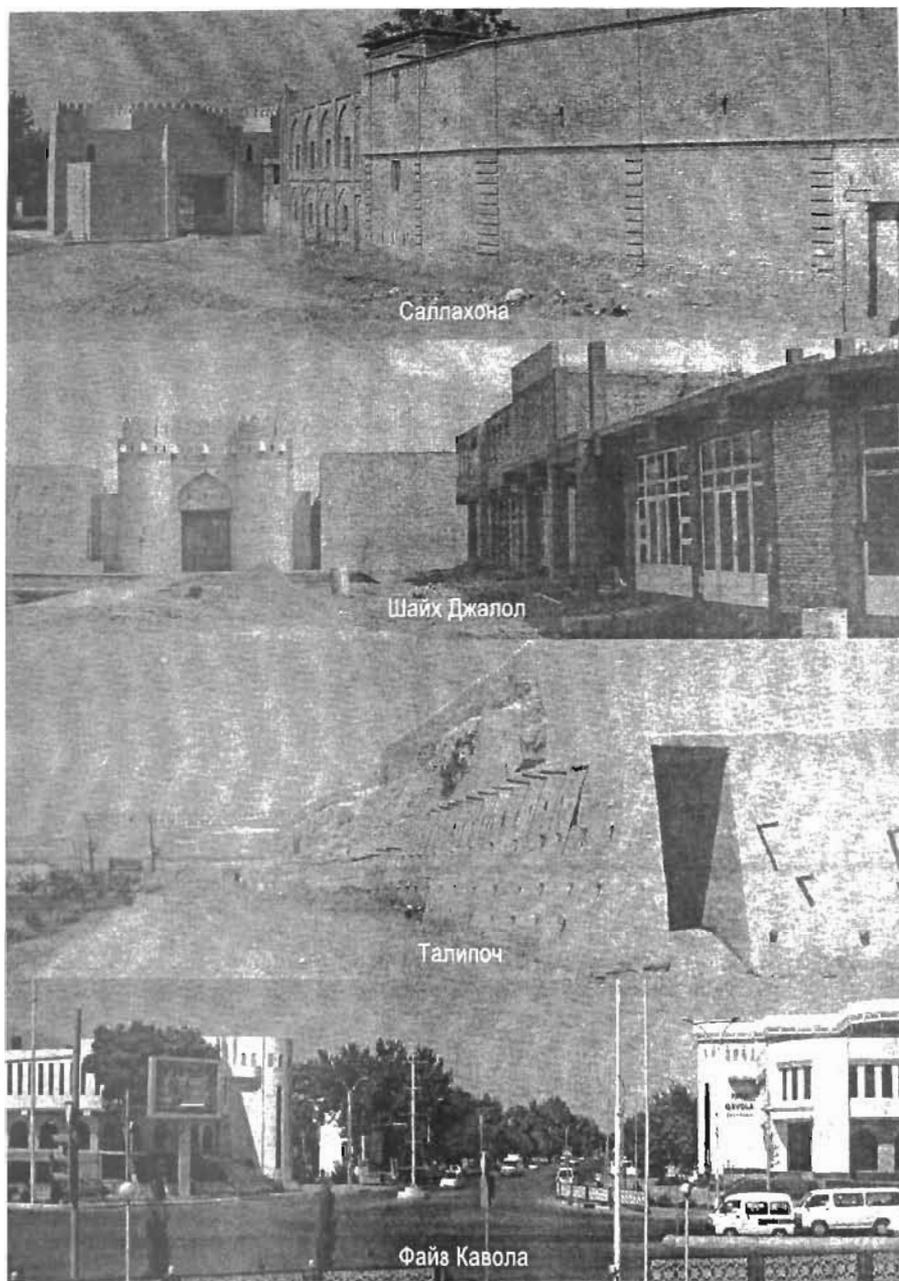

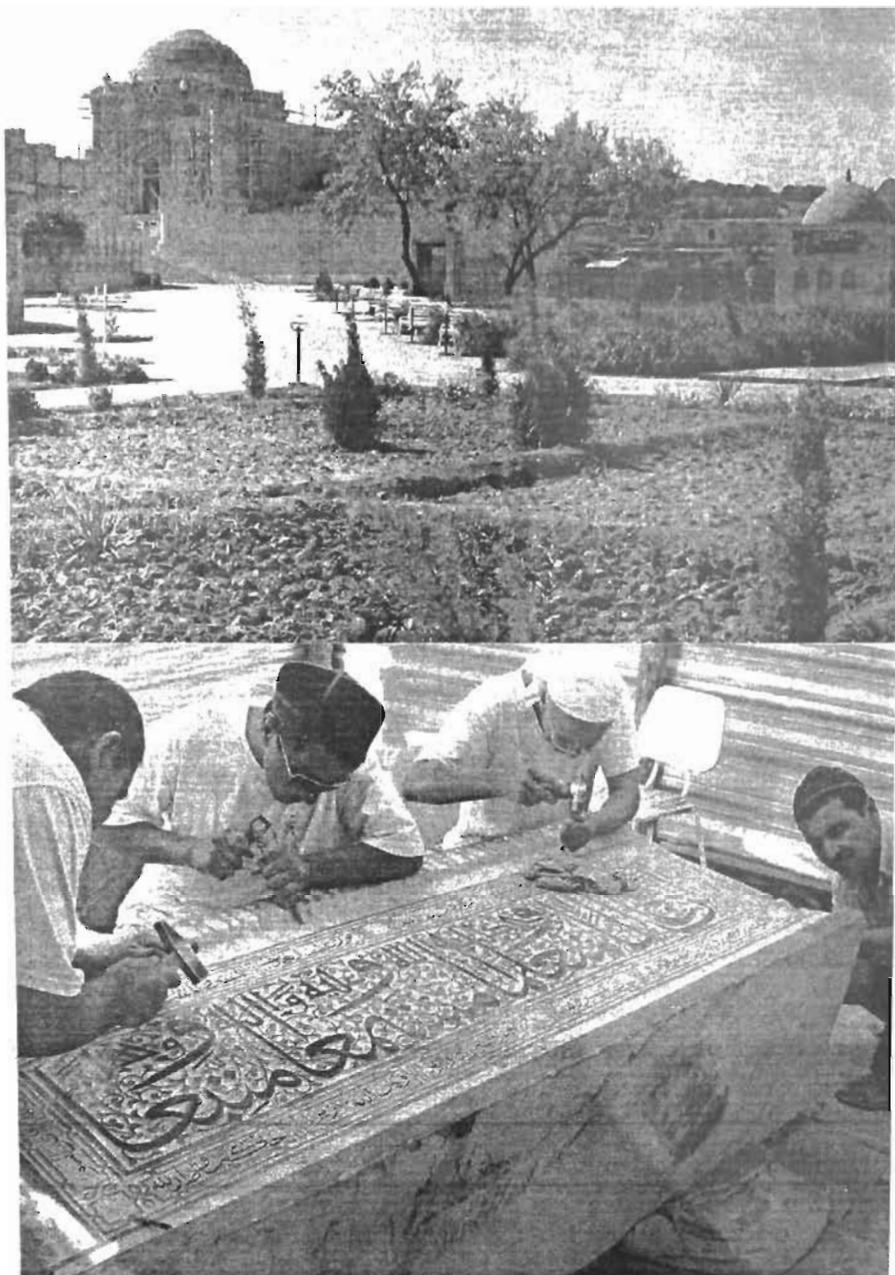
207. БУХАРА. НОВЫЙ КУЛЬТУРНО-СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР К СЕВЕРУ ОТ ГОРОДА. 2008 Г.

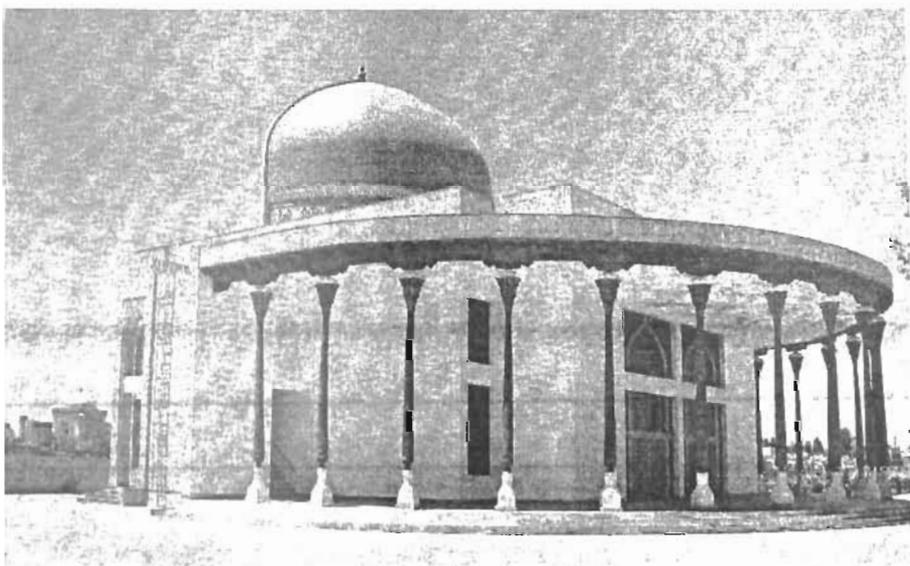
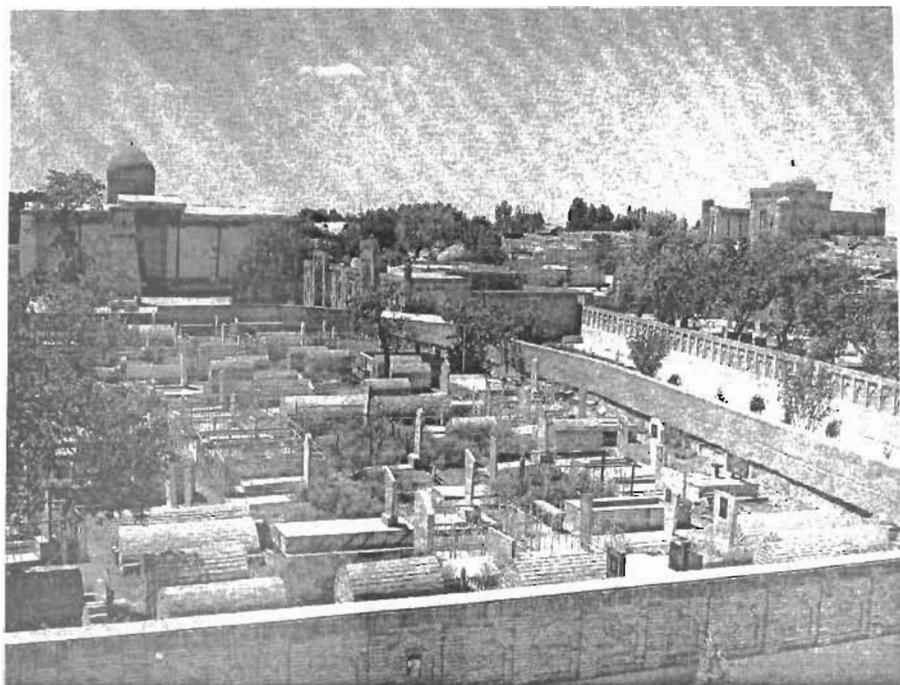
208. БУХАРА. АНСАМБЛЬ КОШ: ЧАШМА АЮБ И МЕМОРИАЛ ИМАМУ АЛЬ=БУХАРИ. 2001 Г.

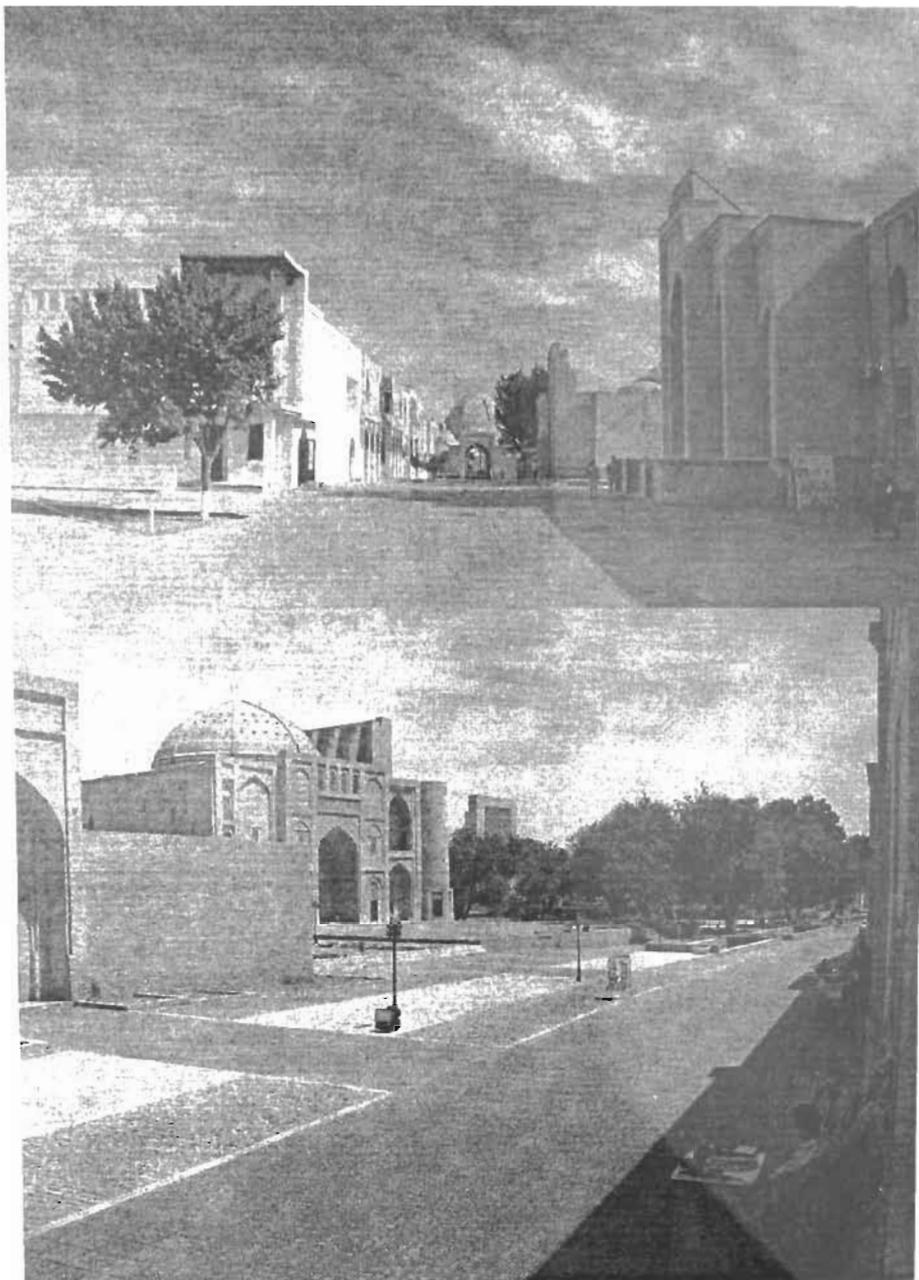
209. БУХАРА. ВОРОТА ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА. РЕКОНСТРУКЦИИ С 1991 Г.

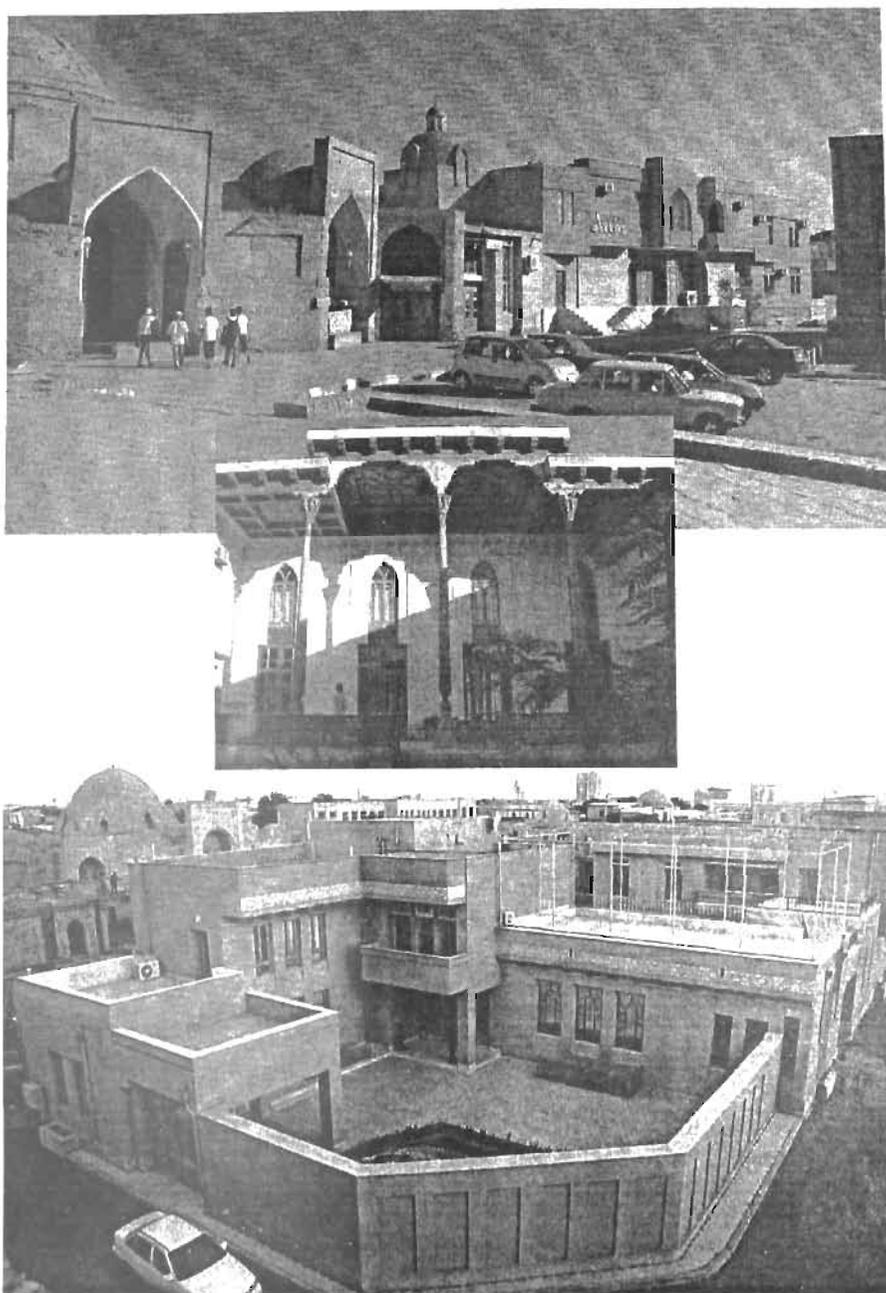
210. БУХАРА. МАВЗОЛЕЙ ИМАМА АБУ ХАФС КАБИРА. МАСТЕРА ЗА РАБОТОЙ. 2010 Г.

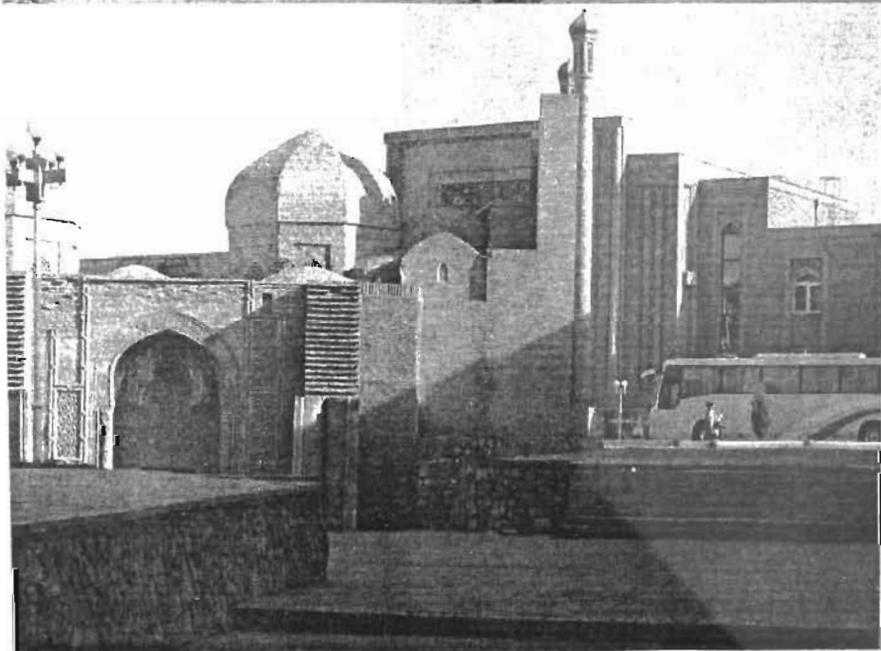
211. БУХАРА. СОБОРНАЯ МЕЧЕТЬ И МАВЗОЛЕЙ ИМАМА АБУ ХАФС КАБИРА. 2010 Г.

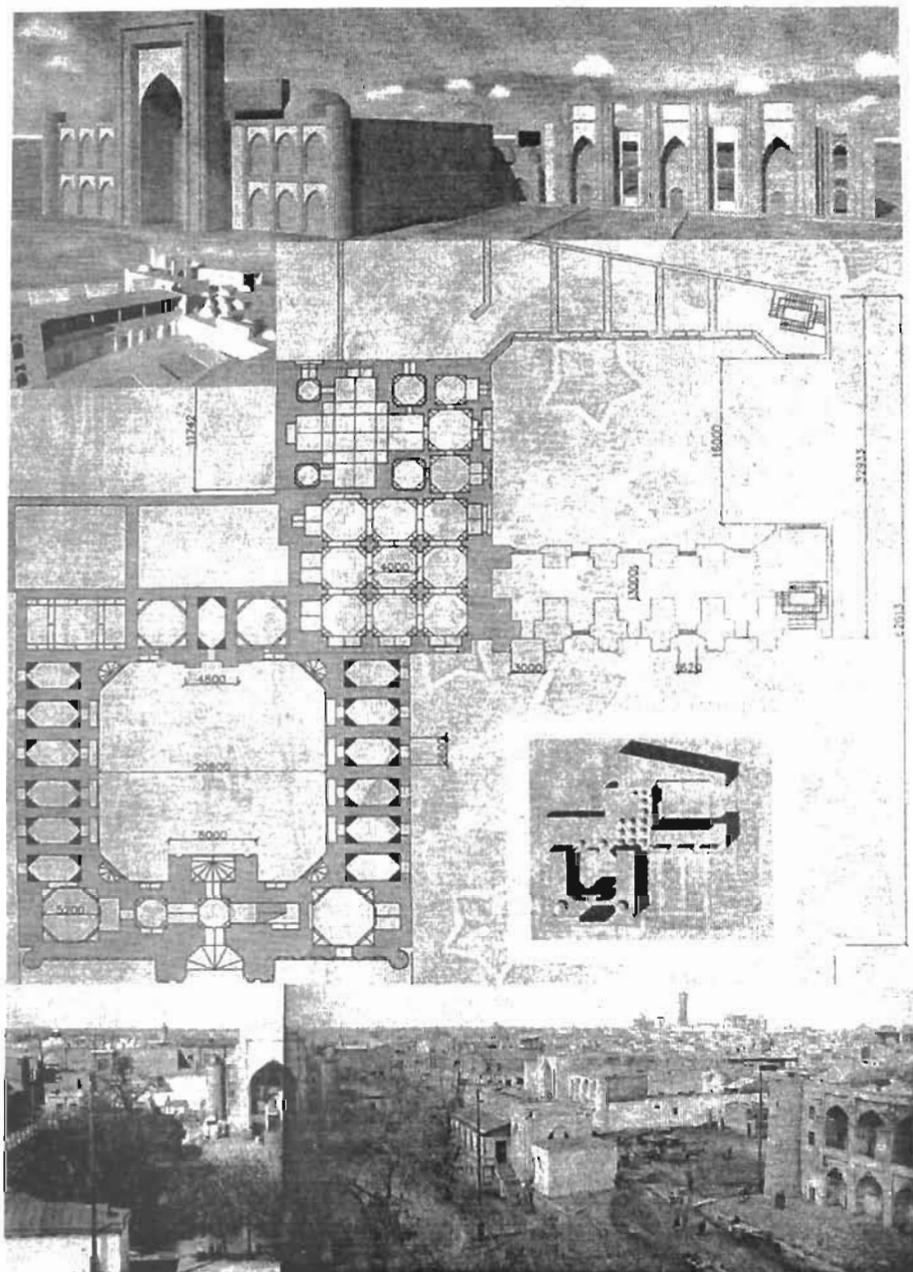
212. БУХАРА. РЕКОНСТРУКЦИЯ УЛИЦЫ ДРЕВНЕГО БАЗАРА ОТ АРКА ДО ЛАБИ ХОВУЗ. 2010

213. БУХАРА. ОТЕЛИ ЗАРГАРОН (НИЗ) И АТЛАС, С АЙВАНОМ ДВОРА (ВЕРХ). 2007 Г.

214. БУХАРА. ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ НА ФОНЕ НОВЫХ ОТЕЛЕЙ НАЧАЛА 2000-Х ГГ.

215. БУХАРА. МЕДРЕСЕ НАЗАР ЭЛЧИ. ФОТО НАЧАЛА XX В. И ПРОЕКТ 2009 Г.

Toki
Zargaron

hotels
Khaqiqat Street

Toki
Telpak
Furushon

hotels

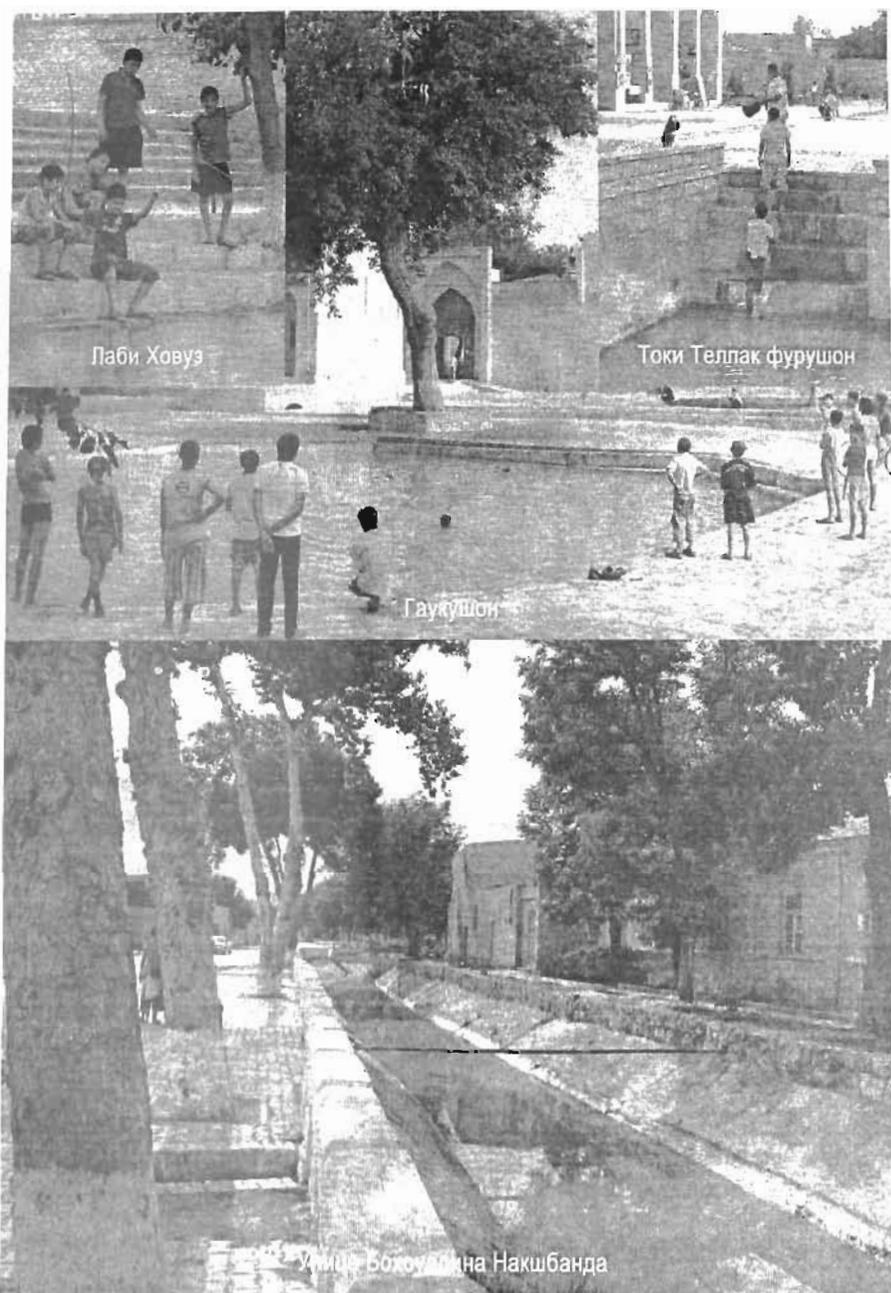

ir
grasa

Saïd Olimkhon Madrasa

216. ФОРУМ РИМА И ЯДРО БУХАРЫ. РАЗЛИЧНЫЕ ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ.

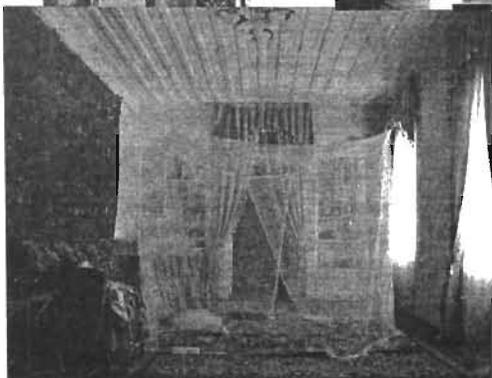
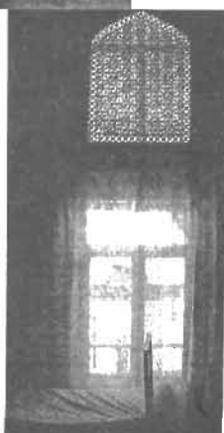
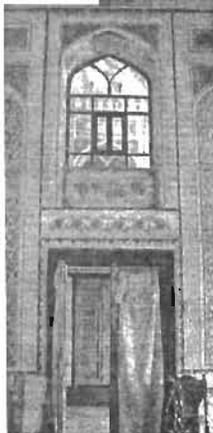
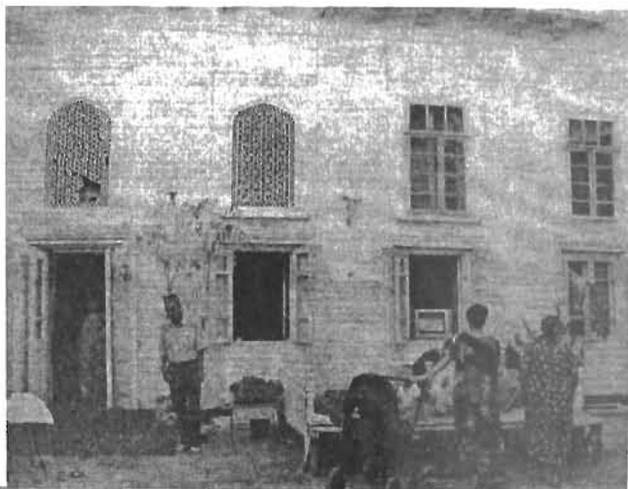
217. БУХАРА. ВОДА КАНАЛА ШАХРУД И ХОВУЗА ПЛОЩАДИ ГАУКУШОН. 2010 Г.

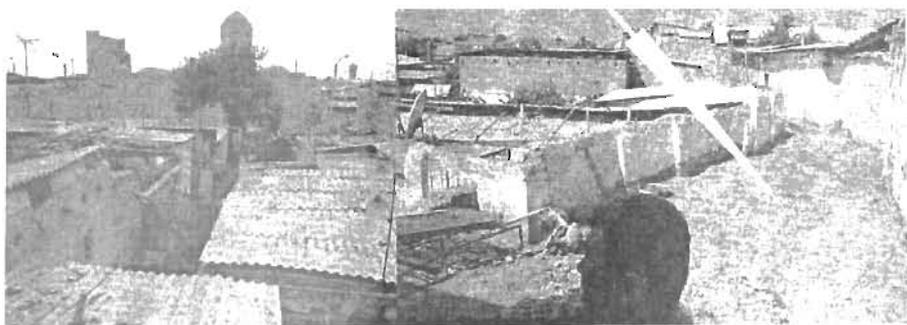
218. БУХАРА. ЛАБИ ХОВУЗ: ПУБЛИКА НАЧАЛА XX ВЕКА И 2009 Г.

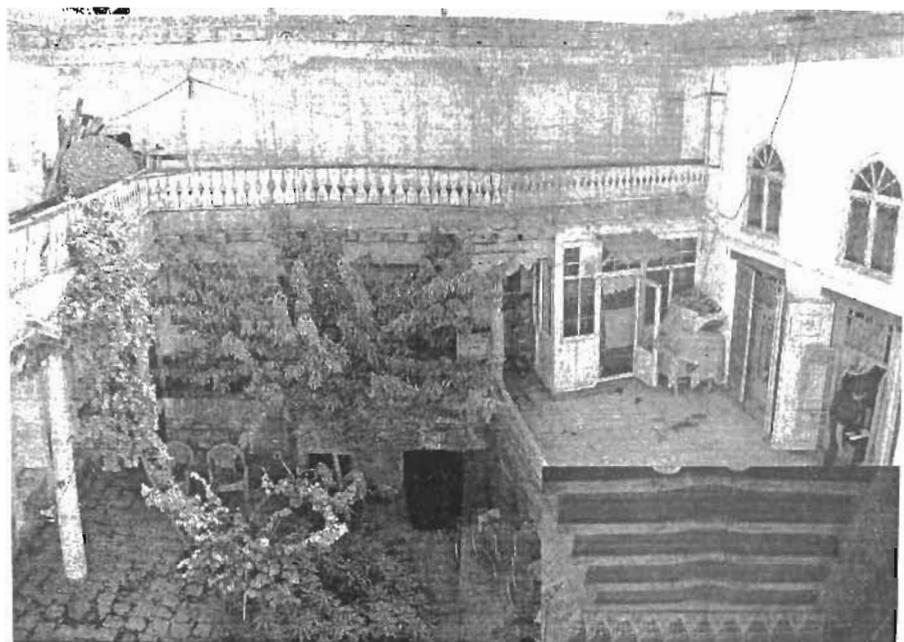
9. БУХАРА. САМАРКАНДСКАЯ УЛИЦА. ЗАБРОШЕННЫЙ И ЖИВУЩИЙ ЦЕНТРЫ КВАРТАЛОВ.

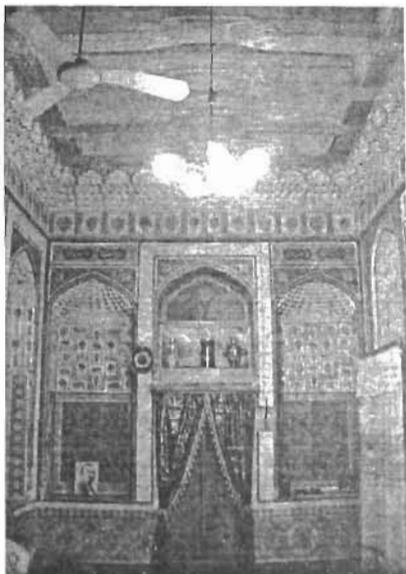
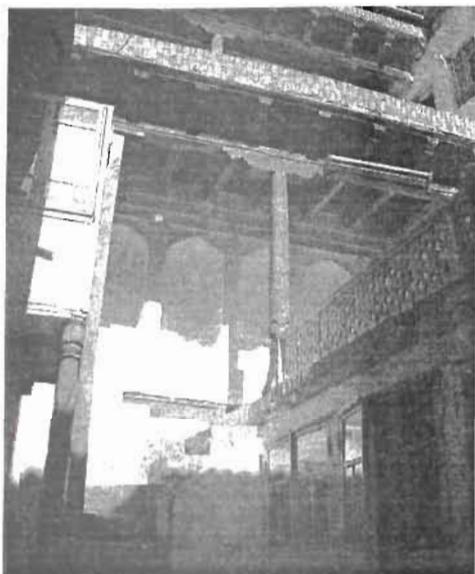
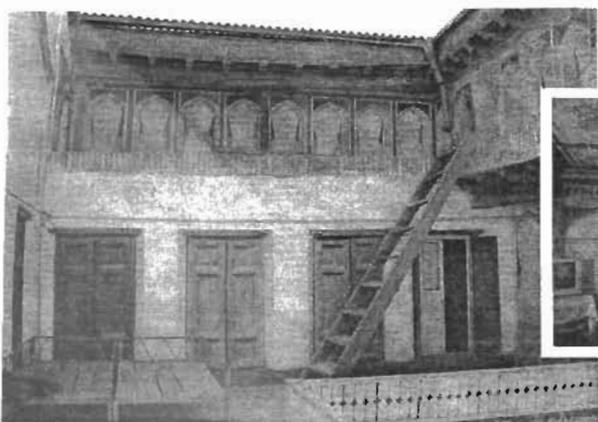
220. СОКРОВИЩЕ БУХАРСКОГО ЖИЛИЩА - МЕХМОНХОНА. 2009 Г.

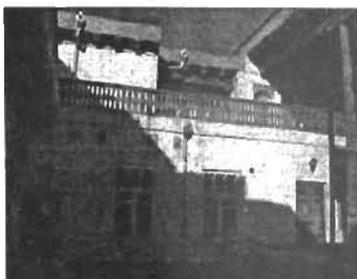
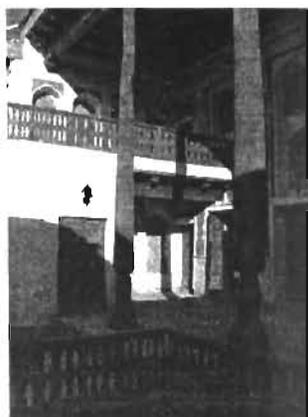
221. БУХАРА. ЖИЛОЙ ДОМ НА ЮЖНОМ ОБРЫВЕ ШАХРИСТАНА. 2009 Г.

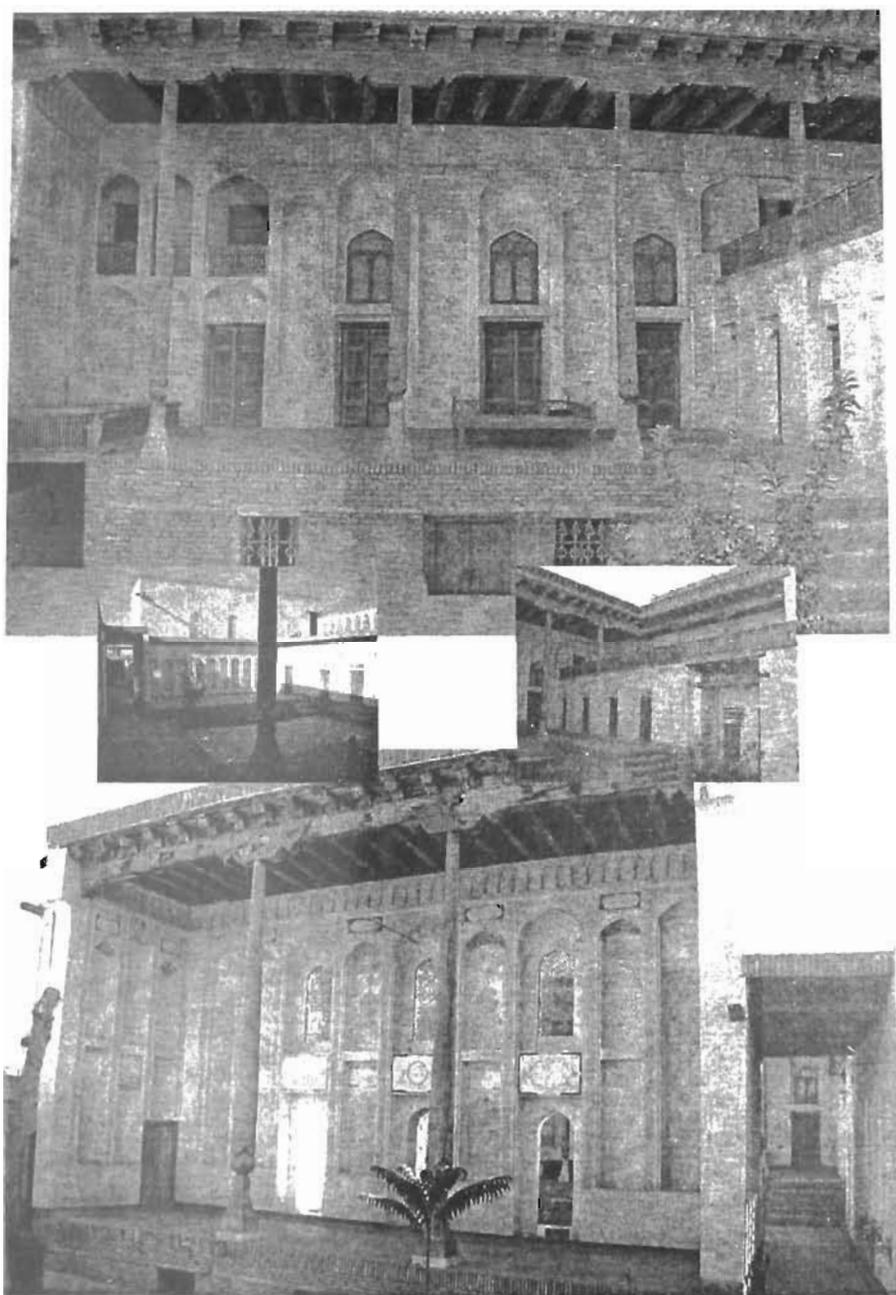
222. БУХАРА. ЖИЛОЙ ДОМ 75-77 НА САМАРКАНДСКОЙ УЛИЦЕ. 2011 Г.

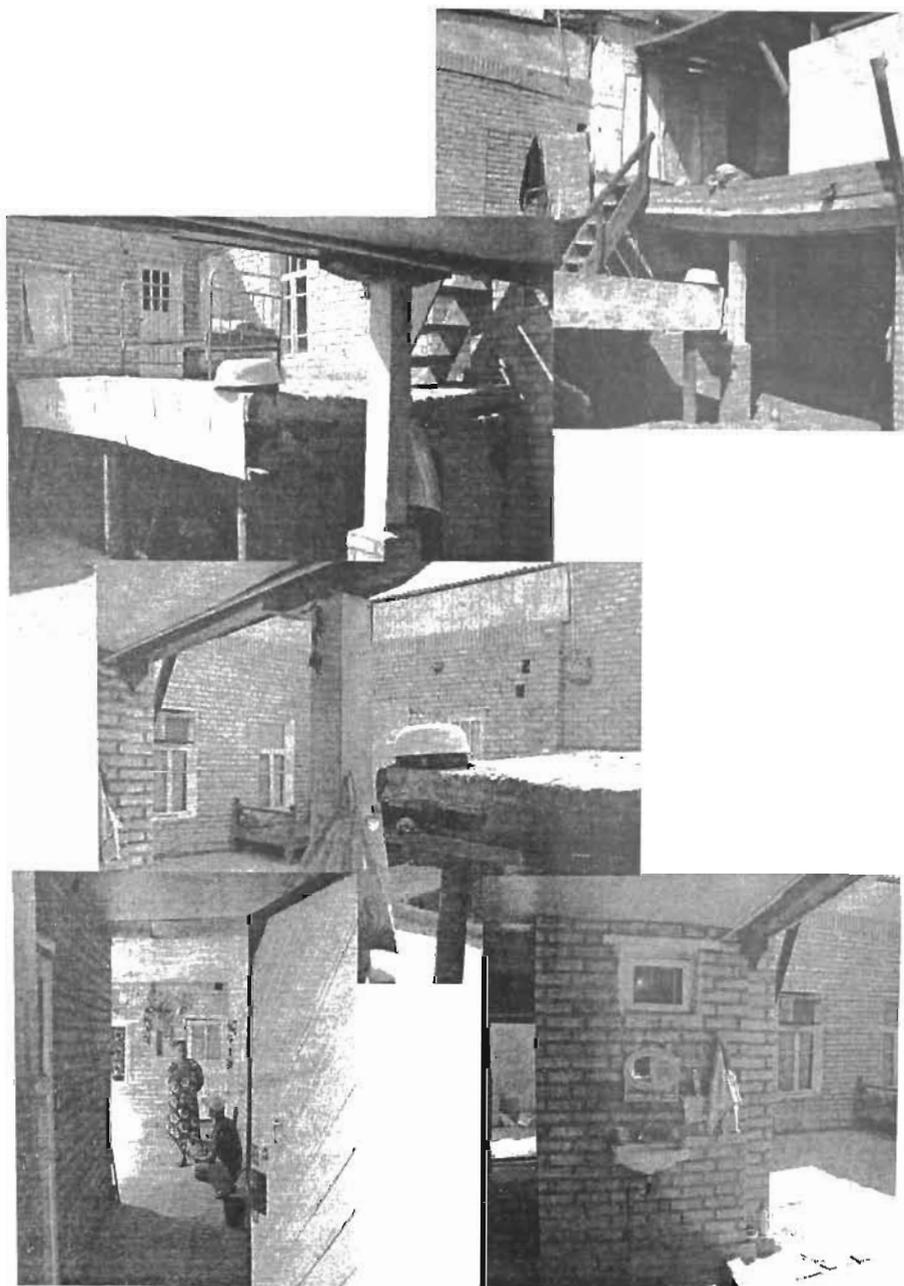
223. БУХАРА. ЖИЛОЙ ДОМ 22 НА УЛИЦЕ ГУЛОБОД. 2011 Г.

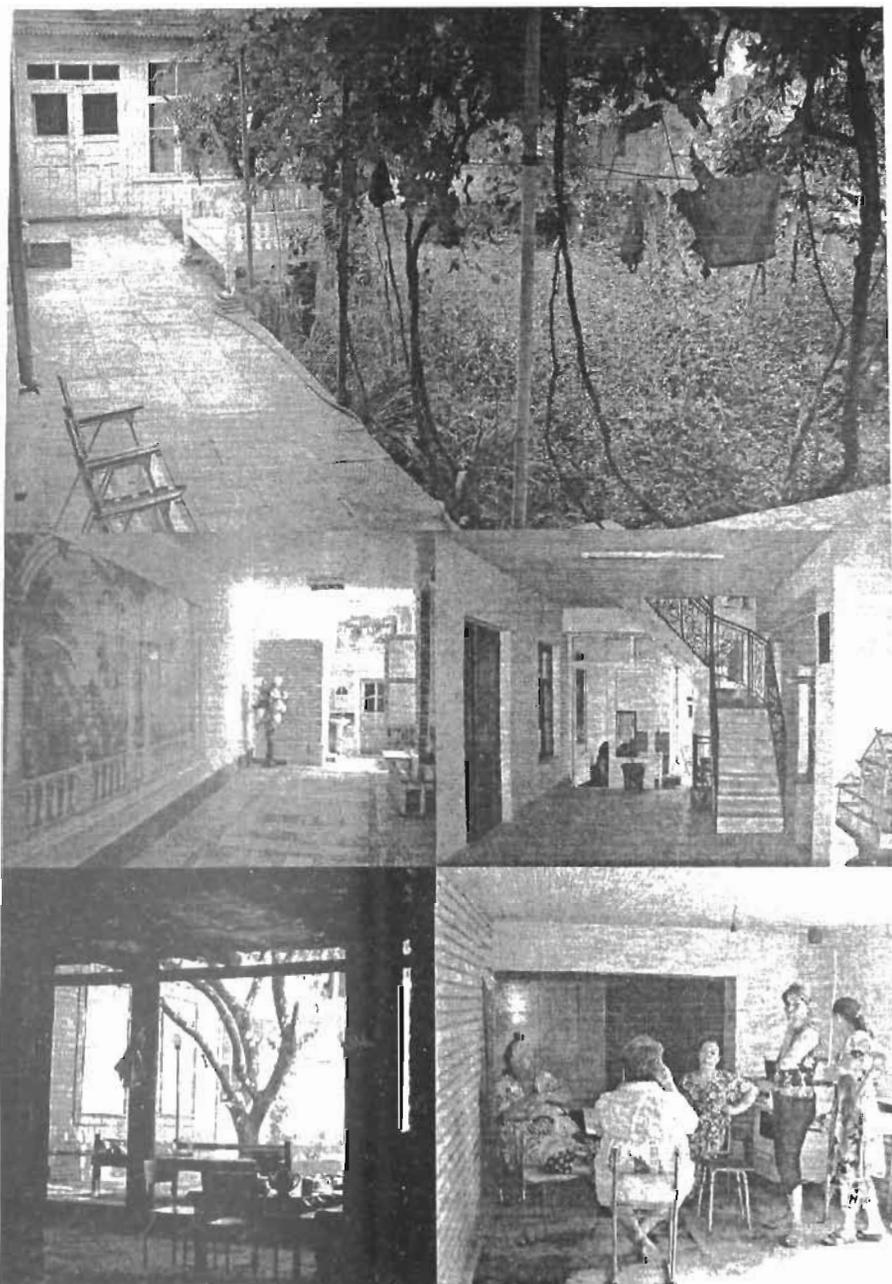
224. БУХАРА. ЖИЛОЙ ДОМ 5 НА УЛИЦЕ САРРОФОН. 2010 Г.

225. БУХАРА. ДОМ ЭМИРСКОГО САНОВНИКА НА УЛИЦЕ УСТО ШИРИН. 2010 Г.

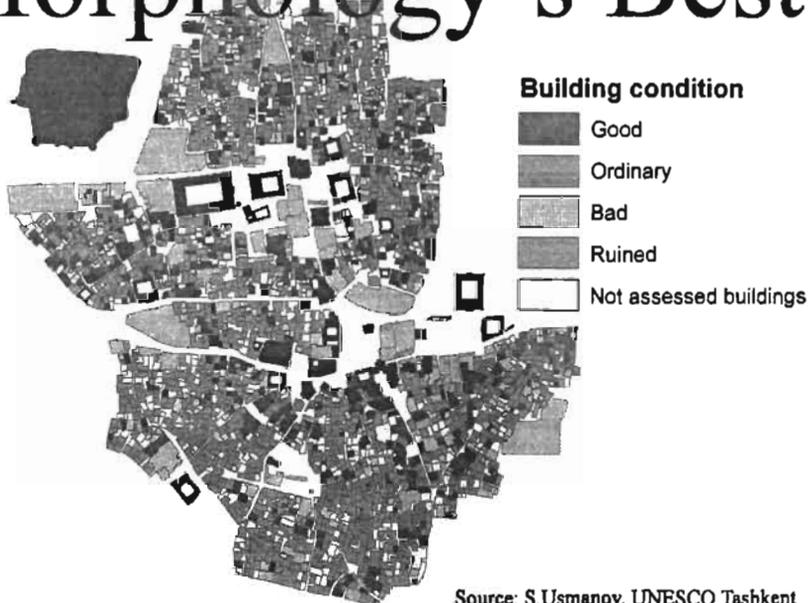
226. БУХАРА. ПРИМЕР НОВОГО ДОМА В ТРАДИЦИЯХ МНОГОВЕКОВЫХ КОМПОЗИЦИЙ.

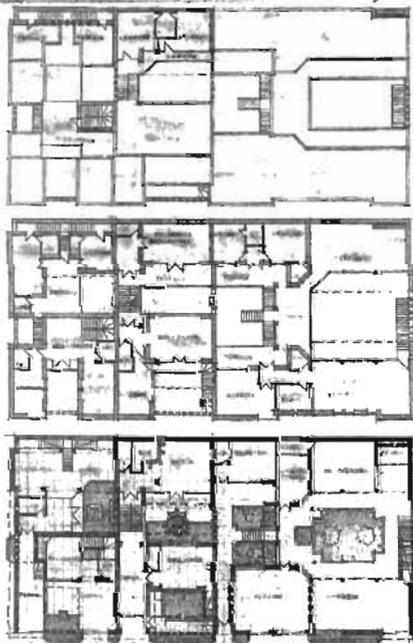
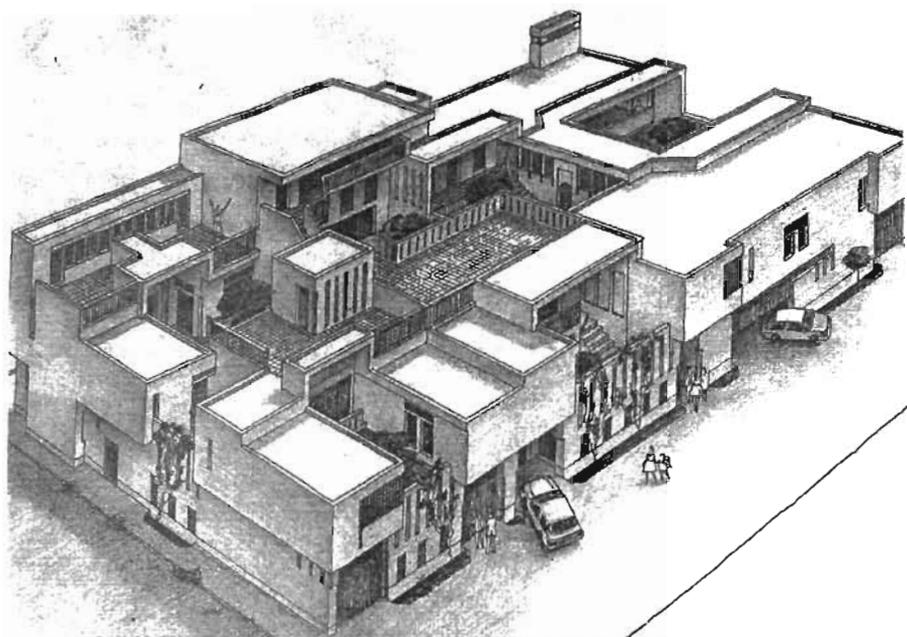
227. БУХАРА. ДОЛОН - ПРОХОД ИЗ УЛИЦЫ ВО ДВОР ЖИЛОГО ДОМА. 2010 Г.

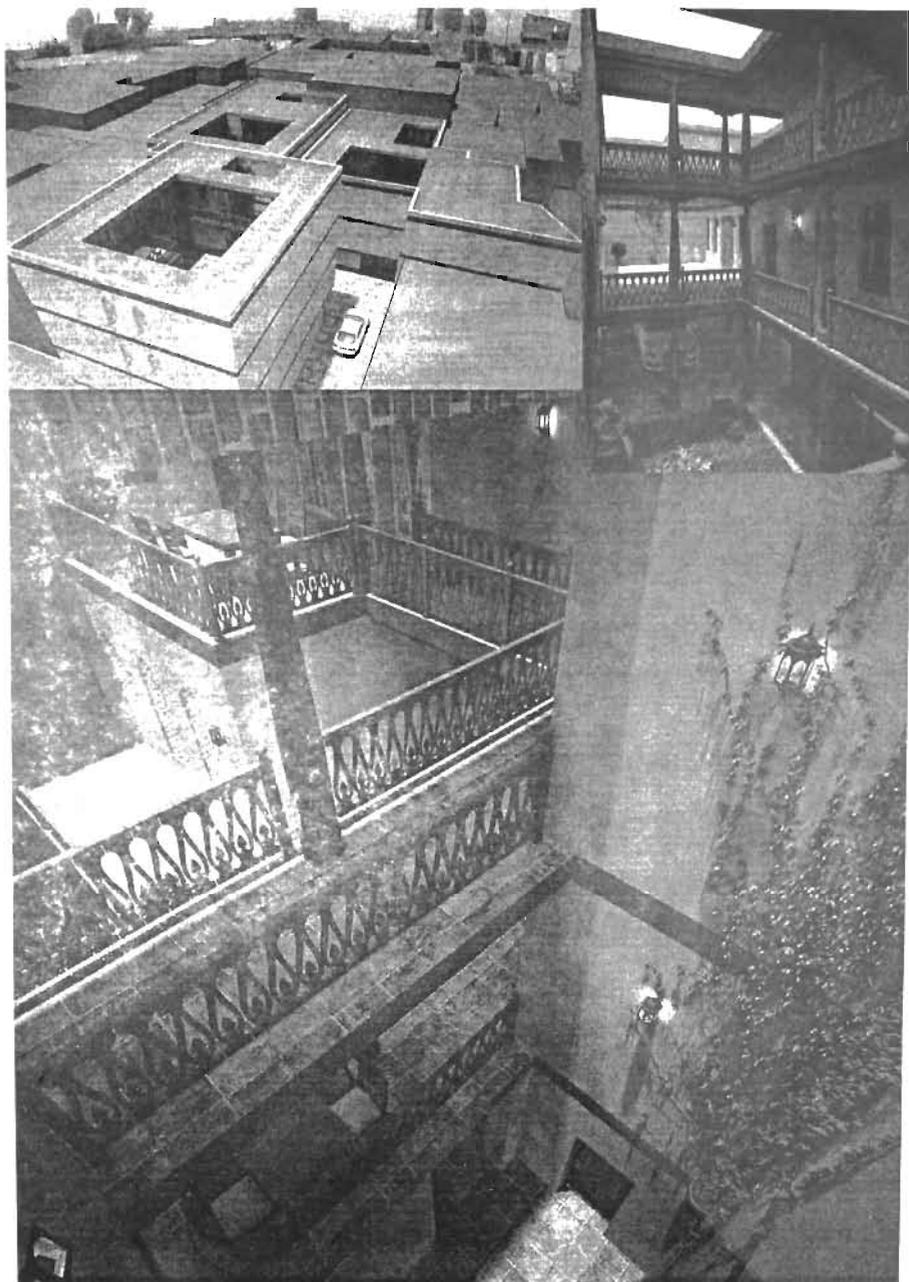
Morphology's Best

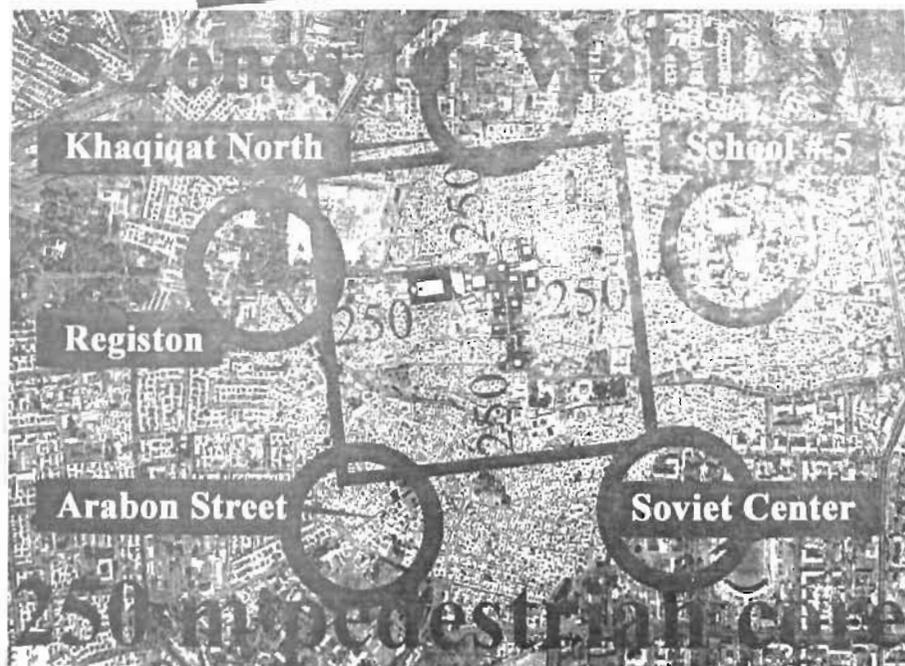
Source: S. Usmanov, UNESCO Tashkent

229. БУХАРА. МАЛОЭТАЖНЫЙ ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС. З.КЛЫЧЕВ, З.ШАРИПОВА. 2005 Г.

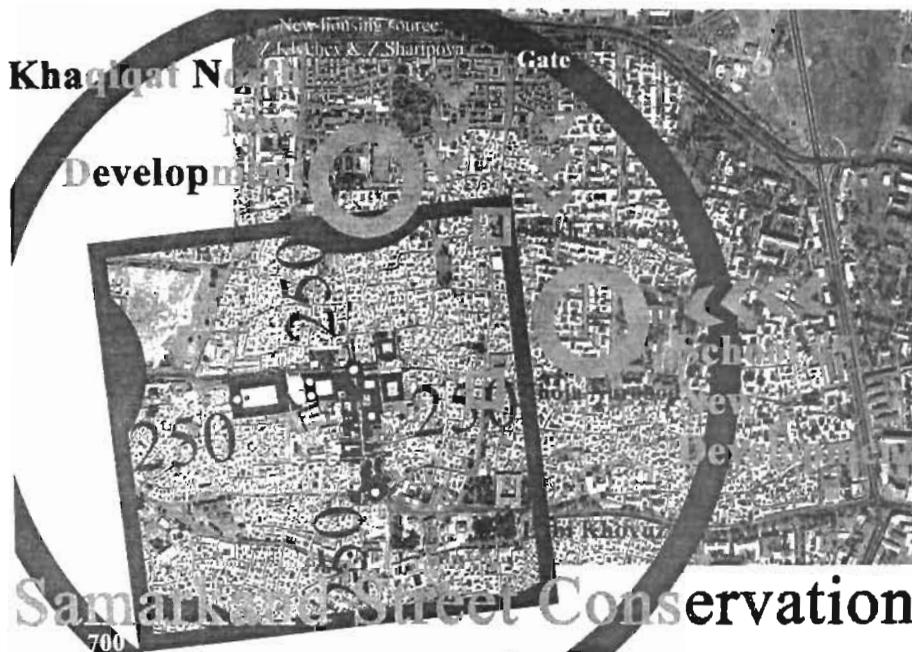
230. БУХАРА. ГОСТИНИЧНЫЙ КОМПЛЕКС. ДИПЛОМНИЦА Ш.МИРХАМИДОВА. 2011 Г.

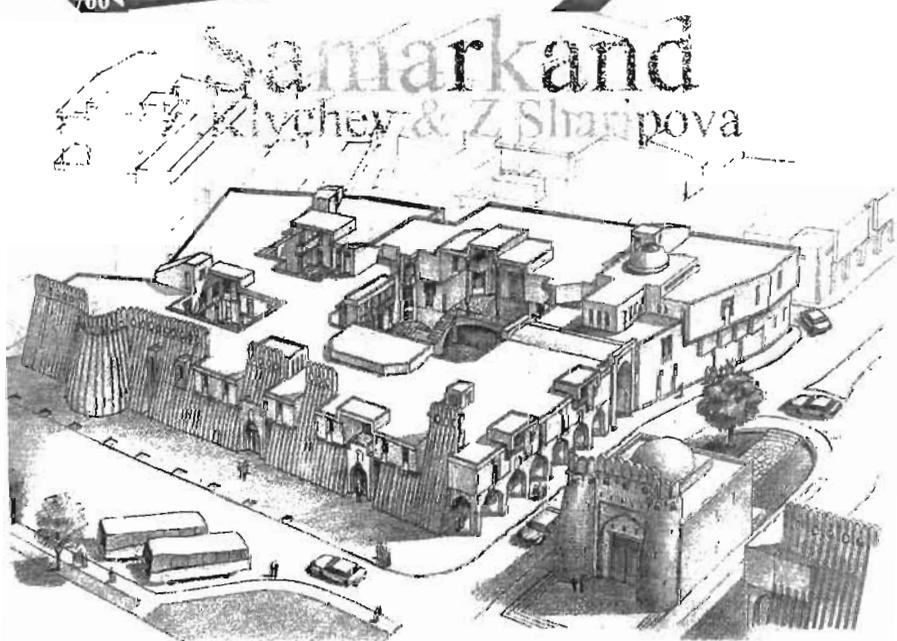
БУХАРА. 6 ЗОН ИСТОРИЧЕСКОГО ЯДРА И 250-МЕТРОВАЯ ПЕШЕХОДНАЯ ЗОНА. 2011 Г.

Khagiqat No. 2

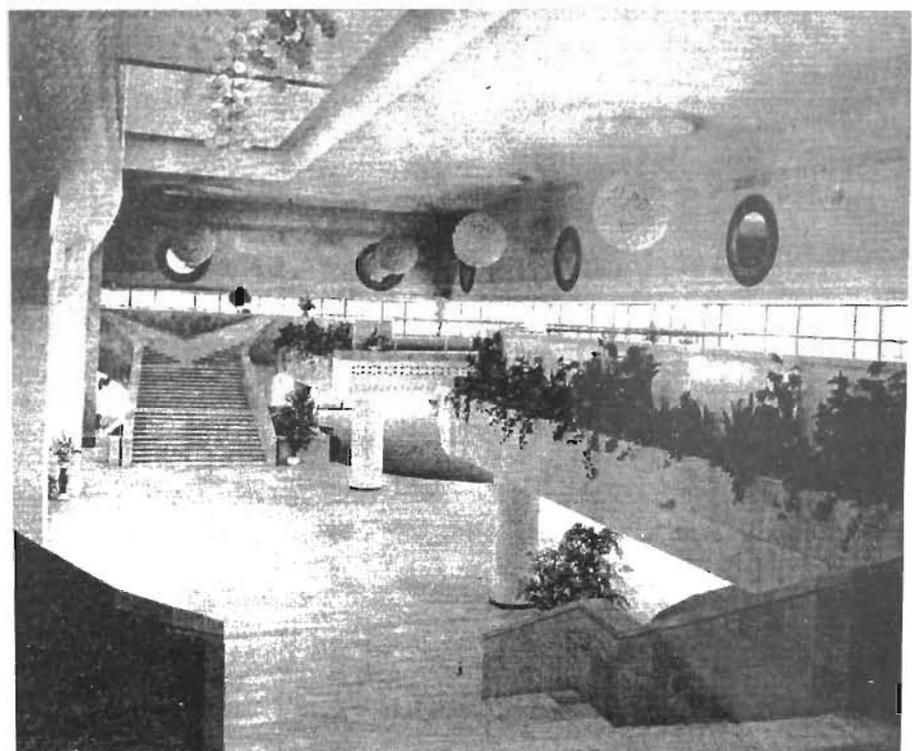
Development

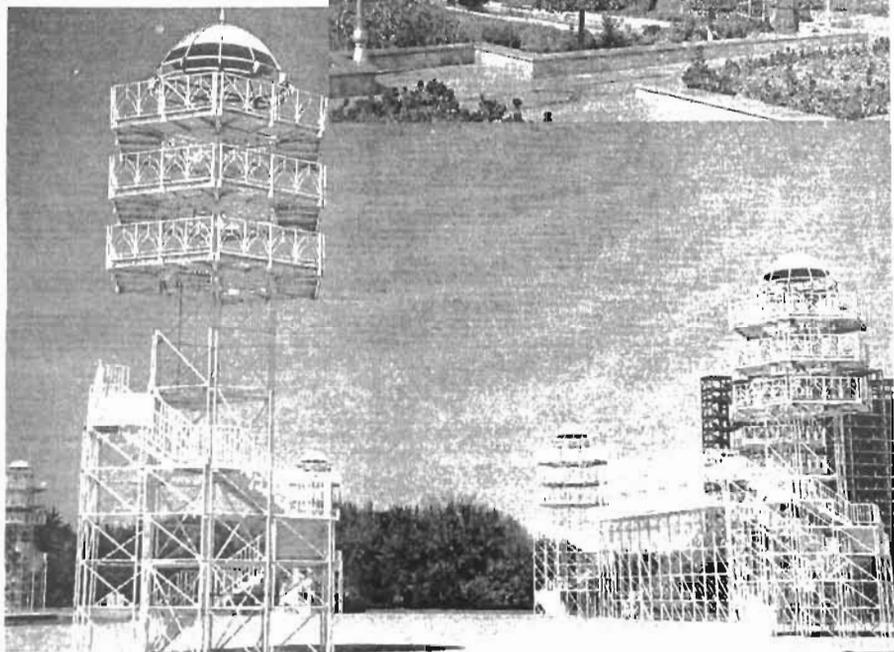
Samarkand Street Conservation

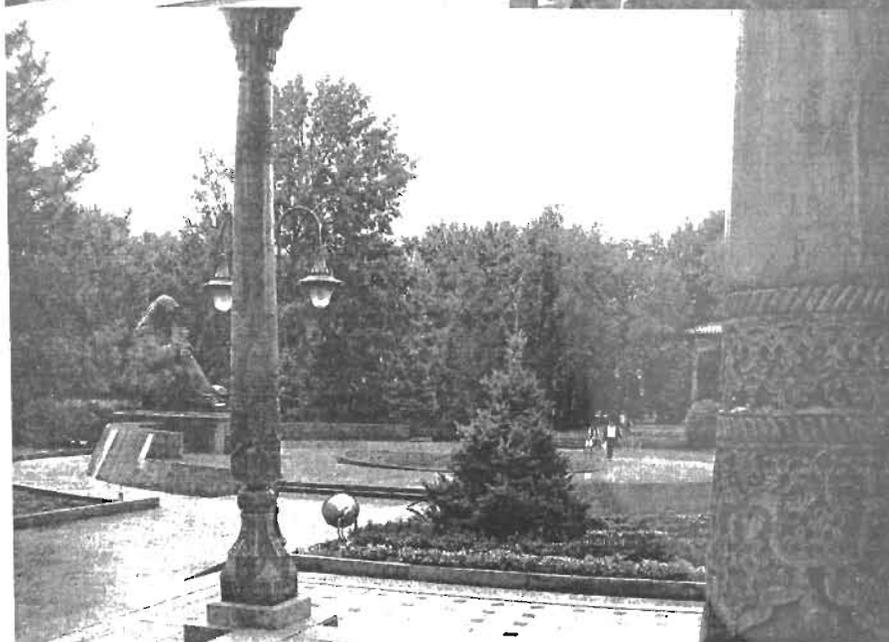
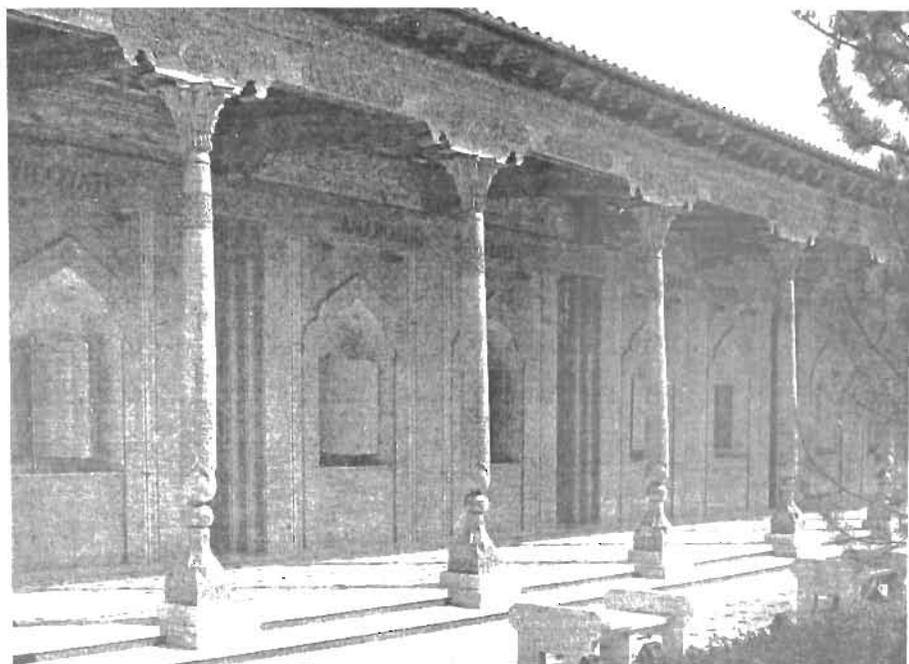
232. БУХАРА. ПРИМЕР СОХРАНЕНИЯ САМАРКАНДСКОЙ УЛИЦЫ. 2011 Г.

234. ТАШКЕНТ. ДВОРЕЦ ТУРКИСТОН. ХАЛДЕЕВ Ю.В., ТУРСУНОВ Ф.Ю. 1966-1992 ГГ.

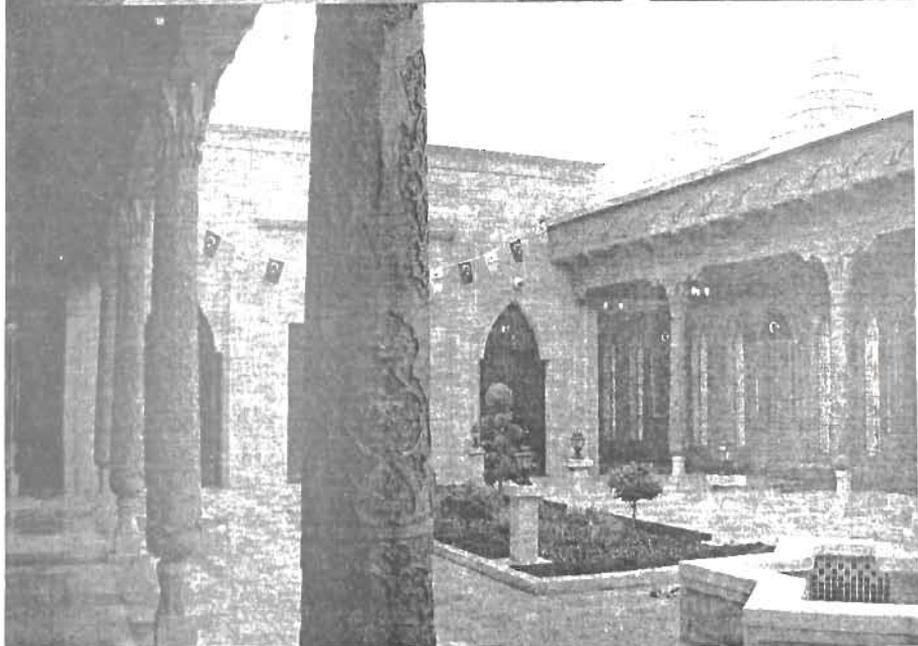
235. ТАШКЕНТ. ПЛОЩАДЬ МУСТАКИЛЛИК. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК. 1991-1997 ГГ.

236. ТАШКЕНТ. КОМПЛЕКС СКОРБЯЩЕЙ МАТЕРИ. АКОПДЖАНЫЯН В.А. И ДР. 1999 Г.

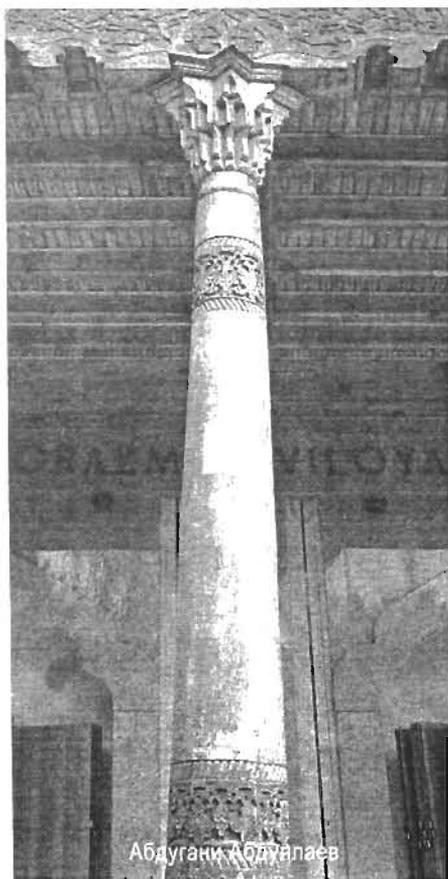
Площадь перед мемориалом.
Вдали — минаретный купол над мавзолеем Джалолиддина Руми

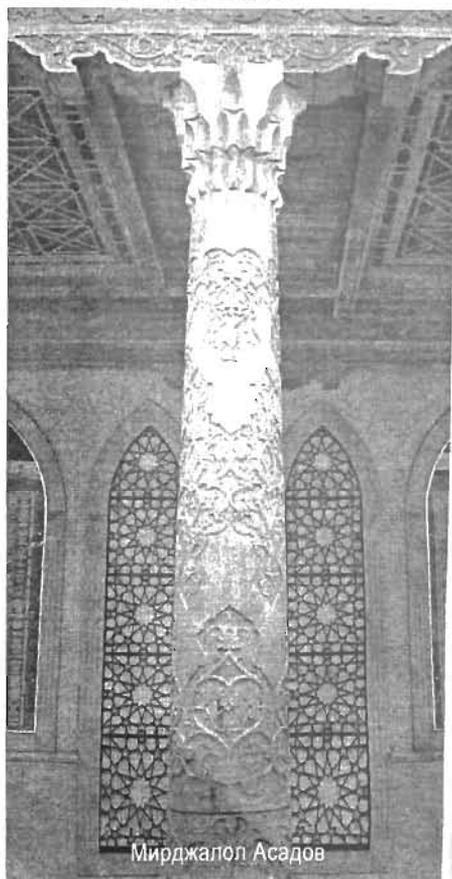
237. КОНЬЯ, ТУРЦИЯ. МЕМОРИАЛ ПАВШИМ В ВОЙНАХ. ОЗТОКЛУ М.,Х. 2008 Г.

Портал мемориала в Конье

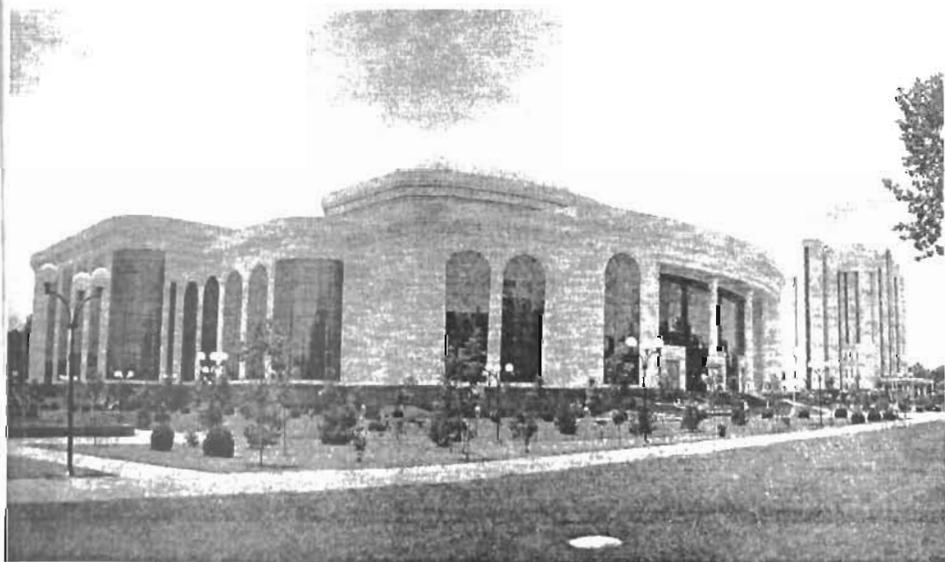
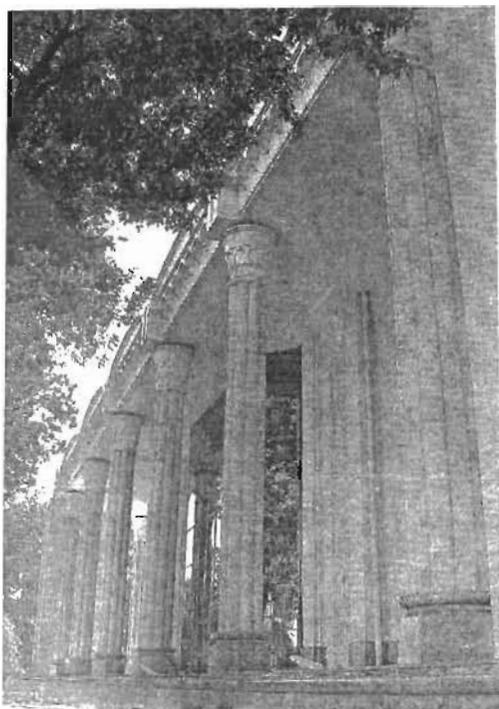

Абдугани Абдуллаев

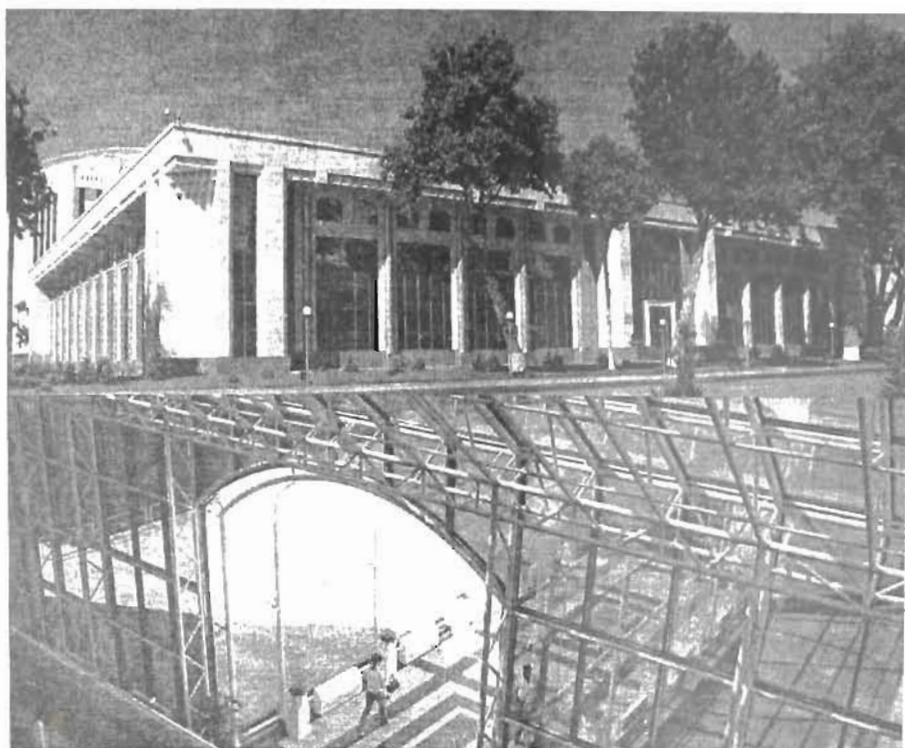

Мирджалол Асадов

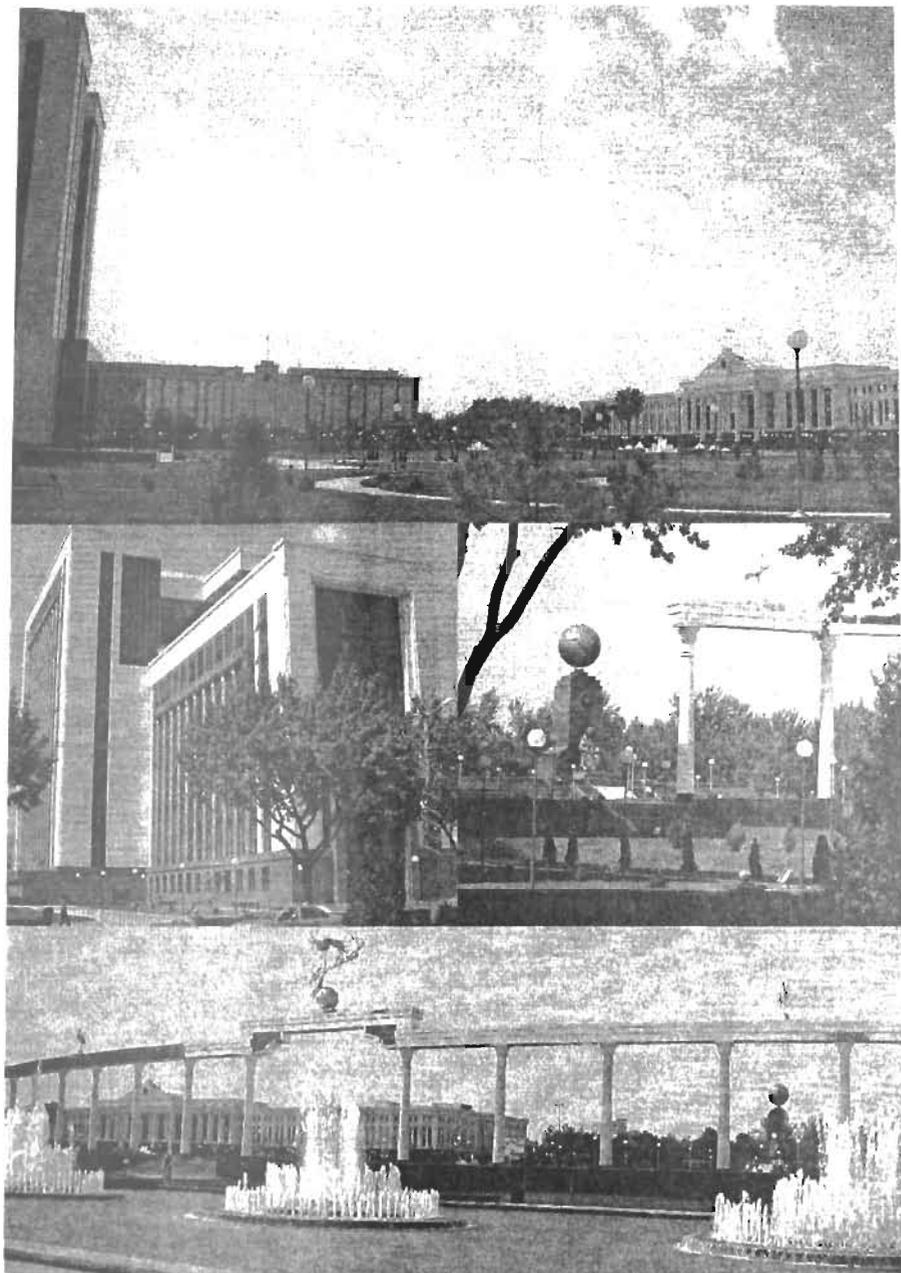
238. ТАШКЕНТ-КОНЬЯ. КОЛОННЫ А.АБДУЛЛАЕВА И М.АСАДОВА. 1999-2008 ГГ.

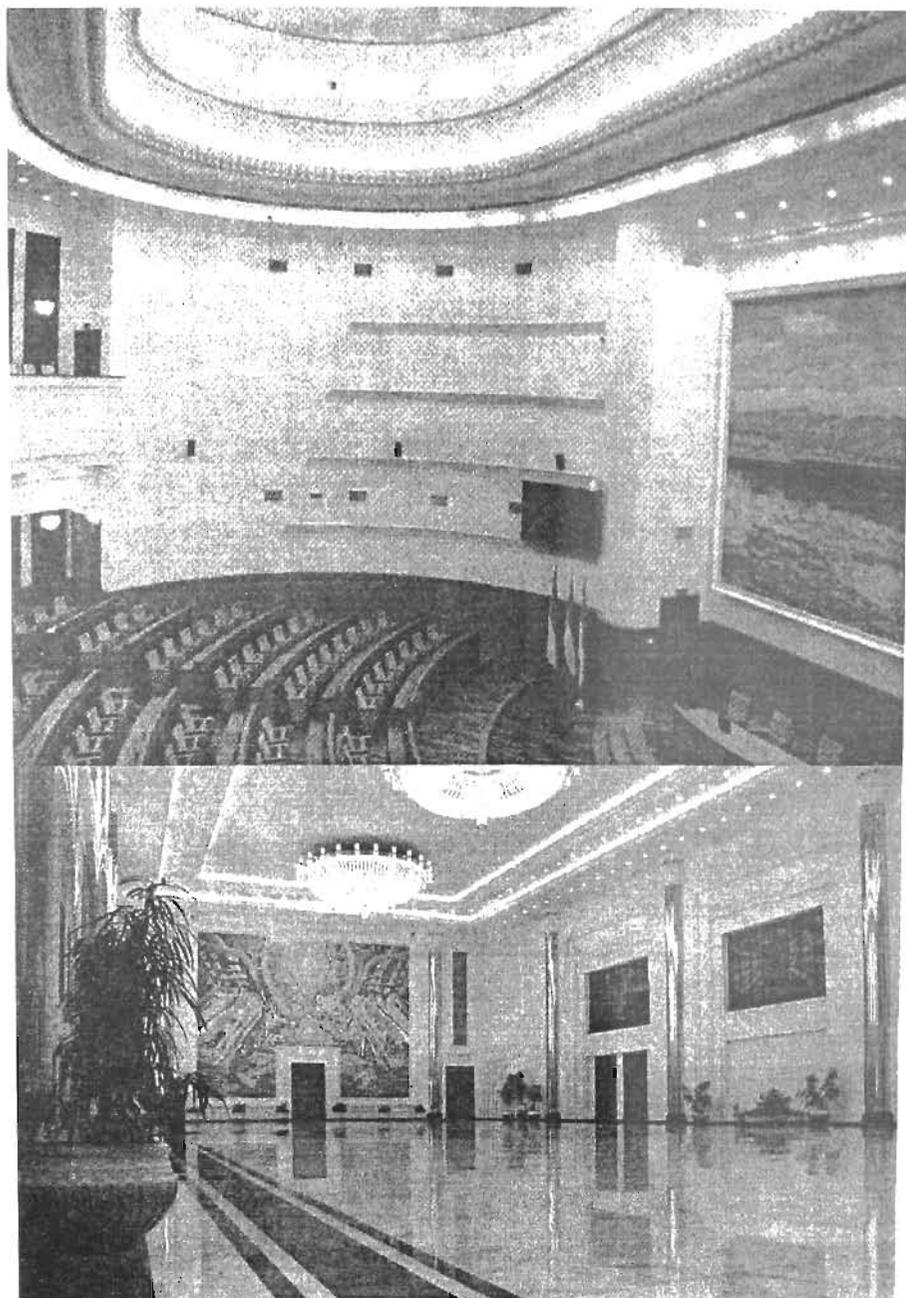
139. ЦЕНТР ПРОСВЕЩЕНИЯ. 2012 Г. БИЗНЕС-ЦЕНТР. 2008 Г. ГАЛЕРЕЯ ИСКУССТВ. 2004 Г.

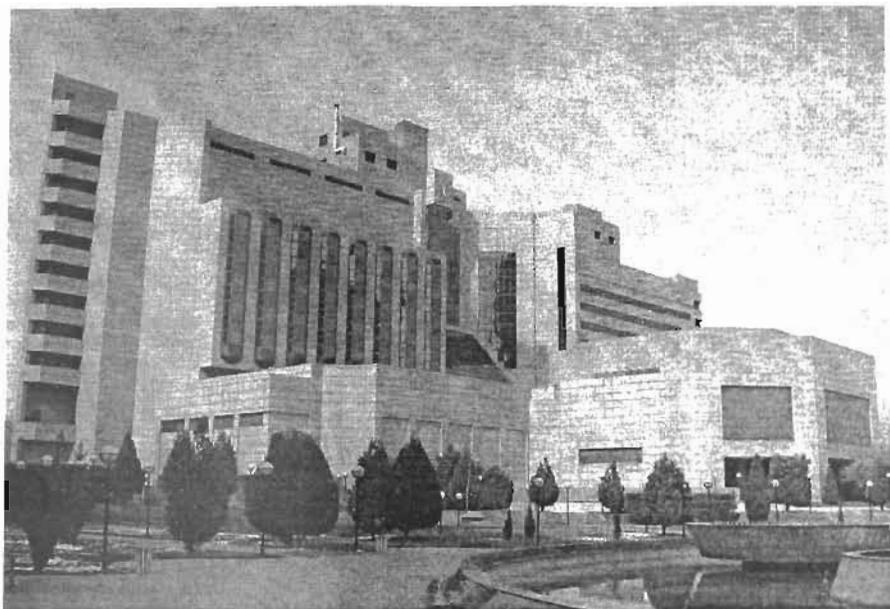
240. ТАШКЕНТ. КАЗНАЧЕЙСТВО. КАЛИСЛАМОВ А.И., БРЕУСЕНКО В.Н. И ДР. 2009 Г.

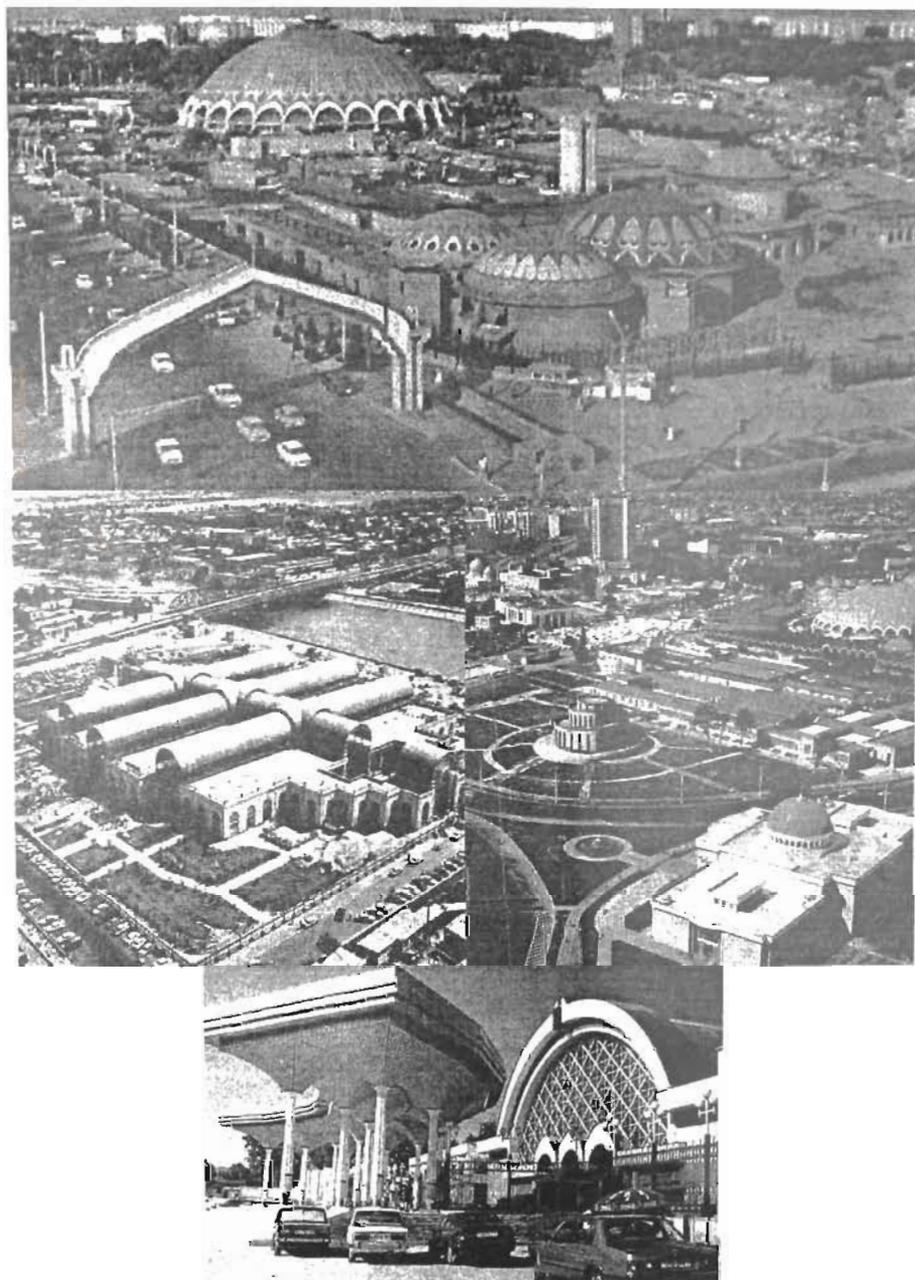
241. ТАШКЕНТ. ПЛОЩАДЬ МУСТАКИЛЛИК. 1991-2005 ГГ.

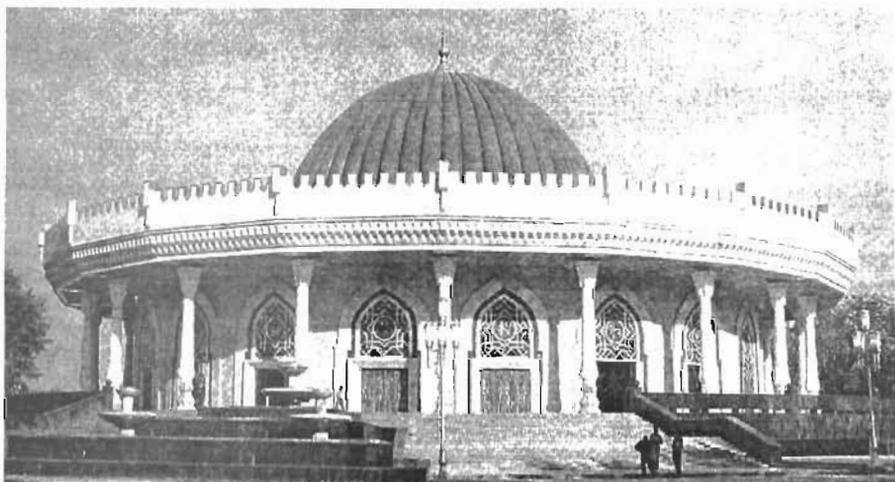
242. ТАШКЕНТ. ПЛОЩАДЬ МУСТАКИЛЛИК. СЕНАТ. ФОЙЕ И ЗАЛ. 2005 Г.

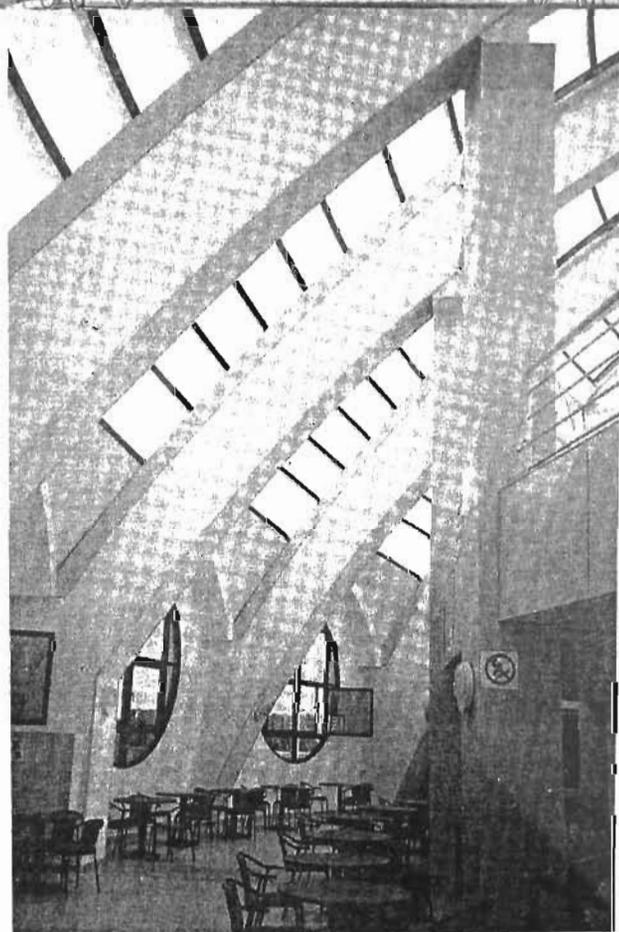
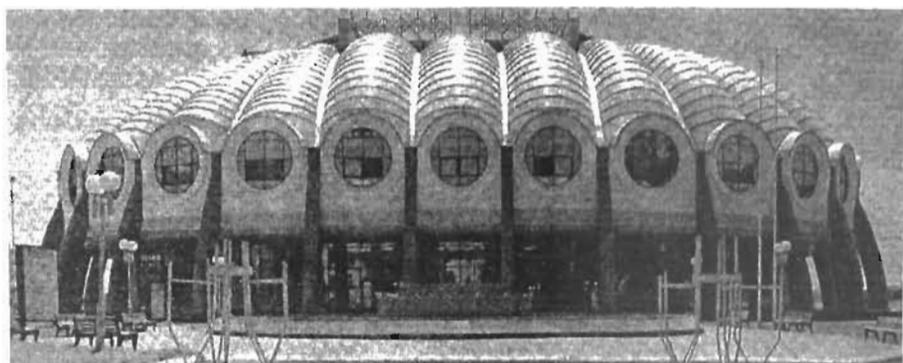
243. TASHKENT-PLAZA, БИЗНЕС ЦЕНТР, НБУ, ОТЕЛЬ ИНТЕРКОНТИНЕНТАЛЬ. 1995-2000 ГГ.

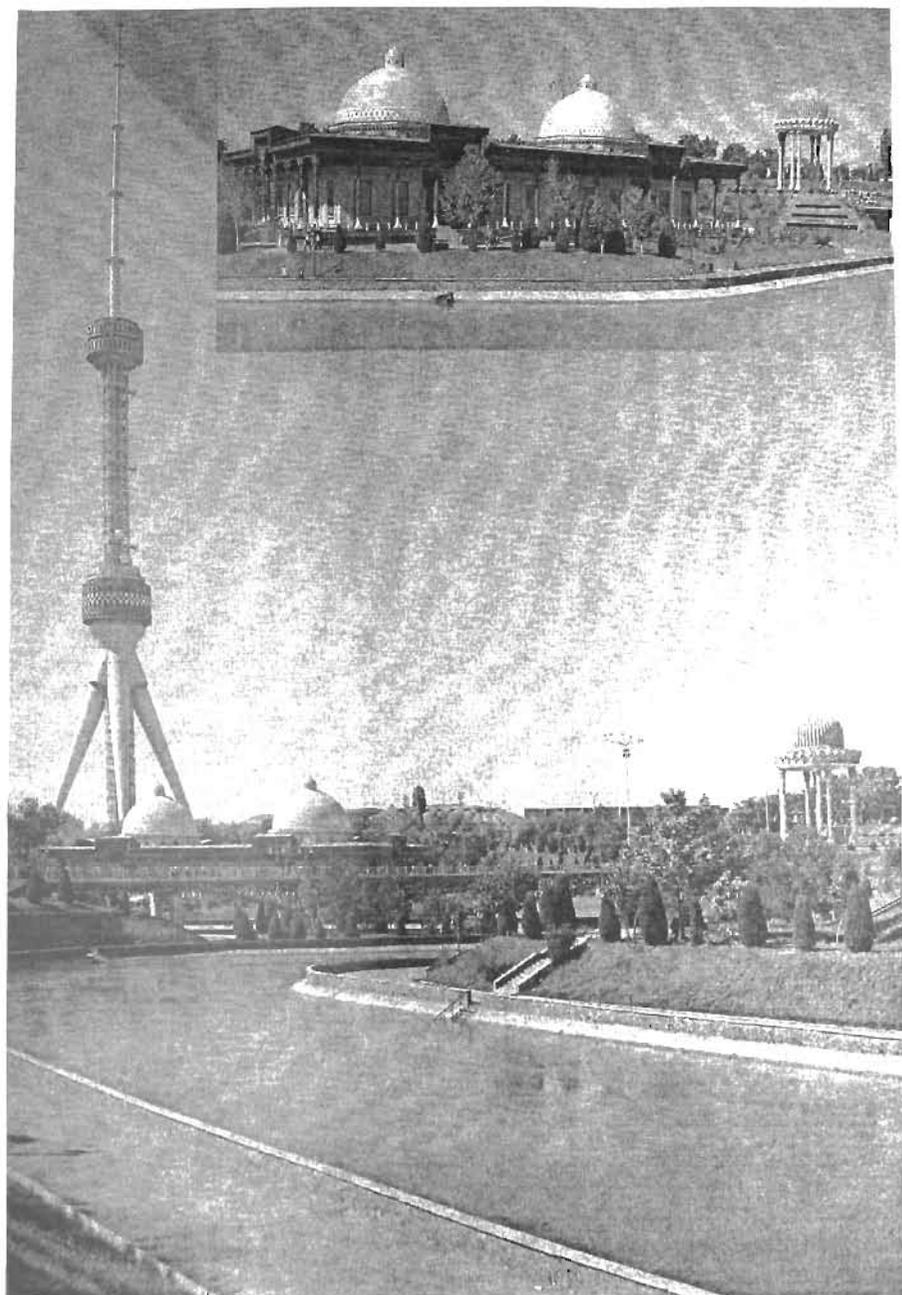
244. ТАШКЕНТ. БАЗАРЫ АЛАЙСКИЙ, БЕКТЕМИРСКИЙ, СТАРОГОРОДСКОЙ. 1990-Е ГГ.

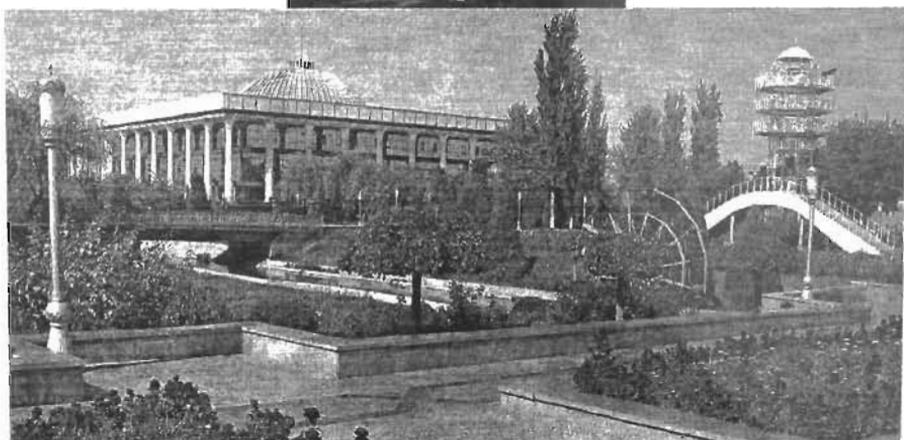
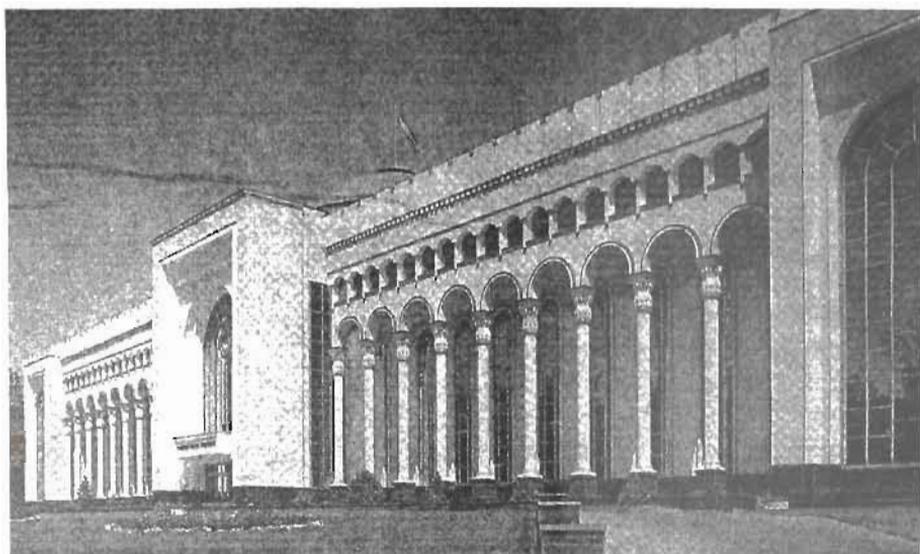
245. ТАШКЕНТ-САМАРКАНД. МУЗЕЙ ТЕМУРИДОВ. ПАМЯТНИК АМИРУ ТЕМУРУ. 1995 Г.

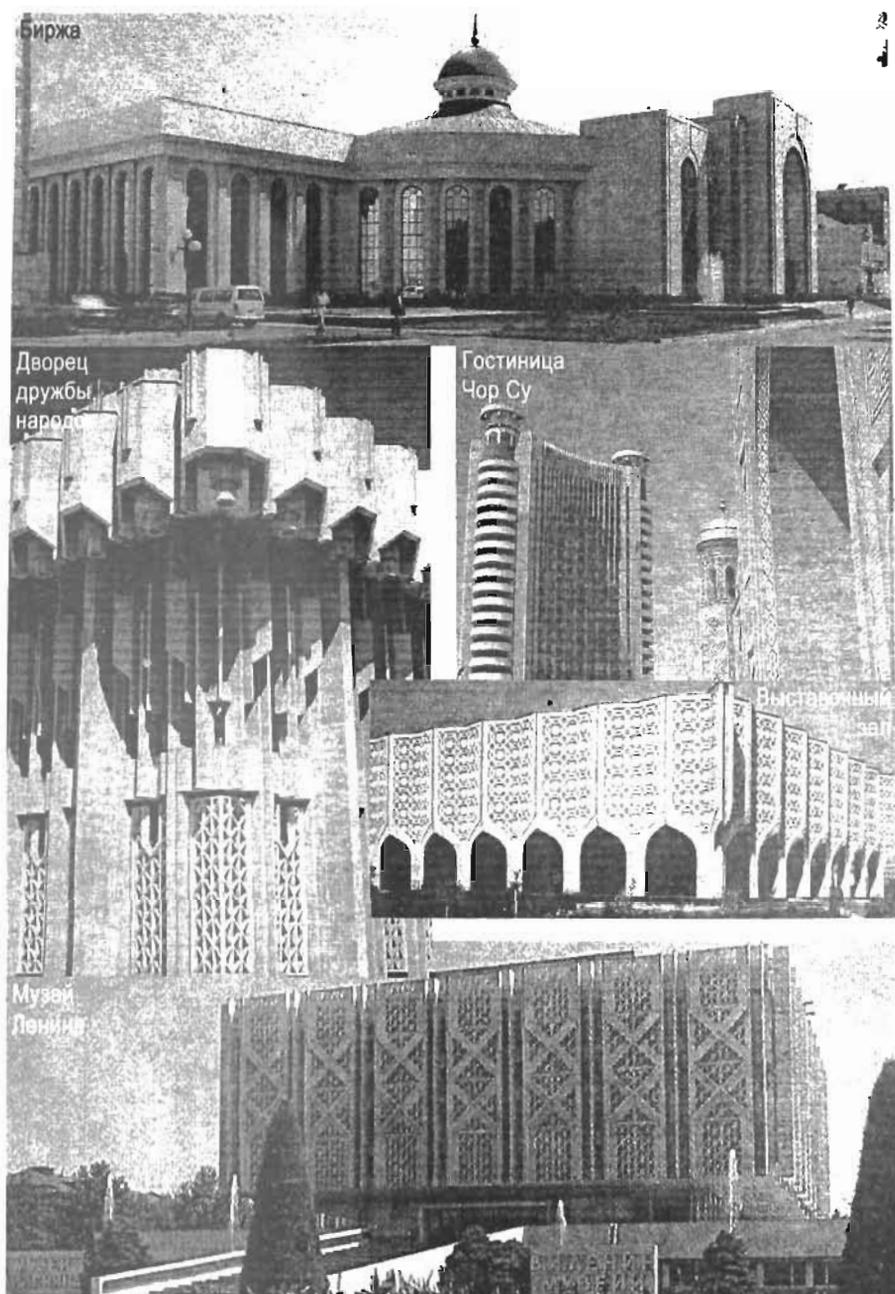
246. ТАШКЕНТ. КРЫТЫЙ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОРТ. АКОПДЖАНЫАН В.А.1997 Г.

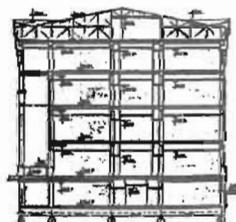
247. ТАШКЕНТ. МЕМОРИАЛ ШАХИДАМ, ЖЕРТВАМ РЕПРЕССИЙ. 2002 Г.

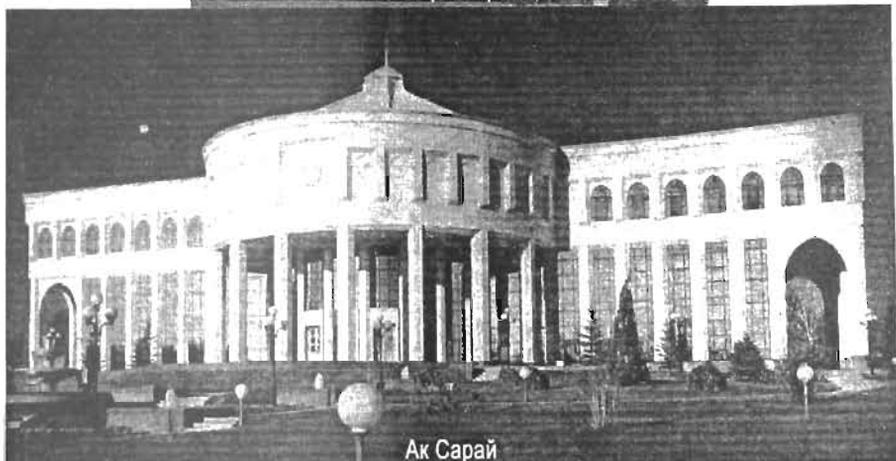

248. ТАШКЕНТ. ОЛИЙ МАЖЛИС. 1997 Г. ГОРОДСКОЙ ХОКИМИЯТ. 1997 Г.

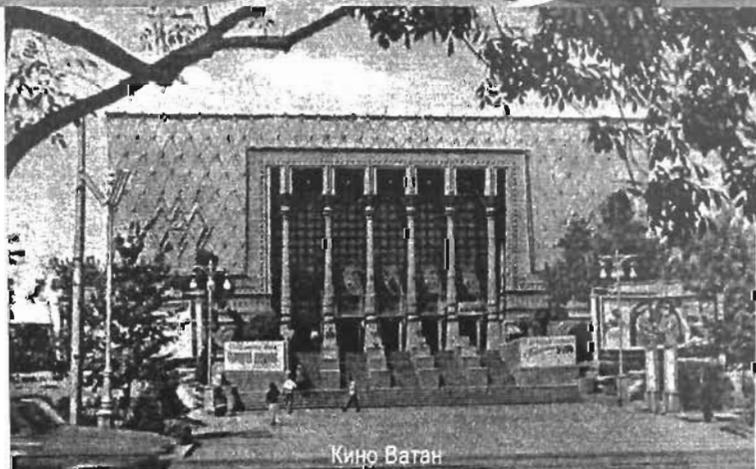
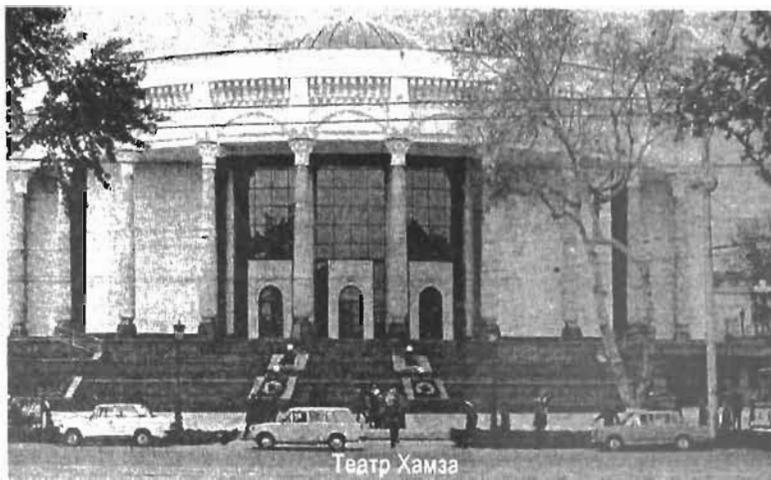

249. ТАШКЕНТ. ОТ СОВЕТСКИХ ФАСАДОВ-ШИРМ К КЛАССИЦИЗМУ НЕЗАВИСИМОСТИ.

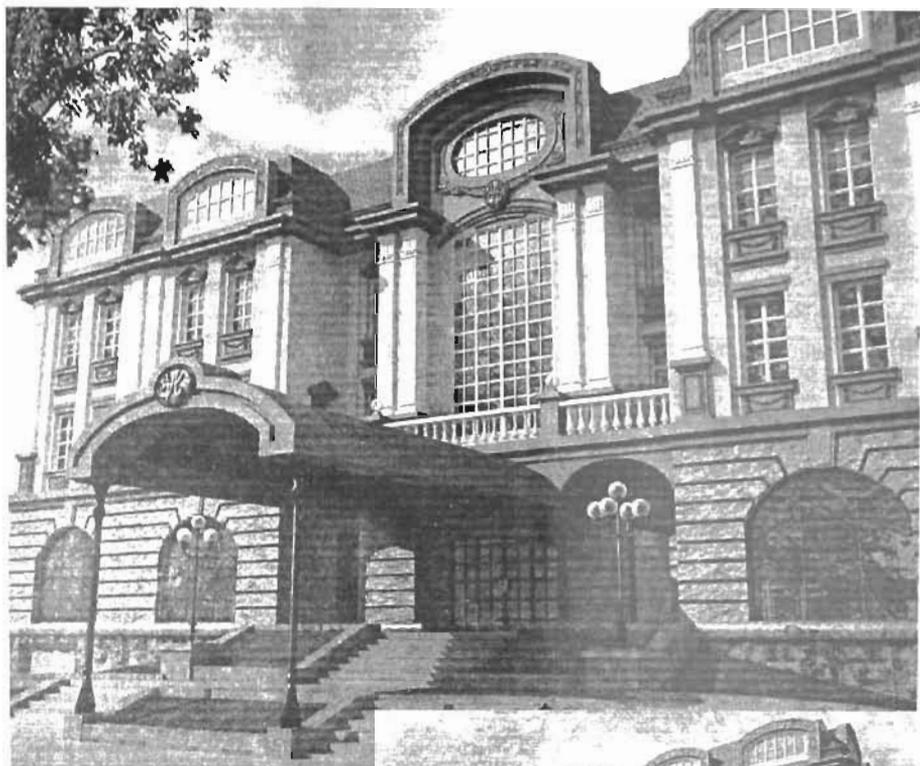
251. ВАШИНГТОН-АСТАНА. ВЛИЯНИЕ ДИПЛОМАТИИ НА КЛАССИЦИЗМ. 1792-2004 ГГ.

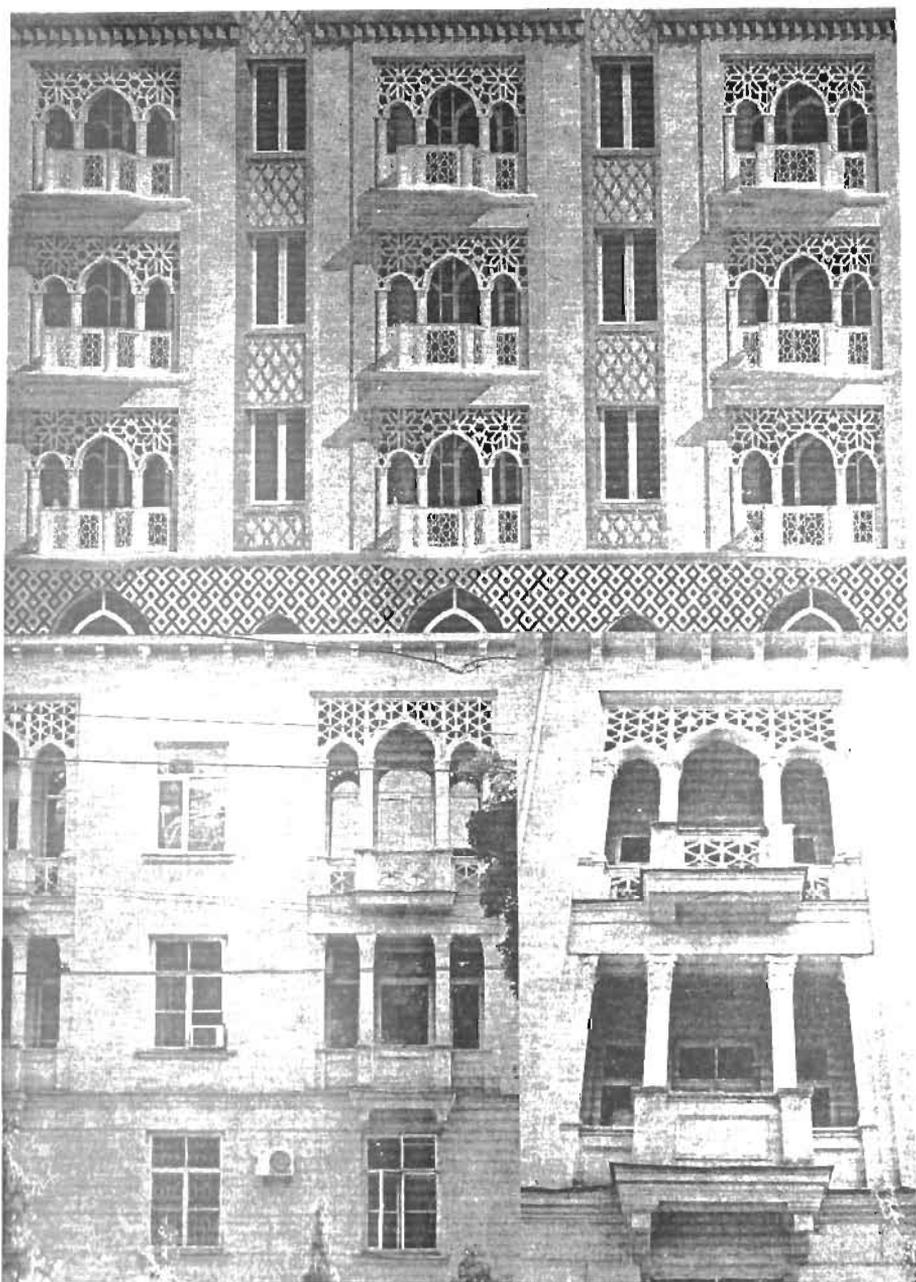
252. ТАШКЕНТ. ОТ КИНО ВАТАН (1939 Г.) К ТЕАТРУ ХАМЗА (2001 Г.). РАХИМОВ У.Х.

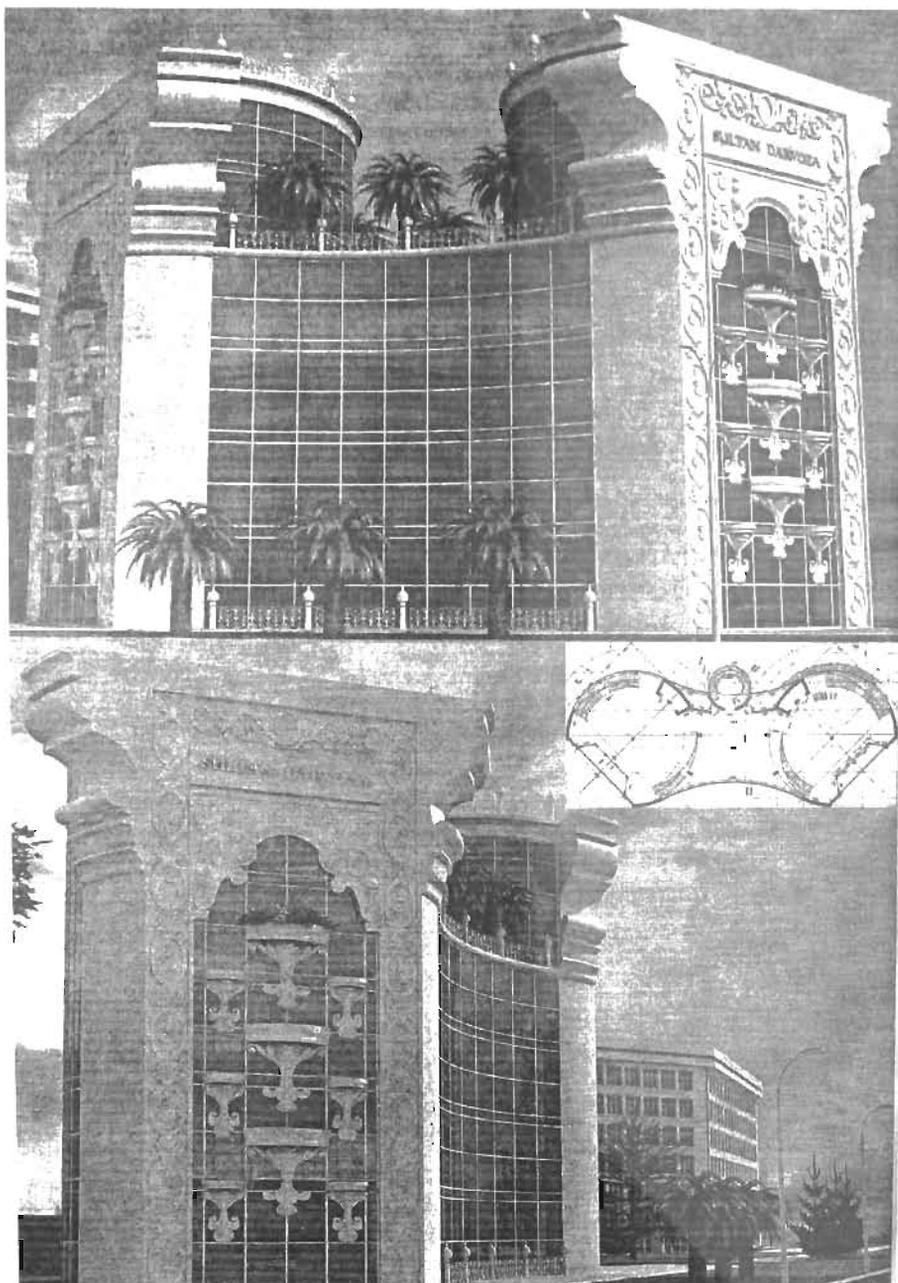
253. ТАШКЕНТ. ДВОРЕЦ ФОРУМОВ УЗБЕКИСТАН. РАХИМОВ У.Х., КИМ В.Г. 2009 Г.

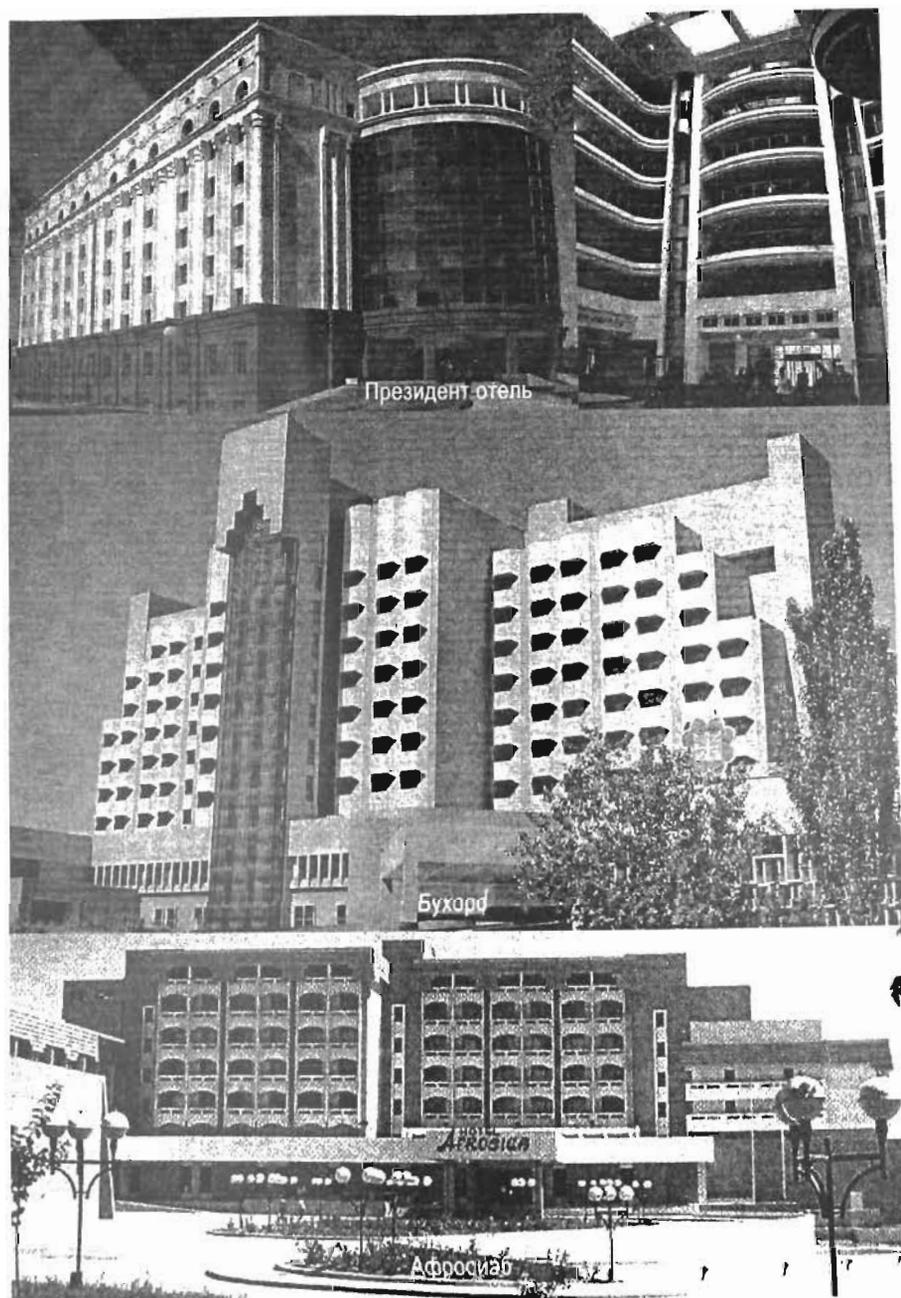
254. ТАШКЕНТ. ГОСТИНИЦА АВСТРИЯ. АДЫЛОВ Р.Н., ДАДАЯН А.А. 2005 Г.

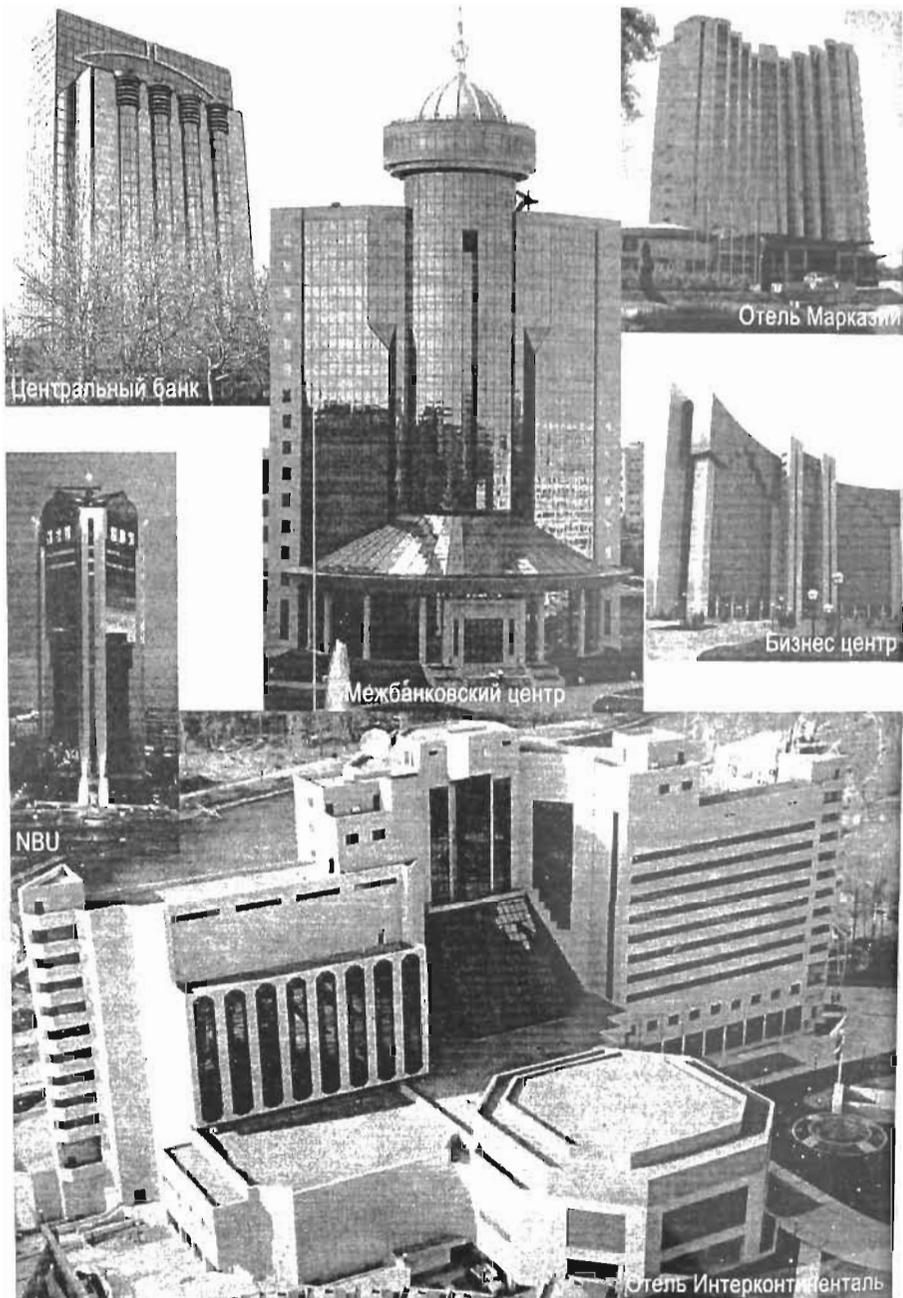
255. ТАШКЕНТ. ДОМ НА УЛИЦЕ НАВОИ. БУЛАТОВ М.С. 1948 Г. АКМАЛАЕВ А.Д. 2011 Г.

256. ТАШКЕНТ. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЦЕНТР СУЛТАН-ДАРВАЗА. АКМАЛАЕВ А.Д. 2012 Г.

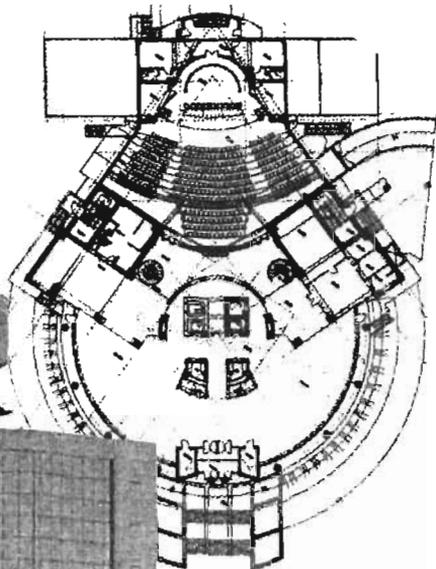
257. САМАРКАНД-БУХАРА. ГОСТИНИЦЫ АФРОСИАБ, БУХОРО, ПРЕЗИДЕНТСКАЯ.

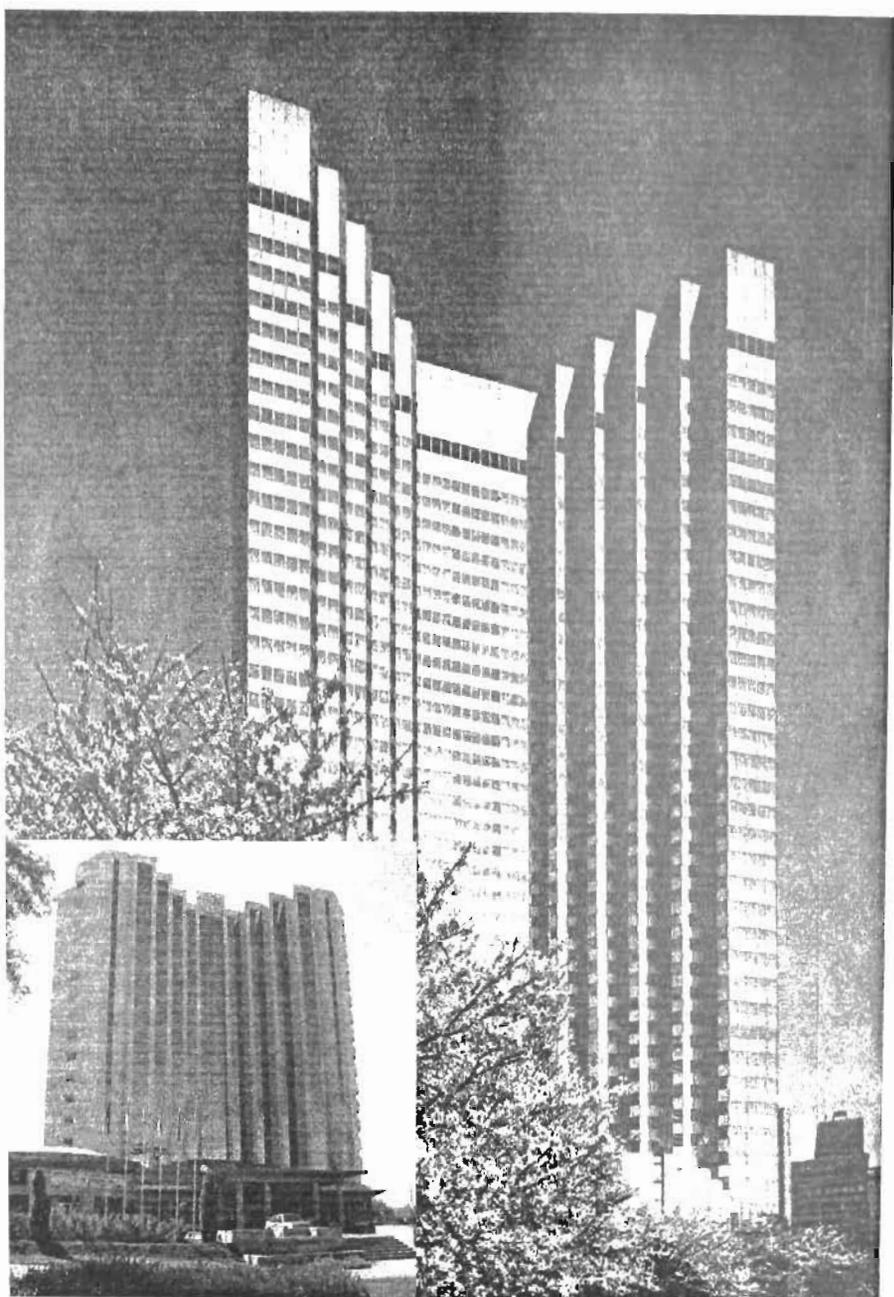
258. ТАШКЕНТ. НОВАЯ АРХИТЕКТУРА КОРПОРАТИВНОГО СТИЛЯ. 1995-2000 ГГ.

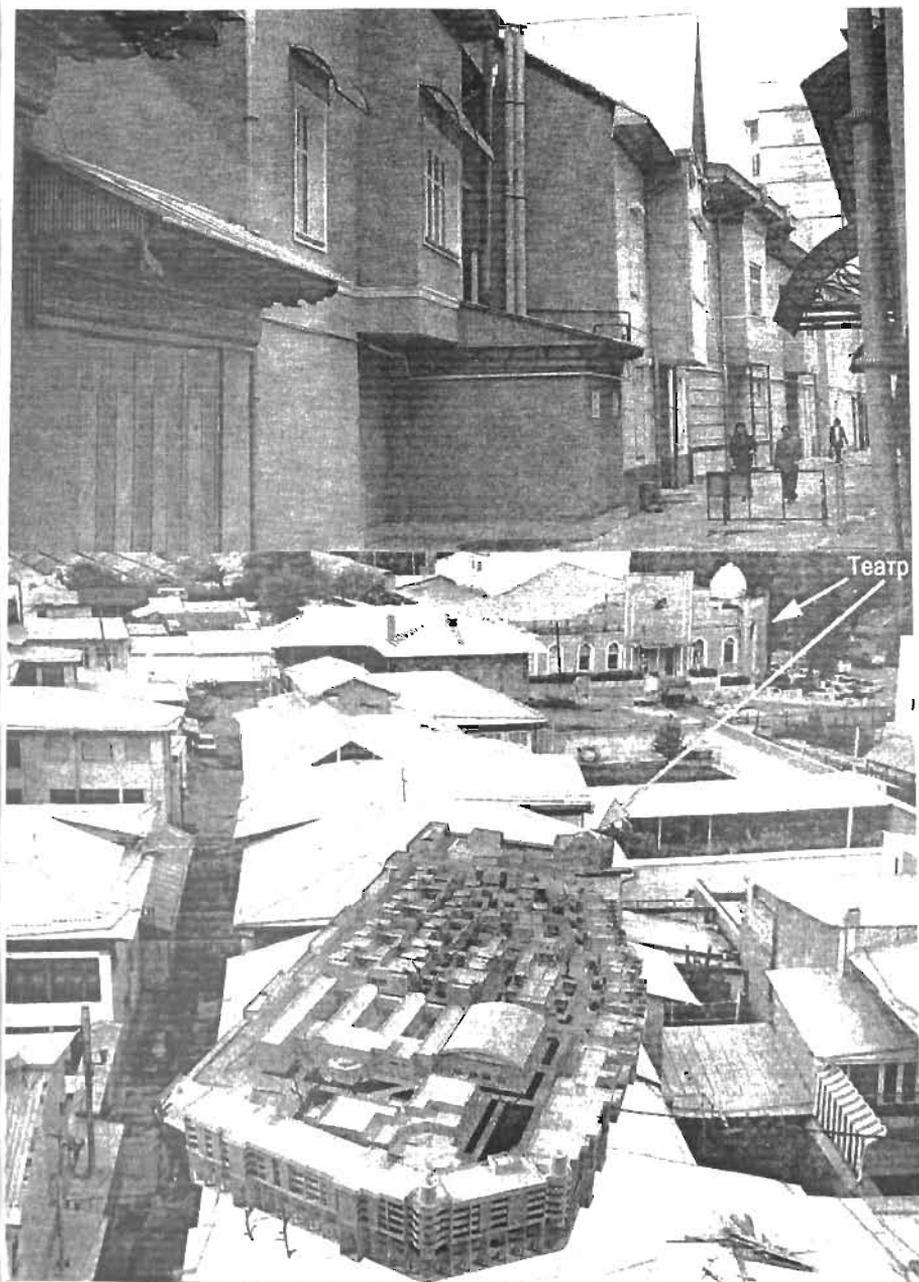
Водонапорные
башни,
Кувейт,
конец 1970-х гг.

259. ТАШКЕНТ. МЕЖБАНКОВСКИЙ ЦЕНТР. МАНАСЕВИЧ Д. И ЭНЕРГОПРОЕКТ. 2000 Г.

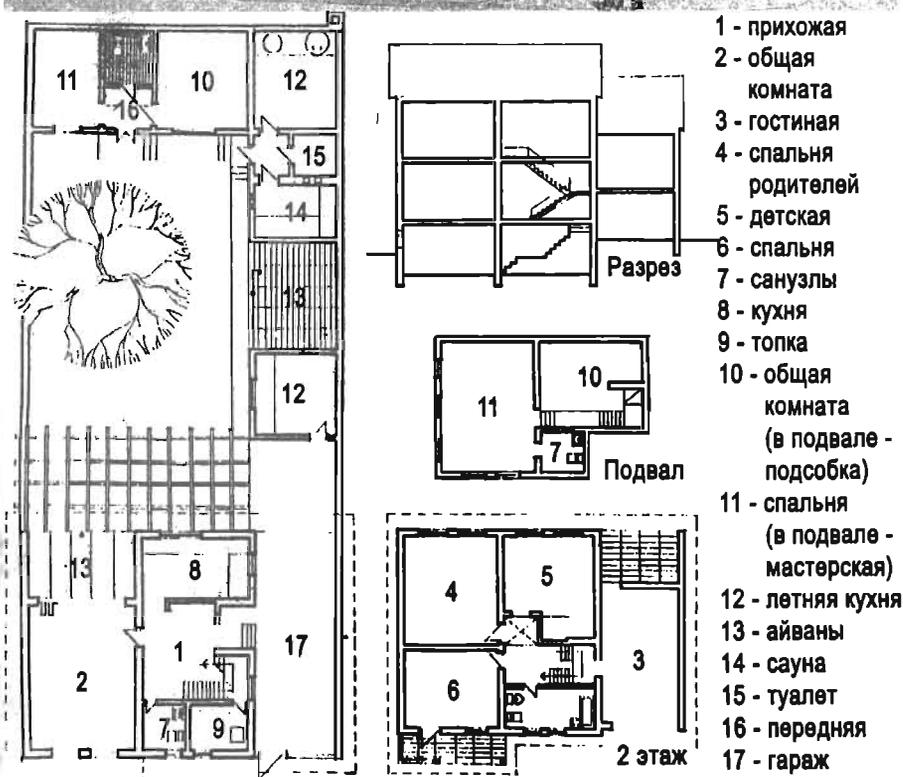
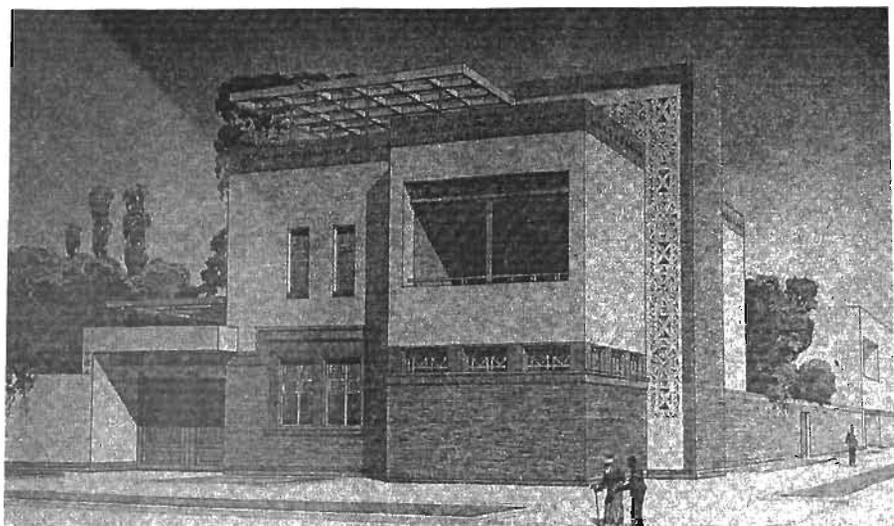
260. ТОКИО-ТАШКЕНТ. ОТЕЛИ. АКАСАКА ПРИНС (1972-82 ГГ.) И МАРКАЗИЙ (1999 Г.)

281. ТАШКЕНТ. МАХАЛЛЯ ГУЛБОЗОР. МАКЕТ И ЗАСТРОЙКА. НАЧАЛО 1990-Х ГГ.

262. ТАШКЕНТ. МАХАЛЛЯ КАРАТАШ. МЕЧЕТЬ И ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА. НАЧАЛО 1990-Х ГГ.

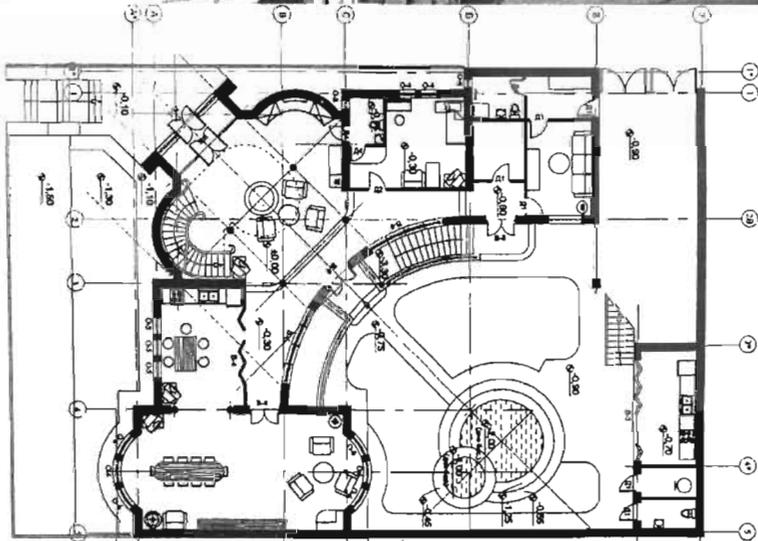

83. ПРОЕКТ ЖИЛОГО ДОМА С ИСПОЛЬЗУЕМОЙ КРЫШЕЙ ДЛЯ БОЛЬШИХ СЕМЕЙ. 1966 Г.

Самарканд.
Жилой дом на улице Хакикат

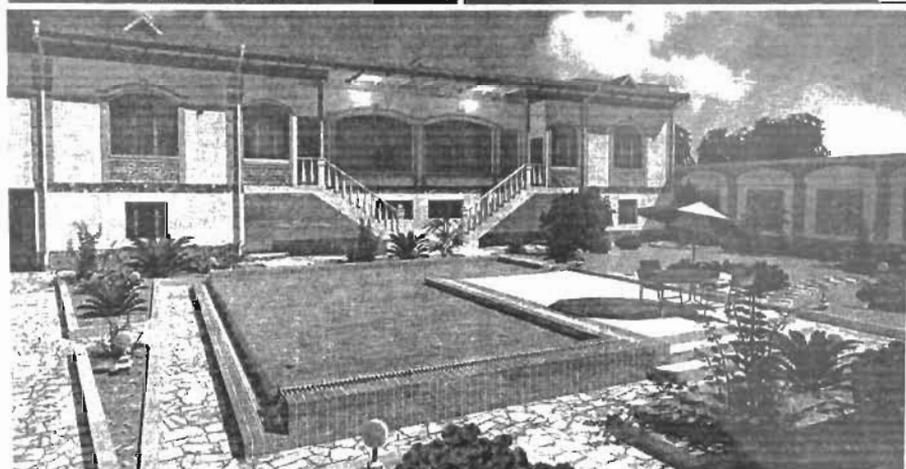
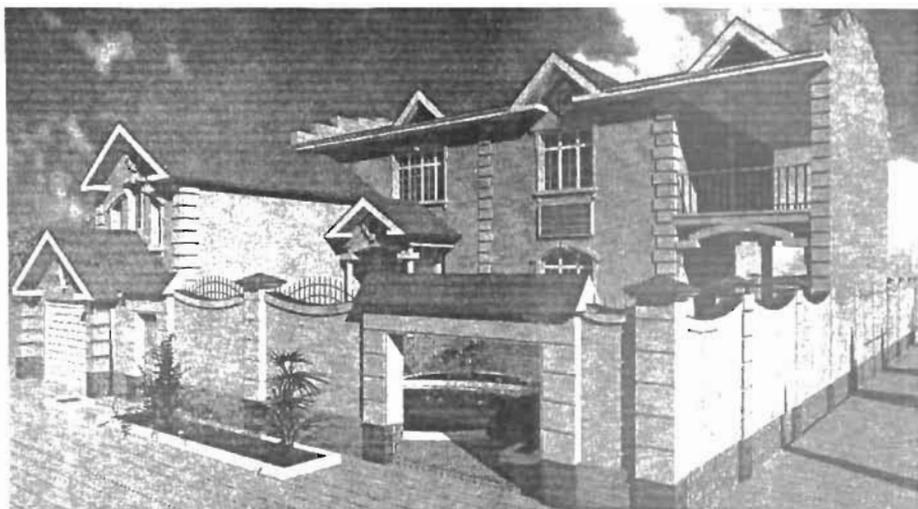
Ташкент.
Жилой дом
в Мирзо-Улугбекском районе

264. ТАШКЕНТ-САМАРКАНД. БАРОЧНОСТЬ СТИЛЕЙ ЖИЛЫХ ДОМОВ 2002 Г.

265. ТАШКЕНТ. ДОМ НА УЛИЦЕ ГЕНЕРАЛА УЗАКОВА. ХИДОЯТОВ Ш.Ш. 2007 Г.

266. ДОМА: ТАШКЕНТ (2009 Г.), КИБРАЙСКИЙ РАЙОН (2008 Г.). ХИДОЯТОВ Ш.Ш.

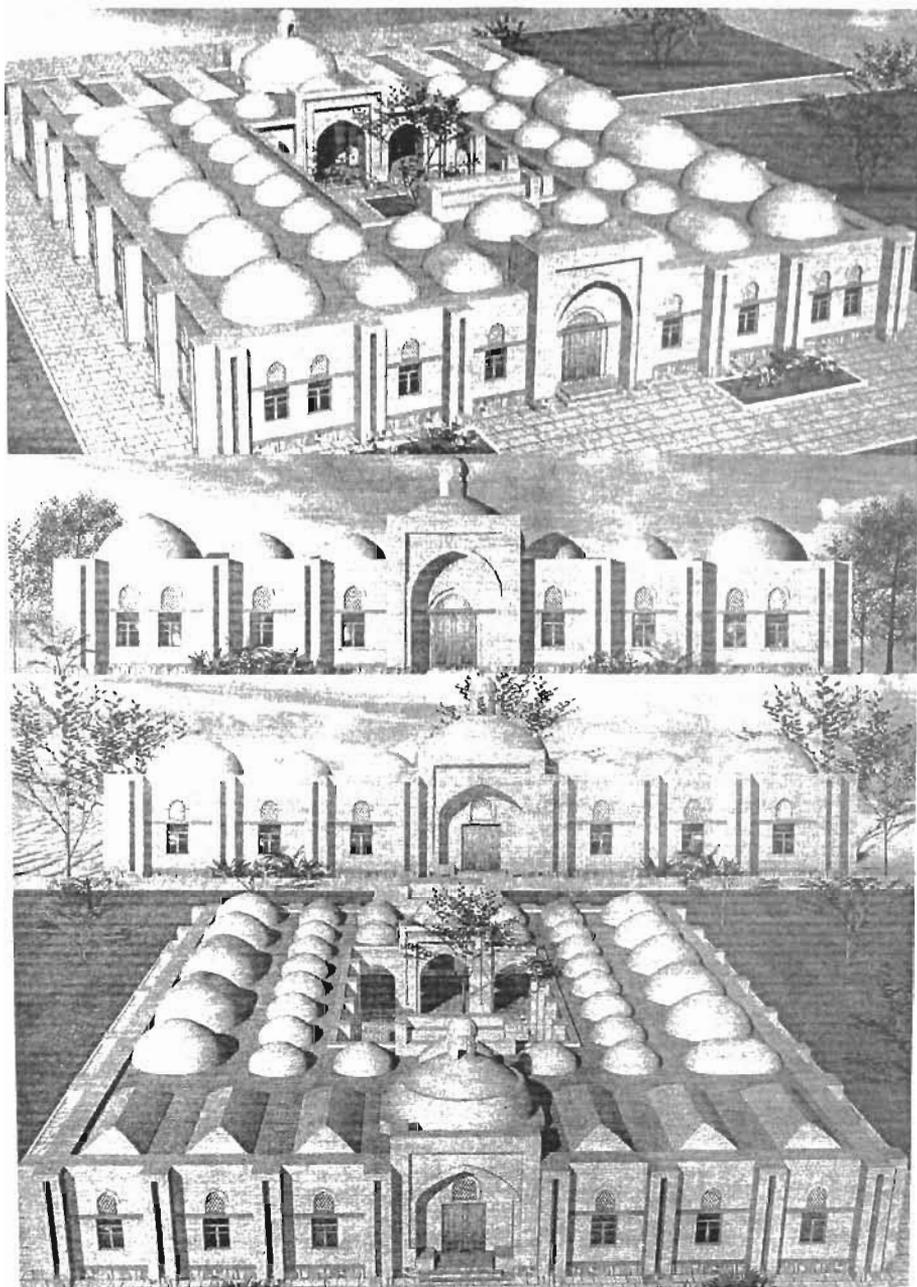
Мастерская натуральных красителей

Ташкент, улица Заркайнар, проезд Уйпаниш
2-й тупик, дом 1

Жилой дом в сельской местности

268. ЮНЕСКО ТАШКЕНТ: КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР В МОЗОРИ ШАРИФ. 2007 Г.

Дома Боготского района, Хорезм

3-4-комнатные 1-этажные и 5-комнатные 2-этажные дома, Каракалпакстан

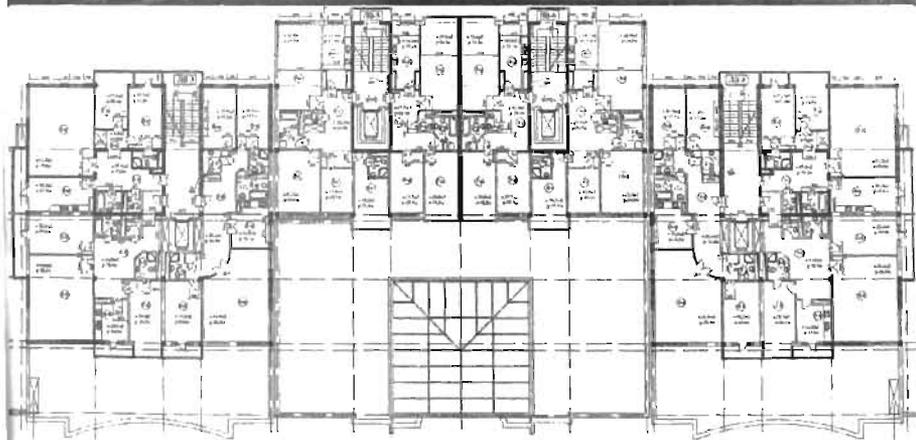
4-комнатный дом
Боготский район
Хорезм

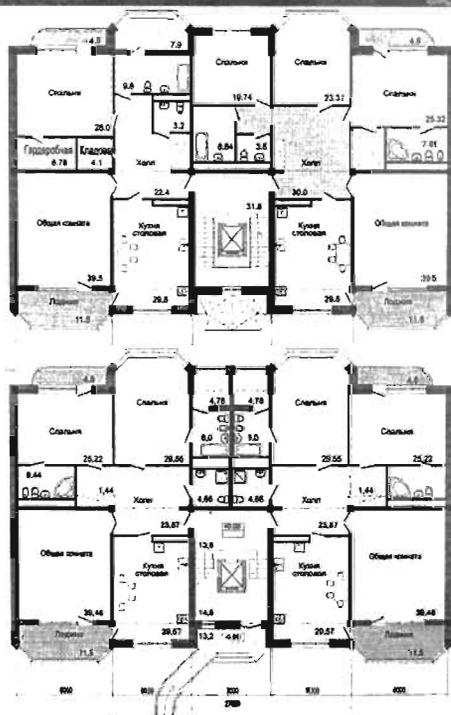
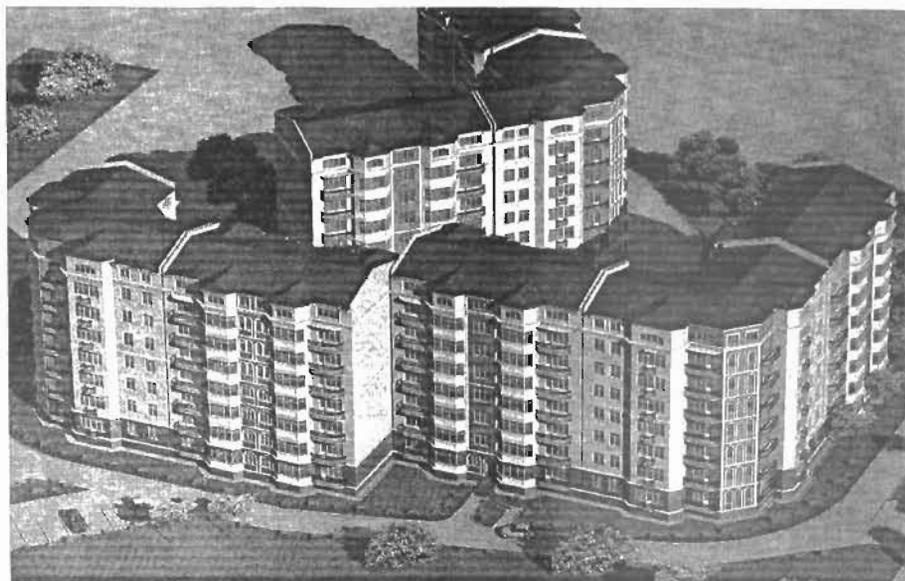
4-комнатный дом, Каракалпакстан

6-КОМНАТНЫЙ ДОМ
ВИД С ЗАДАТОК В ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
УПРАВЛЕНИЕ ИМУЩЕСТВА

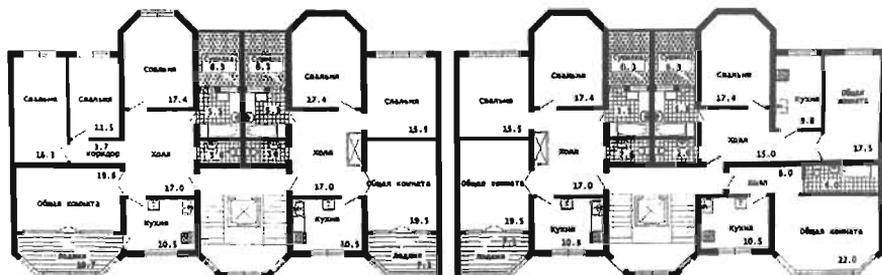
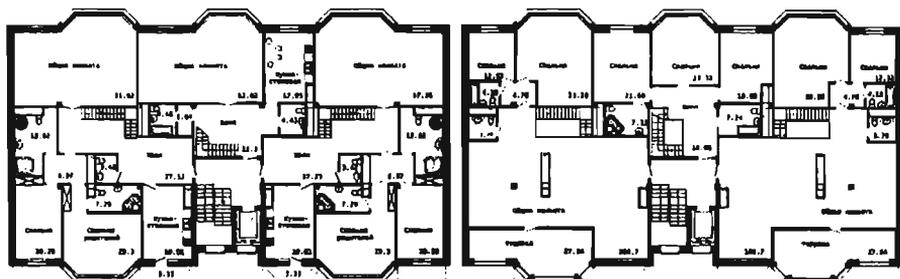
71 ТАШКЕНТ. ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС ШЕДЕВР. АЛИМОВ Н.Н., РАСУЛОВ Т.М. 2009-2010 ГГ.

272. ТАШКЕНТ. ЖИЛОЙ ДОМ В ДЖАНГОХ. ЕШИМБЕТОВА С.И., ТУНЕЕВА М.С. 2009-2011 ГГ.

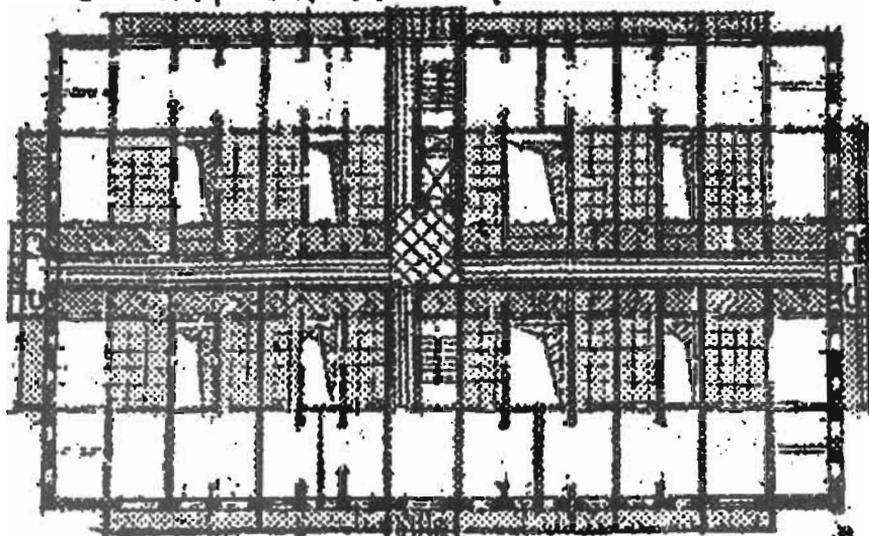

273. ТАШКЕНТ. ДОМ НА УЛИЦЕ А.КАДЫРИ. ЕШИМБЕТОВА С.И. И ДР. 2008-2011 ГГ.

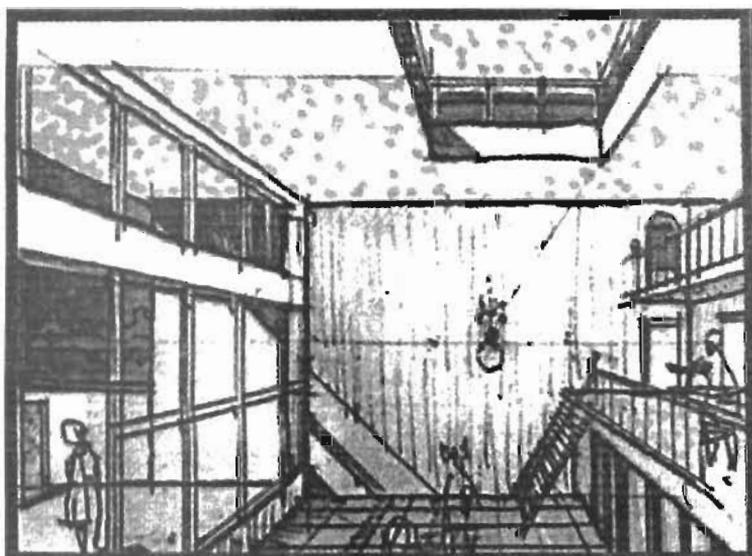
274. ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА УЛИЦЫ А.КАДЫРИ. ЕШИМБЕТОВА С.И. И ДР. 2008-2011 ГГ.

16 КВАРТИР НА ЭТАЖ

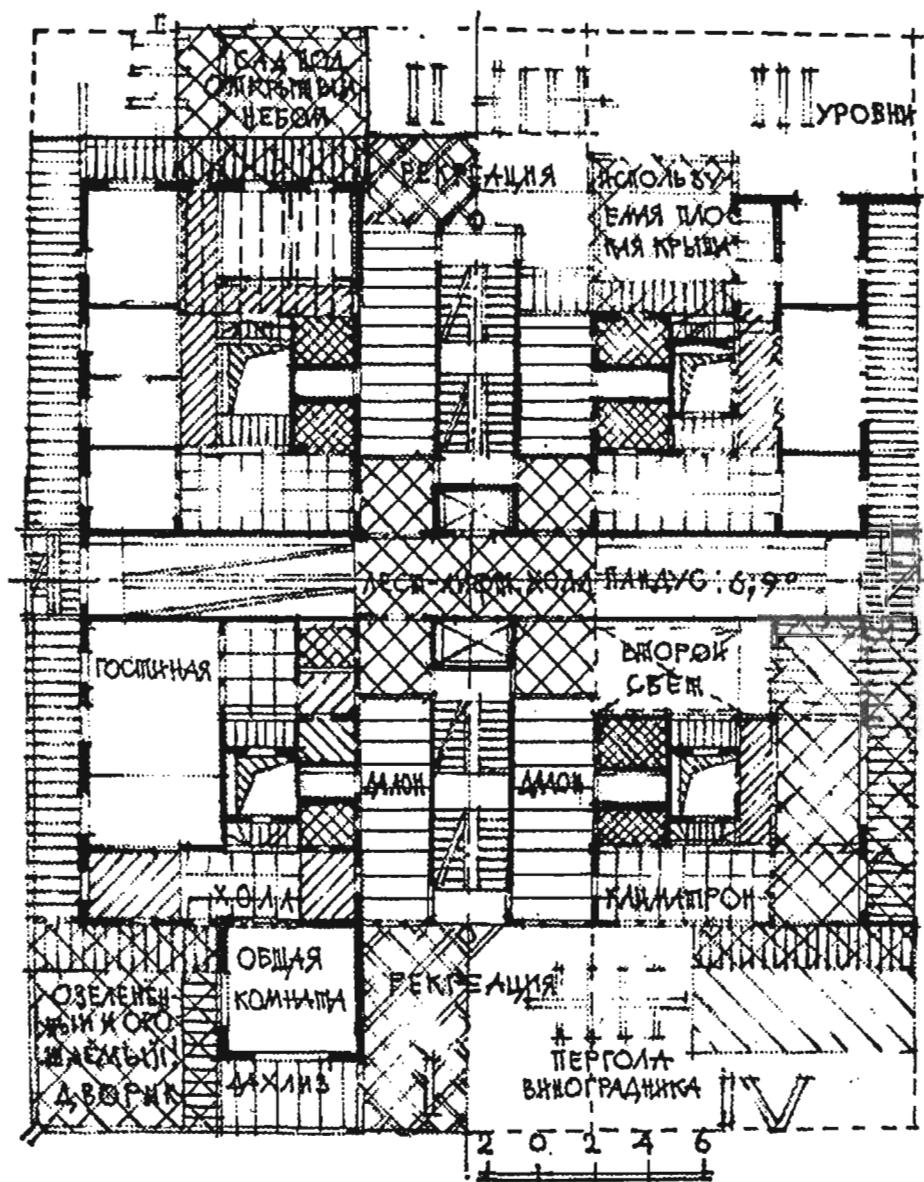

50.400

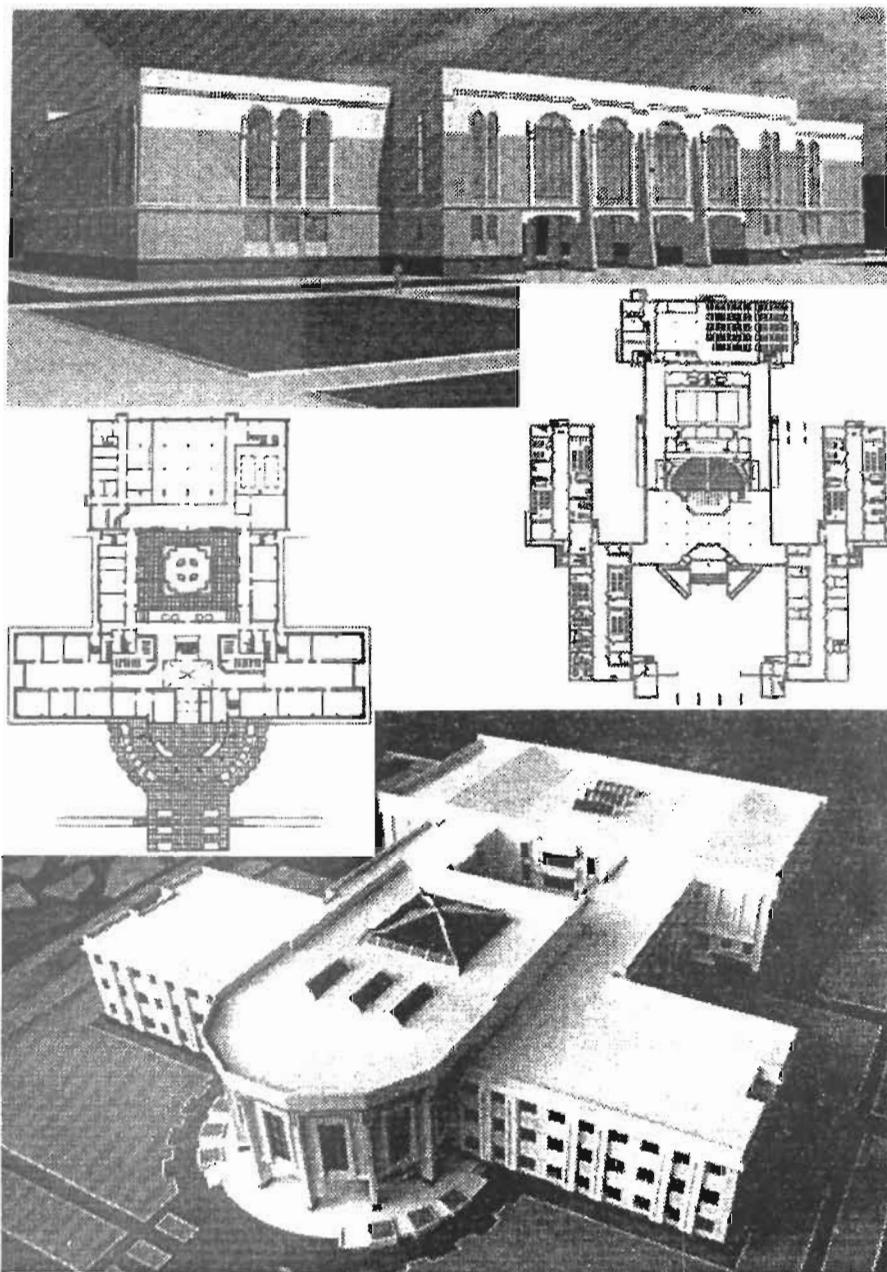
2 7 10 20 30 АДМ 24-30 ЭМ.

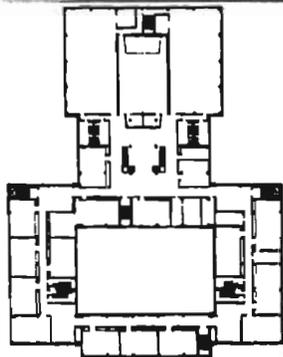
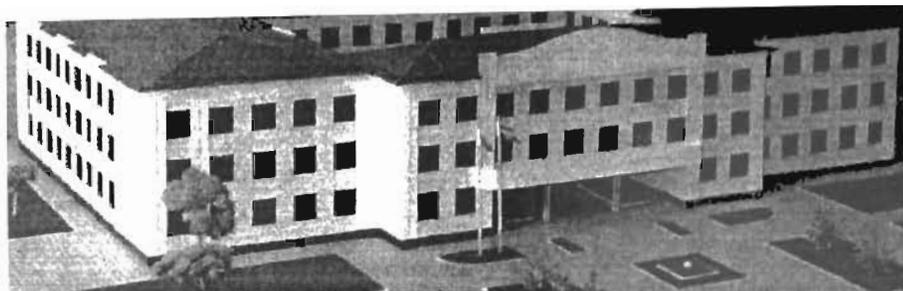
275. МНОГОЭТАЖНЫЙ ДОМ С 8 АЭРОШАХТАМИ И КЛИМАТРОНАМИ. ДЖАББАР О.С. 1999 Г.

276. ПРОЕКТНАЯ РАЗРАБОТКА 4-Х УРОВНЕЙ КЛИМАТРОНА. ДЖАББАР О.С. 1999 Г.

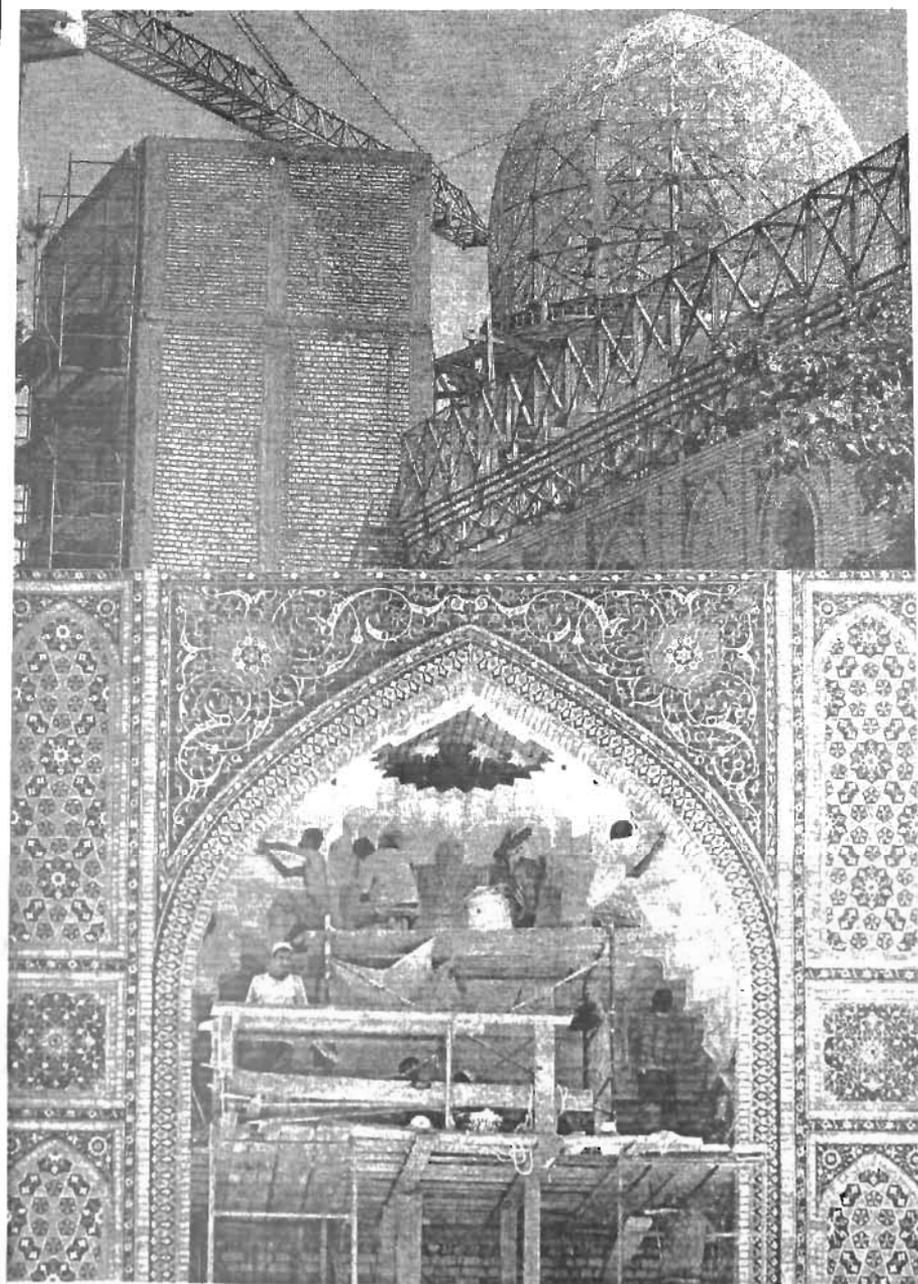
277. АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЛИЦЕИ НА 600 И 1050 УЧАЩИХСЯ. 1997-2005 ГГ.

278. РЕКОНСТРУКЦИЯ ШКОЛЫ. ТИПОВАЯ ШКОЛА НА 945 УЧАЩИХСЯ. 2005-2010 ГГ.

280. ТАШКЕНТ. ТУРИНСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ. 2009 Г.

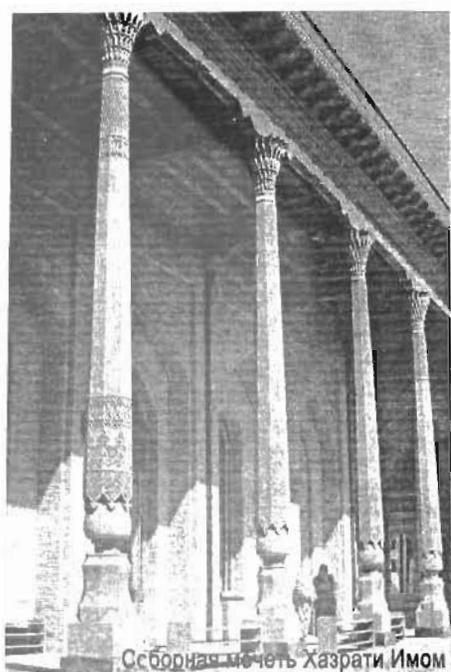
Bank Land.

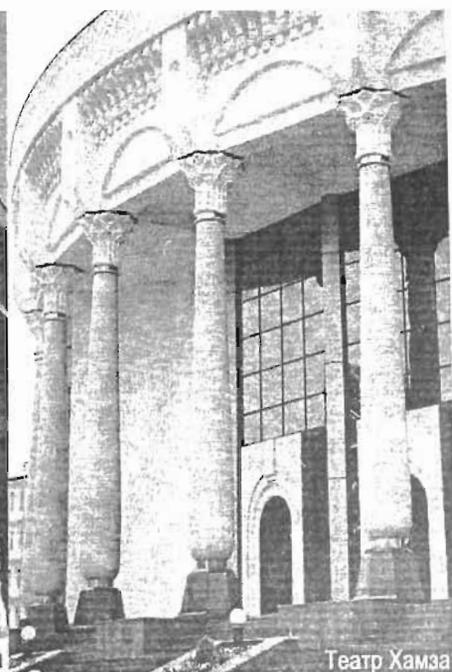
Ипотека банк, его новый корпус 1990-х гг., и Bank Land

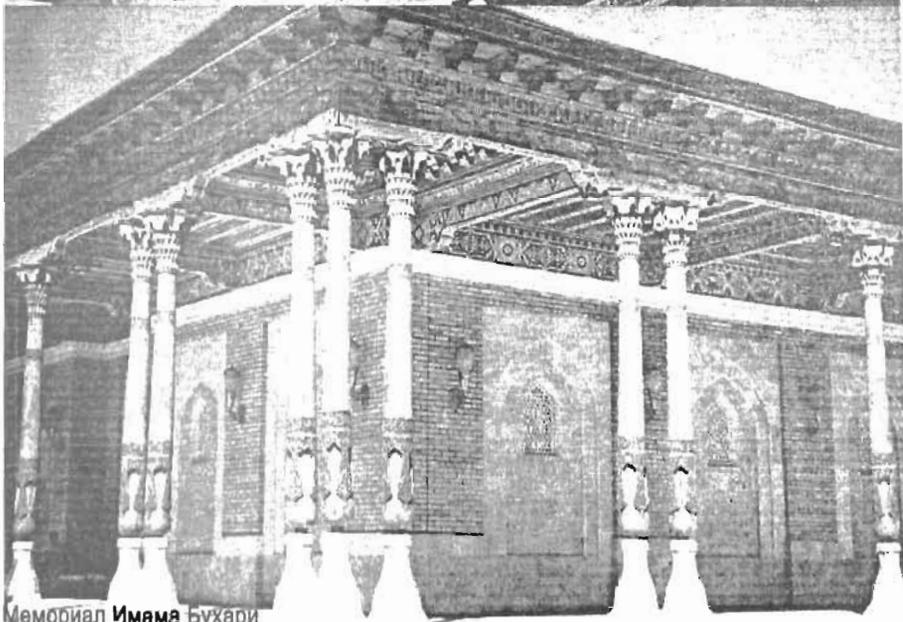
Аптека Каплан и Синювья.

Сборная мечеть Хазрати Имом

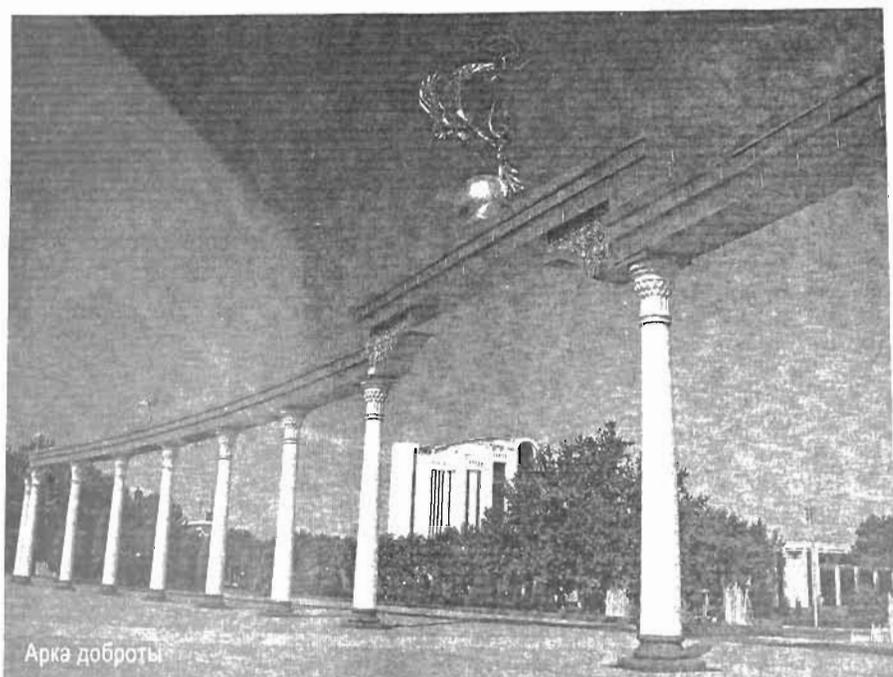
Театр Хамза

Мемориал Имама Бухари

284. ТАШКЕНТ. МЕЧЕТИ КАРАТАШ (НАЧАЛО 1990-Х) И ДЖАМИ (XV В.-1999 Г.).

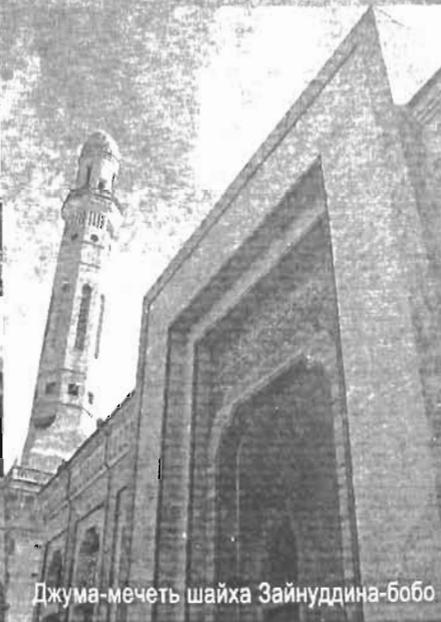
Арка доброты

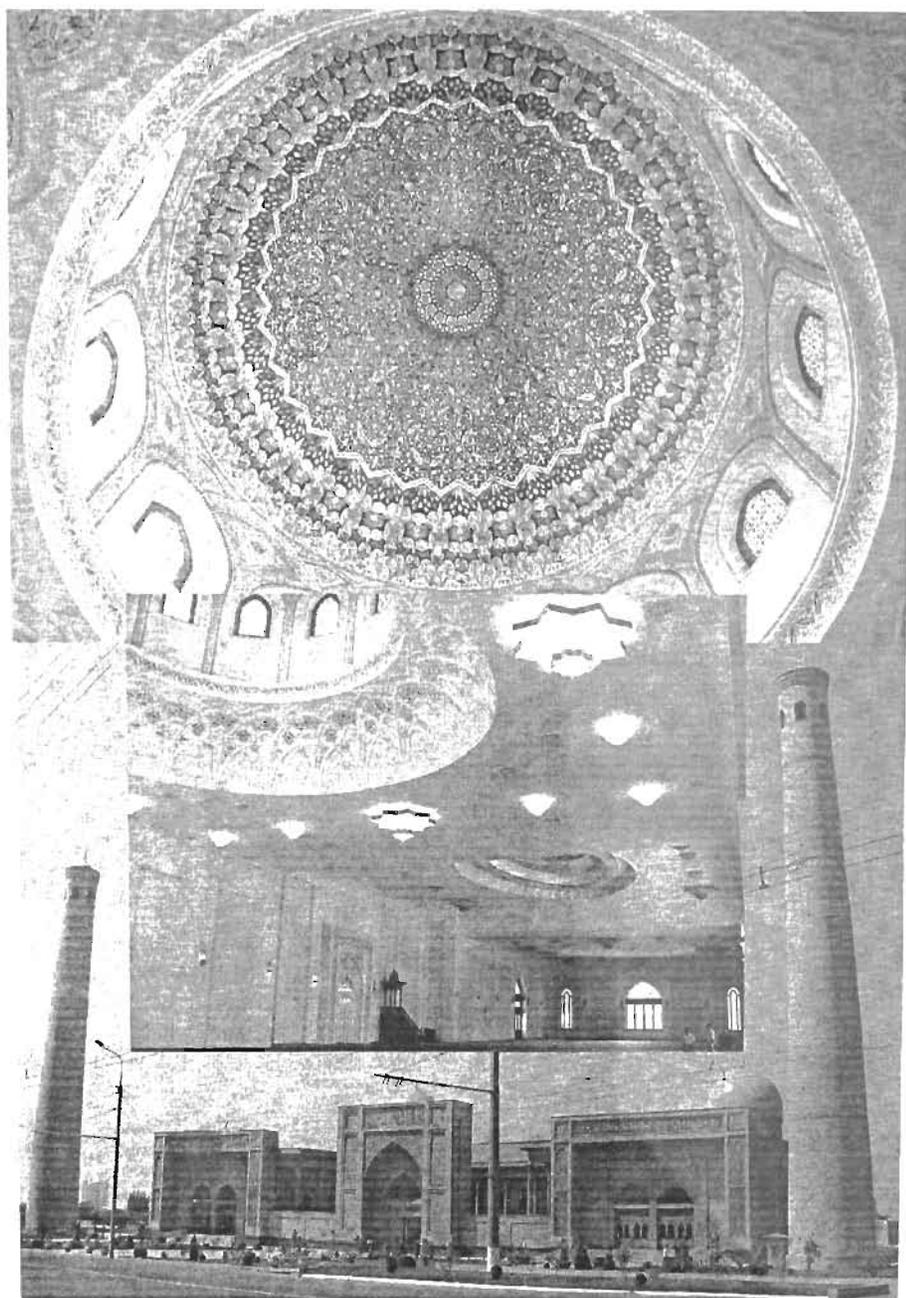
Миниатюра Мальва 1680 г

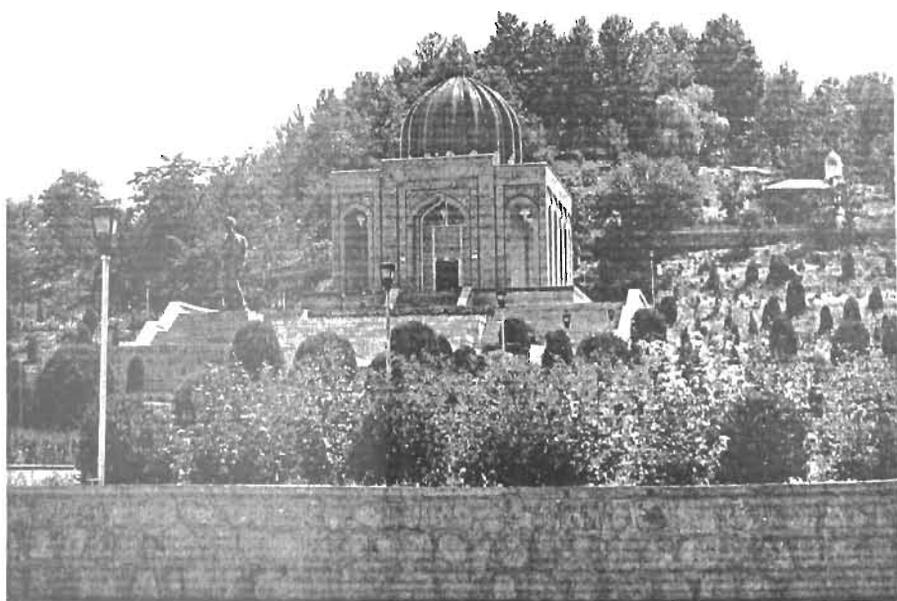
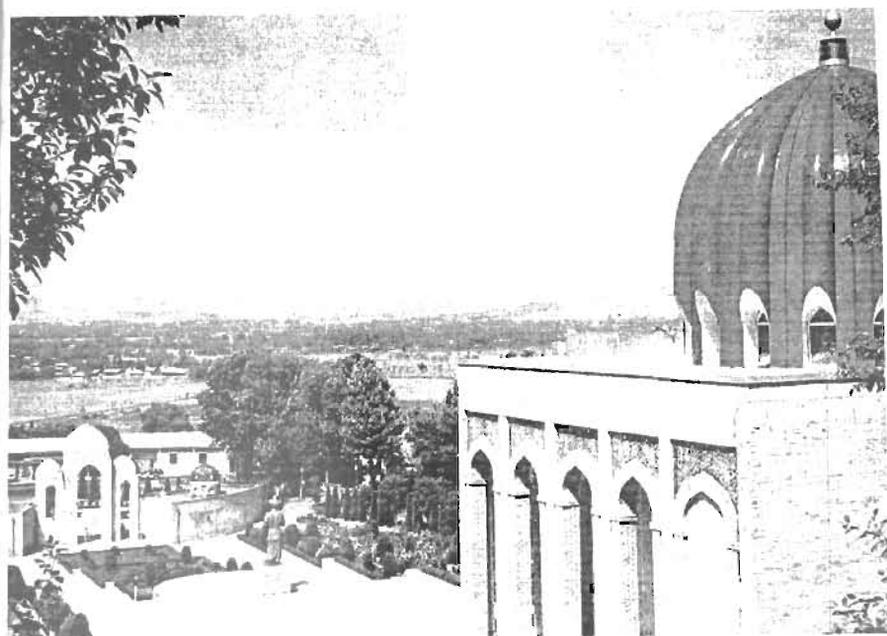
Фотихпур Сикри, XVI в.

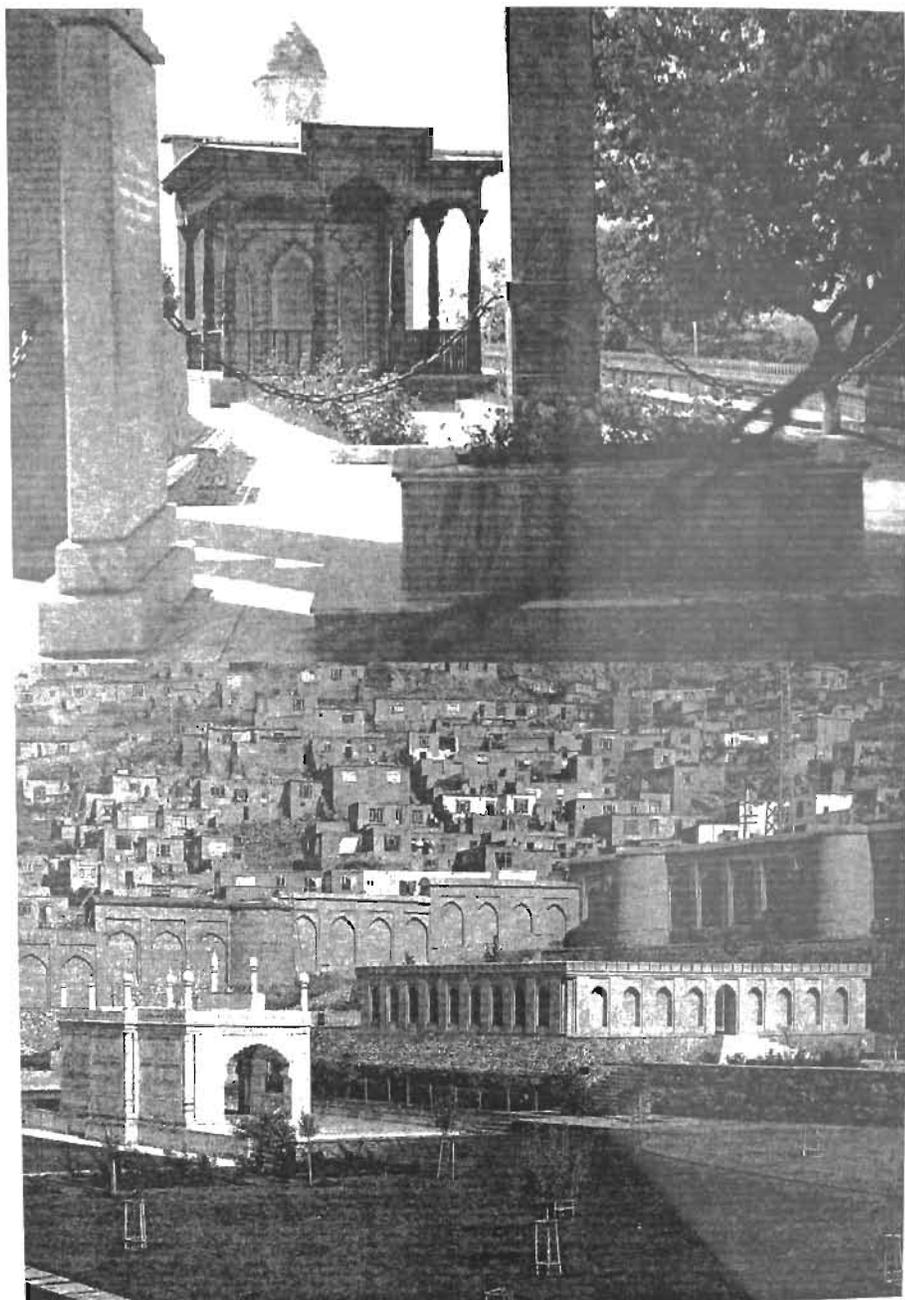
Джума-мечеть шейха Зайнуддина-бобо

286. ТАШКЕНТ. СОБОРНАЯ МЕЧЕТЬ ХАЗРАТИ ИМОМ. 2006-2007 ГГ.

287. АНДИЖАН. БОГИ БОБУР. ПАМЯТНИК, МУЗЕЙ, МЕЧЕТЬ, ОКРЕСТНОСТИ. 1990-Е ГГ.

288. МОГИЛА БОБУРА В КАБУЛЕ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ В БОГИ БОБУР АНДИЖАНА.

Шукур Джураевич Аскарлов

Архитектура Узбекистана и стран СНГ

Редактор: А.А. Вильчинская
Художник: Х.Гулямов
Компьютерная
вёрстка: Н.Хасанова

Издательство журнала "San'at", 2012
Ташкент, 100029, пл. Мустакиллик, 2. Тел. 239-44-51, факс 239-46-86.
Лицензия № 014 от 18.07.2003.
sanatys@globalnet.uz

Разрешено в печать 04.12.2012. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура «Arial Narrow». Офсетная печать.
Изд. печ.л. 56,0. Тираж 500. Заказ № 136.

Отпечатано в типографии
«Fan va texnologiyalar Markazining bosmaxonasi».
100066, г. Ташкент, ул. Алмазар, 171.

Шукур Джураевич Аскарлов

Доктор архитектуры: История и теория архитектуры, Градостроительство.
Академик Международной академии архитектуры стран Востока.

Профессор Ташкентского архитектурно-строительного института (1991-поныне).
Заведующий отделом архитектуры Института искусствознания (Ташкент, с 1992).
Заместитель директора Среднеазиатского института архитектуры (Ташкент, 1990-1992).
Заведующий отделом УзНИИП градостроительства (Ташкент, 1974-1990).
Диплом архитектора и аспирантура (Ташкентский политехнический институт, 1970-1973).

Член научного комитета, Всемирный конгресс «Купола в мире» (Флоренция, 2010-2012).
Консультант ЮНЕСКО, План менеджмента в историческом городе Бухары (2009-2011).
Приглашённый профессор Гарвардского университета и Университета Новой школы
(Бостон и Нью-Йорк, 2005-2007).

Член научного комитета, Всемирный конгресс архитектуры (Стамбул, 2004-2005).
Технический эксперт Премии Ага Хана по архитектуре (Анкара, Дели, Женева, 1995).
Эксперт ВАК Республики Узбекистан (Ташкент, 1993-2007).

ISBN 978-9943-388-43-7

9 789943 388437